

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 19, № 1, 2026

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некителов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 19, no. 1, 2026

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шабунова А.А. Главному редактору журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» В.А. Ильину – 85 лет	9
Тощенко Ж.Т. Мой идеал современного ученого (личные заметки)	12
Балацкий Е.В. Современная модель ученого-практика.....	14
Волконский В.А. К юбилею В.А. Ильина	16
Сапир Ж. О журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»	18

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО	19
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. Стратегическая дилемма опорных населённых пунктов: между саморазвитием и трансфертной зависимостью	57
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Растворцева С.Н., Бахвалова А.Н. Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны	73
Бездудная А.Г., Разумовский В.М., Иванов С.Л. Оценка развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне	94

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Кочетков С.В., Кочеткова О.В. Влияние инновационного развития на экономический рост в Российской Федерации	118
--	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Борисов О.И. Прогрессивное налогообложение дивидендов: динамика фискальных последствий и рисков в 2022–2028 гг.	140
--	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Бобков В.Н., Захаров И.Н., Шерстобитова Ю.А. Проблемы введения базового дохода в российскую национальную пенсионную систему 157
- Шматова Ю.Е., Нацун Л.Н., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. Социальное положение детей в регионе: от международных стандартов оценки к апробации системы индикаторов 177

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Соколова А.А. Региональные особенности квотирования иностранной рабочей силы в России 199
- Домнич Е.Л. Образование как драйвер демографического перехода для городского и сельского населения постсоветской России 221
- Федченко А.А., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Азарнова Т.В. Ресурсы роста: молодые люди вне системы занятости и образования 237

МИРОВОЙ ОПЫТ

- Хэ Сюньвэй, Патракова С.С., Мазилев Е.А. Государственное управление неиспользуемыми землями сельскохозяйственного назначения: опыт Китая и России 259
- Ильясов П.В., Андреева Е.Л. Оценка возможностей расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства 281
- Грядунов М.Ю. Взаимодействие некоммерческих организаций как фактор влияния на социально-экономические связи между странами БРИКС 294

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 306
- Правила приёма статей 319
- Информация о подписке 320

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Shabunova A.A. V.A. Ilyin, the Journal's "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" Editor-in-Chief, Celebrates His 85th Anniversary	9
Toschenko Zh.T. My Ideal of a Contemporary Scientist (Personal Reflections).....	12
Balatsky E.V. A Modern Model of a Scientist-Practitioner	14
Volkonsky V.A. On the Anniversary of V.A. Ilyin	16
Sapir J. About the Journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast"	18

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Efficiency of Strategic Public Administration: The State of Russian Society Following Four Years of the Special Military Operation	19
---	----

PUBLIC ADMINISTRATION

Buchwald E.M., Bessonov I.S. The Strategic Dilemma of Support Settlements: Between Self-Development and Transfer Dependence	57
---	----

REGIONAL ECONOMICS

Rastvortseva S.N., Bakhvalova A.N. Digital Divide in Russia's Regions: Assessment and Priorities in the Context of Achieving National Development Goals	73
Bezdudnaya A.G., Razumovsky V.M., Ivanov S.L. Assessment of Small and Medium-Sized Enterprise Development at the Regional Level	94

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Kochetkov S.V., Kochetkova O.V. The Impact of Innovative Development on Economic Growth in the Russian Federation	118
---	-----

PUBLIC FINANCE

Borisov O.I. Progressive Taxation of Dividends: The Dynamics of Fiscal Effects and Risks in 2022–2028	140
---	-----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A. Issues of Introducing a Basic Income into the Russian National Pension System..... 157
- Shmatova Yu.E., Natsun L.N., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. Social Situation of Children in the Region: From International Assessment Standards to the Testing of a System of Indicators 177

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Sokolova A.A. Regional Features of Foreign Labor Quotas in Russia 199
- Domnich Ye.L. Education as a Driver of Demographic Transition for Urban and Rural Populations in Post-Soviet Russia..... 221
- Fedchenko A.A., Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Azarnova T.V. Resources for Growth: Young People Outside Employment and Education 237

GLOBAL EXPERIENCE

- He Xiongwei, Patrakova S.S., Mazilov E.A. State Management of Idle Agricultural Lands: The Experience of China and Russia..... 259
- Ilyasov P.V., Andreeva E.L. Assessing the Opportunities for Expanding Trade and Economic Interactions among Countries of the Greater Eurasian Partnership..... 281
- Gryadunov M.Yu. Interaction of Non-Profit Organizations as a Factor Influencing Socio-Economic Ties among BRICS Countries 294

MONITORING STUDIES

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 306
- Manuscript Submission Guidelines..... 319
- Subscription Information..... 320

Главному редактору журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» В.А. Ильину – 85 лет

Владимир Александрович ИЛЬИН

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Вологодского научного центра Российской академии наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почётный доктор ВолНЦ РАН. Почетный гражданин города Вологды. Главный редактор журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Автор серии монографий и научных статей по проблемам эффективности государственного управления. Авторский капитал ученого (по данным РИНЦ на февраль 2026 г.): 442 публикации, из них 171 в ядре РИНЦ; более 6,6 тыс. цитирований; индекс Хирша – 39. Входит в 1% самых цитируемых российских ученых-экономистов.

Настоящий выпуск журнала открывает рубрика, посвященная 85-летию главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Владимира Александровича Ильина.

Ее авторами выступили известные экономисты и социологи, представляющие круг постоянных авторов и рецензентов журнала. Их очерки посвящены осмыслению многогранного вклада В.А. Ильина в развитие академической науки. Коллеги и единомышленники Владимира Александровича дают оценку его роли в становлении научного центра, в развитии журнала как авторитетной площадки для профессиональной дискуссии, а также в исследовании фундаментальных вопросов эффективности государственного управления. Представленные материалы служат выразительными зарисовками к портрету человека, который, по общему признанию, олицетворяет собой лучшие черты отечественной научной среды.

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Доктор экономических наук, директор Вологодского научного центра Российской академии наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Главный редактор журнала «Социальное пространство». Автор серии монографий и научных статей по проблемам демографии и здравоохранения.

Авторский капитал ученого (по данным РИНЦ на февраль 2026 г.): 425 публикаций, из них 142 в ядре РИНЦ; более 9,6 тыс. цитирований; индекс Хирша – 44. Входит в 1% самых цитируемых российских ученых-социологов.

19 января 2026 года исполнилось 85 лет научному руководителю Вологодского научного центра Российской академии наук члену-корреспонденту РАН, заслуженному деятелю науки РФ, главному редактору журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» Владимиру Александровичу Ильину. А в декабре прошлого года 35 лет со дня основания отметил Вологодский научный центр РАН.

Путь, пройденный нашим учреждением – от скромного регионального подразделения до научного центра федерального значения – это прямое воплощение замыслов и усилий Владимира Александровича, основателя ВолНЦ РАН. На протяжении 25 лет он был бессменным руководителем центра, а последние десять лет, в должности научного руководителя, передает свой уникальный опыт коллективу. Именно В.А. Ильин сформировал ту самую команду, которая сегодня определяет развитие центра. Секрет этого успеха, как часто повторяет сам Владимир Александрович, в системном подходе. Только благодаря системному видению можно было создать академическую науку в регионе в сложные 90-е годы, обеспечить её развитие и сплотить вокруг идеи и молодых, и опытных ученых.

За годы совместной работы я неоднократно убеждалась в управленческой и научной прозорливости Владимира Александровича. Он безошибочно определяет наиболее перспективные направления развития и последовательно воплощает их в жизнь. Среди таких идей, ставших визитными карточками ВолНЦ РАН, Научно-образовательный центр, готовящий кадры высшей квалификации; уникальный мониторинг общественного мнения, который ведётся более 20 лет; и, конечно, журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», который под руководством Владимира Александровича вошел в международную базу Web of Science и сегодня занимает ведущие позиции среди экономических изданий.

Юбилей Владимира Александровича — это повод взглянуть на масштаб его личности глазами видных учёных, которые знают его по совместной работе. В редакцию поступили очерки от члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко; д.э.н., профессора Е.В. Балацкого; д.э.н., профессора В.А. Волконского; иностранного члена РАН, профессора Ж. Сапира. Все они, каждый со своей стороны, увидели и отметили системность как главную составляющую многогранной деятельности В.А. Ильина, дали глубокие и точные характеристики, понимая, как сложно создать и десятилетиями удерживать на высоком уровне научную организацию.

Член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко точно подметил уникальную черту В.А. Ильина — органичный сплав глубокого практического знания производства и фундаментальной научной мысли, позволивший ему стать подлинным учёным-организатором, превратившим небольшой коллектив в признанный научный центр. Говоря о научных трудах В.А. Ильина, Жан Терентьевич считает, что они прежде всего привлекают читателя тем, что содержат реакцию исследователя на пионерные и мало разработанные проблемы современности — такие как общество травмы, социальное здоровье, общественный договор. Особо отмечая рубрику главного редактора, которую В.А. Ильин ведёт в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», Ж.Т. Тощенко характеризует его статьи как «глубокий и обстоятельный анализ общественных отношений».

Профессор Е.В. Балацкий называет В.А. Ильина «учёным-практиком», для которого важна не абстрактная теория, а научная продукция, способная реально повлиять на жизнь страны. Сегодня Владимир Александрович взял на себя нелёгкую миссию регулярного составления «фотографии» ситуации в стране в своих редакторских статьях, но главное его достижение — в том, что он остаётся учёным-организатором, создавшим один из ведущих региональных центров страны. Его житейская мудрость и фантастический оптимизм, как отмечает Е.В. Балацкий, делают его незаменимым и в 85 лет.

Профессор В.А. Волконский видит в трудах В.А. Ильина не просто научные изыскания, а настоящую летопись сложнейшего периода российской истории. Особую ценность, по мнению Виктора Александровича, представляет поднимаемая В.А. Ильиным проблема доверия общества к власти и идеологического единства. При этом, как замечает В.А. Волконский, Владимир Александрович демонстрирует мудрую сдержанность, понимая всю сложность исторических процессов и ту роль, которую должны играть эксперты, помогая власти в выборе верного пути.

Иностраннный член РАН, профессор Жак Сапир даёт оценку журналу «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Он характеризует журнал как «выдающееся научное достижение и большое интеллектуальное приключение», начавшееся 18 лет назад под руководством главного редактора В.А. Ильина. По мнению Ж. Сапира, включение издания в самую авторитетную международную базу служит признанием компетентности, научной строгости и последовательности работы редакции журнала.

Обобщая эти удивительно созвучные мнения, я понимаю, что все они говорят об одном: Владимир Александрович Ильин — это человек-эпоха, создавший уникальную систему для развития науки в регионе. Я вижу его каждый день и знаю, какой колоссальный труд стоит за каждым его и нашим достижением.

От лица дирекции и всего коллектива Вологодского научного центра РАН я ещё раз сердечно поздравляю Вас, Владимир Александрович, с 85-летием! Ваша энергия, мудрость и преданность делу все эти годы создают и поддерживают в нас особый боевой настрой и творческий потенциал. Мы бесконечно признательны Вам за целенаправленную работу по передаче уникального опыта и знаний молодому поколению. Благодаря Вашему таланту наставника выросла целая плеяда учеников, воплощающих Ваши идеи в жизнь. Желаем Вам крепкого здоровья, душевного спокойствия, сил и новых свершений на благо нашей Родины!

Мой идеал современного ученого (личные заметки)

Жан Терентьевич ТОЩЕНКО

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Главный редактор (1995–2018), председатель редакционного совета (с 2018 г.) журнала «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Почётный доктор Института социологии РАН, почетный профессор МГУ и РГГУ.

Автор монографии «Общество травмы: между революцией и эволюцией (Опыт теоретического и эмпирического анализа)» (2020 г.).

Авторский капитал ученого (по данным РИНЦ на февраль 2026 г.): 1 тыс. публикаций, из них 207 в ядре РИНЦ; более 17,5 тыс. цитирований; индекс Хирша – 63.

Входит в 1% самых цитируемых российских ученых-социологов.

При первом знакомстве и первом обмене размышлениями о современном состоянии российского общества с В.А. Ильиным у меня сложилось впечатление, что я разговариваю с руководителем крупного производственного предприятия, которые встречались на моем пути. Он олицетворял в моем представлении не только всестороннее знание практически всех значимых экономических и социальных проблем, но и высокий уровень способности делать глубокие научные выводы.

В связи с этим мне вспомнилась работа в роли заводского социолога на двух крупнейших предприятиях Сибири: Главкрасноярскстрое и Красноярском алюминиевом заводе, на которых работали десятки тысяч людей. Их руководители – соответственно В.П. Абовский и В.В. Стриго – были уникальными личностями, сочетая в своей деятельности широкие знания организации, технологии, экономики производства и в то же время признавая значение социальных проблем производства, созидательную роль тех людей, которые выполняли порученную им работу под их руководством. Иначе говоря, они были одновременно и руководителями конкретных производств, и научно мыслящими людьми, показывая пример, как надо управлять. Недаром их коллективы стали ведущими по многим параметрам. Именно в таком обличье предстал в моем воображении В.А. Ильин.

Об этой – производственной – странице в жизни В.А. Ильина я узнал спустя некоторое время. Работе на предприятиях Владимир Александрович посвятил более 30 лет, из них 12 лет как директор Вологодского оптико-механического завода. И в этой деятельности, я уверен, он не ограничивался только технико-технологическими и организационными проблемами. Поэтому переход на научную работу стал для него

своеобразным органическим переходом к новой сфере деятельности. И в науке его появление было более чем плодотворным, на мой взгляд, потому, что он с высокой степенью эффективности соединял в своих исследованиях глубокое знание реальной жизни и фундаментальных основ различных наук: экономики, социологии, психологии, права, политологии, а также некоторых естественно-научных дисциплин, таких как география, биология, математика.

Я считаю, что недостаток и ограниченность многих исследований в социальных науках порождены тем, что их носители нередко свою карьеру строили в пределах только своих научных организаций и своей сугубо научной деятельности, не зная или поверхностно зная то, что происходит в тех сферах жизни общества, проблемы которых они пытались познать.

Именно органический сплав глубокого знания производства и фундаментальных научных основ привел к тому, что В.А. Ильин занял достойное и заметное место в экономических науках.

Владимир Александрович наделен и природными чертами организатора. Это проявилось как на производстве, так и в научной деятельности: научный коллектив, который он возглавил в начале своего научного пути, он быстро превратил в крупный, признанный в России и мире исследовательский институт, получивший признание как практиков, так и Российской академии наук, избравшей его своим членом. Именно эти качества привели к тому, что В.А. Ильин стал координировать работу всех научных коллективов в Вологде.

Теперь скажу, что привлекает меня в трудах Владимира Александровича.

Во-первых, то, что через призму региональных проблем глубоко и обстоятельно анализируется состояние тенденций развития многих отраслей российской экономики в целом. Такой подход раскрывает как возмож-

ности, так и ограничения на региональном уровне и в то же время направляет усилия по использованию этого знания для достижения целей.

Во-вторых, тщательно и внимательно анализируются социальные проблемы во всей их сложности и противоречивости. Им всегда уделяется внимание при анализе самых различных сторон жизни как региона, так и страны, особенно в сравнении с соседями по Северо-Западному округу.

В-третьих, экономические и социальные проблемы, а также в значительной степени политические, анализируются с позиций проблем управления, высказываются рекомендации и суждения, имеющие четко выраженную направленность по их решению.

В-четвертых, в работах В.А. Ильина содержится реакция на многие такие пионерные, небесспорные и мало разработанные проблемы, как общество травмы, социальное здоровье, общественный договор.

Наконец, мониторинг состояния общественного мнения практически по всем сторонам жизни населения позволяет отслеживать изменения, которые созревают в сердцах и умах вологжан, что, соответственно, является базой для принятия обоснованных решений.

Особо хотелось сказать о колонке главного редактора в возглавляемом им журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», где находит отражение не просто комментарий к опубликованным статьям, а всегда глубокий и обстоятельный анализ состояния общественных (экономических, социальных, политических и духовных) отношений.

Я убежден, что Владимир Александрович еще многое сделает на научном поприще, подарит нам и, что особенно важно, управленческим органам идеи, выводы и рекомендации, имеющие созидательное значение.

Современная модель ученого-практика

Евгений Всеволодович БАЛАЦКИЙ

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории математической экономики ЦЭМИ РАН, главный научный сотрудник сектора социально-экономического развития и миграционных процессов ИМЭМО РАН. Автор серии публикаций по проблемам глобальных социально-экономических и технологических вызовов современности и социальных моделей ответа на них. Авторский капитал ученого (по данным РИНЦ на февраль 2026 г.): 512 публикаций, из них 243 в ядре РИНЦ; более 10 тыс. цитирований; индекс Хирша – 45. Входит в 1% самых цитируемых российских ученых-экономистов.

Мое знакомство с В.А. Ильиным состоялось по телефону, когда он позвонил мне и предложил перепечатать мою статью, вышедшую в издании «Общество и экономика». Она ему показалась настолько важной, что он решил ее разместить в своем журнале. Уже одно это для нашей страны и нашего времени является беспрецедентным фактом – главный редактор академического издания сам пристально мониторит всё интересное в других научных изданиях, находит нужные контакты и сам связывается с авторами, стараясь за счет их привлечения максимально улучшить содержание вверенного ему журнала. Однако впоследствии, когда я лично познакомился с Владимиром Александровичем и стал сотрудничать с ВолНЦ РАН, я узнал, что подбором интересных авторов и статей его активность не ограничивается.

Он рассылает значимые с его точки зрения статьи сотрудникам своего института и тем самым старается ознакомить их с новыми идеями и разработками. Он приглашает исследователей из других городов страны в Вологду, где они выступают с докладами в ВолНЦ РАН и дают внешнюю оценку разработкам сотрудников центра. Иногда Владимир Александрович организует публичные лекции в городе, куда приглашаются все желающие и представители городской администрации. И много-много других инициатив, о которых не расскажешь, но об одной из них следует упомянуть особо.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (ЭиСП) уже более 10 лет издается в полноформатном виде на двух языках – русском и английском. Причем перевод на английский язык – весьма качественный, что при личном контакте мне подтвердил один знакомый житель США: по его мнению, текст материалов близок к аутентичному английскому, является живым и пол-

ностью адекватным. Сегодня эта инициатива тиражируется на другие журналы ВолНЦ РАН — «Социальное пространство» и «Проблемы развития территории». Тем самым издания центра все активнее внедряются на мировой рынок знаний. При этом на моих глазах перечисленные три журнала превратились из сугубо региональных в общенациональные, в которых стремятся печататься даже самые известные исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Сегодня эти журналы медленно, но верно превращаются в международные издания, несмотря на крайне неблагоприятную международную обстановку. Для меня эти достижения являются неким эталоном для всех научных центров и журналов России, ибо мне известны буквально единицы организаций и периодических изданий, которые устойчиво присутствуют в русско- и англоязычном сегментах рынка научных исследований.

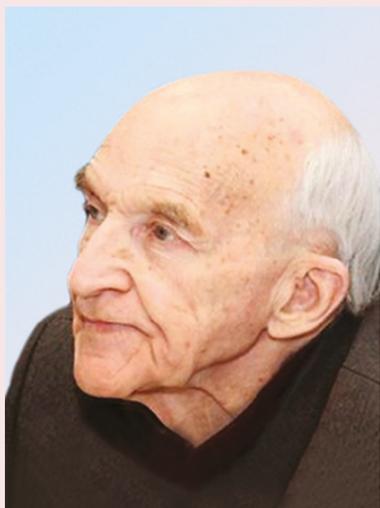
Что касается научного стиля Владимира Александровича, то здесь всё просто: он — учёный-практик. Более того, он сам сформулировал свое научное кредо: важна не индукция, дедукция или абдукция, а научная продукция. Речь идет о научной продукции, которая так или иначе влияла бы на жизнь страны. Это значит, что он «собирает» плодотворные идеи, концепции, практические механизмы и аналитический инструментарий, которые могут позволить по-новому посмотреть на серьезные проблемы страны и дать дополнительные возможности органам государственного управления. Сугубо теоретические и оторванные от жизни исследования профессора Ильина не интересуют. Может показаться, что это совершенно нормальная позиция, однако это не совсем

так — сегодняшняя академическая наука России в лице как отдельных исследователей, так и руководителей организаций тяготеет к бесплодным умозрительным изысканиям. В.А. Ильин «выгребает» против этого деструктивного тренда — и этот факт трудно переоценить.

Сегодня В.А. Ильин как исследователь взял на себя нелегкую и во многом неблагодарную миссию по регулярному составлению «фотографии» ситуации в стране в рамках редакторских статей. Эта работа дает исходный материал для периодического подведения итогов того, куда идет Россия и в каких управленческих решениях она нуждается. Однако было бы большой ошибкой воспринимать В.А. Ильина как индивидуального исследователя; он таковым давно не является — он ученый-организатор. И то, что сегодня небольшой по российским меркам ВолНЦ РАН стал одним из ведущих региональных научных центров страны — лучшее тому доказательство.

С точки зрения личных качеств Владимира Александровича ключевыми являются его житейская мудрость и поистине фантастический оптимизм. Ничто не может его обескуражить, духовно надломить или лишить активности. Думаю, эти качества вкупе с его научными и организационными навыками делают его незаменимым элементом вологодской научной системы даже в его 85 лет. Люди его уровня и возраста становятся воплощением национальной научной среды, которая необходима более молодым поколениям как воздух. Учитывая же творческие замыслы В.А. Ильина, в будущем он еще не раз сможет нас удивить и порадовать своими инновационными начинаниями и проектами.

К юбилею В.А. Ильина

Виктор Александрович ВОЛКОНСКИЙ

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Лауреат премии Международного научного фонда экономических исследований Н.П. Федоренко (2003) в номинации «За выдающийся вклад в развитие экономической науки России». Автор монографии «Драма духовной истории: Внеэкономические основания экономического кризиса» (2002 г.). Авторский капитал ученого (по данным РИНЦ на февраль 2026 г.): 135 публикаций, из них 60 в ядре РИНЦ; около 2,5 тыс. цитирований; индекс Хирша – 24. Входит в 2% самых цитируемых российских ученых-экономистов.

Я рад поздравить Владимира Александровича с юбилеем. Думаю, все российские экономисты готовы пожелать ему много лет такой же плодотворной жизни и деятельности – не формально, а от души. Его работы и возглавляемый им журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» действительно двигают вперед науку, и не только ее экономическую и социологическую отрасли, а всю науку об обществе, расширяют ее горизонты. Последние несколько лет я публикую большую часть своих статей именно в этом журнале. Российские экономические журналы обычно ограничивают свою тематику собственно экономическими и политическими проблемами. Меня же последнее время интересуют факторы, хотя и связанные с экономикой, но относящиеся к другим гуманитарным областям – к истории, психологии, философии. И оказывается, что найти научный журнал, готовый печатать такие статьи, нелегкая задача. Журнал «Экономические и социальные перемены» – прекрасный образец сочетания глубины и широты освещаемых проблем. В нем вы найдете как глубокое и подробное изложение конкретных острых вопросов, требующих быстрого решения, так и обсуждение вечных проблем человечества. По моему мнению, это один из лучших экономических журналов в стране.

Ряд статей и книга «На трудном пути к исцелению от «травмы»... 25 лет реализации В.В. Путиним курса национального развития Российской Федерации» (В.А. Ильин, М.В. Морев) посвящены оценке, осмыслению современного этапа российской истории. Эти работы, я думаю, будут восприниматься нашими потомками как летопись о нашем очень непростом периоде. О том, как В.В. Путин всё глубже осознавал ситуацию и этап за этапом вытаски-

вал Россию из состояния полукolonии. Именно на эти работы будут чаще всего ссылаться, хотя бы потому, что авторами собран огромный объем исходных данных для описания каждого события, для обоснования каждого тезиса. Этот материал включает как цифровые данные, так и цитаты из законодательных документов и высказываний авторитетных политиков, ученых, публицистов. Этот материал показывает, как те или иные события и идеи воспринимаются обществом (мы сами, ныне живущие, не всегда это знаем!). В дополнение к этому материалу Вологодским научным центром РАН (научным руководителем которого также является В.А. Ильин) регулярно проводятся социальные опросы.

Но важнее, конечно, то, что в работах В.А. Ильина выдвигаются и исследуются главные проблемы и задачи, стоящие перед обществом, их осознание элитой, президентом, народом. Важнейшая из этих проблем — идеологическое единство общества, устранение сохраняющихся с 90-х годов опасностей расколов: между богатейшими олигархами и большинством населения, между бюрократией и народом, между частью прозападно настроенной элиты и патриотическим ядром народа.

Работы В.А. Ильина и его журнал дают яркую и подробную картину борьбы президента и патриотов за оздоровление общества. Результаты этой борьбы — медленное, но неуклонное укрепление общественного сознания на основе традиционной высшей ценности — суверенитета общества и государства.

Другой вопрос, значение которого всесторонне высвечивается в картине российского общества В.А. Ильина, — это вопрос доверия, согласия россиян с политикой и идеологией путинского пути. Он показывает, что многие авторитетные мыслители и деятели России критикуют власть за слишком осторожную международную политику, за противодействие высоким темпам экономического роста, за вредоносную деятельность Центробанка, то есть настаивают на радикализации политического курса. В.А. Ильин не высказывает однозначной позиции по этому вопросу. Я понимаю позицию Владимира Александровича следующим образом.

В настоящее время исторические процессы (прежде всего духовно-идеологические) движутся к перемене мирового порядка, к лучшему. Руководство российского государства должно очень внимательно оценивать, какие из радикальных изменений политического курса могут привести к нежелательной активизации этих процессов. Роль российских экспертов (даже оппонентов) должна ограничиваться помощью президенту в выборе сроков и направлений таких радикальных перемен.

Недавно я узнал, что Вологодский научный центр РАН создавался В.А. Ильиным в тяжелейшее для страны время — в 1990-е годы, в 2008 уже начал выходить журнал. Именно благодаря таким людям, как Владимир Александрович, Россия — образец устойчивого движения по трудному пути культуры и цивилизации.

Еще раз поздравляю от всей души.

О журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

Жак САПИР

Профессор экономики, научный руководитель Высшей школы социальных наук ENESS, директор Центра исследований моделей индустриализации Высшей школы социальных наук SEMI-ENESS (Франция), доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, иностранный член РАН.

Специалист по исследованиям проблем России и стран СНГ. Член редколлегии журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

Авторский капитал ученого (по МНБД Scopus на февраль 2026 г.): 61 публикация; 126 цитирований; индекс Хирша – 6.

Научный журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» стал заметным явлением в российских и международных академических кругах. Во многом это произошло благодаря работе, проделанной с момента его основания в 2008 году редакционной коллегией под руководством профессора В.А. Ильина. Он собрал выдающуюся команду, которая неустанно работает над тем, чтобы сделать журнал настоящим эталоном в своей научной области.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» охватывает широкий спектр тем. Это междисциплинарное издание, способствующее диалогу между экономистами, социологами и политологами. В нем публикуются статьи на самые разные темы: экономическая теория, математические, статистические и инструментальные методы в экономике, теория, методология и история социологии, демография, а также связанные с прикладными науками, такими как изучение мировой экономики, финансовые вопросы, исследования региональной и отраслевой экономики, экономическая социология, политическая социология, социология культуры, менеджмент.

Включение журнала в базу данных Web of Science (ESCI) в 2015 году послужило признанием компетентности, строгости и последовательности работы его редакционной коллегии под руководством В.А. Ильина. Журнал стал одним из ведущих экономических журналов в России и был включен в первый уровень Единого государственного реестра научных изданий. Присутствие в редакционной коллегии и редакционном совете исследователей из разных стран свидетельствует о международном признании издания, а также об интеллектуальном плюрализме, который поддерживается в нем с момента основания.

Таким образом, научный журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» — это выдающееся научное достижение и большое интеллектуальное приключение, которое началось 18 лет назад и продолжается под руководством главного редактора профессора В.А. Ильина, 85-летие которого мы отмечаем.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Глубокий цивилизационный кризис, который переживает человечество в первой половине XXI века, особенности формирования новой многополярности и вызовы, с которыми сталкивается Россия в ходе этого процесса, повышают актуальность вопросов, связанных со стратегической эффективностью государственного управления. Авторы акцентируют внимание на важности научного подхода к осмыслению позиций России в историческом процессе формирования многополярного мира, а также по итогам четырех лет проведения специальной военной операции. Для оценки эффективности стратегического государственного управления применяется «модель эволюционного скачка» (Е.В. Балацкий), опирающаяся на классические теории историков, философов, социологов (Л. Гумилев, А. Шопенгауэр, А. Тойнби, Э. Тодд и др.). Также в статье анализируется динамика состояния российского общества, проблема каче-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2026). Efficiency of strategic public administration: The state of Russian society following four years of the special military operation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6

ства правящих элит как носителей «пассионарной энергии» (Л. Гумилев), от которых прежде всего зависит дальнейшая судьба страны – либо «эволюционный скачок» на следующий этап исторического развития, либо кризис государственности, создающий прямую угрозу её исчезновения. В своих выводах авторы опираются на данные общероссийских и региональных социологических исследований, показатели официальной статистики, реальные факты и экспертные мнения, что позволяет дать комплексную оценку эффективности государственного управления, в том числе ее стратегических аспектов: целеполагания, долгосрочных последствий, мотивации лиц, принимающих управленческие решения, и т. д. Приведенные в статье субъективные оценки и объективные данные указывают на острую необходимость повышения эффективности стратегического государственного управления. Президент РФ, который на протяжении последних 25 лет на практике доказал свою стратегическую дальновидность, должен применить это качество в отношении правящих элит, многие решения которых по-прежнему противоречат национальным интересам и, как показывают результаты исследования, усугубляют проблему отчуждения общества от государства. Авторский капитал исследования состоит в применении модели «эволюционного скачка» для оценки эффективности стратегического государственного управления, а также для оценки состояния общества и качества правящих элит в современной России.

Ключевые слова: эффективность стратегического государственного управления, цивилизационный кризис, новая многополярность, модель «эволюционного скачка», пассионарность, Президент РФ, правящие элиты, общественное мнение.

В первой половине XXI века мировая цивилизация переживает очередной глобальный социокультурный, цивилизационный, геополитический кризис. Как подчеркивал Президент РФ В.В. Путин еще в 2021 году (до начала СВО), *«кризис, с которым мы имеем дело, концептуальный, даже цивилизационный... это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на Земле»*. И, разумеется, это обстоятельство актуализирует задачу **повышения эффективности стратегического государственного управления**, то есть стратегического прогнозирования будущего, способности мыслить масштабными историческими, цивилизационными категориями.

Следует отметить, что в российском законодательстве нет четкого определения термина «стратегическое государственное управление»¹,

«Мы уже живём [в эпоху перемен], хотим мы того или нет, и перемены эти всё глубже, всё фундаментальнее... **Кризис, с которым мы имеем дело, – концептуальный, даже цивилизационный. По сути, это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на Земле...** Это не просто сдвиг баланса сил или научно-технологический прорыв, хотя и то, и другое сейчас тоже, конечно, имеет место. **Мы сегодня столкнулись с одновременными системными изменениями по всем направлениям:** от усложняющегося геофизического состояния нашей планеты до всё более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чём смысл его существования»².

¹ Вместо этого в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172 (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» даны следующие определения:

1) стратегическое планирование – деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации;

2) государственное управление – деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

² Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66975?ysclid=mlrleg8wpi868699092>

2008 г.: «Сегодня мы уже формулируем для себя цели и задачи не на месяц, не на два вперёд, а на 20–30 лет вперёд»³.

2012 г.: «Необходим именно долгосрочный государственный подход, учитывающий интересы и регионов, и практически всех отраслей экономики, геополитические и социальные факторы. Нужно смотреть на 10, 20, 30 лет вперёд»⁴.

2022 г.: «Всегда – при принятии любых решений – нужно вычленять главное. Что для нас главное? Быть независимыми, самостоятельными, суверенными и обеспечить развитие на будущее и сейчас, и будущим поколениям...»⁵

2023 г.: «Страна всегда думала о будущем. И мы с вами, конечно же, должны поступать именно таким образом. Всегда, при любых обстоятельствах думать о будущем народа и нашего государства. Мы так и делаем»⁶.

2025 г.: «... сама идея [о строительстве Транссибирской магистрали через всю страну до Тихого океана] служит для нас примером стратегического видения будущего, когда в расчёт принимаются не только текущие потребности и обстоятельства, но и интересы страны на столетия вперёд...»⁷

однако глава государства регулярно обращает внимание на необходимость именно стратегического, долгосрочного подхода в реализации тех или иных управленческих решений; требует принимать во внимание *«не только текущие потребности и обстоятельства, но и интересы страны на столетия вперёд»*.

Для Российской Федерации актуализация вопросов, связанных с повышением эффективности стратегического государственного управления, обусловлена двумя обстоятельствами.

Во-первых, сегодня, в период проведения СВО, которая началась 24 февраля 2022 года и которой отмечается уже четвертая годовщина, Российская Федерация проходит переломный этап своей истории.

Дело в том, что каждое крупное государство-цивилизация (которое обладает длительной историей существования, играло и играет значительную роль в культурном, экономическом и геополитическом пространстве всей мировой цивилизации) развивается циклично и неоднократно преодолевало критические периоды, требующие мобилизации всех сил и ресурсов⁸.

³ Выступление В. Путина на церемонии вступления Д. Медведева в должность Президента РФ 7 мая 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2>

⁴ Вступительное слово В. Путина на совещании по развитию железнодорожной инфраструктуры и скоростного движения 26 апреля 2012 г. // Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18783/>

⁵ Выступление В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68669>

⁶ Выступление В. Путина на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/72863>

⁷ Выступление В. Путина на Пленарном заседании VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» 27 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76554>

⁸ Например. В США:

- ✓ Экономический кризис 1780-х гг. из-за долгов, возникших во время войны за независимость;
- ✓ Гражданская война (1861–1865);
- ✓ Период «Великой депрессии» 1930-х гг.

В Китае:

- ✓ Крестьянская война 1628–1644 годов;
- ✓ Кризис в Цинской империи в конце XVIII века;
- ✓ Синьхайская революция (1911);
- ✓ Кризис в период «Большого скачка» (1958–1960).

В Индии:

- ✓ Кризис империи Великих Моголов в период правления падишаха Аурангзеба (1658–1707);
- ✓ Кризис Британской Индии в XIX веке;
- ✓ Кризис независимой Индии (1960-е – 1970-е гг.);
- ✓ Кризис 1991 года;
- ✓ Экономический кризис платёжного баланса в 1991 году.

Как писал русский социолог, философ Н.Я. Данилевский, на мнение которого дважды опирался президент в своих публичных выступлениях (1 ноября 2018 года на заседании Всемирного русского собора⁹ и 27 октября 2022 года на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»¹⁰), «история не линейна, а представляет собой совокупность цивилизаций, которые находятся в постоянном цикле становления и увядания... Каждая цивилизация проходит определённые стадии развития: зарождение, процветание, увядание и гибель»¹¹.

«Проверка на прочность» в виде критических этапов жизненного цикла государства-цивилизации по-настоящему закаляет его и делает государство более сильным, позволяет ему выйти на новые исторические рубежи развития. **Но только в том случае, если оно оказывается способным извлечь уроки из предыдущего опыта, и с учетом этого накопленного опыта — найти эффективный и быстрый ответ на вызовы настоящего.**

В этом и состоит вызов для президента и для всей системы государственного управления, которой он руководит. Российская (или рус-

ская) цивилизация — не исключение из правил, и за свою более чем тысячелетнюю историю она также неоднократно сталкивалась с кризисами государственности, фактически находилась на грани исчезновения¹².

Сегодня, в период проведения специальной военной операции, Россия снова проходит именно такой этап в своем развитии. Как отметил В.В. Путин, «*все должны понимать, в какое время мы живём и через какой исторический этап проходит Россия. А если мы это понимаем, то все, все должны работать, как на линии фронта. Все должны себя чувствовать мобилизованными, и только так мы добьёмся тех целей, которые перед собой ставим*»¹³.

М. Емельянов¹⁴: «Некоторые российские политики полагают преодолению однополярности мира конечной целью российской внешней политики, после достижения которой наступит благодать в международных отношениях. **Это не так! Многополярное мироустройство рождает новые архисерьезные вызовы для России и ее дипломатии**»¹⁵.

⁹ Выдержка из выступления В. Путина: «Невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: «...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития...» (источник: Выступление В. Путина на заседании Всемирного русского собора 1 ноября 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59013>)

¹⁰ Выдержка из выступления В. Путина: «Хочу здесь привести слова великого русского философа Николая Яковлевича Данилевского, который считал, что прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, как нас подталкивают некоторые наши оппоненты, — в таком случае прогресс скоро бы прекратился, говорит Данилевский, — а в том, чтобы «исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». И он добавляет, что ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития» (источник: Выступление В. Путина на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>).

¹¹ Казаринов Ю.Г. Россия и Запад: современная ситуация. По трудам российского философа Н.Я. Данилевского // Лекция в Литературной гостиной в рамках клуба «Знание». 13.01.2023. URL: <https://herzenlib.ru/main/news/detail.php?ID=82853&ysclid=mlkr1xk9hj686660426>

¹² Например. В России:

- ✓ «Смутное время» в конце XVI — начале XVII века;
- ✓ Отечественная война 1812 г.;
- ✓ Кризис Российской империи (революции 1905—1907 и 1917 гг.);
- ✓ Великая Отечественная война (1941—1945 гг.);
- ✓ «Холодная война» 1945—1991 гг. (распад СССР);
- ✓ Начало СВО (24 февраля 2022 г.).

¹³ Выступление В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития 29 мая 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74162>

¹⁴ Емельянов Михаил Васильевич — кандидат юридических наук, депутат Государственной Думы РФ II—VII созывов (1995—2021 гг.), председатель Совета регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Ростовской области. Автор более 50 научных публикаций по вопросам государственного управления, конституционному праву и избирательному законодательству.

¹⁵ Емельянов М. Новая многополярность — не такая, на какую рассчитывала Россия // Независимая газета. 20.01.2026. URL: https://www.ng.ru/vision/2026-01-20/8_9419_multipolarity.html?ysclid=mknkof9yu294865114

Второе обстоятельство, актуализирующее вопрос о повышении эффективности стратегического государственного управления, связано с тем, что **процесс формирования новой многополярности в XXI веке «рождает новые архисерьезные вызовы для России и ее дипломатии».**

Формирование многополярного мира, как неоднократно отмечал В.В. Путин, – процесс, который зависит не от желания России, Китая или кого-либо ещё. **Он обусловлен объективными тенденциями развития потенциала ведущих мировых держав. «Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить и, может быть, добьётся какого-то снижения темпа строительства многополярного мира. Но его создание неизбежно»¹⁶.**

2023 г.: «Многополярный мир создаётся сам по себе, по факту. И происходит оно в связи с ростом потенциала многих стран»¹⁷.

2024 г.: «Именно на основе новой политической экономической реальности сегодня формируются контуры многополярного и многостороннего мироустройства, и это объективный процесс»¹⁸.

2025 г.: «Новый миропорядок возникает естественным образом. Это всё равно что восход солнца. От этого никуда не деться»¹⁹.

И, как отмечают многие эксперты, этот процесс происходит не по государственным (национальным), а по цивилизационным основаниям, то есть **новый многополярный мир, скорее всего, будет миром не множества национальных государств, а миром макрорегионов или «панрегионов».**

«Наиболее вероятным сценарием развития мира в ближайшие двадцать лет является «мир панрегионов»... Именно так будет выглядеть мир после Новой Ялты: великим державам – права, остальным – закон и налоги...»²⁰

Поэтому в таких условиях принципиально важное значение приобретает фактор того, кто удерживает инициативу в процессе формирования своего «панрегиона» и в процессе формирования многополярного мира в целом. И как раз этот момент предъявляет повышенные требования к эффективности стратегического государственного управления.

«Структура ситуации проста до банальности: кто инициатор, тот и определяет правила игры, уровень эскалации, фактуру заблуждений, динамику ловушек, лабиринты интриги»²¹.

Отметим, что Российская Федерация фактически возглавила и долгое время «находилась в авангарде»²² формирования новой многополярности. Начало «пассивной», или латентной, фазы этого процесса было положено В.В. Путиным во время его «мюнхенской речи» 10 февраля 2007 года.

Именно тогда В.В. Путин, обращаясь к так называемому западному «цивилизованному» миру, обратил внимание на то, что **«мир одного хозяина, одного суверена в конечном итоге губителен не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри... Для современного мира однополярная модель не только**

¹⁶ Интервью В. Путина медиакорпорации Китая // Официальный сайт Президента РФ. 15.10.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72508?ysclid=mlhlcjajxf736701540>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Выступление В. Путина на встрече с руководством МИД РФ // Официальный сайт Президента РФ. 14.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285?ysclid=mlhldrjeun34926444>

¹⁹ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента РФ. 20.06.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222?ysclid=mkyl19ysir771154440>

²⁰ Школьников А. Мир после глобализации и Новой Ялты // Официальный сайт А. Школьников. URL: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/71549-mir-posle-globalizatsii-i-novoy-jalty?ysclid=mlhlghe7ax101150444>

²¹ Агеев А. Доколе? // Изборский клуб. 09.01.2026. URL: <https://izborsk-club.ru/27754>

²² Нарышкин: Сегодня Россия вновь стоит в авангарде борьбы за более справедливое мироустройство // Российская газета. 25.03.2025. URL: https://rg.ru/2025/03/25/banalnyj-grabezh.html?ysclid=mkxshpg7o5176187012&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F

неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: **сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»²³.**

В этом прогнозе Президент РФ проявил свою стратегическую дальновидность, и, по сути, все его дальнейшие действия внутри страны²⁴ были направлены на то, чтобы (как пишет А. Дугин) «выдавить из себя Запад»²⁵; «подготовить» Россию к тому моменту, когда однополярная модель мира рухнет, и на ее обломках начнется не менее сложный, жестокий, наполненный военными конфликтами и искусственно создаваемыми культурно-ценностными сломами процесс формирования новой, многополярной модели.

Россия начала и «активную» стадию формирования новой многополярности. Это произошло вместе с объявлением верховным главнокомандующим РФ о проведении специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 г.). «С тех пор, — как отмечают эксперты, — Россия возглавила борьбу за многополярный мир, вовлекла в нее осторожный Китай, колеблющуюся Индию, других стремящихся к подлинной независимости международных игроков».

Однако спустя три года в историческом процессе формирования новой многополярности начался новый этап. Он связан с тем, что в начале 2025 года победу на президентских выборах в США²⁶ одержал Д. Трамп.

«Первый мощный удар однополярному миру нанес президент РФ Владимир Путин знаменитой Мюнхенской речью в 2007 году. С тех пор Россия возглавила борьбу за многополярный мир, вовлекла в нее осторожный Китай, колеблющуюся Индию, других стремящихся к подлинной независимости международных игроков»²⁷.

Выход США из бб международных организаций; торговые пошлины в отношении фактически всех стран мира, территориальные претензии в отношении Канады, Гренландии, Венесуэлы... Всеми этими шагами США демонстрируют *«готовность не считаться ни с чем (чей-то суверенитет, какое-то международное право, некое общественное мнение и даже официальная позиция какого-либо государства или группы государств)»²⁸.*

22 января 2026 года на форуме в Давосе Д. Трамп официально объявил о создании «Совета мира». Его «единоличным председателем является сам Трамп»²⁹. Как отметили эксперты, *«Трамп, кажется, просто хочет заменить институты самим собой — и это одна из самых показательных демонстраций их актуального состояния и слабости»³⁰.*

«Действия США — не самодурство слабого общемирового гегемона, а стремление метрополии навести свои порядки на территории формируемого под себя панрегиона... США рассматривают всё Западное полушарие своей исключительной зоной влияния, нравится это остальным или нет»³¹.

²³ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034?ysclid=mlqalwd6zd174930989>

²⁴ Такие как укрепление государственности после протестных акций «на Болотной» (2011–2012 гг.); «Крымская весна» — вхождение в состав РФ Крыма и Севастополя (2014 г.); поправки в Конституцию РФ (2020 г.); запрет деятельности «штабов Навального»* (2021 г.), начало СВО и присоединение 4 новых регионов (2022 г.).

* Деятельность штабов Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

²⁵ Дугин А. Ключ к Победе в СВО лежит в 1990-х. Капитуляции Украины будет недостаточно // Изборский клуб. 28.11.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27605?ysclid=mlqdgppjk4y774158587>

²⁶ Непосредственно выборы Президента США проходили 5 ноября 2024 г., однако их окончательные итоги были утверждены 5 января 2025 г., а официальная церемония инаугурации Д. Трампа состоялась 20 января 2025 г.

²⁷ Емельянов М. Новая многополярность — не такая, на какую рассчитывала Россия // Независимая газета. 20.01.2026. URL: https://www.ng.ru/vision/2026-01-20/8_9419_multipolarity.html?ysclid=mknkofr9yu294865114

²⁸ Агеев А. Доколе? // Изборский клуб. 09.01.2026. URL: <https://izborsk-club.ru/27754>

²⁹ Сысоев И. Вся власть Совету? Президент США представил «Совет мира». Станет ли он институтом с реальным влиянием. URL: <https://rg.ru/2026/01/22/k-sovetu-mira-uzhe-prisoedinilis-59-gosudarstv.html?ysclid=mkwm5vm92j199165143>

³⁰ Там же.

³¹ Школьников А. Венесуэльские проблески Мира панрегионов. URL: https://zavtra.ru/blogs/venesuel_skie_probleski_mira_panregionov?ysclid=mkwgbzrx8219157854

Ключевой характеристикой этого нового этапа формирования многополярности стало, во-первых, изменение самого характера данного процесса: теперь это не просто борьба между «новой» и «уходящей» моделями мироустройства, а **борьба основных мировых держав («метрополий») за зоны влияния («панрегионы»).**

Во-вторых, инициативу на новом этапе формирования многополярного мира всё больше захватывает именно США, то есть тот самый «мировой гегемон», который и привел к глобальному кризису уходящую однополярную модель мироустройства.

Новой администрацией Д. Трампа, как отмечают эксперты, *«реализуется решение о полном сносе всего видимого слоя западной элиты, ее базовых принципов и законов... мы наблюдаем сознательно спровоцированную катастрофу западной элитной системы, не кризис, а именно катастрофу»*³².

Таким образом, *«прямо на наших глазах рушится архитектура мирового порядка, созданная на базе ялтинско-потсдамских договоренностей по итогам Второй мировой войны»*³³. И, разумеется, такие качественные, системные трансформации всей мировой архитектуры не могут не являться вызовом для Российской Федерации. Неслучайно первое заседание Совета безопасности РФ в 2026 году (19 января) В.В. Путин провел именно по двум темам: в отношении *«вопросов в сфере безопасности»* и об участии России *«в строительстве многополярного мира и наших действиях в этой связи»*³⁴.

Исходя из этого, мы видим, что **повышение требований к эффективности стратегического государственного управления продиктовано динамикой исторического процесса не только на национальном, но и на мировом уровне.** Как отмечают эксперты, «нам предстоит долгое одиночное плавание, и оно требует радикального улучшения государственного управления на всех уровнях».

«Мюнхенская конференция по безопасности в 2026 году показала, что **Третий мир вряд ли сплотится вокруг России на антиколониальной основе...**

Индия, Бразилия... стоит американцам поднажать, предложить выгодную сделку/транзакцию, и эти страны действуют в собственных интересах...

Нам предстоит долгое одиночное плавание. Оно требует радикального улучшения государственного управления на всех уровнях³⁵.

Как сделать так, чтобы на переломном этапе истории, который Россия проходит в конце первой четверти XXI века, сохранить государство, буквально выжить и, возможно, даже усилить свой геополитический статус? Как не остаться «за бортом» хаотичного и стремительно развивающегося процесса формирования нового многополярного мира? И в конечном итоге — как не оказаться «на задворках» истории?

В. Путин: «...все мы вместе должны **прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас и какие вызовы стоят перед нами.**

Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. **Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнёт, утопит»**³⁶.

Всё это вопросы стратегического государственного управления, и подчеркнем, что для нашей страны поиск ответа на них особенно важен. Потому что, если для многих государств мира пессимистический сценарий развития событий чреват тем, что их просто (как отмечал Президент РФ В.В. Путин) *«захлестнет и уто-*

³² Школьников А. На новый элитный ковчег решили брать не каждую тварь // Завтра. 05.02.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/na_novij_elitnij_kovcheg_reshili_brat_ne_kazhduyu_tvar

³³ Ремчуков К. В Давосе провозгласили конец глобализации // Независимая газета. 25.01.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-01-25/1_9421_250126.html?ysclid=mkwlo4qm4q391437725

³⁴ Совещание с постоянными членами Совета безопасности // Официальный сайт Президента РФ. 19.01.2026. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79020>

³⁵ Ремчуков К. В Мюнхене мечтали истощить Россию // Независимая газета. 15.02.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-02-15/1_9437_14250502.html?ysclid=mlrv1wh0v2458702895

³⁶ Послание Президента Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957?ysclid=ml0mr4gfs540557247>

пит волна технологических изменений», то именно для России это создает еще и прямую угрозу военной интервенции. Ведь после начала СВО (как подчеркнул министр иностранных дел С.В. Лавров) «Россия ведет бой не на жизнь, а на смерть за право быть на политической карте мира»³⁷, причем «впервые за всю историю Россия воюет одна против всего Запада»³⁸.

Отметим при этом, что спустя четыре года проведения СВО некоторые эксперты (в частности, Д.Р. Белоусов³⁹), продолжают отмечать, что в системе государственного управления экономическими процессами наблюдаются

тревожные симптомы, создающие риск возможности дальнейшего продолжения курса национального развития в XXI веке.

Системные проблемы, на которые указывает «главный по прогнозам»⁴¹ эксперт, требуют глубокого научного анализа, осмысления порождающих их причин. И, на наш взгляд, эти причины достаточно убедительно раскрывает «Структурная модель эволюционного скачка», изложенная д.э.н., профессором Е.В. Балацким в статье «Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий»⁴².

Оценка к.э.н., зам. генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) Д.Р. Белоусова:

«Сейчас формирование долгосрочной стратегии развития по крайней мере замедлилось. Мы принимаем целый ряд важных решений по космосу, по цифровизации, но целостных стратегических конструкций, которые совмещали бы в себе технологию, экономику, социокультурные аспекты, к сожалению, нет:

✓ В текущей экономической политике принимаются очень жесткие решения, **парализующие инвестиции**. Я имею в виду прежде всего бюджетную консолидацию и сохранение учетной ставки ЦБ на очень высоком уровне в реальном выражении.

✓ **Маркер отсутствия военной экономики – мы до сих пор не отказались от принятой в первой половине 2010-х концепции таргетирования инфляции...**

✓ **В целом по экономике у нас, надо сказать, стагнация, стагфляция даже...** В наступившем году... вполне реален риск рецессии, особенно в начале года.

✓ **Спад выпуска продукции наблюдается в большом сегменте отраслей обрабатывающей промышленности.** Тяжелейший кризис в автопроме, конца и края которому не видно...

✓ **С подачи ЦБ уже начались кулуарные обсуждения, не опустит ли нам целевой уровень инфляции до двух процентов годовых...** В плохом сценарии мы вместо ускорения экономического роста до отметок выше трех процентов можем скатиться в стагнацию с темпами ниже одного процента и при этом с довольно высокой инфляцией...

Прежняя модель нашей интеграции в глобальную экономику... полностью исчерпана. Она не будет воспроизведена ни при каких условиях... Требуется удлинение горизонта проработки перспектив развития..., «выламывание» из ловушки сиюминутной сбалансированности»⁴⁰.

³⁷ Россия ведет бой не на жизнь, а на смерть за место на политической карте // Российская газета. 10.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/10/lavrov-rf-vedet-boj-ne-na-zhizn-a-na-smert-za-mesto-na-politicheskoy-karte.html?ysclid=mlhllc2tvz549323038>

³⁸ Лавров рассказал о войне России против Запада // РБК. 28.07.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2025/688746759a794772781fef2a?ysclid=mlhlmo6lrm741557729>

³⁹ Белоусов Дмитрий Рэмович – к.э.н., руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов, заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). Заведующий лабораторией; руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Руководил проектами по долгосрочному социально-экономическому прогнозированию, научно-технологическому форсайту по заказу Минэкономразвития и Минобрнауки России.

⁴⁰ Белоусов Д.Р. Самая впечатляющая задача за последние три поколения // Моноколь. № 5. 26.01.2026.

⁴¹ Главный по прогнозам. Визитная карточка. Д.Р. Белоусов // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2916474?ysclid=mloqj2lgax676222315>

⁴² Балацкий Е.В. (2025). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59.

изложенный

Сама модель «эволюционного скачка», а также некоторые ключевые характеристики, необходимые для понимания её сути, представлены на *вкладках 1, 2*. Здесь же отметим главное – в чем преимущество данной модели с точки зрения стратегической эффективности государственного управления:

✓ во-первых, подход, изложенный Е.В. Балацким, опирается на знания, изложенные в классических теориях историков, философов, социологов (в частности, таких как Л. Гумилев⁴³, А. Шопенгауэр⁴⁴, А. Тойнби⁴⁵, Э. Тодд⁴⁶ и др.) и синтезирует их;

✓ во-вторых (и это самое важное), модель «эволюционного скачка» позволяет анализировать исторический этап формирования многополярности не с точки зрения мировых процессов и событий, происходящих на геополитической арене, а с точки зрения внутренних изменений, механизмов, задач и вызовов на уровне конкретного государства (государства-цивилизации). То есть она позволяет оценить уровень эффективности стратегического государственного управления. Именно это обстоятельство обеспечивает практическую значимость данной модели.

Отметим также, что в первой четверти XXI века в динамике последовательно сменяющих друг друга этапов эволюции («период разогрева», «период рефлексии», «период обучения» и «период инноваций»; *вкладка 1*), Российская Федерация, на наш взгляд, находится между первым и вторым этапом (между «периодом разогрева» и «периодом рефлексии»), поскольку «каскад внутренних и внешних вызовов» имеет место, но еще не преодолен; «инвентаризация всех возможностей системы, ее недостатков и скрытых резервов» проводится, но пока

рано говорить о том, что все ресурсы системы «мобилизованы».

Как видно из основных тезисов, представленных на *вкладке 2*, ключевыми факторами развития государства-цивилизации выступают «уровень благосостояния» (который, дойдя до определенных пределов, становится причиной угасания пассионарной энергии) и состояние элит (среди которых в определенный момент времени появляются люди, ориентированные не на национальные, а на личные интересы).

Именно так в своё время «канули в лету» Римская Империя и Советский Союз. Причем в отношении последнего Е.В. Балацкий пишет: «СССР прожил 70 лет и из-за ошибок в государственном управлении безвозвратно исчез. Вопрос сводится к деталям, которые становятся определяющими»⁴⁷.

«Главным критерием «национальной элиты» является её способность реализовывать политику в интересах общества, направленную на укрепление суверенитета страны. При этом существуют ситуации, когда элита либо ещё не стала национальной, являясь некими властными силами, представляющими интересы отдельных территориальных социумов; либо уже не является таковой, инкорпорировавшись в «мировую элиту» или став компрадорской элитой...

Вырождение элиты, важным признаком которого является утрата ею национальной идентичности, ведёт к упадку общества... Как только элита утрачивает качество национальной силы, становясь наднациональной, начинается этап упадка цивилизации, завершающей точкой которого является её гибель»⁴⁸.

⁴³ Гумилёв Л.Н. (2005). Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. СПб., М.: Кристалл; ОНИКС. 975 с.

⁴⁴ Шопенгауэр А. (2011). Изречения. Афоризмы житейской мудрости. Минск: Харвест. 416 с.

⁴⁵ Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель. 318 с.

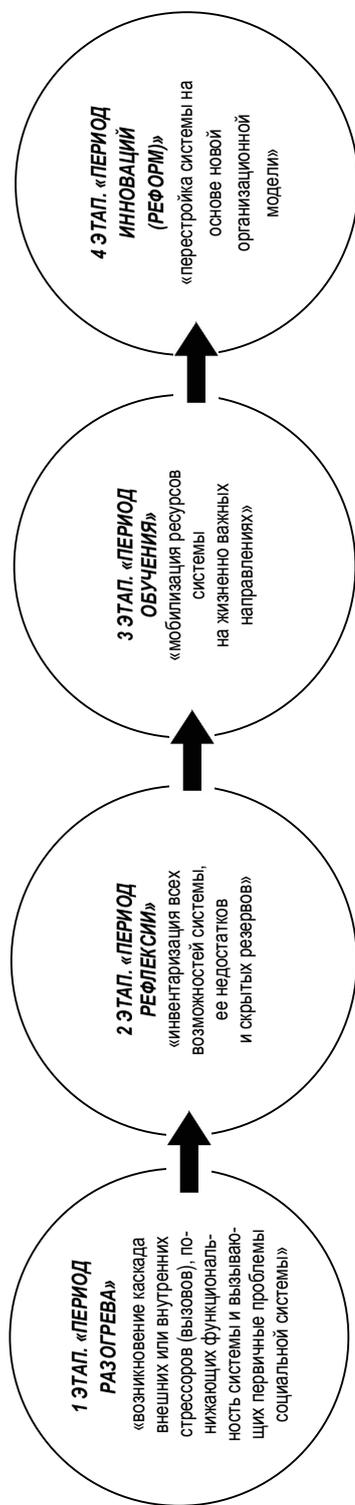
⁴⁶ Тодд Э. (2025). Поражение Запада. М.: Издательство АСТ. 320 с.

⁴⁷ Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 18.

⁴⁸ Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 69.

Вкладка 1

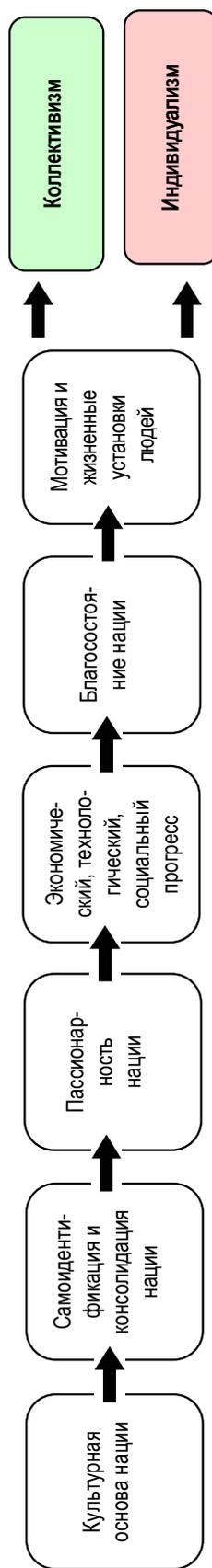
Модель «Эволюционного скачка»

Составлено по: Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 3.

«Реализация полного цикла указанных четырех стадий обеспечивает возникновение эффекта гиперкомпенсации или, другими словами, пассионарного взрыва нации»⁴⁹.

Механизм развития пассионарности

«На последнем этапе реализации пассионарного толчка возникает развилка в зависимости от характера элит, которые могут быть как национальными (т. е. отстаивающими национальные интересы страны), так и наднациональными (т. е. отстаивающими свои собственные наднациональные интересы)... При доминировании наднациональных элит пассионарный сценарий реализовать не удается»⁵⁰.

⁴⁹ Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 4.

Вкладка 2

Ключевые положения, раскрывающие суть и значение «модели эволюционного скачка» Е.В. Балацкого⁵¹

<p>1. Механизм падения разных цивилизаций и государств является единообразным, сопряжен с угасанием пассионарности. Центральным элементом является благосостояние нации, которое определяет мотивацию и жизненные установки населения. При этом роль благосостояния неоднозначна. До какого-то уровня оно служит дополнительным стимулом активности людей, однако после превышения определенной границы начинает действовать в обратном направлении...</p>
<p>2. Любое значимое историческое явление представляет собой реакцию государства и нации на экзистенциальный вызов со стороны окружающего мира... Внешний вызов служит детонатором, который запускает механизм оптимизации всех ресурсов нации и тем самым порождает всплеск пассионарности.</p>
<p>3. В структуре правящих элит имеются полярные свойства – пассионарности и консервативности. Именно от доминирования одного из этих свойств среди представителей правящего класса в определяющей степени зависят пути развития общества – от застоя до реформ.</p>
<p>4. Три института – семья, этики и языка – образуют ту основу, которая сплачивает нацию и позволяет ей действовать в качестве некоего целого, без чего не рождается пассионарность... Развитые три института выступают исходным импульсом к формированию пассионарности нации. Без наличия таковых внешних вызов в отношении нации и государства может быть даже принят, но эффективный ответ на него дан не будет.</p>
<p>5. «Железный закон благосостояния»: человек (и человечество) может существовать только в относительно узком диапазоне уровня материального благосостояния – между некоторыми минимальной и максимальной границами... При слишком плохих условиях жизни человек теряет свою личность и индивидуальность, скатываясь к примитивному существованию с задачей простого выживания, тогда как при слишком хорошей жизни в человеке разрушаются социальность, коллективизм и активность, что провоцирует возникновение разных форм социального аутизма.</p>
<p>6. Можно управлять не самим пассионарным толчком, а критической пассионарностью, от которой зависит существование нации и государства. Это и должно быть целью. Уровень благосостояния в описанной схеме подчиняется управлению, что позволяет предотвращать нежелательные события в истории страны. Это тонкий диалектический процесс, предполагающий балансирование достойного уровня жизни населения на фоне той социальной модели, которая гребует от людей изрядных усилий по его получению. Сочетание таких аспектов развития и составляет сакральную сущность искусства государства управления.</p>

⁵¹ Балацкий Е. В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 1–23.

Отметим, что об этих «определяющих деталях» мы подробно говорили в предыдущих статьях⁵², когда обращались к описанию конкретных личностных характеристик так называемых «могильщиков СССР» – представителей правящих элит, персонально ответственных за распад Советского Союза.

«Никакие объективные обстоятельства не вели к той геополитической катастрофе [распад СССР]. **Здесь огромную и решающую роль сыграл субъективный фактор – люди, которые в силу своего положения сознательно или по недомыслию сделали всё, чтобы Советская страна прекратила своё существование...**

У этих фантомных персонажей сформировались совершенно иные гипертрофированные социальные качества – **непомерная жажда власти, неограниченное желание богатства, болезненное стремление к славе...**

Их поведение полностью (или значительно) не совпадает и **даже противоречит тому, что интересует и волнует большинство населения страны**»⁵³.

Модель «эволюционного скачка» в точности описывает и сегодня происходящие мировые процессы, включая самое главное – **состояние «пассионарной энергии» внутри нашей страны**. Как пишет Е.В. Балацкий, **«условия угасания пассионарности для России выполнены в полной мере**: высокий уровень распада браков и низкая рождаемость; низкая религиозность и размы-

тость этических норм; эрозия русского языка... в России, **на протяжении 30 лет стремящейся к интеграции в западное сообщество**, сложились космополитические ценности и модель поведения, **не характерные для единой нации с высокой степенью самоидентификации и стремлением перебороть внешнее давление**»⁵⁴.

В этих условиях «экзистенциальным вызовом со стороны окружающего мира» (который, по идее, должен был бы привести к «возникновению эффекта гиперкомпенсации или, другими словами, пассионарного взрыва нации») для России, безусловно, стала СВО, а точнее, резко возросшие после начала спецоперации угрозы национальной безопасности со стороны объединенного «коллективного Запада»... **Однако никакого «пассионарного взрыва» или «эволюционного скачка» в России пока так и не произошло. Почему?**

На наш взгляд, ответ на этот вопрос заключается как раз в том, что даже при накоплении критической массы пассионарной энергии в обществе в России **отсутствует «сама возможность реализации пассионарного взрыва»**⁵⁵. И отсутствует она именно по двум ключевым причинам, выделяемым Е.В. Балацким: **доминирование в государстве элит, руководствующихся личными, а не национальными интересами «железный закон благосостояния»,** согласно которому **«главный „виновник” угасания пассионарности – рост благосостояния»,** точнее та его стадия, при которой наступает **«слишком хорошая жизнь»**, что актуально прежде всего для властвующих элит.

⁵² См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34.

Ильин В.А., Морев М.В. (2025). 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 9–45.

Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперед идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 9–45.

⁵³ Тощенко Ж.Т., Кожемяко В.С. (2025). Оборотни во власти: они убили советскую страну. Москва: Родина. С. 9, 16.

⁵⁴ Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 4.

Здесь следует оговориться и упомянуть о том, что термин «слишком хорошая жизнь» весьма субъективен. Фактически невозможно дать объективную оценку (то есть указать конкретную величину) того, какой уровень благосостояния является «хорошим», а какой – «слишком хорошим». Эти величины разные для разных стран мира, представителей разных социальных слоев и т. д.

Однако, если отложить в сторону всю эту «политкорректность» и называть вещи своими именами (как того требует ситуация в стране), то, как минимум, на понимание «слишком хорошей жизни» вполне проливает свет описание активов конкретных представителей властвующих элит и членов их семей, которые становятся достоянием общественности после заведения на них уголовных дел⁵⁶.

Отметим при этом, что эпизоды коррупции и взяточничества среди представителей властвующих элит по-прежнему продолжают в ежедневном режиме (за последние 2 месяца, с 19 декабря 2025 года по 19 февраля 2026 года, как минимум, 26 эпизодов; *вкладка 3*).

По данным ежемесячных отчетов МВД РФ о состоянии преступности в России в целом за 4 года проведения СВО (с 2022 по 2025 г.):

- ✓ **уровень преступности, связанной с коррупцией, увеличился на 22% (с 35 до 43 тыс.),**
- ✓ **количество преступлений, связанных со взяточничеством, возросло на 38% (с 19 до 27 тыс.)⁵⁷.**

⁵⁶ Например:

1. 16 января 2026 г. – Хостинский районный суд Сочи удовлетворил антикоррупционный иск Генеральной прокуратуры РФ и обратил в доход государства активы бывшего главы города-курорта А. Копайгородского на общую сумму 1,6 млрд руб. В перечень конфискованного имущества вошли 77 объектов недвижимости, оформленных преимущественно на супругу бывшего чиновника и иных ответчиков. Кроме того, надзорное ведомство потребовало изъять коллекцию редких вин стоимостью около 7,7 млн руб., ювелирные изделия и почти два десятка наручных часов, цена отдельных экземпляров которых сопоставима со стоимостью жилья в столице.

В иске также фигурировали складские комплексы, земельные участки, машино-место и десять автомобилей, включая Porsche 911 и несколько автомобилей Mercedes. Отдельно прокуратура заявила требование о взыскании денежных средств в размере более 215 млн руб. в качестве эквивалента имущества, отчужденного до начала судебного разбирательства (источник: Коммерсант. 16.01.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8360590?from=doc_vrez).

2. 21 января 2026 г. – Генпрокуратура РФ подала антикоррупционный иск об обращении в доход государства активов экс-депутата Госдумы Вороновского, а также депутата Госдумы А. Дорошенко и депутата Заксобрания Краснодарского края А. Карпенко. Всего в иске фигурируют 30 ответчиков и 19 третьих лиц. Коррупционные доходы превысили 2,8 млрд рублей. Генпрокуратура требует изъять у ответчиков десятки земельных участков, квартир и домов.... доли ответчиков в различных компаниях, средства на их счетах и ценные бумаги. В частности, заявлено требование об обращении в доход РФ 19 предприятий, деятельность большинства из которых связана с дорожным строительством. Рассмотрение дела продолжается (источник: Коммерсант. 01.02.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8397826?yclid=mlerhgli46524131676>).

3. 30 января 2026 г. – обращено в доход государства имущество бывшего председателя Верховного суда Республики Адыгея А. Трахова и его близких родственников. В казну отошли 469 земельных участков, 176 нежилых зданий и помещений коммерческого назначения, 8 особняков и 9 квартир. Также в доход России с ответчиков взыскано 3 млрд руб., полученных от реализации принадлежавшего им имущества (источник: Коммерсант. 30.01.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8397208?from=doc_vrez).

⁵⁷ Ежемесячные отчеты МВД РФ «Состояние преступности в России» // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/1/>

Факты задержания и арестов представителей правящих элит (19 декабря 2025 г. – 19 февраля 2026 г.)⁵⁸

- 18 февраля** – задержан заместитель главы Новороссийска, руководитель управления строительства Р. Карагодин (делаги не приводятся).
- 18 февраля** – задержан министр культуры Башкирии А. Шафикова. Она подозревается в превышении должностных полномочий и присвоении бюджетных средств.
- 17 февраля** – по делу о превышении должностных полномочий и как организатор преступной схемы задержан председатель Комитета по государственному заказу Санкт-Петербурга Д. Толстых. По этому же делу был задержан глава отдела осуществления централизованных закупок и межведомственного взаимодействия комитета Е. Леонов.
- 16 февраля** – на Кубани задержан исполняющий обязанности министра гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций С. Штриков. Он подозревается в превышении должностных полномочий.
- 13 февраля** – в Челябинской области задержали главу управления Роспотребнадзора А. Семёнова по подозрению в мошенничестве.
- 12 февраля** – по обвинению в коррупции в особо крупном размере (более 4,8 млн руб.) задержан исполняющий обязанности министра агропромышленного комплекса и продовольственной политики Запорожской области.
- 12 февраля** – за взятку в 8 млн руб. задержан бывший директор департамента судостроительной промышленности и морской техники Минпромторга Б. Кабаков.
- 12 февраля** – за взятку в особо крупном размере задержан вице-губернатор Челябинской области А. Фалейчик.
- 9 февраля** – по делу о посредничестве при передаче взятки задержан начальник отдела ЖКХ и транспорта кабинета министров Татарстана Ф. Салихов.
- 5 февраля** – за взятку в особо крупном размере задержан начальник департамента сельского хозяйства и продовольствия Чукотского авт. округа П. Кащев.
- 3 февраля** – по подозрению в получении взятки задержан руководитель Приморского межрегионального управления Россельхознадзора Д. Зданович.
- 3 февраля** – задержан первый зам. главы Сергиево-Посадского округа. Вместе с ним задержаны начальник управления сельского хозяйства администрации округа, двое его подчинённых, подмосковный депутат и бизнесмены. Все они стали фигурантами уголовного дела о хищении бюджетных средств.
- 29 января** – в Санкт-Петербурге по подозрению в получении взятки в особо крупном размере задержан начальник 178-го военного представительства Министерства обороны России капитан второго ранга В. Никитин.

⁵⁸ Источник: RT на русском. Последние новости о задержаниях. URL: <https://russian.rt.com/tag/zaderzhanie?ysclid=mdzkzlnmsn147444962>

Окончание вкладки 3

26 января – Дагестане задержан бывший глава управления Росимущества по делу о превышении должностных полномочий. В период с 2021 по 2024 год фигурант принял незаконные решения о предоставлении земельного участка, находящегося в федеральной собственности, сначала в аренду, а затем в собственность гражданам, не имевшим лицензий на пользование недрами.

23 января – начальник управления по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций Сыктывкара задержан по подозрению в получении взятки за приёмку работ по контрактам на капитальный ремонт пожарных водоёмов, которые не были полностью выполнены.

22 января – в Москве по делу о мошенничестве задержан начальник управления Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) С. Разживин. Чиновника подозревают в особо крупном мошенничестве и злоупотреблении должностными полномочиями.

21 января – в Краснодарском крае по подозрению в хищении средств по госконтрактам задержаны двое заместителей главы регионального Минтранса.

14 января – в Калининградской области по подозрению в организации незаконной вырубке лесных насаждений в крупных размерах задержан директор национального парка «Куршская коса» А. Калина. Целью преступления была расчистка территории для строительства частного комплекса сооружений, предназначенных для коммерческого размещения туристов... причинён ущерб в размере свыше 12,7 млн рублей.

10 января – в Челябинской области задержан бывший депутат регионального парламента Е. Сарсенбаев. Его подозревают в даче взятки в особо крупном размере.

29 декабря – в Петербурге задержан глава муниципального образования «Дачное» В. Сагалаев. Ему вменяют организацию взрыва у дома возле Смольного в 2003 г.

29 декабря – экс-глава Тамбовской области М. Егоров арестован по делу о взятках от предпринимателей.

27 декабря – полиция Таиланда задержала на острове Пхукет россиянина Д. Назарца, ранее занимавшего пост депутата законодательного собрания Приморского края. Задержание произошло в рамках международного розыска.

27 декабря – в Италии задержали бывшего президента «Башнефти» и экс-сенатора В. Хорошавцева, обвиняемого в России в крупном мошенничестве. На следующий день после задержания он был отпущен из-за выхода России из Совета Европы и прекращения участия в соглашениях.

24 декабря – в Ростовской области задержан начальник управления производства предприятия оборонно-промышленного комплекса АО «Алмаз». Его подозревают в злоупотреблении полномочиями.

23 декабря – в Краснодарском крае по подозрению в возможной причастности к махинациям с землёй в пользу бывшего главы Крымского района С. Леся задержан мэр Крымска. При его участии в собственности подконтрольных Лесю лиц выведен земельный участок стоимостью 120 млн рублей.

22 декабря – по обвинению в получении взятки в особо крупном размере задержан заместитель военного прокурора Санкт-Петербургского гарнизона подполковник юстиции И. Купкенов.

22 декабря – за разглашение гостайны задержан начальник полиции Магнитогорска К. Козицын.

Приведенные выше факты, свидетельствующие о частоте коррупции и о примерном уровне финансовых, материальных и иных активов, которые обнаруживаются у самих коррупционеров и их родственников, важны для того, чтобы иметь примерное представление о том, что значит «слишком хорошая жизнь», «благодаря» которой государственные служащие, элиты начинают руководствоваться личными, а не национальными интересами.

Однако речь, конечно, далеко не только о коррупционерах. Как отмечает А. Дугин, речь идет об **«особой группе населения»** – **«глобальном классе»**; то есть о «людях с другим мировоззрением, иной операционной системой», которые составляют «ядро шестой колонны, действующей внутри нашего общества».

К примеру, в предыдущей статье от главного редактора **«В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено?»**⁵⁹ мы приводили мнения многих экспертов, указывающих на то, что вся «современная денежно-кредитная система фактически блокирует развитие экономики»⁶⁰, что «на интересы банковской системы работает фактически вся либеральная часть госуправления»⁶¹, а по некоторым оценкам политика Центробанка просто «противоречит Конституции РФ»⁶².

С.Ю. Глазьев: «Современная денежно-кредитная политика России, основываясь на высокой ключевой ставке, **фактически блокирует развитие экономики, создавая замкнутый круг стагнации**»⁶³.

«За последние 35 лет в нашей стране – как и практически во всем остальном мире – сложилась **особая группа населения, которую можно назвать „глобальным классом“**. Это люди, которые либо за данный период смогли сколотить огромное состояние, либо включиться в глобальные процессы на уровне культуры, науки и технологий...

В России за эти 35 лет этот класс фактически до неотличимости переплелся с правящим. Не утверждаю, что вся наша элита такова, **но наиболее влиятельные и яркие её представители – это именно часть „глобального класса“...**

Те представители глобального класса, что остались в России и до сих пор составляют значительную часть нашей властной элиты в широком смысле, препятствуют нашему дальнейшему развитию... **без системного устранения этого „глобального класса“ из российской действительности страна двигаться дальше не сможет. Сохранение этого класса внутри политической элиты обрекает Россию на саботаж и неспособность идти в будущее.**

Подчеркну, речь не просто о коррупции. „Глобальный класс“ – это люди с другим мировоззрением, иной „операционной системой“. На них не действуют призывы просто соблюдать закон. **Они составляют ядро „шестой колонны“, действующей внутри нашего общества»**⁶⁴.

⁵⁹ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). В каком государстве хотят жить россияне? Какое государство построено? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 9–45.

⁶⁰ Сергей Глазьев про ставку ЦБ и недвижимость // Интервью. 17.01.2025. URL: <https://smarent.com/tpost/jzvje1rka1-sergei-glazev-pro-stavku-tsb-i-nedvizhim?ysclid=mj025ng0t5809690879>

⁶¹ Делягин М. Банковская «диаспора» уничтожает экономику России // Аргументы недели. № 37. URL: <https://argumenti.ru/economics/2025/09/966797>

⁶² Катасонов В. Ещё раз о международных резервах России // Завтра. 09.12.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/eshe_raz_o_mezhdunarodnih_rezervah_rossii_kommentarij_k_tcifram_ria_novosti_kak_informatciya_dlya_razmishleniya

⁶³ Сергей Глазьев про ставку ЦБ и недвижимость // Интервью. 17.01.2025. URL: <https://smarent.com/tpost/jzvje1rka1-sergei-glazev-pro-stavku-tsb-i-nedvizhim?ysclid=mj025ng0t5809690879>

⁶⁴ Дугин А. О необходимом истреблении глобального класса // Завтра. 23.01.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/imenno_oni_predali_rossiyu_dugin_vskril_sabotazh_elit_chistka_neizbezna

М.Г. Делягин: «Российская банковская система – сегодня **крупнейший, институционально признанный спекулянт. Фактически вся либеральная часть госуправления работает на их интересы**»⁶⁵.

В.Ю. Катасонов: «Взять, например, нынешнюю политику Центрального банка. Она называется таргетирование инфляции. Ребята уже совсем обнаглели...! **Таргетирование инфляции противоречит тому, что записано в Конституции России**»⁶⁶.

А.М. Бабаков: «...на сегодняшний момент все-таки мы должны сделать так, чтобы государство осуществило реальное управление финансовым сектором. **Либо финансовая система управляет государством, либо государство управляет финансовой системой.** Банки не должны быть просто аналогом коммерческого предприятия»⁶⁷.

Однако по итогам «прямой линии с В. Путиным», которая состоялась 19 декабря 2025 года, эксперты Центра исследования политической культуры России (ЦИПКР) констатировали, что главой государства *«выражена полная поддержка политики ЦБ: Президент подтвердил ультралиберальную экономическую политику в финансовом секторе, поддержав «независимость ЦБ»*. Снижение ключевой ставки за последнее время было названо президентом «вероятно, достаточным». Политика «охлаждения» получила позитивные характеристики, *«что может быть воспринято руководством ЦБ как «зеленый свет» для продолжения сдерживания инфляции даже ценой замедления темпов роста производства»*⁶⁸.

13 февраля 2026 г. на своем первом в 2026 году заседании Банк России понизил ключевую ставку на 0,5 п. п., до 15,5% годовых. Это стало шестым подряд снижением «ключа».

Оценки экспертов⁶⁹:

1. «Действия ЦБ не вписались в картину мира большинства аналитиков, которые пытались построить консенсус-прогнозы... стандартный коммуникационный канал ЦБ с рынком разрушен и не подлежит реанимации... Видимо, ЦБ знает информацию об экономике и балансах банков – ту, которую не знает рынок, что и привело к очередному 180-градусному развороту в риторике, где проблем с инфляцией якобы больше нет... решения приходится принимать «буквально на ходу», лавируя между инфляционными и экономическими рисками, которые наслаиваются друг на друга. И эта проблема обострилась уже не только для бизнеса, но и, видимо, даже для ведомств, уполномоченных управлять и регулировать» (финансовый аналитик П. Рябов).

2. «Несмотря на тот факт, что снижение ставки на 0,5% **не сможет оказать существенного влияния на макроэкономические показатели**, это в целом являлось позитивным сигналом для рынка» (аналитик «Цифра брокер» Е. Зиновьев).

3. «Существенного влияния это решение на рынок недвижимости не окажет, однако его нужно воспринимать как сигнал о том, что Центробанк последовательно проводит политику денежно-кредитного смягчения» (Директор аналитической платформы bnMAP.pro С. Лобжанидзе).

⁶⁵ Делягин М. Банковская «диаспора» уничтожает экономику России // Аргументы недели. № 37. URL: <https://argumenti.ru/economics/2025/09/966797>

⁶⁶ Валентин Катасонов о действиях ЦБ: «Ребята совсем уже обнаглели» // Царьград. 30.11.2025. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-o-dejstviyah-cb-rebyata-sovsem-uzhe-obnagleli.html?ysclid=mj0005afk5541099434>

⁶⁷ «Воскресный вечер с В. Соловьевым». 25.05.2025. URL: <https://smotrim.ru/article/4517705?ysclid=mj01zv9heg609035726>.

⁶⁸ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследования политической культуры России 19.12.2025. // Официальный сайт КППФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgapk916136109>

⁶⁹ Источники:

1. ЦБ снизил ключевую ставку 6-й раз подряд: как это отразится на ипотеке // РБК. 13.02.2026. URL: <https://realty.rbc.ru/news/698f03349a7947750701a513?ysclid=mlorjv7u46820964095>

2. Поворот «ключа» на 0,5%: как изменится жизнь при ставке 15,5% // Московский комсомолец. 14.02.2026. URL: <https://www.mk.ru/economics/2026/02/14/povorot-klyucha-na-05-kak-izmenitsya-zhizn-pri-stavke-155.html?ysclid=mlornc5bcp869164106>

3. Башкатова А. Центробанк аккуратно шагнул вниз // Независимая газета. 15.02.2026. URL: https://www.ng.ru/economics/2026-02-15/1_9437_lobbyists.html?ysclid=mlorxxhc67787441593

Отметим также, что уже далеко не впервые эксперты указывают на проблему несовершенства российского законодательства, вносящего путаницу в трактовку официального статуса Центрального банка, а значит и в его функции, цели, правила, регулирующие его деятельность. Как отмечает депутат Государственной Думы М. Делягин, *«у нас официально считается, что Банк России – не орган государственного управления. Вопреки тому, что написано в Конституции, вопреки тому, что написано в федеральном Законе о Банке России»*⁷⁰.

Другой яркий пример того, как в системе государственного управления принимаются весьма спорные, противоречивые, не соответствующие национальным интересам, но при этом очень значимые решения, лежит в сфере культуры, которая (как и сфера образования), *«является не только чисто гуманитарной сферой, но ещё и областью вёрстки общества, управления сознанием... в ходе образовательного процесса происходит форматирование сознания людей, иногда целых поколений, целых стран... именно через сферу образования происходила колонизация России на ментальном уровне»*⁷¹.

«...во всем массиве российского законодательства вы не найдете определения, что такое Центральный банк РФ... В федеральном законодательстве... по поводу ЦБ сказано, что его статус определит закон о Центральном банке РФ. Круг замкнулся: Конституция адресует к Гражданскому кодексу РФ, Гражданский кодекс – к закону о ЦБ, закон о Центробанке – обратно к Конституции!

Центробанк действительно необычный феномен, некий гибрид государственного органа и коммерческой (или некоммерческой?!) организации. С одной стороны, ЦБ имеет право издавать обязательные для всех нормативные акты, контролирует финансовые организации, регистрирует кредитные организации и негосударственные пенсионные фонды и реализует другие исполнительно-распорядительные полномочия. То есть выполняет функции, которые может осуществлять только орган государственной власти. С другой – получает прибыль, 75% которой идет государству, 25% по решению совета директоров перечисляется в некие фонды. **Прибыль – признак коммерческих организаций.** Но ст. 3 закона о ЦБ утверждает, что ЦБ не имеет целью извлечение прибыли. Это признак некоммерческой организации...

В российской Конституции независимость ЦБ от других органов государственной власти закреплена лишь при осуществлении одной, хотя и основной, функции – защита и обеспечение устойчивости рубля. **Закон о ЦБ уже «подправляет» Конституцию и говорит о независимости исполнения всех функций.** На практике вся деятельность ЦБ оказывается «независимой»...»⁷²

⁷⁰ Иванов А. Вице-президент «Оборонстрою» украла 786 млн и скрывалась от наших органов, имея иностранный ВНЖ // Завтра. 17.01.2026. URL: https://zavtra.ru/events/vitce-prezident_oboronstroya_ukrala_786 mln_i_skrivalas_ot_nashih_organov_imeya_inostrannij_vnzh

⁷¹ Дугин А. Провести деколонизацию сферы образования. URL: https://zavtra.ru/blogs/provesti_dekolonizatsiyu_sferi_obrazovaniya?ysclid=mkxo3njd3s288198716

⁷² Емельянов М. Центральный банк России как необычный феномен // Независимая газета. 10.09.2024. URL: https://www.ng.ru/society/2024-09-10/8_9090_phenomenon.html

Речь, в частности, идет о решении министра культуры О. Любимовой назначить исполняющим обязанности ректора Школы-студии МХАТ К. Богомолова, которое получило широкий общественный резонанс⁷³ и уже через несколько дней вынудило скандально известного театрального режиссера подать в отставку⁷⁴.

«Студия [МХАТ] считается одной из главных кузниц представителей актерской профессии в России и культурным брендом страны, а значит, пост ее руководителя – **место практически государственной важности**»⁷⁵.

Необходимо отметить, что эпизод с назначением К. Богомолова в начале 2026 года – далеко не первая «некрасивая история», которая происходит в сфере культуры, но имеет далеко не просто культурный, а именно **политический и социальный контекст**. В том числе за период проведения СВО (вкладка 4).

И, тем не менее, если раньше в подобных эпизодах мнение общества попросту игнорировалось лицами, принимающими управленческие решения, то сегодня, в начале 2026 года, возмущение людей привело к отмене принятого решения, то есть фактически стало победой над очередным почти свершившимся фактом несправедливости.

«Народное возмущение смогло сдвинуть, казалось, решённый вопрос... Даже попытка продвигающих Константина [Богомолова] граждан слепить из него патриота по-быстрому никак не спасла ситуацию – народ однозначно сказал «нет» и это сработало»⁷⁶.

Это многое говорит о состоянии современного российского общества и о том, как изменилась ситуация в стране за прошедшие 4 года СВО. Однако факт остается фактом:

✓ решение министра культуры о назначении бывшего (или настоящего) «навальниста» К. Богомолова было принято и, скорее всего, осталось бы в силе, если бы не возмущение общественности;

✓ в поддержку данного решения выступили многие представители элитарных кругов из органов власти (включая администрацию Президента), культуры и шоу-бизнеса⁷⁷;

✓ 6 февраля 2026 г. К. Богомолов выступил в роли ведущего одной из главных национальных литературных премий в стране «Слово», и ни один из присутствующих (а среди них тоже было немало представителей элитарных кругов⁷⁸) не увидел в этом ничего предосудительного.

⁷³ Общественный резонанс был связан, в частности, с тем, что театральные постановки К. Богомолова попросту **противоречат законодательству Российской Федерации** и конкретно Указу Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Кроме того, «на выборах мэра Москвы 2013 г. Богомолов активно поддерживал Навального* и выступал на навалнистских митингах» (источник: Иванов А. Неожиданное решение Минкульта: и.о. ректора Школы-студии МХАТ назначен Богомолов. Да, тот самый. URL: https://zavtra.ru/events/neozhidannoe_reshenie_minkul_ta_i_o_rekora_shkoli-studii_mhat_naznachен_bogomolov_da_tot_samij).

* Деятельность штабов Навального признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁷⁴ О данном решении было объявлено 23 января 2026 г., а уже 10 февраля 2026 г. на фоне широкого общественного резонанса К. Богомолов попросил об отставке с назначенной должности.

⁷⁵ Авдошина Е. Пасьянс Школы-студии МХАТ еще не разложен: Богомолов ушел, но кто придет? // Независимая газета. 12.02.2026. URL: https://www.ng.ru/vision/2026-02-12/8_9436_bogomolov.html?ysclid=mlow7xao68541793612

⁷⁶ Иванов А. «Ему порекомендовали»: Богомолов отказался от ректорства в Школе-студии МХАТ // Завтра. 11.02.2026. URL: https://zavtra.ru/events/emu_porekomendovali_bogomolov_otkazalsya_ot_rektorstva_v_shkole-studii_mhat

⁷⁷ Среди них: министр культуры РФ О. Любимова, специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой, генеральный директор медиагруппы «Россия сегодня» Д. Киселёв, член Правительственного совета по развитию отечественной кинематографии Ф. Бондарчук, ректор Российского института театрального искусства ГИТИС Г. Заславский, президент Национального драматического театра России (Александринского театра) В. Фокин.

⁷⁸ Награды победителям премии вручали пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков, замглавы Совбеза РФ Д. Медведев, помощник Президента РФ В. Мединский, президент Российского книжного союза С. Степашин, зам. министра обороны РФ А. Цивилева. Гран-при премии «Слово» получил народный артист РСФСР Н. Михалков. Также награды получили З. Прилепин, М. Симоньян и др.

Вкладка 4

Некоторые примеры противоречивых управленческих решений в сфере культуры, вызвавших общественный резонанс

1. 27 августа 2022 г. — исполнительным директором Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника назначена А. Сапрыкина, «арт-менеджер из безоговорочно либеральной тусовочки, преданный адепт современного искусства»⁷⁹.

2. 20 сентября 2022 г. ректором Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина была назначена Н.С. Трухановская. Одной из первых ее инициатив стало предложение о том, чтобы лишить русский язык статуса государственного в национальных республиках РФ и считать его иностранным. Глава Национального антикоррупционного комитета, член СПЧ К. Кабанов отметил, что заявление Трухановской «даже в рамках обсуждения является провокацией и угрозой для целостности Российской Федерации».

В начале апреля 2024 г. в Москве были задержаны члены группы, которые выдавали мигрантам недействительные сертификаты о владении русским языком. Среди задержанных были и сотрудники Института русского языка. В целом, по данным следствия, преступная группа «обслуживала» таким образом 464 гражданина Узбекистана и Таджикистана. 12 апреля 2024 г. Наталья Трухановская была отправлена в отставку⁸⁰.

3. «10 января 2023 г. стало известно о первом деле, возбуждённом по новой статье о пропаганде ЛГБТ в отношении скандального издательства Porsogn Books, которое выпустило тот самый педофильский роман «Лето в пионерском галстуке», его продолжение «О чём молчит ласточка» и множество других извращенческих «шедевров». По ст. 6.21 КоАП (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и/или предпочтений, смены пола) и по ст. 20.1 (мелкое хулиганство).

1 февраля 2023 г. владелец Porsogn Books Денис Котов (президент АНО «Сотворение», совладелец Объединённой розничной сети «Читай-город — Буквоед») ... вошёл в обновленный состав Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации. Соответствующий приказ подписала министр культуры Ольга Любимова»⁸¹.

4. 17 июля 2024 г. по обвинению в мошенничестве и получению взятки в особо крупном размере был задержан бывший министр культуры Москвы А. Кибовский⁸².

⁷⁹ Иванов А. «Душное капковское наследие» добралось до Сергиева Посада // Завтра. 27.08.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/dushnoe_kapkovskoe_nasledie_dobralos_do_sergieva_posada

⁸⁰ Экзамен по русскому провален: «Чёрная метка» для мигрантского лобби // Царьград. 20.04.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/jekzamen-po-russkomu-provalen-sjornaja-metka-dlja-migrantского-lobbi_990057?ysclid=mlk18j31f644988524

⁸¹ Иванов А. Фигурант дела об ЛГБТ-пропаганде вошёл в совет Министерства культуры РФ // Завтра. 01.02.2023. URL: https://zavtra.ru/events/figurant_dela_ob_lgbt-propagande_voshol_v_sovet_ministerstva_kul_turi_rf?ysclid=mlk1r4aiaс42954726

⁸² Локотецкая М., Русакова Р. Александр Кибовскому насчитали сто миллионов // Коммерсант. 17.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6837466?ysclid=mlk1rkuicli341227036>

5. 17 июня 2025 г., выступая на пленарном заседании Государственной Думы, российский режиссер и активный общественный деятель Н. Михалков озвучил конкретный эпизод о том, как его предложение по квотированию зарубежных фильмов в российском кинопрокате сначала было одобрено и подписано Президентом, однако затем в ходе рассмотрения в различных инстанциях письменная резолюция главы государства просто исчезла.

Выдержка из выступления Н. Михалкова: «**Письмо было написано 1 марта 2025 года. На этом письме была наложена резолюция. «Прошу идею поддержать. Нужно принять меры по защите рынка заранее еще до того, как конкуренты начнут возвращаться. Проработайте и доложите». Это написано Владимиру Мединскому...** Далее этот документ рассылается в восемь разных организаций для консультации, наверное, для понимания как, что. **Но самое интересное и самое главное: этот документ рассылается без первой страницы моего письма, на котором стоит резолюция Президента. И этот документ перестает быть поддержанным Президентом. Он становится частной инициативой каких-то людей...**»⁸³

6. 9 июля 2025 г. художественный руководитель Михайловского театра в Санкт-Петербурге и генеральный директор МХАТа им. Горького в Москве, бывший худрук Новосибирского академического театра В. Кехман был вызван для дачи показаний в Следственный комитет, а затем опущен под подписку о невыезде. 11 июля газета «Известия» со ссылкой на источники в правоохранительных органах сообщила, что Кехману предъявлено обвинение в растрате, связанное с превышением сметной стоимости как минимум по трем подрядным контрактам⁸⁴.

7. 18 февраля задержана министр культуры Башкирии А. Шафикова. Она подозревается в превышении должностных полномочий и присвоении бюджетных средств. Как отметили эксперты, «**случилось то, что должно было случиться значительно раньше. Причины понятны уже всем давным-давно. Просто, видимо, не имелось достаточно фактических данных...** Мы не знаем документов, которые на руках у следствия, но можем предполагать вот о чем: если в каком-то ведомстве есть факт того, что крупный подрядчик оказался, условно говоря, преступником или его в чем-то подозревают, **то nepосвященность в данную ситуацию министра исключается. Вопрос только в том, насколько он в этом принимал участие**»⁸⁵.

⁸³ Выступление Н.С. Михалкова на пленарном заседании Государственной Думы 17 июня 2025 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/61632/>

⁸⁴ Жилиева А. Дело Владимира Кехмана: как один бизнесмен управляет тремя театрами страны // Форбс. 18.07.2025. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/541748-delo-vladimira-kehmana-kak-odin-biznesmen-upravlyaet-tremi-teatrami-strany?ysclid=ml1rpg3t2m650101321>

⁸⁵ Скрып А., Сенопальников А. Пианистка догралась: за что повязали министра культуры Башкортостана? // Бизнес-онлайн. 18.02.2026. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/695203?ysclid=mlt1mj1eju862328495> (приведена оценка политтехнолога А. Потылицына).

Таким образом, эпизод с Богомоловым, как показывают данные, представленные на вкладке 4, не частный случай; это «система», и у многих экспертов она вызывает большие вопросы по поводу качества управленческих решений и целей, которые преследуют лица, их принимающие.

Мардан С. (ведущий телеканала «Соловьёв Live»): **«Остались вопросы к кадровой политике Минкульта. На которые, впрочем, всё равно никто не ответит»**⁸⁶.

Бурляев Н. (первый заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений): **«Это временное недоразумение длится уже не одно десятилетие, вызывая недоразумение подавляющего большинства нормальных людей»**⁸⁷.

Райкина М. (редактор отдела литературы и искусства «Московского комсомольца»): «Что происходит с кадровой политикой в области культуры? Стремительные назначения и освобождения могут говорить о том, что **идёт невидимая нам битва престолов – иначе это не назовёшь...**

Кто, кого, куда вызвал, кто, кому, что объявил или, хуже того, приказал – нам не дано предугадать... Ясно одно, и чем дальше, тем больше мы укрепляемся в этом: чтобы получить театр, школу, да и вообще пост в другом культурном учреждении, нужно иметь ресурс. И этот ресурс должен быть круче всех других ресурсов. **К чему приведет борьба ресурсов/престолов, в частности, в культуре – о катастрофичности последствий можно только догадываться»**⁸⁸.

В сфере культуры мы в очередной раз видим подтверждение слов А. Дугина о том, что в

отношении элит, руководствующихся не национальными, а личными интересами, речь надо вести *«не просто о коррупции», а о «глобальном классе – людей с другим мировоззрением»*⁸⁹. Именно их управленческие решения, противоречащие тому, что говорит и делает Президент, в конечном итоге приводят к «угасанию» пассионарной энергии в обществе в целом.

Как это происходит на конкретном примере?

В декабре 2025 года, по итогам года и в целом по итогам четырех лет проведения СВО, ряд исследовательских организаций провел опросы населения, в результате которых эксперты пришли к выводу: *«Впервые за долгие годы в общественном сознании сформировался четкий запрос на созидательную повестку»*⁹⁰; *«страна входит в 2026 год с усталостью от геополитики и колоссальным запросом на нормализацию быта»*⁹¹.

«Впервые за долгие годы в общественном сознании сформировался четкий запрос на созидательную повестку. Люди устали от ощущения «пустых разговоров» и «застоя», которые доминировали в 2024 году. Вместо этого на первый план вышел запрос на порядок и стабильность (23% против 9% годом ранее). А главное – втрое выросла доля тех, кто видит в жизни общества развитие (11%). Это не просто адаптация к трудностям, а формирование ожидания позитивной динамики и реальных дел...

Итог 2025 года – это переход от шока и разочарования к выстраданной стабильности и созидательным ожиданиям. **Общество, пережив тяжелейший кризис, психологически готово к восстановительной повестке, но этот запрос требует конкретных действий и результатов»**⁹².

⁸⁶ Скрып А., Сенопальников А. Пианистка доигралась: за что повязали министра культуры Башкортостана? // Бизнес-онлайн. 18.02.2026. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/695203?ysclid=mlt1mjleju862328495> (приведена оценка политтехнолога А. Потылицина).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Райкина М. Война престолов в культуре: что скрывается за стремительной отставкой Богомолова // Московский комсомолец. 11.02.2026. URL: <https://www.mk.ru/culture/2026/02/11/voyna-prestolov-v-kulture-chto-skryvaetsya-zastremitelnoy-otstavkoy-bogomolova.html?ysclid=mlkhog8j80515588527>

⁸⁹ Дугин А. О необходимом истреблении глобального класса // Завтра. 23.01.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/imenno_oni_predali_rossiyu_dugin_vskril_sabotazh_elit_chistka_neizbezna

⁹⁰ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России 19.12.2025 // Официальный сайт КППРФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgaprk916136109>

⁹¹ Там же.

⁹² Гармоненко Д. КППРФ выявила основания для победы «Единой России» // Независимая газета. 19.01.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-01-19/1_9418_kprf.html

В частности, опрос экспертов, проведенный в декабре 2025 года Центром исследований политической культуры России (ЦИПКР), показал, что существует «три главных запроса, которые власть игнорирует или боится обсуждать»⁹³:

1. «Просто МИР» (66%) – завершение СВО как главное невысказанное желание.

2. «Дайте выдохнуть» (62%) – требование остановить рост цен и тарифов.

3. «Верните мой интернет» (62%) – запрос на цифровую нормальность без «электронного концлагеря».

«Четкий запрос на созидательную повестку» – это и есть накопление критической массы пассионарной энергии. При этом, как подчеркивает генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров, российский народ «сложнее стал. Разнообразнее. Умнее... люди стали больше себя ценить..., начали глубже ощущать наше единство, понимать, что мы должны быть настоящим вместе. Мы стали более склонны к тому, что называется традиционными духовно-нравственными ценностями. Крепкая семья, патриотизм, взаимопомощь и взаимовыручка...»⁹⁵

Некоторые выводы из отчета ЦИПКР о состоянии российского общества по итогам 2025 г.⁹⁴:

1. «Единая Россия» (64%) списывает экономические провалы только на санкции и прячется за «сплоченность» (64%).

2. 55% опрошенных считают, что голос народа остался «гласом вопиющего в пустыне».

3. «Битва холодильника с телевизором» (55%) – цены и тарифы пугают больше внешних врагов.

4. Итоговый диагноз общественной ситуации в канун 2026 года: «тревожное равновесие»:

✓ Градус общественных настроений эксперты оценили как «апатию и глухое раздражение» (4,2 балла из 5).

✓ Усталость от геополитики и тоска по «нормальной жизни» (3,95).

✓ «Бытовуха» значительно превышает СВО (цены волнуют больше событий на линии боевого соприкосновения) – 3,60.

✓ Надежда на вмешательство и обещания Президента как на «остров стабильности» упала до 2,43 балла.

5. Страна входит в 2026 год с усталостью от геополитики и колоссальным запросом на нормализацию быта – от ценников в магазинах до скорости интернет-соединений и работы мессенджеров.

«Нам удалось создать то, что «отфильтровывает энергичную, социально активную, пассионарную (смогли сменить свою социальную роль; идейно заряжены) часть общества. При этом по своим характеристикам эти люди скорее предпринимательского, «пионерного» типа, чем классические «служилые люди» или, тем более, чиновники...»

В новый средний класс входят и **работники перезапущившейся оборонки...** К этой же страте ценностно и функционально тяготеют **волонтеры** и все те, кто делом – именно делом, а не прикрывающей безделье и безволие болтовней – проявляет сопереживание событиям, происходящим на фронте и в ближнем тылу...

До сих пор казалось, что у нас государство держится на государевых людях – ан нет, далеко не только на них. **Оказалось, что в неменьшей степени оно держится на этих самых активных молодых (и не только) технологических предпринимателях...**

У нас появляется шанс, что этот класс пассионариев, его социальная энергия позволит послевоенной России сделать рывок вперед в экономике, в технологиях. Мы впервые можем получить массовый патриотически настроенный класс предпринимателей по модели поведения...»⁹⁶

⁹³ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КИПКР. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgapk916136109>

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>

⁹⁶ Белоусов Д.Р. Самая впечатляющая задача за последние три поколения // Монокл. № 5. 26.01.2026. URL: <https://monocle.ru/monocle/2026/05/samaya-vpechatlyayuschaya-zadacha-za-posledniye-tri-pokoleniya/?ysclid=mlunibi57a474763118>

В. Федоров: «В 2022–2023 годах СВО была в фокусе. Было непонятно, страшно. Помните, например, в 2023 году Украина обещала контрнаступление – оно провалилось, но люди ощущали опасность. Можно считать, что 2023 год стал поворотной точкой. Началось наше наступление, которое непрерывно продолжается уже полтора года. Это хорошо с точки зрения военной. А с точки зрения социально-психологической есть другие последствия. **Мы уже не боимся проиграть: наши героические бойцы продвигаются вперед. Мы, общество, верим, что все задачи будут достигнуты.** Хотелось бы, конечно, побыстрее, но если противник не готов мириться на справедливых условиях, будем сражаться дальше...

...армия воюет, народ смотрит по телевизору, через telegram-каналы..., как наши войска преодолевают сопротивление врага, **и беспокоится о другом: об экономике, зарплатах, работе, ценах, образовании детей, здравоохранении...**⁹⁷

Таким образом, разные исследовательские организации, независимо друг от друга, фиксируют одну и ту же тенденцию – рост общественного запроса на «нормализацию быта»; приоритетное беспокойство людей не за ход реализации СВО, а за динамику уровня и качества жизни.

Или другими словами – вместе с уверенностью людей в успехе СВО возвращается тот запрос населения к власти, который был актуален до кризиса.

Только теперь:

А) этот запрос исходит уже от общества, которое (по словам В. Федорова) стало «сложнее, разнообразнее, умнее...»;

и Б) острота этого запроса «раскалена» периодом почти шестилетнего (с 2020 по 2025 год) ожидания, когда общество вполне понимающе и терпеливо, поддерживая президента и консолидируясь вокруг него, «отодвинуло» повестку уровня и качества жизни на второй план, выдвинув на первый план приоритеты национальной безопасности.

Вполне справедливо эксперты обращают внимание на то, что **«этот запрос требует конкретных действий и результатов»**⁹⁸. А для этого (как подчеркивает Г. Зюганов) **«надо в срочном порядке менять социально-экономический курс в России... Невозможно решать задачи в рамках того олигархического капитализма, который демонстрирует сегодня наше Правительство»**⁹⁹.

Тем не менее решения, подобные тем, которые происходят в сфере культуры, финансовой системе и т. д., фактически «гасят» эту пассионарную энергию, накапливающуюся в обществе, блокируют «запрос на созидательную повестку».

В результате происходит отчуждение общества от власти (государства). Так, согласно данным исследований ВЦИОМ, посвященных субъективным оценкам россиян итогов уходящего года, большинство российских граждан отметили, что 2025 год был для них лично «в целом удачным, очень хорошим» (56%), а для страны – «скорее трудным, плохим, очень тяжелым» (64%, вкладка 5), **то есть итоги прошедшего года для себя лично и для страны в целом россияне оценивают не просто по-разному, а противоположным образом.**

Причем в кризисные для страны периоды эта особенность усиливается, и сама специфика кризиса здесь также имеет значение. Так, за период с 2003 по 2019 год (предшествующий пандемии Covid-19) разрыв между долей людей, положительно оценивающих итоги года для себя и для страны, составил в среднем 14 п. п.; в период пандемии до начала СВО (2020–2021 гг.) – 26 п. п., за четыре года проведения (2022–2025 гг.) – 32 п. п. (табл. 1; вкладка 5).

Та же особенность была отмечена по результатам исследований, проведенных на уровне конкретного региона – Вологодской области: разрыв между долей людей, положительно оценивающих итоги года для себя лично и для страны в целом, в среднем за 2003–2019 гг. составил 9 п. п., в 2020–2021 гг. – 11 п. п., в 2022–2025 гг. – 18 п. п. (табл. 2, вкладка б).

⁹⁷ Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>

⁹⁸ Гармоненко Д. КППФ выявила основания для победы «Единой России» // Независимая газета. 19.01.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-01-19/1_9418_kprf.html

⁹⁹ «Невозможно решать задачи в рамках олигархического капитализма». Г.А. Зюганов прокомментировал «прямую линию с Президентом В.В. Путиным» // Официальный сайт Саратовского отделения КППФ. 19.12.2025. URL: <https://kprf-saratov.ru/2025/12/nevozmozhno-reshat-zadachi-v-ramkah-oligarhicheskogo-kapitalizma-g-a-zyuganov-prokommentiroval-priamuyu-liniyu-s-prezidentom-v-v-putinyim/>

Таблица 1. Динамика оценок итогов года (ВЦИОМ, данные по Российской Федерации), % от числа опрошенных

Период	Для себя (своей семьи)	Для страны	Разница + / –
Доля положительных оценок			
2003–2019 гг. (до пандемии Covid-19)	55	42	+14
2020–2021 гг. (до начала СВО)	39	14	+26
2022–2025 гг. (4 года СВО)	55	23	+32
Доля отрицательных оценок итогов года			
2003–2019 гг. (до пандемии Covid-19)	43	52	-9
2020–2021 гг. (до начала СВО)	60	80	-21
2022–2025 гг. (4 года СВО)	42	71	-29
Источник: Итоги 2025 года, ожидания от 2026-го / ВЦИОМ. 24.12.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2025-goda-i-ozhidaniya-ot-2026-goda			

Таблица 2. Динамика оценок итогов года (ВолНЦ РАН, данные по Вологодской области), % от числа опрошенных

Период	Для себя (своей семьи)	Для страны	Разница + / –
Доля положительных оценок			
2003–2019 гг. (до пандемии Covid-19)	46,6	37,6	+9
2020–2021 гг. (до начала СВО)	36,6	25,8	+11
2022–2025 гг. (4 года СВО)	45,2	24,9	+18
Доля отрицательных оценок итогов года			
2003–2019 гг. (до пандемии Covid-19)	44,5	45,0	-1
2020–2021 гг. (до начала СВО)	55,3	60,9	-6
2022–2025 гг. (4 года СВО)	48,8	64,0	-15
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.			

Таким образом, большинство россиян положительно оценивают итоги прошедшего года для себя лично и отрицательно – для страны в целом.

Это расхождение в оценках населением своей личной и общественной жизни усиливается в периоды кризисов и (как показывают результаты исследования) особенно ярко проявилось именно в период проведения специальной военной операции.

Об этом же отчуждении общества от власти свидетельствует снижение интереса людей к «прямой линии с В. Путиным» (то есть к прямому общению Президента с народом, которое всегда составляло основу складывающихся между ними особенных, глубоких, доверительных отношений; *вкладка 7*).

По данным ФОМ, в 2025 году¹⁰⁰:

✓ впервые с 2019 года уменьшилась доля россиян, которых вообще заинтересовала «прямая линия с В. Путиным» (с 66 до 64%);

✓ впервые с 2018 года увеличилась доля людей, которые не смотрели «прямую линию» (с 43 до 46%);

✓ впервые снизилась доля людей, которым «прямая линия» понравилась (с 48 до 44%);

✓ впервые уменьшилась доля тех, кто отметил, что вопросы, звучавшие на «прямой линии», были «хорошими, интересными» (с 41 до 36%).

Таким образом, впервые за весь многолетний кризисный период, в котором находится наша страна (напомним, что сюда вполне можно отнести и период пандемии Covid-19), российское общество продемонстрировало снижение интереса к тому, что беспокоит наших сограждан, и к тому, как реагирует на это лично В.В. Путин: что он говорит, что делает и что собирается делать.

¹⁰⁰ «Итоги года с Владимиром Путиным». Интерес к программе и впечатления от прямой линии // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». 29.12.2025. URL: <https://fom.ru/posts/15290>

Каким был прошедший год...? (данные ВЦИОМ по России, % от числа опрошенных)*

Год	В целом удачным, очень хорошим			Скорее трудным, плохим, очень тяжёлым		
	Для России	Для себя (своей семьи)	+/-	Для России	Для себя (своей семьи)	+/-
Период проведения СВО	2025	56	+27	64	40	-24
	2024	53	+30	70	43	-27
	2023	57	+31	66	41	-25
	2022	52	+38	83	45	-38
Среднее за 4 года проведения СВО						
Пандемия Covid-19	2021	45	+26	72	53	-19
	2020	33	+25	88	66	-22
Среднее за 2 года пандемии Covid-19						
«Докризисный» период	2019	34	+20	58	45	-13
	2018	33	+24	60	40	-20
	2012	38	+17	56	44	-12
	2007	64	-2	27	35	8
	2005	46	+5	49	48	-1
2003	45	+10	50	44	-6	
Среднее за «докризисный» период 2003–2019 гг.						
	42	55	+14	52	43	-9

* За представленный период измерений доля людей, «затруднившихся ответить» на вопрос, составляла от 1 до 9%.

Источник: Итоги 2025 года, ожидания от 2026-го / ВЦИОМ. 24.12.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/itogi-2025-goda-i-ozhidaniya-ot-2026-goda>

Как показывают данные ВЦИОМ, за период с 2003 по 2019 год разница между долей людей, позитивно оценивающих прошедший год лично для себя и для страны в целом, не превышала 24 п. п. Однако, после того как страна вошла в кризисный период (связанный с пандемией Covid-19, затем — с началом СВО), этот показатель возрос и стал составлять от 25 до 38 п. п.

Аналогичная ситуация по доле тех, кто негативно оценивает итоги года для себя и для страны: до пандемии коронавирусной инфекции разница между ними не превышала 20 п. п.; после 2020 года она составляла от 19 до 38 п. п.

Таким образом, в кризисный период (особенно после начала СВО) доля людей, по-разному оценивающих итоги прошедшего года лично для себя (своей семьи) и для страны в целом, увеличивается.

Каким был прошедший год...? (данные ВолНЦ РАН по Вологодской области, % от числа опрошенных)*

Год	В целом удачным, очень хорошим		+/-	Скорее трудным, плохим, очень тяжёлым		+/-
	Для России	Для себя (своей семьи)		Для России	Для себя (своей семьи)	
Период проведения СВО	2025	24,9	45,2	+20	64,0	-15
	2024	24,7	43,2	+19	64,7	-15
	2023	23,8	40,1	+16	65,5	-12
	2022	21,6	36,2	+15	66,0	-9
Среднее за 4 года проведения СВО						
Пандемия Covid-19	2021	26,4	37,3	+11	60,5	-6
	2020	25,1	35,9	+11	61,2	-6
Среднее за 2 года пандемии Covid-19						
«Докризисный» период	2019	33,6	43,8	+10	53,1	-4
	2018	31,6	44,1	+13	54,0	-8
	2012	39,9	45,4	+6	43,9	+2
	2007	48,6	53,6	+5	29,0	+7
	2005	33,1	47,4	+14	48,3	-4
	2003	38,5	45,1	+7	41,6	+4
Среднее за «докризисный» период 2003-2019 гг.						
		37,6	46,6	+9	45,0	-1

* За представленный период измерений доля людей, «затруднившихся ответить» на вопрос, составляла от 6 до 26%.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Не идентичные данные (прежде всего из-за разницы в доле «затрудняющихся ответить»), но аналогичные особенности (тенденции) были выявлены при анализе данных социологических опросов, проведенных на территории Вологодской области.

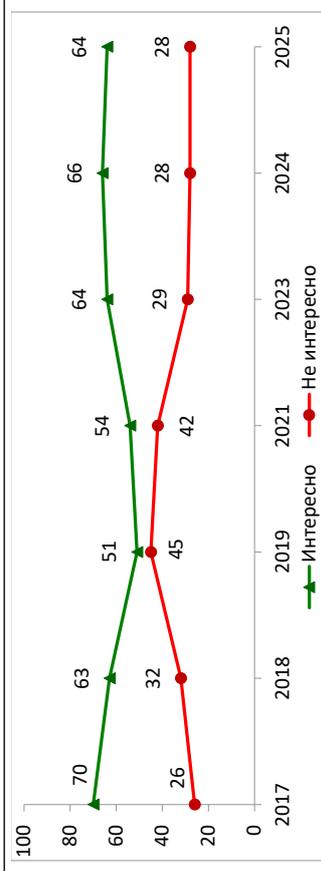
За «докризисный» период 2003–2019 гг. разница между долей людей, позитивно оценивающих итоги года для себя лично и для страны в целом, составила в среднем 9 п. п., в период пандемии Covid-19 – 11 п. п., в период проведения СВО – 18 п. п.

Разница между долей тех, кто негативно оценивает итоги года для себя и для страны, в 2003–2019 гг. составила 1 п. п., в период пандемии – 6 п. п., в период проведения СВО – 13 п. п.

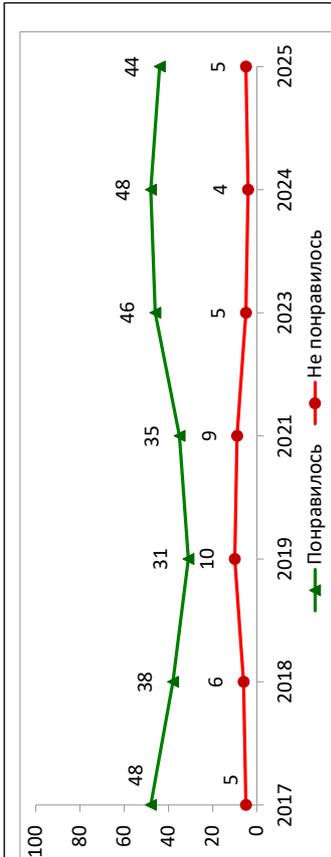
Таким образом, даже при наличии региональных особенностей, обуславливающих отличие конкретных данных, получаемых ВЦИОМ по России и ВолНЦ РАН по Вологодской области, выявленная особенность усиления «разрыва» между обществом и властью в кризисные периоды (особенно в период проведения СВО) имеет место на всех территориях.

Вкладка 7

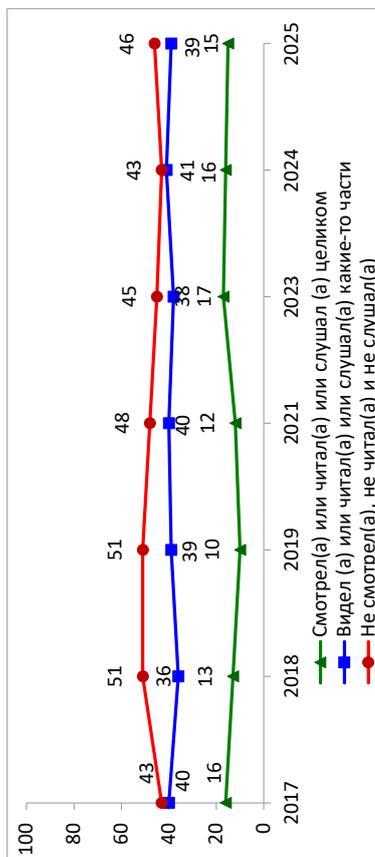
Динамика общественного мнения о «прямой линии с В. Путиным» (данные ФОМ, в целом по России)¹⁰¹

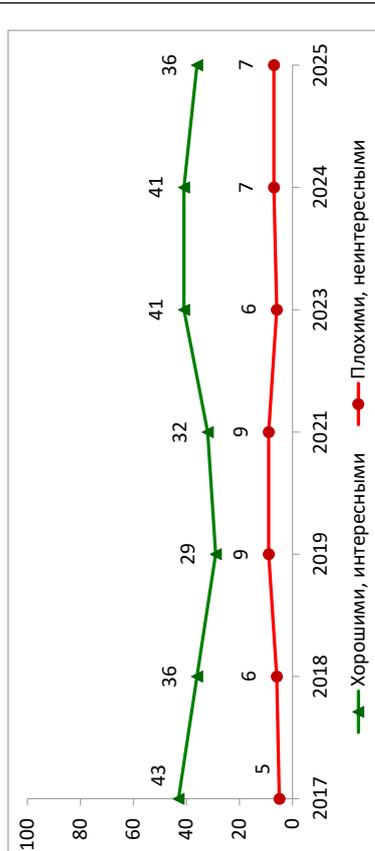
7А. Вам интересно или не интересно смотреть сюжеты и телепередачи, где Владимир Путин отвечает на вопросы россиян в прямом эфире, то есть в формате прямой линии?

7Б. Вам понравилось или не понравилось, как Владимир Путин отвечал на вопросы во время прямой линии?

7В. Вы смотрели программу «Итоги года с В. Путиным» полностью, видели какие-то части или Вы её не смотрели? Может быть, Вы читали ответы В. Путина или слушали их по радио?

7Г. Если говорить в целом, большинство вопросов, заданных В. Путиным на прямой линии, были, на Ваш взгляд, хорошими, интересными или плохими, не интересными?

В 2025 году (впервые с 2019 года):

- ✓ уменьшилась доля людей, которым интересно следить за общением Президента с россиянами в прямом эфире (на 2 п. п., с 66 до 64%; рис. 7А);
- ✓ уменьшилась доля россиян, которым понравилась прошедшая «прямая линия с В. Путиным» (на 4 п. п., с 48 до 44%; рис. 7Б);
- ✓ возрос удельный вес тех, кто полностью или частично смотрел программу «Итоги года с В. Путиным» (на 3 п. п., с 43 до 46%; рис. 7В);
- ✓ снизился удельный вес людей, которым были интересны вопросы, задаваемые на «прямой линии» с Президентом (на 5 п. п., с 41 до 36%; рис. 7Г).

¹⁰¹ «Итоги года с Владимиром Путиным». Интерес к программе и впечатления от прямой линии // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». 29.12.2025. URL: <https://fom.ru/posts/15290>

Приведенные данные социологических исследований показывают, что россияне «уходят в себя», «дистанцируются» от государства и от страны (55–60% людей по-разному оценивают итоги прошедшего года для себя лично и для страны в целом; снижается интерес россиян к «прямой линии» с Президентом, снижается оценка качества прямого общения главы государства с народом), и поэтому не происходит «эффекта гиперкомпенсации», способного привести к «пассионарному взрыву» и «эволюционному скачку».

Причем важно отметить, что эта тенденция носит скрытый, латентный характер, потому что непосредственно уровень одобрения деятельности главы государства в стране остается стабильно высоким, оценка общего вектора развития России остается значительно более позитивной, чем до начала СВО; то же самое можно сказать и про общую удовлетворенность людей условиями своей жизни.

По данным ВЦИОМ¹⁰²:

✓ уровень одобрения деятельности Президента РФ в январе 2026 г. составил 75%; в среднем за 2025 г. – 76%.

✓ Индекс положения дел в стране* в среднем за 2025 г. составил 59 п., в среднем за 2021 г. (то есть до начала СВО) – 37 п.

✓ Индекс общественных настроений** в среднем за 2025 г. составил 62 п., в среднем за 2021 г. – 50 п.

* Формулировка вопроса: «Насколько Вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?»

** «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?»

К слову, аналогичные латентные тенденции в динамике общественного мнения отмечаются и по результатам региональных исследований, в частности проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области.

С одной стороны, по итогам мониторинговых опросов, осуществляемых на территории Вологодской области (табл. 3):

✓ на протяжении всего 2025 года и в первые месяцы 2026 года уровень одобрения деятельности главы государства оставался стабильным и составлял 64–66%, что выше, чем в среднем за 2021 год (до начала СВО; 52%) и за 2022 год (первый год СВО; 57%);

✓ при этом доля людей, позитивно оценивающих свое психологическое состояние в целом, в феврале 2025 – феврале 2026 года стабильно составляла 44–47%, что также выше, чем в 2021 и 2022 гг. (41–42%).

Однако в то же время за последние 12 месяцев (с февраля 2025 по февраль 2026 года; табл. 3):

✓ доля положительных суждений о работе главы государства по укреплению международных позиций России уменьшилась на 3 п. п. (с 50 до 47%);

✓ удельный вес людей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с наведением порядка в стране, снизился на 6 п. п. (с 54 до 48%);

✓ доля положительных оценок работы главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан уменьшилась на 4 п. п. (с 45 до 41%);

✓ удельный вес людей, позитивно оценивающих работу Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан, снизился на 4 п. п. (с 41 до 37%).

Таким образом, уровень одобрения деятельности Президента РФ в целом значительно выше (65–66%), чем оценки успешности его работы практически по всем отдельным направлениям, отражающим наиболее острые проблемы (40–50%).

Кроме того, в их динамике наблюдаются более выраженные негативные изменения: за последние 12 месяцев они достаточно очевидны по всем ключевым направлениям задач, стоящих перед главой государства.

¹⁰² Официальный сайт ВЦИОМ. Рейтинги. URL: <https://wciom.ru/ratings>

Таблица 3. Динамика субъективных оценок общественного мнения о деятельности Президента РФ и своем психологическом самочувствии (данные ВолНЦ РАН по Вологодской области), % от числа опрошенных

Показатель	Среднегодовые данные					Последние 12 месяцев		Изменение (+/-), февр. 2026 к февр. 2025*
	Год до начала СВО	Период проведения СВО				Февр. 2025	Февр. 2026	
	2021	2022	2023	2024	2025			
Доля положительных оценок деятельности Президента	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	66,3	63,7	-2
Доля положительных оценок социального настроения	66,7	67,4	65,6	69,0	71,6	69,4	69,7	0
<i>Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны</i>								
Укрепление международных позиций России	46,6	47,7	47,4	52,4	51,1	49,6	47,0	-3
Наведение порядка в стране	43,1	44,4	39,6	49,7	50,1	53,7	48,0	-6
Защита демократии, укрепление свобод граждан	33,3	36,8	40,8	44,9	43,1	44,8	40,5	-4
Подъем экономики, рост благосостояния граждан	26,0	31,5	36,1	39,0	40,5	40,9	37,1	-4
* Изменения +/- 2 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, и их можно считать незначимыми. Формулировки вопросов: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?»; «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?»; «Насколько успешно, на Ваш взгляд, В. Путин справляется с проблемами..?».								

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в последнее время по результатам и российских, и региональных социологических измерений отмечается латентная тенденция ухудшения оценок эффективности государственного управления, и, на наш взгляд, в этом прослеживается вполне очевидная причинно-следственная связь между принимаемыми решениями отдельных представителей правящих элит и динамикой состояния российского общества.

И это прямой ответ на вопрос о причинах «угасания пассионарной энергии», требуемой для «эволюционного скачка» государства-цивилизации и ее перехода на новый этап развития: *«На этапе консолидации общества должно наблюдаться и единство элит»*¹⁰³, а если этого единства нет, то и о переходе на следующую стадию «эволюционного скачка» говорить не приходится.

«Самая острая проблема, возникающая для государства, заключается в перерождении элит... когда элиты отбрасывают холистическую системную установку и начинают преследовать в первую очередь свои корыстные личные интересы. В таких случаях система государственного управления теряет эффективность, а страна начинает движение к гибели. Если такой процесс приобретает достаточный масштаб и длится довольно долго, то вероятность негативного исхода возрастает до критического значения и вполне может реализоваться»¹⁰⁴.

Конечно, нельзя не отметить, что на протяжении последних 25 лет В.В. Путиным было сделано немало системных шагов по повышению эффективности государственного управления в России.

¹⁰³ Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 4.

¹⁰⁴ Балацкий Е.В. (2024). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 56.

Кроме того, на протяжении всего периода проведения СВО главой государства, Правительством, Государственной Думой РФ проводится активная политика по укреплению культурных и экономических основ суверенитета России в условиях противостояния с «коллективным Западом». В том числе по социально-экономической поддержке широких слоев населения, участников СВО и членов их семей (вкладка 8).

Однако, несмотря на все принимаемые меры, оценки экспертов, факты, данные статистики и социологических опросов, которые были приведены выше, указывают на то, что *«задача обновления/чистки элиты продолжает стоять во весь рост»*, и поэтому государство, страна по-прежнему нуждаются в *«последовательном продолжении начатой президентом революции сверху»*.

Это означает, что «во главе угла» продолжает стоять «вопрос — вызов» по поводу того, что у Президента и у страны должно хватить времени на приведение в порядок системы государственного управления; на то, чтобы сделать ее соответствующей целям и задачам национальной политики, продиктованных реалиями, объективно изменившимися после начала специальной военной операции.

Н. Бердяев: «С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство... **Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучше или хуже»**¹⁰⁵.

«В начале двухтысячных отстранение олигархов от рычагов управления и замена проворовавшей либеральной элиты стали императивом выживания страны... **Шаг за шагом наиболее одиозные компрадорские олигархи в нулевые были отодвинуты В. Путиным от рычагов управления и заменены на более лояльных госолигархов.** Страна, казалось бы, отошла от края пропасти, но либеральная элита во власти продолжала блюсти интересы богатого меньшинства и выводить капиталы из страны, росли масштабы коррупции и социальное неравенство.

Начало Специальной военной операции показало, что предпринятых президентом шагов явно недостаточно и задача обновления/чистки элиты продолжает стоять во весь рост. Наглости у остающихся при власти сторонников гайдари-чубайсовского курса поубавилось, заговорили они по-новому, в духе времени, **но свою судьбу с судьбой народа они как не связывали, так и не связывают...**

Казалось бы, по вопросу о том, какая элита нам нужна, есть полная ясность. Её неотъемлемыми качествами должны быть неподкупность, готовность к Служению, духовность..., стратегическое видение ситуации... **Но как добиться того, чтобы и политическая, и культурная, и научная, и бизнес-элиты соответствовали этим строгим критериям? Только последовательным продолжением начатой президентом революции сверху...**¹⁰⁶

¹⁰⁵ Бердяев Н. Философия неравенства. Письмо шестое. Об аристократии. URL: <https://www.livelib.ru/book/82753/read-filosofiya-neravenstva-nikolaj-berdyayev/~6>

¹⁰⁶ Батчиков С. Сливки или пена? Ещё раз о задачах российской элиты // Завтра. 30.12.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/slivki_ili_pena?ysclid=mkkvioxane829493273

**Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ
в период с 13 декабря 2025 г. по 14 февраля 2026 г.¹⁰⁷**

**МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ,
ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ**

15 декабря — ФЗ № 468 «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона „О статусе военнослужащих“». Военнослужащим предоставляется право на проезд на безвозмездной основе к месту проведения военно-врачебными (врачебно-лётными) комиссиями военно-врачебной экспертизы и обратно.

15 декабря — ФЗ № 469 «О внесении изменений в Федеральный закон „О статусе военнослужащих“». Право на внеочередное обеспечение жильем (жилищную субсидию) получили военнослужащие: имеющие детей, являющихся инвалидами с детства; признанные военно-врачебной комиссией нетрудоспособными или ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья вследствие ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в ходе боевых действий, но, несмотря на это, решившие продолжить военную службу; в отношении которых руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального госоргана, в которых законом предусмотрена военная служба, приняты соответствующие решения.

15 декабря — ФЗ № 486 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Льготы и социальные гарантии, предусмотренные законодательством Российской Федерации для членов семей военнослужащих, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, сотрудников отдельных федеральных государственных органов, распространяются на детей, достигших возраста 18 лет и завершивших обучение по образовательным программам основного общего образования, на период до 1 сентября года, в котором завершено такое обучение.

15 декабря — ФЗ № 490 «О внесении изменений в статью 68 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». Право повторно получить среднее профессиональное образование по другой профессии или специальности за счет бюджетных средств предоставлено военнослужащим Вооруженных Сил РФ и Росгвардии, гражданам, призванным на военную службу по мобилизации, гражданам, заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска Росгвардии, при условии их участия в специальной военной операции или выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на территорию РФ.

29 декабря — ФЗ № 534 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Ужесточается уголовная ответственность за отдельные преступления, совершенные мобилизованными и контрактниками, которые освобождены от отбывания наказания условно или в отношении которых приостановлено уголовное преследование в связи с прохождением военной службы. За самовольное оставление места службы или неявку к нему без уважительных причин в течение 2–10 дней — лишение свободы на срок от 2 до 6 лет, за неявку на службу без уважительных причин в течение 1 месяца — от 3 до 8 лет, за дезертирство с оружием или группой лиц — от 10 до 12 лет, за симуляцию болезни, причинение себе повреждения или подлог документов — до 12 лет.

29 декабря — ФЗ № 572 «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона „О ветеранах“». Предусматривается отнесение к ветеранам боевых действий прокуроров и сотрудников Следственного комитета РФ, исполнявших свои служебные обязанности в соответствии с решениями органов прокуратуры Российской Федерации или Следственного комитета РФ на территории Сирийской Арабской Республики с 30 сентября 2015 года, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 года.

¹⁰⁷ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

15 декабря — ФЗ № 462 «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” и статьи 41 и 51 Федерального закона „О специальных экономических мерах и принудительных мерах”». Физлица, в отношении которых имеются сведения о причастности к экстремизму, терроризму или диверсиям, должны будут согласовывать с Росфинмониторингом финансовые операции. Под контроль попадет не только зарплата указанных лиц, но и другие доходы, которые определит Правительство. Банки должны будут блокировать операции лиц, которые находятся в перечне террористов и экстремистов.

29 декабря — Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в статью 1 Федерального конституционного закона „О Государственном гербе Российской Федерации”». Уточняется описание Государственного герба Российской Федерации. Предусматривается, что малые короны, большая корона и держава увенчаны прямыми равноконечными четырёхконечными крестами с расширяющимися концами.

29 декабря — ФЗ № 528 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Предусмотрены штрафы для должностных лиц и иных работников Паспортно-визового сервиса МВД и Многофункционального миграционного центра, которые нарушили требования к оказанию содействия в предоставлении госуслуг в сфере миграции. За нарушение порядка оказания содействия МВД или его территориальному органу в реализации отдельных полномочий при предоставлении госуслуг и исполнении функций в сфере миграции штраф для должностных лиц составляет от 5 тыс. до 10 тыс. руб., для иных работников — от 2 тыс. до 2,5 тыс. руб.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

28 декабря — ФЗ № 505 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Контроль за деньгами и имуществом госслужащих и членов их семей стал непрерывным и осуществляется в режиме реального времени в системе «Посейдон». С помощью нее можно оперативно получать информацию от ФНС, Росфинмониторинга, Росреестра, Банка России и других ведомств. Чиновники не должны ежегодно подавать декларации о доходах и имуществе. Необходимость подачи декларации сохраняется при поступлении на службу, назначении на должность, переводе или включении в кадровый резерв. Также предоставлять такие сведения нужно при возникновении установленных законом обстоятельств, например, при приобретении имущества, стоимость которого превышает 3-хлетний доход семьи госслужащего.

29 декабря — ФЗ № 545 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон направлен на защиту прав потребителей услуг микрофинансовых организаций (МФО). С 1 апреля 2027 г. МФО запрещено согласовывать новый потребительский заем с полной стоимостью более 100%, пока не пройдет 3 дня после полного погашения предыдущего займа с аналогичными параметрами в любой кредитной организации или МФО. С 1 октября 2026 г. МФО не могут выдавать потребительский заем с полной стоимостью более 200% при наличии непогашенных обязательств по 2 договорам потребительского кредита (займа) с аналогичными параметрами, заключенным с любой кредитной организацией или МФО. С 1 апреля 2026 г. переплата по микрозаймам до года снизится со 130 до 100%.

29 декабря — ФЗ № 561 «О внесении изменений в статьи 3.5 и 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Усиливается административная ответственность за навязывание потребителю дополнительных товаров (работ, услуг) за отдельную плату. Штраф на должностных лиц устанавливается в размере от 50 тысяч до 150 тысяч рублей, на юридических лиц — в размере от 200 тысяч до 500 тысяч рублей.

В заключение отметим, что «*критическая масса пассионарности*», «*жизненный цикл государства*», «*уровень благосостояния*» (как главный фактор угасания пассионарной энергии), — всё это категории, которые могут рассматриваться исключительно в долгосрочной, исторической динамике; **в контексте эволюции государства-цивилизации**. А значит, это вопрос эффективности **именно стратегического государственного управления** и, что самое важное, — **все эти категории «подчиняются управлению»**.

«Как поддержать пассионарность на максимально долгом уровне...? **Путем поддержки эффективного государственного управления. Только за счет этого можно удлинить жизненный цикл государства и нации.**

Можно управлять... критической пассионарностью, от которой зависит существование нации и государства. Это и должно быть целью. **Уровень благосостояния [главный виновник процесса угасания пассионарности] подчиняется управлению, что позволяет предотвращать нежелательные события в истории страны.** Это тонкий диалектический процесс, предполагающий **балансирование достойного уровня жизни населения на фоне той социальной модели, которая требует от людей изрядных усилий по его получению.** Сочетание таких аспектов развития и составляет **сакральную сущность искусства государственного управления»**¹⁰⁸.

На переломном этапе истории (который в настоящее время проходит Россия) очень многое (если не всё) зависит от Президента, как от человека «пассионарного психологического типа».

От его способности, с одной стороны, извлечь уроки из истинных причин распада СССР; **то есть создать такую конструкцию системы государственного управления, в которой не могли бы появиться очередные «горбачевы», «ельцины», «яковлевы» и «чубайсы»** (коих в ны-

нешней системе государственного управления, как отмечают эксперты и как показывают реальные факты, особенно в первые годы проведения СВО, по-прежнему очень много).

«Люди пассионарного психологического типа – это люди, **обладающие очень большой энергией и направляющие ее на великие дела**, как правило, на преобразование общества, **готовые рисковать** во имя великой цели собственной жизнью и жизнью своего сообщества. Главными стимулами деятельности пассионарной личности, как правило, служат **«надличностные» ценности и смыслы, т. е. не индивидуальные, личные интересы, а духовно-идеологические сущности или смысловые установки, связанные с жизнью сообщества, с которым она себя идентифицирует»**¹⁰⁹.

«Отчалил за рубеж бывший премьер-министр России М. Касьянов*, который проживает теперь в Латвии.

Заместитель премьер-министра А. Дворкович уехал в США.

Израиль в качестве места проживания выбрали бывшие заместители главы правительства И. Клебанов, А. Хлопонин и министры Я. Уринсон, М. Акимов.

Бывший руководитель Госимущества А. Кох проживает в ФРГ.

В. Христенко имеет квартиру в Испании.

Бывшая зам. премьер-министра О. Голодец тоже разрывается на две страны, одна из них – та же Испания.

За рубежом проживают также бывшие главы администрации президента РФ (В. Волошин, В. Юмашев вместе с дочерью Б. Ельцина Татьяной), бывшие министры и их заместители (А. Козырев, Е. Скрынник, А. Вавилов, И. Чуян, А. Реймер и др.), немало бывших губернаторов и их заместителей, сотни чиновников федерального правительства!¹¹⁰

* Внесен в реестр иностранных агентов.

¹⁰⁸ Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 18.

¹⁰⁹ Волконский В.А. (2025). Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 41.

¹¹⁰ Тощенко Ж.Т. Старые и новые лики предательства // Правда. № 86. 30.01.2023. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/9-31502-3031-yanvary-a-2024-goda/starye-i-novye-liky-predatelstva/?ysclid=mlunjtsddn27983037>

С другой стороны, от способности Президента **инициировать и возглавить процесс формирования в России Образа будущего** как главного (а может даже единственного) реального инструмента, способного противостоять власти капитала, власти денег и бездуховности, которая, на самом деле, стала проблемой не только для нашей страны, но и для всего уходящего мира «одного гегемона».

Как отмечает Э. Биров¹¹¹, *«когда власть сводится к деньгам, тогда образ будущего становится лишним, поэтому капитал навязывает массам нежелание стремиться к идеалам»*, но, если есть Образ будущего, то «капитал теряет свою власть, сводится до роли услуги», и это — **«спасение общества от деградации»**.

«Образ будущего, при его наличии, на самом деле формирует будущее... Его же отсутствие, отсутствие цели и созидательных смыслов, приводит к деградации...»

Когда власть сводится к деньгам, к владению капиталом, тогда образ будущего становится лишним, ненужным... Капитал навязывает массам нежелание стремиться к идеалам... Отсюда и постоянное саботирование попыток сформулировать идеалы, духовные ценности и образ справедливого миропорядка. Иначе капитал потеряет свою власть, будет низведен до роли услуги, чем и должен быть.

Ценности – это угроза для ценников. Образ будущего – угроза для капитала. Но спасение для общества от деградации»¹¹².

Но каким должен быть этот образ будущего? Судя по результатам массовых социологических опросов¹¹³, российское общество ждет от главы государства Образа будущего, в основе которого лежат такие понятия, как **«закон», «порядок», «справедливость», «права человека», «мир», «свобода», «патриотизм»**.

«Можно констатировать, что в обществе образовался **явный дефицит политики, основанной на законе, порядке, справедливости, правах человека, мире**. Содержательно такой набор идей коррелирует с приоритетами **ценностной модели социализма**, присутствующей в массовом сознании...»¹¹⁴

Такое представление об Образе будущего, полученное социологами по результатам исследований в начале 2020-х гг., остается устойчивым и вполне коррелирует с тем, что говорил генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров в декабре 2025 года: *«В России существуют три Образа Будущего. Они не противоречат друг другу и во многом пересекаются:*

✓ *«Первый образ: «Россия – социальное государство». Государство очень доброе, всех любит, всем помогает и защищает.*

✓ *Второй: «Россия – комфортная страна». Всё очень удобно, благоустроено, вежливо.*

✓ *Третий образ: «Россия великая». То есть Россия, от которой очень многое зависит в мире»¹¹⁵.*

¹¹¹ Э.Биров – журналист, обозреватель аналитического центра ТАСС, постоянный автор публикаций в газете «Завтра»; до 2013 г. принимал участие в работе «Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования» (Центр Сулакшина), являлся главным редактором интернет-издания «Россия навсегда».

¹¹² Биров Э. Образ будущего против власти капитала // Завтра. 11.02.2026. URL: https://zavtra.ru/blogs/obraz_budushchego_protiv_vlasti_kapitala

¹¹³ Исследования проведены Федеральным научно-исследовательским центром РАН (ФНИСЦ РАН). Выводы экспертов основаны на результатах реализации следующих проектов:

1. Социологический мониторинг «Как живёшь, Россия?», который проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН с 1992 года по настоящее время.

2. Исследовательский проект «Образ будущего как основание устойчивого социального оптимизма в контексте взаимодействия российского общества и государства», реализованный при поддержке Экспертного института социальных исследований, в рамках которого был проведён всероссийский опрос общественного мнения в июне 2023 г.

3. Исследовательский проект «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян (Как социальные страты оценивают будущее и перспективы развития страны)», который был реализован в 2021 году.

¹¹⁴ Образ будущего в призме социологических измерений: [монография] / М.Б. Буланова, Н.М. Великая, О.В. Гребняк [и др.]; отв. ред. Н.М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир Науки, 2023. С. 51.

¹¹⁵ Социологи назвали самые популярные у россиян образы будущего // Известия. 26.12.2025. URL: <https://iz.ru/2015949/2025-12-26/sotciologi-nazvali-samye-populiarnye-u-rossiian-obrazy-budushchego>

1. **Ж.Т. Тощенко:** «**Общественный договор... – это базовое, но в то же время особое состояние взаимоотношений государства и народа, которое выражается в философии общей судьбы – явном (открытом) и латентном взаимосогласованном достижении целей, средств и методов их реализации при осуществлении социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований**»¹¹⁶.

2. **С.А. Караганов:** «**Образ мира, в каком нам хотелось бы жить, живая идея-мечта России, госидеология**, выдвигаемая и продвигаемая, нужна для того, чтобы мы все, от Президента до фермера, рабочего, инженера, офицера, учёного, предпринимателя, госслужащего, **поняли, какими мы хотим быть и какой мы хотим видеть нашу страну...** Наличие общей идеологической платформы, национальной идеи является **одним из важнейших констатирующих признаков суверенного государства** – а другим мы не хотим и не можем быть. **Её отсутствие – признак недосуверенитета**»¹¹⁷.

Вероятно, именно такой **Образ будущего, создание которого является, пожалуй, одной из главных задач, стоящих перед Президентом после окончания СВО, может стать фундаментом нового Общественного договора**, основанного на достижении не внешней (формальной), **а глубоко внутренней** взаимной договоренности между обществом и государством.

Это будет способствовать повышению эффективности стратегического государственного управления, что позволит Президенту продолжить реализацию курса национального разви-

тия, ориентируясь *«не только на текущие потребности и обстоятельства, но и на интересы страны на столетия вперёд...»*¹¹⁸

В. Путин: «... сама идея [о строительстве Транссибирской магистрали через всю страну до Тихого океана] служит для нас примером **стратегического видения будущего, когда в расчёт принимаются не только текущие потребности и обстоятельства, но и интересы страны на столетия вперёд...**»¹¹⁹

Литература

- Балацкий Е.В. (2024). Экономика элит и политическая нестабильность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 43–63.
- Балацкий Е.В. (2025). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59.
- Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. С. 1–23.
- Волконский В.А. (2025). Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 39–56.
- Гумилёв Л.Н. (2005). Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. СПб., М.: Кристалл; ОНИКС. 975 с.

¹¹⁶ Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 5.

¹¹⁷ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: Доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.

¹¹⁸ Выступление В. Путина на Пленарном заседании VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» 27 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76554>

¹¹⁹ Там же.

- Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80.
- Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.
- Образ будущего в призме социологических измерений: [монография] / М.Б. Буланова, Н.М. Великая, О.В. Гребняк [и др.]; отв. ред. Н.М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир Науки, 2023.
- Тодд Э. (2025). Поражение Запада. М.: Издательство АСТ. 320 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 3–14.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. Москва: ФНИСЦ РАН. 844 с.
- Тощенко Ж.Т., Кожемяко В.С. (2025). Обратни во власти: они убили советскую страну. Москва: Родина. 444 с.
- Шопенгауэр А. (2011). Изречения. Афоризмы житейской мудрости. Минск: Харвест. 416 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Efficiency of Strategic Public Administration: The State of Russian Society Following Four Years of the Special Military Operation

Abstract. The deep civilizational crisis that humanity is currently experiencing, the emergence of a new multipolar world order, and the challenges confronting Russia in this context underscore the urgent need to examine the strategic effectiveness of public administration. The authors emphasize the importance of a rigorous scholarly approach to understanding Russia's role in the ongoing historical shift toward multipolarity, as well as in the wake of four years of the special military operation. To evaluate the effectiveness of strategic governance, the study employs the “evolutionary leap model” developed by E.V. Balatsky, which draws on the classical theories of historians, philosophers, and sociologists such as L. Gumilev, A. Schopenhauer, A. Toynbee, and E. Todd. The article also traces the evolution of Russian society and scrutinizes the caliber of the ruling elites as bearers of what Gumilev termed “passionarity energy” – the decisive factor determining whether the country will make an “evolutionary leap” to the next stage of historical development or face a crisis of statehood that directly threatens its very survival. The authors' conclusions are grounded in data from nationwide and regional sociological surveys, official statistics, empirical evidence, and expert opinions, enabling a holistic assessment of public administration effectiveness, including its strategic dimensions: goal-setting, long-term consequences, and the motivations of decision-makers. Both the subjective evaluations and objective data presented in

the article point to an acute need for improving the strategic effectiveness of governance. The President of Russia, who over the past quarter-century has consistently demonstrated strategic foresight, must now bring this quality to bear on the ruling elites, many of whose decisions continue to run counter to national interests and, as the study reveals, deepen the rift between society and the state. The study's scholarly contribution lies in applying the "evolutionary leap model" to assess not only the effectiveness of strategic public administration but also the state of society and the quality of ruling elites in contemporary Russia.

Key words: effectiveness of strategic public administration, civilizational crisis, new multipolarity, "evolutionary leap" model, passionarity, RF President, ruling elites, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Стратегическая дилемма опорных населённых пунктов: между саморазвитием и трансфертной зависимостью

Евгений Моисеевич

БУХВАЛЬД

Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: buchvald@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9892-5930; ResearcherID: Q-7131-2017

Игорь Сергеевич

БЕССОНОВ

Самарский государственный экономический университет
Самара, Российская Федерация
e-mail: igornews@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1118-336X

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена введением в Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2030 года нового инструмента региональной политики — опорных населённых пунктов, формально призванных стать точками роста для сбалансирования пространственного развития. Цель работы — выявление системных противоречий в концепции опорных населённых пунктов, представленной в Стратегии, и обоснование необходимых корректировок, направленных на переориентацию данного института с компенсационной на экономически стимулирующую модель функционирования. Научная новизна заключается в комплексном выявлении и структуризации четырёх ключевых институциональных противоречий: между целеполаганием и унифицированным инструментарием; в логике отбора поселений по критерию «проблемности», а не потенциала; между возлагаемыми функциями и имеющи-

Для цитирования: Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. (2026). Стратегическая дилемма опорных населённых пунктов: между саморазвитием и трансфертной зависимостью // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.7

For citation: Buchwald E.M., Bessonov I.S. (2026). The strategic dilemma of support settlements: Between self-development and transfer dependence. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 57–72. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.7

мися ресурсами; между долгосрочными целями развития и краткосрочностью бюджетного планирования. Методологическую основу исследования составили системный и контент-анализ текста Стратегии и сопутствующих документов, а также проведение серии полуформализованных экспертных интервью с представителями органов местного самоуправления из двенадцати субъектов Российской Федерации. Основные результаты свидетельствуют, что текущая реализация института опорных населённых пунктов тяготеет к логике бюджетного выравнивания, а полученные эмпирические данные подтверждают скепсис муниципалитетов и их запрос на экономические стимулы. Разработана стимулирующая модель, предлагающая конкретные институциональные решения для перехода к парадигме саморазвития, ключевыми элементами которой выступают функциональная типология поселений, внедрение специальных экономических режимов, чёткое разграничение полномочий и переход к долгосрочному программному финансированию. Ограничением исследования является фокус на качественном анализе восприятия проблемы, что определяет необходимость дальнейшей количественной оценки эффективности пилотных проектов, реализуемых в рамках предложенной парадигмы.

Ключевые слова: стратегическое планирование, пространственное развитие, бюджетное выравнивание, региональная политика, муниципальные образования, опорные населённые пункты, экономическое стимулирование.

Введение

Принятие Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹ (СПР-2030) ознаменовало новый этап в осмыслении государством принципов территориальной организации страны. В отличие от предыдущей, во многом не оправдавшей себя Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года² (СПР-2025), новый документ содержит ряд концептуально важных новаций, среди которых особое место занимает институт опорных населённых пунктов (ОНП). Формально позиционируемый в качестве одного из ключевых инструментов обеспечения сбалансированности пространственного развития, данный институт призван аккумулировать ресурсы и усилия для развития внеагломерационных территорий.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-п.). URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya_strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda (дата обращения: 10.10.2025).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-п (ред. от 30.09.2022)). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

Однако, как и в случае со многими другими инициативами в сфере российского стратегического планирования, за декларацией благих намерений скрывается системная методологическая проблема. Анализ текста СПР-2030, а также предшествующей практики реализации аналогичных «точечных» инструментов (например, макрорегионы и геостратегические территории в СПР-2025) позволяет выдвинуть гипотезу о том, что заложенная в основу политики в отношении ОНП модель носит по преимуществу компенсационный, а не стимулирующий характер. Фактически, она рискует воспроизвести порочную логику «трансфертного иждивенчества», при которой поддержка из федерального центра направляется не на запуск эндогенных механизмов экономического роста, а на латание бюджетных дыр и поддержание социальной сферы в условиях хронической депрессивности.

Таким образом, на повестку дня выходит фундаментальная дилемма: станут ли опорные населённые пункты, коих в стране насчитывается свыше двух тысяч³, реальными точками

³ 2160 единиц согласно Единому перечню опорных населённых пунктов Российской Федерации (утв. президентом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от декабря 2024 г. № 143пр)). URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b941182ed4b1c06707b31a18756689d1/edinuyu_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

роста и саморазвития для прилегающих территорий, или же их удел — утвердиться в статусе пассивных получателей бюджетных средств, чье существование зависит исключительно от объема поступающих дотаций. Разрешение этой дилеммы имеет не только сугубо экономическое, но и конституционно-политическое измерение, поскольку напрямую затрагивает проблему сочетания принципа равноправия субъектов России с необходимостью дифференцированного подхода к их поддержке.

Цель исследования заключается в выявлении системных противоречий в концепции опорных населенных пунктов, представленной в СТР-2030, и обосновании необходимых корректировок, направленных на переориентацию данного института с компенсационной на экономически стимулирующую модель функционирования. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: критический анализ трактовки ОНП в тексте Стратегии; обобщение практических ожиданий и опасений, связанных с данным статусом, со стороны представителей муниципальных образований; раскрытие глубинного конфликта между целеполаганием выравнивания и саморазвития; формулирование конкретных предложений по интеграции ОНП в реальные экономические процессы и формированию для них устойчивых доходных источников.

Для глубинного понимания выявленной дилеммы и системных противоречий необходимо обратиться к теоретическим основам пространственного развития, в рамках которых дихотомия выравнивания и саморазвития традиционно занимает центральное место.

Теоретико-методологические основы исследования

Проблема соотношения выравнивания и саморазвития территорий, центральная для понимания роли опорных населенных пунктов в новой Стратегии пространственного развития России, имеет глубокие теоретические корни. Анализ эволюции научных взглядов позволяет выявить методологическую основу управленческих противоречий, заложенных в СТР-2030.

Классические теории регионального роста, разработанные Ф. Перру (концепция «полюсов роста») и А. Хиршманом (теория «несбаланси-

рованного роста»), вскрыли фундаментальный механизм пространственного развития: концентрация экономической активности в «центрах» закономерна и может стимулировать развитие «периферии» через «эффекты просачивания» (Perroux, 1955; Hirschman, 1958). Однако, как показал Г. Мюрдаль, при отсутствии целенаправленной политики доминирует кумулятивная причинность, усиливающая неравенство (Myrdal, 1957). Дальнейшее развитие эти идеи получили в работах М. Фуджиты, П. Кругмана и Э. Дж. Венейблса (Fujita et al., 2001), которые в рамках «новой экономической географии» доказали, что агломерационные эффекты и экономия от масштаба являются ключевыми факторами пространственной концентрации активности.

Существенный вклад в понимание институциональных аспектов пространственного развития внесли теоретики институционализма. О. Уильямсон исследовал роль трансакционных издержек в организации экономической деятельности на разных территориях (Williamson, 1985), а Д. Норт обосновал определяющее влияние институтов и их эволюции на долгосрочную экономическую динамику регионов (North, 1990), что имеет прямое отношение к вопросам формирования эффективных институтов развития для опорных поселений.

В российской научной традиции эта дилемма всегда находилась в центре внимания ученых-регионалистов. А.Г. Гранберг, чьи идеи во многом повлияли на отечественную региональную политику, последовательно доказывал, что российское экономическое пространство как «многорегиональный организм» требует сочетания целостности и разнообразия (Гранберг, 2009). Он предупреждал, что нивелировка подавляет инициативу, но и стихийная поляризация угрожает единству страны. П.А. Минакир акцентировал, что пространственное развитие — это не выбор между выравниванием и ростом, а поиск баланса, при котором поддержка отстающих территорий не должна тормозить развитие лидеров (Минакир, Демьяненко, 2014). Развивая эти идеи, А.Н. Демьяненко в своих междисциплинарных исследованиях подчеркивает комплексность вызовов пространственного развития России (Демьяненко, 2021).

Непосредственно к концепции поселенческой сети примыкают идеи В.Л. Глазычева о каркасно-узловой структуре территории, где опорные центры выполняют роль интеграторов окружающего пространства (Глазычев, 2008). Вклад в осмысление экономического пространства как объекта управления внесли Е.М. Бухвальд и О.Н. Валентик (Бухвальд, Валентик, 2024), а Р.Ф. Гатауллин исследовал процессы формирования новой каркасной модели пространственного развития (Гатауллин, 2020). Методологические аспекты оценки качества регионального экономического пространства раскрыты в работах А.А. Урунова и И.М. Морозовой (Урунов, Морозова, 2024), а макроуровневый анализ экономического пространства России представлен П.В. Строевым и О.В. Пивоваровой (Строев, Пивоварова, 2024).

Также важной для анализа ОНП является современная концепция «умной специализации» (формируемой в результате объективных процессов), подробно описанная П. МакКанном и Р. Ортега-Аргилесом (McCann, Ortega-Argilés, 2013); среди отечественных ученых-исследователей данной тематики — М.В. Курникова, Г.А. Хмелева, Е.В. Болгова (Курникова и др., 2023), А.А. Победин (Победин, 2025) и др. Эта концепция предполагает отказ от универсальных рецептов в пользу выявления и поддержки уникального потенциала каждой территории. Особую актуальность данный подход приобретает в свете зарубежного опыта, в частности политики «умной специализации» Европейского союза⁴ (smart specialisation strategy), где ключевым принципом выступает концентрация ресурсов на ограниченном числе приоритетов, выявленных в процессе «предпринимательского обнаружения» (entrepreneurial discovery) с участием бизнеса, науки и власти. Вместе с тем, как отмечает А. Виггер, политика «умной специализации» может приводить к углублению структурных асимметрий, что требует осторожного и адаптированного применения данного подхода (Wigger, 2023). В отличие от компенсационной парадигмы, доминирующей в текущей российской практике поддержки опорных поселений, стимулирующий под-

ход нацелен на активизацию эндогенного роста через формирование конкурентных преимуществ на основе уникальных активов территорий. Это предполагает не просто бюджетное выравнивание, а создание специальных экономических режимов, стимулирующих частные инвестиции и диверсификацию в смежные сегменты. Применительно к ОНП это означает необходимость перехода от унифицированной поддержки «проблемных» территорий к дифференцированным стратегиям, учитывающим специфику местного экономического ландшафта и потенциал для формирования точек роста в рамках региональных и глобальных цепочек создания стоимости, что находит отражение в исследованиях дифференциации развития сельских субрегионов, проведенных Е.Н. Королевой и Л.А. Мустафиной (Королева, Мустафина, 2025).

Современный анализ российской региональной политики, представленный в работах Н.В. Зубаревич, вскрывает системные институциональные барьеры на пути пространственного развития. Автор убедительно доказывает, что сложившаяся сверхцентрализованная модель управления, опирающаяся на масштабное, но неэффективное бюджетное перераспределение, не только не преодолевает, но и закрепляет диспропорции (Зубаревич, 2017). В этом контексте ее выводы о необходимости перехода к децентрализации, поддержке городов-«локомотивов» и адресной социальной политике, смягчающей неравенство, служат критически важным аргументом против сохранения компенсационной парадигмы в политике развития периферии.

Проведённый анализ современной научной литературы, посвящённой опорным населённым пунктам, позволяет утверждать, что данная тема активно разрабатывается российскими исследователями в последние годы. Статья Э. Маркварта, Н.Н. Киселевой, Д.П. Соснина вносит фундаментальный вклад в теоретико-методологическое обоснование политики ОНП. Авторы проводят скрупулёзный анализ теории центральных мест, детально разбирают её применение в пространственном планировании Германии, а затем критически оценивают попытки адаптации этой концепции в современной России (Маркварт и др., 2022). Работа А.В. Одинцовой является одной из первых,

⁴ Research and innovation strategies for smart specialisation. URL: http://projects.mcrit.com/foresightlibrary/attachments/smart_specialisation_en.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

в которой системно подняты вопросы интеграции ОНП в институциональную архитектуру федеративных отношений и местного самоуправления (Одинцова, 2025). Это направление существенно дополняется исследованием А.В. Виленского который проводит детальный критический анализ функций и задач, возлагаемых на различные типы ОНП (негородские и стратегические) в рамках СПР-2030. Автор не только раскрывает сущность нового понятия, но и выявляет его двойственность: с одной стороны, ОНП рассматриваются как инструмент решения демографических и социальных проблем, с другой — как центры экономического роста и обеспечения национальной безопасности (Виленский, 2025). Исследование М.В. Глигич-Золотаревой и Н.И. Лукьяновой даёт глубокий экскурс в теоретические основы концепции (Глигич-Золотарева, Лукьянова, 2024). Это направление получает развитие в статье Е.В. Евлампиевой, где рассматривается эволюция феномена ОНП — от теории центральных мест В. Кристаллера и советской концепции «опорного каркаса расселения» до современных критериев, закреплённых в методических рекомендациях 2022 года и новой Стратегии. Автор акцентирует внимание на роли ОНП как основы для противодействия «пространственному сжатию» и формирования системы расселения, чётко разделяя подходы к негородским и стратегическим опорным пунктам (Евлампиева, 2025). Статья О.М. Роя и В.С. Бичурина посвящена анализу роли ОНП в новой пространственной стратегии через призму системы расселения. Авторы предлагают оригинальную классификацию ОНП на основе критериев из единого перечня, анализируют уровни их взаимодействия и приходят к выводу о вероятном сценарии «стягивания» населения в опорные пункты как об оптимальном (Рой, Бичурин, 2025). Их исследование смещает фокус с общих принципов на конкретные механизмы территориальной реорганизации.

Проведенный анализ позволяет заключить: современная парадигма пространственного развития, обогащённая теориями новой экономической географии, институционализма и умной специализации, отвергает дихотомию «либо выравнивание, либо рост», предлагая стратегию их совмещения. Однако текстуальный анализ

СПР-2030 показывает, что в отношении опорных поселений этот баланс не найден. Заложенный в Стратегии подход тяготеет к компенсационной, а не стимулирующей логике, что противоречит как теоретическим представлениям о саморазвитии, так и декларируемым целям формирования сбалансированной территориальной организации экономики. Таким образом, теоретический анализ указывает на необходимость баланса, который должен быть институционально воплощён.

Для достижения цели работы был применён комплекс методов, включающий:

1) системный анализ текста Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, а также сопутствующих нормативно-правовых актов;

2) контент-анализ документов стратегического планирования субъектов России, касающихся вопросов пространственного развития и поддержки муниципальных образований;

3) экспертные интервью с представителями органов местного самоуправления из 12 субъектов России, проводившиеся в период с января по март 2025 года (выборка — муниципальные образования, включённые и не включённые в перечень опорных поселений).

На основе анализа литературы можно сделать вывод о том, что данное исследование выполняет синтезирующую и критико-конструктивную функцию, занимая особое место среди указанных публикаций. Так, реализуются следующие направления:

1) углубление критического анализа и переход к парадигмальным противоречиям; если А.В. Одинцова указывает на институциональные нестыковки, А.В. Виленский — на функциональную двойственность и противоречивость, а М.В. Глигич-Золотарева, Н.И. Лукьянова и Э. Маркварт с соавторами — на методические и практические проблемы реализации, то авторы данной статьи выявляют системные парадигмальные противоречия в самой логике государственной политики;

2) эмпирическое обоснование «запросом с мест»; в отличие от работ, основанных преимущественно на анализе документов и теоретических моделей (А.В. Виленский, Е.В. Евлампиева, Э. Маркварт и др.), данное исследование

подкреплено результатами экспертных интервью с представителями органов местного самоуправления;

3) предложение целостной альтернативной модели как дорожной карты; основной вклад исследования заключается не только в углублённой критике, но и в детальной разработке стимулирующей парадигмы развития ОНП.

Результаты исследования

Текст Стратегии содержит формальное определение опорных населённых пунктов как «населённых пунктов, расположенных вне границ городских агломераций, на базе которых обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, позволяющей реализовать социальные гарантии... и иные потребности населения территории одного или нескольких муниципальных образований» (раздел IV).

Критический анализ выявляет ряд системных проблем в данной концепции.

1. Социально-инфраструктурный уклон. В определении доминирует социальная функция ОНП при практически полном отсутствии экономической составляющей. Из текста следует, что опорные пункты предназначены прежде всего для реализации социальных гарантий, а не для генерации экономического роста.

2. Отсутствие дифференциации. Стратегия не предусматривает различных типов ОНП в зависимости от их экономического потенциала, географического положения и специализации. Все 2160 поселений попадают под единые критерии и, предположительно, единые механизмы поддержки.

3. Неопределенность механизмов реализации. В тексте отсутствует описание конкретных инструментов, которые обеспечили бы ускоренное развитие. Не указаны источники финансирования, объем полномочий, критерии эффективности.

Для оценки восприятия и практических ожиданий, связанных с институтом опорных населённых пунктов, на местах в период с января по март 2025 года был проведен экспертный опрос представителей органов местного самоуправления (Центр федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН). Выборка исследования включала 47 экспертов (глав муниципальных образований, их заместителей и руководителей

профильных комитетов)⁵. Экспертный опрос проводился среди представителей 12 субъектов Российской Федерации, выбранных с целью обеспечения репрезентативности по географическому, экономическому и типологическому признакам. В выборку вошли следующие регионы: Архангельская область, Свердловская область, Красноярский край, Воронежская область, Республика Башкортостан, Новосибирская область, Пермский край, Республика Крым, Волгоградская область, Иркутская область, Тверская область и Челябинская область. Данный перечень охватывает несколько федеральных округов (Северо-Западный, Уральский, Сибирский, Центральный, Приволжский, Южный), а также включает как регионы-доноры, так и регионы-реципиенты, что позволило учесть разнообразие условий и позиций при анализе восприятия института ОНП.

Критерием отбора стало наличие в составе территории муниципального образования населённого пункта, включенного в перечень ОНП по СПР-2030, а также присутствие муниципалитетов, не получивших данного статуса, для сравнительного анализа. Методология сбора данных включала полужформализованные глубинные интервью по единому опроснику, что позволило получить как количественно измеримые оценки, так и развернутые качественные суждения. Программа содержала следующие ключевые тематические блоки:

1) восприятие и информированность: осведомленность о статусе ОНП, ожидания и опасения, связанные с его получением;

2) оценка инструментов поддержки: мнения о действенности существующих (трансферты) и потенциально необходимых (налоговые льготы, специальные режимы) мер;

3) институциональные и бюджетные барьеры: оценка достаточности имеющихся полномочий и ресурсов для выполнения возлагаемых на ОНП функций, проблемы межбюджетных отношений;

4) предложения по оптимизации: конкретные инициативы экспертов по изменению подходов к поддержке опорных поселений.

⁵ Ошибка выборки для объема $n = 47$ при доверительной вероятности 95% и максимальной дисперсии ($p = 0,5$) составляет $\pm 14,3\%$. Это указывает на ориентировочный характер количественных оценок, однако качественный анализ нарративов сохраняет релевантность.

Обработка и анализ транскриптов интервью проводились методом контент-анализа с качественной кодификацией. В процессе кодировки были выделены устойчивые смысловые категории, такие как: «бюджетная зависимость», «спрос на экономические стимулы» (включая подкатегории «налоговые льготы» и «инвестиционные преференции»), «критика неопределенности статуса», «запрос на расширение бюджетной автономии» и «скептицизм в отношении эффективности трансфертов». Последующая статистическая агрегация частоты упоминания этих кодов позволила перейти от качественных данных к количественным оценкам, представленным в результатах.

Результаты опроса выявили противоречивую картину восприятия нового института на муниципальном уровне.

1. Осведомленность и формальное отношение. Подавляющее большинство респондентов (78%) подтвердили осведомленность о включении своих территорий в перечень ОНП. При этом лишь 24% опрошенных смогли конкретизировать потенциальные возможности или обязательства, связанные с этим статусом, что свидетельствует о его формальном, декларативном характере на начальном этапе реализации.

2. Оценка потенциальной эффективности. Две трети экспертов (67%) выразили скептицизм относительно реальных возможностей получения дополнительных ресурсов и управленческих преференций. В качестве основных рисков назывались сохранение прежней логики межбюджетных отношений и высокая вероятность трансформации ОНП в очередной инструмент адресного трансфертного выравнивания без создания стимулов для экономического роста.

3. Приоритеты в мерах поддержки. На вопрос о наиболее действенных мерах поддержки распределение ответов четко обозначило запрос на экономические, а не бюджетные инструменты. Почти половина респондентов (45%) в качестве первоочередной меры указали необходимость введения специальных налоговых режимов и преференций для бизнеса. Еще 32% экспертов акцентировали важность расширения бюджетных полномочий и закрепления за местными бюджетами дополнительных доход-

ных источников. Лишь 23% участников опроса видели решение проблем в увеличении объемов безвозмездных трансфертов из вышестоящих бюджетов.

Количественные оценки экспертов нашли отражение и в суждениях, полученных в ходе интервью. Качественный анализ транскриптов интервью позволил выявить ключевые нарративы. Так, глава муниципального района из Свердловской области отметил: «Мы ожидаем не просто дотации, а реальных инструментов для привлечения инвестиций – специальных экономических зон, налоговых льгот. Статус должен создавать конкурентное преимущество, а не просто маркировать проблемность». Аналогично, мэр городского поселения из Воронежской области констатировал: «Без изменения принципов межбюджетных отношений статус ОНП останется просто красивой вывеской. Нам нужны не разовые вливания, а долгосрочные правила игры, позволяющие планировать развитие».

Проведенное исследование демонстрирует, что на муниципальном уровне существует четкий запрос на переход от компенсационной парадигмы поддержки к стимулирующей модели, основанной на создании экономических стимулов и расширении финансовой самостоятельности. Выявленный скепсис экспертов указывает на наличие «кредита недоверия» к новым институтам пространственного развития, сформированного предыдущим опытом реализации аналогичных инициатив.

Эмпирические данные, полученные в ходе экспертных интервью, а также текстуальный анализ СПР-2030 позволяют выявить не просто отдельные недостатки, а системные противоречия, заложенные в самой концепции опорных поселений. Данные противоречия объясняют «кредит недоверия» со стороны муниципалитетов и определяют риски реализации института ОНП.

Первое фундаментальное противоречие заключается в том, что декларируемая цель создания «точек роста» на периферии объективно требует концентрации ресурсов и создания особых экономических условий, в то время как сложившаяся система межбюджетных отношений и публичного управления продолжает работать в логике унификации и выравни-

вания. Фактически, мы наблюдаем попытку создать островки особого экономического режима в море унифицированных правил, что заведомо обречено на провал. Муниципалитет, включенный в перечень ОНП, не получает реальных инструментов для изменения своей экономической траектории, он лишь получает статус, который в лучшем случае позволяет претендовать на несколько больший объем трансфертов.

Второе противоречие связано с тем, что сама логика отбора ОНП основана на критериях «проблемности»: низкой бюджетной обеспеченности, удаленности, депопуляции. Такой подход системно исключает возможность выявления и поддержки действительно перспективных точек роста на периферии, которые могут иметь относительно лучшие стартовые условия.

Третье противоречие проявляется в институциональной плоскости. Объявление поселения «опорным», по сути, означает возложение на него дополнительных функций по обслуживанию прилегающих территорий. Но ни финансовые, ни управленческие ресурсы для выполнения этих функций не передаются. Статус ОНП должен быть экономически выгоден. Однако местные администрации оказываются в ситуации, когда их ответственность возрастает, а возможности остаются прежними. Это порождает феномен «символического статуса» — много говорится о важности ОНП, но реальные полномочия и ресурсы сосредоточены на вышестоящих уровнях власти.

Четвертое противоречие касается временного горизонта. Экономическое развитие — процесс долгосрочный, требующий последовательной политики в течение многих лет. Однако бюджетное планирование и политические циклы ориентированы на краткосрочную и среднесрочную перспективу. В результате меры поддержки ОНП носят точечный, проектный характер, не складываясь в единую стратегию развития. Муниципалитеты получают разрозненные субсидии на отдельные объекты инфраструктуры, но не получают возможности проводить последовательную инвестиционную политику.

Важно подчеркнуть, что в отношении городских агломераций и крупных опорных населённых пунктов уже утверждены долгосрочные планы социально-экономического развития (ДПР) на период до 10 лет⁶. Однако для подавляющего большинства ОНП (внеагломерационных территорий) подобные документы отсутствуют либо носят рамочный характер. Кроме того, существующие ДПР ориентированы преимущественно на инфраструктурные и социальные инвестиции, тогда как механизмы стимулирования экономической активности в них представлены фрагментарно.

Разрешение выявленных противоречий, особенно второго (отбор по «проблемности») и третьего (институциональная размытость), лежит в плоскости применения принципов «умной специализации». Это потребует смещения фокуса с критериев депрессивности на механизмы «предпринимательского обнаружения» уникального потенциала каждого ОНП с участием бизнеса и местных сообществ, с последующей разработкой для них дифференцированных стратегий и адресных экономических режимов в зависимости от выявленной специализации — агропромышленной, логистической, туристско-рекреационной или сервисной.

Совокупное действие этих противоречий формирует порочный круг: статус ОНП, призванный стимулировать развитие, на деле закрепляет иждивенческую модель. Для его разрыва необходим не эволюционный, а парадигмальный сдвиг — переход от компенсационной логики к стимулирующей (рис. 1).

Наглядно альтернатива текущей и предлагаемой модели представлена в *таблице 1*.

Анализ данных демонстрирует, что текущая модель воспроизводит иждивенческие практики. Предлагаемая модель, напротив, основана на принципах экономического стимулирования и предполагает переход к программно-целевому

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2023 № 2058-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/001202308010028?index=1> (дата обращения: 13.02.2026); Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2025 № 3014-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270034> (дата обращения: 13.02.2026).

методу управления развитием ОНП. Ключевым отличием является переориентация системы оценки эффективности с критериев освоения бюджетных средств на показатели реального экономического роста – увеличение налоговых поступлений, объема инвестиций в основной капитал и создания новых рабочих мест. Пре-

одоление выявленных системных противоречий заключается не в косметической корректировке, а в смене парадигмы управления развитием ОНП. Представленная в таблице 1 стимулирующая модель служит основой для разработки конкретных институциональных решений, которые структурированы в *таблице 2*.

Рис. 1. Воспроизводство компенсационной модели развития в текущем механизме реализации опорных населенных пунктов

Источник: составлено авторами.

Таблица 1. Сравнительный анализ текущей и предлагаемой модели реализации института опорных населённых пунктов

Критерий анализа	Текущая модель (компенсационная)	Предлагаемая модель (стимулирующая)	Эффект от трансформации
Базовый принцип	Выравнивание бюджетной обеспеченности, поддержание социальных стандартов	Стимулирование экономического саморазвития, рост налогового потенциала	Преодоление принципа компенсационного финансирования и переход к саморазвитию
Основные инструменты	Субсидии, дотации, целевые трансферты	Налоговые льготы, инвестиционные фонды, гарантии	Создание институциональных условий для частных инвестиций
Критерии эффективности	Освоение бюджетных средств, выполнение нормативов	Рост налоговых доходов, объем инвестиций, создание рабочих мест	Ориентация на реальные экономические результаты
Бюджетные последствия	Рост расходных обязательств бюджетов высших уровней	Рост доходов местных бюджетов	Снижение долгосрочной бюджетной нагрузки
Временной горизонт	Краткосрочное (годовое) планирование	Долгосрочное (5–7 лет) программное финансирование	Стабильность условий для инвесторов и органов МСУ

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Ключевые элементы предлагаемой стимулирующей модели развития опорных населённых пунктов

Элемент модели	Содержательное наполнение	Ожидаемый эффект
1. Функциональная типология опорных населённых пунктов	Транспортно-логистические центры; агропромышленные центры; туристско-рекреационные центры; социально-сервисные центры	Отказ от унификации позволяет применять адресные инструменты поддержки в зависимости от специализации и потенциала территории
2. Налоговые льготы и преференции	Региональный уровень: пониженная ставка налога на прибыль и освобождение от налога на имущество, инвестиционные вычеты; муниципальный уровень: льготы по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц (ИП и самозанятых) для бизнеса, пониженная арендная плата за пользование муниципальным имуществом	Создание конкурентных преимуществ для привлечения частных инвестиций; стимулирование создания новых производств и рабочих мест
3. Разграничение полномочий и ресурсов	Федеральный уровень: устанавливает рамочные условия, создаёт целевые фонды развития; региональный уровень: разрабатывает и софинансирует специализированные программы под каждый тип ОНП; муниципальный уровень: наделяется расширенными бюджетными полномочиями и отвечает за реализацию конкретных проектов	Преодоление «институциональной размытости»; чёткое закрепление ответственности и ресурсов за каждым уровнем власти
4. Механизмы финансирования	Долгосрочные программы (7–10 лет) – дополнение к утверждённым долгосрочным планам социально-экономического развития либо самостоятельные документы; софинансирование: а) целевые инвестиционные фонды (федеральный, региональные) из средств госпрограмм и институтов развития; б) инфраструктурные бюджетные кредиты, концессии, облигации	Стабильная долгосрочная ресурсная база, увязка бюджетного планирования с долгосрочными планами социально-экономического развития, замещение разовых субсидий программным финансированием
5. Инфраструктурное обеспечение	Переориентация расходов: от точечных объектов – к комплексному обустройству инвестиционных площадок; дифференциация по типу ОНП: – логистика: подъездные пути, склады; – агропромышленный комплекс: энергетика, водоснабжение, мелиорация; – туризм: дороги, связь, благоустройство; – соцсервис: объекты образования, здравоохранения, МФЦ	Создание материальной базы для частных инвестиций, снижение инфраструктурных издержек бизнеса, прирост внебюджетных вложений в основной капитал
6. Система оценки эффективности (КPI)	Универсальные KPI: – рост налоговых доходов местного бюджета на душу населения; – объём частных инвестиций в основной капитал (без бюджетных); – количество новых постоянных рабочих мест; – миграционное сальдо; специализированные KPI (по типам ОНП): – логистика: грузооборот, число операторов; – АПК: объём отгруженной продукции, мощности хранения; – туризм: турпоток, номерной фонд; – соцсервис: доступность услуг, удовлетворённость	Переход от оценки «освоения средств» к оценке реальных социально-экономических результатов; связь объёма поддержки с эффективностью
Источник: составлено авторами.		

Критерии отнесения опорного населённого пункта к тому или иному функциональному типу должны основываться на объективных количественных и качественных показателях, верифицируемых на региональном уровне:

1) транспортно-логистические центры: наличие узловых транспортных развязок федерального/регионального значения; расположение на трассах опорной сети автомобильных дорог; функционирование железнодорожных станций, речных портов, мультимодальных терминалов; доля занятых в транспортировке и хранении выше среднего по региону;

2) агропромышленные центры: специализация на переработке сельхозпродукции; наличие действующих сельхозтоваропроизводителей и пищевых производств; высокая доля сельского населения в зоне тяготения; потенциал для создания логистики хранения и сбыта;

3) туристско-рекреационные центры: наличие объектов культурного наследия, природных заповедников, особо охраняемые природные территории; существующий туристический поток (не менее порогового значения); развитая или перспективная инфраструктура размещения; включение в туристические маршруты федерального и регионального значения;

4) социально-сервисные центры: выполнение функций межмуниципального обслуживания (образование, здравоохранение, МФЦ); устойчивые маятниковые миграции населения прилегающих территорий; отсутствие выраженной экономической специализации, но наличие кадрового и инфраструктурного потенциала для развития некоммерческих услуг.

Типология не является жёстко закреплённой раз и навсегда: допускается смешанный тип (например, агропромышленно-логистический), а также переход из одного типа в другой по результатам мониторинга реализации ДПР.

Под налоговыми льготами применительно к ОНП понимается не создание новых видов ОЭЗ или ТОСЭР (это требует отдельных федеральных законов), а адресная адаптация уже существующих механизмов к условиям опорных поселений: распространение на ОНП отдельных преференциальных элементов: инвестиционного налогового вычета, льгот по аренде муниципального имущества; отдельных налоговых льгот.

Инвестиционные фонды развития ОНП предлагается формировать на принципах софинансирования:

– федеральный уровень – средства государственных программ, а также целевые межбюджетные трансферты в рамках кураторства ОНП федеральными органами исполнительной власти;

– региональный уровень – средства бюджетов субъектов России, включая дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов, переориентированные с текущих расходов на инвестиционные цели;

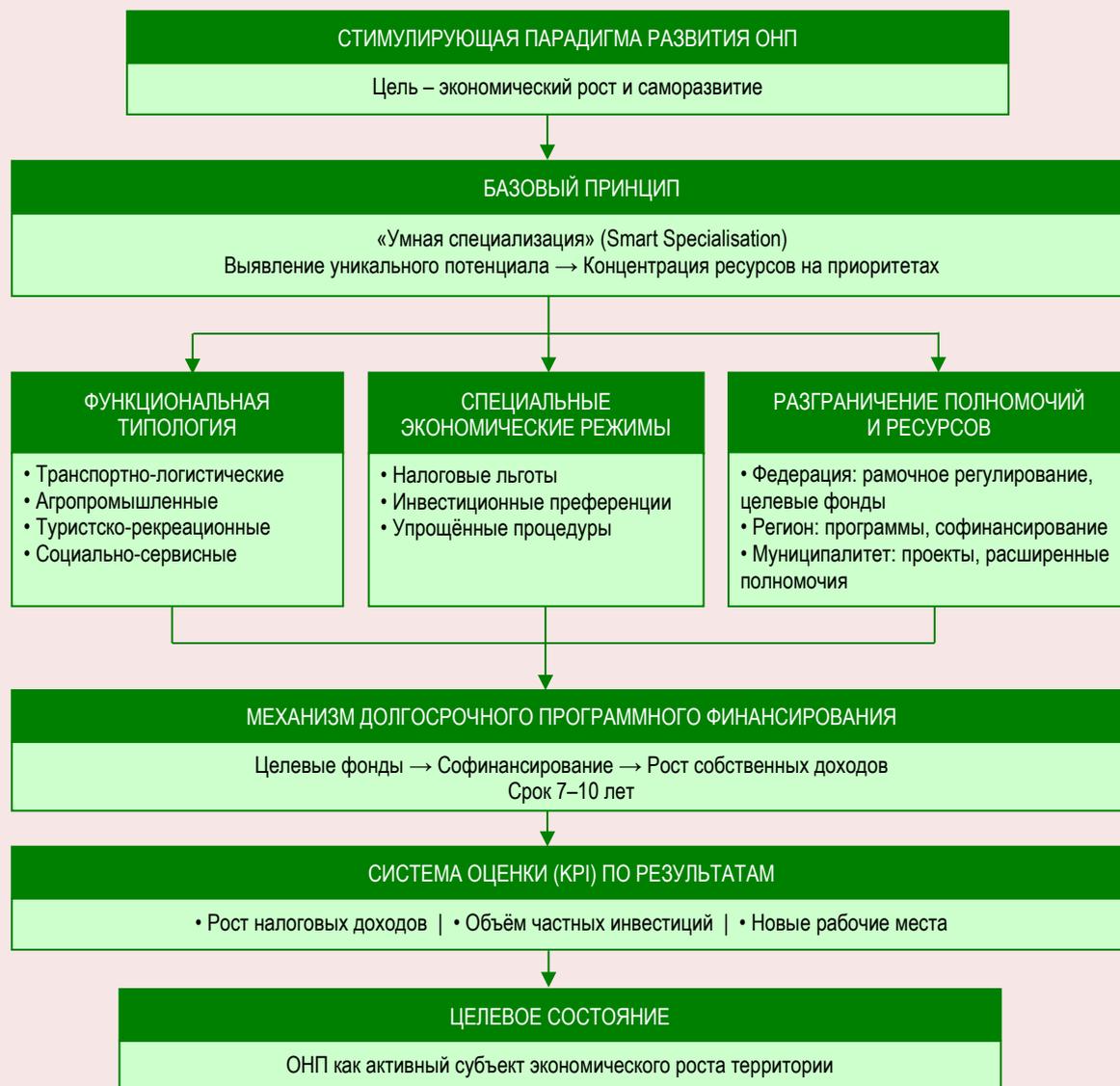
– внебюджетные источники – совместные программы с федеральным уровнем: средства институтов развития (ВЭБ.РФ, Фонд развития территорий), а также частные инвестиции, привлекаемые под государственные гарантии субъектов России в пределах устанавливаемых им долговых лимитов.

Предлагаемый в настоящем исследовании переход к долгосрочному программному финансированию (7–10 лет) означает не дублирование или подмену утверждённых ДПР, а их содержательное дополнение экономическими блоками (налоговые стимулы, инвестиционные режимы, КРП по частным инвестициям и рабочим местам) и распространение данного подхода на все типы ОНП.

Ключевым направлением является смена парадигмы поддержки ОНП – переход от унифицированного бюджетного выравнивания к дифференциации развития. Одновременно с этим требуются дифференциация и типологизация опорных поселений, что позволит отказаться от порочной логики отбора по критерию «проблемности» и перейти к поддержке реального потенциала. Наконец, преодоление «институциональной размытости» и противоречия между долгосрочными целями и краткосрочным планированием возможно через четкое структурирование полномочий между уровнями власти и внедрение бюджетных инноваций на основе долгосрочных программ финансирования.

Представленная в таблице 2 стимулирующая модель служит основой для разработки конкретных институциональных решений. Ее концептуальная архитектура, интегрирующая функциональную типологию, специальные режимы, разграничение полномочий и долгосрочное финансирование, отражена на *рисунке 2*.

Рис. 2. Стимулирующая модель развития опорных населённых пунктов в парадигме саморазвития

Источник: составлено авторами.

Ключевым условием реализации стимулирующей модели является чёткое распределение ответственности между региональным и муниципальными уровнями за внедрение экономических инструментов.

На региональном уровне обеспечивается:

- установление пониженных ставок по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в бюджет субъекта России, для резидентов ОНП;
- освобождение от уплаты налога на имущество организаций в части региональной составляющей на инвестиционный период.

На муниципальном уровне (в рамках переданных либо расширенных полномочий):

- установление льгот по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц – ИП и самозанятых (для объектов бизнеса) на срок реализации инвестиционного проекта;
- применение понижающих коэффициентов к ставкам арендной платы за муниципальное имущество и земельные участки;
- сокращение административных процедур по принципу «одного окна» в отношении проектов, реализуемых на территории ОНП.

Рост налогового потенциала и доходов местных бюджетов обеспечивается не за счёт прямого увеличения нормативов отчислений, а опосредованно — через расширение налогооблагаемой базы в результате привлечения новых инвестиций и создания рабочих мест. Именно частные инвестиции, стимулированные перечисленными преференциями, формируют устойчивый прирост доходов, замещающий трансфертную зависимость.

Отдельного внимания требует вопрос развития социальной, инженерной, коммунальной и транспортной инфраструктуры ОНП. В текущей редакции СПР-2030 именно инфраструктурное обустройство позиционируется как главный инструмент реализации социальных гарантий. Однако в отсутствие экономических стимулов инфраструктурные инвестиции не создают мультипликативного эффекта и не конвертируются в рост доходной базы.

В предлагаемой стимулирующей модели инфраструктурное развитие рассматривается не как цель, а как необходимое условие для привлечения частных инвестиций и запуска эндогенного роста. Это предполагает:

1) переориентацию инфраструктурных бюджетных расходов с точечных объектов на комплексное обустройство инвестиционных площадок (индустриальных парков, промплощадок, туристских кластеров) с подведёнными сетями и инженерной подготовкой;

2) интеграцию инфраструктурных разделов в долгосрочные планы развития (ДПР) ОНП с увязкой сроков, объёмов финансирования и ответственных исполнителей; при этом критерием эффективности становится не объём освоенных средств, а ввод в эксплуатацию объектов и последующий прирост частных инвестиций на созданной инфраструктурной базе;

3) использование механизмов инфраструктурных бюджетных кредитов, облигаций и концессий с погашением за счёт будущих налоговых поступлений от реализованных на территории ОНП инвестиционных проектов;

4) дифференциацию инфраструктурных нормативов в зависимости от функционального типа ОНП: для логистических центров приоритетны подъездные пути и складское хозяйство; для агропромышленных — энергоёмкости и водоснабжение; для туристских — дороги, связь, благоустройство.

Таким образом, инфраструктурная политика в отношении ОНП должна быть подчинена логике экономического саморазвития. Только в этом случае опорные населённые пункты смогут выполнить функцию «точек роста» для привлекающих территорий и трансформируются в действенные инструменты пространственного регулирования.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о системном характере проблем реализации института ОНП. Выявленные противоречия между декларируемыми целями роста и компенсационным инструментарием не являются случайными — они закономерно вытекают из сохраняющейся логики унифицированного бюджетного выравнивания. Это подтверждает теоретические опасения о воспроизводстве «иждивенческой» модели развития в условиях отсутствия целенаправленной стимулирующей политики.

Предлагаемая модель, интегрирующая принципы «умной специализации» и международный опыт, предлагает путь преодоления этой системной ловушки. Её ключевое преимущество — отказ от унификации в пользу адресной поддержки конкурентных преимуществ территорий. Однако её внедрение потребует преодоления институциональных барьеров, в первую очередь сложившейся системы межбюджетных отношений.

Ограничением исследования является фокус на качественном анализе восприятия проблемы. Дальнейшая работа должна быть направлена на количественную оценку эффективности пилотных проектов, реализуемых в рамках предлагаемой парадигмы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать принципиальный вывод о системном характере проблем, связанных с реализацией института опорных населённых пунктов в рамках Стратегии пространственного развития до 2030 года. Эмпирические данные, полученные в ходе анализа документов и экспертных интервью, убедительно свидетельствуют: институт ОНП в его текущем методологическом и нормативном оформлении не только не решает задачу сокращения пространственных диспропорций, но и воспроизводит порочную модель «трансфертного иждивенчества»,

системно закрепляя хроническую зависимость территорий от бюджетных трансфертов. Выявленный комплекс фундаментальных противоречий между декларативными целями роста и компенсационным инструментарием, логикой отбора «проблемности» и ожидаемыми результатами саморазвития свидетельствует о глубоком методологическом кризисе в подходе к развитию периферии.

Преодоление этих системных дисфункций требует не частичных корректировок или увеличения объема трансфертов, а подлинного парадигмального сдвига в философии региональной политики – решительного перехода от унифицированного бюджетного выравнивания к стратегии целенаправленного создания и поддержки эндогенных конкурентных преимуществ. Разработанная в исследовании стимулирующая модель, интегрирующая функциональную типологию поселений, адресные специальные экономические режимы, четкое законодательное разграничение полномочий

между уровнями власти и долгосрочное программное финансирование, задает конкретные институциональные контуры этого необходимого перехода. Её внедрение позволит переориентировать систему управления с критериев освоения средств на показатели реального экономического роста – увеличение налоговых поступлений, объема инвестиций и создания новых рабочих мест.

Именно такой комплексный, институционально-ориентированный подход позволит на практике трансформировать опорные населенные пункты из пассивных получателей помощи в реальные точки роста и драйверы пространственного развития. Это обеспечит не искусственное, а органичное развитие, основанное на максимальном раскрытии и использовании уникального внутреннего потенциала каждой территории, что в конечном итоге будет способствовать усилению не только региональной, но и общенациональной экономической устойчивости.

Литература

- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. (2024). Экономическое пространство как объект управления и стратегирования // Вестник РАЕН. Т. 24. № 2. С. 59–63. DOI: 10.52531/1682-1696-2024-24-2-59-63
- Виленский А.В. (2025). Опорные населенные пункты в пространственном развитии РФ: разнообразие функций и задач // Вестник РАЕН. Т. 25. № 2. С. 76–84. DOI: 10.52531/1682-1696-2025-25-2-76-84
- Гатаулин Р.Ф. (2020). Формирование новой каркасной модели пространственного развития как результат трансформации разноуровневых территориальных систем // Вестник евразийской науки. Т. 12. № 2. С. 30.
- Глазычев В.Л. (2008). Урбанистика. Москва: Европа. 219 с.
- Глигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. (2024). Развитие опорных населенных пунктов в контексте пространственного развития Российской Федерации // Федерализм. Т. 29. № 4 (116). С. 23–46. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-4-23-46
- Гранберг А.Г. (2009). О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. № 2. С. 166–178.
- Демьяненко А.Н. (2021). Российское пространство сквозь призму многолетних академических междисциплинарных исследований (размышления над книгой «Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке») // Российский экономический журнал. № 5. С. 112–137. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-5-112-137
- Евлампиева Е.В. (2025). Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. № 2. С. 66–73. DOI: 10.18101/2304-4446-2025-2-66-73
- Зубаревич Н.В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. № 2. С. 46–57.
- Королева Е.Н., Мустафина Л.А. (2025). Дифференциация развития сельских субрегионов в региональном экономическом пространстве // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Т. 20. № 2 (78). С. 131–138. DOI: 10.12737/2073-0462-2025-131-138

- Курникова М.В., Хмелева Г.А., Болгова Е.В. (2023). Гармонизация стратегических приоритетов сопредельных регионов на основе стратегии «умной» специализации // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. Т. 14. № 1. С. 61–70. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-1-61-70
- Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. (2022). Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Т. 30. № 2. С. 95–111. DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2014). Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. 272 с.
- Одинцова А.В. (2025). Идея опорных населенных пунктов в институциональном поле пространственного развития России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 15. № 7–1. С. 236–244. DOI: 10.34670/AR.2025.17.46.024
- Победин А.А. (2025). Умная специализация регионов: трансрегиональные центры, экономический рост, стратегии развития. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 414 с.
- Рой О.М., Бичурин В.С. (2025). Опорные населенные пункты в условиях новой пространственной стратегии России // Муниципальная академия. № 3. С. 81–89. DOI: 10.52176/2304831X_2025_03_81
- Строев П.В., Пивоварова О.В. (2024). Экономическое пространство России: анализ и оценка на макроуровне // Региональная экономика. Юг России. Т. 12. № 3. С. 13–25. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.3.2
- Урунов А.А., Морозова И.М. (2024). Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионоведение. Т. 32. № 1 (126). С. 48–70. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070
- Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (2001). *The Spatial Economy*. Cambridge: MIT Press.
- Hirschman A.O. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- McCann P., Ortega-Argilés R. (2013). Smart specialisation, regional growth and applications to European Union cohesion policy. *Regional Studies*, 49(8), 1291–1302. DOI: 10.1080/00343404.2013.799769
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth & Co.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Perroux F. (1955). Note sur la notion de pôle de croissance. *Economie Appliquée*, 8, 307–320.
- Wigger A. (2023). The New EU industrial policy and deepening structural asymmetries: Smart specialisation not so smart. *Journal of Common Market Studies*, 61(1), 20–37. DOI: 10.1111/jcms.13366
- Williamson O.E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York: Free Press.

Сведения об авторах

Евгений Моисеевич Бухвальд – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр федеративных отношений и регионального развития, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru)

Игорь Сергеевич Бессонов – кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет (Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141; e-mail: igornews@rambler.ru)

Buchwald E.M., Bessonov I.S.

The Strategic Dilemma of Support Settlements: Between Self-Development and Transfer Dependence

Abstract. The relevance of the study stems from the introduction into the Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2030 of a new instrument of regional policy – support settlements, formally intended to become growth points for balancing spatial development. The aim of the work is to identify systemic contradictions in the concept of support settlements as presented in the Strategy and to substantiate necessary adjustments aimed at reorienting this institution from a compensatory to an economically stimulating model of functioning. The scholarly novelty lies in the comprehensive identification and structuring of four key institutional contradictions: between goal-setting and unified instrumentation; in the logic of selecting settlements based on the criterion of “problematic nature” rather than potential; between the functions assigned and available resources; between long-term development goals and the short-term nature of budget planning. The methodological basis of the study comprised systemic and content analysis of the text of the Strategy and related documents, as well as conducting a series of semi-formalized expert interviews with representatives of local self-government bodies from twelve constituent entities of the Russian Federation. The main results indicate that the current implementation of the support settlement institution tends toward the logic of fiscal equalization, and the empirical data obtained confirm the skepticism of municipalities and their demand for economic incentives. A stimulating model has been developed, proposing specific institutional solutions for transitioning to a paradigm of self-development, the key elements of which are a functional typology of settlements, the introduction of special economic regimes, a clear delineation of powers, and a shift to long-term program-based financing. A limitation of the study is its focus on qualitative analysis of the perception of the problem, which determines the need for further quantitative assessment of the effectiveness of pilot projects implemented within the framework of the proposed paradigm.

Key words: strategic planning, spatial development, fiscal equalization, regional policy, municipalities, support settlements, economic stimulation.

Information about the Authors

Eugeny M. Buchwald – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Center for Federative Relations and Regional Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: buchvald@mail.ru)

Igor S. Bessonov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Samara State University of Economics (141, Sovetskoy Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation; e-mail: igornews@rambler.ru)

Статья поступила 03.12.2025.

Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны

**Светлана Николаевна
РАСТВОРЦЕВА**

Высшая школа экономики

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Российская Федерация

e-mail: srastvortseva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1599-359X; ResearcherID: AAS-8915-2020

**Анита Николаевна
БАХВАЛОВА**

ООО «НТех лаб»

Москва, Российская Федерация

e-mail: anita.bahvalova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся пространственной дифференциацией российских регионов по уровню цифровизации, что требует выявления детерминант цифрового разрыва для адресной государственной политики. Цель данного исследования — выявление и эконометрическая оценка ключевых детерминант, формирующих цифровой разрыв между регионами на трех структурных уровнях — неравенство в доступе, качестве использования и возможности извлечения выгод — и для трех ключевых групп субъектов — домохозяйств, бизнеса и государства. Научная новизна заключается в комплексном анализе детерминант для трех секторов экономики на основе панельных данных, а также выявлении парадоксальных связей внутри процесса цифровизации. Методология основана на эконометрическом анализе

Для цитирования: Растворцева С.Н., Бахвалова А.Н. (2026). Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 73–93. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.8

For citation: Rastvortseva S.N., Bakhvalova A.N. (2026). Digital divide in Russia's regions: Assessment and priorities in the context of achieving national development goals. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 73–93. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.8

с использованием моделей с фиксированными эффектами на данных 82 регионов России за 2017–2023 гг. Результаты исследования выявили устойчивое влияние экономических факторов на все уровни цифрового разрыва: рост стоимости интернета и доли бедного населения значимо снижают доступ и активность домохозяйств, тогда как для бизнеса характерны парадоксальные связи, обусловленные структурой статистического учета. Установлено, что пожилое население проявляет высокую цифровую активность, компенсируя ограничения офлайн-среды, а удовлетворенность госуслугами выше в депрессивных регионах, что объясняется адаптацией ожиданий. Исследование подтвердило секторальную специфику детерминант, требующую дифференцированных мер политики, при этом пространственный анализ показал слабую эффективность диффузии инноваций из центров цифровизации в периферийные регионы.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровое неравенство, домохозяйства, бизнес, государственный сектор, модели с фиксированными эффектами, региональная экономика, регионы России.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01533, <https://rscf.ru/project/25-28-01533/>.

Введение

Цифровая трансформация общества, объявленная четвертой промышленной революцией, предполагает не только беспрецедентные возможности для экономического роста, социальной инклюзии и доступа к знаниям, но и новые формы социальной стратификации. На смену традиционным барьерам постепенно приходит цифровое неравенство (*digital inequality*) — комплексная проблема дифференциации доступа, а также использования и получения выгод от информационно-коммуникационных технологий. Однако статичное понимание неравенства как простого наличия или отсутствия интернет-подключения устаревает в условиях быстро меняющейся технологической среды. Сегодня на первый план выходит динамическая и многомерная категория цифрового разрыва (*digital divide*), отражающая разницу в наличии инфраструктуры, а также растущее отставание в навыках, качестве использования и способности извлекать капитал из цифровой среды.

Термин «цифровой разрыв» был введен в научный оборот в докладе Национального

управления по телекоммуникациям и информации США в 1995 году, где была отмечена дифференциация в доступе к телекоммуникационным технологиям между различными социально-географическими группами¹. Хотя это явление ранее обсуждалось в публичном дискурсе, именно в данном исследовании оно получило системное определение как неравенство в обладании информационными ресурсами, обусловленное различиями в доступности телефонии, компьютеров и интернета, особенно среди жителей сельских и городских территорий, малообеспеченных слоёв и расовых меньшинств в сравнении с остальным населением. Значительную роль в популяризации термина сыграл Билл Клинтон, который не только использовал его в публичных выступлениях, но и расширил его значение, указав на разрыв между включёнными и исключёнными из цифровой экономики². Именно он акцентировал необходимость преодоления данного неравенства, выделив его ключевые параметры: уровень дохода, образования, географическую локацию и расовую принадлежность групп населения.

¹ United States. National Telecommunications, & Information Administration. *Falling Through the Net: Defining the Digital Divide: a Report on the Telecommunications and Information Technology Gap in America*. US Department of Commerce, National Telecommunications and Information Administration, 1999.

² Remarks to the National Academy Foundation Conference in Anaheim, California. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-national-academy-foundation-conference-anaheim-california> (accessed: 15.04.2025).

Научное оформление термин «цифровой разрыв» получил в работе социолога Пиппы Норрис (Norris, 2003), которая определила его как неравенство в доступе к цифровым технологиям между социально уязвимыми и благополучными группами населения. Норрис предложила его многоуровневую концепцию, выделив глобальное измерение — диспропорцию между развитыми и развивающимися странами, социальное — внутренние различия по доходам, образованию, возрасту и расе — и демократическое — неравенство в использовании цифровых ресурсов для политического участия. В 2001 году Организация экономического сотрудничества и развития ввела данный термин в международную политическую повестку, закрепив его в докладе «Понимание цифрового разрыва». Согласно позиции ОЭСР, цифровой разрыв характеризует дисбаланс между различными социально-экономическими субъектами не только в возможностях доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), но и в интенсивности их использования для решения широкого круга задач, включая коммерческую деятельность³. При этом акцент сместился на комплексное использование ИКТ, что является более широкой проблемой, чем просто наличие подключения к интернету.

Современная концепция цифрового неравенства структурируется на трех уровнях. Первый уровень представляет собой неравенство в доступе к ИКТ, обусловленное различиями в инфраструктурной обеспеченности, экономической доступности оборудования и подключения для социально уязвимых групп и географически удаленных территорий (Attewell, 2001). Второй уровень характеризуется неравенством в качестве использования цифровых технологий, где ключевым фактором выступает дифференциация цифровых компетенций. Эффективность использования технологий варьируется в зависимости от социально-экономического контекста — от образовательных практик до профессионального применения (Журавлев, Чадаев, 2024). При этом даже при наличии технических навыков сохраняется проблема неэффективного использования потенциала ИКТ,

например при преобладании пассивного потребления контента над его созданием (Гладкова и др., 2019).

Третий, наиболее комплексный уровень неравенства связан с возможностями извлечения выгод от использования цифровых технологий и концепцией «цифрового капитала». Согласно подходу Рагнетды, восходящему к веберовской традиции, цифровой капитал представляет совокупность ресурсов (инфраструктурных и когнитивных), позволяющих трансформировать технологические возможности в позитивные изменения качества жизни (Ragnedda, 2017). Данный уровень интегрирует предыдущие, поскольку извлечение выгод невозможно без базового доступа и развитых компетенций (Rastvortseva, Panasiuk, 2025). Именно третий уровень имеет особое значение для региональной экономики, поскольку концентрация цифрового капитала в развитых регионах приводит к углублению диспропорций в производительности труда (Журавлев, 2018), усилению зависимости периферийных территорий от федеральных цифровых платформ (Ускова, Кожевников, 2013), миграции высококвалифицированных кадров в цифровые кластеры, что ограничивает экономический потенциал депрессивных регионов (Деревцова и др., 2021).

Цифровой разрыв наблюдается среди российских регионов (Басова, 2021; Кожевников, 2019). Например, по данным Росстата за 2023 год, в ведущих регионах (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан) доля домохозяйств с широкополосным доступом к интернету превышает 90%, при этом в ряде других субъектов (Новгородская, Тверская, Орловская, Тамбовская, Костромская области) этот показатель остается на уровне ниже 80%, а для организаций разрыв может быть еще более значительным. Такая дифференциация напрямую влияет на качество жизни граждан, конкурентоспособность бизнеса и эффективность государственного управления, создавая «цифровые периферии» с ограниченными возможностями для развития.

Исследование социального неравенства городского и сельского населения показало необходимость государственной поддержки социально незащищенных семей и домохозяйств с низким уровнем дохода в организации доступа к ИКТ (Костяев, 2024). Исследование

³ Understanding the Digital Divide. OECD Digital Economy Papers. No. 49. Paris: OECD Publishing. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/236405667766>

А.И. Ивановой выявило ключевые факторы цифрового неравенства для трех групп заинтересованных сторон: домохозяйств (на доступ к интернету влияют возраст населения, уровень образования и ИКТ-субсидии, а на качество использования – региональные ИКТ-расходы), государства (доля пожилого населения сдерживает развитие, а субсидии на цифровизацию стимулируют и доступ, и использование услуг) и бизнес (цифровизация медленнее в густонаселенных южных регионах из-за культурных особенностей, спрос на онлайн-коммерцию зависит от образования, субсидии бизнесу не показали значимого эффекта) (Иванова, 2023).

Мы считаем, что уровни цифрового разрыва могут проявляться по-разному для каждой группы субъектов России (рис. 1). Понимание факторов, формирующих ключевые составляющие его трех уровней для разных секторов экономики, позволит более целенаправленно и эффективно проводить политику цифровизации в регионах.

Решение проблемы цифрового неравенства является ключевым для достижения национальных целей развития страны, сформулиро-

ванных в стратегических документах. В первую очередь это «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁴, которая ставит задачу ликвидации цифрового неравенства и обеспечения повсеместного доступа к надежным и быстрым интернет-сетям. Ее реализация конкретизирована в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», где одним из приоритетов является преодоление разрывов в цифровой инфраструктуре между регионами.

Более того, задачи по сокращению цифрового неравенства интегрированы в указ Президента РФ «О национальных целях развития до 2030 года»⁵, в частности по обеспечению «цифровой трансформации» и повышению благосостояния граждан.

Цель данного исследования заключается в выявлении и эконометрической оценке ключевых детерминант, формирующих цифровой разрыв в регионах России на трех структурных уровнях (неравенство в доступе, качество использования и возможности извлечения выгод) для трех ключевых групп субъектов – домохозяйств, бизнеса и государства.

Рис. 1. Индикаторы трех уровней цифрового разрыва для разных секторов экономики регионов России

	Цифровой разрыв I уровня	Цифровой разрыв II уровня	Цифровой разрыв III уровня
Домохозяйства	Доля домохозяйств с широкополосным интернетом	Уровень ежедневного использования интернета среди населения	Распространенность онлайн-покупок среди населения
Бизнес	Доля организаций с широкополосным интернетом	Распространенность облачных сервисов среди организаций	Доля интернет-торговли в розничном обороте
Государство	Доля органов власти и местного самоуправления со скоростью интернета не менее 2 Мбит/с	Вовлеченность населения во взаимодействие с органами власти	Удовлетворенность качеством электронных услуг

Источник: составлено авторами.

⁴ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <https://base.garant.ru/71670570> (дата обращения: 14.12.2025).

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html> (дата обращения: 14.12.2025).

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Основным методом выступил эконометрический анализ на основе панельных данных. Для построения моделей использовались три подхода: объединенная регрессия, модели со случайными и фиксированными эффектами. Определение корректной модели проводилось с помощью статистических тестов Бреуша – Пагана и Хаусмана. Анализ был произведен в эконометрическом пакете Gretl. В ходе анализа было определено, что во всех случаях лучшими являются модели с фиксированными эффектами.

Критериями качественной оценки эконометрических моделей в исследовании на панельных данных служат теоретическая обоснованность переменных, статистическая значимость коэффициентов (*p-value*), объясняющая способность модели (R^2), выполнение ключевых предпосылок (отсутствие мультиколлинеарности и автокорреляции остатков), а также проверка на гетероскедастичность с использованием робастных стандартных ошибок. В данной работе выбор модели с фиксированными эффектами (*FE*) был статистически и содержательно обоснован. Сначала тест Бреуша – Пагана отверг нулевую гипотезу об отсутствии индивидуальных региональных эффектов, указав на несостоятельность объединенной регрессии (*Pooled OLS*). Затем тест Хаусмана, показав статистическую значимость, отверг предпосылку модели со случайными эффектами (*RE*) о некоррелированности индивидуальных эффектов с регрессорами. Поскольку такие постоянные, но неучтенные региональные особенности (например, географическое положение, исторически сложившаяся институциональная среда) почти наверняка влияют как на уровень цифровизации, так и на экономико-демографические показатели, модель *FE* является корректной. Она позволяет элиминировать влияние неизменных во времени характеристик регионов и оценивать эффекты исключительно на основе внутрорегиональной динамики за период 2017–2023 гг., обеспечивая состоятельные оценки взаимосвязей между детерминантами и уровнями цифрового разрыва.

В качестве зависимых переменных были определены индикаторы трех уровней цифрового разрыва для разных заинтересованных групп, представленных на рисунке 1.

Независимые переменные моделей:

1) *Pop_urbaniz* – доля городского населения в общем населении, % (+ предполагается положительное воздействие на индикаторы) (Шабуннова и др., 2020; Костяев, 2024; Fong, 2009; Rastvortseva, Manaeva, 2022);

2) *Pop_women* – доля женщин в общем населении, % (- отрицательное воздействие) (Antonio, Tuffley, 2014; Acilar, Sæbø, 2023);

3) *Pop_pension* – доля населения старше 65 лет, % (-) (Груздева, 2022a; Van Dijk, 2013; Krueger et al., 2018);

4) *Empl_educ* – доля занятых с высшим образованием, % (+) (Cruz-Jesus et al., 2016; Soomro et al., 2020);

5) *Inst_inform* – доля занятых в неформальном секторе, % (-) (Anakro et al., 2023; Dutta et al., 2023);

6) *Inst_small_bus* – доля микро- и малых предприятий в общей совокупности, % (+) (Duncombe, Heeks, 2002; Arendt, 2008);

7) *Econ_paym* – абонентская плата за интернет к средним доходам, % (-) (Martin, Robinson, 2007);

8) *Econ_inequal* – индекс Джини, % (-) (Fidan, 2016);

9) *Econ_food* – расходы на питание в общем объеме расходов, % (-) (Nanthikesan, 2000; Zhang, 2013);

10) *Econ_poverty* – население с доходом ниже прожиточного минимума, % (-) (Груздева, 2022b; Norris, Inglehart, 2013; Wamuyu, 2017).

Источники информации – открытые статистические данные из ежегодников «Регионы России» за 2018–2024 гг. и статистическое исследование Росстата⁶. Объекты исследования – 82 региона РФ, период – 2017–2023 гг.⁷ Выборка составила 574 наблюдения.

⁶ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html (дата обращения: 30.08.2025).

⁷ В 2017 году была принята Стратегия развития информационного общества РФ до 2030 года.

Результаты исследования

Рассмотрим распределение индикаторов цифрового разрыва всех трех уровней для домохозяйств по регионам России (рис. 2–4).

Анализ доли домохозяйств с широкополосным интернетом показал, что в 2023 году доступ

к нему имели 87,3% домохозяйств, наибольший рост в этом отношении демонстрируют субъекты с крупными инвестиционными проектами и поддержкой инновационного бизнеса (Республика Татарстан, Москва, Чеченская Республика) и северные территории, где цифровая инфра-

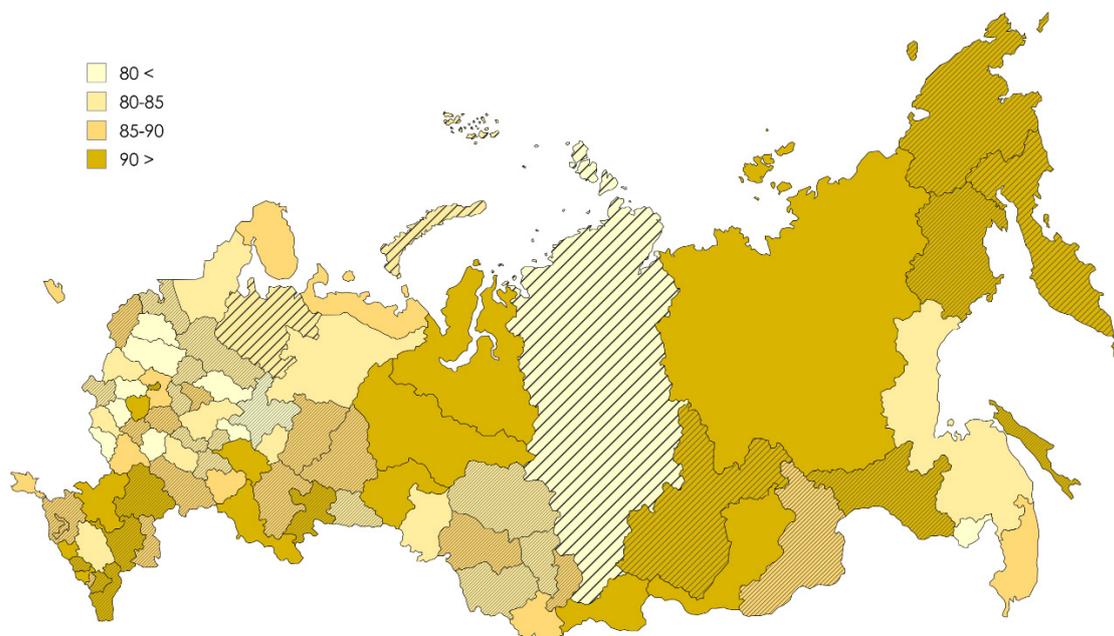

Рис. 2. Доля домохозяйств с широкополосным интернетом, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего.
Источник: составлено авторами.

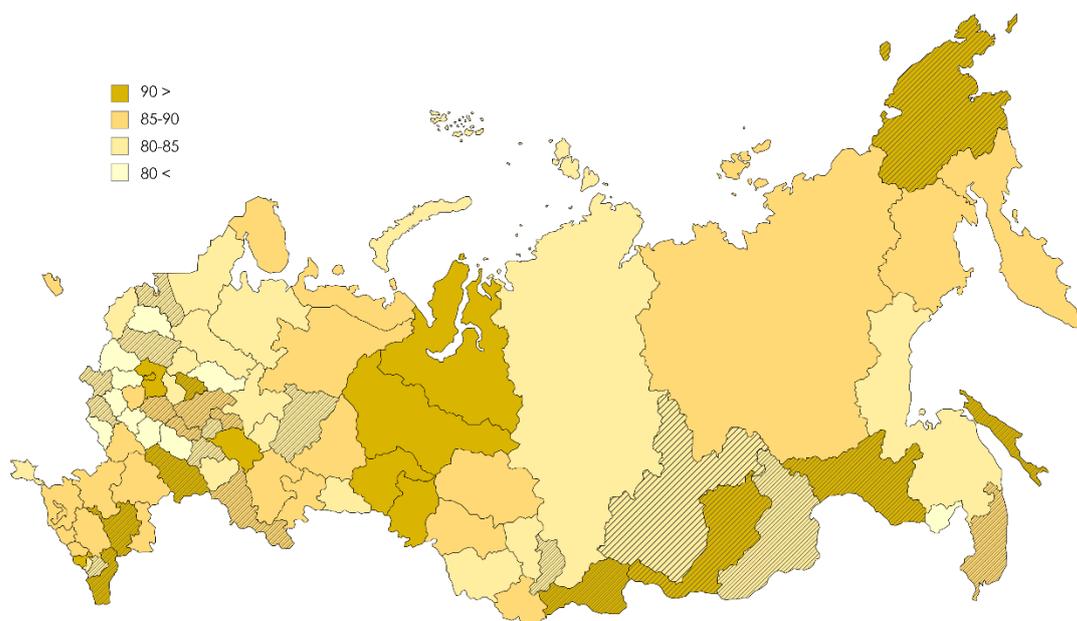

Рис. 3. Уровень ежедневного использования интернета среди населения в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего.
Источник: составлено авторами.

структура компенсирует географическую удаленность. Примечательно, что высокие показатели также наблюдаются в южных регионах, стимулируемых развитием туристического сектора, и в малонаселенных субъектах, где легче достичь полной зоны покрытия. В свою очередь, отставание характерно для аграрных регионов с преобладанием пожилого населения, чья профессиональная деятельность не связана с онлайн-средой. При этом даже активная цифровизация в некоторых из них пока не позволяет преодолеть общее отставание.

Наиболее высокий уровень ежедневного использования интернета характерен для развивающихся регионов (Республика Северная Осетия – Алания, Республика Дагестан, Республика Калмыкия) и удаленных территорий (Чукотский АО, Амурская и Сахалинская области). Это объясняется компенсаторной ролью цифровых технологий: в условиях ограниченного доступа к возможностям офлайн для развлечений, образования, профессиональной деятельности и общения (особенно в горных и удаленных районах) интернет становится ключевым каналом коммуникации. Таким образом, высокая интернет-активность выступает следствием неблагоприятных социально-экономических условий.

Также можно опровергнуть предположение о диффузии инноваций из центра на соседние регионы. Например, юго-восточный полукруг около Москвы демонстрирует отставание в освоении IT-технологий. Сдерживающими факторами выступают старение сельского населения и низкая ресурсная обеспеченность, что характерно для северо-западных территорий, где высокие затраты на подключение и невысокие доходы населения препятствуют приобретению устройств и оплате высокоскоростного доступа. Это позволяет заключить, что цифровые навыки могут формироваться даже в условиях дефицита ресурсов.

Пространственная дифференциация распространения практики онлайн-покупок в России демонстрирует выраженную зависимость от социально-экономических характеристик регионов. Лидерство столичных агломераций и инновационного центра (например, в Республике Татарстан), а также влияние эффекта соседства подтверждает роль экономического развития и инфраструктурной близости как драйверов роста. В удаленных регионах (Республика Калмыкия, Республика Бурятия, северные автономные округа) интернет-торговля выполняет восполняющую функцию для офлайн-торговли, тогда как низкая активность в иных пери-

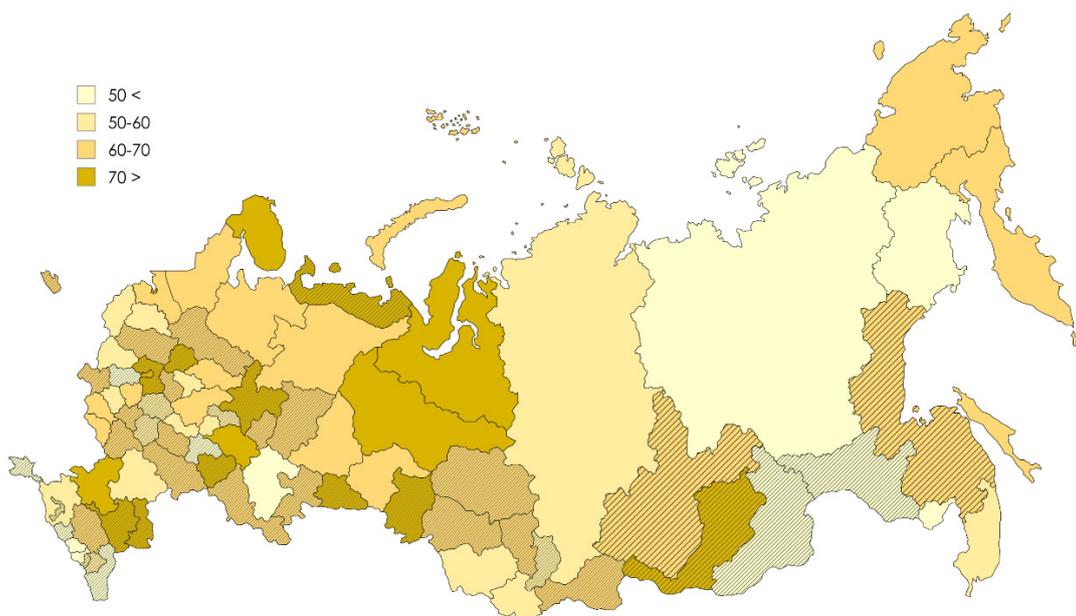

Рис. 4. Распространенность онлайн-покупок среди населения в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего.
Источник: составлено авторами.

ферийных субъектах связана с удалённостью, высокой долей пожилого населения и ограниченными стимулами для диверсификации бизнеса, что указывает на значительный потенциал дальнейшего роста отрасли.

Построенные три модели влияния факторов на эти три индикатора представлены в *таблице 1*.

В ходе анализа выявлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь между долей абонентской платы в доходах населения и распространённостью широкополосного доступа в интернет: рост цен на услуги на 1% приводит к снижению доли оснащенных интернетом домохозяйств на 5,87%. Цифровая доступность негативно связана с долей населения с доходами

ниже прожиточного минимума, где увеличение данного показателя снижает проникновение широкополосного доступа на 2,9%. Обнаружена положительная связь с долей расходов на питание, что, вероятно, опосредовано общим ростом доходов и благосостояния, стимулирующим онлайн-потребление (Olumekor et al., 2024). Увеличение доли теневого сектора в экономике снижает доступ домохозяйств к сети на 0,33%, отражая экономическое неблагополучие регионов⁸. Среди демографических факторов положительное влияние оказывает доля женщин в структуре населения, в частности её рост на 1% повышает доступность на 0,01%, что связывают с их более высокой интернет-активностью⁹.

Таблица 1. Модели влияния факторов на цифровой разрыв в регионах России для домохозяйств

Переменная	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ
Зависимая переменная	Доля домохозяйств с широкополосным интернетом		Уровень ежедневного использования интернета среди населения		Распространённость онлайн-покупок среди населения	
<i>const</i>	103,022		206,246		190,357	
<i>Econ_paym</i>	-5,86872*** (<0,0001)	-	-6,72647*** (<0,0001)	-	-6,49025*** (<0,0001)	-
<i>Econ_food</i>	0,577059*** (<0,0001)	-	0,286635*** (0,0069)	-		
<i>Econ_poverty</i>	-2,08662*** (<0,0001)	-	-3,15031*** (<0,0001)	-	-3,51617*** (<0,0001)	-
<i>Econ_inequal</i>			-2,53034*** (<0,0001)	-	-2,35555*** (<0,0001)	-
<i>Pop_pension</i>			0,303511*** (<0,0001)	-	0,335796*** (<0,0001)	-
<i>Pop_women</i>	0,00972588*** (0,0046)	-				
<i>Inst_inform</i>	-0,330099*** (0,0031)	-			-0,47624*** (0,0037)	-
<i>Inst_small_bus</i>					0,06118*** (0,0041)	+
R-квадрат	0,723586		0,765169		0,736065	
Стандартная ошибка модели	5,402668		5,552066		7,898893	
Число наблюдений	574		574		574	
<p>*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01. Примечание: в скобках представлены оценки значимости коэффициентов; ВНВ – возможные направления влияния. Источник: составлено авторами.</p>						

⁸ Неформальная занятость растет вместе с экономикой. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/14/886678-tenevaya-zanyatost> (дата обращения: 04.05.2025).

⁹ Женщины являются наиболее активными интернет-пользователями. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231207/309451985.html (дата обращения: 04.05.2025).

Отсутствие высоких доходов ограничивает возможность высокоскоростного подключения с большим объемом трафика, вынуждая сокращать использование. Коэффициент Джини демонстрирует отрицательную связь: высокий уровень экономического неравенства, означающий концентрацию доходов у узкой группы населения, приводит к снижению регулярного использования интернета на 2,5% вследствие его недоступности для широких слоев. Низкая доступность формирует слабую цифровую компетентность из-за отсутствия условий для приобретения и отработки соответствующих навыков. Парадоксальная положительная связь выявлена с долей пожилого населения: её увеличение повышает частоту использования интернета на 0,3%, что объясняется наличием у данного контингента пользователей специфических цифровых навыков для решения практических задач и потребностью в поддержании социальных связей (Кочетков, Мельникова, 2024).

Проведенный эконометрический анализ подтверждает взаимосвязь третьего уровня цифрового неравенства, проявляющегося в использовании интернета для онлайн-заказов, с факторами первого и второго уровней, такими как доступ и компетенции. Способность на-

селения получать преимущества от цифровизации серьезно подрывается комплексом неблагоприятных экономических факторов. При этом выявлена положительная зависимость доли онлайн-заказов от доли пожилого населения, рост которой на 1% увеличивает показатель на 0,33%, что объясняется функцией онлайн-среды, обеспечивающей доступ к товарам при ограниченной физической мобильности. Кроме того, установлена положительная связь с плотностью микро- и малых организаций: увеличение их числа на 1000 человек повышает уровень онлайн-заказов на 0,06%, поскольку именно данный сектор формирует конкурентное локальное предложение, стимулирующее использование услуги.

Рассмотрим распределение регионов России по показателям цифрового разрыва среди организаций (рис. 5–7).

Цифровое неравенство в предпринимательском секторе, как и для домохозяйств, во многом обусловлено различиями в доступности широкополосного подключения к сети Интернет. Анализ показывает, что в последние годы доля организаций, имеющих доступ к широкополосному интернету, сокращается в большинстве регионов.

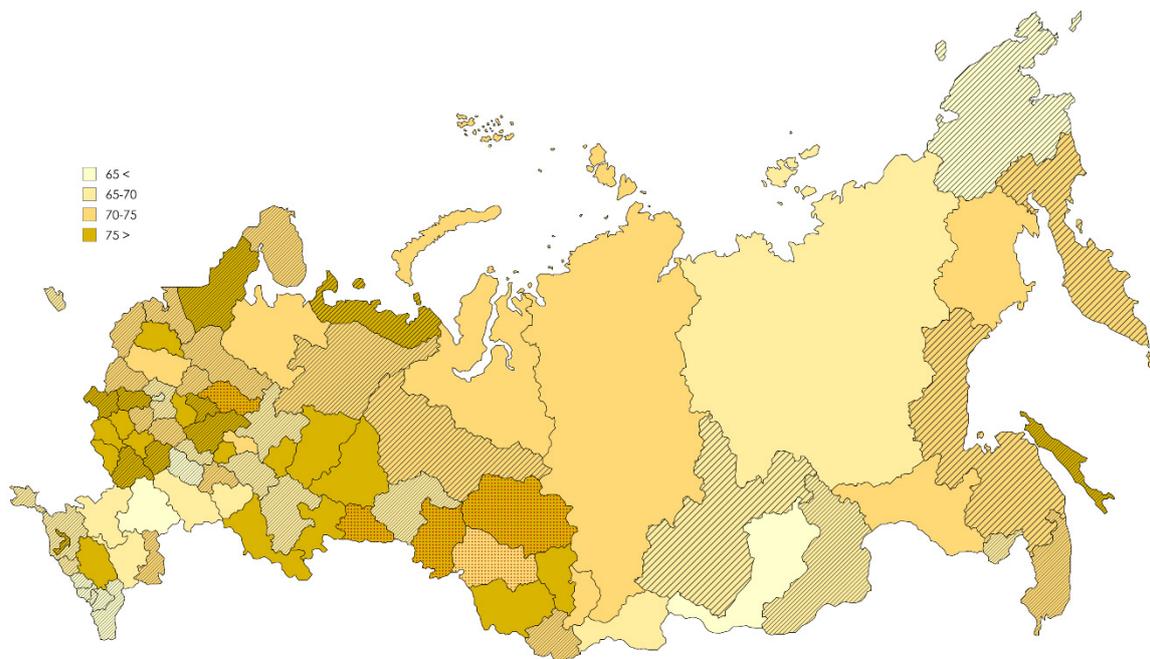

Рис. 5. Доля организаций с широкополосным интернетом в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста выше среднего в 2017–2023 гг.

Источник: составлено авторами.

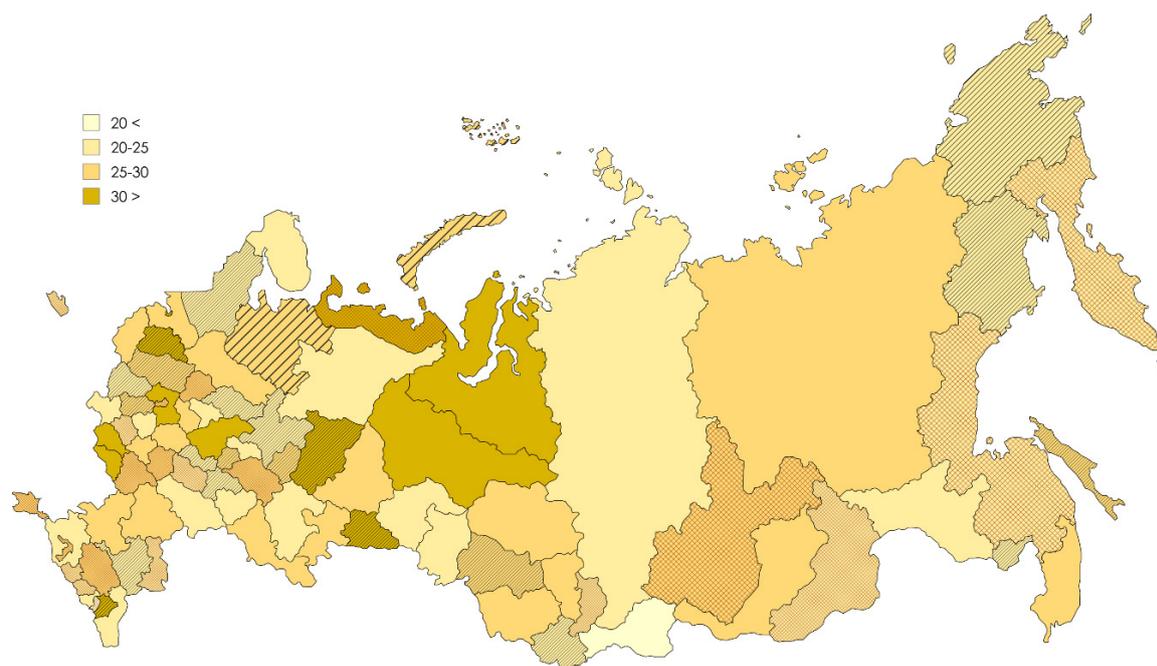

Рис. 6. Распространенность облачных сервисов среди организаций в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста выше среднего в 2017–2023 гг.
Источник: составлено авторами.

Наблюдается обратная зависимость между уровнем интернетизации домохозяйств и организаций в ряде регионов-лидеров, таких как Оренбургская, Калужская, Орловская, Белгородская области, Удмуртская Республика, Алтайский край и Кемеровская область, где широкополосный доступ для организаций, вероятно, выступает фактором стратегического развития и выхода на новые рынки. Рост показателя в Томской области связывается с реализацией федерального проекта «Информационная инфраструктура» и наличием наукоемких структур, требующих стабильного подключения¹⁰. В то же время снижение обеспеченности организаций интернетом в южных регионах страны, в г. Москве, г. Санкт-Петербурге и Республике Татарстан может объясняться распространением теневых схем подключения через физических лиц, а также постпандемийным переходом на удалённый формат работы, при котором сотрудники используют личные каналы связи, учитываемые в статистике домохозяйств.

¹⁰ Еще 15 малых сел в Томской области подключат к интернету в 2023 году. URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/84182-esche-15-malyh-sel-v-tomskoj-oblasti-podkljuchat-k-internetu-v-2023-godu.html> (дата обращения: 29.04.2025).

Наблюдаемый рост доли организаций, использующих облачные сервисы, с 20,5% в 2017 году до 26,7% в 2023 году характеризуется значительной межрегиональной дифференциацией. Лидерство таких субъектов, как Новгородская область, связано с реализацией целевых программ поддержки ИТ-бизнеса¹¹, в то время как в Чеченской Республике внедрение обусловлено потребностями ключевых секторов экономики — торговли и строительства. Высокие показатели ряда других регионов объясняются присутствием крупных ИТ-компаний, расширяющих межрегиональное взаимодействие. При этом после 2022 года в отдельных регионах, включая Республику Татарстан, отмечено снижение темпов прироста вплоть до отрицательных значений, что может быть следствием ухода международных ИТ-компаний и перехода части организаций на отечественные или собственные технологические решения в период адаптации, что в перспективе способно оказать влияние на уровень цифровых компетенций в профессиональной деятельности.

¹¹ Новые меры поддержки ИТ-специалистов появились в Новгородской области. URL: <https://mindigital.povreg.ru/medianews/news/836> (дата обращения: 29.04.2025).

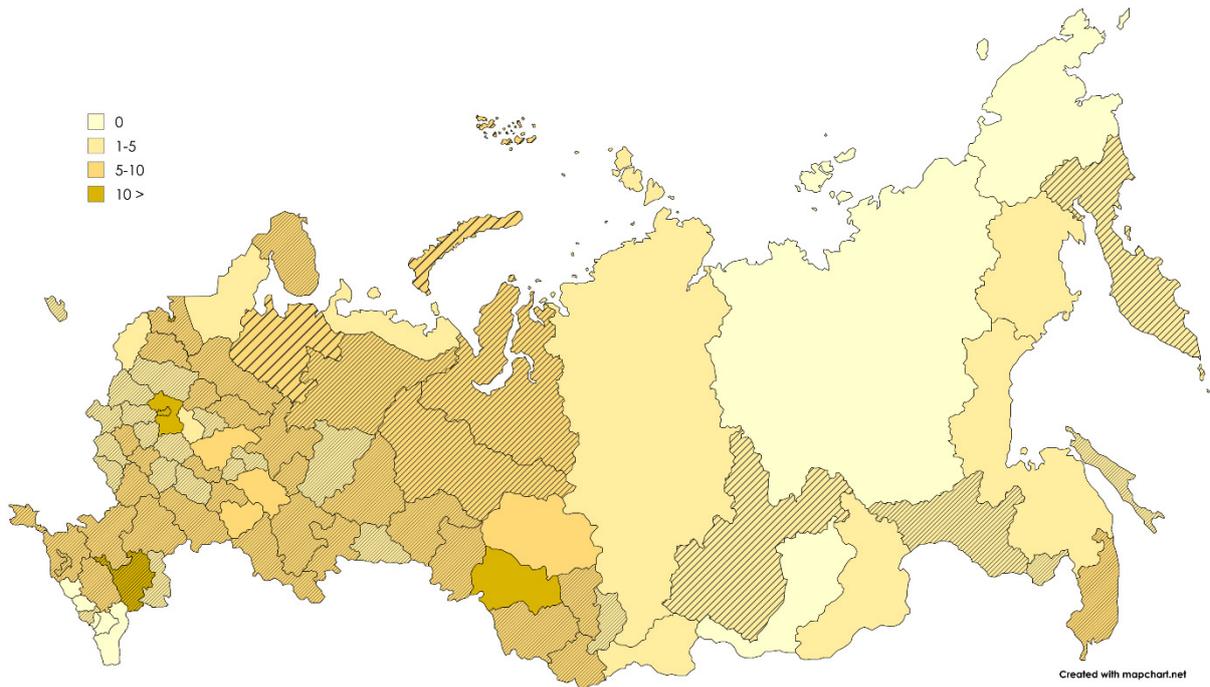

Рис. 7. Доля интернет-торговли в розничном обороте в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста выше среднего в 2017–2023 гг.
Источник: составлено авторами.

Третий уровень дифференциации организаций детерминирован долей онлайн-продаж в общем розничном обороте. На общероссийском уровне в 2023 году данный показатель достиг 8,1%, что более чем в шесть раз превышает значение 2017 года и отражает общую тенденцию. Республика Калмыкия демонстрирует исключительную динамику, увеличив долю онлайн-продаж в несколько раз за 2022–2023 гг., что коррелирует с расширением числа интернет-магазинов на треть. Традиционно высокие показатели характерны для Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, где платежеспособный потребительский спрос и ориентация на экономию времени стимулируют развитие онлайн-услуг. Наблюдается экспансия онлайн-торговли в восточном направлении от упомянутых инновационных кластеров, сопровождаемая развитием региональной логистической инфраструктуры и запуском доставки локальными офлайн-магазинами, чему способствует низкая конкуренция на начальном этапе. Высокие темпы роста также отмечаются в приграничных регионах

Дальнего Востока, где развита реэкспортная деятельность с использованием зарубежных товаров. В то же время низкие значения онлайн-продаж в регионах, прилегающих к Московской агломерации, объясняются доступностью более конкурентоспособных товаров из центрального кластера, что ограничивает стимулы для развития локальных интернет-платформ.

Определим факторы формирования цифрового разрыва для бизнеса по трем уровням (табл. 2).

Анализ выявил парадоксальную положительную корреляцию между относительной стоимостью интернет-услуг и их доступностью для организаций. Повышение затрат сопряжено с развитием инфраструктуры, при этом наибольшая доступность отмечается в экономически отсталых регионах, тогда как в развитых субъектах РФ доля подключенных организаций снижается. Это может объясняться неполнотой статистических данных о подключениях индивидуальных предпринимателей и малых предприятий, сосредоточением крупных потребителей интернета в богатых регионах.

Таблица 2. Модели влияния факторов на цифровой разрыв для бизнеса в регионах России

Переменная	Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ
Зависимая переменная	Доля организаций с широкополосным интернетом		Распространенность облачных сервисов среди организаций		Доля интернет-торговли в розничном обороте	
<i>const</i>	41,0952		-11,8994		7,82935	
<i>Econ_paym</i>	4,33742*** (0,0026)	-				
<i>Econ_food</i>	-0,641560*** (0,0002)	-				
<i>Econ_poverty</i>	1,06756*** (0,0009)	-	-0,550377*** (<0,0001)	—	-0,77296*** (<0,0001)	-
<i>Econ_inequal</i>	2,00355*** (0,0009)	-	-2,53034*** (<0,0001)	—		
<i>Pop_urbaniz</i>			1,00442*** (<0,0001)	+		
<i>Pop_pension</i>	-0,486757*** (<0,0001)	-			0,137196*** (<0,0001)	-
<i>Empl_educ</i>	-0,862195*** (<0,0001)	+				
<i>Inst_small_bus</i>					0,022634*** (0,0002)	+
R-квадрат	0,454307		0,677729		0,612755	
Стандартная ошибка модели	8,904748		3,112697		1,956002	
Число наблюдений	574		574		574	
<p>*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01. Примечание: в скобках представлены оценки значимости коэффициентов; ВНВ – возможные направления влияния. Источник: составлено авторами.</p>						

На втором уровне цифрового неравенства использование облачных технологий демонстрирует обратную зависимость от экономического благосостояния регионов. Рост доли населения с доходами ниже прожиточного минимума на 1% снижает внедрение облачных решений на 0,55%. Основными потребителями услуг выступают крупные компании развитых регионов, где урбанизация, а не уровень образования, является ключевым фактором внедрения.

На третьем уровне установлено, что доля онлайн-продаж положительно коррелирует с активностью микро- и малых предприятий и наличием пожилого населения как целевой аудитории, несмотря на общее снижение использования онлайн-каналов в регионах с высокой долей бедного населения. Онлайн-торговля позволяет малым предприятиям расширять географию сбыта и повышать эффективность деятельности.

Рассмотрим развитие цифрового разрыва на трех уровнях для государственного сектора в регионах РФ (рис. 8–10).

Первый уровень цифрового неравенства в государственном секторе характеризуется долей органов государственной власти и органов местного самоуправления, обеспеченных скоростью передачи данных в интернете не менее 2 Мбит/с. К 2023 году данный показатель достиг 72,6%, что на 12,5 п. п. превышает значение шестилетней давности. Наибольший рост был зафиксирован в 2020 году, когда меры противодействия пандемии коронавируса выступили катализатором перевода взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, а также коммуникации с населением в онлайн-формат, включая оперативное информирование через социальные сети. Данный скачок стал возможен благодаря ускоренной цифровизации, обеспеченной

в том числе за счет целевых государственных субсидий, направленных в отдельные регионы.

Анализ процессов цифровизации государственного управления в регионах России позволяет выявить значительную дифференциацию. Бесспорными лидерами остаются Москва и Санкт-Петербург, самыми первыми приступившие к активному внедрению IT-решений в государственные процессы. Среди других субъектов выделяется Омская область, достигшая лидерских позиций по степени подключения органов государственной и муниципальной власти к сети Интернет. Здесь успешно функционирует ГИС «Единая система управления бюджетным процессом», а Министерство экономики региона интегрировано в цифровую платформу МСП.ру с перспективой ее использования для муниципалитетов.

Пермский край демонстрирует активное развитие цифровой инфраструктуры, располагая более чем 200 государственными информационными системами, 62 из которых имеют ключевое значение для региона. Цифровая трансформация муниципалитетов здесь осуществляется на основе регулярной оценки по семи целевым показателям, также поддерживается цифровизация бизнеса¹². Значительный прогресс наблюдается в Чеченской Республике, где уровень цифровизации вырос благодаря реализации республиканской программы¹³.

В то же время в ряде регионов, таких как Иркутская, Рязанская, Волгоградская и Ростовская области, где сохраняются проблемы социально-экономического характера, показатель цифровизации находится на уровне 60%, не демонстрируя существенного роста. Респуб-

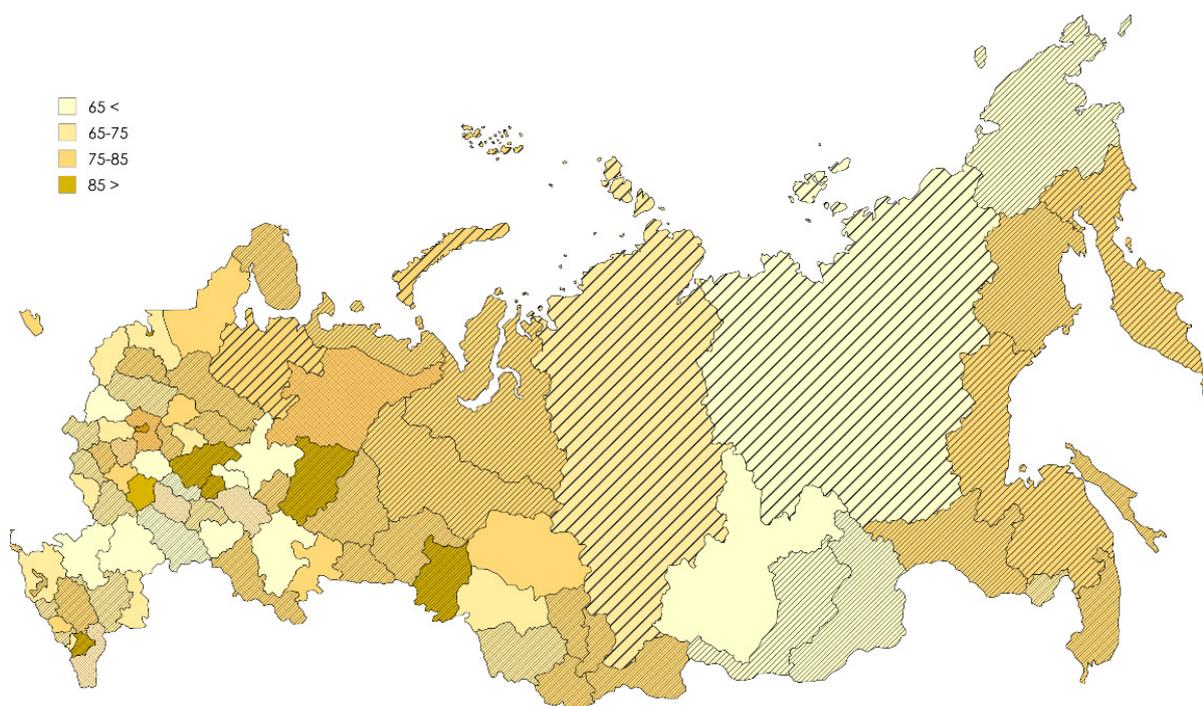

Рис. 8. Доля органов власти и местного самоуправления со скоростью интернета не менее 2 Мбит/с в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего.
Источник: составлено авторами.

¹² Хинштейн А. Успехи Пермского края по цифровизации значимы на общенациональном уровне. URL: <https://permkrai.ru/news/aleksandr-khinshteyn-uspekhi-permskogo-kрая-po-tsifrovizatsii-znachimy-na-obshchefederalnom-urovne/> (дата обращения: 30.04.2025).

¹³ URL: https://mtischr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=%201719&Itemid=1720 (дата обращения: 30.04.2025).

лика Татарстан, будучи пионером в предоставлении полного спектра из 319 государственных и муниципальных услуг в цифровой форме, сталкивается с проблемой доступности высокоскоростного интернета. Наиболее сложная ситуация характерна для Чукотского АО, Пензенской области и Республики Бурятия, где цифровые технологии в системе госуправления развиваются на начальной стадии.

Согласно данным за 2023 год, среднероссийское значение вовлеченности населения во взаимодействие с органами власти достигло 74,6%, что свидетельствует о росте более чем на треть за шестилетний период интенсивности взаимодействия граждан с органами государственной и муниципальной власти через интернет. Такая динамика наблюдается и в субъектах Российской Федерации. Наибольших значений показатель достигает в Краснодарском крае, Воронежской и Ивановской

областях, республиках Башкортостан и Тыва. В данных регионах платформа «Госуслуги» активно используется в основном малообеспеченными категориями населения для получения информации в социальной сфере¹⁴. В то же время наиболее существенное отставание отмечается в регионах Юга и Дальнего Востока, где взаимодействие с органами власти либо развито слабо, либо в значительной степени осуществляется в традиционной форме личного посещения, что обусловлено как культурными особенностями, так и недостаточным развитием институтов гражданского общества.

Показатель удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг в электронном формате отражает третий уровень неравенства в государственном секторе. К 2023 году доля удовлетворенных пользователей составила 49,8%, что на 20% ниже значений 2017 года. Данная тенденция преобладает в большинстве регионов.

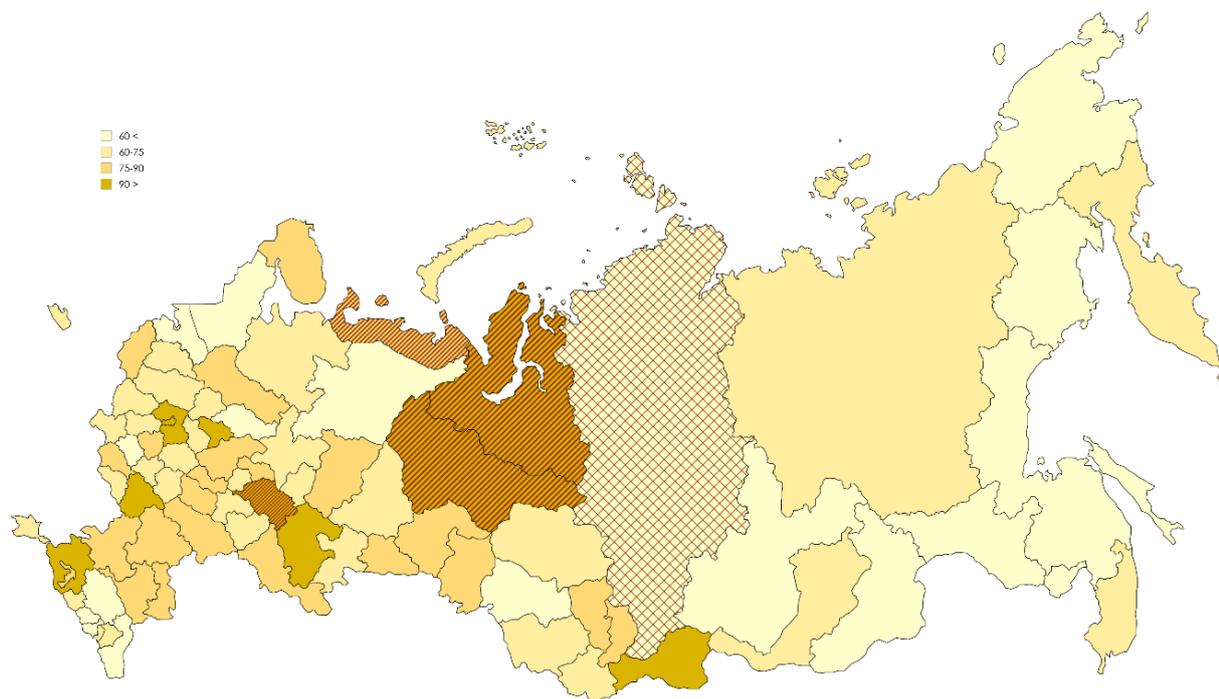

Рис. 9. Вовлеченность населения во взаимодействие с органами власти в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего, сеткой – с отрицательным ростом.

Источник: составлено авторами.

¹⁴ На Госуслугах зарегистрированы 98% жителей Ивановской области. URL: https://i3vestno.ru/news/2024/01/25/na_gosuslugah_est_98_zhiteley_ivanovskoy_oblastit (дата обращения: 30.04.2025).

Рис. 10. Удовлетворенность качеством электронных услуг в регионах России, 2023 год, %

Примечание: заштрихованы регионы с темпом прироста в 2017–2023 гг. выше среднего, сеткой – с отрицательным ростом.

Источник: составлено авторами.

Наибольшее отставание по удовлетворенности качеством предоставления государственных услуг в электронном формате зафиксировано в Псковской, Воронежской, Калужской, Магаданской и Амурской областях, а также в республиках Алтай и Марий Эл, где процессы цифровизации реализуются менее интенсивно по сравнению с другими субъектами Российской Федерации. Следствием этого является ограниченная доступность социально значимых услуг, особенно востребованных в депрессивных регионах. Согласно данным Росстата, в Псковской области 12,1% населения указали на данную причину в качестве основного фактора отказа от использования электронных государственных услуг.

Дополнительным фактором, усугубляющим ситуацию, является низкое социально-экономическое развитие указанных регионов, где преобладает пожилое население, предпочитающее очное взаимодействие через МФЦ не только для решения административных вопросов, но и для удовлетворения потребности в социальной коммуникации.

В группу лидеров по степени удовлетворенности входят Самарская и Ленинградская области, Ростовская область, Республика Татарстан и Кабардино-Балкарская Республика. Эти регионы характеризуются относительно высоким экономическим развитием в рамках своих федеральных округов, что способствует формированию более обеспеченного и образованного населения, обладающего необходимыми навыками, возможностями и ресурсами для эффективного использования цифровых государственных услуг.

Определим влияние факторов на формирование цифрового разрыва в государственном секторе (табл. 3).

Выводы эконометрического анализа заключаются в детерминации доступности широкополосного интернета для органов власти, где рост тарифов провайдеров снижает подключения на 5,89%. Социально-экономические факторы демонстрируют разнонаправленное влияние: улучшение материального положения (рост доли расходов на питание как индикатор

благополучия) увеличивает доступность интернета для госсектора на 0,92%, тогда как рост бедности и социальное неравенство сокращают её на 1,4 и 2,94% соответственно. Образовательный уровень населения положительно коррелирует с развитием цифровой инфраструктуры (прирост 0,7%), а наличие теневого сектора стимулирует цифровизацию госуправления на 0,63% в целях усиления контроля. Электронное взаимодействие граждан с властью усиливается при снижении стоимости интернета (прирост 6,11%) и повышается в регионах со значительной долей пожилых (0,45%) и женского населения (0,02%), но снижается при росте бедности (-4,18%) и неравенства (-1,95%). Удовлетворённость цифровыми услугами снижается при увеличении расходов на базовые потребности (-0,84%) и в старшей возрастной группе (-0,46%), однако повышается в депрессивных регионах с высокой бедностью

(+6,27%) и социальной сегрегацией (+2,87%), что объясняется адаптированными ожиданиями населения.

Проведенное исследование выявило устойчивую пространственную дифференциацию российских регионов по уровням цифровизации. Ключевой проблемой остается трехъярусное неравенство, проявляющееся в доступе к интернету, его использовании и получаемых преимуществах. Несмотря на высокие средние показатели проникновения интернета в домохозяйствах (87,3%), в депрессивных и сельских регионах сохраняется значительное отставание, обусловленное инфраструктурными ограничениями и низкой востребованностью. В бизнес-среде фиксируется парадоксальная ситуация: снижение формального доступа до 72,9% на фоне роста использования облачных сервисов (26,7%), что свидетельствует о структурной трансформации цифровых практик.

Таблица 3. Модели влияния факторов на цифровой разрыв в регионах России для сектора государства

Переменная	Модель 7		Модель 88		Модель 9	
	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ	Значения коэффициентов	ВНВ
Зависимая переменная	Доля органов власти и местного самоуправления со скоростью интернета не менее 2 Мбит/с		Вовлеченность населения во взаимодействие с органами власти		Удовлетворенность качеством электронных услуг	
<i>const</i>	140,919		183,443		-92,9155	
<i>Econ_paym</i>	-5,89839*** (0,0002)	-	-6,11085*** (<0,0001)	-		
<i>Econ_food</i>	0,921734*** (<0,0001)	-			-0,84133*** (0,0017)	-
<i>Econ_poverty</i>	-1,40137*** (<0,0001)	-	-4,18377*** (<0,0001)	-	6,27475*** (<0,0001)	-
<i>Econ_Inequal</i>	-2,94431*** (<0,0001)	-	-1,95192*** (0,0007)	-	2,87417*** (0,0021)	-
<i>Pop_women</i>			0,0157516*** (0,0083)	-		
<i>Pop_pension</i>			0,449120*** (<0,0001)	-	-0,4633*** (0,0010)	-
<i>Empl_educ</i>	0,707953*** (0,0020)	+				
<i>Inst_inform</i>	0,624537*** (0,0024)	-				
R-квадрат	0,537785		0,782276		0,577240	
Стандартная ошибка модели	9,832942		9,368695		14,08579	
Число наблюдений	574		574		574	
*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01. Примечание: в скобках представлены оценки значимости коэффициентов; ВНВ – возможные направления влияния. Источник: составлено авторами.						

Наиболее острой проблемой государственного сектора является снижение удовлетворенности качеством электронных услуг до 49,8%, что объясняется асинхронностью технологической и социальной адаптации, особенно в регионах с преобладанием пожилого населения. Пространственный анализ подтверждает слабую эффективность диффузии инноваций из центров цифровизации в периферийные регионы, что формирует устойчивые кластеры цифрового отставания.

Все три уровня цифрового неравенства в секторах домохозяйств, бизнеса и государства детерминируются экономическими условиями, в частности долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, однако воздействие этих факторов носит секторально-специфичный характер. Для домохозяйств ключевыми барьерами выступают высокая относительная стоимость интернет-услуг и низкие доходы, тогда как пожилое население и женщины проявили себя как активные пользователи в силу потребностей в коммуникации, онлайн-покупках и решении бытовых задач. В предпринимательском секторе распространенность цифровых технологий положительно связана с урбанизацией и развитием малого бизнеса, хотя в менее развитых регионах отмечается ограниченность из-за высокой стоимости подключения и низкой платежеспособности спроса. Государственный сектор демонстрирует зависимость от бюджетных ограничений и экономического благополучия регионов, при этом удовлетворенность электронными услугами выше среди малообеспеченных групп, вероятно по причине заниженных ожиданий, тогда как пожилые граждане чаще выражали недовольство, обусловленное дефицитом цифровых компетенций.

Выводы

На основании проведенного эконометрического анализа детерминант цифрового неравенства в регионах России для домохозяйств, бизнеса и государственного сектора можно сформулировать некоторые выводы и рекомендации для проведения государственной политики. Исследование подтверждает устойчивую и многомерную природу цифрового неравенства в российских регионах, которое сохраняется на трех взаимосвязанных уровнях: доступ к инфраструктуре, качество использования и способность извлекать выгоды. Ключевым систем-

ным выводом является доминирующая роль экономических факторов, в частности уровня доходов населения и относительной стоимости интернет-услуг, значимо негативно влияющих на все секторы и уровни цифровизации. Это указывает, что меры, направленные исключительно на развитие инфраструктуры, без учета платежеспособного спроса и общего экономического благосостояния территорий, имеют ограниченную эффективность. Государственная политика цифровизации должна носить комплексный характер, интегрируясь с программами социально-экономического развития регионов.

Для сектора домохозяйств приоритетом является снижение финансовых барьеров доступа. Сильная отрицательная зависимость между стоимостью интернета и его распространенностью требует механизмов регулирования тарифов или адресных субсидий для малообеспеченных групп населения и жителей удаленных территорий. Параллельно необходимо развивать программы повышения цифровой грамотности, ориентированные не только на базовые навыки, но и на эффективное использование онлайн-сервисов для решения повседневных задач, трудоустройства и предпринимательства. При этом выявленная высокая цифровая активность пожилого населения и женщин должна быть учтена в программах инклюзии, трансформируясь из вынужденной компенсации офлайн-дефицита в инструмент повышения качества жизни.

В бизнес-среде политика должна быть резко дифференцирована в зависимости от размера компаний и региона. Для микро- и малых предприятий, являющихся драйвером онлайн-торговли, необходима поддержка в виде консультационных услуг, льготного доступа к цифровым платформам и решения логистических проблем, особенно в регионах, отстающих по доле онлайн-продаж. Для крупного бизнеса и организаций, где наблюдается парадоксальная статистика снижения формального подключения на фоне роста использования облачных сервисов, важно совершенствовать методики статистического учета, для того чтобы адекватно отражать реальные цифровые практики. Общим приоритетом является стимулирование внедрения облачных технологий и цифровых решений в регионах с низким уровнем

экономического развития через специальные инвестиционные программы и создание IT-инфраструктурных хабов.

Цифровизация государственного сектора требует перехода от количественных показателей охвата к качеству и удовлетворенности услугами. Критическое падение удовлетворенности граждан электронными госуслугами сигнализирует о разрыве между технической возможностью предоставления услуги и ее реальной ценностью для пользователя. Необходима глубокая пользовательская адаптация интерфейсов, упрощение процедур и обеспечение технической поддержки, особенно для пожилых граждан. Положительная связь удовлетворенности с уровнем бедности в регионах отражает эффект низких ожиданий, что является неустойчивым основанием для оценки. Поэтому фокус должен сместиться на повышение объективного качества, скорости и прозрачности услуг. Одновременно важно продолжать ликвидацию инфраструктурных пробелов в обеспечении государственных органов высокоскоростным интернетом, особенно в муниципалитетах.

Важнейшим стратегическим выводом является подтверждение слабой пространственной диффузии цифровых инноваций из центральных регионов-лидеров в периферию. Это формирует устойчивые кластеры цифрового отставания и требует целенаправленной политики выравнивания, включающей создание региональных цифровых центров компетенций, развитие межрегиональных IT-партнерств и реализацию инфраструктурных проектов, ориентированных на связность территорий. Таким образом, преодоление цифрового неравенства в России должно стать не отдельным технологическим направлением, а ключевым элементом комплексной региональной политики, нацеленной на сокращение социально-экономических диспропорций и создание условий для инклюзивного развития всех территорий страны.

Полемика по поводу результатов

Полученные в ходе исследования результаты репрезентативны и статистически значимы, но при этом допускают возможность альтернативных интерпретаций и выявляют ряд дискуссионных моментов. Например, положительная связь доли пожилого населения с уровнем ежедневного использования интернета и распро-

страненностью онлайн-покупок может быть не столько индикатором успешной цифровой инклюзии, сколько отражением структурных диспропорций в региональном развитии. Высокая интернет-активность в депрессивных и удаленных регионах может сигнализировать не о преодолении, а о воспроизводстве цифрового неравенства, когда цифровая среда становится вынужденной заменой недоступных сервисов офлайн и не обязательно трансформируется в повышение качества жизни или цифрового капитала.

Выявленная положительная корреляция между стоимостью интернет-услуг и их доступностью для организаций вступает в противоречие с базовыми постулатами экономической теории и требует осторожной интерпретации. Данный результат может быть обусловлен несовершенством учета каналов подключения (использование личных аккаунтов сотрудников) в развитых регионах, где реальная цифровизация бизнеса опережает формальную статистику. Следовательно, наблюдаемое «снижение» доступа может отражать не реальный регресс, а смену технологических моделей потребления.

Дискуссионным является и вывод о повышенной удовлетворенности качеством электронных госуслуг в регионах с высокой долей бедного населения. Хотя это может объясняться адаптацией ожиданий, нельзя исключать, что данный эффект носит временный характер и связан с первоначальным позитивным восприятием самой возможности удаленного доступа к услугам. В долгосрочной перспективе по мере роста запросов населения и усложнения сервисов удовлетворенность может снизиться, если за формальным предоставлением услуг не последует реального повышения их качества, прозрачности и удобства.

Мы считаем, что проведенный анализ, фокусируясь на количественно измеримых детерминантах, имеет дальнейшие перспективы развития для включения качественных аспектов цифрового разрыва, таких как мотивация пользователей, культурные барьеры и субъективное восприятие технологий. Дальнейшие исследования требуют интеграции смешанных методов для более глубокого понимания причинно-следственных механизмов, стоящих за выявленными статистическими закономерностями.

Литература

- Басова Е.А. (2021). Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. Т. 9. № 4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29046>. DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.4
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Массимо Р. (2019). Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. №. 4. С. 41–72.
- Груздева М.А. (2022а). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14
- Груздева, М.А. (2022б). Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов // Цифровая социология. № 5 (1). С. 15–24.
- Деревцова И.В., Внукова А.Е., Головащенко Е.А., Денисевич Д.Д. (2021). Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности // Baikal Research Journal. Т. 12. №. 2. С. 20.
- Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. (2024). Стратегирование роста производительности труда в цифровой экономике // Стратегирование: теория и практика. Т. 4. № 3 (13). С. 298–314. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-3-298-314
- Журавлев Д.М. (2018). Цифровая экономика и рост экономической активности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 9. С. 19–22.
- Иванова А.И. (2023). Детерминанты цифрового неравенства в российских регионах // Мир экономики и управления. Т. 23. № 4. С. 104–120.
- Кожевников С.А. (2019). Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 1. С. 87–107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5
- Костяев А.И. (2024). Цифровое неравенство между городским и сельским населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3
- Кочетков А.Е., Мельникова М.М. (2024). Интернет в повседневной жизни пожилого человека // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2024): сборник статей V Международной научно-практической конференции, 14–15 ноября 2024 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. Москва: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ. С. 484–493.
- Ускова Т.В., Кожевников С.А. (2013). Проблемы повышения комфортности проживания населения города // Вопросы территориального развития. № 9 (9).
- Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. (2020). Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
- Acilar A., Sæbø Ø. (2023). Towards understanding the gender digital divide: A systematic literature review. *Global Knowledge, Memory and Communication*, 72(3), 233–249.
- Anakpo G., Phuthumani S., Mishi S. (2023). Digital disparity between formal and informal sectors: The case of South Africa. *AfricaGrowth Agenda*, 20(1), 4–5.
- Antonio A., Tuffley D. (2014). The gender digital divide in developing countries. *Future Internet*, 6(4), 673–687.
- Arendt L. (2008). Barriers to ICT adoption in SMEs: How to bridge the digital divide? *Journal of Systems and Information Technology*, 10(2), 93–108.
- Attewell P. (2001). The first and second digital divides. *Sociology of Education*, 74(3), 252–259.
- Cruz-Jesus F., Vicente M.R., Vacao F., Oliveira T. (2016). The education-related digital divide: An analysis for the EU-28. *Computers in Human Behavior*, 56, 72–82.
- Duncombe R., Heeks R. (2002). Enterprise across the digital divide: Information systems and rural microenterprise in Botswana. *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*, 14(1), 61–74.
- Dutta N., Kar S., Guha S. (2023). Informal sector in India and adoption of digital technologies. *Indian Growth and Development Review*, 16(3), 230–246.
- Fidan H. (2016). Measurement of the intersectoral digital divide with the Inequal coefficients: Case study Turkey and Lithuania. *Engineering Economics*, 27(4), 439–451.

- Fong M.W. (2009). Digital divide between urban and rural regions in China. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 36(1), 1–12.
- Krueger D.C., Stone D.L., Lukaszewski K.M. (2018). Age and the digital divide. *Journal of Strategic Innovation & Sustainability*, 13(3).
- Martin S.P., Robinson J.P. (2007). The income digital divide: Trends and predictions for levels of Internet use. *Social Problems*, 54(1), 1–22.
- Nanthikesan S. (2000). *Trends in Digital Divide*. Harvard Center for Population and Development Studies, Cambridge, MA.
- Norris P. (2003). *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Available at: <https://cjc.utppublishing.com/doi/full/10.22230/cjc.2003v28n1a1352> (accessed: 01.09.2025)
- Norris P., Inglehart R. (2013). Digital divide. In: *Handbook on the Digital Creative Economy*. Edward Elgar Publishing.
- Olumekor M., Singh H.P., Alhamad I.A. (2024). Online food shopping: Exploring the influence of income, internet access, and food prices. *Sustainability*, 16(4), 1545.
- Ragnedda M. (2017). *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge.
- Rastvortseva S., Panasiuk S. (2025). Regional agglomeration effects in the innovation development of European countries. *World Economy and International Relations*, 69(6), 26–37. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-26-37>
- Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. (2022). Modern development of small and medium-sized cities: Trends and drivers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6
- Soomro K.A., Kale U., Curtis R., Akcaoglu M., Bernstein M. (2020). Digital divide among higher education faculty. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 17(1), 21.
- Van Dijk J.A. (2013). A theory of the digital divide 1. In: *The Digital Divide*. Routledge.
- Wamuyu P.K. (2017). *Closing the Digital Divide in Low-Income Urban Communities: A Domestication Approach*.
- Zhang X. (2013). Income disparity and digital divide: The Internet Consumption Model and cross-country empirical research. *Telecommunications Policy*, 37(6-7), 515–529.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Растворцева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор департамента мировой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 11); профессор кафедры стратегического и инновационного развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167 Москва, Ленинградский пр-т, 49/2; e-mail: rstvortseva@gmail.com)

Анита Николаевна Бахвалова – аналитик, ООО «НТех лаб» (Российская Федерация, 115191, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, Холодильный пер., д. 3; e-mail: anita.bahvalova@yandex.ru)

Rastvortseva S.N., Bakhvalova A.N.

Digital Divide in Russia's Regions: Assessment and Priorities in the Context of Achieving National Development Goals

Abstract. The persistent spatial differentiation in digitalization levels across Russian regions underscores the urgent need to identify the determinants of the digital divide to inform effective state policy. This study aims to identify and econometrically assess the key determinants shaping this divide across three structural levels – inequality in access, quality of use, and the ability to derive benefits – for three primary stakeholders: households, businesses, and the state. The scientific novelty of this research lies in its comprehensive, panel-data analysis of determinants across these three user groups and its identification of paradoxical relationships within the digitalization adoption. Employing fixed effects models on data from 82 Russian

regions for the period 2017–2023, the analysis reveals a stable and significant influence of economic factors on all levels of the digital divide. Specifically, rising Internet service provider (ISP) charges and an increased share of the population in poverty are found to significantly reduce household access and digital activity. For the business sector, however, the analysis uncovers paradoxical relationships, which are likely attributable to the structure of official statistical data. The study also establishes that elderly populations demonstrate high digital activity, potentially as a means to compensate for offline limitations, while satisfaction with digital public services is unexpectedly higher in more depressed regions, a phenomenon explained by adapted expectations. The findings confirm the sector-specific nature of the determinants, necessitating differentiated policy measures. Furthermore, spatial analysis indicates a poor diffusion of innovations from digitalization centers to peripheral regions, highlighting a critical challenge for equitable development.

Key words: digital divide, digital inequality, households, business, public sector, fixed effects models, regional economy, Russian regions.

Information about the Authors

Svetlana N. Rastvortseva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, professor of the Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics (11, Pokrovsky Avenue, Moscow, 109028, Russian Federation); professor of the Department of Strategic and Innovative Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: srastvortseva@gmail.com)

Anita N. Bakhvalova – analyst, OOO NtechLab (3, Kholodilny Alley, Inner-City Municipality Danilovsky, Moscow, 115191, Russian Federation; e-mail: anita.bahvalova@yandex.ru)

Статья поступила 28.11.2025.

Оценка развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне

**Анна Герольдовна
БЕЗДУДНАЯ**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: annaspbru@yandex.ru
ORCID: 0000-0007-7605-5660

**Владимир Михайлович
РАЗУМОВСКИЙ**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: vmr-rgo@mail.ru
ORCID: 0009-0006-9122-6313

**Семен Леонидович
ИВАНОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: slivanov2020@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4647-5824

Для цитирования: Бездудная А.Г., Разумовский В.М., Иванов С.Л. (2026). Оценка развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 94–117. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.9

For citation: Bezdudnaya A.G., Razumovsky V.M., Ivanov S.L. (2026). Assessment of small and medium-sized enterprise development at the regional level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 94–117. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.9

Аннотация. В современных условиях возрастает потребность в проведении оценки развития малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации, в том числе с точки зрения его вклада в обеспечение технологического суверенитета страны. Такая оценка необходима для выявления резервов регионального развития и формирования обоснованных управленческих решений, направленных на повышение устойчивости экономики в условиях внешних вызовов. При этом научная проблема исследования обусловлена необходимостью преодоления методологического разрыва между существующими подходами к оценке развития малого и среднего предпринимательства (которые не в полной мере учитывают его специфические свойства, влияющие на потенциал в данной сфере) и диагностике уровня технологического суверенитета регионов (зачастую игнорирующих роль сектора малого и среднего предпринимательства как одного из факторов его укрепления). Цель работы – провести комплексную оценку развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне как компонента экономической среды, способного содействовать укреплению технологической независимости государства. Для ее достижения потребовалось раскрыть теоретико-методологические основы и сформулировать принципы оценки; разработать и апробировать методический инструментарий оценки на эмпирических данных субъектов Северо-Западного федерального округа. При подготовке исследования использовались различные типы и комбинации научных методов – от общенаучных до специальных экономических. Особое место занимают методы экономической социологии – целевой экспертный опрос и интервью, позволившие сформировать информационный массив, который лег в основу тестирования разработанного методического инструментария. Апробация авторского инструментария позволила сформировать рейтинг регионов по уровню инновационной активности малого и среднего предпринимательства (данный рейтинг представляет особую значимость, поскольку инновационная деятельность является основополагающей в контексте задачи укрепления технологического суверенитета); выявить факторы и направления, благодаря которым малые и средние предприятия в регионах с относительно невысоким уровнем инновационной активности малого и среднего предпринимательства могут вносить вклад в обеспечение технологического суверенитета; оценить уровень адаптации малых и средних предприятий к условиям постоянных изменений внешней среды; спрогнозировать возможность достижения частичного технологического суверенитета, в том числе за счет вклада региональных малых и средних предприятий.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, регион, технологический суверенитет, инновационная активность, оценка, рейтинг, прогноз.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с темой государственного задания FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

Предпринимательский сектор играет важную роль в экономике большинства стран с рыночными и смешанными хозяйственными системами. С этой позиции предпринимательство следует рассматривать как один из элементов экономической системы России, участвующий в формировании ВВП, создании рабочих мест, в том числе высокотехнологичных, решении социально-экономических задач на различных уровнях управления.

В российской модели экономического развития преобладает крупный бизнес, особенно в добывающей и обрабатывающей промышленности. Это обусловлено историческими особенностями формирования экономической системы страны и необходимостью решения масштабных экономических задач в период после распада СССР.

Современные экономические условия, включая санкционное давление, актуализируют

вопрос сбалансированного развития всех секторов предпринимательства, включая малое и среднее (далее – МСП). При этом доля МСП в российской экономике остается существенно ниже показателей развитых стран: по данным Минэкономразвития за 2023 год, она составила 21,7% от ВВП¹. Для сравнения: в странах ОЭСР этот показатель превышает 50%, достигая 60% в США и Финляндии и 70% в Италии².

Несмотря на относительно невысокую долю в ВВП, сектор МСП обладает потенциалом развития, в том числе может вносить определенный вклад в укрепление технологического суверенитета³ (Алексеев, 2024; Борталевич, Махкамова, 2023; Зайнутдинов, 2015; Иванов, 2025; Кувалин и др., 2024; Теребова, Борисов, 2019; Araujo et al., 2021; Eldridge et al., 2021; Rogers, 2004). В частности, малые и средние предприятия:

- берут на себя выполнение узкоспециализированных и высокорисковых функций, которые зачастую не входят в зону интересов или операционных возможностей крупного бизнеса (Егорова, Бушанский, 2024, с. 313; Иванов, 2025);

- демонстрируют высокую адаптивность и скорость реакции на новые возможности, что способствует внедрению технологических новшеств (Rogers, 2004, p. 143);

- нередко генерируют продукцию с высоким уровнем новизны, в отличие от крупных предприятий, чьи инновации зачастую направ-

лены на оптимизацию внутренних процессов, а не на радикальное обновление производства (Теребова, Борисов, 2019, с. 56).

Мировой и отечественный опыт иллюстрирует потенциал МСП как одного из факторов интенсификации инновационных процессов:

- в Северном Брабанте (Нидерланды) формирование высокотехнологичного кластера малых предприятий способствовало преодолению промышленной рецессии (Зайнутдинов, 2015, с. 116);

- в Рурском регионе (Германия) вертикальная кооперация крупных холдингов с узкоспециализированным малым бизнесом обеспечила технологическую модернизацию и выход из системного кризиса (Зайнутдинов, 2015, с. 117);

- в Кузбассе программно-целевая поддержка свыше 500 проектов МСП содействовала диверсификации моноотраслевой экономики, росту занятости и технологической трансформации угольных регионов (Зайнутдинов, 2015, с. 117).

Представленные примеры демонстрируют возможный вклад МСП в укрепление технологической независимости государства, однако его реализация зависит от комплекса факторов развития экономики конкретных территориальных субъектов. Важно учитывать, что в российских реалиях уровень вовлеченности малого и среднего бизнеса в решение задачи по достижению технологического суверенитета существенно варьируется в зависимости от региональной специфики. Высокая неоднородность социально-экономического и научно-технологического развития регионов (Сидоров, 2025; Устинова и др., 2025) формирует различные условия для развития МСП, что напрямую отражается на возможностях предприятий разных территорий содействовать укреплению рассматриваемого вида суверенитета государства.

Именно наличие столь глубоких межрегиональных диспропорций определяет актуальность настоящего исследования. Возникает объективная необходимость в разработке системы оценки, которая позволила бы анализировать текущий уровень развития сектора МСП в регионах с учетом его возможного вклада в укрепление технологического суверенитета страны.

¹ Вклад МСП в экономику России превысил 34,5 трлн рублей // Министерство экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html (дата обращения: 29.04.2025).

² Вклад МСП в экономику России вырос до 21% // Мой Бизнес. РФ. URL: <https://clck.ru/3EaEWu> (дата обращения: 29.04.2025).

³ В исследовании (Иванов С.Л. (2025). Предпринимательство как фактор обеспечения технологического суверенитета: современные тенденции развития // Общество и экономика. № 8. С. 33–57. DOI: 10.31857/S0207367625080033) раскрыта сущность понятия «технологический суверенитет» и выделены подходы к его формированию и обеспечению; обоснована роль предпринимательства как одного из факторов укрепления технологического суверенитета государства; изучена и описана специфика вклада отдельных категорий предпринимательских фирм (в соответствии с критерием «размерность») в обеспечение технологического суверенитета на федеральном и региональном уровне.

Научная проблема исследования заключается в следующих аспектах:

1) большая часть подходов к оценке МСП на региональном уровне, представленных в научной литературе, не учитывают его существенные характеристики, определяющие вклад в технологический суверенитет (например, склонность к инновациям и адаптивность к внешним шокам, вызванным влиянием экономических санкций); более того, такие подходы не отражают межрегиональную дифференциацию условий функционирования МСП, детерминируемых вышеперечисленными характеристиками, что важно не только для научного анализа вклада МСП в формирование национального технологического суверенитета, но и для разработки дифференцированных мер региональной политики, направленной на выявление и стимулирование «точек роста» технологического развития в секторе МСП с учетом специфики отдельных территорий; оптимизацию распределения ресурсов поддержки (финансовых, инфраструктурных, кадровых) между регионами исходя из реального потенциала местных предприятий и пр.;

2) существующие подходы к диагностике вклада регионов в достижение национального технологического суверенитета, фокусируясь на макроструктурных компонентах, зачастую игнорируют роль сектора МСП как одного из факторов его укрепления.

Перечисленное выше указывает на наличие методологического разрыва, обуславливающего целесообразность разработки авторского подхода к проведению заявленной оценки.

Объект исследования – малое и среднее предпринимательство как элемент региональной экономической системы, способный вносить определенный вклад в обеспечение технологического суверенитета. Предмет исследования – характеристики и показатели развития МСП на региональном уровне, определяющие его потенциал в контексте укрепления технологического суверенитета.

Цель исследования – провести комплексную оценку развития МСП на региональном уровне как одного из компонентов экономической среды, способного содействовать укреплению технологической независимости государства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть теоретико-методологические основы и сформулировать методологические принципы проведения такой оценки;

2) разработать и апробировать методический инструментарий оценки на эмпирических данных субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии оценки уровня развития МСП на региональном уровне, позволяющей учесть его роль в обеспечении технологического суверенитета. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования для принятия управленческих решений в сфере развития МСП на региональном уровне.

Методы и материалы исследования

При подготовке данного исследования использовались различные типы и комбинации научных методов – от общенаучных до специальных экономических. Основу теоретических методов составили анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение. В частности, они нашли применение при изучении теоретико-методологического базиса оценки уровня развития МСП как одного из факторов, способных оказывать влияние на обеспечение технологического суверенитета, а также при формировании методологических принципов проведения такой оценки и разработке соответствующего методического инструментария.

Особое место в контексте проведения исследования занимают методы экономической социологии – целевой экспертный опрос и интервью. Они позволили сформировать информационный массив, который лег в основу тестирования разработанного методического инструментария оценки.

Апробация данного инструментария включает два основных этапа. Первый этап направлен на формирование рейтинга регионов по уровню инновационной активности МСП с использованием данных целевого экспертного опроса руководителей инновационных компаний. На этом этапе оценивались динамика работы компаний по ряду показателей, условия региональной среды для инновационной деятельности, разнообразие направлений и резуль-

тативность такой деятельности, а также уровень освоения предприятиями технологий пятого и шестого укладов. Для перевода субъективных оценок руководителей в объективные статистические величины применялся метод балльного шкалирования. Агрегированные результаты по каждому региону подвергались сопоставительному анализу, что позволило ранжировать территории и выявить межрегиональные диспропорции в инновационной активности МСП. Второй этап предполагает качественную оценку потенциального вклада МСП в обеспечение технологического суверенитета для регионов с невысоким уровнем инновационной активности при использовании данных интервью с представителями региональных институтов развития МСП. Этот этап позволил оценить уровень адаптации МСП к санкционным условиям, выявить ключевые факторы адаптации и определить вклад как инновационных, так и традиционных предприятий в обеспечение технологической независимости.

Информационной базой исследования послужили работы ведущих отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам оценки уровня развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне, а также измерению уровня технологического суверенитета и подходам к оценке его достижения.

Теоретико-методологические основы и методологические принципы проведения оценки развития МСП в регионе как одного из факторов, способных оказывать влияние на обеспечение технологического суверенитета

В современной научной литературе сформировался представительный массив работ, посвященных оценке МСП на региональном уровне. Некоторые из них рассмотрим более подробно.

Одним из релевантных инструментов прикладного анализа является рейтинговая оценка, разработанная и апробированная Д.В. Филипповым на примере муниципальных районов Республики Саха (Филиппов, 2013). Его методика базируется на расчете сводного индекса через нормализацию локальных критериев и определение их удельных весов. В систему оценки входят показатели как регионального, так и муниципального уровня. Ключевыми показателями выступили доля произведенных товаров, работ

и услуг малых и средних предприятий в валовом региональном продукте; доля чистых инвестиций в общем объеме валовых инвестиций малых предприятий; доля занятых в малом бизнесе в общем числе занятых в экономике; оборот малых предприятий на душу населения и др.

Коллектив авторов под руководством О.Е. Ивановой предложил методику анализа, основанную на расчете пороговых значений интегрального показателя (Иванова и др., 2014). Оценка разделена на два блока: анализ общих параметров развития (количество предприятий, работников и уровень оплаты труда) и оценку финансового состояния сектора (оборот и инвестиции на одного работника, удельный вес прибыльных организаций).

Оценка развития МСП в ресурсных регионах России представлена И.В. Корчагиной. Автор дополняет стандартный статистический анализ использованием Т-критерия Уилкоксона для оценки трендов и сопоставляет удельный вес МСП в ВРП ресурсных территорий со среднероссийскими показателями. Особое внимание уделяется продуктивности использования ресурсов и инвестиционному потенциалу (Корчагина, 2023).

Комплексный подход к оценке МСП представлен в работе А.Е. Кремина, где уровень развития рассматриваемого сектора оценивается через систему трех критериев: критерий «Х» – уровень развития МСП (оборот субъектов МСП на одного занятого и на душу населения); критерий «У» – роль МСП в экономике региона (доля занятых в МСП, доля инвестиций в основной капитал МСП и др.); критерий «Z» – эффективность господдержки МСП (доля получателей помощи среди МСП, размеры микрозаймов и кредитов под поручительства) (Кремин, 2022).

В условиях современных экономических трансформаций показательна методика автора Л.В. Глезман, которая фокусируется на динамике развития МСП в условиях новых вызовов (на примере Пермского края). Исследование направлено на идентификацию факторов, формирующих среду современного предпринимательства, и анализ индексов изменения численности и оборота субъектов МСП в сравнении с общероссийскими трендами (Глезман, 2022).

Завершает обзор работа В.В. Петрушевской и А.Н. Шарого, предложивших инструментарий, сочетающий количественные показатели и экспертные оценки. Их методика выделяется на фоне остальных тем, что учитывает не только экономические результаты деятельности МСП (выручка, прибыль, занятость), но также критерии, свойства и характеристики сектора, важные для технологического суверенитета (Петрушевская, Шарый, 2024). Это единственное из представленных исследований, включающее показатели инновационной активности и объема реализации инновационной продукции в секторе малого бизнеса.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в рамках большинства представленных исследований оценка развития МСП базируется на агрегированных индексах, использующих традиционные количественные параметры: среднесписочная численность МСП, доля занятых в МСП, оборот МСП, инвестиции в основной капитал МСП. Данный подход не позволяет в полной мере оценить роль сектора в укреплении технологического суверенитета, игнорируя критерий «инновационности». Исключением является работа (Петрушевская, Шарый, 2024), в которой применены специфические показатели, соответствующие этому критерию.

Для сравнения, при проведении оценки уровня развития МСП в зарубежных странах авторы, как правило, опираются на показатели, характеризующие уровень инновационной активности предприятий, особенно в контексте технологий пятого и шестого технологических укладов (Owalla et al., 2022; Rauch et al., 2020; Vasquez et al., 2021).

Действительно, инновационная деятельность субъектов МСП заслуживает отражения в подобных оценках, являясь одной из составляющих фундамента для достижения технологического суверенитета. Данный подход аргументируется следующими тезисами (Иванов, 2025):

– эффективность инновационного процесса в рыночных условиях во многом опирается на потенциал предпринимательского сектора (в том числе МСП) в части коммерциализации НИОКР; предприниматели способствуют практическому внедрению раз-

работок, формируя существенную часть потока новых продуктов и технологий;

– сами предприятия наряду с НИИ, вузами и пр. также проводят научные исследования; создаются малые инновационные предприятия (МИП) при научных и образовательных учреждениях, которые служат важнейшим связующим элементом между наукой и производством.

При этом в рамках стратегии по достижению технологического суверенитета следует учитывать и вспомогательные функции МСП, не связанные напрямую с созданием инноваций. Хотя такие предприятия не являются источником технологических прорывов, они обеспечивают необходимую инфраструктурную поддержку и адаптивность экономики. Согласно исследованию Н.Е. Егоровой, С.П. Бушанского, благодаря гибкости малый бизнес эффективно заполняет рыночные ниши и встраивается в производственные цепочки крупных предприятий, создавая условия для реализации импортозамещающих проектов (Егорова, Бушанский, 2024, с. 313). Кроме того, МСП берет на себя задачи «малой логистики», обеспечивая насыщение локальных рынков через параллельный и прямой импорт, что поддерживает стабильность спроса в переходный период. Учет этих сервисных функций необходим для комплексной оценки потенциала сектора.

Отдельно следует рассмотреть работы, посвященные диагностике и измерению уровня технологического суверенитета, а также формированию подходов к оценке его достижения, которые в последние годы стали набирать особую популярность не только в РФ (Глазунова, 2024; Кочина, 2023; Медведева, 2024), но и за рубежом (например, Sapir, 2020).

В частности, как отмечает В.В. Глазунова, «решение задачи измерения технологического суверенитета сопряжено с оценкой уровня технологичности экономики». Более того, по мнению исследователя, «индексные методы не дают точного представления об уровне технологического суверенитета» (Глазунова, 2024, с. 22). Таким образом, подчеркивается важность проведения «качественной» оценки (а именно: измерение технологического суверенитета

по каждому технологическому направлению отдельно с учетом качественных характеристик используемых технологий). При этом особое внимание обращается на необходимость учета инвестиций в новые и старые технологии в общем объеме инвестиций (Глазунова, 2024, с. 29), а также на оценку значимости импортных технологий и возможности их замены на отечественные (Глазунова, 2024, с. 28).

Следуя вышеперечисленным принципам, автор разработал алгоритм комплексного измерения технологического суверенитета (представляющий альтернативу индексным методам оценки), определяющий количественное соотношение технологий, их качественные характеристики и новизну (Глазунова, 2024, с. 31).

В то же время, по мнению Н.В. Медведевой, современная система оценки достижения технологического суверенитета должна базироваться «на универсальном интегральном подходе» и ее необходимо формировать «на основе совокупности наиболее значимых измеряемых показателей, которые будут интегрироваться в единое целое» (Медведева, 2024, с. 94). Применение интегральной оценки, как считает автор, «обеспечивает получение комплексного представления об объекте и составление на ее основе рейтинга», при этом оценка должна производиться «по сегменту высоких технологий (критических и сквозных)» (Медведева, 2024, с. 94, 95).

Согласно позиции С.К. Кочиной, диагностика уровня развития технологического суверенитета должна соответствовать основным стратегическим «векторам» технологического

развития страны (инновационно-цифровому, инвестиционно-финансовому, интеллектуально-кадровому и материально-техническому), а также факторам и критериям (табл. 1) рассматриваемого вида суверенитета (Кочина, 2023, с. 36).

По мнению автора, наиболее уместным способом проведения диагностики, который позволит получить объективные результаты, является опрос экспертов (Кочина, 2023, с. 36).

Подводя итоги представленного обзора, можно заключить, что большинство подходов к оценке МСП на региональном уровне, представленных в научной литературе, не учитывают его сущностные характеристики, определяющие вклад в технологический суверенитет (например, склонность к инновациям и др.). В то же время существующие подходы к диагностике вклада регионов в достижение национального технологического суверенитета, фокусируясь на макроструктурных компонентах, зачастую игнорируют роль сектора МСП как одного из факторов его укрепления.

Указанный методологический разрыв обусловливает целесообразность разработки авторского подхода к проведению заявленной оценки, который бы позволил учесть основы исследования уровня развития малого и среднего предпринимательства в регионах (Глезман, 2022; Иванова и др., 2014; Корчагина, 2023; Кремин, 2022; Петрушевская, Шарый, 2024; Филиппов, 2013), а также особенности оценки уровня и возможности достижения технологического суверенитета (Глазунова, 2024; Кочина, 2023; Медведева, 2024).

Таблица 1. Факторы и критерии оценки технологического суверенитета (на примере предприятий отраслей промышленности)

Факторы	Критерии
Санкционное давление, изменение геополитической обстановки, переориентация потребностей промышленных бизнес-структур, гиперконкуренция, трансформация рыночной конъюнктуры, завышенные запросы и ожидания потребителей	Присутствие деятельности высокотехнологичных предприятий, ресурсообеспечение (региональное, межрегиональное), низкая доля (либо отсутствие) параллельного импорта, владение критически значимыми технологиями, успешно реализованные национальные инновационные проекты, низкая доля (или отсутствие) импортного оборудования на предприятиях, развитая производственная инфраструктура, инвестирование в технологические компетенции, социальная защита и система мотивации работников, цифровая безопасность, высокий интеллектуально-кадровый потенциал, функционирование кластеров (экосистем), цифровая активность предприятий, инвестиционная привлекательность, государственное регулирование и защита интересов субъектов бизнеса.
Источник: (Кочина, 2023).	

Проведение процедуры такой оценки должно опираться на следующие методологические принципы, которые были сформулированы на основе анализа перечисленных выше исследований.

1. Принцип учета базовых показателей, характеризующих отдельные аспекты деятельности малого и среднего предпринимательства в регионе. К их числу следует отнести показатели результативности деятельности самих компаний, а также показатели, характеризующие условия и факторы развития предпринимательской среды региона.

2. Принцип учета факторов, характеризующих малое и среднее предпринимательство как с точки зрения инновационного компонента, так и с позиции свойств, присущих МСП как таковому (не связанных напрямую с инновациями); в частности, речь может идти об адаптивности к условиям санкционных ограничений и пр.

3. Принцип учета возможности освоения малыми и средними предприятиями региона технологий пятого и шестого уклада, а также критических и сквозных технологий (перечень технологий утвержден Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 № 529)⁴.

4. Принцип учета факторов и критериев технологического суверенитета (например, учет изменения геополитической обстановки, рыночной конъюнктуры и пр.).

5. Принцип комбинации количественных и качественных методов исследования (включая анализ стандартизированных либо нормализованных статистических показателей, экспертных опросов, интервью и пр.).

Методический инструментарий региональной оценки уровня развития малого и среднего предпринимательства как элемента региональной экономической системы, способного вносить вклад в обеспечение технологического суверенитета государства

С учетом предложенных в предыдущем разделе работы методологических принципов раз-

⁴ Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1725998/> (дата обращения: 19.05.2025).

работан инструментарий, позволяющий выполнить комплексную оценку уровня развития МСП в контексте задачи укрепления технологического суверенитета.

Данный инструментарий был апробирован на примере регионов Северо-Западного федерального округа. Это обусловлено тем, что представленные регионы обладают существенным научно-технологическим потенциалом (Устинова, 2025) и способны внести значительный вклад в укрепление технологического суверенитета государства. Даже несмотря на то, что указанные регионы значительно пострадали от последствий экономических санкций против РФ, поскольку ключевые отрасли их экономики долгое время зависели от западных поставок оборудования и комплектующих, некоторые регионы из этой группы (например, Архангельская область) сумели быстро адаптироваться к новым условиям и показать экономический рост⁵.

Процедура апробации авторского инструментария осуществлялась в два этапа.

Этап I. Ввиду того что инновационная деятельность является основополагающей в контексте задачи укрепления технологического суверенитета (Иванов, 2025), на первом этапе был разработан рейтинг инновационной активности малого и среднего предпринимательства в регионах, основанный на данных:

– о текущем состоянии МСП, занятого научными исследованиями, разработками, а также производством инновационных товаров, работ и услуг (в частности, была оценена динамика работы компаний по итогам 2024 года в сравнении с 2023 годом по следующим показателям: объем продукции (товаров, работ, услуг), ассортимент продукции, количество сотрудников, объем вложений в развитие или совершенствование деятельности и пр.; более того, выполнена оценка региональных условий ведения предпринимательской деятельности инновационного характера (стабильность экономических условий, доступность и качество региональных государственных программ, уровень развития

⁵ Александр Цыбульский: Импортзамещение — это наша промышленная зрелость // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/06/18/reg-szfo/ot-idei-dovoploshcheniia.html> (дата обращения: 18.06.2025).

коммерческой, профессиональной и физической инфраструктуры, уровень развития системы подготовки кадров для нужд инновационной деятельности));

– об осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности на малых и средних предприятиях; об уровне освоения такими предприятиями технологий пятого и шестого технологических укладов (идентифицировано, какие виды работ в рамках инновационного процесса реализуют компании, какими видами объектов интеллектуальной собственности они обладают, какую долю в общем объеме товаров, работ и услуг занимает инновационная продукция и пр.).

Рейтинг разработан на основе информации, собранной в рамках целевого экспертного опроса⁶, проведенного при личном участии автора. Исходная концепция исследования включала анализ официальной статистики согласно методологическому принципу № 5, однако впоследствии стало очевидно, что синтез экспертных и статистических данных невозможен из-за принципиальных различий в методологии сбора информации.

Расчет интегрального показателя оценки, на основе которого сформирован рейтинг, производился последовательно: 1) за каждый ответ на вопрос анкеты назначалось определенное количество баллов (как правило, от 1 до 5); 2) рассчитана доля набранных баллов по каждому ответу от максимально возможного

⁶ Для апробации 1 этапа авторского методического подхода было опрошено 45 экспертов – это руководители малых и средних инновационных компаний из 9 регионов СЗФО. Представленность экспертов в региональном разрезе является равномерной (по 5 человек из каждого обследуемого субъекта Федерации). Во избежание искажения точности результатов оценки г. Санкт-Петербург и Ненецкий АО были исключены из анализа. Санкт-Петербург исключен как мегаполис и город федерального значения, чьи масштабы экономики и концентрация МСП качественно превосходят показатели других субъектов СЗФО, что создает риск смещения средних значений при малых экспертных выборках. Ненецкий АО выведен из анализа по причине узкоспециализированной ресурсно-добывающей модели экономики и критически малого числа инновационных МСП, что делает невозможным формирование репрезентативной группы экспертов в рамках установленного регламента (5 человек на регион).

количества баллов; 3) выполнен расчет среднего арифметического долей баллов по всем вопросам; 4) с применением метода структурной группировки определены группы регионов, отражающие уровень инновационной активности МСП.

Рассмотрим методику составления рейтинга на примере Вологодской области:

1) Выполнена экспертная оценка динамики работы компаний по итогам 2024 года в сравнении с 2023 годом. Оценка проводилась в соответствии со следующими показателями: объем продукции (продаж, работ, услуг и др.); ассортимент продукции; количество сотрудников; объем вложений в развитие или совершенствование деятельности.

В соответствии с динамикой изменения оцениваемого экспертом показателя присваивалась следующая система баллов: 2 балла – при указании на существенный рост показателя; 1 балл – при характеристике роста как незначительного или минимального; 0 баллов – в случае отсутствия роста или при наличии отрицательной динамики показателя.

Результаты проведенной оценки представлены в *таблице 2*.

Согласно методологии оценки, регион мог получить до 40 баллов. Фактический результат в 17 баллов соответствует 42,5% от предельно допустимого значения.

Результаты оценки обозначенного параметра по всем представленным в исследовании регионам отражены в *таблице 3*.

2) Осуществлена оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера, по следующим показателям: стабильность экономических условий; доступность и качество региональных государственных программ; финансовая поддержка (доступность финансовых ресурсов, включая гранты и субсидии); коммерческая и профессиональная инфраструктура (развитие коммерческих учетных, юридических служб и организаций, оказывающих поддержку); физическая инфраструктура (транспорт, связь и т. д.); образование и профессиональная подготовка.

Результаты проведенной оценки представлены в *таблице 4*.

Таблица 2. Результаты экспертной оценки динамики работы компаний по итогам 2024 г. в сравнении с 2023 г. (на примере Вологодской области)

Порядковый номер эксперта	Показатель	Вариант ответа		
		Незначительный рост показателя (до 10%) – 1 балл	Значительный рост показателя (более 10%) – 2 балла	Рост отсутствует либо значения показателя снижаются – 0 баллов
1	Объем продукции (продаж, работ, услуг и др.)		+	
2			+	
3				+
4		+		
5		+		
1	Ассортимент продукции	+		
2				+
3				+
4		+		
5			+	
1	Количество сотрудников			+
2				+
3				+
4		+		
5		+		
1	Объем вложений в развитие или совершенствование деятельности	+		
2			+	
3				+
4		+		
5		+		

Источник: составлено авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 3. Результаты экспертной оценки динамики работы компаний по итогам 2024 г. в сравнении с 2023 г. в разрезе регионов СЗФО

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	15,0	37,5
Вологодская обл.	17,0	42,5
Калининградская обл.	13,0	32,5
Ленинградская обл.	20,0	50,0
Мурманская обл.	14,0	43,8*
Новгородская обл.	13,0	32,5
Псковская обл.	14,0	35,0
Респ. Карелия	10,0	25,0
Респ. Коми	11,0	27,5

* Максимальное количество баллов для Мурманской области составило 32. Это связано с тем, что одна из опрошенных компаний не вела деятельность в 2023 г.
Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 4. Результаты экспертной оценки условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера (на примере Вологодской области)

Порядковый номер эксперта	Показатель	Степень удовлетворенности				
		1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
1	Стабильность экономических условий				+	
2			+			
3			+			
4				+		
5				+		
1	Доступность и качество региональных государственных программ			+		
2				+		
3				+		
4			+			
5				+		
1	Финансовая поддержка (доступность финансовых ресурсов, включая гранты и субсидии)		+			
2			+			
3			+			
4				+		
5				+		
1	Коммерческая и профессиональная инфраструктура (развитие коммерческих учетных, юридических служб и организаций, оказывающих поддержку)		+			
2				+		
3				+		
4				+		
5				+		
1	Физическая инфраструктура (транспорт, связь и т. д.)				+	
2				+		
3			+			
4				+		
5					+	
1	Образование и профессиональная подготовка			+		
2			+			
3			+			
4				+		
5				+		

Источник: составлено авторами на основании экспертного опроса.

В ходе экспертной оценки установлено, что потенциал региона в контексте обследуемого параметра оценивался максимально в 150 баллов. Реальный результат составил 83 балла, или 55,3% от максимально возможного.

Результаты оценки обозначенного параметра по другим субъектам СЗФО представлены в *таблице 5*.

3) Выполнена оценка разнообразия реализуемых на предприятиях региона направлений инновационной деятельности (*табл. 6*). Согласно правилам проведения опроса, каждый эксперт имел право выбрать только три приори-

тетных направления из предложенного списка. В случае, если эксперт отмечал большее количество направлений, в расчёт принимались лишь первые три варианта. Это ограничение определяет максимальный балл, который может набрать отдельный регион.

В рамках общей системы оценивания максимально возможный результат составляет 15 баллов. По итогам оценки экспертами из Вологодской области в совокупности было набрано 10 баллов, что соответствует 66,7% от максимально достижимого показателя.

Результаты проведенной оценки для остальных регионов СЗФО представлены в *таблице 7*.

Таблица 5. Результаты экспертной оценки условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера в разрезе регионов СЗФО

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	80	57,1*
Вологодская обл.	83	55,3
Калининградская обл.	115	76,6
Ленинградская обл.	115	76,6
Мурманская обл.	97	64,4
Новгородская обл.	81	54,0
Псковская обл.	87	54,7
Респ. Карелия	78	52,0
Респ. Коми	73	48,6

*Максимальное количество баллов для Архангельской области составило 140, поскольку один из экспертов не мог оценить некоторые показатели.
Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 6. Результаты экспертной оценки разнообразия реализуемых на предприятиях Вологодской области направлений инновационной деятельности

Порядковый номер эксперта	Виды выполняемых работ*							
	А (1 балл)	Б (1 балл)	В (1 балл)	Г (1 балл)	Д (1 балл)	Е (1 балл)	Ж (1 балл)	З (1 балл)
1	+	+						
2	+	+	+	+	+			
3				+		+	+	
4	+							
5		+						

*А – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; Б – технологические работы, подготовка производства и проведение промышленных испытаний; В – приобретение (продажа) патентов, лицензий, ноу-хау; Г – инвестирование в НИОКР и инновационную деятельность; Д – сертификация и стандартизация инновационных продуктов; Е – маркетинговые решения инновационной деятельности; Ж – выбор и организация рынков сбыта инновационных продуктов; З – подготовка и переподготовка кадров для инновационной деятельности.
Источник: составлено авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 7. Результаты экспертной оценки разнообразия реализуемых на предприятиях направлений инновационной деятельности (в разрезе регионов СЗФО).

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	11	73,3
Вологодская обл.	10	66,7
Калининградская обл.	13	86,7
Ленинградская обл.	12	80,0
Мурманская обл.	11	73,3
Новгородская обл.	10	66,7
Псковская обл.	9	60,0
Респ. Карелия	10	66,7
Респ. Коми	11	73,3

Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

4) Проведена оценка спектра объектов интеллектуальной собственности, имеющих на предприятиях региона. Такая оценка имеет важность по следующим причинам: наличие разнообразных объектов интеллектуальной собственности (изобретений, товарных знаков и т. д.) говорит о комплексном подходе к развитию, активной исследовательской деятельности и формировании сильного бренда. Широкий спектр объектов интеллектуальной собственности показывает, что предприятие уделяет внимание как технологическим инновациям, так и имиджевым составляющим (логотипы, дизайн продукции). Такое разнообразие помогает компании укрепить конкурентные позиции, сформировать уникальное торговое предложение и обеспечить защиту своих разработок.

По условиям опроса эксперты могли выбрать не более трех объектов интеллектуальной собственности из предложенного списка. Данное ограничение напрямую влияло на мак-

симально возможный балл оценки от одного эксперта. Результаты проведенной оценки представлены в *таблице 8*.

В существующей системе оценки наивысший возможный показатель равен 15 баллам. Вологодская область получила 9 баллов, что составляет 60% от максимально возможного количества.

Результаты оценки обозначенного параметра по другим субъектам СЗФО отражены в *таблице 9*.

5) Оценена результативность инновационной деятельности МСП региона на основании измерения доли инновационной продукции в общем объеме производимых ими товаров, работ и услуг (*табл. 10*).

Система оценки базируется на процентном соотношении продукции компании, где каждому диапазону соответствует определённое количество баллов. Распределение баллов происходит следующим образом: при доле продукции до 20% — начисляется 1 балл; от 20 до 40% — начисляется

Таблица 8. Результаты экспертной оценки спектра объектов интеллектуальной собственности на предприятиях Вологодской области

Порядковый номер эксперта	Вид объектов интеллектуальной собственности				
	Патенты (1 балл)	Авторские свидетельства (1 балл)	Товарные знаки (1 балл)	Ноу-хау (1 балл)	Другое (1 балл)
1	+				
2	+		+	+	
3		+	+	+	
4	+				
5	+				

Источник: составлено авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 9. Результаты экспертной оценки спектра объектов интеллектуальной собственности на предприятиях (в разрезе регионов СЗФО)

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	8	53,3
Вологодская обл.	9	60,0
Калининградская обл.	11	73,3
Ленинградская обл.	7	46,7
Мурманская обл.	7	58,3*
Новгородская обл.	6	50,0*
Псковская обл.	7	46,7
Респ. Карелия	10	66,7
Респ. Коми	11	73,3

*Максимальное количество баллов для Мурманской и Новгородской областей составило 12, поскольку один из экспертов не дал ответ на соответствующий вопрос.
Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 10. Результаты экспертной оценки результативности инновационной деятельности МСП Вологодской области

Порядковый номер эксперта	Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме выпускаемой продукции				
	0–20 (1 балл)	20–40 (2 балла)	40–60 (3 балла)	60–80 (4 балла)	80–100 (5 баллов)
1			+		
2		+			
3		+			
4	+				
5	+				

Источник: составлено авторами на основании экспертного опроса.

2 балла; от 40 до 60% – начисляется 3 балла; от 60 до 80% – начисляется 4 балла; при доле свыше 80% – начисляется 5 баллов. Максимально возможное количество баллов по данной системе составляет 25. По результатам оценки Вологодская область получила 9 баллов, что соответствует 36% от максимально возможного результата.

Результаты оценки результативности инновационной деятельности МСП по другим субъектам СЗФО представлены в *таблице 11*.

б) Проведена оценка уровня освоения малыми и средними предприятиями технологий пятого и шестого укладов (*табл. 12*).

Максимальное количество баллов, которое мог получить регион по оцениваемому параметру, составляет 15. Вологодская область набрала 4 балла, или 26,6% от максимально возможного количества.

Результаты проведенной оценки для остальных регионов СЗФО представлены в *таблице 13*.

Таблица 11. Результаты экспертной оценки результативности инновационной деятельности МСП (в разрезе регионов СЗФО)

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	8	32,0
Вологодская обл.	9	36,0
Калининградская обл.	10	50,0*
Ленинградская обл.	8	32,0
Мурманская обл.	7	46,7*
Новгородская обл.	8	32,0
Псковская обл.	9	36,0
Респ. Карелия	7	28,0
Респ. Коми	13	52,0

*Различия в максимальном количестве баллов между регионами обусловлены неполными ответами экспертов. Так, Мурманская область оценивалась по 15-балльной шкале, в то время как для Калининградской области был установлен максимальный порог в 20 баллов из-за отсутствия ответов некоторых специалистов на отдельные вопросы анкеты.

Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 12. Результаты экспертной оценки уровня освоения малыми и средними предприятиями Вологодской области технологий пятого и шестого укладов

Порядковый номер эксперта	Технологии пятого технологического уклада (1 балл)	Технологии шестого технологического уклада (2 балла)
1	+	
2	+	
3	+	+
4		
5		

Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Таблица 13. Результаты экспертной оценки уровня освоения малыми и средними предприятиями технологий пятого и шестого укладов в разрезе регионов СЗФО

Наименование региона	Фактический балл	Доля от максимально возможного количества баллов, %
Архангельская обл.	4	26,6
Вологодская обл.	5	33,3
Калининградская обл.	3	20,0
Ленинградская обл.	3	20,0
Мурманская обл.	4	26,6
Новгородская обл.	3	20,0
Псковская обл.	2	13,4
Респ. Карелия	3	20,0
Респ. Коми	3	20,0

Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Итоговые результаты проведенной оценки по всем шести направлениям (оценка динамики работы компаний по итогам 2024 г. в сравнении с 2023 г.; оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера; оценка разнообразия реализуемых на малых и средних предприятиях направлений инновационной деятельности; оценка спектра объектов интеллектуальной собственности на МСП; оценка результативности инновационной деятельности МСП; оценка уровня освоения новых продуктов субъектами МСП; оценка уровня освоения новых технологий субъектами МСП;

оценка уровня освоения субъектами МСП технологий пятого и шестого укладов) в разрезе регионов СЗФО представлены в *таблице 14*.

Расчет средних арифметических значений баллов по всем направлениям оценки в сочетании с методом структурной группировки позволил выделить группы регионов согласно степени их инновационной активности в секторе МСП.

Для разбивки показателей на группы сначала определим общий диапазон значений: минимальное значение – 41,0, максимальное значение – 56,6. В этом случае размах вариации составляет 15,6.

Таблица 14. Итоговые результаты проведенной экспертной оценки (в разрезе регионов СЗФО)

Регион	Результаты проведенной экспертной оценки по каждому направлению* (доля набранных баллов от максимально возможного значения баллов, %)						
	1	2	3	4	5	6	Ср. %
Архангельская обл.	37,5	57,1	73,3	53,3	32,0	26,6	46,6
Вологодская обл.	42,5	55,3	66,7	60,0	36,0	33,3	49,0
Калининградская обл.	32,5	76,6	86,7	73,3	50,0	20,6	56,6
Ленинградская обл.	50,0	76,6	80,0	46,7	32,0	20,0	50,9
Мурманская обл.	43,8	64,4	73,3	58,3	46,7	26,6	52,3
Новгородская обл.	32,5	54,0	66,7	50,0	32,0	20,0	42,5
Псковская обл.	35,0	54,7	60,0	46,7	36,0	13,4	41,0
Респ. Карелия	25,0	52,0	66,7	66,7	28,0	20,0	43,1
Респ. Коми	27,5	48,6	73,3	73,3	52,0	20,0	49,2

*Пояснения:
1 – оценка динамики работы компаний по итогам 2024 г. в сравнении с 2023 г.;
2 – оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера;
3 – оценка разнообразия реализуемых на малых и средних предприятиях направлений инновационной деятельности;
4 – оценка спектра объектов интеллектуальной собственности на МСП;
5 – оценка результативности инновационной деятельности МСП;
6 – оценка уровня освоения субъектами МСП технологий пятого и шестого укладов.
Источник: рассчитано авторами на основании экспертного опроса.

Разделим представленные показатели на три группы по принципу близости значений:

- группа 1 (невысокие значения): 41,0; 42,5; 43,1;
- группа 2 (средние значения): 46,6; 49,0; 49,2; 50,9; 52,3;
- группа 3 (высокие значения): 56,6.

Обоснование группировки: первая группа содержит значения, близкие к минимальному показателю (разброс 2,1); вторая группа включает показатели, находящиеся примерно в середине диапазона (разброс 5,7); третья группа включает одно (наибольшее) значение.

В таблице 15 представлены результаты осуществленного рейтингования.

Проведенная оценка выявила дифференциацию регионов по уровню инновационной активности МСП. Лидером среди субъектов СЗФО стала Калининградская область с показателем 56,6%. Средний уровень инновационной активности (от 46,6 до 52,3%) характерен для Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской областей и Республики Коми. Регионы с относительно низким уровнем (от 41 до 43,1%) – это Новгородская и Псковская области, а также Республика Карелия.

Анализ показателей инновационной активности показал, что регионы демонстрируют неоднородные результаты по различным направлениям оценки. Успех и относительное отставание регионов в рейтинге инновационной активности МСП обусловлены рядом факторов, выявленных в ходе первого этапа апробации методического инструментария.

Так, Калининградская область (средний показатель по результатам экспертной оценки – 56,6%) лидирует благодаря самым высоким значениям следующих параметров: «оценка условий среды региона, необходимых для ве-

дения предпринимательской деятельности инновационного характера» (76,6%), «оценка разнообразия реализуемых на малых и средних предприятиях направлений инновационной деятельности» (86,7%) и «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (50,0%).

Мурманская область (52,3%) показывает успех за счет высоких значений по параметрам «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (46,7%) и «оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера» (64,4%).

Ленинградская область (50,9%) удерживает позиции благодаря параметрам «оценка динамики работы компаний по итогам 2024 года в сравнении с 2023 годом» (50,0%) и «оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера» (76,6%), несмотря на низкие значения параметра «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (32,0%).

Республика Коми (49,2%) показала лучший результат по параметру «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (52,0%) и высокий уровень по параметру «оценка спектра объектов интеллектуальной собственности на МСП» (73,3%), но имеет низкий показатель параметра «оценка условий среды региона, необходимых для ведения предпринимательской деятельности инновационного характера» (48,6%).

Вологодская область (49,0%) демонстрирует стабильность за счет самого высокого в округе показателя по параметру «оценка уровня освоения субъектами МСП технологий пятого и шестого укладов» (33,3%) и сбалансированных значений по остальным критериям.

Таблица 15. Распределение регионов СЗФО по уровню инновационной активности субъектов МСП

Группа	Регионы
Регионы с относительно невысоким уровнем развития инновационной активности МСП	Новгородская обл., Псковская обл., Респ. Карелия
Регионы со средним уровнем развития инновационной активности МСП	Архангельская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл., Мурманская обл., Респ. Коми
Регионы с относительно высоким уровнем развития инновационной активности МСП	Калининградская обл.
Источник: составлено авторами на основании проведенных расчетов по результатам экспертного опроса.	

Архангельская область (46,6%) занимает среднюю позицию благодаря высокому значению параметра «оценка разнообразия реализуемых на малых и средних предприятиях направлений инновационной деятельности» (73,3%) при сравнительно невысоком значении параметра «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (32,0%).

Республика Карелия (43,1%) находится в нижней группе рейтинга из-за минимального значения показателя по параметрам «оценка динамики работы компаний по итогам 2024 года в сравнении с 2023 годом» (25,0%) и «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (28,0%).

Новгородская область (42,5%) имеет еще более слабые позиции в рейтинге из-за низких значений по параметрам «оценка динамики работы компаний по итогам 2024 года в сравнении с 2023 годом» (32,5%) и «оценка результативности инновационной деятельности МСП» (32,0%).

Псковская область (41,0%) стала аутсайдером из-за наиболее низкого значения показателя по параметру «оценка уровня освоения субъектами МСП технологий пятого и шестого укладов» (13,4%), а также сравнительно невысоких показателей по другим параметрам.

Этап II. На втором этапе апробации методического инструментария на примере регионов, имеющих относительно невысокий уровень инновационной активности МСП, выполнена качественная оценка роли малых и средних предприятий как инструмента укрепления технологического суверенитета с позиции факторов, присущих МСП как таковому, которые не обусловлены его «инновационной» природой (см. методический принцип № 2). Оценка осуществлена на материалах интервью, в рамках которых выступили эксперты — представители региональных институтов развития МСП⁷.

⁷ Для проведения интервью были приглашены эксперты из трёх регионов: Новгородская область, Псковская область и Республика Карелия. В качестве экспертов выступили представители ключевых институциональных структур: института уполномоченного по защите прав предпринимателей, торгово-промышленной палаты и общественной палаты.

Первый вопрос, который был задан экспертам, связан с субъективной оценкой уровня адаптированности МСП региона к условиям санкционных ограничений. Примечательно полное совпадение мнений экспертов, которые сошлись в том, что уровень адаптированности МСП заслуживает оценки в 4 балла по 5-балльной шкале. Это классифицируется как результат «выше среднего уровня».

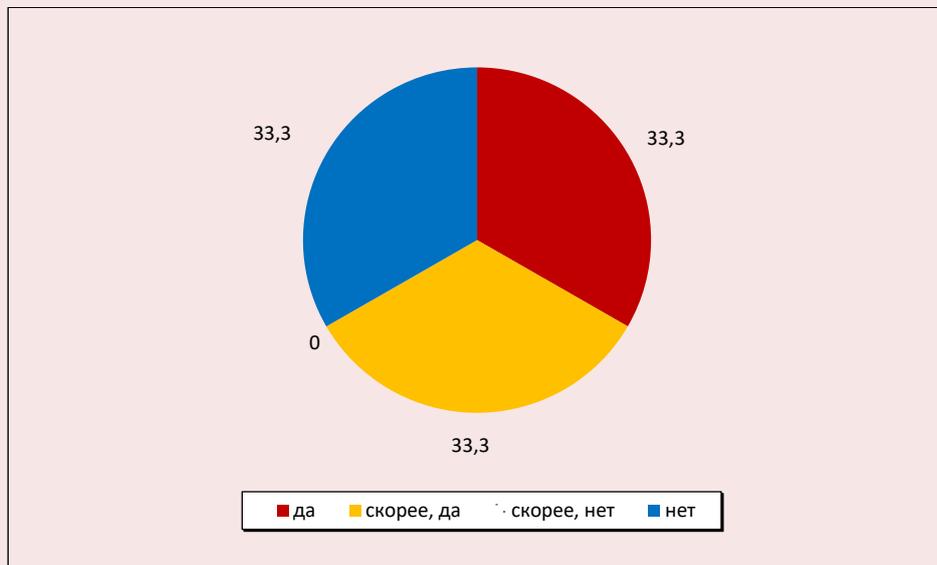
В ходе исследования мы обратились к специалистам с вопросом о ключевых факторах, которые помогли малому и среднему бизнесу приспособиться к изменившимся условиям. Эксперты выделили несколько основных направлений: 1) государственная поддержка — 66,7% опрошенных отметили её как важнейший фактор адаптации; 2) развитие сотрудничества с предприятиями дружественных государств — также 66,7% респондентов указали на этот аспект; 3) внутренние резервы компаний — 33,3% экспертов подчеркнули их значимость; 4) поиск новых рынков для реализации продукции — 33,3% опрошенных отметили этот фактор; 5) освобождение рынка от зарубежных инвесторов и производителей — 33,3% специалистов назвали это значимым условием адаптации; 6) кооперационные связи на внутреннем рынке — ещё 33,3% респондентов отметили этот аспект.

Таким образом, большинство экспертов сходятся во мнении, что государственная поддержка и международное сотрудничество с дружественными странами сыграли решающую роль в адаптации МСП в рассматриваемых регионах.

Центральным предметом обсуждения с экспертами стали вопросы оценки роли МСП в формировании технологической независимости государства и определения направлений деятельности регионального сектора малого и среднего бизнеса, обладающих наибольшим потенциалом для решения задачи обеспечения технологического суверенитета.

Анализ экспертных оценок выявил явное разделение мнений: две трети специалистов подтвердили значимость МСП региона как одного из факторов обеспечения технологического суверенитета, в то время как оставшаяся треть выразила сомнения по этому поводу (рис. 1).

Рис. 1. Результаты оценки значимости МСП региона как одного из факторов обеспечения технологического суверенитета страны

Источник: составлено авторами по результатам экспертного интервью.

Эксперты также определили основные направления, которые позволили субъектам МСП в исследуемых регионах внести свой вклад в укрепление рассматриваемого типа суверенитета. Как отметили 2/3 экспертов, «на текущий момент уровень инновационной активности региональных МСП не позволяет в достаточной степени внести вклад в обеспечение технологического суверенитета; в этом отношении особый упор делается на традиционные малые и средние предприятия, которые либо отчасти интегрированы в производственный инновационный процесс с крупным бизнесом, либо выполняют ряд сервисных функций в рамках данного процесса». По мнению оставшейся трети экспертов, «некоторые задачи в рамках достижения технологического суверенитета реализуются не только за счет инновационной деятельности МСП, например, когда речь идет о развитии параллельного и частично прямого импорта в рамках малой логистики».

Методика исследования предполагала субъективную оценку экспертами удельного вклада инновационных и традиционных субъектов МСП в обеспечение технологического суверенитета. В целях сопоставимости данных совокупный вклад МСП рассматривался как нормированная величина (100%). Распределение долей, полученное в ходе интервьюирования, отражено на графике (рис. 2).

Анализ экспертных оценок свидетельствует о том, что в регионах с низкой инновационной активностью МСП структура вклада малого бизнеса в технологический суверенитет смещена в сторону традиционных предприятий. Их значимость в данном контексте носит скорее компенсаторный характер: малый бизнес выступает не источником технологических прорывов, а стабилизирующим элементом, чья роль заключается в сервисном сопровождении и функциональной поддержке существующих экономических процессов.

Рис. 2. Результаты оценки вклада инновационных и традиционных (то есть не связанных с инновационной деятельностью) малых и средних предприятий в обеспечение технологического суверенитета

Источник: составлено авторами по результатам экспертного интервью.

В то же время эксперты указали на отдельные региональные предприятия сектора МСП, которые вносят вклад в развитие и укрепление технологического суверенитета именно за счет инновационной деятельности. Информация представлена в форме выдержек из стенограммы интервью (табл. 16).

Более того, как оказалось, в представленных регионах есть предприятия, которые уже производят (или будут способны начать производить в течение ближайших 2–3 лет) критические и сквозные технологии. К перечню таких технологий эксперты отнесли биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия; технологии разработки лекарственных средств и платформ нового поколения (биотехнологических, высокотехнологичных

и радиофармацевтических лекарственных препаратов); технологии создания доверенного и защищенного системного и прикладного программного обеспечения, в том числе для управления социальными и экономически значимыми системами; транспортные технологии для различных сфер применения (море, земля, воздух), в том числе беспилотные и автономные системы; технологии создания новых материалов с заданными свойствами и эксплуатационными характеристиками; технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти; технологии создания отечественных средств производства и научного приборостроения и др.

Таблица 16. Сведения о региональных МСП, демонстрирующих впечатляющие результаты в сфере технологического развития и способствующих укреплению технологической независимости страны

Наименование предприятия	Регион присутствия	Вклад в укрепление технологического суверенитета (комментарий эксперта)
ООО «ЭНЕРГОИНФОРМИКС»	Новгородская обл.	Создание решений для цифровизации энергетики, что особенно важно в контексте импортозамещения и повышения эффективности ТЭК. Компания участвует в проектах, связанных с внедрением ИИ в энергетике.
АО «ЭЛСИ»	Новгородская обл.	Разработка инновационных технологий, которые могут применяться в оборонной промышленности, IT-секторе и других стратегических отраслях. Компания демонстрирует потенциал для создания продуктов с высокой добавленной стоимостью.
ЗАО «Завод „Эльбор“»	Новгородская обл.	Разработка материалов с улучшенными характеристиками, которые применяются в обрабатывающей промышленности и машиностроении. Продукция компании способствует повышению конкурентоспособности российских предприятий

Источник: составлено авторами по результатам экспертного интервью.

Наконец, эксперты дали прогноз о возможности достижения частичного технологического суверенитета, в том числе за счет деятельности региональных МСП. Ниже представлены ответы некоторых экспертов:

– «частичное достижение технологического суверенитета в РФ возможно по некоторым отраслям в ближайшие пять лет при условии существенного субсидирования производственных предприятий со стороны государства»;

– «малые технологические компании (МТК) могут выступить драйверами прорывных инноваций, особенно в сферах искусственного интеллекта, биоэкономики и новых материалов; цель увеличения выручки МТК в 7 раз к 2030 году свидетельствует о высоких ожиданиях от этого сектора»;

– «при сохранении текущих темпов поддержки специализированных отраслей (БАС, микроэлектроника и т. д.) частичное достижение технологического суверенитета посредством деятельности МСП возможно в течение ближайших 20 лет».

Разница в экспертных оценках сроков достижения технологического суверенитета (от 5 до 20 лет) обусловлена, на наш взгляд, следующими факторами:

– уровень поддержки: прогноз в 5 лет связан с условием существенного субсидирования и поддержки со стороны государства; прогноз в 20 лет основан на сохранении текущих (существенно меньших) темпов поддержки;

– отраслевая специфика: в некоторых секторах, где МСП более активны, достижение частичного суверенитета возможно быстрее, чем, например, в капиталоемкой микроэлектронике.

– характер МСП: эксперты расходятся во мнениях о том, кто вносит больший вклад – инновационные МСП (фокус на прорывных технологиях) или традиционные (фокус на заполнении рыночных ниш и адаптации).

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод, что в регионах с относительно невысокой инновационной активностью малого и среднего бизнеса предприятия сектора МСП выступают в роли стабилизирующего фактора. Даже не обладая высокими технологическими компетенциями, они поддерживают устойчивость локальных рынков и демонстрируют высокую адаптивность к изменениям. Это создает

необходимую базу для дальнейшего укрепления технологического суверенитета, хотя текущий вклад таких предприятий обусловлен скорее их операционной гибкостью, нежели созданием прорывных решений.

Среди ключевых направлений, которые позволили субъектам МСП в исследуемых регионах внести опосредованный вклад в укрепление рассматриваемого типа суверенитета, стоит выделить:

– интеграцию МСП в производственный инновационный процесс с крупным бизнесом, в том числе выполнение ряда сервисных функций в рамках данного процесса;

– развитие параллельного и частично прямого импорта в условиях малой логистики.

При этом важно отметить следующее. Интеграция МСП в производственный инновационный процесс с крупным бизнесом – это не просто «обслуживание», а освобождение ресурсов крупных национальных предприятий от непрофильных задач. Передача сервисных функций на аутсорсинг МСП позволяет лидерам отраслей концентрировать инвестиции и научный потенциал на прорывных разработках, в то время как малый бизнес обеспечивает бесперебойную эксплуатацию существующей базы.

Несмотря на то, что импорт является временной мерой, в текущих условиях он выступает критическим условием выживания национальных отраслей. Деятельность МСП по поставке уникальных комплектующих и расходных материалов предотвращает технологический регресс и остановку конвейеров, создавая «временной лаг», необходимый отечественным разработчикам для создания и масштабирования собственных полноценных аналогов.

В частности, даже в такой сложной отрасли, как микроэлектроника, МСП могут содействовать вкладу в технологический суверенитет, не обязательно создавая конечный высокотехнологичный продукт с нуля; их роль при этом может раскрываться, например, через выполнение сервисных и вспомогательных функций в рамках инновационного процесса крупных корпораций (например, специализированное тестирование, разработка ПО, малая логистика компонентов).

Заключение

В ходе исследования разработана принципиально новая методология оценки развития МСП на региональном уровне как одного из компонентов экономической среды, способного содействовать укреплению технологической независимости государства, существенно расширяющая существующие аналитические подходы.

Системообразующим элементом методологии является совокупность методологических принципов, обеспечивающих всестороннюю оценку МСП – от базовых показателей деятельности до потенциала освоения критических и сквозных технологий в контексте задач технологического суверенитета. Ключевыми отличиями методологии выступают комплексный механизм интеграции экономических индикаторов с показателями инновационного развития и технологического потенциала МСП; многофакторная оценка количественных и качественных характеристик предпринимательской деятельности (включая адаптивность к санкционным ограничениям и потенциал импортозамещения); учет региональных особенностей развития МСП; включение показателей освоения технологий пятого и шестого технологических укладов.

Практическим воплощением данной методологии выступил методический инструментарий, позволивший (на отобранных эмпирических данных субъектов СЗФО) сформировать рейтинг регионов по уровню инновационной активности сектора МСП, а также выявить направления, за счет которых предприятия данного сектора в регионах с низким уровнем инновационной активности могут обеспечивать опосредованный вклад в укрепление технологического суверенитета не только за счет реализации новых разработок, но и посредством других составляющих их деятельности, дающих возможность поддерживать стабильность производственных цепочек вне прямой связи с инновациями.

Установлено, что инновационная активность МСП в Северо-Западном федеральном округе демонстрирует существенную дифференциацию (средние значения данного пока-

зателя составили 48,5%⁸ с максимумом в Калининградской области – 56,6% и минимумом в Псковской области – 41,0%).

Выявлено, что вклад МСП в технологический суверенитет реализуется как через традиционные предприятия в регионах с низкой инновационной активностью, так и через интеграционный потенциал в производственных цепочках крупного бизнеса, при этом ключевыми факторами адаптации предприятий к условиям внешних вызовов выступают государственная поддержка и международное сотрудничество с дружественными странами (66,7%).

Авторский подход к проведению оценки может быть использован для выработки мер по стимулированию качественного роста инновационных субъектов МСП путем предоставления региональным властям детальной информации для принятия обоснованных управленческих решений. В частности, дифференциация регионов по уровню инновационной активности позволяет адаптировать меры поддержки, фокусируя внимание на конкретных потребностях каждой группы.

Он также помогает формировать конкретные меры стимулирования, фокусируясь на развитии (отставании в развитии) тех или иных направлений инновационной деятельности МСП. Кроме того, подход позволяет прогнозировать потребности в ресурсах, оценивая уровень освоения технологий новых укладов, что критически важно для обеспечения технологического суверенитета.

Приведем конкретные примеры предложений в региональную политику на примере Вологодской области, основанные на результатах апробации данного подхода.

1. Несмотря на средние позиции по уровню инновационного развития, регион демонстрирует один из самых высоких в СЗФО показателей освоения технологий пятого и шестого укладов (33,3%). В связи с этим региональным властям целесообразно разработать программу грантовой поддержки специально

⁸ Наблюдаемое превышение показателя над официальными статистическими значениями связано с тем, что в исследовании база расчета была ограничена инновационными МСП, а не всеми предприятиями малого и среднего бизнеса.

для малых технологических компаний, занимающихся внедрением искусственного интеллекта и новых материалов, чтобы закрепить лидерство в этих нишах.

2. Регион продемонстрировал сильные позиции по спектру объектов интеллектуальной собственности (60% от возможного максимум

ма), опережая многих соседей. Таким образом, представляется целесообразным ввести региональные субсидии на коммерциализацию уже имеющихся патентов и ноу-хау. Это поможет трансформировать «бумажные» инновации в реальный оборот продукции, доля которой сейчас составляет всего 36%.

Литература

- Алексеев А.А. (2024). Роль малых научно-сервисных компаний как нового субъекта инновационных экосистем // Проблемы прогнозирования. № 4 (205). С. 179–190. DOI: 10.47711/0868-6351-205-179-190
- Борталевич С.И., Махкамова Г.М. (2023). Опыт развитых стран мирового пространства в разработке и распространении финансовых инклюзивных форм поддержки малого и среднего предпринимательства // Проблемы рыночной экономики. № 4. С. 38–57. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-4-38-57>
- Глазунова В.В. (2024). Измерение технологического развития и суверенитета // Экономика науки. № 10 (3). С. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33>
- Глезман Л.В. (2022). Развитие малого и среднего предпринимательства в новых условиях регионального пространства // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 7. С. 1855–1868. DOI: 10.18334/err.12.7.115120
- Егорова Н.Е., Бушанский С.П. (2024). Роль малого бизнеса в реализации импортозамещающей стратегии развития российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. Т. 28. №. 2. С. 302–328. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-2-302-328
- Зайнутдинов Р.Р. (2015). Моноотраслевые регионы России: определение, типологизация и перспективы развития // Экономика региона. № 4. С. 106–122. DOI: 10.17059/2015-4-9
- Иванов С.Л. (2025). Предпринимательство как фактор обеспечения технологического суверенитета: современные тенденции развития // Общество и экономика. № 8. С. 33–57. DOI: 10.31857/S0207367625080033
- Иванова О.Е., Солдатова Л.И., Кривцова И.Н., Солдатова А.П. (2014). Методика анализа развития субъектов малого предпринимательства // Наукоедение. № 6 (25). С. 1–16. DOI: 10.15862/79EVN614
- Корчагина И. (2023). Оценка уровня развития малого предпринимательства в ресурсных регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 15. № 1. С. 125–152. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-125-152>
- Кочина С.К. (2023). Диагностика уровня технологического суверенитета отраслей российской промышленности // Экономическое развитие России. Т. 30. № 10. С. 32–40.
- Кремин А.Е. (2022). Региональная политика развития экономики территорий: малое и среднее предпринимательство: монография / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2022. 196 с.
- Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Ибрагимов Ш.Ш., Зайцева А.А. (2024). Российские предприятия весной 2024 года: значительное усиление инвестиционной активности в условиях санкций // Проблемы прогнозирования. № 6 (207). С. 201–216. DOI: 10.47711/0868-6351-207-201-216
- Медведева Н.В. (2024). Подходы к оценке достижения технологического суверенитета // Вопросы инновационной экономики. Т. 14. № 1. С. 91–104. DOI: 10.18334/vines.14.1.120653
- Петрушевская В.В., Шарый А.Н. (2024). Методический инструментарий оценки уровня развития малого предпринимательства в экономической системе региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 14. № 4-1. С. 503–514.
- Сидоров М.А. (2025). Мониторинг экономики: итоги 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 29. № 2. С. 127–140. DOI: 10.15838/ptd.2025.2.136.9.
- Теребова С.В., Борисов В.Н. (2019). Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научно-образовательном секторе России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 3. С. 55–76. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.4
- Устинова К.А., Печенская-Полищук М.А., Гончарук Д.С., Крюков И.А., Якушев Н.О. (2025). Научно-технологический потенциал регионов Российской Федерации. 2010–2023 гг.: состояние, динамика,

проблемы: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 1 / под науч. рук. В.А. Ильина, Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 90 с.

- Филиппов Д.В. (2013). Методика оценки уровня развития предпринимательства в регионе // Государственное управление. Электронный вестник. № 36. С. 252–262.
- Araujo D., Diego R., Reis A., Mouralracema F.A. (2021). Entrepreneurship, intellectual property and innovation ecosystems. *International Journal for Innovation Education and Research*, 9(2), 108–134.
- Eldridge D., Nisar T.M., Torchia M. (2021). What impact does equity crowdfunding have on SME innovation and growth? An empirical study. *Small Business Economics*, 56, 105–120.
- Owalla B., Gherhes C., Vorley T., Brooks C. (2022). Mapping SME productivity research: A systematic review of empirical evidence and future research agenda. *Small Business Economics*, 58, 1285–1307. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-021-00450-3>
- Rauch E., Unterhofer M., Rojas R.A. et al. (2020). A maturity level-based assessment tool to enhance the implementation of Industry 4.0 in small and medium-sized enterprises. *Sustainability*, 12, 1–18. DOI: 10.3390/su12093559
- Rogers M. (2004). Networks, firm size and innovation. *Small Business Economics*, 22(2), 141–153.
- Sapir J. (2020). Basic principles of economic sovereignty and the question of the forms of its exercise. *Studies on Russian Economic Development*, 2, 129–135. DOI: 10.1134/S107570072002015X
- Vasquez J., Aguirre S., Puertas E. et al. (2021). A sustainability maturity model for micro, small and medium-sized enterprises (MSMEs) based on a data analytics evaluation approach. *Journal of Cleaner Production*, 311, 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127692>

Разграничение авторского вклада:

- 1) Бездудная Анна Герольдовна – обоснование актуальности, постановка научной проблемы, цели и задач исследования, подготовка раздела «введение»;
- 2) Разумовский Владимир Михайлович – поиск исследований по оценке уровня развития малого и среднего предпринимательства в российских регионах, а также по оценке уровня развития технологического суверенитета на региональном уровне;
- 3) Иванов Семен Леонидович – сравнительная характеристика исследований, предложенных В.М. Разумовским, формирование методологии проведения оценки развития МСП на региональном уровне как одного из компонентов экономической среды, способного содействовать укреплению технологической независимости государства (разработка методологических принципов оценки; разработка и апробация инструментария оценки, включающего рейтинг инновационной активности малого и среднего предпринимательства в регионах, а также качественную оценку роли региональных малых и средних предприятий в укреплении технологического суверенитета).

Сведения об авторах

Анна Герольдовна Бездудная – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, исполнительный директор НОЦ эколого-экономических исследований Арктики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А; e-mail: annaspbru@yandex.ru)

Владимир Михайлович Разумовский – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А; e-mail: vmrgo@mail.ru)

Семен Леонидович Иванов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, лаборатория инновационной экономики, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Bezudnaya A.G., Razumovsky V.M., Ivanov S.L.

Assessment of Small and Medium-Sized Enterprise Development at the Regional Level

Abstract. In the current context, there is a growing need to assess the development of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the constituent entities of the Russian Federation, particularly regarding their contribution to ensuring the country's technological sovereignty. Such an assessment is essential for identifying reserves for regional development and formulating informed management decisions aimed at enhancing economic resilience amidst external challenges. The scientific problem addressed in this study stems from the need to bridge the methodological gap between existing approaches to assessing SME development (which do not fully account for the specific properties of SMEs that influence their potential in this area) and diagnostics of the level of regional technological sovereignty (which often overlook the role of the SME sector as a factor in its reinforcement). The aim of the work is to conduct a comprehensive assessment of SME development at the regional level as a component of the economic environment capable of contributing to the strengthening of state technological independence. Achieving this aim required elucidating the theoretical and methodological foundations and formulating assessment principles, as well as developing and testing a methodological toolkit using empirical data from the constituent entities of the Northwestern Federal District. Various types and combinations of scientific methods were employed in preparing the study, ranging from general scientific to specialized economic methods. A particular place is occupied by methods of economic sociology – a targeted expert survey and interviews – which made it possible to form an information array that served as the basis for testing the developed methodological toolkit. The approbation of the author's toolkit made it possible to compile a ranking of regions by the level of innovative activity of SMEs (this ranking is of particular significance since innovative activity is fundamental in the context of the task of strengthening technological sovereignty); identify the factors and directions through which small and medium-sized enterprises in regions with a relatively low level of SME innovative activity can contribute to ensuring technological sovereignty; assess the level of adaptation of small and medium-sized enterprises to conditions of constant changes in the external environment; and forecast the possibility of achieving partial technological sovereignty, including through the contribution of regional small and medium-sized enterprises.

Key words: small and medium-sized entrepreneurship, region, technological sovereignty, innovative activity, assessment, ranking, forecast.

Information about the Authors

Anna G. Bezudnaya – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, executive director of the Research and Educational Center for Ecological and Economic Research of the Arctic, Saint-Petersburg State University of Economics (30–32, letter A, Griboedov Canal Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: annaspbru@yandex.ru)

Vladimir M. Razumovsky – Doctor of Sciences (Geography), Professor, head of department, Saint-Petersburg State University of Economics (30–32, letter A, Griboedov Canal Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: vmr-rgo@mail.ru)

Semen L. Ivanov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Laboratory for Innovative Economics, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Статья поступила 02.10.2025.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.10

УДК 330.341; 330.352.3

© Кочетков С.В., Кочеткова О.В.

Влияние инновационного развития на экономический рост в Российской Федерации

Сергей Вячеславович

КОЧЕТКОВ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Российская Федерация

e-mail: kochetkov-sv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-3463-8198

Олеся Вячеславовна

КОЧЕТКОВА

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Российская Федерация

e-mail: kochetkova-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-9090-3080

Аннотация. Статья посвящена оценке влияния инновационного развития на рост российской экономики. На основе таких факторов, как научные исследования, внедрение их результатов в производство и чистый экспорт, сформировано инновационное состояние экономики. Проявление действия этих факторов наглядно демонстрирует использование инновационного потенциала экономики. Экономическое проектирование позволило определить воздействие инновационного развития на рост экономики России. Разработана экономико-математическая модель инновационного развития Российской Федерации. На ее базе определено влияние исследуемых факторов, раскрывающее эффективность использования инновационного потенциала экономики. Расчет вклада изучаемых факторов в темп прироста валового внутреннего продукта позво-

Для цитирования: Кочетков С.В., Кочеткова О.В. (2026). Влияние инновационного развития на экономический рост в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 118–139. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.10

For citation: Kochetkov S.V., Kochetkova O.V. (2026). The impact of innovative development on economic growth in the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 118–139. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.10

лил построить экономическую структуру инновационного развития России. На этом основании разработаны принципы и постулирована таксономия интенсификации российской экономики. Посредством прогностической функции инновационного развития экономики России установлены типы ее роста: 1) инерционный; 2) императивный; 3) испытательный. Подчеркивается, что в совокупности всё это составляет методику оценки интенсификации экономики, которая заключается в разложении на составные части и суммировании эффекта от воздействия выявленных факторов на рост ВВП и определении их вклада в построение структуры такого эффекта. Оценка инновационного развития позволила выявить факторы интенсификации российской экономики. Регулирование этих процессов стало основой разработки таксономии интенсификации экономики. Воздействие инновационного развития на динамику итогового экономического показателя обеспечивает новое качественное наполнение его темпов. Это свидетельствует о создании новой модели управления экономикой, позволяющей в ближайшем будущем достичь ее технологической независимости.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационный потенциал, инновационное состояние, экономико-математическая модель, интенсификация экономики, таксономия, российская экономика.

Благодарность

Авторы выражают искреннюю признательность редакции журнала и анонимным рецензентам за внимательное отношение к статье и отмеченные замечания, позволившие повысить ее качество.

Введение

Происходящая в настоящее время в России перестройка всего воспроизводственного механизма призвана кардинальным образом изменить сложившиеся структуры, придать новый динамизм экономическому росту¹. Разработка вопроса о новом качестве роста экономики России должна базироваться на определении и обосновании перспектив развития научных исследований, всестороннем и скорейшем внедрении их результатов в производство. В связи с этим ставится ключевая цель — достижение технологического суверенитета Российской Федерации. В частности, разработана Концепция технологического развития на период до 2030

года², появился такой инструмент, как «технологический кредит»³. Одновременно с этим в самое ближайшее время нужно переломить негативную тенденцию, связанную с импортом определенных видов продукции, без которых сегодня не может обойтись российская экономика.

В результате настойчивых усилий в течение относительно короткого срока был принят федеральный закон о технологической политике⁴, который, на наш взгляд, может выступить одним из инструментов достижения технологической независимости экономики России. Он дополнит довольно внушительный перечень

¹ Научная статья подготовлена по итогам публичного выступления с докладом на Пленарной конференции Московского академического экономического форума (МАЭФ) — 2024 на тему «Технологический суверенитет России: от импортозамещения к лидерству», посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Станиса (Россия, г. Москва, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», 16 мая 2024 г.). Отдельные положения — доложены на Международной научной конференции «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира» (Россия, г. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», 19–20 октября 2023 г.).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации (без назв.) № 1315-р от 20.05.2023. URL: <http://government.ru/docs/all/147621/> (дата обращения: 14.04.2025).

³ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 2064 от 02.12.2023. URL: <http://government.ru/docs/all/150960/> (дата обращения: 08.12.2023).

⁴ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 523-ФЗ от 28.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (дата обращения: 14.04.2025).

других нормативных правовых документов, связанных с научно-технологическим развитием, действующих в настоящее время.

В зарубежной литературе можно выделить одно из ключевых направлений в изучении оценки инновационного развития (Cantamessa, Montagna, 2023). Если ранние работы фокусировались преимущественно на отдельных этапах инновационной деятельности, то в современных исследованиях доминирует интерес к определению взаимодействия заинтересованных лиц в целях эффективного использования инновационного потенциала (Ahmed et al., 2025; Spigel et al., 2026). При этом вопрос об оценке влияния инновационного развития на обеспечение роста экономики остаётся открытым и является предметом активных дебатов.

В связи с этим научная проблема заключается в разрешении противоречия между возможностью интенсификации российской экономики за счет эффективного использования инновационного потенциала и способностью изменения структуры экономики.

Такой подход имеет принципиально важное значение и определяет цель нашей работы — оценку воздействия инновационного развития на рост российской экономики. Её достижение обуславливает постановку и решение следующих задач:

1) идентифицировать факторы, оказывающие наибольшее влияние на изменение итогового экономического показателя, для формирования инновационного состояния экономики;

2) определить степень влияния указанных факторов на темп прироста ВВП;

3) выявить качественное наполнение темпов роста российской экономики и выработать пути его регулирования;

4) базируясь на реализации прогностической функции инновационного развития, обосновать выбор типа роста экономики России.

Предметом исследования выступает комплекс вопросов, связанных с осуществлением инновационного развития российской экономики. Здесь хотелось бы отметить, что этот процесс сохраняется, но подходы к его развёртыванию не меняются. Отсюда картина инновационного состояния экономики долгое время

остаётся в первозданном виде. Нам предстоит нарушить эту тормозящую, а в некоторых случаях разрушающую рост экономики, традицию.

В качестве объекта исследования выступает экономика России.

Обзор литературы и исследований

В современных экономических ограничениях неизмеримо возрастает роль инновационного развития как определяющего условия интенсификации экономики. Оно приобретает стержневое значение. При этом использование инновационного потенциала экономики выступает главным инструментом ее обеспечения. Он является основополагающим требованием для преодоления имеющихся ограничений и императивом формирующейся экономики инноваций. Напомним, что *инновационный потенциал* — это совокупная способность и готовность единицы экономики производить инновационную продукцию⁵.

Любая задача, которая сегодня стоит перед страной, настоятельно требует эффективного использования инновационного потенциала экономики (Brown, 1966; Troisi et al., 2024). Потому следует постоянно уделять самое пристальное внимание развитию отечественной науки и техническому перевооружению на основе применения результатов научных исследований всех без исключения отраслей экономики. Именно поэтому эффективность использования инновационного потенциала находится в числе ключевых экономических проблем.

Такая постановка вопроса предполагает интенсификацию экономики посредством создания и широкого применения новых образцов техники, материалов и технологических процессов. При этом что же означает понятие «инновационное развитие», некоторое время назад так часто встречавшееся в различных публикациях, в частности в таких фундаментальных работах, как (Mensch, 1973; Freeman, 1992; Санто, 1990), а также звучавшее в выступлениях ученых? В силу возникшей с недавних пор конъюнктуры научной повестки (ориентир на зару-

⁵ Кочетков С.В., Кочеткова О.В. (2023). Инновационный потенциал российской экономики: есть ли пространство для возрождения? Часть 1 // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 342–353. URL: <https://elibrary.ru/jiwwqnx>. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-342-353>

бежную проблематику, а не на отечественные разработки) и особенно требований к научным результатам — в виде обязательной публикации научных трудов в зарубежных изданиях — ему перестали уделять должного внимания.

В отечественной литературе, в частности (Трифонова, Приказчикова, 2011; Голова, 2021), рассматриваются промежуточные оценки инновационного развития экономики России, не позволяющие выявить его внутренние возможности. В работе Т.А. Невзоровой, В.Г. Кучеровой представлена концепция технологической инновационной системы, применяющаяся при изучении технологических инноваций в развитых странах, оценка которой ориентирована на процесс, а не на результат (Невзорова, Кучеров, 2022).

Несмотря на прогрессивность, зарубежные разработки также не лишены недостатков. Например, оценка инновационного развития ограничивается этапом научных исследований, а внедрение их результатов в производство не находит отражения, что может свидетельствовать о недостаточности методического инструментария такой оценки (Zeng et al., 2010; Franco, Leoncini, 2013; van Beers, Zand, 2014). В то же время предпринимаются попытки по организации процесса внедрения результатов научных исследований в производство (Torrecillas et al., 2017; Spanuth et al., 2020). Вместе с тем в научных работах (Lu, Chesbrought, 2022; Rammer, 2023; Srisathan et al., 2023) отсутствует оценка освоения экономикой внедренных в производство результатов научных исследований.

Применяемые определения инновационного развития и на этой базе проводимые оценки за предыдущие годы оказались несостоятельными, так как не только не внесли вклад в теорию вопроса, но и, что особенно важно, за ними не последовало конкретных практических результатов в силу отсутствия комплексного методического инструментария оценки вклада инновационного развития в динамику ВВП страны.

В то же время имеются определенные достижения в разработке и решении этих вопросов. Работы (Фарбинович, 1978; Абалкин, 1988; Griliches, 1988; Barbiroli, 1996) посвящены вопросам построения последовательности от идеи до практической реализации научно-техниче-

ских достижений. Также в них изучаются проблемы качественного наполнения темпов роста экономики. В свою очередь в исследованиях (Karlsson et al., 2004; Freeman, Soete, 2009) разрабатываются показатели оценки эффективности использования инновационного потенциала. Как следствие, проблемы моделирования инновационного развития нашли решение в научных работах (Lawson, Samson, 2001; Yi et al., 2021; Codini et al., 2023).

Несмотря на определенные достижения, вопросы оценки влияния инновационного развития на рост экономики не исследуются в достаточном объеме для решения задач интенсификации экономики.

Мы определили инновационное развитие с помощью понятия «инновационный потенциал», так как оно объединяет научные исследования, внедрение их результатов в производство и далее освоение экономикой в единую цепочку, не забывая об импорте необходимой продукции. Разрыв этого ряда будет свидетельствовать о недоступности инновационного развития экономики. В связи с этим эффективность использования инновационного потенциала — одна из ключевых задач интенсификации экономики России, так как она обосновывает выбор перспектив ее инновационного развития. Без обеспечения его нужного уровня экономика не сможет успешно двигаться вперед по пути интенсификации, а именно движения, обусловленного влиянием таких факторов, как научные исследования, внедрение их результатов в производство и чистый экспорт, и основанного на трансформации старых и возникновении его новых свойств. Такие типы движения составляют таксономию интенсификации экономики.

Материалы и методы

Инновационное развитие — неперемное условие радикальной перестройки и успешного движения к новым рубежам, перехода на путь интенсификации экономики. Это не только экономическая установка, она должна иметь детальное и обстоятельное содержание и получить отражение в воздействии на итоговый экономический результат, т. е. оценить эффективность используемых ресурсов при воздействии на результирующий показатель. Стремление придать новое содержание росту экономики

связано с действием определенных факторов, среди которых выделим науку, внедрение ее результатов в производство и чистый экспорт. В этих условиях объективная необходимость перестройки продиктована изменившимся, причем кардинально, внутренним строением инновационного развития российской экономики на предшествующем этапе ее функционирования.

В связи с изложенным существующие подходы к оценке инновационного развития экономики также требуют нового содержания. Во многом переход к ее технологической независимости будет способствовать существенно повышению эффективности производства. Исходя из этого, впервые в экономической науке предлагается авторский *метод оценки инновационного развития экономики, который заключается в исчислении эффективности использования ее инновационного потенциала, т. е. в разложении на составные части и определении эффекта от воздействия обозначенных выше факторов на итоговый экономический показатель, и его суммировании, а также выделении их вклада и построении его структуры*. Это позволит более полно исследовать и решить поставленную научную проблему.

Выработанный курс на интенсификацию российской экономики, его масштаб и комплексность, требует составления и решения научно-исследовательской задачи. Суть ее заключается в оценке влияния таких факторов, как выделяемые затраты на научные исследования, затраты на внедрение их результатов в производство и чистый экспорт, на темпы прироста ВВП. С помощью метода корреляционно-регрессионного анализа и его инструментария нам нужно оценить эффективность выделяемых ресурсов и их вклад в рост экономики России.

Вступительная часть работы подготовлена исходя из метода конкретизации. Методом анализа литературных источников исследовано текущее состояние научной проблемы. С использованием метода моделирования создана экономико-математическая модель инновационного развития Российской Федерации. В основу исследования инновационного потенциала экономики положены методы анализа и синтеза. С помощью методов дедукции и индукции изучена экономическая

структура инновационного развития России. На основе метода классификации построена таксономия интенсификации экономики. С опорой на метод прогнозирования исследована прогностическая функция инновационного развития российской экономики. Красной чертой через всю работу прошел статистический метод. В соответствии с методом обобщения сделаны выводы и сформулированы предложения.

Источниками данных для написания работы являются Федеральная служба государственной статистики (Росстат), Международный валютный фонд (МВФ).

Результаты исследования

Моделирование инновационного развития российской экономики

Рассматривая инновационное развитие, мы отметили, что оно является определяющим условием интенсификации экономики, раскрывая его экономическую роль, которая заключается в обеспечении снижения влияния импорта на динамику ВВП. На стимулирование таких структурных сдвигов всё более явственно должна ориентироваться экономическая политика со стороны государства.

В связи со сказанным экономическое проектирование состоит в определении элементов, их строения и характеристик (степени влияния факторов) использования инновационного потенциала экономики. Подход, примененный в научной статье, заключается в том, что оценка отражает конечные результаты, рассчитанные при воздействии инновационного развития (*от идеи до внедрения и освоения экономикой*) на динамику ВВП. Выбор экономико-математической модели основан на анализе составляющих ВВП России в соответствии с утвержденной Федеральной службой государственной статистики формой с выделением затрат на научные исследования, затрат на внедрение их результатов в производство по соответствующим статьям расходов и чистого экспорта как отдельной статьи и других соответствующих факторов. На этой базе проведен предварительный корреляционный анализ и избраны факторы, оказывающие наибольшее влияние на динамику ВВП⁶.

⁶ В силу большого объема предварительного корреляционного анализа в научной статье он не приводится.

Для рассмотрения влияния научных исследований, внедрения их результатов в производство и чистого экспорта на динамику ВВП сформируем инновационное состояние экономики России (табл. 1).

Одно из фундаментальных мест в методологическом обосновании решения поставленной научной проблемы – интенсификации экономики – принадлежит новому теоретическому пониманию инновационного развития, так как сегодня совершенно ясно, что имеющиеся заделы не гарантируют автоматического и бесперебойного ее осуществления. Инновационное развитие есть целенаправленное изменение состояния (состава – способности и структуры – готовности, т. е. устойчивых связей) инновационного потенциала единицы экономики, т. е. переход инновационного потенциала из исходного (базового) в итоговое (планируемое или желаемое в определенный момент времени) состояние⁷, обеспечивающее императивный рост экономики. Это определение расширяет познавательные возможности инновационного развития экономики.

Механизм реализации инновационного потенциала экономики представлен на рисунке 1.

С помощью инновационного состояния (см. табл. 1) охарактеризуем процесс использования инновационного потенциала экономики (см. рис. 1), т. е. проявление действия выделенных факторов. Для оценки влияния этих факторов на темп прироста ВВП разработана экономико-математическая модель инновационного развития, которая имеет вид:

$$Y = 55\,349,66 + 10,04 \times X_1 + 12,72 \times X_2 + 1,01 \times X_3 \quad (1)$$

Разработанная экономико-математическая модель инновационного развития России адекватна (критерий Фишера: $F_{\text{расчетн.}} (38,63) > F_{\text{табл.}} (4,07)$) и может быть использована в дальнейших расчетах и анализе. В то же время сфера ее практического применения может быть ограничена состоянием информационного обеспечения.

Таким образом, изменение ВВП под влиянием научных исследований, внедрения их результатов в производство и чистого экспорта принимает вид (рис. 2).

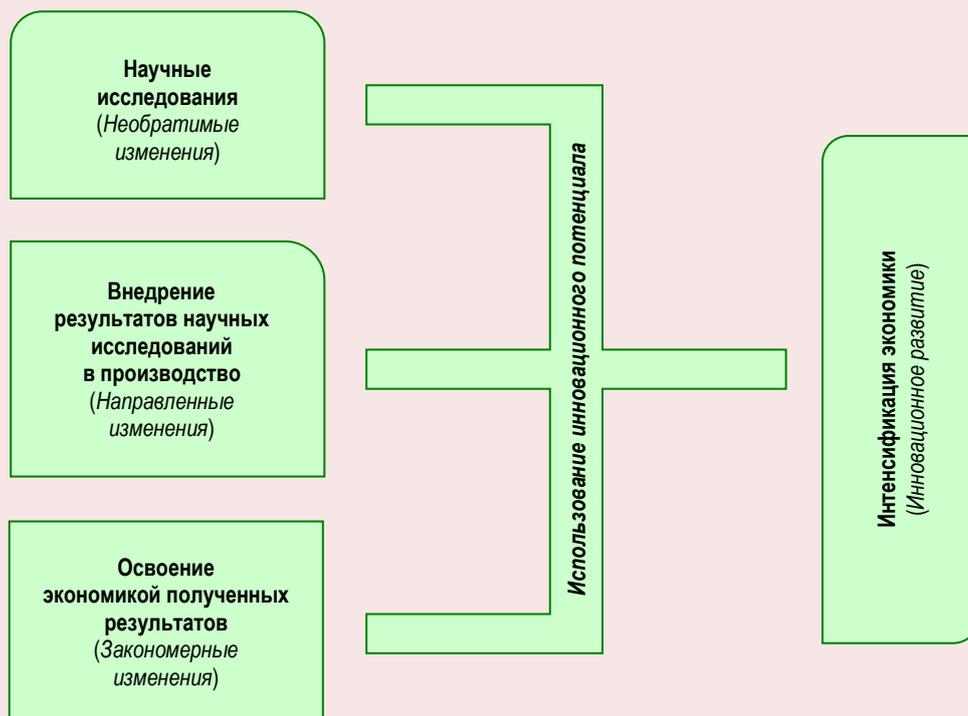
Таблица 1. Инновационное состояние российской экономики, в ценах 2016 г., млрд руб.

Анализируемый период	Результат	Факторы		
	ВВП, Y	Затраты на научные исследования, X ₁	Затраты на внедрение результатов научных исследований в производство, X ₂	Чистый экспорт, X ₃ (экспорт – импорт)
2010	75 363,14	741,59	607,28	6 086,04
2011	81 750,60	772,96	997,94	6 601,63
2012	85 040,30	817,97	1 129,52	5 666,44
2013	86 533,10	829,87	1 318,92	4 675,84
2014	87 170,20	877,34	1 336,72	5 597,07
2015	85 450,60	878,59	1 237,87	6 876,58
2016	85 616,10	873,78	1 284,59	4 444,20
2017	87 179,30	902,00	1 333,64	4 625,07
2018	89 626,60	829,02	1 270,96	8 967,70
2019	91 596,67	886,31	1 633,02	6 996,25
2020	89 166,01	903,88	1 767,48	4 527,37
2021	94 181,03	830,87	1 656,55	8 694,01

Рассчитано по: данные Росстата и МВФ.

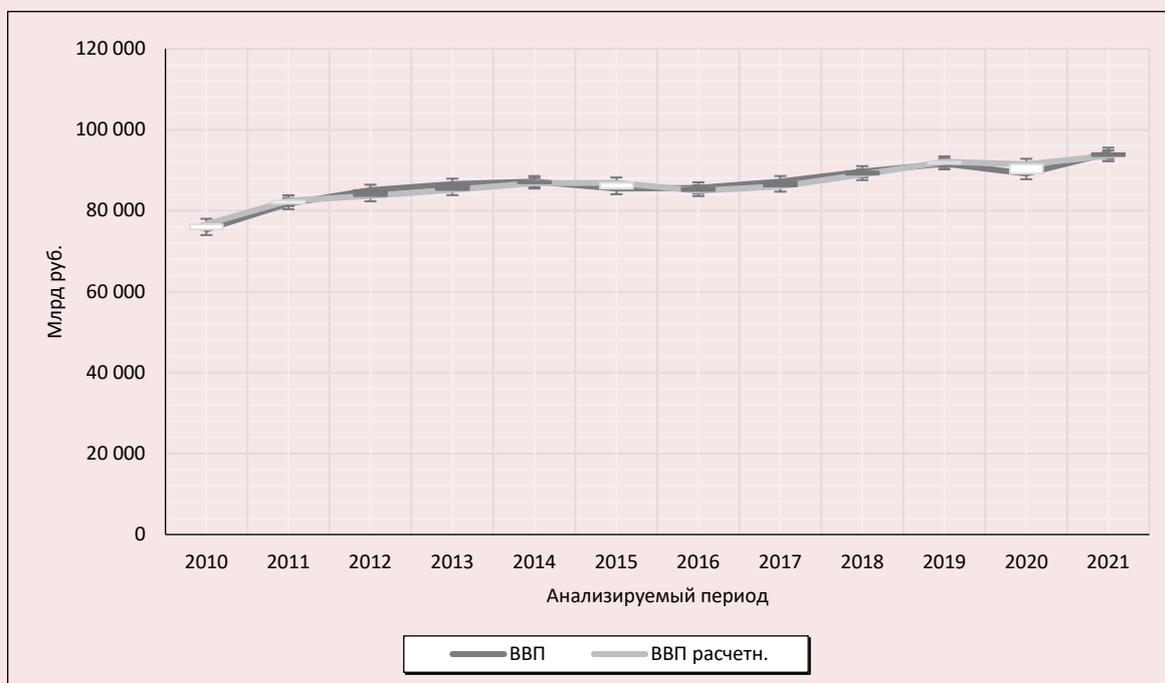
⁷ Кочетков С.В., Кочеткова О.В. (2018). Инновационный потенциал промышленных предприятий – инструмент развития экономики // Экономическое возрождение России. № 3 (57). С. 78–91. URL: <https://elibrary.ru/xztlvj>

Рис. 1. Механизм реализации инновационного потенциала экономики

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Интенсификация российской экономики

Источник: рассчитано авторами.

В сложившихся условиях интенсификация экономики России создает потребность в совершенствовании взаимодействия науки и внедрения ее результатов, причем на всех уровнях управления: от отдельно взятого предприятия до государства в целом. Недостатки организационного характера объясняются замедленным освоением проектных мощностей в промышленности. Из-за отсутствия производства необходимого научно-технического уровня российская экономика недополучает значительный объем инновационной продукции.

Сказанное позволяет утверждать, что механизм использования инновационного потенциала экономики представляет собой организацию эффективного взаимодействия науки и промышленности. В этом случае инновационный потенциал экономики выступает непосредственным источником создания такого взаимодействия.

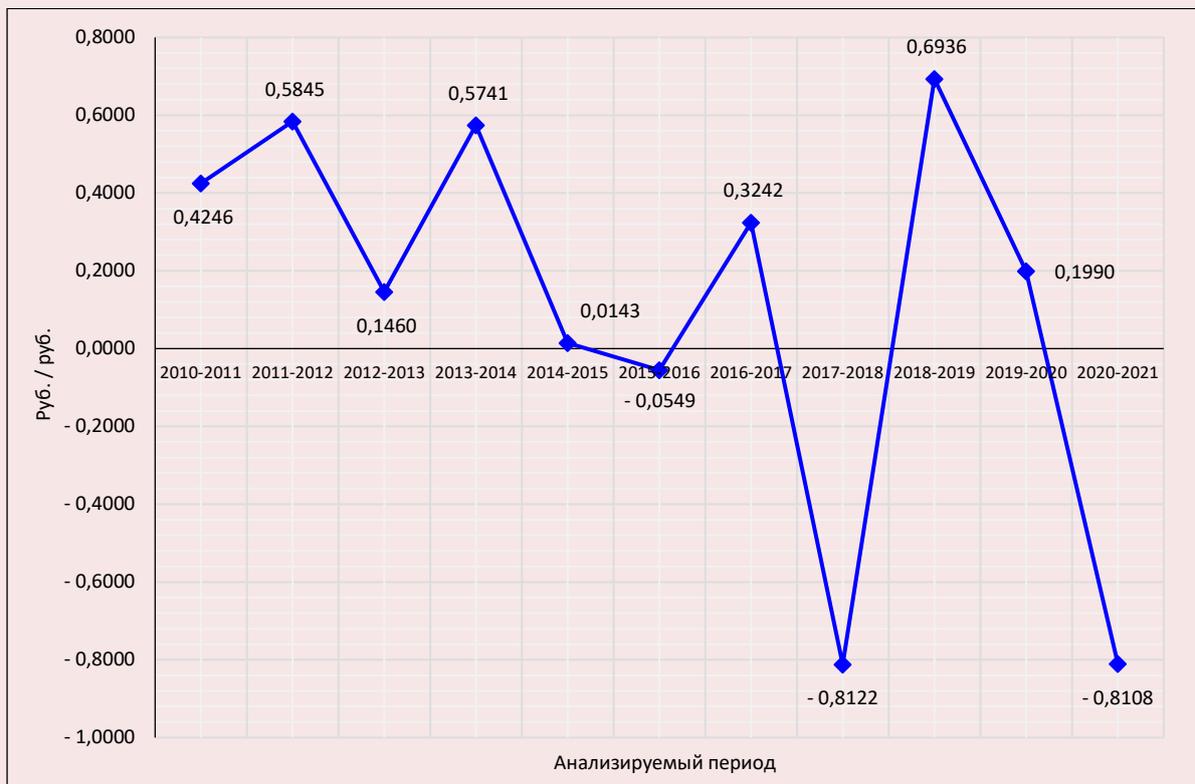
Эффективность использования инновационного потенциала России

Переход к инновационному развитию экономики России, т. е. интенсивному использованию ее инновационного потенциала, назрел объективно. Для достижения высоких темпов роста интенсификация экономики играет определяющую роль. Уже сегодня выделены те ее направления, а именно: научные исследования, внедрение ее результатов в производство, чистый экспорт, которые должны оправдывать преобладание модернизации производственного аппарата и нового капитального строительства над импортом.

Рассматривая этот вопрос с позиции воздействия на ВВП, необходимо провести оценку их влияния на его изменение.

Во-первых, в условиях интенсификации экономики роль научных исследований выглядит следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Эффективность научных исследований

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

Несмотря на постоянно увеличивающиеся затраты на научные исследования — с 741,59 млрд руб. в 2010 году до 830,87 млрд руб. в 2021 году, их эффективность снизилась с 0,4246 руб./руб. в 2010–2011 гг. и даже приобрела отрицательное значение $-0,8108$ руб./руб. в 2020–2021 гг. (см. рис. 3). Это связано с тем, что в анализируемом периоде в качестве результатов научных исследований преобладали исключительно публикации, особенно в зарубежных журналах и издательствах. Процесс внедрения результатов в производство оставался на вторых, а иногда — на последних ролях. Периодические всплески в повышении эффективности в 2013–2014 гг. (с 0,1460 до 0,5741 руб./руб.), а также в 2016–2017 гг. (с $-0,0549$ до 0,3242 руб./руб.), и особенно с $-0,8122$ до 0,6936 руб./руб. в 2018–2019 гг. соответственно обусловлены предпринимаемыми попытками со стороны государства по формированию условий для внедрения результатов научных исследований в производство (в частности, создавались наукограды, Фонд поддержки проектов Национальной технологической

инициативы, Фонд развития центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»), Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям) и т. д.), а также внедрением разработок предыдущих лет. Хотя этих усилий, как видим, недостаточно.

В то же время подчеркнем, что в целом этот фактор оказывает отрицательное влияние на ВВП: при увеличении вложений в науку на 1 руб. ВВП растет на меньшую величину, т. е. мы можем констатировать замедление его роста. Дальнейшая работа программы «Приоритет-2030»⁸ по улучшению сложившейся ситуации, на наш взгляд, приведет к позитивным результатам.

Во-вторых, влияние такого фактора, как внедрение результатов научных исследований в производство на изменение ВВП, представляется не менее значительным (рис. 4).

Мы можем видеть (см. рис. 4), что в анализируемом периоде преобладает тенденция снижения эффективности внедрения результатов научных исследований в производство

Рис. 4. Эффективность внедрения результатов научных исследований в производство

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

⁸ О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Постановление Правительства Российской Федерации № 729 от 13.05.2021. URL: <http://government.ru/docs/all/134443/> (дата обращения: 07.11.2023).

с 8,1828 руб./руб. в 2010–2011 гг. до отрицательного значения -0,7983 руб./руб. в 2020–2021 гг. В этом случае ситуация объясняется практически полным истощением производственного потенциала в стране, что также подтверждается перманентным уменьшением темпов роста затрат на внедрение результатов научных исследований в производство. Определенный скачок в росте этого показателя с -0,5978 до 3,6236 руб./руб. в 2018–2019 гг. свидетельствует о полученном эффекте от проделанной работы, которая отмечена выше, по внедрению результатов научных исследований за последнее время. Это характеризует не только замедление роста ВВП России от воздействия названного фактора, но и его уменьшение в конце анализируемого периода, так как результаты научных исследований не находят практически никакой поддержки в экономике.

В-третьих, влияние чистого экспорта на изменение ВВП принимает следующий вид (рис. 5).

В нынешних условиях данная позиция выглядит наиболее парадоксально (см. рис. 5). Несмотря на увеличение ВВП за счет чистого экспорта с 0,0856 руб./руб. в 2010–2011 гг. до 0,9301 руб./руб. в 2020–2021 гг., прослеживается тен-

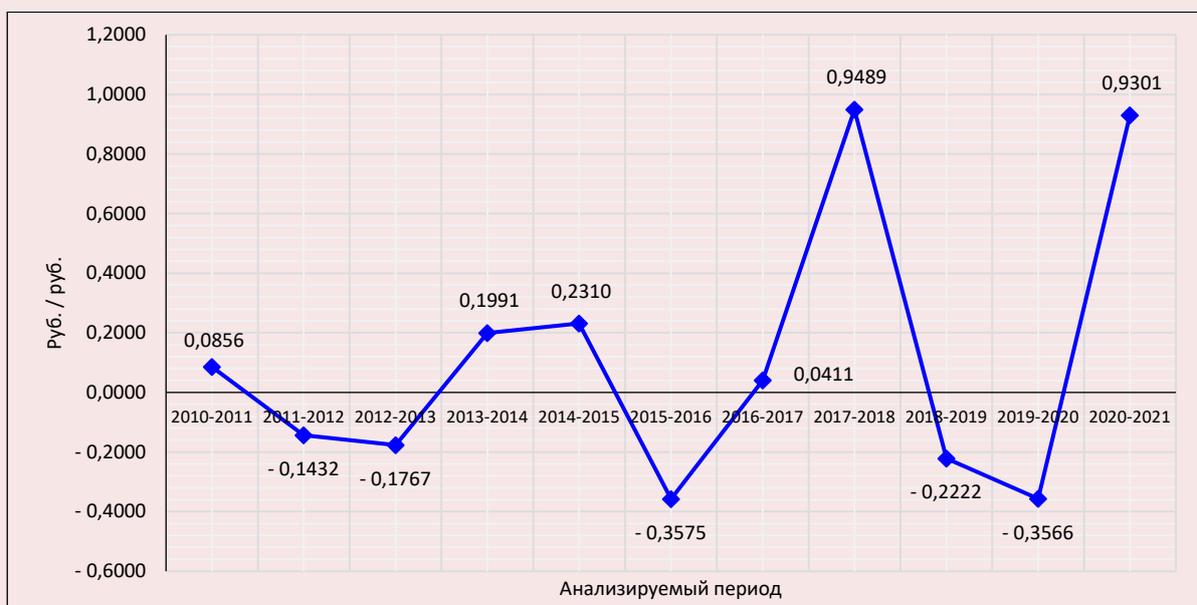
денция его постепенного замедления в условиях действия. Хотя определенные прорывы в 2017–2018 гг. (с 0,0411 до 0,9489 руб./руб. соответственно), а также в 2020–2021 гг. (с отрицательного значения -0,3566 до 0,9301 руб./руб.) наблюдаются, но, к сожалению, они связаны с небольшим увеличением экспортных возможностей России, в основном за счет сырьевого сектора экономики, и главное – значительным снижением импорта, связанным с введенными ограничениями со стороны западных стран.

В долгосрочном аспекте тенденция перехода экспорта на первые роли вместо импорта должна стать закономерным результатом инновационного развития российской экономики.

Это лишь некоторые данные о влиянии инновационного потенциала экономики на изменение ВВП.

В нынешней ситуации ставятся большие задачи по улучшению условий для эффективного использования инновационного потенциала экономики с целью достижения высоких темпов ее роста. На наш взгляд, принятие именно федерального закона о технологической политике в России говорит о его первостепенном значении и чрезвычайной важности.

Рис. 5. Эффективность чистого экспорта

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

Экономическая структура инновационного развития

Разумеется, фаза колебаний эффективности (или пределы влияния того или иного фактора) должна стремиться к перманентному росту ВВП, что становится возможным при выборе и обосновании приоритетов в науке, выявлении производственной базы для внедрения ее результатов, а также чистого экспорта. Это означает построение системы от научных исследований до внедрения их результатов в производство при условии обязательного освоения экономикой. В этом случае амплитуда колебаний эффективности будет, вне всякого сомнения, минимальной. Организация указанной системы, ее институционализация требуют сегодня немедленных решений, так как действующая схема этого процесса оказалась несостоятельной, что подтверждается полученными результатами.

Нужно такое сочетание научных исследований, внедрения их результатов в производство

и чистого экспорта, при котором достигается максимальный темп прироста ВВП.

Наряду с неуклонным снижением роли импорта в удовлетворении имеющихся и возникновении новых потребностей в России определяющим фактором роста ВВП становится внедрение результатов научных исследований в производство (рис. 6).

Можно видеть (см. рис. 6), что параллельно с выделением фактора внедрения результатов научных исследований в производство, как оказывающего наибольшее влияние на темпы прироста ВВП, по сравнению с другими факторами, научными исследованиями и чистым экспортом, наблюдается процесс постепенного затухания такого воздействия, что, безусловно, вызывает необходимость восстановления производственной базы и, самое главное, – строительства новых производственных мощностей. Исправить сложившуюся картину снижения вклада внедрения результатов научных исследований в производство с 6,45% в 2010–2011 гг. до

Рис. 6. Инновационное развитие российской экономики

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

отрицательного значения -1,55% в 2020–2021 гг. в темп прироста ВВП, т. е. сдерживание его роста, возможно созданием благоприятных условий для внедрения. Как показывают расчеты, имеющихся рычагов недостаточно.

Рассматривая вопрос о вкладе факторов, оказывающих влияние на изменение ВВП, следует отметить структуру такого вклада (табл. 2).

Данные таблицы 2 наглядно демонстрируют воздействие доминирующего фактора – внедрения результатов научных исследований в производство – на динамику ВВП. В этих условиях трансформация инновационного развития должна начинаться со сдвигов в воспроиз-

водственной, отраслевой и технологической структурах экономики России.

Таксономия интенсификации российской экономики

Преимущественная ориентация на использование инновационного потенциала, а не на простое наращивание масштабов производства придаст самому понятию «интенсификация экономики» новый смысл, заключающийся в воздействии инновационного развития на рост ВВП в пределах влияния исследуемых факторов (табл. 3).

Данные таблицы 3 раскрывают полную картину таксономии интенсификации экономики России.

Таблица 2. Экономическая структура инновационного развития России

Наименование показателя	Анализируемый период										
	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018	2018–2019	2019–2020	2020–2021
Затраты на Н	5,48	14,87	3,42	29,32	0,49	(1,56)	26,09	(12,20)	8,18	4,07	(11,33)
Затраты на В	86,05	54,80	68,80	13,86	(48,70)	19,27	57,26	(13,39)	65,06	39,44	(21,99)
Чистый экспорт	8,48	(30,33)	(27,79)	56,82	50,82	(79,17)	16,65	74,41	(26,77)	(56,49)	66,67
Реальные темпы прироста ВВП	100	100	100	100	100	(100)	100	100	100	(100)	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных рисунка 6.

Таблица 3. Классификация принципов интенсификации экономики

Анализируемый период	Принципы интенсификации экономического роста											
	I. Принцип затрат				II. Принцип эффективности				III. Принцип вклада			
	Результат	Факторы интенсификации экономики			Результат	Факторы интенсификации экономики			Результат	Факторы интенсификации экономики		
	Темп прироста ВВП, %	Научные исследования	Внедрение результатов научных исследований в производство	Чистый экспорт	Темп прироста ВВП, %	Научные исследования	Внедрение результатов научных исследований в производство	Чистый экспорт	Темп прироста ВВП, %	Научные исследования	Внедрение результатов научных исследований в производство	Чистый экспорт
2010–2011	7,50	9,23	11,92	78,85	7,50	4,88	94,13	0,98	7,50	5,48	86,05	8,48
2011–2012	1,45	10,74	14,83	(74,42)	1,45	24,30	69,74	(5,95)	1,45	14,87	54,80	(30,33)
2012–2013	1,86	12,16	19,33	(68,51)	1,86	5,95	86,86	(7,19)	1,86	3,42	68,80	(27,79)
2013–2014	1,91	11,23	17,11	71,66	1,91	60,75	18,18	21,07	1,91	29,32	13,86	56,82
2014–2015	0,08	9,77	(13,76)	76,47	0,08	1,21	(79,31)	19,48	0,08	0,49	(48,70)	50,82
2015–2016	-2,18	(13,23)	19,46	(67,31)	-2,18	(6,15)	53,79	(40,06)	-2,18	(1,56)	19,27	(79,17)
2016–2017	1,28	13,15	19,44	67,41	1,28	38,10	57,07	4,83	1,28	26,09	57,26	16,65
2017–2018	3,41	(7,49)	(11,48)	81,03	3,41	(34,43)	(25,34)	40,23	3,41	(12,20)	(13,39)	74,41
2018–2019	3,68	9,31	17,16	(73,52)	3,68	15,28	79,83	(4,89)	3,68	8,18	65,06	(26,77)
2019–2020	-0,61	12,56	24,55	(62,89)	-0,61	12,41	65,34	(22,25)	-0,61	4,07	39,44	(56,49)
2020–2021	2,36	(7,43)	(14,82)	77,75	2,36	(31,93)	(31,44)	36,63	2,36	(11,33)	(21,99)	66,67

Примечание: совокупное влияние факторов – 100%.
Источник: составлено авторами на основе данных рисунков 3, 4, 5, 6.

В соответствии с затратным принципом интенсификация экономики имеет следующий вид (рис. 7).

Можем видеть (см. рис. 7), что структура затрат на интенсификацию экономики России выступает как одно из проявлений не только инерционного прироста ВВП, в основном за счет такого фактора, как чистый экспорт, но и его снижения с 7,50 до 2,36% за анализируемый период. В данном случае главной составляющей потоков вложений в интенсификацию экономики, не приводящих к увеличению темпов прироста ВВП, являются затраты на науку и затраты на внедрение ее результатов.

На основе принципа эффективности интенсификация российской экономики принимает вид (рис. 8).

В то же время сдвиг в структуре интенсификации экономики России (см. рис. 8), несмотря на скачкообразность темпов прироста ВВП, в сторону эффективности научных исследований и эффективности внедрения их результатов в

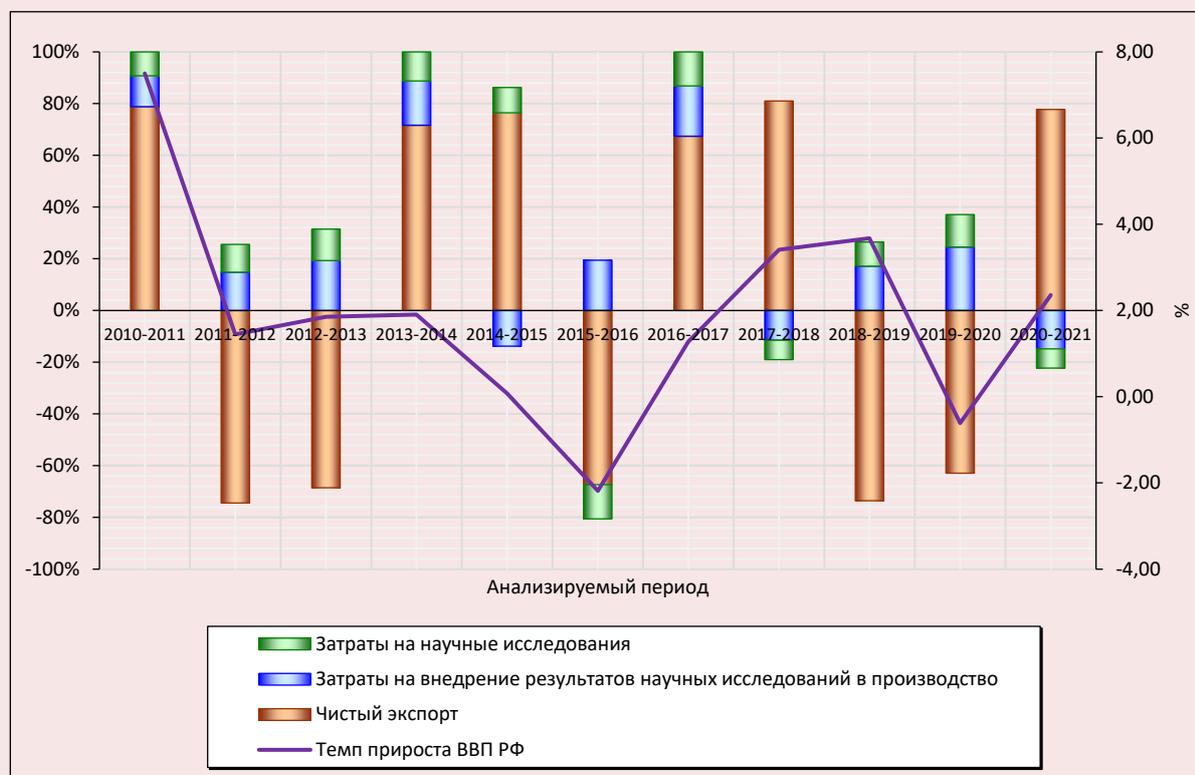
производство свидетельствует об уменьшении сроков окупаемости затрат на них, т. е. сокращении периода использования научно-технических достижений в производственном процессе.

Наконец, проявление принципа вклада представляет интенсификацию экономики России следующим образом (рис. 9).

Соответственно, экономическая структура инновационного развития России, т. е. структура вклада факторов в реальные темпы прироста ВВП (см. рис. 9), говорит о том, что достигнуть императивного роста экономики на современном этапе будет чрезвычайно сложно. Вклад научных исследований и внедрения их результатов в производство с 2010 по 2021 год в темп прироста ВВП минимальный и неуклонно снижается.

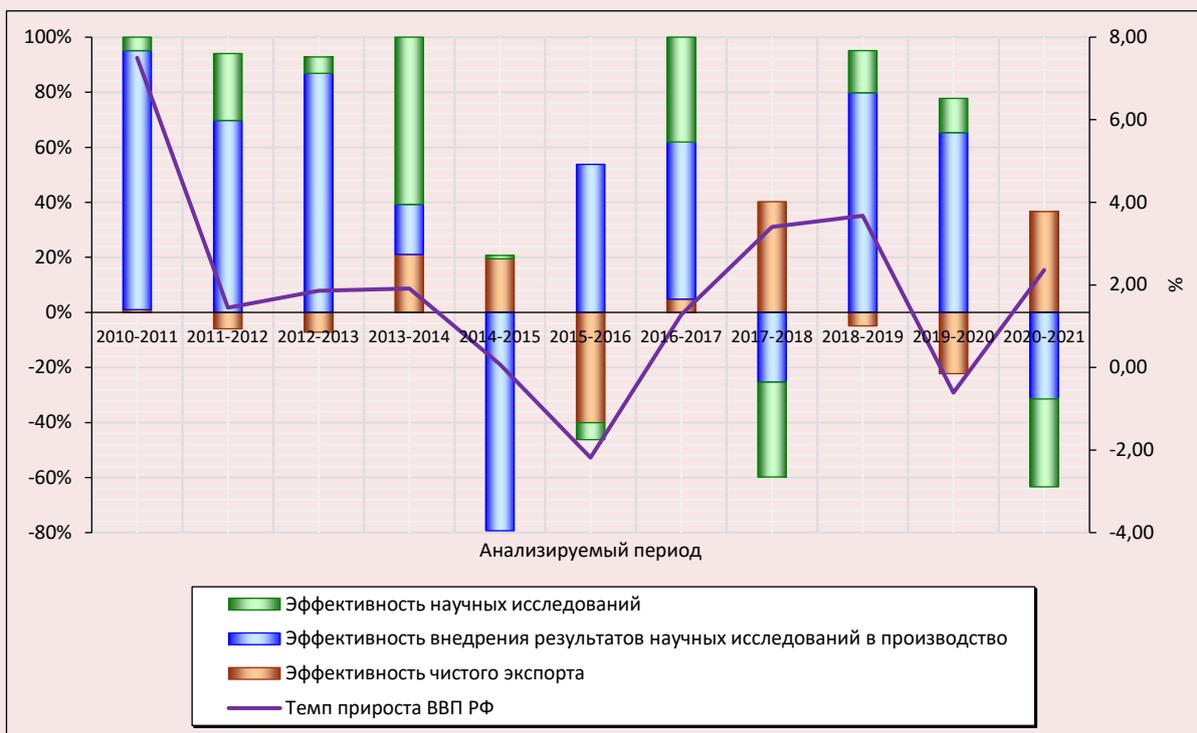
В связи с этим таксономия интенсификации экономики раскрывает и обосновывает пути регулирования инновационного развития с целью достижения нужных значений ВВП в предстоящей перспективе.

Рис. 7. Таксономия интенсификации российской экономики (принцип затрат)

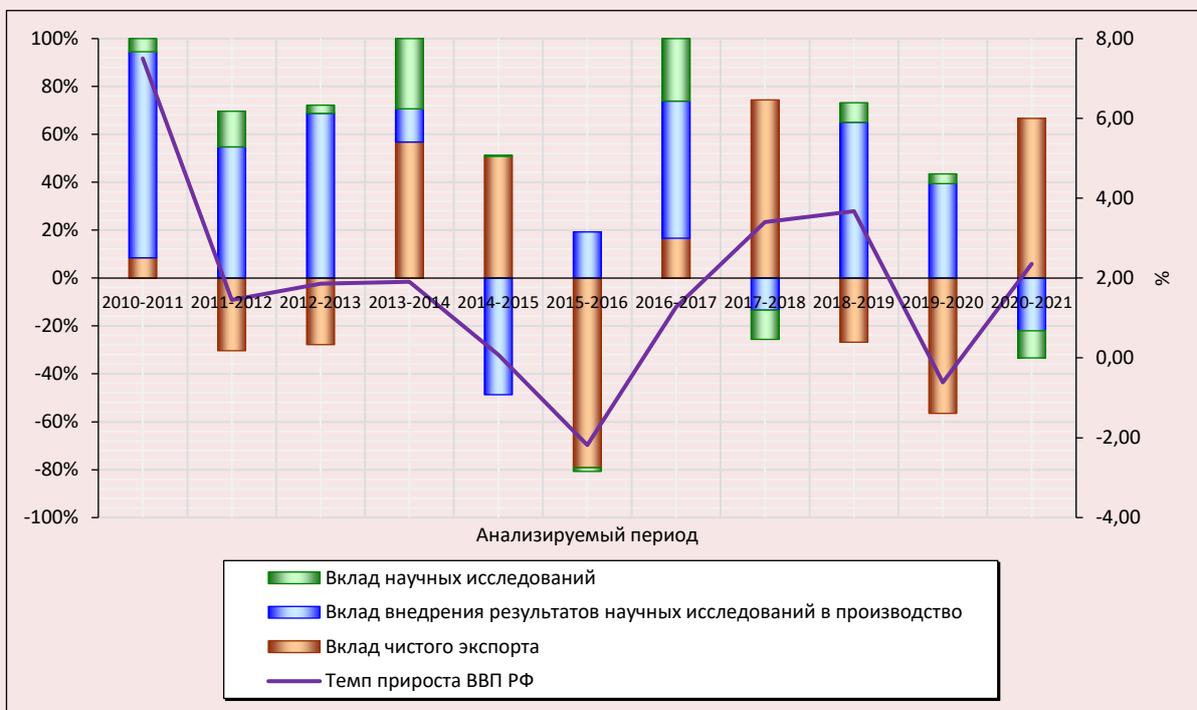
Рассчитано по: данные таблицы 3.

Рис. 8. Таксономия интенсификации российской экономики (принцип эффективности)

Рассчитано по: данные таблицы 3.

Рис. 9. Таксономия интенсификации российской экономики (принцип вклада)

Рассчитано по: данные таблицы 3.

В свете сказанного можно утверждать, что интенсификация экономики – это процесс, сопровождаемый качественными изменениями (перестройкой) экономической структуры инновационного развития (при использовании инновационного потенциала), т. е. тип движения, связанный с форсированием достижения результирующего показателя (темпа прироста ВВП) и поддержанием его нужного уровня (например, оптимального или максимального значения) в складывающихся условиях.

Анализ интенсификации российской экономики позволяет установить следующие закономерности инновационного развития.

1. Снижение темпов прироста ВВП объясняется, во-первых, отрицательным влиянием научных исследований и чистого экспорта, а также, во-вторых, положительным воздействием внедрения результатов научных исследований в производство. В этих условиях при переходе к положительным величинам в науке и внедрении одновременно при отрицательном влиянии чистого экспорта наблюдается сокращение спада экономики России, что говорит о росте роли научных исследований.

2. При минимальном влиянии научных исследований и внедрения их результатов в производство обеспечивается максимизация

темпов прироста ВВП России. В то же время при воздействии чистого экспорта достижение таких темпов прироста ВВП возможно при максимальных, предельных, его величинах. Значит, наука и внедрение ее результатов в производство обеспечивают интенсивный экономический рост, т. е. выстраивается устойчивое взаимодействие между наукой и промышленностью. Чистый экспорт, в свою очередь, расположен к экстенсивному воздействию на рост экономики.

3. Вытекает из предыдущих. Прослеживается стремление к компенсирующему воздействию рассматриваемых факторов на положительную динамику ВВП.

В объеме всей экономики России развитие закономерных тенденций будет способствовать императивному росту.

Прогностическая функция инновационного развития экономики России

Оценка нынешней интенсификации экономики России требует составления прогноза воздействия инновационного развития на ее рост. В соответствии с разработанной экономико-математической моделью инновационного развития точечный и интервальный прогноз инерционного изменения ВВП будет иметь следующий вид (рис. 10).

Рис. 10. Инерционный рост экономики Российской Федерации

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России. Источник: рассчитано авторами.

Нетрудно заметить (см. рис. 10), что в прогнозируемый период при сохранении влияния исследуемых факторов динамика ВВП не претерпевает существенных изменений. Напротив, их вклад перманентно уменьшается. Достижение определенного объема их воздействия становится возможным при значительных перегрузках производственных мощностей в России, что в дальнейшем может привести к исчерпанию инновационного потенциала экономики.

В соответствии с проведенными расчетами для характеристики императивного роста экономики воспользуемся таким показателем, как структурный вклад. Достижение нужной его величины способствует императивному росту экономики.

В рамках выявленной закономерности инновационного развития экономики усиление роли науки будет иметь вид (рис. 11).

Предполагаемые преобразования инновационного потенциала российской экономики (см. рис. 11), вызывая качественные преобразования в науке, обуславливают существенные трансформации в организации управления. Важные новые черты приобретает процесс оценки качества научных исследований. Этот комплекс вопросов требует незамедлительного рассмотрения в ближайшее время.

Безусловно, развитие науки было и остается объективной закономерностью эффективного использования инновационного потенциала экономики. Однако практическое внедрение новых научных идей сегодня, впрочем, как и всегда, не менее важная задача, чем их разработка. В связи с этим установленная закономерность по совокупному влиянию научных исследований и внедрения их результатов в производство раскрывает следующую картину интенсификации экономики России в прогнозируемом периоде (рис. 12).

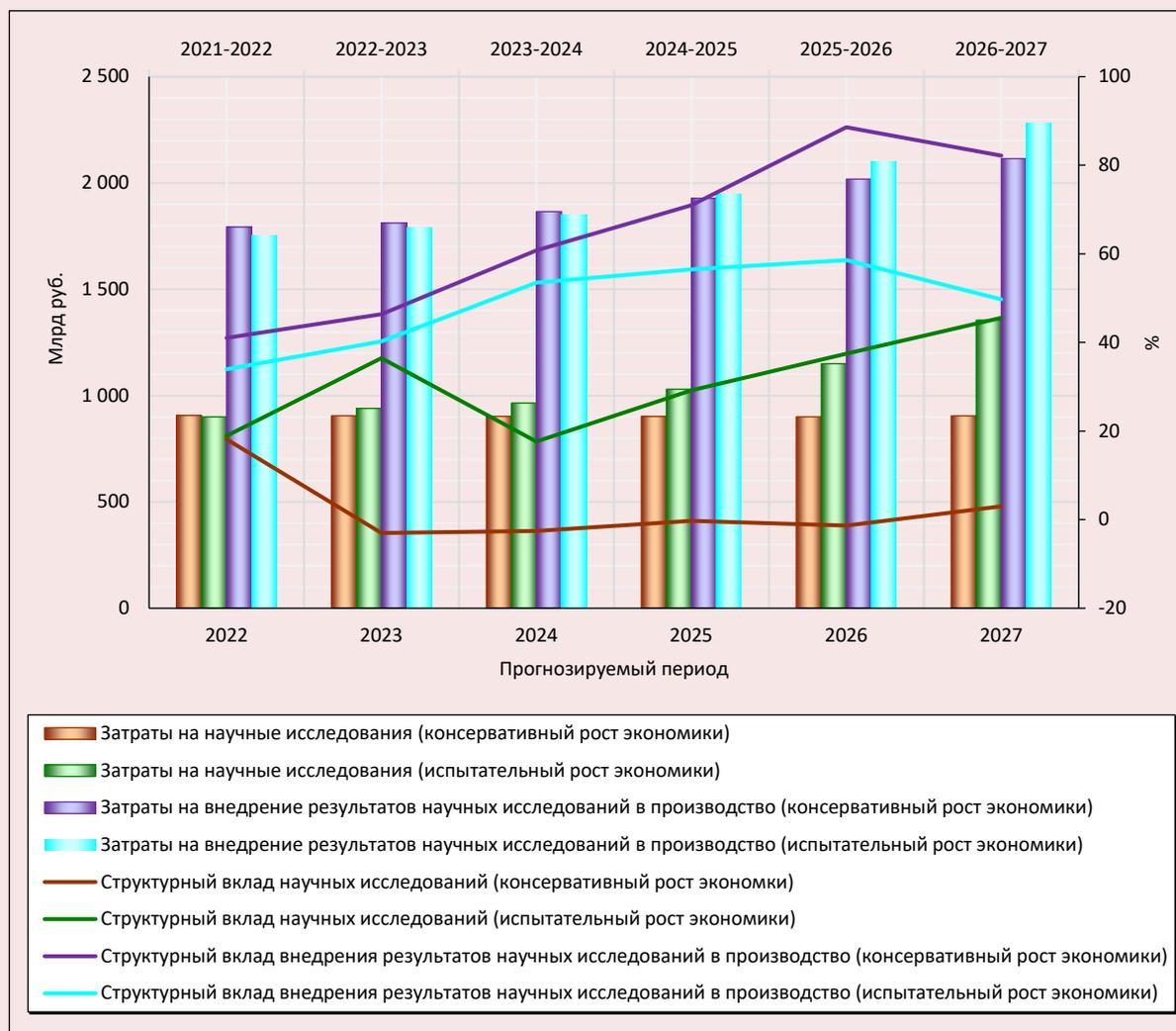
Рис. 11. Императивный рост экономики Российской Федерации

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 12. Испытательный рост экономики Российской Федерации

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

При таком варианте интенсификации экономики (см. рис. 12) представляется возможным более эффективно использовать инновационный потенциал, формируя его рациональное состояние и нужную экономическую структуру с целью недопущения преждевременного истощения. Другими словами, выстраивается стройная система, идет настройка инновационного развития российской экономики. Происходящие изменения инновационного потенциала в значительной мере смогут обеспечить более существенное ускорение интенсификации экономики, наладить более быстрое, широкое и эффективное внедрение научно-технических достижений.

Важно подчеркнуть, что в прогнозируемый период экономике России без импорта, к сожалению, не обойтись. В то же время его воздействие (структурный вклад) на экономический рост в формируемых условиях интенсификации планомерно снижается с 28,72 до 6,22% в 2022–2023 и 2026–2027 гг. соответственно, несмотря на его торможение в 2021–2022 гг. (-41,51%). Та же картина наблюдается и при испытательном

варианте интенсификации экономики, наладить более быстрое, широкое и эффективное внедрение научно-технических достижений. Важно подчеркнуть, что в прогнозируемый период экономике России без импорта, к сожалению, не обойтись. В то же время его воздействие (структурный вклад) на экономический рост в формируемых условиях интенсификации планомерно снижается с 28,72 до 6,22% в 2022–2023 и 2026–2027 гг. соответственно, несмотря на его торможение в 2021–2022 гг. (-41,51%). Та же картина наблюдается и при испытательном

росте экономики – уменьшение с 23,26% в 2022–2023 гг. до 4,74% в 2026–2027 гг. Замедление роста здесь составляет величину –47,10% в 2021–2022 гг. Отрицательные значения, характеризующие замедление роста экономики, – это не что иное как закономерный исход предыдущих периодов.

Всё это обосновывает выбор между выявленными вариантами интенсификации российской экономики – вариантами экономической структуры инновационного развития, т. е. от эффективности использования инновационного потенциала зависят темпы и масштабы роста экономики (рис. 13).

Выбор в пользу того или иного варианта следует осуществить исходя из целесообразности формирования тех или иных условий интенсификации экономики России. Мы полагаем, что наиболее приемлемый вариант связан с испытательным ростом российской экономики, при котором может быть достигнут максимальный темп прироста ВВП (см. рис. 13).

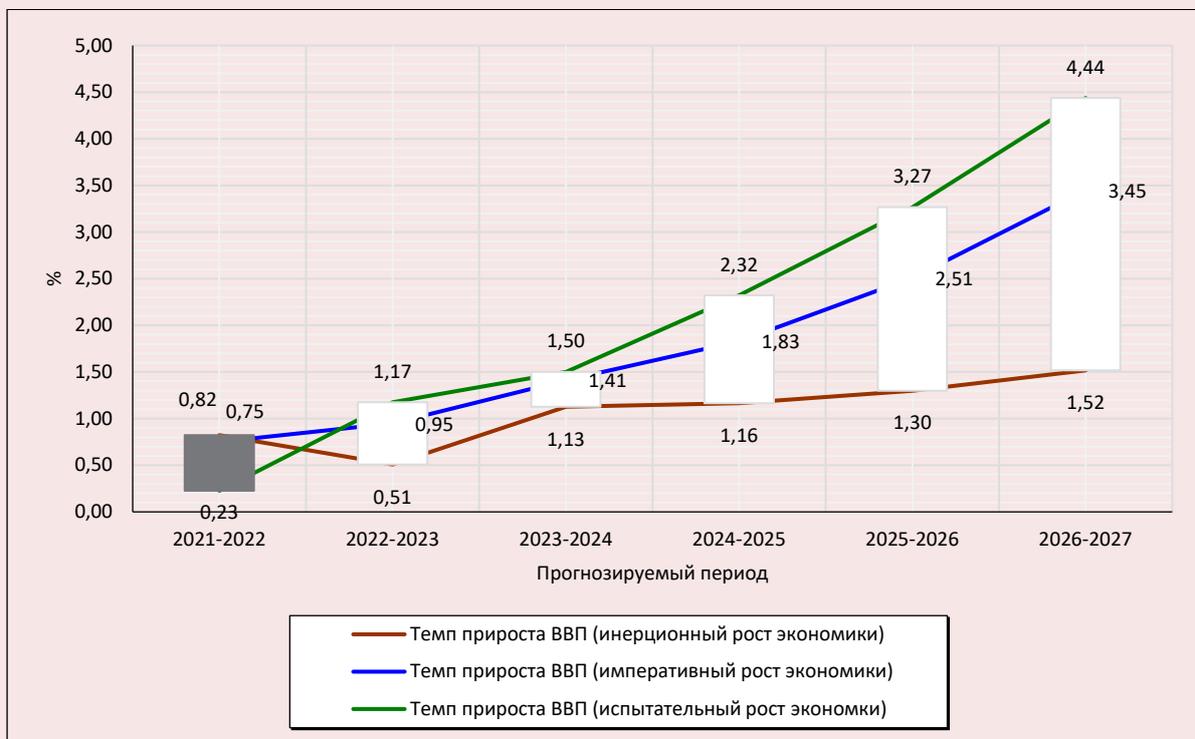
В целом можно утверждать, что прогнозирование инновационного развития является базой выработки, выбора и обоснования перспективных путей интенсификации экономики России.

Выводы

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы.

В качестве ключевых характеристик инновационного состояния экономики установлены такие факторы, как научные исследования, внедрение их результатов в производство и чистый экспорт. Совокупность этих факторов обеспечивает реализацию процесса от идеи, ее внедрения и освоения экономикой, что свидетельствует о применении инновационного потенциала. Степень воздействия каждого из установленных факторов на динамику ВВП обуславливает инновационное развитие экономики. Следовательно, ставя задачу интенсификации, инновационное развитие следует рассматривать как отражение качественных преобразований в экономике.

Рис. 13. Экономический рост Российской Федерации

Примечание: расчеты на основе разработанной экономико-математической модели инновационного развития России.

Источник: рассчитано авторами.

В соответствии с разработанной экономико-математической моделью инновационного развития проведена оценка влияния исследуемых факторов на изменение ВВП, которая отражает эффективность использования инновационного потенциала экономики России. В целом следует отметить, что оценка показывает незначительное воздействие инновационного развития на динамику итогового экономического показателя.

Расчет вклада изучаемых факторов в темп прироста ВВП обосновывает экономическую структуру инновационного развития России. Наибольшее влияние оказывает такой фактор, как внедрение результатов научных исследований в производство.

На этой основе выделена таксономия интенсификации экономики исходя из определенных принципов: затрат, эффективности и вклада выявленных факторов, применение которых позволило установить закономерности инновационного развития экономики России.

С помощью прогнозирования инновационного развития экономики обоснованы три типа экономического роста России: инерционный, императивный, испытательный. По мнению авторов, наиболее предпочтительным является испытательный рост экономики страны.

В совокупности сказанное представляет собой, в отличие от имеющихся, методический подход, который заключается в том, что оценка отражает конечные результаты, полученные при воздействии инновационного развития (от идеи до внедрения и освоения экономикой) на изменение итогового показателя, тем самым раскрывая возможности интенсификации экономики. Его уникальность характеризуется тем, что он может быть применен на уровне региона, территории, экономического района, объединения предприятий (комплекса) и отдельно взятого производственного предприятия.

Исходя из изложенного, предлагается *метод оценки инновационного развития экономики, который заключается в исчислении эффективности использования ее инновационного потенциала, т. е. в разложении на составные части и определении эффекта от воздействия обозначенных выше факторов на итоговый экономический показатель, и его суммировании, а также выделении их вклада и построении его структуры.*

В свете сказанного применение разработанного авторами метода состоит в последовательности выполнения следующих процедур:

- формирование инновационного состояния экономики;
- оценка эффективности исследуемых факторов;
- определение вклада изучаемых факторов в темп прироста итогового экономического показателя;
- на этой основе построение таксономии интенсификации экономики для регулирования ее инновационного развития.

В соответствии с этим *интенсификация экономики — это процесс, сопровождаемый качественными изменениями (перестройкой) экономической структуры инновационного развития (при использовании инновационного потенциала), т. е. тип движения, связанный с форсированием достижения результирующего показателя (темпа прироста ВВП) и поддержанием его нужного уровня (например, оптимального или максимального значения) в складывающихся условиях.*

Всё это обуславливает новое качество роста экономики, а именно — выбор его типа на основе предложенных принципов интенсификации экономики, что, в свою очередь, позволит более полно учесть перспективы инновационного развития при построении механизма функционирования экономики, т. е. речь идет о новом качественном наполнении темпов прироста итогового экономического показателя.

Изложенные меры и инициативы в решении первоочередных задач интенсификации экономики могут и должны стать основой разработки комплексной научно-технической программы России для достижения технологической независимости ее экономики. В дополнение к этому для обеспечения подлинного, истинного, или собственно технологического суверенитета Российской Федерации на современном, начальном, этапе этого процесса первым шагом предлагаемой комплексной научно-технической программы должна стать незамедлительная реанимация федерального закона о научных открытиях, прекратившего свое действие в России с 1992 года. Результаты этого очевидны, и мы их наблюдаем сегодня. При этом данный федеральный закон станет главным ресурсом ее реализации и, что самое важное, он призван это сделать.

Литература

- Голова И.М. (2021). Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. Т. 17. №. 4. С. 1346–1360.
- Невзорова Т.А., Кучеров В.Г. (2022). Концепция технологической инновационной системы: основные положения и возможности // Вопросы экономики. № 5. С. 99–120.
- Санто Б. (1990). Инновация как средство экономического развития: пер. с венг. с изм. и доп. авт. Москва: Прогресс. 296 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_271535/ (дата обращения: 17.09.2024).
- Советская экономика: новое качество роста (1988) / под ред. Л.И. Абалкина. Москва: Политиздат. 350 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/002178_000020_BGUNB-BEL%7C%7C%7CBIBL%7C%7C%7C0000277695/ (дата обращения: 14.10.2024).
- Трифонов Е.Ю., Приказчикова Ю.В. (2011). Оценка уровня инновационного развития экономики России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Экономические науки. № 5 (2). С. 215–221.
- Фарбиоров В.С. (1978). Ускорение научно-технического прогресса – узловая проблема развития экономики. Москва: Знание. 64 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2381755/ (дата обращения: 02.10.2024).
- Ahmed S., Xing K., Mahmood S. et al. (2025). Assessing innovation performance through international technology transfer among interplay of collaborative practices and absorptive capabilities. *Journal of the Knowledge Economy*, 16(2). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-025-02804-8> (accessed: 31.01.2026).
- Barbiroli G. (1966). New indicators for measuring the manifold aspects of technical and economic efficiency of production processes and technologies. *Technovation*, 16(7), 341–356. DOI: [https://doi.org/10.1016/0166-4972\(96\)00024-7](https://doi.org/10.1016/0166-4972(96)00024-7)
- Brown M. (1966). *On the Theory and Measurement of Technological Change*. Cambridge, Cambridge University Press. Available at: <https://archive.org/details/ontheorymeasur0000brow/page/n5/mode/2up> (accessed: 07.09.2024)
- Cantamessa M., Montagna F. (2023). *Management of Innovation and Product Development*. Springer London. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4471-7531-5> (accessed: 31.01.2026).
- Codini A.P., Abbate T., Petruzzelli A.M. (2023). Business model innovation and exaptation: A new way of innovating in SMEs. *Technovation*, 119, January, 102548. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102548>
- Franco C., Leoncini R. (2013). Measuring China’s innovative capacity: A stochastic frontier exercise. *Economics of Innovation and New Technology*, 22(2), 199–217. DOI: <https://doi.org/10.1080/10438599.2012.744174>
- Freeman C. (1992). *The Economics of Hope: Essays on Technical Change, Economic Growth, and the Environment*. London; New York, Pinter Publishers. Available at: <https://archive.org/details/economicsofhopee0000free/page/n7/mode/2up> (accessed: 25.09.2024)
- Freeman C., Soete L. (2009). Developing science, technology and innovation indicators: What we can learn from the past. *Research Policy*, 38(4), 583–589. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2009.01.018>
- Griliches Zvi. (1988). Productivity puzzles and R&D: Another nonexplanation. *Journal of Economic Perspectives*, 2(4), 9–21. DOI: <https://doi.org/doi:10.1257/jep.2.4.9>
- Karlsson M., Trygg L., Elfström B.-O. (2004). Measuring R&D productivity: Complementing the picture by focusing on research activities. *Technovation*, 24(3), 179–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0166-4972\(03\)00111-1](https://doi.org/10.1016/S0166-4972(03)00111-1)
- Lawson B., Samson D. (2001). Developing innovation capability in organisations: A dynamic capabilities approach. *International Journal of Innovation Management*, 5(3), 377–400. DOI: <https://doi.org/10.1142/S1363919601000427>
- Lu Q., Chesbrough H. (2022). Measuring open innovation practices through topic modelling: Revisiting their impact on firm financial performance. *Technovation*, 114, June, 102434. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102434>
- Mensch G. (1973). *Theory of Innovation*. Berlin: International Institute of Management. Available at: https://openlibrary.org/books/OL21775535M/Theory_of_innovation.#related-work-carousel (accessed: 11.09.2024)
- Rammer C. (2023). Measuring process innovation output in firms: Cost reduction versus quality improvement. *Technovation*, 124, June, 102753. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102753>
- Spanuth T., Heidenreich S., Wald A. (2020). Temporary organisations in the creation of dynamic capabilities: Effects of temporariness on innovative capacity and strategic flexibility. *Industry and Innovation*, 27(10), 1186–1208. DOI: <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1842723>

- Spigel B., Ramli K., Prokop D. et al. (2026). Business model innovation in the context of crisis: A qualitative longitudinal analysis. *Journal of Technology Transfer*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-025-10303-w> (accessed: 31.01.2026).
- Srisathan W.A., Ketkaew C., Naruetharadhol Ph. (2023). Assessing the effectiveness of open innovation implementation strategies in the promotion of ambidextrous innovation in Thai small and medium-sized enterprises. *Journal of Innovation & Knowledge*, 8(4), 100418. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jik.2023.100418>
- Torrecillas C., Fischer Bruno B., Sánchez A. (2017). The dual role of R&D expenditures in European Union's member states: Short- and long-term prospects. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 30(4), 433–454. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610.2017.1358079>
- Troisi O., Visvizi A., Grimaldi M. (2024). Rethinking innovation through industry and society 5.0 paradigms: A multileveled approach for management and policy-making. *European Journal of Innovation Management*, 27(9), 22–51. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJIM-08-2023-0659>
- van Beers C., Zand F. (2014). R&D cooperation, partner diversity, and innovation performance. *Journal of Product Innovation Management*, 31(2), 292–312. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpim.12096>
- Yi J., Murphree M., Meng S., Li S. (2021). The more the merrier? Chinese government R&D subsidies, dependence, and firm innovation performance. *Journal of Product Innovation Management*, 38(2), 289–310. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpim.12564>
- Zeng S., Xie Xu., Tam Ch. (2010). Evaluating innovation capabilities for science parks: A system model. *Technological and Economic Development of Economy*, 16(3), 397–413. DOI: <https://doi.org/10.3846/tede.2010.25>

Сведения об авторах

Сергей Вячеславович Кочетков – доктор экономических наук, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1 класса, профессор кафедры, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: kochetkov-sv@rudn.ru)

Олеся Вячеславовна Кочеткова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: kochetkova-ov@rudn.ru)

Kochetkov S.V., Kochetkova O.V.

The Impact of Innovative Development on Economic Growth in the Russian Federation

Abstract. This article assesses the impact of innovative development on the growth of the Russian economy. By considering factors such as scientific research, the implementation of its results in production, and net exports, the innovative state of the economy is characterized. The manifestation of these factors clearly demonstrates how the economy's innovative capacity is utilized. Economic modeling allowed determining the effect of innovative development on Russia's economic growth. An economic-mathematical model of the innovative development of the Russian Federation was built. Based on this model, the influence of the studied factors was determined, revealing the effectiveness of using the economy's innovative capacity. By calculating the contribution of these factors to the GDP growth rate, the economic structure of Russia's innovative development was constructed. This formed the basis for developing principles and postulating a taxonomy for the intensification of the Russian economy. Utilizing the predictive function of Russia's innovative development, three types of economic growth were identified: 1) inertial; 2) imperative; 3) experimental. It is emphasized that collectively, this constitutes a methodology for assessing economic intensification, which involves decomposing the effect of the identified factors on GDP growth, summing these effects, and determining their contribution to building the structure of such an effect. The assessment of innovative development revealed the factors driving the intensification of the Russian

economy. Regulation of these processes became the foundation for developing the taxonomy of economic intensification. The impact of innovative development on the dynamics of the final economic indicator provides a new qualitative dimension to its growth rates, signaling the creation of a new economic management model that can allow achieving technological independence in the near future.

Key words: innovative development, innovative capacity, innovative state, economic-mathematical model, economic intensification, taxonomy, Russian economy.

Information about the Authors

Sergei V. Kochetkov – Doctor of Sciences (Economics), Class 1 Advisor of the State Civil Service, Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklai Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kochetkov-sv@rudn.ru)

Olesia V. Kochetkova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklai Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kochetkova-ov@rudn.ru)

Статья поступила 28.11.2025.

Прогрессивное налогообложение дивидендов: динамика фискальных последствий и рисков в 2022–2028 гг.

Олег Игоревич

БОРИСОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: oborisov@fa.ru

ORCID: 0000-0002-0350-1885; ResearcherID: HGE-5246-2022

Аннотация. Переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов физических лиц затронул не только трудовые, но и инвестиционные доходы населения. Созданный преференциальный режим налогообложения дивидендов вызывает множество споров и кардинально различные взгляды на достижение баланса между справедливостью налогообложения сверхвысоких доходов и поддержанием привлекательного инвестиционного климата. Целью исследования является оценка фискальных эффектов прошедшей реформы налогообложения дивидендов, а также определение долгосрочных последствий и рисков реализации различных сценариев их дальнейшего реформирования в контексте мирового опыта. Построена эконометрическая модель оценки фискальных последствий перехода на прогрессивное налогообложение дивидендов на основе анализа данных о декларировании дивидендных доходов и налоговых поступлений по субъектам Российской Федерации. Научная новизна исследования состоит в обобщении результатов авторского исследования зарубежных механизмов преференциального налогообложения дивидендов для выявления источников потенциальных рисков и системных уязвимостей, которые следует учитывать при рассмотрении предложений по совершенствованию налоговой политики в отношении дивидендов. В разрезе возможных подходов к налогообложению дивидендов систематизированы и критически проанализированы международный опыт и эмпирические исследования, а также дана оценка фискальных последствий их реализации для российского бюджета. Определены направления оптимизации подоходного налогообложения дивидендов

Для цитирования: Борисов О.И. (2026). Прогрессивное налогообложение дивидендов: динамика фискальных последствий и рисков в 2022–2028 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 140–156. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.11

For citation: Borisov O.I. (2026). Progressive taxation of dividends: The dynamics of fiscal effects and risks in 2022–2028. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 140–156. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.11

с учетом необходимости соблюдения принципов налоговой нейтральности и справедливости. Особое внимание уделено рискам, связанным с развитием схем уклонения от уплаты налогов, что даёт основу для дальнейшего построения аналитических моделей выявления субъектов Российской Федерации с возможным использованием индивидуальными предпринимателями «дивидендных» схем уклонения от налогообложения.

Ключевые слова: дивиденды, налоговая нейтральность, распределение прибыли, фискальный федерализм, налоговая политика, подоходное налогообложение, налоговые преференции, прогрессивное налогообложение.

Введение

Находясь на стыке налогообложения прибыли организаций и доходов физических лиц, налогообложение дивидендов сопряжено с нахождением тонкого компромисса между устранением двойного экономического налогообложения с одной стороны и предотвращением уклонения от уплаты налогов и неравенства — с другой. Для снижения негативного эффекта двойного экономического налогообложения дивидендов в мировой практике выработаны разные подходы — от интеграции корпоративного и подоходного налогов до полного освобождения дивидендов от налогообложения. Однако инвесторы могут получать доход не только в виде дивидендов, но и прибыли от реализации (иного выбытия) акций (прироста капитала). Достижение баланса в налогообложении этих доходов имеет решающее значение для соблюдения принципов налоговой нейтральности (гарантии, что инвестиционные решения не искажаются под влиянием налоговых соображений) и справедливости (гарантии, что налогоплательщики с аналогичным доходом несут одинаковое налоговое бремя) (Гончаренко, 2024).

Переход России к прогрессивным ставкам налога на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) вылился в преференциальное налогообложение большинства инвестиционных доходов (включая дивиденды) по сравнению с трудовыми доходами. Однако в мировом масштабе дивиденды, напротив, всё чаще рассматриваются как обычный доход, который должен облагаться по основным ставкам подоходного налога. Например, в Норвегии ставку налога на дивиденды повысили на 2 п. п., чтобы сократить разрыв маргинальных налоговых ставок для доходов с капитала и заработной платы: «Доход от акций и облигаций в значительной степени сконцентрирован среди лиц с высокими доходами и благосостоянием, а потому

повышение налога на дивиденды укрепит перераспределительную функцию подоходного налога»¹. В США также изучается возможность уравнивать налоговые ставки с дивидендов и трудовых доходов для состоятельных налогоплательщиков, получающих наибольшую часть дивидендных доходов (повысить налоговую ставку с 20 до 39,6%)². Впрочем, наряду с этим выдвигаются предложения, наоборот, понизить ставку налога с дивидендов с 20 до 15% для стимулирования экономического роста за счёт налогов на инвестиционный доход³.

В России также идут острые дебаты об оптимальности сложившегося налогового режима и направлениях его реформирования. При этом звучащие предложения охватывают практически весь спектр возможных вариантов: от освобождения дивидендов от налогообложения до установления ставки в 35% в целях достижения большей налоговой справедливости. Отсутствие консенсуса подчёркивает важность переосмысления международного опыта, рассмотрения альтернативных моделей и их модификаций, отвечающих текущим экономическим целям развития страны.

¹ Taxes 2023. Prop. 1 LS (2022–2023). Proposition to the Storting (Bill and Draft Resolution) for the 2023 Budget Year. Chapter 1 and 2. Norwegian Ministry of Finance. P. 8. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/882fb5c97bf04386b4eb5d1ed898ae7b/en-gb/pdfs/prp202220230001ls0engpdfs.pdf>

² Ross J. (2023). Biden Tax Proposals Would Correct Inequities Created by Trump Tax Cuts and Raise Additional Revenues. Apr. 14, 2023. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/biden-tax-proposals-would-correct-inequities-created-by-trump-tax-cuts-and-raise-additional-revenues/>

³ Michel A.N. (2024). Slashing tax rates and cutting loopholes. Options for tax reform in the 119th congress. CATO Policy Analysis, 975. Available at: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2024-06/policy-analysis-975.pdf>

Цель исследования – на основе накопленных эмпирических данных дать оценку того, как переход к прогрессивной шкале НДФЛ скажется на налоговых поступлениях с дивидендов, и выявить источники потенциальных рисков, которые следует учитывать при рассмотрении предложений по совершенствованию их налогообложения. Задачи исследования: провести ретроспективный анализ фискальных последствий перехода на прогрессивное налогообложение дивидендов; дать перспективную оценку последствий понижения порогового значения для 15% ставки НДФЛ с дивидендов на период 2025–2028 гг.; на базе проведенной автором систематизации зарубежного методического инструментария подоходного налогообложения дивидендов оценить целесообразность его имплементации в российскую налоговую систему.

Научный интерес представляет разработанная контрфактическая модель оценки фискальных последствий перехода на прогрессивное налогообложение, которая позволяет осуществить эмпирическую фискальную оценку поступлений НДФЛ с дивидендов в России. Также новизной обладают результаты критического анализа целесообразности имплементации в России элементов зарубежного методического инструментария преференциального налогообложения дивидендов. В разрезе предложений по дальнейшему изменению подходов к налогообложению дивидендов систематизированы зарубежная практика и эмпирические исследования, дана оценка фискальных эффектов для российского бюджета. Определены направления оптимизации подоходного налогообложения дивидендов с учетом необходимости соблюдения принципов налоговой нейтральности и справедливости. Особое внимание уделено выявлению рисков развития схем уклонения от налогообложения.

Обзор литературы

В рамках вопроса о справедливости преференциального налогообложения инвестиционных доходов можно выделить два принципиальных подхода.

Ряд исследователей характеризует дивиденды «как „сверхдоходы“, поскольку средний уровень дивидендного дохода на одного человека (получателя этого вида доходов) в несколько раз превосходит средний уровень заработной

платы на одного человека»⁴. «Источником таких сверхдоходов являются выплаты по дивидендам, от владения и реализации ценных бумаг и иного имущества и другие, не связанные с заработной платой доходы» (Пансков, 2020). При этом «значительные суммы доходов в виде дивидендов начисляются физическим лицам, владеющими акциями (долями) предприятий топливно-энергетического и металлургического комплексов, а также предприятий по производству минеральных удобрений и др.» (Топчи, 2022). По этим причинам «повышенная ставка должна применяться к совокупному годовому доходу, включающему доходы в виде дивидендов, процент по банковским вкладам, по акциям, от реализации имущества и ценных бумаг» (Пансков, 2020). Единообразное налогообложение всех доходов физических лиц независимо от их происхождения сделает более прозрачным процесс определения налоговых обязательств и упростит налоговое администрирование (Ордынская, Черковец, 2023).

В развитие этой точки зрения звучат предложения о необходимости не только «обеспечить равенство налогообложения для разных видов доходов» и унифицировать налогообложение оплаты труда и доходов от капитала, но и ввести дополнительные ступени шкалы для сверхвысоких доходов (Семенова, 2025), либо просто увеличить налог на дивиденды до 35% как для доходов с крупных выигрышей⁵. Такие предложения направлены на то, чтобы налогообложение дивидендов больше способствовало сокращению неравенства, поскольку проведенная реформа практически не повлияла на концентрацию доходов и ключевые индикаторы расслоения по доходам (коэффициенты Джини и фондов, доля малообеспеченного населения).

⁴ Загвоздина В.Н., Шмаков В.Г. (2018). К вопросу налогообложения дивидендных доходов физических лиц // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XII Международной конференции, Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Высшая школа экономики и менеджмента. Т. 2. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ. С. 608–617.

⁵ Миронов предлагает установить налоги на роскошь и сверхприбыль. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23957909>

Другие исследователи, напротив, предлагают для улучшения инвестиционного климата «временно убрать ограничение ... для применения ставки – 13% и не применять ставку 15%» (Попова, 2022), в результате чего дивиденды будут облагаться по более низкой ставке, чем прибыль от реализации акций. Для стимулирования граждан к осуществлению долгосрочных, а не спекулятивных инвестиций без привязки к иным характеристикам ценных бумаг предлагается даже ввести регрессивную шкалу налога на дивиденды в зависимости от срока инвестирования: облагать дивиденды НДФЛ по ставке 8% в случае владения акциями более 3 лет, 3% – более 5 лет и 0% – более 7 лет (Милогов, Берберов, 2022).

Обе позиции практически не подкреплены эмпирическими данными, однако зарубежные эмпирические исследования показывают, что снижение максимальной ставки налога с дивидендов незначительно стимулирует инвестиции из-за умеренной инвестиционной эластичности (Koivisto, 2023; Isakov et al., 2020; Lee, Hong, 2020). Также немного увеличиваются капитальные и трудовые затраты в малом и микробизнесе, повышается их производительность (Jacob, 2020), а индивидуальные акционеры активнее осуществляют надзор за эффективностью распределения ресурсов (Kong, Ji, 2021; Kong, Ji, 2024). Причём все эти эффекты достаточно краткосрочны и в конечном счёте приводят лишь к потерям бюджета (Ghilardi, Zilberman, 2024).

Кардинальное увеличение ставки налога на дивиденды (как, например, во Франции в 2013 году, когда ставка возросла с 15,5 до 46%) вызывает резкое сокращение дивидендов и использование сэкономленных денежных средств для большего инвестирования, особенно при наличии хороших возможностей для роста (Matray, Boissel, 2020). Анализ показывает, что фактически ни одна компания не сократила инвестиции после повышения налогов. Следовательно, опровергается предположение, что более высокие налоги на дивиденды подавляют инвестиции. Напротив, ужесточение налогообложения дивидендов может при определённых обстоятельствах стимулировать реинвестирование прибыли.

Методы исследования и данные

Для контрфактического моделирования фискальных последствий перехода на прогрессивное налогообложение используем ретроспективный эмпирический анализ данных статистической налоговой отчётности Федеральной налоговой службы России (ФНС) в целом по Российской Федерации и в разрезе субъектов Российской Федерации: данные форм № 5-НДФЛ, № 7-НДФЛ (2016–2024 гг.), № 5-П (2012–2024 гг.), № 1-НМ (2023–2025 гг.).

Фискальные последствия перехода на прогрессивное налогообложение в части дивидендов ($\Delta Fisc_r$) можно оценить как разницу между реально поступившими налогами с дивидендов и оценочной величиной, которую бюджеты могли бы получить в случае, если бы ставка НДФЛ осталась плоской:

$$\Delta Fisc_r = \sum_{t=2022}^{2024} (T_{r,t}^{acc,13} + T_{r,t}^{acc,15} - T_{r,t}^{flat}), \quad (1)$$

где: $T_{r,t}^{acc,13}$ и $T_{r,t}^{acc,15}$ – реально поступившие в 2022–2024 гг. суммы НДФЛ с дивидендов в пределах и сверх 5 млн руб. соответственно;

$T_{r,t}^{flat}$ – оценочная величина налоговых доходов, которая могла бы поступить в случае сохранения плоской шкалы НДФЛ.

Для усреднения эффекта возьмём в расчёт совокупные фактические данные ФНС России за 2022–2024 гг. по форме № 7-НДФЛ. При этом в ней предусмотрены только агрегированные данные по дивидендам, облагаемым по ставке 15%, что не позволяет их разделить на дивиденды в пользу резидентов и нерезидентов. Поскольку это необходимо для моделирования фискального эффекта, введем дополнительную переменную (θ_r), отражающую среднюю долю дивидендов в пользу физических лиц – нерезидентов, облагаемых по ставке 15%, в структуре дивидендов, выплаченных российскими организациями в регионе r за 2016–2021 гг.:

$$\theta_r = \frac{\sum_{t=2016}^{2021} DI_{r,t}^{15}}{\sum_{t=2016}^{2021} (DI_{r,t}^{13} + DI_{r,t}^{15} + DI_{r,t}^{oth})}, \quad (2)$$

где: $DI_{r,t}^{13}$, $DI_{r,t}^{15}$ и $DI_{r,t}^{oth}$ – совокупность дивидендов, облагаемых в регионе r по ставкам 13 и 15%, а также иным ставкам, предусмотренным соглашениями об избежании двойного налогообложения, соответственно.

Тогда можно сделать следующие расчёты:

$$T_{r,t}^{acc,13} = T_{r,t}^{13} - Cr_{r,t}^{13}, \quad (3)$$

$$T_{r,t}^{acc,15} = (1 - \theta_r) \times T_{r,t}^{15} - Cr_{r,t}^{15}, \quad (4)$$

$$T_{r,t}^{flat} = (DI_{r,t}^{13} + (1 - \theta_r) \times DI_{r,t}^{15}) \times 0,13 - Cr_{r,t}^{13} - Cr_{r,t}^{15}, \quad (5)$$

где: $T_{r,t}^{13}$ – сумма НДФЛ, исчисленная в регионе r в году t с дивидендов в пределах 5 млн руб. в пользу резидентов (т. е. облагаемых по ставке 13%);

$T_{r,t}^{15}$ – сумма НДФЛ, исчисленная в регионе r с дивидендов в пользу резидентов сверх 5 млн руб., а также нерезидентам (т. е. облагаемых по ставке 15%);

$Cr_{r,t}^{13}$ и $Cr_{r,t}^{15}$ – суммы налога на прибыль организаций, удержанного с дивидендов от дочерних компаний и подлежащего зачету в части дивидендов, облагаемых по ставкам 13 и 15% соответственно.

Анализ результатов структурированной модели можно провести с помощью описательных статистических методов (абсолютные и относительные темпы роста, средние и медианные региональные изменения, оценка концентрации эффектов по регионам).

Для прогнозирования изменения величины НДФЛ в результате сокращения в 2025 году порогового значения для применения 15% ставки НДФЛ экстраполируем данные о размере НДФЛ за аналогичный период прошлого года:

$$\hat{T}_{r,2025}^{tot} = \frac{T_{r,2024}^{acc,13}}{T_{r,9M2024}^{acc,13}} \times T_{r,9M2025}^{acc,13} + \frac{T_{r,2024}^{acc,15}}{T_{r,9M2024}^{acc,15}} \times T_{r,9M2025}^{acc,15}, \quad (6)$$

где: $\hat{T}_{r,2025}^{tot}$ – прогнозное значение суммы НДФЛ, который поступит в бюджет в регионе r в 2025 году с дивидендов, облагаемых по ставкам 13 и 15%.

Для прогнозирования налоговых поступлений по НДФЛ с дивидендов в 2026–2028 гг. используем данные сценарных прогнозов Минэкономразвития России о планируемой величине прибыли прибыльных организаций⁶:

$$\hat{T}_{SC,r,t}^{tot} = \hat{T}_{r,2025}^{tot} \times \frac{P_{SC,t}}{P_{SC,2025}}, \quad (7)$$

где: $\hat{T}_{SC,r,t}^{tot}$ – прогнозное значение суммы НДФЛ, который поступит с дивидендов в году t при реализации базового или консервативного сценария (SC);

$P_{SC,t}$ и $P_{SC,2025}$ – прогнозное значение прибыли прибыльных организаций в году t при реализации базового или консервативного сценария (SC).

Качественный компонент исследования базируется на проведённой автором систематизации и классификации зарубежных методологических инструментов налогообложения дивидендов. Использован компаративистский анализ зарубежных подходов к налогообложению дивидендов с оценкой фискальных последствий их введения в России на основе данных статистической налоговой отчётности.

Результаты исследования

Результаты моделирования показывают, что за счёт перехода к прогрессивному налогообложению дивидендов за 2022–2024 гг. бюджетная система РФ дополнительно получила примерно 186,1 млрд руб. (НДФЛ с доходов в виде дивидендов возрос на 11,46%, до 1,81 трлн руб. против 1,62 трлн руб. в случае сохранения плоской шкалы НДФЛ). Хотя данный прирост является чисто статическим результатом, он позволяет оценить максимальный размер выгоды от перехода к прогрессивному налогообложению, тогда как фактический прирост может быть меньше, если лица с высоким уровнем доходов скорректировали своё поведение или нашли способы оптимизировать налогообложение.

В региональном разрезе средний прирост НДФЛ с дивидендов от налоговых резидентов составил около 9,1%, а медианное изменение – около 10,1%, т. е. в половине субъектов РФ прирост доходов в результате перехода на прогрессивное налогообложение дивидендов составил более 10%. Однако этот результат существенно варьируется в зависимости от доли лиц с высоким уровнем дохода в общем числе налогоплательщиков.

⁶ Сценарные условия функционирования экономики Российской Федерации, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и прогнозируемые изменения цен (тарифов) на товары, услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющих регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе, на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

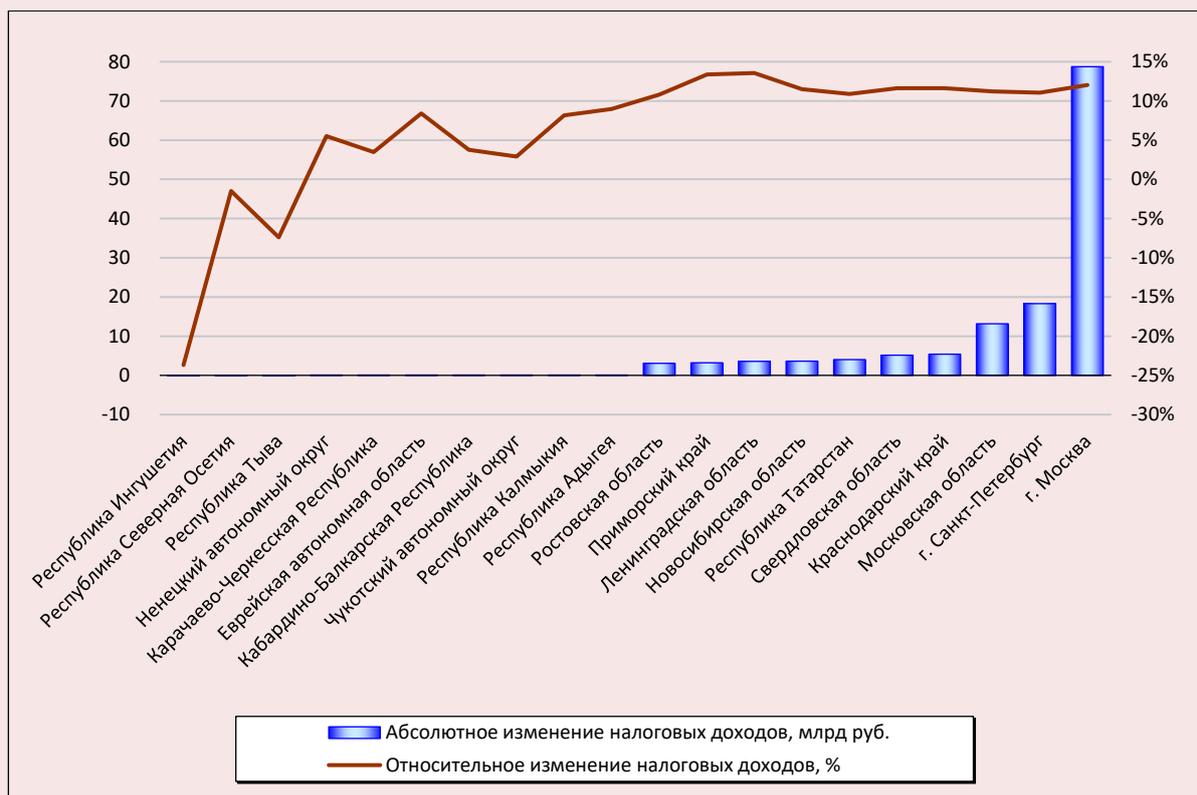
Почти 60% общероссийского прироста НДФЛ с дивидендов пришлось на три субъекта РФ – Москву, в которой налоговые доходы с дивидендов выросли на 78,7 млрд руб. (прирост на 12%, около 42% общероссийского прироста), Санкт-Петербург (18,3 млрд руб., или 11%⁷, около 9,8% общероссийского прироста) и Московскую область (13,16 млрд руб., или 11%).

Среди иных регионов, в которых совокупная налоговая база по НДФЛ с дивидендов выросла в наибольшем объеме, следует отметить Краснодарский край (5,4 млрд руб., или прирост на 11,6%), Свердловскую область (5,15 млрд руб., или 11,6%), Республику Татарстан

(4 млрд руб., или 11%). Самые высокие темпы прироста доходов показала Калининградская область (2,5 млрд руб., или 13,7%), что может объясняться активным развитием особой экономической зоны и перерегистрацией в неё холдинговых компаний.

В трёх субъектах РФ совокупные налоговые доходы с дивидендов, напротив, сократились (рис. 1): в Ингушетии (на 23,7%, или 17,9 млн руб.), Тыве (на 7,4%, или 7 млн руб.) и Северной Осетии – Алании (на 1,5%, или 7,3 млн руб.). Характерной чертой этих субъектов РФ является то, что сравнительно небольшая часть доходов в виде дивидендов попала в верхний разряд прогрессивной шкалы (15%).

Рис. 1. Субъекты РФ с наименьшим и наибольшим изменением налоговых доходов с дивидендов в результате перехода на прогрессивную шкалу НДФЛ

Рассчитано по: данные отчётов по форме № 7-НДФЛ ФНС России.

⁷ Относительный прирост рассчитан как отношение разницы между НДФЛ с дивидендов по прогрессивной и плоской шкалам к оценочной величине НДФЛ с дивидендов по плоской шкале НДФЛ:

$$\Delta\%_{total} = \frac{T_{r,t}^{sub} + T_{r,t}^{fed} - T_{r,t}^{sub,flat}}{T_{r,t}^{sub,flat}}$$

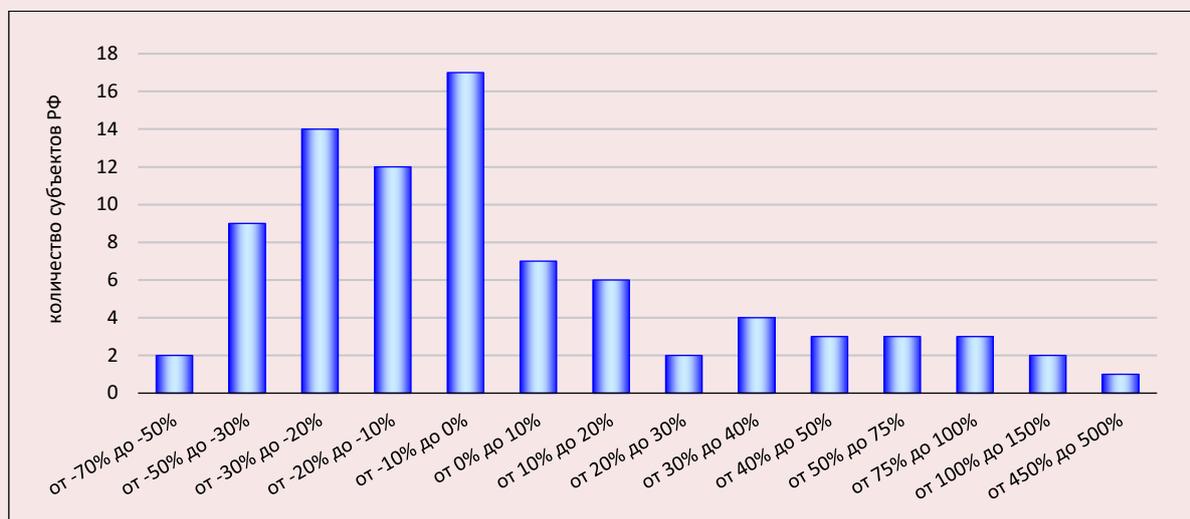
С 2025 года пороговое значение для применения 15% ставки было понижено вдвое (с 5 млн руб. до 2,4 млн руб.), однако существенного прироста налоговых доходов не ожидается. Напротив, они могут снизиться на 79 млрд руб. (с 905 до 826 млрд руб.). При этом в наибольшей степени сократятся налоговые поступления с дивидендов до 2,4 млн руб. (на 30%, с 151 млрд руб. до 106 млрд руб.), тогда как дивиденды сверх 2,4 млн руб. сократятся лишь на 4,5% (с 753,7 млрд руб. до 720 млрд руб.). Снижение в основном связано с объективным сокращением сальдированного финансового результата деятельности компаний на 6,9%⁸ и, как следствие, более низким распределением дивидендов. В то же время рост порогового значения для применения ставки 15% привёл к тому, что доля дивидендов, облагаемых по этой ставке, выросла с 83,3% в 2024 году до 87,2% в 2025 году.

Однако в региональном разрезе результаты донстройки налоговой шкалы неоднозначны. Поступления с дивидендов, облагаемых по ставке 13%, в большинстве субъектов РФ сократятся на 20–40% (65 из 85 проанализирован-

ных субъектов РФ); в 5 субъектах РФ сократятся на 10–17%, а в 16 остальных – на 41–82%. В части дивидендов, облагаемых по ставке 15%, напротив, в 40 субъектах РФ налоговые поступления вырастут (в т. ч. в 6 субъектах РФ более чем вдвое – Чеченская Республика (585%), Республика Дагестан (174%), Еврейская автономная область (173%), Республика Саха (126%), Костромская (125%) и Владимирская (106%) области), а в 45 субъектах РФ сократятся (в т. ч. в 4 субъектах РФ более чем вдвое – Орловская (73%), Вологодская (59%), Калининградская (51%) области, Республика Бурятия (51%)). Как следствие, примерно в трети регионов налоговые поступления возрастут, а в двух третьих – снизятся (рис. 2).

Разнонаправленность результатов донстройки еще раз подтверждает, что поведенческие реакции налогоплательщиков на изменение налогообложения дивидендов во многом зависят от величины компании и количества акционеров, а также роли миноритарных акционеров в управлении (Hillmann, 2023; Lee, 2022; Berzins et al., 2019).

Рис. 2. Распределение субъектов РФ по темпам роста НДФЛ с дивидендов в 2025 году по сравнению с 2024 годом

Рассчитано по: данные отчётов по форме № 1-НМ ФНС России.

⁸ Согласно данным Банка России, «по итогам 2024 года сальдированный финансовый результат компаний снизился на 6,9% г/г, до 30,4 трлн рублей, в большинстве отраслей наблюдается снижение числа прибыльных компаний». Обзор финансовой стабильности: IV квартал 2024 – I квартал 2025 года. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025

Перспективный анализ развития поступлений НДФЛ с дивидендов на 2026–2028 гг. проведён в разрезе базового и консервативного сценария прогнозируемого роста прибыли предприятий. В базовом сценарии в 2026 году налоговые поступления с дивидендов практически не изменятся (около 831 млрд руб., +0,6%; рис. 3). В 2027 году они немного превысят размер НДФЛ, который был до донстройки налоговой шкалы (около 911 млрд руб., +9,6%), а к 2028 году уже достигнут 991 млрд руб. (8,8%).

Консервативный сценарий позволяет спрогнозировать немного более быстрое восстановление налоговых поступлений (около 866 млрд руб., или +4,8% в 2026 году), но более медленные темпы роста в последующие годы: 934 млрд руб. (+7,9%) в 2027 году и 991 млрд руб. (+7,4%) в 2028 году. Тем не менее в конечном итоге оба сценария дают практически одинаковые прогнозные значения.

Проведенные оценки позволили оценить перспективную динамику поступлений НДФЛ с дивидендов при заданных условиях налогообложения и изменяющейся экономической

ситуации. Однако также необходимо проанализировать фискальные последствия принципиальных изменений в подходах к налогообложению дивидендов.

Обсуждение

Оценка предложений по дальнейшему реформированию прогрессивного налогообложения дивидендов в контексте мирового опыта

Россия долгое время использовала относительно нейтральную и простую «классическую» налоговую систему, при которой дивиденды облагались подоходным налогом по тем же ставкам, что и заработная плата. Эта система приводила к двойному экономическому налогообложению дивидендов, но должна была поощрять компании удерживать и реинвестировать прибыль. Впрочем, практика показала, что российские компании, напротив, распределяли в виде дивидендов всё большую долю прибыли: выплаты дивидендов колебались в пределах 40–60% чистой прибыли, а в преддверии широкомасштабной реструктуризации доля дивидендов подсакивала и до 80–90%. Одна из причин этого заключалась в преобладании

Рис. 3. Динамика поступлений НДФЛ при различных сценариях изменения экономической ситуации

* Оценочное значение на основе данных за 9 месяцев 2025 г.

** Прогнозное значение поступлений НДФЛ.

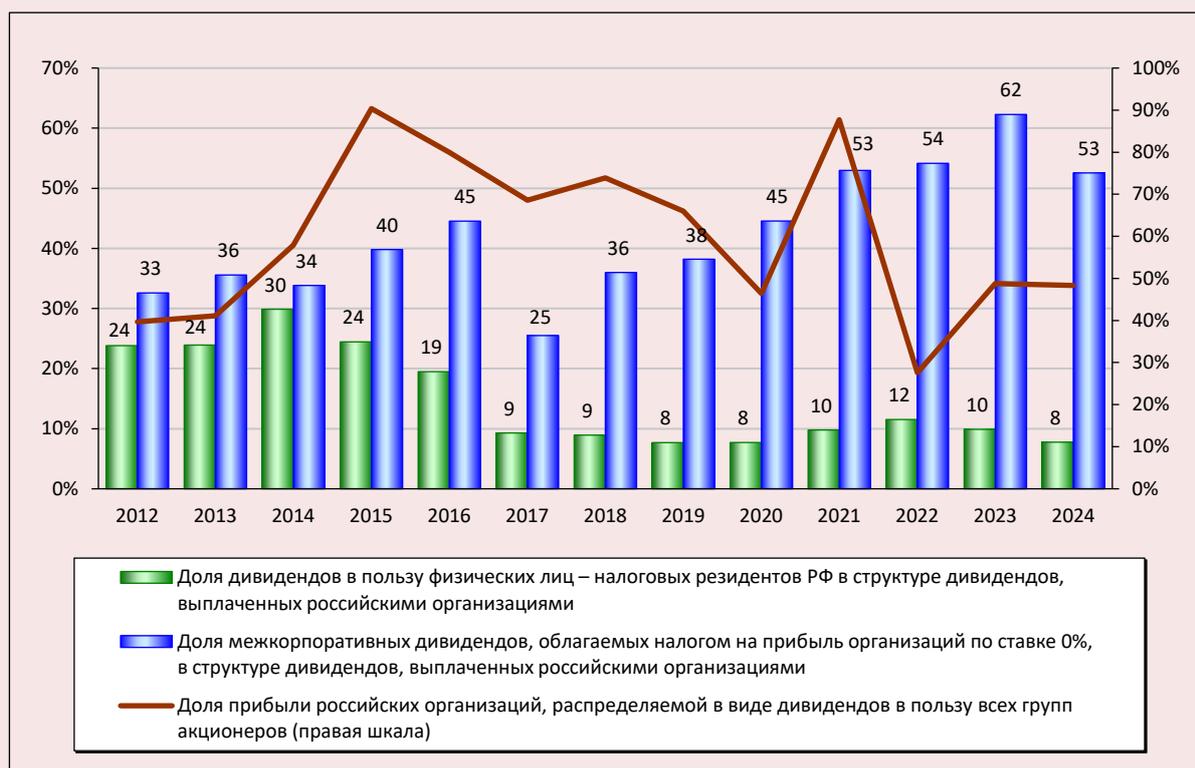
Рассчитано по: данные отчётов по форме № 1-НМ ФНС России.

доли межкорпоративных дивидендов, облагаемых по ставке 0% (53–62%), и, напротив, низкой долей дивидендов в пользу физических лиц-резидентов – около 8–12% (рис. 4).

Несмотря на то, что в мировом масштабе «классическая» система по-прежнему распространена (её придерживается около 14% стран, на долю которых приходится ~37% мирового ВВП)⁹, всё чаще она дополняется мерами тонкой настройки налогообложения доходов с капитала для обеспечения справедливого распределения налогового бремени, общей нейтральности налогообложения при сохранении точечных элементов налогового стимулирования, а также ликвидации путей уклонения от уплаты налогов.

Сложившееся с 2025 года соотношение ставок НДФЛ с доходов в виде дивидендов, прироста капитала по акциям и заработной платы соответствует практике большинства экономически развитых стран. Оно отражает наиболее распространённую форму частичного освобождения дивидендов от двойного экономического налогообложения (Shareholder Relief Systems) – установление для них пониженных ставок по сравнению с обычными ставками подоходного налога (Hourani et al., 2023). При этом по единой пониженной ставке относительно трудового дохода облагаются как дивиденды, так и прирост капитала от продажи акций, чтобы обеспечить нейтральность их налогообложения. Помимо России, этого подхода придерживаются

Рис. 4. Динамика структуры выплаты дивидендов российскими компаниями

Рассчитано по: данные отчётов по форме № 5-П ФНС России.

⁹ Здесь и далее расчет доли мирового ВВП, приходящегося на страны с различными системами налогообложения дивидендов и прироста капитала по акциям, произведён автором по данным Всемирного банка. Для расчёта были взяты данные о ВВП в долларах США по состоянию на 2023 г. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.CD>

около 18,5% стран, представляющих примерно 36% мирового ВВП, включая Германию, Италию, Испанию, Австрию, Данию, Польшу, Францию, Китай. Так, в Германии большая часть доходов от капитала (дивиденды, проценты, прирост капитала) облагается налогом по плоской ставке в 25%, а не по прогрессивной шкале до 45%¹⁰; в Италии доходы от капитала облагаются по ставке 26%, а не по прогрессивной шкале до 43%¹¹.

Уровень максимальной ставки НДФЛ с дивидендов для резидентов (15%) был увязан со ставкой налога с дивидендов в пользу нерезидентов как элемент превентивной борьбы с уклонением от налогообложения с использованием иностранных юрисдикций¹². Это простой, но довольно спорный критерий, встречающийся в основном в развивающихся странах (Барбадос, Венгрия, Гвинея, Зимбабве, Коста-Рика, Литва, Мальта, Никарагуа, Пакистан, Папуа — Новая Гвинея, Республика Конго, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сербия, Черногория, Чехия, Уганда, Ямайка).

Налогообложение дивидендов по более низкой ставке, чем прибыль от реализации акций, встречается примерно в 20% развивающихся стран, на которые приходится менее 6% мирового ВВП (Индонезия, Филиппины, Чехия и ряд других). Это может создать стимул удерживать акции для получения дивидендов, а не продавать их для получения прибыли. В России реализация подобного предложения приведет к сокращению доходов федерального бюджета примерно на 98 млрд руб. в год и доходов региональных и муниципальных бюджетов — на 2,5 млрд руб. в год. При этом наибольшее падение доходов испытают региональные и муниципальные бюджеты г. Москвы (-1 млрд руб.), г. Санкт-Петербурга (-260 млн руб.) и Московской области (-208 млн руб.).

Данный эффект будет заметен только при достаточно большой разнице ставок. Так, в Индонезии дивиденды облагаются по ставке 10%, а прирост капитала — 35%. При этом внутри

страны дивиденды могут быть полностью освобождены от налогообложения при условии реинвестирования полученного дохода или если их величина ниже пороговых значений¹³. В Чехии дивиденды облагаются по ставке 15%, а прирост капитала (по акциям, удерживаемым в течение определенного периода времени или при владении крупным пакетом) — по основной ставке подоходного налога¹⁴. В Ирландии дивиденды облагаются по ставке 25%, а прирост капитала — 40%.

Анализ мировой практики показывает, что около 11% стран, на которые приходится около 1,4% мирового ВВП, облагают дивиденды подоходным налогом по более высоким ставкам, чем прирост капитала. В странах с развитой экономикой такой подход не используется, потому что признаком зрелого финансового рынка, как правило, является наличие большого количества инвесторов, ориентированных на получение дохода, тогда как развивающиеся рынки больше сосредоточены на увеличении самого капитала. Для этого поощряется реинвестирование прибыли за счёт «эффекта блокировки» (lock-in effect): акционерам становится выгоднее, чтобы компании сохраняли прибыль (что повлечет рост котировок акций), а не распределяли дивиденды.

Впрочем, такая блокировка может, наоборот, снизить ликвидность акций и привести к возможной перекапитализации компаний, поэтому указанный подход встречается сравнительно редко и только в странах с растущей экономикой. Так, в Колумбии дивиденды облагаются по прогрессивным ставкам от 0 до 39%, а прирост капитала — по 15%¹⁵. Среди других стран с таким подходом можно отметить Вьетнам, Зимбабве, Лаос, Руанду, Чад, ЮАР. Впрочем, на практике в этих странах незаметен существенный эффект от стимулирования реинвестирования прибыли. Нередко компании просто копят деньги или выкупают собственные акции из-за того, что выплата дивидендов невыгодна с точки зрения налогообложения.

¹⁰ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide. 2024-25. (2025). The EY Organization. Pp. 503–504.

¹¹ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide. 2024-25. (2025). The EY Organization. Pp. 743–744.

¹² Госдума поддержала поправки о пяти ступенях прогрессии НДФЛ. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/06/2024/6673f47b9a794779df3d3057>

¹³ PWC Worldwide Tax Summaries. Indonesia. Individual—Income determination. Available at: <https://taxsummaries.pwc.com/indonesia/individual/income-determination>

¹⁴ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. P. 353.

¹⁵ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. Pp. 286–287.

В России «эффект блокировки» (lock-in effect) также может не сыграть существенную роль из-за преобладающей доли межкорпоративных дивидендов (53–62%) и низкой доли дивидендов в пользу физических лиц (8–12%) в структуре дивидендов, распределяемых российскими организациями¹⁶. Напротив, это может лишь стимулировать уклонение от налогообложения.

Перспективы частичного освобождения дивидендов от налогообложения

Частичное освобождение дивидендов от двойного налогообложения может быть также реализовано путем налогообложения только части дивидендов (с обложением оставшейся части подоходным налогом по обычной ставке). При этом освобождённая от налогообложения величина может быть выражена в абсолютном (минимальная необлагаемая сумма, которая может ежегодно индексироваться) или относительном (определённая доля полученных дивидендов) виде.

Относительное освобождение дивидендов используется в Люксембурге и Португалии (50% дивидендов, полученных резидентами)¹⁷. В Швейцарии на федеральном уровне освобождено от налогообложения 30% дивидендов, если акционер владеет долей в компании не менее 10%¹⁸. В Финляндии от налогообложения освобождены 15% дивидендов от публичных компаний (фактически подоходным налогом облагаются только оставшиеся 85% дивидендов)¹⁹. За счёт уменьшения налоговой базы снижается и эффективная налоговая ставка на дивиденды.

В развитых странах абсолютное освобождение дивидендов нацелено скорее на мелких, розничных инвесторов. Так, в Великобритании необлагаемый налогом размер дивидендов был в 2023 году сокращён с 2000 до 1000 фунтов стерлингов, а затем в 2024 году – до 500 (~63 000 руб.)²⁰. В Бельгии, напротив, необла-

гаемый минимум незначительно индексируется – с 833 евро в 2024 году до 859 в 2025 году (~79 000 руб.)²¹.

Развивающиеся страны зачастую устанавливают высокие необлагаемые минимумы, стремясь практически полностью освободить от налогообложения типичных инвесторов. Так, Казахстан ежегодно индексирует необлагаемый минимум, в 2025 году он составил 117 960 000 тенге (~23 млн руб.)²². Такой чрезвычайно высокий потолок фактически означает, что большинство индивидуальных инвесторов не платят налог на дивиденды, если только они не являются очень крупными акционерами. В Колумбии от налогообложения в 2025 году освобождены 1090 единиц налоговой стоимости (Unidad de Valor Tributario), что эквивалентно более 54 млн колумбийских песо (~1,3 млн руб.)²³. В Малайзии с 2024 года от налогообложения освобождены дивиденды до 100 000 ринггитов (~2,2 млн руб.)²⁴, в Тунисе – 10 000 тайваньских динаров (~310 000 руб.)²⁵.

Огромная разница в величине необлагаемого минимума дивидендов отражает различия в налоговой политике: европейские страны в большей степени нацелены на поддержку мелких инвесторов и среднего класса в целом, тогда как развивающиеся страны стремятся создать благоприятную инвестиционную среду даже для довольно крупных инвесторов, чтобы привлечь капитал или удержать его на своих рынках.

Для России введение необлагаемого минимума дивидендов (возможно, привязанного к среднему дивидендному доходу инвестора) также могло бы стать инструментом поощрения

²¹ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide.2024-25. (2025). The EY Organization P. 133; PWC Worldwide Tax Summaries. Belgium. Individual – Income determination. Available at: <https://taxsummaries.pwc.com/belgium/individual/income-determination>

²² Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. P. 794.

²³ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. P. 289.

²⁴ PWC Worldwide Tax Summaries. Malaysia. Individual – Income determination. Available at: <https://taxsummaries.pwc.com/malaysia/individual/income-determination>

²⁵ PWC Worldwide Tax Summaries. Tunisia. Individual – Income determination. Available at: <https://taxsummaries.pwc.com/tunisia/individual/income-determination>

¹⁶ Данные отчётов по форме № 5-П ФНС России.

¹⁷ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization P. 917, 1305.

¹⁸ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. P. 1506.

¹⁹ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization P. 443.

²⁰ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. P. 1622.

инвестиций населения в акции с одновременным ограничением таких преимуществ для очень крупных инвесторов. Средний размер дивидендов в пользу физических лиц неуклонно растёт и превысил 1,2 млн руб. на одного налогоплательщика (рис. 5).

Однако при установлении необлагаемого минимума, например, в 100 тыс. руб. размер выпадающих доходов региональных и муниципальных бюджетов составил бы до 537 млрд руб.²⁶ При этом необходимо учитывать, что существенное снижение налогов, как правило, выливается в перемещение доходов между заработной платой и дивидендами (Koivisto, 2025). По этой причине необлагаемый минимум не столько будет стимулировать развитие индивидуальных инвестиций на фондовом рынке, сколько повысит эффективность схем уклонения от налогообложения, в частности у индивидуальных предпринимателей, среди которых общероссийский средний размер дивидендов уже превысил 3,6 млн руб. на одного налого-

плательщика, а в разрезе субъектов РФ ещё выше: 57,7 млн руб. на одного индивидуального предпринимателя в Калининградской области; 54 млн руб. – в Магаданской области; 33 млн руб. – в Сахалинской области²⁷.

Учитывая, что средний уровень дивидендного дохода на одного налогоплательщика превосходит средний уровень зарплаты на одного налогоплательщика, регрессивное налогообложение усилит неравенство в доходах между большинством населения, получающим доходы только в форме зарплаты, и состоятельными лицами с высокими пассивными доходами. Регрессивное налогообложение дивидендов будет дестимулировать трудовые заработки и повысит возможности для налогового арбитража, стимулируя распределение дивидендов вместо выплаты зарплат для минимизации налогообложения. Это может иметь долгосрочные негативные последствия: подорвёт политику прогрессивного подоходного налогообложения, сократит налоговые поступления.

Рис. 5. Динамика среднего размера дивидендов в пользу физических лиц, руб.

Рассчитано по: данные отчётов по форме № 5-НДФЛ ФНС России.

²⁶ Расчёты автора по данным отчётов по форме № 5-НДФЛ ФНС России.

²⁷ Расчёты автора по данным отчётов по форме № 5-НДФЛ ФНС России.

Риски полного освобождения дивидендов от налогообложения

Одним из радикальных отклонений от классической модели является система освобождения дивидендов (Dividend Exemption System), в которой дивиденды акционерам полностью освобождены от подоходного налогообложения. В такой системе налог на прибыль корпораций считается окончательным налогом на распределяемый доход, и если прибыль выплачивается в виде дивидендов, то она не облагается налогом ни у одного акционера (будь то физическое или юридическое лицо). С экономической точки зрения это полностью устраняет двойное экономическое налогообложение дивидендов — доход облагается налогом только один раз на корпоративном уровне. В рамках этого подхода дивиденды рассматриваются аналогично возврату инвестированного капитала или необлагаемому переводу уже обложенной налогом прибыли. Предполагаемая цель, как правило, состоит в стимулировании инвестиций в акционерный капитал за счёт повышения посленалоговой доходности акций и нейтрализации преимуществ долгового финансирования по сравнению с долевым финансированием (поскольку доход от капитала облагается налогом не выше, чем проценты по займам).

На практике такую систему используют только около 13% стран (составляющих примерно 3,5% мирового ВВП). Большинство из них небольшие, открытые экономики или финансовые центры, стремящиеся привлечь международные инвестиции с помощью налоговых льгот. Например, в Гонконге, Кипре и Сингапуре она является элементом широкой стратегии низкого налогообложения инвестиционного дохода²⁸.

Бразилия была единственной страной с крупной экономикой, в которой дивиденды не облагались подоходным налогом с середины 1990-х годов, а бразильские компании вместо этого платили повышенный корпоративный налог²⁹. Но в мае 2025 года она анонсировала реформу, по которой дивиденды будут обла-

гаться по ставке 10%. Словакия (2004–2017), Индия (1997–2020) и Узбекистан (2022–2024) также экспериментировали с освобождением дивидендов от налогообложения, но в конечном итоге восстановили налог с дивидендов.

Основным преимуществом этой системы является обеспечение нейтральности налогообложения дивидендов:

- устранение лишнего уровня налогообложения доходов с акционерного капитала обеспечивает нейтральность выбора между долговым и акционерным финансированием;
- компании могут принимать решения о выплате дивидендов или реинвестировании, исходя из потребностей бизнеса, а не налоговых соображений;
- небольшое упрощение механизма налогообложения и налогового администрирования доходов физических лиц.

Однако эти выгоды сопряжены со значительными издержками и рисками, из-за которых данная система не получила широкого распространения.

Во-первых, это высокий размер выпадающих доходов бюджета, особенно в странах со значительными выплатами дивидендов. Этот удар могут выдержать только юрисдикции, уверенные в возможности иной компенсации выпадающих доходов или готовые пожертвовать ими ради повышений налоговой конкурентоспособности страны. Например, в Малайзии дивиденды освобождались от налогообложения с 2008 года, но из-за бюджетного дефицита в 2024 году от него было решено отказаться. Вместо него был введен скромный 2% налог на дивиденды сверх 100 000 ринггитов в год (~2,3 млн руб.)³⁰. Учитывая, что дивиденды менее этого предела остались освобождены от налогообложения, изменение явно направлено на самых богатых жителей.

Во-вторых, это высокий потенциал для злоупотреблений и налогового арбитража. Чтобы воспользоваться освобождением, отдельные группы налогоплательщиков с высоким уров-

²⁸ Worldwide Personal Tax and Immigration Guide 2024-25. (2025). The EY Organization. Pp. 338–340, 611–612, 871–873, 1402–1404.

²⁹ Worldwide Corporate Tax Guide 2024 (2024). The EY Organization. P. 238.

³⁰ См. подробнее: Ida Lim. Malaysia's new dividend tax aimed at T20 could touch some M40, but minimal impact at 2pc rate. Available at: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2024/10/20/expert-malaysias-new-dividend-tax-aimed-at-t20-could-touch-some-m40-but-minimal-impact-at-2pc-rate/154195>

нем доходов могут попытаться переквалифицировать в дивиденды иные виды доходов. Так, в Бразилии возник феномен *pejotização* (термин, производный от «*Pessoa Jurídica*» – «юридическое лицо»), когда отдельные лица (например, юристы, врачи, инженеры) стали создавать подставные компании, чтобы направить то, что по сути является их трудовым доходом, в корпоративную прибыль, которая затем распределялась в качестве освобождённых от налогообложения дивидендов³¹. Работодатели стали прекращать трудовые договоры со своими сотрудниками, а затем привлекали их же как представителей небольших компаний, конвертируя зарплаты (облагаемые подоходным налогом по прогрессивной ставке до 27,5%) в необлагаемые налогом дивиденды.

Такой механизм уклонения от налогообложения стал столь распространён, что не только подорвал базу подоходного налога, но и повлёк горизонтальное неравенство, потому что иные работники, выполняющие аналогичную работу (например, в государственном секторе или компаниях, не использовавших такие схемы), продолжали платить подоходный налог в полном объёме. В результате для наиболее богатых граждан Бразилии эффективная ставка подоходного налога стала крайне регрессивной: в то время как для 99% населения эффективная ставка подоходного налога равномерно увеличивалась вплоть до 12,3%, для 0,05% сверхбогатых людей, имевших возможность воспользоваться освобождением от налогообложения дивидендов, она, наоборот, резко снижалась примерно до 7%³².

Это искажение не только вызвало дебаты о справедливости подобной налоговой политики, но и потребовало реформы трудового законодательства и мер по борьбе с уклонением от уплаты налогов. В итоге в 2025 году была предложена налоговая реформа, предусматривающая помимо введения 10% налога на дивиденды установление минимальной эффективной на-

логовой ставки для лиц с высоким уровнем доходов. В результате лица с большими ранее освобождёнными от налогообложения дивидендами должны заплатить по крайней мере базовый налог³³.

В-третьих, освобождение дивидендов непропорционально выгодно богатым инвесторам и усугубляет неравенство по доходам. Владение капиталом (и получение дивидендов), как правило, сконцентрировано в домохозяйствах с высоким уровнем дохода, а отказ от налога на дивиденды позволяет самым богатым людям платить меньше налогов относительно их общего дохода. Поскольку доход от капитала распределён более неравномерно, чем трудовой доход, его необложение налогом подрывает прогрессивность налоговой системы и может усугубить неравенство (Hourani, Perret, 2025). Это было очевидно в случае Бразилии и является основной причиной, по которой другие страны также сочетают реформирование налогообложения дивидендов с иными, более широкими мерами в отношении доходов состоятельных граждан.

В-четвертых, освобождение дивидендов поощряет распределение прибыли, а не её реинвестирование. Обычно считается, что инвесторам выгодно реинвестирование прибыли для обеспечения развития компании. Однако в случае освобождения дивидендов от налогообложения акционеры, наоборот, оказывают давление на компанию, чтобы она распределяла прибыль и дала им возможность получить доходы без уплаты налогов. Это противоречит идее использования налоговой системы для стимулирования инвестиций и может привести к корпоративной декапитализации. По сути, выплата дивидендов будет использоваться как способ извлечения корпоративного капитала. Подобные опасения стали одной из причин отмены освобождения от налогообложения дивидендов в Малайзии.

Уникальный вариант решения этой проблемы есть в Эстонии, в которой прибыль облагается 20% корпоративным налогом только при её распределении³⁴. Фактически налогообложе-

³¹ См. подробнее: Vitor Torres. *Pejotização: O que é? Confira as regras a partir da nova reforma trabalhista*. Available at: <https://www.contabilizei.com.br/contabilidade-online/pejotizacao/>

³² См. подробнее: Anne Brockmeyer. *Brazil: Options for Tax Reform*. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099911506262322053/pdf/IDU062b34da603ecc043a80b9890c173a6084542.pdf>

³³ См. подробнее: *Brazil's Proposed Income Tax Reform*. Alert May 27, 2025. Available at: <https://www.cov.com/en/news-and-insights/insights/2025/05/brazils-proposed-income-tax-reform>

³⁴ *Worldwide Corporate Tax Guide* (2024). The EY Organization. P. 546.

ние прибыли откладывается до выплаты дивидендов, при этом сами акционеры освобождены от уплаты. Подобная модель построения корпоративного налога с отдельными ставками для распределенной и нераспределенной прибыли (Split Corporate Tax Rate System) позволяет обеспечить нейтральность налогообложения и действительно стимулирует реинвестирование прибыли. Освобождение от налогообложения прибыли компаний до её распределения в чём-то сходно с налогом на денежный поток. Однако эта модель также не лишена прочих недостатков. Эстония вынуждена использовать жесткие правила борьбы с уклонением от налогообложения, чтобы предотвратить маскировку некоммерческих расходов или выплат владельцам как вычитаемых расходов.

Учитывая все эти недостатки, большинство стран со временем отказываются от полного освобождения дивидендов от налогообложения. Поэтому следует с осторожностью рассматривать звучащие в России предложения об освобождении от налогообложения дивидендов в пользу физических лиц. Их реализация выльется в выпадающие доходы в 905 млрд руб. в год, в т. ч. 98 млрд руб. из федерального бюджета РФ³⁵. При этом она не приведёт к «притоку внутреннего и зарубежного капиталов вследствие увеличения интереса к созданию организаций» (Насыров, Штырляева, 2015), а будет стимулировать развитие схем уклонения от налогообложения. Следует согласиться с исследователями, которые отмечают, что «полное освобождение дивидендов без гармонизации с механизмом налогообложения прироста капитала приведет к формированию новых видов искажений, так как компаниям станет выгоднее распределять всю прибыль акционерам, что может привести к снижению объема реинвестированной прибыли» (Милоголов, Берберов, 2022).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов, важных для дальнейшего изучения подоходного налогообложения дивидендов.

Предложенная модель оценки фискальных последствий перехода на прогрессивное налогообложение дивидендов показала, что налого-

вые доходы консолидированного бюджета за три года возросли на 186,1 млрд руб. При этом налоговая база распределена крайне неравномерно: почти 60% прироста приходится на три субъекта РФ – Москву, Санкт-Петербург и Московскую область. Также выгоду получили субъекты РФ, в особые экономические зоны которых активно перерегистрируются холдинговые компании (Калининградская и Свердловская области, Республика Татарстан). Напротив, падение налоговой базы испытали субъекты РФ, в которых небольшая часть доходов в виде дивидендов попала в верхний разряд прогрессивной шкалы (республики Ингушетия, Тыва, Северная Осетия – Алания).

В случае возврата к плоской шкале налогообложения дивидендов акционеры не получат существенного стимула для долгосрочного удержания акций из-за сравнительно небольшой разницы ставок. При этом доходы федерального бюджета сократятся примерно на 98 млрд руб., а региональных и местных бюджетов – на 2,5 млрд руб.

Если дивиденды рассматривать как «сверхдоходы» и поднять ставку налога с них до 35%, то возникнет «эффект блокировки» (lock-in effect), потому что акционерам станет выгоднее, чтобы компании сохраняли прибыль и росли котировки акций. Однако в макроэкономическом плане этот эффект не сыграет существенной роли из-за того, что в структуре дивидендов российских организаций преобладают межкорпоративные дивиденды, освобождённые от налогообложения (53–62%), тогда как доля дивидендов в пользу физических лиц составляет лишь 8–12%.

В развитых странах для стимулирования инвестиционной активности мелких розничных инвесторов используются необлагаемые минимумы. Однако в России при установлении необлагаемого минимума, например, в 100 тыс. руб. размер выпадающих доходов региональных и муниципальных бюджетов составил бы до 537 млрд руб.

При определении направлений дальнейшего реформирования подоходного налогообложения дивидендов следует помнить о высоком потенциале перемещения доходов между заработной платой и дивидендами. Так, средний размер дивидендов среди индивидуальных предприни-

³⁵ Расчёты автора по данным отчётов по форме № 5-НДФЛ ФНС России.

мателей (3,6 млн руб. на одного налогоплательщика) уже намного превысил общероссийский уровень (1,2 млн руб.). В разрезе субъектов РФ эта разница ещё выше: 57,7 млн руб. на одного индивидуального предпринимателя в Калининградской области; 54 млн руб. — в Магаданской области; 33 млн руб. — в Сахалинской области. С переходом к прогрессивному налогообложению следует больше внимания уделять схемам переквалификации в дивиденды трудовых доходов владельцев бизнеса.

Предложения по освобождению дивидендов от налогообложения не только выльются в выпадающие доходы в 905 млрд руб. в год, в т. ч. 98 млрд руб. из федерального бюджета РФ, но и будут дополнительно стимулировать схемы уклонения от налогообложения. Например, подталкивать лица создавать подставные компании, чтобы направить то, что по сути является их трудовым доходом, в корпоративную прибыль, а затем её распределять в качестве освобождённых от налогообложения дивидендов.

Литература

- Гончаренко Л.И. (2024). Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования // *Финансы: теория и практика*. Т. 28. № 4. С. 108–121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
- Милоголов Н.С., Берберов А.Б. (2022). Проблема двойного экономического налогообложения распределенной прибыли и сценарии реформ в России // *Финансы: теория и практика*. Т. 26. № 5. С. 207–219. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-5-207-219
- Насыров И.Н., Штырляева Е.В. (2015). Необходимость отмены двойного налогообложения дивидендов // *Финансы и кредит*. № 17 (641). С. 46–52.
- Ордынская Е.В., Черковец М.В. (2023). Возможности повышения доходов низкодоходных групп населения с помощью мер налогового регулирования в России // *Проблемы прогнозирования*. № 4 (199). С. 127–142. DOI: 10.47711/0868-6351-199-127-142
- Пансков В.Г. (2020). Необходим новый подход к налоговому регулированию российской экономики // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. № 1. С. 26–46. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10002.
- Попова Е.Е. (2022). Налогообложение на финансовом рынке: проблемы и пути решения в условиях внешних санкций // *Экономика и предпринимательство*. № 2. С. 97–101. DOI: 10.34925/EIP.2022.139.2.016
- Семенова Г.Н. (2025). Влияние прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц на формирование доходов региональных бюджетов // *Экономика и управление: проблемы, решения*. Т. 7. № 2 (155). С. 74–84. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.07.010
- Топчи Ю.А. (2022). Налог на доходы в виде дивидендов и оценка их значения в структуре налогообложения доходов физических лиц // *Экономика и управление: проблемы, решения*. Т. 2. № 5 (125). С. 191–194. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.02.029
- Berzins J., Bøhren Ø., Stacescu B. (2019). Dividends and taxes: The moderating role of agency conflicts. *Journal of Corporate Finance*, 58, 583–604. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2973551>
- Ghilardi M., Zilberman R. (2024). macroeconomic effects of dividend taxation with investment credit limits. *Journal of Political Economy Macroeconomics*, 2(3), 409–448. DOI: 10.1086/730221
- Hillmann L. (2023). Dividend taxation and the ownership structure of private firms. *Journal of Corporate Finance*, 79(C). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3683813>
- Hourani D., Perret S. (2025). Taxing capital gains: Country experiences and challenges. *OECD Taxation Working Papers*, 72. DOI: <https://doi.org/10.1787/9e33bd2b-en>.
- Hourani D., Millar-Powell B., Perret S., Ramm A. (2023). The taxation of labour vs. capital income: A focus on high earners. *OECD Taxation Working Papers*, 65. DOI: <https://doi.org/10.1787/04f8d936-en>.
- Isakov D., Pérignon C., Weisskopf J.-P. (2021). What if dividends were tax-exempt? Evidence from a natural experiment. *The Review of Financial Studies*, 34(12), 5756–5795. DOI: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhab010>
- Jacob M. (2021). Dividend taxes, employment, and firm productivity. TRR 266 accounting for transparency. *Journal of Corporate Finance*, 69(C). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2021.102040>
- Kasahara A., Orihara M. (2022). Family firms' dividend policies: Evidence from a Japanese tax reform. *Finance Research Letters*, 45(C). DOI: 10.1016/j.frl.2021.102199
- Koivisto A. (2025). Tax planning and investment responses to dividend taxation. *International Tax and Public Finance*, 32(2), 347–386. DOI: 10.1007/s10797-024-09837-w

- Kong D., Ji M. (2024). Individual investors' dividend tax reform and investment efficiency. *International Review of Economics & Finance*, 89(PA), 1102–1119. DOI: 10.1016/j.iref.2023.08.018
- Kong D., Ji M. (2021). Individual investors' dividend tax reform and corporate social responsibility. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 78(C). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3912590>
- Lee S.-Y., Hong W.-H. (2020). Does tax really matter for corporate payout policy: Evidence from a policy experiment in South Korea. *Pacific-Basin Finance Journal*, 62(C). DOI: 10.1016/j.pacfin.2020.101353
- Lee Y.K. (2022). The effect of ownership structure on corporate payout policy and performance: Evidence from Korea's exogenous dividends tax shock. *Pacific-Basin Finance Journal*, 73(C). DOI: 10.1016/j.pacfin.2022.101763
- Matray A., Boissel C. (2020). Higher dividend taxes, no problem! Evidence from taxing entrepreneurs in France. *Working Papers 276, Princeton University, Department of Economics, Center for Economic Policy Studies*. Available at: https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2021/06/276_Matray.pdf

Сведения об авторе

Олег Игоревич Борисов – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2; e-mail: oborisov@fa.ru)

Borisov O.I.

Progressive Taxation of Dividends: The Dynamics of Fiscal Effects and Risks in 2022–2028

Abstract. The transition to a progressive scale of personal income taxation in Russia has affected not only labor but also investment income. The newly created preferential tax regime for dividends has sparked considerable debate and divergent views on achieving a balance between tax equity for ultra-high incomes and maintaining an attractive investment climate. The aim of our study is to assess the fiscal effects of the recent dividend tax reform and to identify the long-term effects and risks associated with various scenarios for its further adjustment, drawing on international experience. An econometric model for evaluating the fiscal consequences of the shift to progressive dividend taxation is constructed based on an analysis of data on declared dividend income and tax revenues across the constituent entities of the Russian Federation. The scientific novelty of the research lies in synthesizing the results of our study of international mechanisms for preferential dividend taxation to identify sources of potential risks and systemic vulnerabilities that should be considered when developing proposals to improve dividend tax policy. The paper systematically categorizes and critically analyzes international practices and empirical research on possible approaches to dividend taxation, while also assessing the fiscal implications of their potential implementation for the Russian budget. We identify directions for optimizing the personal income taxation of dividends, taking into account the need to adhere to the principles of tax neutrality and equity. The research pays particular attention to the risks associated with the development of tax avoidance schemes. This provides the basis for further building analytical models to identify constituent entities of the Russian Federation with the possible use of “dividend-based” tax avoidance strategies by individual entrepreneurs.

Key words: dividends, tax neutrality, profit distribution, fiscal federalism, tax policy, income taxation, tax preferences, progressive taxation.

Information about the Author

Oleg I. Borisov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, Russian Federation; e-mail: oborisov@fa.ru)

Статья поступила 29.09.2025.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.12

УДК 369, ББК 60.9

© Бобков В.Н., Захаров И.Н., Шерстобитова Ю.А.

Проблемы введения базового дохода в российскую национальную пенсионную систему

**Вячеслав Николаевич
БОБКОВ**

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: bobkovn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

**Игорь Николаевич
ЗАХАРОВ**

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: Zakharov@inecon.ru

ORCID: 0000-0002-9978-388X; ResearcherID: LDG-2862-2024

**Юлия Александровна
ШЕРСТОБИТОВА**

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: missjuli02@list.ru

ORCID: 0009-0006-2035-1942; ResearcherID: ADG-9509-2022

Для цитирования: Бобков В.Н., Захаров И.Н., Шерстобитова Ю.А. (2026). Проблемы введения базового дохода в российскую национальную пенсионную систему // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 157–176. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.12

For citation: Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A. (2026). Issues of introducing a basic income into the Russian national pension system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 157–176. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.12

Аннотация. Целью исследования является развитие положений концепции базового дохода применительно к его введению в пенсионную систему Российской Федерации. Определены теоретико-методологические основы применимости инструментария базового дохода, обусловленные утратой сбалансированности пенсионной системы в стране вследствие демографических проблем и изменения структуры занятости, а также многочисленных выплат, не обеспеченных страховыми правами. Этим определяется актуальность исследования. Выявлены и проанализированы регулярные и иные надбавки в действующей пенсионной системе, отвечающие признакам базового дохода. Обосновано разделение отечественной пенсионной системы на три части: солидарно-распределительную (базовый пенсионный доход), корпоративно-страховую (страховая пенсия) и дополнительную (надбавки для отдельных категорий получателей). Предложено обособить администрирование в пенсионной системе базового пенсионного дохода, включающего в обязательном пенсионном страховании – фиксированную выплату к страховой пенсии; в государственном пенсионном обеспечении – социальную пенсию для нетрудоспособных граждан и ряд социальных надбавок. В базовый пенсионный доход также дополнительно предложено включить социальную доплату, повышающую суммарную величину материального обеспечения пенсионера до прожиточного минимума пенсионеров в целом по Российской Федерации. Универсальность базового пенсионного дохода позволяет обеспечивать им всех пенсионеров, в том числе ранее работавших в условиях неустойчивых форм занятости и не выполнивших минимальные требования для установления страховой пенсии. Предложены источники финансирования базового пенсионного дохода, возможность перераспределения высвобождающейся доли страхового тарифа в корпоративно-страховой части пенсионной системы. Это позволит в совокупности с выплатой базового пенсионного дохода повысить покупательную способность получателей средней страховой пенсии до ее соответствия национальным целям Российской Федерации в сфере пенсионного обеспечения и международным стандартам в области социальной защиты.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование, государственное пенсионное обеспечение, страховая пенсия, застрахованные лица, пенсионная система, базовый доход, базовый пенсионный доход.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00228 «Базовый пенсионный доход: риски и возможности введения в Российской Федерации», <https://rscf.ru/project/25-18-00228/>.

Введение

Современная модель национальной пенсионной системы (далее – ПС)¹ России представляет собой многоуровневое обеспечение граждан социальными гарантиями при наступлении определенных жизненных событий (наступление нетрудоспособности, инвалидизация, потеря кормильца, выслуга лет и другие) с многовидовыми формами реализации государственных

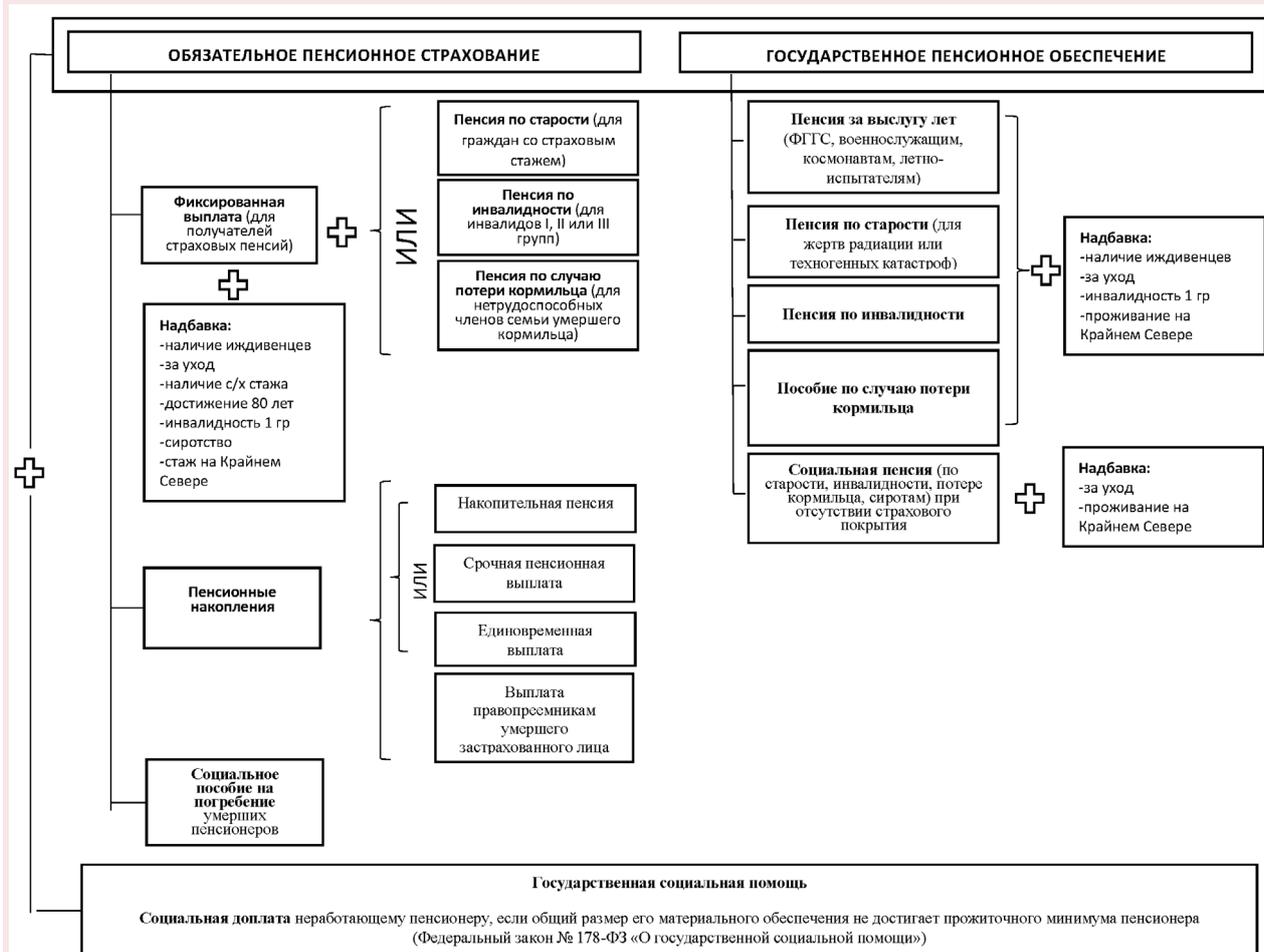
обязательств, защитой от абсолютной монетарной бедности в соответствии с международными нормами (рис. 1).

Эта модель построена на солидарно-распределительном механизме финансирования пенсионных обязательств трудоспособным экономически активным населением страны². ПС ориентирована на выполнение конституци-

¹ Под национальной пенсионной системой страны авторами понимается многоуровневая совокупность государственных институтов, законов и норм, гарантирующих установление и выплату пенсий и иных связанных пособий при наступлении определенных жизненных обстоятельств, учитывающих демографические, экономические, национальные особенности и стратегические социальные цели страны. В данной публикации она рассматривается как совокупность обязательного пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения.

² Принцип PAYG (pay-as-you-go) заключается в перераспределении доходов, полученных от работающих сегодня, непосредственно на выплату пенсионных обязательств сейчас.

Рис. 1. Многоуровневая модель национальной пенсионной системы России

Составлено по: О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525 (дата обращения: 26.05.2025); О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735 (дата обращения: 26.05.2025); О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419 (дата обращения: 26.05.2025); (Захаров, 2024).

онных гарантий социального государства (социальную справедливость, материальную обеспеченность населения, защиту от абсолютной монетарной бедности), обеспечение уровня жизни граждан в соответствии с междуна-

родными стандартами³. Она представляет собой макроэкономическую модель бюджетно-финансового перераспределения денежных ресурсов между возрастными поколениями (Соловьев, 2023).

³ О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157 (дата обращения: 05.06.2025); Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

Источники финансирования в действующей модели ПС дифференцированы на страховые взносы, средства федерального бюджета, добровольные взносы физических лиц и организаций, доход от инвестирования средств пенсионных накоплений граждан и иные источники, не запрещенные законодательством Российской Федерации⁴.

Пенсионные реформы последних десятилетий⁵, имеющие целью преобразование институциональных параметров пенсионной системы России⁶, были направлены на усиление ее финансовой сбалансированности⁷ (Седова, 2018) и повышение уровня жизни всех категорий нетрудоспособного населения⁸ (Соловьев, 2014). Ратификация Российской Федерацией Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения»⁹ закрепила усиление социальной направленности в области обязательного пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения страны.

В действующей пенсионной системе России важную роль выполняет государственная социальная помощь в виде социальной доплаты к пенсии (СД), гарантирующая пенсионерам, не имеющим оплачиваемой работы¹⁰, защиту от абсолютной монетарной бедности. Она предоставляется в рамках как обязательного пенсионного страхования, так и государственного пенсионного обеспечения. Общая сумма материального обеспечения получателя пенсии не может быть меньше величины прожиточного минимума пенсионера (ПМП). Социальная доплата к пенсии устанавливается в таком размере, чтобы указанная общая сумма его материального обеспечения с учетом данной доплаты достигла величины регионального ПМП. Федеральная социальная доплата (ФСД) выплачивается в случае, если общая сумма денежных выплат неработающему пенсионеру не достигает величины ПМП, который ниже величины

⁴ О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений: Федеральный закон от 30.11.2011 № 360-ФЗ (ред. от 25.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122348 (дата обращения: 26.05.2025); О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525 (дата обращения: 26.05.2025); О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735 (дата обращения: 26.05.2025); О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419 (дата обращения: 26.05.2025).

⁵ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443 (дата обращения: 24.05.2025); О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (в редакции № 8 от 26.05.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525 (дата обращения: 26.05.2025).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156 (дата обращения: 05.06.2025); О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий: Федеральный закон от 29.12.2015 № 385-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191264 (дата обращения: 05.06.2025); О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях»: Федеральный закон от 08.07.2024 № 173-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480364 (дата обращения: 05.06.2025); Как предлагается усовершенствовать пенсионную систему. URL: <http://duma.gov.ru/news/27342> (дата обращения: 05.06.2025).

⁷ Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р (ред. от 24.10.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139981 (дата обращения: 07.06.2025); Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190 (дата обращения: 05.06.2025).

⁸ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 (дата обращения: 05.06.2025).

⁹ О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157 (дата обращения: 05.06.2025); Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁰ К учету не берется факт трудовой деятельности в качестве самозанятого.

прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации. Региональная социальная доплата (РСД) выплачивается в случае, если ПМП в субъекте РФ выше, чем аналогичный показатель по Российской Федерации (в 2025 году 15250 руб.)¹¹ С 1 января 2026 года полномочия по администрированию РСД переданы Социальному фонду России (СФР)¹². В 2025 году в 59 субъектах Российской Федерации и г. Байконур установлена ФСД, в 30 регионах – РСД. Численность получателей социальной доплаты ежегодно имела разнонаправленную динамику и варьировалась от 5,2 до 6,2 млн человек¹³. В целом с 2015 по 2024 год численность получателей ФСД выросла до 2,9 млн человек¹⁴, РСД – до 3,2 млн человек¹⁵. Доля граждан с доходами ниже границы абсолютной монетарной бедности среди неработающих пенсионеров увеличилась в 2024 году до 14,9%, что на 2,4 п. п. выше, чем в 2015 году. Средний размер региональной социальной доплаты составил 5180,0 руб.¹⁶, ФСД – 3050,0 руб.¹⁷ Примечательно, что за последние 10 лет средний размер СД увеличился на 40,24%.

При текущей структуре получателей пенсий и плательщиков страховых взносов, характеризующейся значительным превышением

численности работников по найму над самозанятыми и другими категориями, самостоятельно обеспечивающими себя работой, соотношение затрат на выплату страховых пенсий за счет страховых взносов и межбюджетных трансфертов составляет примерно 80:20 (в %)¹⁸. Доля межбюджетного трансферта составила в 2024 году 19,83%. Средства федерального бюджета передавались ПС на выплату пенсий (в том числе по государственному пенсионному обеспечению), иных доплат к пенсиям, пособий и компенсаций, финансируемых за счет средств федерального бюджета (36,53%); на компенсацию выпадающих доходов бюджета Социальному фонду России в связи с установлением пониженных тарифов страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (27,73%); на валоризацию (повышение) величины расчетного пенсионного капитала (20,16%); на обязательное пенсионное страхование (13,21%); на возмещение расходов по выплате страховых пенсий в связи с зачетом в страховой стаж нестраховых периодов (2,29%); на выплату пенсий, назначенных досрочно гражданам, признанным безработными, и пособий на погребение (0,08%).

¹¹ Прожиточный минимум в субъекте РФ на 2025 год // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata/~10279 (дата обращения: 24.08.2025); Социальная доплата до уровня прожиточного минимума пенсионера. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata (дата обращения: 15.06.2025).

¹² О внесении изменений в статью 12.1 Федерального закона «О государственной социальной помощи»: Федеральный закон от 20.03.2025 № 39-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501232 (дата обращения: 25.08.2025).

¹³ Величина прожиточного минимума пенсионера в целях установления социальной доплаты к пенсии в Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2-8.xlsx (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁴ Федеральная социальная доплата к пенсии неработающих пенсионеров до уровня прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/open_data/2025/Forma_Prilojenie9_p-38_FSD.csv (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁵ Сведения о реализации мер социальной поддержки лиц старших возрастов за счет средств консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.4.xls (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁶ Сведения о реализации мер социальной поддержки лиц старших возрастов за счет средств консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.4.xls (дата обращения 15.06.2025).

¹⁷ Расчеты авторов. Средний размер федеральной социальной доплаты к пенсии в России не приводится в явном виде в открытых данных.

¹⁸ Исполнение бюджета СФР по доходам. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/open_data/2025/dohodyi.csv (дата обращения: 13.06.2025).

Расширение предоставляемых государством разнообразных социальных гарантий¹⁹, направленных на повышение уровня жизни отдельных категорий пенсионеров, усиливает несбалансированность обязательного пенсионного страхования. Надбавка к фиксированной выплате (ФВ) в размере 100% ФВ²⁰ в связи с достижением 80-летнего возраста в 2024 году выплачивалась 4,5 млн пенсионеров (20,0% от общей численности пенсионеров): 946,1 тыс. мужчин и 3,59 млн женщин²¹. Аналогичная надбавка выплачивается получателям страховых пенсий, имеющим инвалидность I группы. В 2024 году на учете в СФР состояло 1236,2 тыс. человек²² с инвалидностью I группы. С 2025 года в состав пенсии была также введена компенсационная выплата неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами²³, в виде дополнительного повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии и надбавки на уход к пенсии в рамках государственного пенсионного обеспечения²⁴. В 2024 году уход осуществлялся за 2,6 млн человек²⁵ и размер компенсационной выплаты составлял 1200 руб. С 2025 года надбавка на уход индексируется вместе с пенсией. Доля получателей такой надбавки в общей численности всех пенсионеров составляет 6,3%.

Для лиц, проработавших не менее 30 календарных лет в сельском хозяйстве, установлена повышенная фиксированная выплата к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности в размере 25%. Их численность в 2024 году составила 732,5 тыс. человек²⁶.

Повышение фиксированной выплаты в размере 50 и 30% соответственно осуществляется в связи с выработкой страхового стажа в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В случае проживания в районах с тяжелыми климатическими условиями, требующими дополнительных материальных и физиологических затрат проживающих там граждан, размер пенсии (фиксированной выплаты) увеличивается на соответствующий районный коэффициент в зависимости от местности проживания. В 2024 году численность пенсионеров, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, составила 3,03 млн человек, из которых 2,78 млн человек²⁷ — получатели страховых пенсий.

Значительные угрозы ПС, обуславливающие усиление ее несбалансированности, представляют демографические проблемы и изменение характера и структуры занятости в стране. Они же являются предпосылками ее трансформации и будут охарактеризованы ниже.

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 313-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482577/ad890e68b83c920baeae9bb9fdc9b94feb1af0ad/#dst100049 (дата обращения: 13.06.2025); О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.2021 № 153-ФЗ (ред. от 12.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384908 (дата обращения: 13.06.2025).

²⁰ О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (п. 1 ст. 17). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/c612f399f6d03238d3be5a83fe9fe6ad073e436e (дата обращения: 15.06.2025).

²¹ Более 4,4 млн пенсионеров старше 80 лет получают повышенные выплаты // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/press_center~2024/04/24/263035 (дата обращения: 15.06.2025).

²² Открытые данные СФР. URL: https://sfr.gov.ru/opendata/sfr_opendata (дата обращения: 15.06.2025).

²³ О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами: Указ Президента РФ от 26.12.2006 № 1455 (ред. от 31.12.2014). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64919 (дата обращения: 15.06.2025).

²⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 313-ФЗ (ред. от 26.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482577/ad890e68b83c920baeae9bb9fdc9b94feb1af0ad/#dst100049 (дата обращения: 15.06.2025).

²⁵ Годовой отчет СФР за 2024 год. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2024_web.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

²⁶ Там же.

²⁷ Сведения о численности неработающих пенсионеров, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, получивших компенсацию расходов на оплату стоимости проезда по территории Российской Федерации к месту отдыха и обратно // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/open_data/2025/Svedeniyaochisl-KSO_31.csv (дата обращения: 15.06.2025).

Исследовательская проблема состоит в поиске способа разрешения противоречия между демографическими и структурными угрозами пенсионной системе и уровню жизни пенсионеров, вследствие усиления ее несбалансированности, и возможностями их преодоления с помощью разделения инструментов формирования и управления нестраховой и страховой частями ПС.

Объектом исследования является пенсионная система, включающая обязательное пенсионное страхование и государственное пенсионное обеспечение в Российской Федерации. Предмет исследования – совокупность экономических отношений, которые будут складываться в процессе введения инструментария базового дохода (БД) в ПС.

Цель работы состояла в развитии положений концепции БД применительно к разработке теоретико-методологических основ его введения в ПС Российской Федерации.

В ходе исследования решались следующие задачи: 1) характеристика результатов научных дискуссий и опыта применения БД в социальных системах; 2) оценивание рисков развития ПС в среднесрочной и долгосрочной перспективе без внесения в нее изменений; 3) выявление в действующей ПС регулярных выплат, соответствующих концепции БД, и обоснование разделения ПС на три части: солидарно-распределительную (базовый пенсионный доход – БПД), корпоративно-солидарную (стра-

ховая пенсия) и дополнительную (для отдельных категорий получателей); 4) определение способов введения БПД в ПС.

Гипотеза исследования заключается в том, что предлагаемая модель введения БПД в ПС имеет реальные основания, соответствует национальным целям²⁸ России и международным стандартам в области социальной защиты получателей пенсий.

Новизна исследования связана с разработкой теоретико-методологических основ и конкретных практических подходов к введению БПД в ПС России в среднесрочной перспективе, отвечающих современным угрозам и возможностям в области социальной политики.

Теоретико-методологические основы исследования

На фоне расширения вызовов для национальных социальных институтов²⁹ (Степанова, 2021; Немцова и др., 2025) все чаще поднимается вопрос об их адаптации под динамически меняющиеся социально-экономические условия³⁰ (Горлин, Ляшок, 2022; Воронин, Столяров, 2020) и поиске альтернативных мер социального обеспечения пенсионеров (Сафонов и др., 2023).

Исследователями активно поднимается вопрос о целесообразности совмещения в национальных пенсионных системах их основных теоретических моделей: страховой модели Бисмарка³¹ и нестраховой модели Бевериджа³². В публикациях отмечается целесообразность в

²⁸ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 22.08.2025); О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157 (дата обращения: 05.06.2025); Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

²⁹ Доклад о социальной защите в мире в 2024–2026 годах. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-09/SOCPRO_WSPR_2024_Executive_Summary_RU_Web.pdf (дата обращения: 24.05.2025); Доклад о социальной защите в мире в 2020–2022 годах: Региональный содоклад по странам Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2021. 42 с.; Демографические вызовы России: экспертно-аналитический доклад / под ред. д.э.н. А.Г. Вишневого и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: Центр стратегических разработок. 2017. 70 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/704/704bb820549b28a50039d37b02efccd9.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

³⁰ Факторы обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы в условиях роста макроэкономических рисков. URL: council.gov.ru/media/files/41d453c1281b7ed05257.doc&ved=2ahUKEwi_t5X2luaNAxXkXjA1HVoFMSE4ChAWegQIKBw&usq=AOvVaw0Bki-wB68-voMe5NQGYiXU (дата обращения: 24.05.2025).

³¹ Система разработана в Германии в 1880-х годах Отто фон Бисмарком. Это система обязательного страхования по болезни, старости, инвалидности и несчастным случаям на производстве. Основные ее принципы включают финансирование источников выплаты пенсий за счёт взносов работников и работодателей, создание публично-правовых органов управления пенсионной системой и разделение страховых и общенациональных бюджетов.

³² Система разработана в 1950-х годах британским экономистом Уильямом Бевериджем. Обеспечивает всеобщую социальную защиту и бесплатные медицинские услуги, финансируемые за счёт налогов. Beveridge W.H.B. (1942). Social insurance and allied services. Available at: http://news.bbc.co.uk/1/shared/bsp/hi/pdfs/19_07_05_beveridge.pdf

современных условиях использовать в нестраховых пенсионных системах не всеобъемлющую модель социальной защиты Бевериджа³³, а более эффективную систему базового дохода³⁴ (Beck et al., 2024; Furmańska-Maruszak, 2019; Hoynes, Rotshtein, 2019; Reed et al., 2022).

В международном научном сообществе проводятся многочисленные исследования о возможном введении концепции базового дохода (или его элементов) в национальные системы социального обеспечения. Базовым доходом идентифицируют универсальную денежную выплату (всем гражданам – универсальный БД), регулярно получаемую индивидом без условий (безусловный БД) или при соответствии отдельным условиям выплаты (переходные формы БД). Научные исследования касаются как теоретической составляющей этой проблематики (Бобков и др., 2024; Gentilini et al., 2020; Ortiz et al., 2018; Van Parijs, 1992), так и прикладных ее аспектов (Бобков и др., 2021; Универсальный базовый доход..., 2022).

Исследователи анализируют как положительные, так и проблемные эффекты от реализации концепции БД (Беляева, Ремаренко, 2020; Капелюшников, 2020; Cowan, 2017; Chrisp, De Wispelaere, 2022; De Wispelaere et al., 2025; Widerquist, 2018). Её основными положительными результатами являются сокращение абсолютной монетарной бедности отдельных категорий граждан, повышение уровня жизни получателей и снижение его дифференциации между различными социальными и социально-демографическими группами населения, сокращение расходов на администрирование выплачиваемых пенсий, социальных доплат и иных мер поддержки и др. К числу проблемных вопросов относят рост дополнительных расходов на финансирование выплаты, увеличение налоговой нагрузки на занятых, проявление

иждивенческих настроений у отдельных категорий населения и др.

Предлагаемые исследователями различные подходы к введению БД сосредоточены на вопросах эффективного включения этого нового института в социальную политику стран и достижения с его применением социально-экономических показателей, соответствующих международным стандартам (Castro, West, 2022; Lain, 2022). Предлагаемые формы введения БД варьируют от кардинально радикальных, заменяющих действующие системы выплат и пособий³⁵ (Колесник, 2018; Остапенко, 2016; Groot, 2002), до компромиссных, дополняющих и расширяющих существующие системы социальной помощи³⁶ (Квашнин, 2019).

При всех разногласиях исследователи сходятся во мнении, что реализация концепции БД является необходимой перспективой будущего, а на текущем этапе предлагается встраивание его отдельных элементов (переходных форм) в существующую систему социального обеспечения и поэтапного нивелирования последствий угроз государственной социальной политике (Бобков и др., 2021; Захаров, 2024).

Так, в странах ОЭСР на первом уровне пенсионных систем введены базовые пенсии. В Дании и Нидерландах, где параметры расходов в пенсионных системах схожи с российскими, для резидентов их размеры составляли соответственно 35,9 и 29,1%³⁷ среднего валового заработка. Возможности применения БД в пенсионных системах, включая международный опыт и российские исследования, рассмотрены в научных работах (Бобков и др., 2021; Смирнова, 2024).

Демографические ограничения и структурные изменения в занятости, выступающие предпосылками для трансформации инструментов управления формированием и распре-

³³ Beveridge rebooted: A basic income for every citizen? Report by sir William Beveridge. Available at: <https://www.lse.ac.uk/events/lse-festival/beveridge/events/beveridge-rebooted> (accessed: 24.08.2025).

³⁴ Basic income: Sufficient evidence, now politics. Available at: <https://basicincome.org/news/2023/09/basic-income-sufficient-evidence-now-politics/>

³⁵ Zwolinski M. (2013). The libertarian case for a basic income. Available at: <https://www.libertarianism.org/columns/libertarian-case-basic-income> (accessed: 24.05.2025).

³⁶ Varoufakis Y. (2016) The universal right to capital income. Project Syndicate, 31 October 2016. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/basic-income-funded-by-capital-income-by-yanis-varoufakis-2016-10?barrier=accesspaylog> (accessed: 24.05.2025).

³⁷ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2023. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/pensions-at-a-glance-2023_4757bf20/678055dd-en.pdf (accessed: 25.08.2025).

делением ресурсов российской ПС и введения в нее БПД, проявляются в следующем. Демографические изменения в России являются наиболее обсуждаемыми ограничениями (Фрумина, 2023) и рисками, влияющими на социально-экономическое развитие. Они выражаются в сокращении численности населения и его старении, ведут к снижению доли населения в трудоспособном возрасте (Порфирьев и др., 2022). Прогноз Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук в долгосрочной перспективе свидетельствует о неизбежном сокращении численности населения России. Так, данный показатель, равный 146,2 млн человек в начале 2024 года, может сократиться до 142 млн человек в 2035 году и 136 млн человек в 2050 году, даже при оптимистических предположениях, касающихся уровня рождаемости, уровня смертности и миграционного прироста (Россия 2035..., 2024).

Прогнозы демографических параметров пенсионной системы также моделируют депопуляцию населения России и изменение его структуры к 2050 году³⁸ (Кашепов, 2023). Доля населения старше 60 лет увеличится с 27,6%³⁹ (2024 год) до 34% (47,1 млн чел.) к концу прогнозного периода, а в возрасте старше 65 лет — до 25% (34,8 млн чел.) (Россия 2035..., 2024). Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики во всех его вариантах также показывает рост доли населения старше трудоспособного возраста к 2046 году до 27%⁴⁰ и повышение коэффициента демографической нагрузки пожилыми до величины 468 к 1000⁴¹.

Второй ключевой угрозой ПС и стимулирующим вектором ее адаптации к новым условиям является изменение структуры занятости. Если в 2025 году численность самозанятых граждан составит 13,5 млн человек⁴², то к 2050 году она может вырасти до 29 млн человек. Структура занятости трансформируется, работающие по найму могут составить 38,8%, а самозанятые — 61,1%⁴³ (Человек..., 2024). Острая проблема состоит в том, что в настоящее время только 4,4% из числа самозанятых граждан вступили в добровольные правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, формировали свои пенсионные права и уплатили страховые взносы, остальные являются потенциальными получателями социальной пенсии, выплачиваемой по законодательству о государственном пенсионном обеспечении из средств межбюджетных трансфертов и обеспечивающей уровень жизни значительно ниже прожиточного минимума пенсионера.

С учетом того что 95,6% самозанятых в настоящее время остаются за рамками обязательного пенсионного страхования и могут пополнить число получателей социальной пенсии при достижении нетрудоспособного возраста, можно ожидать значительный рост числа ее получателей и, соответственно, быстрый рост числа пенсионеров с низким уровнем жизни.

В будущем при сохраняющейся демографической динамике, изменениях структуры занятости, либерализации ответственности страхователей и работников за формирование пенсионных прав, а также повышении социальной ориентации государства, доля его трансферта,

³⁸ Материалы 7-го Московского актуарного форума Россия, Москва 24–25 мая 2023 года. URL: <https://2023.maf.org.ru/>; Захаров И.Н. (2022). Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва. 228 с.; Население России в перспективе до 2045 года // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/barom01.php> (дата обращения: 25.08.2025).

³⁹ Рассчитано по данным Росстата. Численность постоянного населения — мужчин/женщин по возрасту на 1 января 2025 г. // Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>, <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 25.06.2025).

⁴⁰ Численность населения по отдельным возрастным группам // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3.xls (дата обращения: 25.08.2025); Демографический прогноз России до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://demogr.hse.ru/mirror/pubs/share/943055611.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴¹ Коэффициент демографической нагрузки. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_4.xls

⁴² Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 10.06.2025).

⁴³ Граждане, зафиксировавшие свой статус и применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД).

безусловно, будет расти, усиливая как нестраховой механизм финансирования, формирования, реализации пенсионных прав (Соловьев, 2025), так и нестраховой характер самой ПС в целом.

Из этого вытекает необходимость и возможность разделения формирования и управления нестраховыми и страховыми выплатами в пенсионной системе. В многоуровневой модели ПС России имеются регулярные, по своей сути нестраховые выплаты, которые могли бы стать составными частями БПД.

Одной из них является *фиксированная выплата к страховой пенсии (ФВ)*, обеспечиваемая долей страховых взносов, уплачиваемой страхователями и самозанятыми. В ранее действующем законодательстве периода 2001–2014 гг.⁴⁴ она так и называлась – базовый размер страховой части трудовой пенсии (БЧСП). Ставилась задача доведения ее до прожиточного минимума пенсионера вне зависимости от размера страховой пенсии. Покупательная способность пенсионера по базовой части пенсии постоянно повышалась. В 2009 году она составляла 62,5% ПМП⁴⁵. Однако в 2010 году пенсионное законодательство было изменено, базовая пенсия была включена в состав страховой пенсии и названа фиксированной выплатой к страховой пенсии (ФВ)⁴⁶, что, по сути, представляло собой упразднение базовой пенсии и решения задачи ее доведения до ПМП. Фиксированная выпла-

та устанавливается гражданам одновременно с назначением страховой пенсии за исключением отдельных категорий получателей⁴⁷, реализовавших право выбора пенсии⁴⁸. В 2025 году базовый размер ФВ составляет 8907,70 рублей⁴⁹ (58,4% ПМП РФ). Для инвалидов III группы и лиц, потерявших кормильца, размер ФВ составляет 50% от ее базового размера. Полагаем, что с учетом вышеизложенных демографических тенденций и изменений в структуре занятости следовало бы вернуться к обособлению в страховой части ПС фиксированной выплаты в форме БПД, финансируемого за счет источников (Некрасов, 2020), отличных от страховых взносов.

Еще одним элементом регулярной выплаты, которая могла бы стать составной частью БПД, является государственная социальная помощь в виде *социальной доплаты к пенсии (СД)*.

В государственном пенсионном обеспечении прообразом БПД следует считать *социальную пенсию для нетрудоспособных граждан*, которые не смогли сформировать необходимый объем пенсионных прав на выплаты в системе пенсионного страхования или не имели такой возможности (например, инвалиды с детства, дети-инвалиды).

В случае формирования БПД из вышеуказанных регулярных выплат из страховой пенсии будет изъята ФВ (ее базовая величина и установленные надбавки к ней для отдель-

⁴⁴ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443 (дата обращения: 24.05.2025).

⁴⁵ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (редакция № 19 от 30.06.2009). Статья 14. Размеры трудовых пенсий по старости // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=87265&dst=100100,3> (дата обращения: 25.05.2024); Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: стат. сб. / Росстат. Москва, 2011. С. 133.

⁴⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования»: Федеральный закон от 24.07.2009 № 213-ФЗ // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/99229> (дата обращения: 24.05.2025).

⁴⁷ О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ. Статья 16. Фиксированная выплата к страховой пенсии. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/457ffb46608e89e853cc77fa60fbaf1a581f61d9 (дата обращения: 25.08.2025).

⁴⁸ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1. Статья 7. Право выбора пенсии. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4436/b009292459242be893ccd817e82027deedb4d96b (дата обращения: 25.08.2025).

⁴⁹ Размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/Fixed_payment_amount (дата обращения: 25.08.2025).

ных категорий получателей). Это означает, что потребуется определить единый источник финансирования данной выплаты, отличающийся от действующих, которые в настоящее время включают также дополнительные страховые и нестраховые источники, не ухудшающие уже выплачиваемый общий размер страховой пенсии в рамках обязательного пенсионного страхования. В 2023 году из федерального бюджета на выплату страховых пенсий было направлено 1452,4 млрд рублей⁵⁰ (в том числе на обязательное пенсионное страхование – 317,9 млрд рублей), в 2022 году – 980,7 млрд рублей⁵¹.

В перспективной ПС предоставляемые льготы по уплате страховых взносов⁵², досрочные и льготные модели пенсионирования профессий и должностей отдельных отраслей экономики, не обеспеченные в полном объеме страховым (корпоративным) финансированием⁵³, принятые государством обязательства по повышению материальной обеспеченности пенсионеров⁵⁴ необходимо пересмотреть. Для отдельных категорий страхователей (например, плательщики фиксированного платежа) тарифы страховых взносов целесообразно повысить, а льготы для ряда других поэтапно сокращать.

На наш взгляд, для обеспечения эквивалентности принятых государством пенсионных обязательств перед гражданами и сформированных пенсионных прав застрахованных лиц, повышения уровня жизни пенсионеров имеются значительные резервы, заключающиеся как в возможном повышении тарифов страховых взносов в отдельных видах трудовой

деятельности, так и в более последовательном соблюдении страховых принципов в системе обязательного пенсионного страхования. В настоящее время в ней установлены многочисленные льготные модели пенсионирования для ряда категорий получателей страховых пенсионных выплат. Все это позволит сбалансировать обязательное пенсионное страхование в перспективной ПС России.

Таким образом, в результате усиления давления внешних по отношению к пенсионной системе факторов, влияющих на пенсионирование граждан и обуславливающих повышение ответственности государства за их материальное благополучие, а также вследствие проблем распределения средств, накопившихся внутри пенсионной системы, *сложилось предпосылки для трансформации действующей солидарно-страховой модели пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения. Целесообразно провести разделение ПС на три части: солидарно-распределительную (публичную), носящую защитный характер и обеспечиваемую введением БПД, корпоративно-солидарную, основанную на выплате страховой пенсии, и дополнительную, включающую надбавки отдельным категориям пенсионеров*⁵⁵.

Все три части перспективной модели пенсионной системы России будут иметь обособленный характер администрирования с взаимосвязанными условиями установления и выплаты различных частей.

Сравнение моделей действующей и перспективной ПС представлено в *таблице*.

⁵⁰ Исполнение бюджета СФР по доходам // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/open_data/2024/Ispolnenie_byudjeta_SFR_po_dohodam_.csv (дата обращения: 13.06.2025).

⁵¹ Исполнение бюджета СФР по доходам. URL: <https://sfr.gov.ru/opendata/7706016118-budgetd/data-20230505T121209-structure-20200227T144101.csv> (дата обращения: 13.06.2025).

⁵² Налоговый кодекс РФ. Статья 427. Пониженные тарифы страховых взносов // Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/c5c16c86f95c5db63601047b1c0a5942bd77c824 (дата обращения: 13.06.2025).

⁵³ Льготное пенсионное обеспечение работников по Списку № 1, Списку № 2, педагогических, медицинских работников и другие.

⁵⁴ Статья 30.1. Валоризация величины расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, исчисленного при оценке его пенсионных прав // О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443/e92c4aa357ea33c6be733ead20eb720aeba4ce1b/ (дата обращения: 13.06.2025).

⁵⁵ Предлагаемая авторами концепция имплементации базового дохода в пенсионную систему России структурно схожа с действующей пенсионной системой Дании, где представлены государственная пенсия и дополнительная трудовая пенсия для работающих граждан. Источник: Фрумина С.В. (2021). Анализ пенсионной системы Дании // Финансы и кредит. Т. 27. № 8. С. 1852–1870. URL: <https://doi.org/10.24891/fc.27.8.1852> (дата обращения: 25.08.2025).

Сравнение моделей действующей и перспективной ПС Российской Федерации

	Модель	Состав	Источник финансирования	Условия назначения	Цель
Действующая модель	Солидарно-страховая (для застрахованных лиц)	ФВ ¹⁾ СП ²⁾	Страховые взносы Трансферты	Нормативный возраст Страховой стаж Объем пенсионных прав (ИПК ³⁾)	Замещение утраченного заработка и защита
	Социальное обеспечение (для застрахованных лиц, не выработавших трудовой и страховой стаж)	Социальная пенсия	Межбюджетные трансферты	Нормативный возраст Отсутствие права на страховую пенсию Постоянное проживание в стране Отсутствие оплачиваемой работы ⁴⁾	Защита от абсолютной монетарной бедности
	Социальная защита	СД ⁵⁾ Надбавки	Межбюджетные трансферты Страховые взносы для отдельных надбавок	Нуждаемость Нормативный возраст Наличие иждивенцев Страховой стаж	Защита от абсолютной монетарной бедности
Перспективная модель	Солидарно-распределительная (публичная)	БПД ⁶⁾	Налоги, (в т. ч. рентные платежи в бюджеты разных уровней), специально созданные фонды и др.	Выплата для всех граждан, достигших нормативного пенсионного возраста, или отнесенным к профессиональным, либо социальным категориям граждан, приобретающим право на установление пенсии досрочно	Защита от абсолютной монетарной бедности и деприаций
	Корпоративно-страховая выплата, на основе обязательного пенсионного страхования	СП НП ⁷⁾	Страховые взносы	Нормативный возраст Страховой стаж Объем пенсионных прав (ИПК)	Повышение материальной обеспеченности с учетом трудового вклада и страхового стажа
	Дополнительные выплаты	ДВ	Межбюджетные трансферты	Надбавки отдельным категориям пенсионеров Долгосрочные сбережения ⁸⁾	Повышение материальной обеспеченности с учетом особых обстоятельств и долгосрочных сбережений
<p>¹⁾ Фиксированная выплата. ²⁾ Страховая пенсия. ³⁾ Индивидуальные пенсионные коэффициенты. ⁴⁾ Для граждан из числа малочисленных народов Севера, достигших возраста 55 и 50 лет (соответственно мужчины и женщины), постоянно проживающих в районах проживания малочисленных народов Севера, и граждан, достигших возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины), иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации не менее 15 лет и достигших указанного возраста. ⁵⁾ Социальная доплата к пенсии. ⁶⁾ Базовый пенсионный доход. ⁷⁾ Накопительная пенсия. ⁸⁾ Программа долгосрочных сбережений (ПДС) // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/pds/ (дата обращения: 14.06.2025). Источник: составлено авторами.</p>					

В результате предлагаемая базовая часть перспективной пенсионной системы Российской Федерации из солидарно-страховой модели трансформируется в солидарно-распределительную модель, основанную на принципе общественной солидарности поколений, где гаран-

тированные государством регулярные пенсионные выплаты обеспечиваются общеналоговыми поступлениями или иными источниками и распределяются среди получателей в соответствии с утвержденными правилами в фиксированном размере.

Солидарно-распределительная модель, основанная на введении БПД, направлена на обеспечение конституционных гарантий для граждан, предотвращение абсолютной монетарной бедности и деприваций получателей пенсий, что обеспечивается универсальностью этой модели, т. е. охватом всех получателей страховых и социальных пенсий. Публичную часть пенсионной системы России предлагается вывести из системы обязательного пенсионного страхования и государственного пенсионного обеспечения в отдельную систему базового пенсионного дохода, заменившую выплаты фиксированной выплаты, социальной пенсии и социальной доплаты к пенсии. Администрирование системы базового пенсионного дохода, по мнению авторов, должно осуществляться Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Данные и методы их использования

В качестве данных использовались ведомственная статистика и аналитические данные Фонда пенсионного и социального страхования России, Пенсионного фонда России, Фонда социального страхования России, статистические данные Росстата, законодательные и нормативные акты в области обязательного пенсионного страхования, государственного пенсионного обеспечения, социальной помощи.

В исследовании использовались следующие методы: анализ и сравнение параметрических индикаторов пенсионной системы России, в том числе с учетом стратегии ее развития⁵⁶; синтез полученных результатов и данных других исследований по изучаемой проблеме; теоретико-методологическое моделирование введения БД в ПС.

Результаты и их обсуждение

Перспективная публичная часть ПС с применением БПД позволяет предотвратить угрозы попадания в число бедных возрастающей части занятых, не обеспечивающих свои пенсионные права, и получателей низких пенсий в размере менее прожиточного минимума пенсионера.

Введение БПД предполагает ежемесячную выплату в денежной форме гражданам, достигшим нормативного пенсионного возраста⁵⁷ или отнесенным к профессиональным⁵⁸ либо социальным категориям⁵⁹ граждан, приобретающим право на установление пенсии досрочно⁶⁰.

Ее размер, исходя из целей введения, устанавливается равным не менее ПМП в целом по Российской Федерации (ПМП РФ). Привязка БПД к величине ПМП РФ устанавливает его размер значительно выше суммы фиксированной выплаты и социальной доплаты к пенсии, а также размеров социальной пенсии. Это позволит исключить помимо ФСД и иные надбавки к фиксированной выплате, принятые в целях увеличения материальной обеспеченности отдельных категорий пенсионеров (надбавка за работы в сельском хозяйстве, надбавка на уход и др.) при новых назначениях пенсий.

Установление величины БПД в размере не менее ПМП РФ обеспечит сохранение привычной для пенсионера выплаты и единообразного применения законодательства при смене места жительства. Принятое решение позволит исключить излишние административные процедуры и усложнённое бюджетное планирование, связанные с установлением социальной доплаты (СД) низкодоходным категориям пенсионеров, более широко использовать возможности цифровизации в ПС. В субъектах РФ, где раз-

⁵⁶ Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р (ред. от 24.10.2018). URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-pravitelstva-rf-ot-25122012-n-2524-r> (дата обращения: 24.05.2025).

⁵⁷ Приложение 6 к Федеральному закону «О страховых пенсиях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/cf910e14d4aaa0a72a80966dfc1ca31d7a7ce4d9/#dst151 (дата обращения: 15.06.2025).

⁵⁸ Статья 30. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/f663a5b24001526e74be67ac795010db56c5b62a (дата обращения: 15.06.2025).

⁵⁹ Статья 32. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии отдельным категориям граждан. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/60bfe0cba439e58680053c0008f8689d42919d18 (дата обращения: 15.06.2025).

⁶⁰ Включая лиц, имеющих страховой стаж не менее 42 и 37 лет // О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Статья 8, п. 1.2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/5dd27159773fa7fc92f129a4a779fecbdd0bafa5/ (дата обращения: 15.06.2025).

мер регионального ПМП утвержден в размере выше ПМП РФ, предлагается сохранять субъектовые полномочия по компенсации разницы в ПМ сверх размеров БПД.

Вводимый БПД будет устанавливаться независимо от факта осуществления оплачиваемой работы гражданам, приобретающим право на страховую пенсию и проживающим на территории Российской Федерации:

- по старости на общих основаниях⁶¹ в возрасте 65 лет мужчинам и 60 лет женщинам,
- по инвалидности — с даты установления органами медико-социальной экспертизы стойкого нарушения здоровья,
- по случаю потери кормильца — с даты смерти кормильца,
- досрочно (профессиональные и социальные категории граждан) — в соответствии с временем выработки специального стажа⁶² и (или) достижения возраста⁶³,
- досрочно за длительный стаж — с даты выработки страхового стажа продолжительностью 42 года для мужчин, 37 лет для женщин.

В случае невыполнения требований для назначения страховой пенсии по старости при достижении возраста 65 лет мужчинами и 60 лет женщинами БПД считаем целесообразным устанавливать гражданам, проживающим в стране не менее 15 лет. В случае выезда гражданина за пределы России на постоянное место жительства выплату БПД целесообразно прекращать.

Дискуссионным остается вопрос об установлении БПД внешним мигрантам (Черных, 2020) и лицам с приобретенным гражданством.

В качестве дополнительного требования для последних предлагается ввести условие проживания на территории России в течение установленного количества лет непрерывно.

Введение в пенсионную систему БПД, безусловно, поднимает достаточно острый вопрос увеличения расходов на обеспечение государством публичных обязательств⁶⁴ (Бобков, Одинцова, 2021; Гонтмахер, 2019). В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что доля пенсионных расходов в ВВП России ниже, чем в целом ряде стран со сходными размерами экономики и похожими пенсионными системами. В 2023 году исполнение бюджета Социального фонда России по расходам на выплату пенсий и иных пособий составило 8,1% ВВП, в том числе доля пенсионных выплат 5,9% ВВП. Страны ОЭСР со схожими уровнями тарифа страховых взносов имеют пенсионные расходы, превышающие российский уровень (Соловьев, 2025). Греция и Италия потратили наибольшую долю ВВП на государственные пенсии (около 16%), Австрия и Франция — 13–13,5%, Германия, Дания, Япония, Испания — 9,6–10,4%⁶⁵.

В целом расходы на государственные пенсии оценочно составляют от одной четверти до одной трети общих государственных расходов в странах ОЭСР. Сравнение подтверждает, что увеличение доли пенсионных расходов в России не будет являться эксклюзивом.

Корпоративно-страховая пенсия будет направлена на повышение уровня жизни пенсионеров до уровня международных стандартов⁶⁶ и утвержденных нормативных показателей⁶⁷ в Российской Федерации. Вследствие вывода

⁶¹ Статья 8. Условия назначения страховой пенсии по старости // О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/5dd27159773fa7fc92f129a4a779fecbdd0bafa5/ (дата обращения: 15.06.2025).

⁶² Статья 30. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/f663a5b24001526e74be67ac795010db56c5b62a (дата обращения: 15.06.2025).

⁶³ Статья 32. Сохранение права на досрочное назначение страховой пенсии отдельным категориям граждан. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/60bfe0cba439e58680053c0008f8689d42919d18 (дата обращения: 15.06.2025).

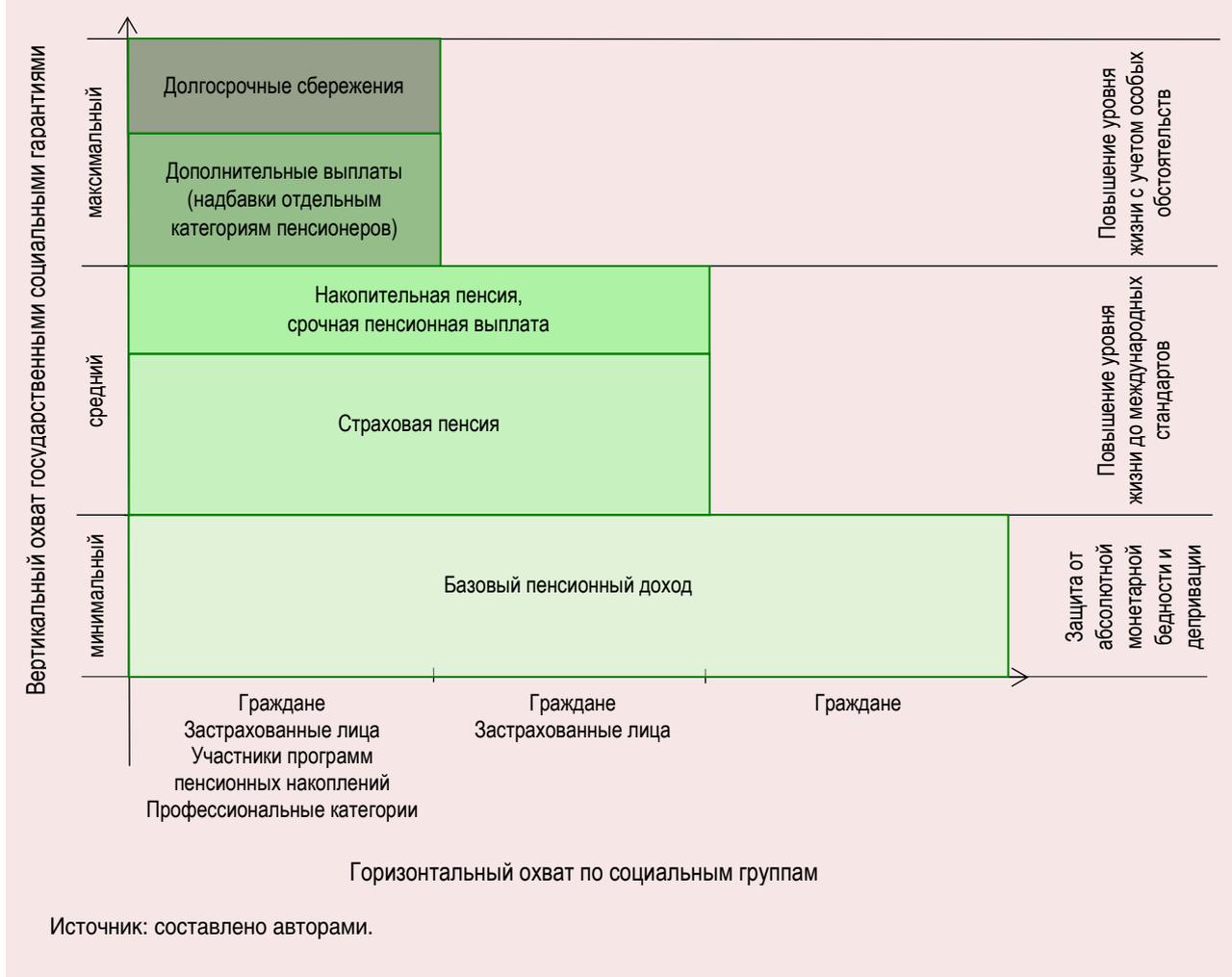
⁶⁴ Universal Basic Income proposals in light of ILO standards: Key issues and global costing ESS. Geneva, 2018.

⁶⁵ Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2023.

⁶⁶ Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения. // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

⁶⁷ О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157 (дата обращения: 25.08.2025).

Рис. 2. Предлагаемая многоуровневая модель ПС России с институтом БПД

фиксированной выплаты из пенсионного страхования в систему базового дохода высвобождающаяся доля страхового тарифа⁶⁸, ранее направляемая на финансирование фиксированной выплаты к страховой пенсии, может быть учтена на индивидуальном лицевом счете, а собранные страховые взносы перераспределены на дополнительную индексацию страховых пенсий. В результате этого будет обеспечен полный учет пенсионных прав застрахованных лиц, что повысит размер пенсий в будущем. Корпоративно-страховая пен-

сия представляет собой дальнейшее развитие действующего обязательного пенсионного страхования, где персонализированный учет пенсионных прав застрахованных лиц обеспечивается обязательными страховыми отчислениями страхователей и добровольным софинансированием страхового тарифа самим работником.

Структура выплат пенсионерам в результате имплементации инструментария базового дохода в пенсионную систему Российской Федерации будет следующей (рис. 2).

⁶⁸ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ. Статья 22. Страховые взносы. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ddca2804e927f2f60299614a85f2b23a8c7d8c0c (дата обращения: 25.08.2025).

Таким образом, будет обеспечен как горизонтальный, так и вертикальный охват государственными социальными гарантиями всех социально-демографических групп населения. Минимальную защиту от абсолютной монетарной бедности обеспечит выплата БПД, который будет защищен от возможных взысканий в соответствии с законом «Об исполнительном производстве»⁶⁹ и будет сохранять минимальное имущество⁷⁰. Установление страховой пенсии как второго уровня социальной защиты позволит гражданам повысить доход и приблизить его размер к уровню международных стандартов⁷¹ и целевых ориентиров Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Более высокому уровню жизни пенсионеров будет способствовать установление не входящих в БПД надбавок, связанных с компенсацией проживания в районах Крайнего Севера, местностях, приравненных к ним, и дополнительным социальным обеспечением профессиональных категорий работников⁷².

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует сделать вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы: предлагаемая модель введения БПД в ПС имеет реальные основания, соответствует целевым ориентирам России и международным стандартам в области социальной защиты получателей пенсий. Научная дискуссия, касающаяся перспектив развития пенси-

онной системы, а также выявленные тенденции изменения демографической и трудовой сфер в России подчеркивают важность и актуальность проработки исследуемой проблематики уже сейчас и на перспективу. В исследовании уточнены требования, предъявляемые к механизму введения БПД в размере не менее ПМП в целом по Российской Федерации.

Предлагаемая структура модели ПС России является трёхуровневой, состоящей из солидарно-распределительной (базовый пенсионный доход), корпоративно-страховой (страховая пенсия) и дополнительной частей. В результате будет обеспечиваться охват пенсионными выплатами как по различным категориям их получателей, так и по уровню социальной защиты, начиная от базовой защиты от абсолютной монетарной бедности и деприваций, заканчивая повышением уровня жизни пенсионеров с учетом особых обстоятельств предшествующей занятости, состояния здоровья, состава домохозяйства и др.

Результаты проведенного исследования в случае их практического применения, на наш взгляд, позволяют приблизиться к достижению ключевых национальных целей развития ПС России в долгосрочной перспективе:

- обеспечение коэффициента замещения⁷³ страховой пенсией по старости до 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;

⁶⁹ Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450 (дата обращения: 15.06.2025).

⁷⁰ Статья 446. Имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам // Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cfeff6d926f3a3e8ac36aa2 (дата обращения: 15.06.2025).

⁷¹ О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cfeff6d926f3a3e8ac36aa2 (дата обращения: 15.06.2025).

⁷² О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации: Федеральный закон от 27.11.2001 № 155-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34195 (дата обращения: 15.06.2025); О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности: Федеральный закон от 10.05.2010 № 84-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100191 (дата обращения: 15.06.2025); О мероприятиях по совершенствованию системы мер социальной поддержки специалистов, осуществляющих деятельность в области ядерного оружейного комплекса Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 01.09.2005 № 549 (ред. от 24.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55460 (дата обращения: 15.06.2025).

⁷³ Интегральный показатель замещения размером назначенной страховой (трудовой) пенсии размера утраченного заработка (дохода).

– обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5–3 прожиточных минимума пенсионера, а в более широкой постановке – достижение социально-приемлемого уровня (в 2024 году примерно, 3,7 ПМП)⁷⁴;

– поддержание приемлемого уровня страховой нагрузки для субъектов экономической деятельности с единым тарифом страховых взносов для всех категорий работодателей;

– обеспечение сбалансированности формируемых пенсионных прав с источниками их финансового обеспечения.

В дальнейшем необходимо провести моделирование необходимых ресурсов и размеров пенсионных выплат в перспективной ПС Российской Федерации и их распределения между нестраховой и страховой частями ПС и среди получателей.

Литература

- Беляева О.И., Ремаренко А.А. (2020). Теоретические подходы к концепции безусловного основного дохода: эволюция и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. Т. 15. № 1 (108). С. 30–39. DOI: 10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-30-39
- Бобков В.Н., Золотов А.В., Одинцова Е.В. (2021). Переходные формы безусловного базового дохода как реальная перспектива России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 33–47. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.2
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2021). Российские эксперты о безусловном базовом доходе: оценки 2020 г. // Уровень жизни населения регионов России. Т. 17. № 1. С. 67–86. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.6
- Бобков В.Н., Пилос А.Г., Смирнова Е.А. (2024). Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. № 4. С. 87–113. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_4_87
- Воронин Ю.В., Столяров А.В. (2020). Трансформация накопительного элемента пенсионной системы Российской Федерации: в поисках концептуализации современной модели // Журнал российского права. № 2. С. 94–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.020
- Гонтмахер Е.Ш. (2019). Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // Экономическая политика. Т. 14. № 2. С. 156–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-156-177
- Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. (2022). Факторы роста пенсий в долгосрочной перспективе // Вопросы экономики. № 12. С. 98–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-98-117
- Захаров И.Н. (2024). Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 4. С. 482–498. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498
- Капелюшников Р.И. (2020). Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. № 8. С. 95–127. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-8-95-127
- Кашепов А.В. (2023). Прогнозы численности населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 2. С. 10–27. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.1
- Квашнин Ю.Д. (2019). Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // Современная Европа. № 3. С. 171–181. DOI: 10.15211/soveurope32019171181
- Колесник А.П. (2018). Социальные системы в цифровой экономике // Стратегии бизнеса. № 1 (45). С. 3–11.
- Некрасов Ф.О. (2020). Безусловный базовый доход: от утопии к реальности // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 18. С. 108–118. DOI: 10.47711/2076-318-2020-108-118
- Немцова Н.В., Стаурский Е.С., Стаурский С.С. (2025). Трансформация принципов государственных закупок в современных условиях: от ценовой конкуренции к технологическому суверенитету // Управленческий учет. № 1. С. 307–317.
- Остапенко В.А. (2016). Безусловный базовый доход и налог на тунеядство как нетрадиционные инструменты государственной политики доходов // Вестник университета. № 8. С. 86–91.

⁷⁴ Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. [и др.] (2025). Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год. Вып. 3 (204) / отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Москва: ИЭ РАН. С. 47.

- Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Ревич Б.А. [и др.] (2022). Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. 168 с. DOI: 10.47711/sr1-2022
- Россия 2035: к новому качеству национальной экономики (2024): научный доклад ИНП РАН. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 264 с. DOI: 10.47711/sr1-2024
- Сафонов А.Л., Некипелова Д.В. (2023). Оценка эффективности реализации мер по повышению материального содержания российских пенсионеров и разработка альтернативных мер их социального обеспечения // *Социальное и пенсионное право*. № 2. С. 28–36.
- Седова М.Л. (2018). Сбалансированность бюджета Пенсионного фонда России и проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. № 5 (113). С. 64–70.
- Смирнова Е.А. (2024). Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 20. № 3. С. 385–396. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396
- Соловьев А.К. (2023). Глобальные риски развития государственной пенсионной системы: анализ национальных особенностей формирования пенсионных прав работников // *Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник научных статей*. Смоленск. С. 476–484.
- Соловьев А.К. (2014). Коэффициент замещения трудовой пенсии: конфликт макроэкономических и социальных целей // *Экономическая наука современной России*. № 3 (66). С. 56–67.
- Соловьев А.К. (2025). Тарифная политика в сфере социального страхования и формирование пенсионных прав граждан // *Экономическая наука современной России*. № 28 (1). С. 60–71. DOI: 10.33293/1609-1442-2025-28(1)-60-71
- Степанова М.Н. (2021). Глобальные вызовы системе социального обеспечения как детерминанта ее развития // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. Т. 10. № 2 (35). С. 321–324. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0067
- Универсальный базовый доход: шанс для России? (2022): монография / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой; РЭУ имени Г.В. Плеханова. Ижевск: Шелест. 360 с.
- Фрумина С.В. (2023). Демографические факторы и их влияние на развитие пенсионной системы России // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. № 20 (2). С. 101–108. DOI: 10.21686/2413-2829-2023-2-101-10
- Человек. Труд. Экономика (2024): коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Вашаломидзе. Москва: Директ-Медиа. 296 с.
- Черных Е.А. (2020). Современное состояние исследований содержания, форм, инструментов и механизмов введения безусловного базового дохода // *Уровень жизни населения регионов России*. № 2. С. 61–75. DOI: 10.19181/lspr/2020.16.2.6
- Beck D., Peters R., Bridge G. et al. (2024). Modern welfare in the United Kingdom is a universal (dis)credit to Beveridge. Is it time for a basic income? In: *Social Policy & Administration*.
- Castro A., West S. (2022). The case for basic income experiments. *Journal of Policy Analysis and Management*, 41(2), 639–644.
- Chrip J., De Wispelaere J. (2022). Parading Utopia on the road to nowhere? An introduction to the special issue on the policy impact of the European basic income experiments. *European Journal of Social Security*, 24(3), 167–176.
- Cowan S. (2017). *UBI: Universal Basic Income Is an Unbelievably Bad Idea*. The Centre for Independent Studies. Available at: <https://www.cis.org.au/app/uploads/2017/11/rr32.pdf>
- De Wispelaere J., Doussard M., Chrip J. (2025). Basic income trials and the politics of scale: A research agenda. *Policy Studies Journal*, 00(0), 1–12. DOI: 10.1111/psj.70006
- Furmańska-Maruszak A. (2019). Bezwarunkowy dochód podstawowy a koncepcja zabezpieczenia społecznego Williama Beveridge’a w świetle debaty “Beveridge Rebooted: A basic income for every citizen?”. *Polityka Społeczna*, 46, 18–22.
- Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R. (Eds.). (2020). *Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices*. Washington: The World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7

- Groot L. (2002). Compensatory justice and basic income. *Journal of Social Philosophy*, 33(1), 144–161.
- Hoynes H., Rothstein J. (2019). Universal basic income in the United States and advanced countries. *Annual Review of Economics*, 11, 929–958. DOI: 10.1146/annurev-economics-080218-030237
- Lain B. (2022). Between epistemic necessity and political utility: The role of basic income experiments. *Journal of Policy Analysis and Management*, 41(2), 633–639.
- Ortiz I., Behrendt Ch., Acuña-Ulate A., Nguyen Q.A. (2018). *Universal Basic Income Proposals in Light of ILO Standards: Key Issues and Global Costing*. Geneva: ILO.
- Reed H., Lansley S., Johnson M., Johnson E. (2022). *Tackling Poverty: The Power of a Universal Basic Income*.
- Van Parijs P. (1992). *Competing Justifications of Basic Income. Arguing for Basic Income: Ethical Foundations for a Radical Reform*. London: Verso.
- Widerquist K. (2018). *A Critical Analysis of Basic Income Experiments for Researchers, Policymakers, and Citizens*. Cham: Palgrave Pivot.

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Игорь Николаевич Захаров – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: Zakharov@inecon.ru)

Юлия Александровна Шерстобитова – стажер-исследователь, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: missjuli02@list.ru)

Bobkov V.N., Zakharov I.N., Sherstobitova Yu.A.

Issues of Introducing a Basic Income into the Russian National Pension System

Abstract. This study aims to develop the provisions of the basic income concept for its application within the pension system of the Russian Federation. The research is grounded in a theoretical and methodological framework for applying basic income instruments, necessitated by the system's loss of financial equilibrium. This imbalance stems from demographic challenges, shifts in employment patterns, and the proliferation of benefits not underpinned by insurance-based entitlements, which collectively underpin the relevance of this inquiry. The study identifies and analyses regular and other allowances within the current pension system that exhibit characteristics of basic income. It advances a rationale for segmenting the domestic pension system into three distinct tiers: a solidarity-based (distributive) tier (basic pension income), an occupational insurance tier (insurance pension), and a supplementary tier (allowances for specific categories of beneficiaries). A key proposal is the separate administration of the basic pension income within the pension system. This consolidated component would encompass: within compulsory pension insurance – the fixed payment to the insurance pension; and within state pension provision – the social pension for disabled citizens alongside a range of social allowances. Furthermore, it is proposed to integrate into this basic pension income the social supplement that raises a pensioner's total material security to the level of the pensioner's subsistence minimum established for the Russian Federation as a whole. The universal nature of the basic pension income would ensure its provision to all pensioners, including those previously engaged in precarious forms of employment who have not fulfilled the minimum criteria for qualifying for an insurance pension. The study also puts forward potential funding sources for the basic pension income and explores the feasibility of reallocating the freed-up portion of the insurance tariff within the occupational insurance tier of the pension system. Cumulatively, the payment of the basic

pension income, alongside these structural changes, would enhance the purchasing power of recipients of an average insurance pension. This would bring it into alignment with both the national strategic objectives of the Russian Federation in pension provision and internationally recognized social security standards.

Key words: compulsory pension insurance, state pension provision, insurance pension, insured persons, pension system, basic income, basic retirement income.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovn@mail.ru)

Igor N. Zakharov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Prospekt, 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: Zakharov@inecon.ru)

Yulia A. Sherstobitova – Intern Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: missjuli02@list.ru)

Статья поступила 21.07.2025.

Социальное положение детей в регионе: от международных стандартов оценки к апробации системы индикаторов

Юлия Евгеньевна ШМАТОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ueshmatova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1881-0963; ResearcherID: R-1021-2018

Лейла Натиговна НАЦУН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Ирина Николаевна РАЗВАРИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: irina.razvarina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9377-1829; ResearcherID: I-8228-2016

Александра Николаевна ГОРДИЕВСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: alessu85@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7777-3456; ResearcherID: I-9439-2016

Для цитирования: Шматова Ю.Е., Нацун Л.Н., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2026). Социальное положение детей в регионе: от международных стандартов оценки к апробации системы индикаторов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 19. № 1. С. 177–198. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.13

For citation: Shmatova Yu.E., Natsun L.N., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2026). Social situation of children in the region: From international assessment standards to the testing of a system of indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 177–198. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.13

Аннотация. В стратегических документах развития России в качестве одной из ключевых целей закреплён рост благополучия населения. Особенно актуальна данная задача в отношении стремительно сокращающегося детского населения – экономического, трудового, интеллектуального, нравственного и репродуктивного резерва общества, значимого фактора национальной безопасности. Меры по улучшению здоровья и благополучия в детстве имеют немедленные, долгосрочные и межпоколенческие преимущества, которые усиливаются синергетически. В статье представлен анализ зарубежного и российского опыта исследований в сфере детского благополучия. Приводятся примеры инструментов для его оценки, разработанных в рамках прикладных социальных международных и национальных проектов. Отдельно изучены исследования субъективного благополучия детей с учётом ценности их мнения. На основе анализа предложена авторская методика оценки индекса детского благополучия на уровне микросистемы в регионе. Научная новизна новой методики заключается в возможностях оценки уровня благополучия детей в пяти возрастных группах и соотнесения его с индексом развития человеческого потенциала ребенка в соответствующий период жизни. Практические результаты исследования могут найти применение при разработке государственной политики в сфере повышения благополучия детского населения.

Ключевые слова: благополучие детей, субъективное детское благополучие, индекс детского благополучия, удовлетворенность жизнью.

Введение

Детство – это время быстрых перемен, когда закладываются траектории здоровья и благополучия на всю жизнь (Daelman, 2017). Ранние инвестиции в здоровье, образование и развитие детей приносят пользу, которая накапливается на протяжении всей жизни ребенка, для его будущих детей и общества в целом (Clark et al., 2020). В связи с этим дети находятся в центре внимания ученых и практиков, особенно с момента включения Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка (КПР) 1989 года¹ в Повестку дня на период до 2030 года в качестве основополагающей цели устойчивого развития². Высокий уровень детского благополучия является главным индикатором отношения государства к своим гражданам и должен выступать приоритетом развития любой страны (Adamson et al., 2007; Xu, 2024). Экономическая целесообразность инвестиций в детское здравоохранение и образование неоспорима и характеризуется высоким соотношением выгод и затрат. Но необходим целенаправленный многосекторальный подход (инвестиции не только в здравоохранение и

образование, но и в жилищное строительство, сельское хозяйство, энергетику, транспорт и др.), т. к. угрозы здоровью и благополучию детей исходят из всех сфер жизни общества (Clark et al., 2020).

При этом мониторинг благополучия детей не менее важен, чем контроль изменений показателей экономики (Moore, 2020). Для достижения этой цели используются показатели, отражающие различные аспекты, влияющие на качество жизни детей. Задача предоставления основанных на фактических данных инструментов для фиксации текущего состояния и понимания изменений в благополучии детей становится крайне актуальной (Jiang, 2013). В свою очередь региональный взгляд – залог успеха роста детского благополучия, особенно для больших стран³.

В России утвержденный распоряжением Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года определяет основные цели и задачи государства по обеспечению благополучия детей. Он предусматривает организацию научных исследований по оценке качества жизни детей (п. 128), разработку инструментария оценки и сравни-

¹ Convention on the Rights of the Child. General Assembly Resolution 44/25 of 20 November 1989. UNICEF, 1989.

² Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development. UN General Assembly, 2015. http://www.un.org/ga/search/view_doc

³ Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы / под редакцией И.Е. Калабихиной. Москва: МАКС Пресс, 2023. С. 5.

тельного анализа уровня детского благополучия в России (Меркуль, 2022), а также расширение механизмов участия детей и подростков в принятии решений, затрагивающих их интересы, учета их мнения по вопросам в сфере детства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (п. 127).

Изучение благополучия детей является одним из популярных и востребованных направлений исследований в области социальных наук (Domínguez-Serrano, 2022). Этот интерес возник в контексте глубоких изменений в понимании детей и детства, поддержанных по крайней мере тремя процессами (Bruck, Ben-Arieh, 2020): упоминаемой выше КПР, развитием так называемой Новой социологии детства (Qvortrup, 1999; James, Prout, 1997; Gaitán, 2006) и теории экологии развития ребенка, основанной на биоэкологической модели развития человека (Bronfenbrenner, Morris, 1998). Также сыграл роль в этой эволюции призыв к исследованиям, ориентированным на государственную политику (Ben-Arieh, 2008), основанную на подотчетности (что требует более точных измерений условий и качества жизни детей и результатов различных программ по их улучшению).

Обзоры литературы показывают, что детское благополучие вызывает большой интерес ученых и рассматривается с различных точек зрения и подходов (Pollard, Lee, 2003; Amerijckx, Humblet, 2014; Libório, 2024). А сам термин «детское благополучие» до сих пор не имеет единого определения (Amerijckx, Humblet, 2014; Кислицина, 2018; Jiang, Ngai, 2020). В рамках подхода, используемого международными организациями ЮНИСЕФ и ОЭСР, детское благополучие определяется набором параметров, влияющих на жизнь детей сейчас и в будущем. Таким образом, благополучие детей отождествляется с реализацией их прав и обеспечением оптимальных условий для наиболее полного их развития. При этом обязателен учет субъективного аспекта: «восприятие, оценки и ожидания детей в отношении их собственной жизни»⁴ и «удовлетворенность как жизнью в целом, так

и отдельными ее аспектами» (Rees et al., 2010). Такой подход обусловлен спецификой объекта исследования и подчеркивает его многогранную природу.

Одним из актуальных направлений исследований в сфере детского благополучия является его измерение (Leriu, 2023; Huseynli, Jonson-Reid, 2023). Однако множество конкурирующих подходов к его определению создает дополнительные трудности его оценки (Anderson, 2022). На практике использование многокритериального подхода к определению детского благополучия подразумевает выбор ряда параметров, значимых с точки зрения положения детей в настоящий момент и влияющих на их жизнь в будущем, и подбор индикаторов, характеризующих данные параметры. Например, различные философы пытались разработать списки объективных показателей, необходимых для достижения благополучия (Adler, Fleurbaey, 2016; Nussbaum, 2009), в то время как исследователи в области психологии подчеркивали важность субъективного опыта, который показывает, насколько высоко люди оценивают качество своей жизни (Diener et al., 2018; Арчакова, Гарифулина, 2020; Брук и др., 2022; Зайцева и др., 2023; Семья, 2023). В рамках дискуссий о субъективном благополучии ведутся дальнейшие дебаты между *гедонистической* традицией, которая делает акцент на измерениях эмоций и чувств, таких как счастье и удовлетворенность жизнью, и *эвдемонической* традицией, которая фокусируется на деятельности и способностях, таких как личностный рост и самоактуализация (Ryan, Deci, 2001). Выбор между этими точками зрения – непростая задача, и в последние годы сформировался консенсус в отношении того, что обе точки зрения вносят ценный вклад в понимание благополучия (Diener et al., 2018; Гурко, 2022).

В частности, исследования, направленные на создание комплексных индикаторов, обобщающих различные измерения, и субиндикаторы, связанные с детским благополучием, приобретают всё большую значимость среди исследователей (Fernandes et al., 2012). Для численной оценки используется индекс детского благополучия (ИДБ), который представляет собой цифровое значение в баллах, отражающее качество жизни детей и семей с детьми. При многомерном подходе ключевые индикаторы

⁴ Children's Well-Being from Their Own Point of View. What Affects the Children's Well-Being in the First Year of Compulsory Secondary Education in Spain? Madrid: UNICEF Spain, 2012. Available at: https://www.unicef.es/sites/unicef.es/files/Childrens_subjective_well-being_Unicef_feb13.pdf

торы выбираются из источников государственного управления, национальных опросов или баз данных для разработки различных областей благополучия детей, представления общих тенденций и изменений, сравнения благополучия детей в различных странах (Ling, 2025).

Основная масса научных разработок, затрагивающих вопросы оценки детского благополучия, опираются на национальные и региональные статистические и социологические данные, а значит ориентированы на макроуровень. Тогда как внутренние аспекты, характеризующие сферу семейного воспитания детей, их взаимодействие с образовательной средой и социальным окружением, остаются слабо представленными при составлении комплексных методик оценки детского благополучия. Обращение к исследованию детского благополучия на микроуровне представляется тем более востребованным, поскольку позволяет понять сущность и источники расхождения, наблюдаемого между оценками, получаемыми с применением объективных и субъективных критериев. В то же время именно сфера семейного воспитания сложнее всего поддается оценке с применением стандартных статистических и социологических индикаторов. Отсутствие специально разработанного валидного инструментария социологического исследования, позволяющего проводить оценку детского благополучия на уровне семьи и непосредственного окружения ребенка с учетом возрастной специфики и мнения самих детей на фоне высокой управленческой потребности в нем для решения задач социальной политики на региональном уровне, стало научной проблемой, решение которой послужило отправной точкой для настоящего исследования.

Наша гипотеза заключается в том, что, опираясь на разнообразие разработанных и апробированных ранее международных и национальных комплексных методик оценки благополучия детского населения, учитывая их достоинства и недостатки, возможно осуществить уникальную комбинацию и операционализацию существующих на данный момент научных подходов для решения конкретной методической задачи – получения детализированной, возрастно-чувствительной и субъективно верифицированной картины благополучия в регионе.

Цель работы – предложить инструментарий оценки детского благополучия на микроуровне

с использованием данных репрезентативного социологического исследования. На данном этапе работа носит теоретико-методологический характер и предполагает выполнение следующих задач:

- 1) проанализировать методы и проекты измерения детского благополучия в мире;
- 2) изучить международный опыт и особенности оценки субъективного благополучия детей;
- 3) разработать авторскую методику расчета индекса детского благополучия на региональном уровне с учетом возраста детей и их мнения.

Достижение последней задачи и отдельное изучение возможностей субъективной оценки детского благополучия выступают, на наш взгляд, научной новизной проделанной работы.

Апробация и внедрение авторской методики научного коллектива может способствовать уточнению представлений не только о внешних (социально-экономических), но и о семейных и социальных факторах детского благополучия, действующих на них в разные периоды взросления детей и с различной интенсивностью, выявлению ключевых управляемых характеристик семейной и социальной среды. Проведение регулярного мониторинга детского благополучия в регионе позволит оценивать эффективность проводимых государственных программ в сфере защиты семьи и детства, повышения их качества и уровня жизни, укрепления здоровья.

Методология исследования

На первом этапе посредством анализа научных статей, содержащихся в базах данных Google Scholar и PubMed, были изучены теоретические подходы к оценке благополучия детей, различные крупные проекты по его измерению в мире. На втором этапе более глубоко были проанализированы история формирования и развития инструментов исследования в сфере оценки субъективного показателя благополучия детей. На третьем этапе работы с учетом проведенного анализа представлена авторская методика оценки благополучия детского населения в Вологодской области с учетом мнения детей старше 10 лет. В работе использовались общенаучные методы исследования: анализ литературы, изучение и обобщение сведений, сравнение, синтез, индукция, дедукция, классифицирование.

Измерение благополучия детей: международный опыт построения индексов

Многие международные организации изучают условия жизни и развития детей, разрабатывая авторские методики оценки и соответствующие индикаторы. При этом многосекторальный подход к измерению, учитывающий все детерминанты (социальные, экономические, культурные, политические, экологические и коммерческие) здоровья и благополучия детей, соответствует продвижению комплексного подхода к глобальному социально-экономическому развитию (Coll-Seck, 2019).

Анализируя зарубежную литературу, можно выделить несколько наиболее актуальных и часто цитируемых в академических и политических дискуссиях во всем мире индексов благополучия детей.

Так, Фондом детского развития (США) в 2004 году впервые в мире был представлен и апробирован Индекс детского благополучия (Child Well-being Index). Индекс благополучия детей и молодежи в США был составлен под руководством Лэнда (Land et al., 2007) по 44 ключевым показателям, сгруппированным в семь областей: экономическое или материальное благополучие, здоровье, безопасность, производительная деятельность, участие в жизни общества, близость и эмоциональное благополучие.

Индекс благополучия детей в Европейском союзе, разработанный Брэдшоу с коллегами (Bradshaw et al., 2007), учитывал 43 показателя в семи областях: здоровье, субъективное благополучие, личные отношения, материальные ресурсы, образование, поведение и риски, а также жилье и окружающая среда. Изначально были проанализированы уже имеющиеся данные по 25 странам ЕС (по восьми кластерам, охватывающим 23 области и 51 показатель) с использованием рядов данных, а также сравнительных опросов детей и молодежи (Bradshaw et al., 2007). Позже Брэдшоу выделил шесть приоритетов благополучия детей, на которые может влиять социальная политика: обучение, деньги, отношения, досуг, окружающая среда и личность (Bradshaw, 2014). Обучение подразумевает наличие условий для обучения и развития, а деньги — то, что дети обеспечены всем необходимым. Отношения отражают близкие связи с семьей и друзьями, а досуг — возможность участвовать в позитивной деятельности для до-

стижения успеха. Окружающая среда означает наличие безопасного и подходящего дома и окружения. Сфера личности отражает позитивное отношение к себе и уважение к своей идентичности (Lee, Yoo, 2017).

Индекс благополучия детей на основе микроданных К. Мур (Moore et al., 2008) учитывает 69 показателей, сгруппированных в четыре домена (физическое, образовательное, психологическое и социальное благополучие) по трем контекстам (семейный, общественный и социально-демографический). Респонденты были разбиты в две возрастные группы: 6–11 и 12–17 лет. Данное исследование позволило оценить и проанализировать благополучие каждого отдельного ребенка (Калабихина, Казбекова, 2021), но только старше 6 лет.

Индекс детской депривации (Bastos et al., 2009) был предназначен для измерения детской бедности по четырем областям: образование, здравоохранение, жилье и социальная интеграция. Исследование основано на теории нечетких множеств для оценки интенсивности депривации среди детей. Также анализировались социально-демографические и экономические характеристики, наиболее сильно влияющие на риск депривации (с помощью модели дискретного выбора), показавшие, что в большей степени ему подвержены дети из многодетных семей или семей с нестандартным составом детей. Детская депривация коррелирует с проблемами, связанными с образованием, здравоохранением, жильем, социальной интеграцией и безработицей родителей.

Индекс возможностей ребенка (COI) был создан в 2014 году при поддержке Фонда У.К. Келлога и Фонда Р.В. Джонсона⁵. Его цель — улучшить благополучие детей и содействовать равенству возможностей для детей, живущих в США. Он охватывает 67% (около 49 млн человек) детского населения страны в 72 тысячах районов 100 крупнейших мегаполисов США. Данный индекс является первым национальным индексом, измеряющим текущие возможности детей путем ранжирования широкого спектра условий, которые могут влиять на здоровье и развитие детей.

⁵ National Center on Safe Supportive Learning Environments. Resources. diversitydatakids.org. Available at: <https://safesupportivelearning.ed.gov/resources/diversity-datakidsorg> (accessed: 03.07.2023).

Авторы указанной методики (СОI) выделяют три основных домена детских возможностей (Ferrara, 2024): 1) получения образования; 2) в области здравоохранения и охраны окружающей среды; 3) социально-экономические возможности, и включают в их состав в общей сложности 29 показателей. Внедрение использования СОI в глобальном масштабе, по мнению разработчиков, может помочь создать систему наблюдения на уровне населения в районах, которая будет эффективно контролировать социальное благополучие детей, чувство общности и взаимное уважение, независимо от культурных различий (Pettoello-Mantovani, 2019; Petito, 2020).

Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти» ежегодно публикует доклады⁶, цель которых состоит в анализе и сравнении практик по обеспечению прав детей в странах ОЭСР. В 2013 году UNICEF разработал многомерный синтетический индекс благополучия детей (UNI₂₆), в который входят 26 индикаторов из 5 доменов: 1) материальное благополучие: относительный уровень детской бедности, относительный разрыв в уровне детской бедности, уровень детской депривации, низкий уровень достатка семьи; 2) здоровье и безопасность: уровень младенческой смертности, низкий вес при рождении, общий уровень иммунизации, детская смертность в возрасте от 1 до 19 лет; 3) образование: уровень участия детей в системе дошкольного образования, уровень участия в системе дополнительного образования в возрасте 15–19 лет, доля подростков 15–19 лет, которые не учатся и не работают, средние баллы по чтению, математике и естествознанию; 4) поведение и риски: избыточный вес, наличие завтрака, употребление фруктов, физические упражнения, коэффициент подростковой фертильности, курение, алкоголь, конопля, драки, подверженность издевательствам; 5) жилье и окружающая среда: количество комнат на человека, множественные жилищные проблемы, уровень убийств, загрязнение воздуха. В 2013 году на основе апробации методики

⁶ Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах // ЮНИСЕФ. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/rc7_rus.pdf (дата обращения: 15.09.2025); Конвенция о правах ребенка ООН.

ЮНИСЕФ был опубликован очередной отчет, посвященный сравнительному анализу ситуации в 29 развитых странах.

Однако, по мнению испанских ученых А. Прада и П. Санчес-Фернандеса из Университета Виго (г. Оренсе, Испания), для достижения глобальной концепции благополучия детей требуется более широкое исследование в мировом масштабе. Для этой цели ученые разработали специальный многомерный индикатор детского благополучия (CWI₁₄), синтезирующий наиболее значимые аспекты и показатели по всему миру на уровне страны. Он позволяет охватить и ранжировать 189 стран мира (а не только 29 самых богатых) (Prada, Sanchez-Fernandez, 2021).

С методологической точки зрения главное преимущество CWI₁₄ заключается в том, что он опирается на единый источник данных – Программу развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и расширенную методологию оценки Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Более того, данный подход, вслед за Касасом (Casas, 2018) и Кайе-Цадок (Kaye-Tzadok, 2017), включает показательный гендерный аспект (отсутствующий в индексе UNI₂₆). Также авторы материальное благополучие оценивают посредством более прямых показателей, связанных с социальными и трудовыми аспектами. Таким образом, синтетический индикатор детского благополучия (CWI₁₄) Прада включает следующие четыре домена и 14 показателей: 1) образование (валовой показатель охвата дошкольным образованием, валовой показатель охвата начальным образованием, уровень отсева в начальной школе, число учащихся на одного учителя в начальной школе); 2) здоровье (уровень материнской смертности, корь у невакцинированных младенцев, уровень младенческой смертности); 3) социальные и трудовые аспекты (молодые люди, которые не учатся и не работают, детский труд, отпуск по беременности и родам, недоедание); 4) пол (ученицы дошкольных учреждений, ученицы начальной школы, коэффициент рождаемости среди подростков).

Что касается методики расчета составных показателей ИДБ, то большинство из них строятся путём нормализованного агрегирования равновзвешенных подпоказателей (субиндексов) (Cho, Yu, 2020). В некоторых исследова-

ниях применяются статистические методы (Fernandez et al., 2012), такие как кластерный анализ (Cho, 2014), анализ главных компонент (Mínguez, 2017) и анализ латентных классов (Lanza, Rhoades, 2013). Менее распространены такие методы, как метод «субъективной выгоды», «сомнения с ограничениями» S-BoD-C/Benefit-of-the-Doubt (El Sayed, Zahran, 2020; Libório, 2024) и упорядоченный оператор агрегации взвешенного среднего (Badea et al., 2011; Shu et al., 2022; Libório et al., 2022). Результаты показывают, что дискриминирующая и объясняющая способность составного индикатора, построенного с использованием нового метода S-BoD-C, в диапазоне весов поиндикаторов от 0,00 до 0,020 в среднем на 15 и 20% выше, чем у индикаторов, построенных с другими весовыми диапазонами (Libório, 2024).

При этом очевидно, что сопоставление результатов различных комплексных индексов между собой не представляется возможным, так как каждый ИДБ имеет индивидуальную методику расчета и соответствующие индикаторы. Сопоставление проводится исключительно между объектами исследования, где задается диапазон сравнения (например, 0–100 или 0–1).

Субъективное благополучие детей: опыт изучения и особенности оценки

Как видим, во многих комплексных ИДБ содержатся обычно материальные, образовательные и медицинские домены. При этом индикаторы выбираются из различных опросов или баз данных, которые не могут в полной мере измерить все потребности самих детей. Согласно ст. 12 КПП ООН, каждый ребенок имеет право формулировать и свободно выражать собственные взгляды, быть услышанным. Этот документ официально зафиксировал изменение отношения к детям на международном уровне, «новую социологию детства», в рамках которой дети обретают агентность и могут быть изучены «через самих себя»⁷ (Брук и др., 2022). В связи с этим традиционные методы исследования детского благополучия, не вовлекающие в процесс исследования самих детей, стали подвергаться критике (Ben-Arieh, 2014; Кала-

бихина Казбекова, 2021). Хотя во многих работах утверждалось, что дети являются единицей анализа (Gross-Manos, 2022), большинство опросов основывалось на ответах родителей, а не самих детей, что игнорировало их мнение о собственном благополучии. Отсутствовали качественные индикаторы, которые могли бы адекватно отражать восприятие детьми своего благополучия (Ling, 2025). Постепенно мнение ребенка получило все большее внимание в исследованиях (Kaye-Tzadok, 2017), начали разрабатываться индексы субъективного благополучия детей (СБД).

Само понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being) относится к категории «зонтичных терминов» и рассматривается как глобальная оценка удовлетворенности жизнью в тесной связи с конструктами «счастье», «качество жизни», «удовлетворенность жизнью», «позитивный аффект» (Campbell, 1976; Casas, Rees, 2015). Обычно считается, что СБД включает три компонента: когнитивное, аффективное и психологическое благополучие (Rees, Main, 2015).

Благополучие всегда встроено в межличностный, социально-семейный или институциональный контекст. Большинство современных концептуализаций СБД опираются на социально-экологическую теорию, согласно которой для развития ребенка решающее значение имеют четыре системы: микросистема, мезосистема, экзосистема и макросистема (Bronfenbrenner et al., 2006). М. Селигман утверждал, что для счастливого детства необходимо эффективное функционирование на индивидуальном и межличностном уровнях (Селигман, 2006). Для понимания благополучия детей важно их семейное окружение и более широкие социальные связи, включая школу, территорию проживания, страну (Kaye-Tzadok, 2017; Noralina, Siti Hajar, 2017; Nahkur, Kutsar, 2019; Luo et al., 2021; Wang, Sohail, 2022). Оценки детьми своего счастья или удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее сферами (например, школой, семьей, соседями или друзьями) представляют собой один из аспектов их субъективного благополучия (Ben-Arieh et al., 2014).

Одной из главных задач изучения благополучия детей и подростков является поиск более чувствительных методов оценки с учетом

⁷ Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы / под редакцией И.Е. Калабихиной. Москва: МАКС Пресс, 2023. 98 с.

возраста, стадии развития ребенка, его состояния здоровья (Matza, 2004; Buczynski, 2008; Reppold, 2017; Ortuño-Sierra, 2020; Silva, 2023; Blasco-Belled, 2023).

Остановимся подробнее на некоторых проектах по оценке СБД. Первый из них «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (Health Behaviour in School-Aged Children, HBSC) был запущен ВОЗ в 1983 году и представляет собой масштабное международное исследование⁸, проводимое в школах каждые четыре года. Данные HBSC используются на национальном/региональном и международном уровнях для получения новых знаний о здоровье и благополучии подростков, понимания социальных факторов здоровья и разработки политики по улучшению жизни детей и молодежи. Последний отчет от 2024 года фокусируется на социальном контексте жизни подростков в возрасте 11, 13 и 15 лет в 44 странах Европы, Центральной Азии и Канады (Badura, 2024).

В конце 1990-х годов Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) был инициирован другой широко известный проект – Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA). Оба эти проекта, в центре которых лежит опрос школьников, являются лонгитюдными и продолжаются до сих пор, в том числе в России. HBSC главным образом сосредоточен на вопросах здоровья, а PISA – на вопросах образования и возможностях для развития.

Однако у данных исследований есть некоторые минусы. Так, HBSC и PISA включают вопросы с одним пунктом по общей удовлетворенности жизнью. Некоторые ученые подвергают критике подобную практику, утверждая, что с психометрической точки зрения более надежны шкалы с несколькими пунктами, особенно при измерении ненаблюдаемых конструктов (Casas, 2017; Savahl, 2021). Кроме того, в выборку PISA и HBSC не были включены дети младше 11 лет (Blasco-Belled, 2023).

Эти недочеты были исправлены еще одним масштабным проектом «Children's Worlds» (International Survey of Children's Well-Being

(ISCWeB)). Он начинался как небольшой не финансируемый пилотный проект в 2010 году, но теперь собирает мнения более 200 тысяч детей из более чем 40 стран на пяти континентах. Целевая группа информантов включает детей 8, 10 и 12 лет (не менее 1000 респондентов в каждой возрастной группе выборки). В третьей волне выборка восьмилетних респондентов составила более 20,8 тысячи детей (Blasco-Belled, 2023). Всего было реализовано 4 волны исследований. На сайте проекта (<https://iscweb.org>) публикуются и находятся в свободном доступе отчеты о каждой из них всех стран-участниц проекта, а также сводный сравнительный международный отчет. В ходе реализации исследования постоянно совершенствовался опросник. В него был включен ряд новых вопросов. Также исключались неинформативные вопросы, вопросы без смысловой нагрузки или представлявшие непрезентативные данные. Последняя версия анкеты была предоставлена для обсуждения с самими детьми (Rees et al., 2020). Последняя четвертая волна исследования посвящена оценке субъективного благополучия детей в период пандемии коронавирусной инфекции (Брук, Телицына, 2022). Ее база данных включает 27 359 детей из 24 стран.

Комплексные обследования и построение индексов только на основе субъективных представлений детей о собственном благополучии были расширены движением «детские индикаторы» (Ben-Arieh, 2008) и другими крупномасштабными кросс-культурными исследованиями благополучия детей: Многонациональное качественное исследование понимания детьми благополучия (Fattore et al., 2018) и исследования, проведенные Детским обществом (Rees et al., 2012) и Научно-исследовательским институтом качества жизни в Университете Жироны (Casas, 2011). Еще одним примером выступает индекс благополучия Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ-5). Анкета ВОЗ-5 изначально была введена в 1998 году Европейским региональным бюро ВОЗ в рамках проекта DEPCARE по мерам повышения благополучия в первичной медико-санитарной помощи (Торп, 2015). Она переведена более чем на 30 языков. На данный момент ВОЗ-5 – это краткий вопросник, который могут заполнять дети старше 9 лет в общей популяции, а не только в системе лечебно-профилактиче-

⁸ URL: [https://www.who.int/europe/initiatives/health-behaviour-in-school-aged-children-\(hbsc\)-study](https://www.who.int/europe/initiatives/health-behaviour-in-school-aged-children-(hbsc)-study)

ских учреждений. Он состоит из пяти утверждений по отношению к последним двум неделям, которые респонденты оценивают по определённой шкале (варианты ответа: «все время», «большую часть времени», «более чем в половине случаев», «менее чем в половине случаев», «некоторое время», «ни в коем случае»). В 2010-х гг. появились национальные индексы, сфокусированные только на субъективном благополучии, например, британский Индекс субъективного благополучия детей (An Index of Children's Subjective Well-Being), в разработке и апробации которого принимали активное участие сами дети. Другой британский «Индекс хорошего детства» (The Good Childhood Index (GCI))⁹ был разработан в 2010 году и представляет собой краткую анкету, которую дети старше 8 лет (позже опрос проводился для детей старше 10 лет) могут заполнить самостоятельно и использовать для оценки общего благополучия и 10 аспектов жизни. Она включает в себя однопунктный показатель удовлетворенности жизнью в целом, пятипунктный показатель общей удовлетворенности жизнью, а также вопросы о счастье в 10 различных аспектах жизни, включая удовлетворенность школой и отношения с семьей и друзьями.

Результаты проведенного китайскими учеными масштабного библиографического анализа всех проектов по СБД показали, что более 30% исследований в этом направлении принадлежат США, Европе, Америке и Австралии (Ху, 2024). В десятку наиболее цитируемых зарубежных авторов по теме СБД входят К. Turney (Калифорнийский университет), F. Casas (Университет Андреса Белло), D.V. Jackson (Школа общественного здравоохранения им. Блумберга при Университете Дж. Хопкинса), R. Giallo (Детский научно-исследовательский институт Мердока), J. Lee (Корейский институт науки и технологий), A.J. Reynolds (Университет штата Орегон), A. Ben-Arieh (Еврейский университет в Иерусалиме), J. Bradshaw (Центр медицинских наук Университета Северного Техаса), T.C. Cheng (Уханьский технологический институт) и G. Rees (Университет Плимута). При этом выделяется несколько перспектив дальнейшего изучения данной темы, а именно воз-

действие на СБД общественного здравоохранения, здорового питания детей, отношений с отцом и соседями (Ху, 2024).

Одним из примеров последнего могут служить отечественные исследования, посвященные оценке детьми опыта взаимодействия со своими отцами (Шевченко, 2019), а также роли вовлеченного отцовства в формирование субъективного благополучия детей и подростков (Безрукова, Самойлова, 2025). Было доказано, что вовлеченное отцовство выступает основой для развития близких отношений отца и подростка, что вносит неоспоримый вклад в формирование сильной и психологически здоровой личности. У мальчиков формируются жизнестойкость, умение управлять своими чувствами, уверенность, спокойное отношение к критике, самостоятельность, девочки отличаются стремлением к саморазвитию, позитивностью, добротой и заботливостью (Безрукова, Самойлова, 2025).

В российском экспертном сообществе ещё не сложилось однозначного мнения о том, что должно представлять собой участие детей в процессе принятия решений, которые затрагивают их интересы (Абросимова и др., 2019). Исследователи отмечают, что специалисты, работающие непосредственно с детьми в данном направлении, испытывают дефицит информационного и методического сопровождения. В совокупности эти барьеры затрудняют вовлечение детей в процессы принятия значимых решений на микро- и макроуровне (Кучмаева, 2020).

Зачастую методические подходы к оценке детского благополучия, применяемые российскими авторами, ориентированы на макроуровень (государство в целом и его регионы). Такие разработки имеют большое практическое значение, прежде всего, для информационного сопровождения социальной политики в интересах детей. Наиболее проработанным отечественным инструментарием оценки детского благополучия выступает проект «Индекс детского благополучия», который реализуют совместно Фонд Тимченко, МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС, Московский государственный психолого-педагогический университет, НИУ ВШЭ, Общественная палата РФ, Минпросвещения России при поддержке Агентства стратегических инициатив. По мнению авторов

⁹ URL: <https://www.childrenssociety.org.uk/information/professionals/good-childhood-index>

проекта, предлагаемая ими система индексов благополучия детей позволит определять отклонения, выявлять проблемные зоны и лучшие практики, планировать благотворительные программы и корректировать государственную политику защиты детства¹⁰. Субъективная и объективная стороны детского благополучия измеряются отдельно. Статистический (объективный) индекс детского благополучия строится на основе 27 показателей из перечня официальных данных Росстата (содержит также систему субиндексов по доменам «Здоровье», «Развитие», «Материальное благополучие», «Безопасность»). Субъективный основан на 18 показателях, извлеченных из данных опросов детей (состоит из 6 доменов: «Образование», «Здоровье», «Материальное положение», «Безопасность», «Социальные отношения» и «Самореализация»). В зависимости от возраста ребенка (10, 11, 13 и 15 лет) предложены различные вопросы для оценки. Общий индекс детского благополучия обобщает статистический и субъективный индексы детского благополучия (45 показателей). По мнению И.Е. Калабихиной и З.Г. Казбековой, несмотря на учет в комплексных индексах ЮНИСЕФ мнения детей по поводу различных аспектов их благополучия и оценку их участия в принятии решений, затрагивающих их интересы, остаются непроработанными такие сферы благополучия, как ментальное здоровье, насилие и защита, включая проблему буллинга (Калабихина, Казбекова, 2021).

Отметим, что субъективное благополучие школьников заслуживает повышенного внимания ученых и практиков, т. к. выступает основополагающим маркером качества образования и фактором качества их жизни, здоровья, личностного развития, успеваемости и успешности, а значит качества будущего (Брук и др., 2022). Изучением данной темы и разработкой системы оценки субъективного благополучия школьников на разных ступенях образования занимались сотрудники РАНХиГС (Авалуева и др., 2022). В меньшей степени исследовано субъективное благополучие учеников старшей школы, хотя подростковый возраст является

интенсивным периодом развития, и возникающие в это время трудности имеют важные последствия для взрослой жизни (Кухтерина, 2020). Имеет огромное значение исследование структуры СБД на данном этапе развития с целью поиска факторов риска и разработки адекватной системы поддержки подростков (Кукуев, 2022).

В ранних исследованиях СБД использовались шкалы, заимствованные из версий для взрослых. Однако в этой области наблюдается быстрый прогресс. Т.О. Арчакова с коллегами описали пять подходящих опросников: 1) многофакторная шкала удовлетворенности жизнью у школьников (MSLSS); 2) краткая многофакторная шкала удовлетворенности жизнью у школьников (BMSLSS); 3) индекс личного благополучия (PWI); 4) KINDL-R; 5) TedQL, доступный даже детям в возрасте 3–4 года (Арчакова, 2017; Арчакова, 2020). Исследователями также описывается методология оценки СБД, которая заключается в изучении степени удовлетворенности ребенка системой своего отношения к себе, другим, среде и своему хронотопу (Ослон, 2020).

Таким образом, проведенный обзор литературы показывает, что определение благополучия ребёнка – многогранное понятие, которое различается в зависимости от точки зрения и контекста. В свою очередь практически каждое исследование, посвященное измерению и разработке комплексного индекса детского благополучия, включает в свою структуру домены здоровья, образования и материального благополучия. Чуть более половины исследований включают в себя также оценку безопасности и риска. Однако за пределами этих областей нет единообразия (O’Hare, Gutierrez, 2012).

Ситуация усугубляется различиями в терминологии и используемых инструментах измерения, которые делают эти индексы несопоставимыми (Žukauskienė et al., 2015). Еще в 2014 году насчитывалось 92 инструмента измерения уровня и динамики СБД (Ravens-Sieberer et al., 2014), в которые входят около двух тысяч понятий, операционализирующих этот конструкт (Арчакова, Гарифулина, 2020).

Кроме того, необходимы исследования для оценки адекватности имеющихся показателей в различных подгруппах населения. Необходи-

¹⁰ Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы / под редакцией И.Е. Калабихиной. Москва: МАКС Пресс, 2023. С. 5.

мы надежные, но краткие показатели социальных и эмоциональных результатов детей; краткие показатели контекстуальных факторов, влияющих на результаты детей, по-прежнему отсутствуют (Moore, 2020). Несмотря на растущее понимание важности учета мнений детей, исследования СБД с точки зрения самих детей по-прежнему ограничены (Ben-Arieh, Shimon, 2014). Учитывая различия в восприятии взрослых и детей, важен уровень профессионализма интервьюеров. Для интерпретации данных необходимо учитывать особенности детской психики, влияние присутствия родителей, время и длительность проведения опроса, реакцию ребенка на вопросы.

Обоснование авторской методики оценки детского благополучия в Вологодской области

Наш подход основан на упомянутой выше социально-экологической теории, которая предполагает учет мнения самих детей. Как мы могли убедиться, анализируя многочисленные международные и национальные проекты, на фоне высокой разработанности научной задачи построения инструментария оценки детского благополучия для макроуровня, проблематика оценки детского благополучия в различные этапы развития ребенка на микроуровне остаётся практически не затронутой. В свою очередь микросистемы (такие как семья, школа, сверстники и соседи) выступают местами наиболее легкого, частого и близкого взаимодействия детей. Микросистема, по определению Бронфенбреннера, представляет собой совокупность действий, ролей и межличностных отношений, переживаемых развивающимся человеком в заданной среде с определёнными физическими и материальными характеристиками (Bronfenbrenner, 1979).

Цель авторского мониторинга – комплексное наблюдение за условиями и образом жизни семей с детьми, оценка благополучия и сформированности человеческого потенциала детей.

Создание надежного и валидного инструментария оценки благополучия детей на разных этапах развития требует использования методов социологического опроса и группировки.

В рамках разработанного нами мониторинга оценки детского благополучия объектом наблюдения будут выступать супружеские пары и одинокие родители с детьми в возрасте 0–17 лет, проживающие на территории Вологодской области. Начало наблюдения: 2025 год. Периодичность сбора данных: 1 раз в 2 года.

Метод опроса – раздаточное анкетирование 1400 семей по месту жительства респондентов (города Вологда и Череповец, а также семь муниципальных округов: Великоустюгский, Вожегодский, Бабаевский, Кирилловский, Никольский, Шекснинский и Тарногский). Разработано 5 типов анкет для родителей детей в возрасте от 0 до 2 лет, от 3 до 6 лет, от 7 до 10 лет, от 11 до 14 лет, от 15 до 17 лет (табл. 1).

При расчете выборки на основе статистических данных была рассчитана и учтена пропорция соотношения мальчиков и девочек в обследуемых территориях (табл. 2).

Для каждой из пяти возрастных групп нами была разработана отдельная анкета, которая состояла из трех основных разделов.

1 раздел «Детское благополучие» включает в себя следующие блоки:

- Семья ребенка и семейное воспитание;
- Здоровье семьи и система здравоохранения;
- Образование.

Таблица 1. Характеристика выборки опроса семей в Вологодской области, чел.

Территория	0–2 года	3–6 лет	7–10 лет	11–14 лет	15–17 лет	Итого	в том числе домохозяйства		
							с одним ребенком	с двумя детьми	с тремя и более детьми
Область	276	284	291	279	270	1400	634	575	191
Вологда	100	100	102	92	78	472	253	151	68
Череповец	84	88	82	80	80	414	179	186	49
Районы	92	96	107	107	112	514	202	238	74
в т. ч.: городская местность	39	40	44	41	55	219	95	99	25
сельская местность	53	56	63	66	57	295	107	139	49

Источник: авторский мониторинг оценки детского населения.

Таблица 2. Половозрастная характеристика выборки опроса в Вологодской области, чел.

Территория	0–2 года		3–6 лет		7–10 лет		11–14 лет		15–17 лет		Итого	
	мал.	дев.										
Область	137	139	143	141	147	144	136	143	141	129	704	696
Вологда	47	53	54	46	45	57	46	46	41	37	233	239
Череповец	41	43	43	45	42	40	36	44	40	40	202	212
Районы	49	43	46	50	60	47	54	53	60	52	269	245
в т. ч. городская местность	21	18	22	18	23	21	17	24	29	26	112	107
сельская местность	28	25	24	32	37	26	37	29	31	26	157	138

Рассчитано по: Численность населения Вологодской области по возрасту и полу на 1 января 2024 года / Росстат. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оценка%20численности%20насел%20по%20полу%20и%20возр%202024.pdf>

В анкету для семей с ребенком до двух лет добавлен также блок «Планирование семьи».

2 раздел «Детское развитие» содержит разработанную и апробированную ранее членами научного коллектива методику расчета индекса развития человеческого потенциала детского населения (ИЧПДН), которая позволяет оценить уровень сформированности у него интеллектуальных, социокультурных и здоровьесберегающих навыков (Короленко, 2018; Леонидова, 2019; Нацун, 2020; Разварина и др., 2020).

3 раздел «Факторы детского благополучия» состоит из следующих блоков:

- Социальная среда (инфраструктура, безопасность, доверие, экологические условия, культура);
- Политика в отношении семей, детей;
- Распределение времени;
- Воспитательные практики;
- Самооценка детьми своей жизни;
- Социально-демографические характеристики семьи.

На данном этапе авторами научного коллектива конструируется *индексная методика оценки детского благополучия (на микроуровне)*. Для формирования критериальной основы определения благополучия детей на разных этапах их развития были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, математического моделирования (позволившие разработать математические формулы для определения уровня, индексов и субиндексов благополучия детей). В результате их применения сконструированы следующие семь доменов: 1) семейная, 2) образовательная, 3) здоровьесберегающая, 4) социально-экономическая, 5) социокультурная среда, 6) безопасность, 7) самооценка детьми своего благополучия (для детей с 11 лет и старше). Возрастные особенности детского

развития, а также специфика отражаемых сфер жизнедеятельности обуславливают неравномерное наполнение доменов.

Для количественного отображения выбранных индикаторов были сконструированы вспомогательные дихотомические переменные (*табл. 3*), нулевое значение которых отражает негативное значение критерия, а единица соответствует ситуации благополучия.

Возрастные особенности детского развития, а также специфика отражаемых сфер жизнедеятельности обуславливают неравномерное наполнение доменов. Мы допускаем, что на втором этапе при дальнейшей работе с базой данных по расчету субиндексов благополучия детей могут быть внесены некоторые коррективы в структуру используемых показателей, индикаторов и критериев.

Отметим, что самооценка детьми собственного благополучия – домен, который добавляется в методику только для детей, достигших 11 лет. После апробации возможно расширение выборки за счет более младших возрастных групп. В текущем исследовании оценка СДБ формируется на основе ответов детей на вопросы о наличии друзей, состоянии своего здоровья, а также спектре тем, обсуждаемых ими с родителями. Следуя устоявшемуся представлению о базовых компонентах субъективного благополучия (когнитивном и аффективном), использованы прямые вопросы об уровне общей и парциальной удовлетворенности жизнью и ее аспектами. С этой целью в анкеты для детей старших возрастных групп включена методика оценки субъективного благополучия по шкале *Satisfaction with Life Scale (SWLS)* (Diener et al., 1985), что позволит проводить сопоставления между оценками, полученными разными методами.

Таблица 3. Переменные для расчёта интегрального индекса благополучия

№	Домен/ субиндекс	Индикатор	Критерий благополучия	Примечание
1	Семейная среда	Состав семьи	Ребёнок проживает совместно с обоими биологическими родителями	
		Отношения в семье	Дружные либо дружные с редкими ссорами	
		Воспитательный потенциал семьи	Родители посвящают воспитанию и общению с ребенком до 2 лет (не посещающим детский сад) более 10 часов в будни и выходные; в возрасте 3–6 и 7–10 лет – более 4 часов в будни, 6 часов в выходные, старше 11 лет – более 4 часов в будни и выходные	
		Интенсивность воспитательного воздействия в семье	Индекс воспитательного воздействия со стороны семьи	Из методики ИЧПДН
		Качество совместного досуга	Есть хотя бы два вида регулярного совместного семейного досуга по будням и в выходные дни	
2	Образовательная среда	Посещение детьми образовательной организации (детского сада или школы)	Посещает	
		Посещение учреждений дополнительного образования	Посещает	
		Уровень интеллектуального развития ребенка	Индекс сформированности у ребенка навыков интеллектуального развития	Из методики ИЧПДН
		Интенсивность воспитательного воздействия со стороны учебного заведения	Субиндекс воспитательного воздействия со стороны учебного заведения	Из методики ИЧПДН
		Успеваемость ребенка в школе	Справляется	Для детей старше 7 лет
		Общественная внеучебная жизнь	Участие в общественной жизни школы	Для детей старше 7 лет
3	Здоровье-сберегающая среда	Частота заболеваемости	В течение последних 12 месяцев ребёнок не болел либо болел редко относительно детей его возраста	
		Медицинская активность родителей в отношении ребенка	Участие родителей в прохождении ребенком вакцинации, диспансеризации, профилактических осмотров, соблюдение им режима питания, режима дня и полноценного сна и отдыха	
		Удовлетворённость родителей качеством медицинского обслуживания ребёнка по месту жительства	Родители полностью удовлетворены медицинским обслуживанием ребёнка по месту жительства	
		Параметры физического развития	ИМТ ребёнка соответствует возрастной норме	
		Наличие хронических заболеваний	Отсутствуют хронические заболевания	
		Сформированность навыков здоровьесбережения	Индекс сформированности у ребенка здоровьесберегающих навыков	Из методики ИЧПДН
4	Социально-экономическая среда	Самооценка покупательной способности дохода семьи	По крайней мере покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей	
		Доля расходов семьи на питание	Менее 30% от совокупного дохода	
		Доля расходов семьи на образование ребенка	Более 10% от совокупного дохода	
		Вовлеченность семей в участие в государственных программах	Семья получала федеральный материнский (семейный) капитал	
		Жилищные условия ребёнка	У ребёнка имеется постоянное собственное место в доме: отдельная комната и совместная с однополым братом/сестрой	

Окончание таблицы 3

№	Домен/ субиндекс	Индикатор	Критерий благополучия	Примечание
5	Социокультурная среда	Наличие объектов детской инфраструктуры	Наличие более двух объектов: 1) оборудованной детской площадки; 2) театра, музея, библиотеки; 3) спортивных сооружений; 4) благоустроенных общественных пространств	
		Посещаемость учреждений культуры	Ребенок посещает два и более учреждений культуры чаще двух раз в год	
		Обучение ребенка правилам поведения	Систематическое обучение ребенка в семье правилам поведения, этикета («часто» или «регулярно»)	
		Воспитание родителями черт культурного человека у ребенка	Уделение старшими членами семьи первостепенного внимания (4–5 баллов) воспитанию у ребенка уважения к окружающим (более трех из них), сдержанности и спокойствия, коммуникабельности, умения сотрудничать, договариваться, организованности и аккуратности, усидчивости и терпеливости	
		Сформированность навыков социокультурного развития	Индекс сформированности у ребенка навыков социокультурного развития	Из методики ИЧПДН
6	Безопасность	Оценка родителями степени безопасности в месте проживания	Родители оценивают место проживания как скорее безопасное или совершенно безопасное	
		Источники опасности	Наличие в районе проживания ребенка одного или нескольких источников опасности	
		Оценка экологических условий в месте проживания	Родители оценивают экологические условия в месте проживания как хорошие или удовлетворительные	
		Совместные прогулки	Ребенок гуляет не один (в сопровождении взрослого)	Для детей старше 7 лет
		Вредные привычки родителей	Наличие или отсутствует риск пассивного курения (ребенку «не приходится часто бывать в помещении, где курят») и/или созависимости от родителей, употребляющих алкоголь (родители «никогда» или «изредка», «по праздникам» употребляют алкоголь)	
7	Самооценка детьми собственного благополучия	Наличие друзей	Есть друзья или отсутствие друзей	Только в группах 11–14 и 15–17 лет
		Самооценка здоровья	Ребёнок оценивает своё здоровье как хорошее или очень хорошее	
		Отношения с одноклассниками	Нравятся все или не все	
		Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность жизнью (согласен с утверждением)	
		Отношения с родителями	Ребёнок обсуждает с родителями широкий спектр тем (не менее 5 различных)	

Источник: авторский мониторинг оценки детского населения.

Оценка благополучия проводится для каждого ребёнка индивидуально, а затем данные будут обобщены по возрастным группам детей, а также в среднем по всем детям. Для каждого из обозначенных доменов вычисляются среднее арифметическое суммы значений индикаторных переменных и их числа, которые соответствуют значению одноимённого субиндекса детского благополучия (формула 1).

Общий вид формулы (1) расчёта субиндексов приведён ниже:

$$I = \frac{\sum_1^n x_i}{n}, \quad (1)$$

где

I – субиндексы,

x – значения переменных,

i – номера переменных,

n – количество переменных.

Значение интегрального индекса детского благополучия рассчитывается как среднее арифметическое значений субиндексов. Взвешивание компонентов интегрального индекса не запланировано, поскольку расчёт проводится исходя из предположения об их равной значимости. Область значений интегрального индекса от 0 до 1. Принято следующее деление на уровни детского благополучия: от 0 до 0,30 – низкое, от 0,31 до 0,67 – среднее, от 0,68 до 1,0 – высокое.

Следует отметить, что расчёт индекса детского благополучия может производиться как отдельно для каждой возрастной группы детей, принимающих участие в исследовании, так и для всех возрастов. Однако в последнем случае при расчёте для обеспечения сопоставимости данных не используются субиндексы, полученные в домене «самооценка благополучия» в группах детей 11–14 и 15–17 лет.

Интерпретация результатов оценки детского благополучия в группах детей 11–14 и 15–17 лет наиболее информативна в сочетании с данными о субъективном благополучии на основе методики SWLS, прошедшей апробацию во множестве исследований (Pavot, Diener, 2008; Kobau et al., 2010; Avcu, 2021; Chakrabarty, 2023).

Для анализа данных, полученных в результате исследования, будут использованы интерпретационно-описательные методы и метод обобщений и экстраполяции (интерполяции) результатов.

На втором этапе исследования предполагается соотнести полученные индексы благополучия детей в различных сферах с уровнем их развития в соответствии с возрастом (начиная с 3 лет), а также определить наиболее существенные факторы, влияющие на уровень благополучия детского населения.

Апробация и внедрение авторской методики научного коллектива позволит в дальнейшем осуществлять мониторинг детского благополучия в регионе, оценивать эффективность проводимых государственных программ в сфере защиты семьи и детства, повышения их качества и уровня жизни, укрепления здоровья.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Тема благополучия и качества жизни детей вызывает неподдельный интерес ученых и практиков. Высокий уровень внимания, уделяемый материальному, психологическому, личностному благополучию маленьких граждан, выступает гарантом укрепления их интеллектуального, трудового, репродуктивного, творческого потенциала, обеспечения должного качества человеческих ресурсов, а значит будущей национальной безопасности страны. Для достижения этой цели используются определенные критерии и показатели благополучия, отражающие информацию о различных аспектах, влияющих на качество жизни детей. В связи с этим становится крайне важным предоставить соответствующие и основанные на фактических данных инструменты для фиксации и понимания изменений в благополучии детей.

Анализ международного опыта разработки индексов детского благополучия позволяет заключить следующее. Сам термин многогранен в зависимости от научного подхода и до сих пор не имеет единого определения, что вызывает трудности и разногласия в инструментах его оценки. Как правило, большинство индексов имеют комплексный характер, включая показатели из системы государственной статистики и выборочные данные опросов общественного мнения по различным аспектам жизни семей с детьми. Практически все включают домены материального благополучия, состояния здоровья и качества образования детей. В половине проектов речь идет в том числе об уровне безопасности окружающей ребенка среды.

В последние годы все больше внимания уделяется оценке уровня благополучия непосредственно самими детьми. Индексы субъективного благополучия детского населения также отличаются разнообразием оцениваемых аспектов и применяемых методов диагностики. Но, несмотря на растущее понимание важности учета мнения детей, исследования в этом направлении ограничены.

Проведенный обзор и анализ исследований продемонстрировали, что, несмотря на достаточно высокую разработанность научной задачи построения методики оценки детского благополучия для макроуровня, аспект микроуровня (семьи) остаётся практически не затро-

нутым, особенно для младенческого, раннего и дошкольного детства. Его изучение позволит уточнить представления не только о внешних (социально-экономических), но и о семейных и социальных факторах детского благополучия, действующих на семьи в разные периоды взросления детей и с различной интенсивностью.

С этой целью нами разработан проект мониторинга детского благополучия детского населения в Вологодской области посредством социологического опроса семей с детьми и построения комплексного ИДБ, включающего семь субиндексов: семейного, образовательного, здоровьесберегающего, социально-экономического, социокультурного и субъективного благополучия, а также уровня безопасности.

Несмотря на то, что предлагаемая авторская методика оценки благополучия детского населения в значительной степени синтезирует уже известные подходы и концептуальные основы ранее разработанных комплексных индексов, к несомненным преимуществам авторского инструментария можно отнести:

1) адаптацию мониторинга для:

— *микроуровня*, т. к. именно семья, родственники, друзья, воспитатели, педагоги, тренеры и др. оказывают наибольшее влияние на условия жизни, здоровья, развития ребенка, его благополучие;

— *пяти возрастных групп*: авторы убеждены, что в различные периоды развития ребенка значимость, сила и направленность факторов со стороны семьи и ближайшего окружения могут отличаться, а значит критерии оценки должны быть скорректированы соответствующим образом, что нашло отражение в нашей методике;

— *регионального сообщества*: каждый субъект РФ уникален и необходимо определить

значимые управляемые факторы риска благополучия детей в конкретном регионе с целью эффективного воздействия на них и поддержки семей с детьми; авторский мониторинг планируется проводить в Вологодской области на регулярной основе;

2) несмотря на широкую представленность в ранее разработанных ИДБ доменов образования и здравоохранения, в них практически игнорируется уровень интеллектуального и социокультурного развития самого ребенка, сформированности у него навыков адекватного поведения и здоровьесбережения, нравственных ценностей; со стороны родителей не учитываются воспитательные ресурсы и интенсивность их применения, медицинская активность и медицинская грамотность матери и отца, качество совместного досуга и отношений с детьми; мы считаем указанные показатели важными для оценки благополучия ребенка;

3) принимая во внимание современную тенденцию учета мнения самих детей, мы включили блок субъективного благополучия в анкеты подростков старше 11 лет; после апробации планируем расширить выборку среди младших категорий респондентов.

Междисциплинарность предложенного нами подхода к оценке детского благополучия влияет на практику применения полученных результатов при взаимодействии с образовательными, медицинскими организациями, а также с учреждениями социальной сферы, опеки и попечительства, законными представителями ребенка. Предполагаем, что апробация авторской методики позволит выявить ключевые управляемые факторы риска детского благополучия, разработать направления и мероприятия социальной политики его повышения, оценивать их эффективность.

Литература

- Абросимова Е.Е., Бухтиярова И.Н., Филипова А.Г. (2019). Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3. С. 50–64.
- Авалуева Н.Б., Алексеева А.С., Алиева Э.Ф. (2022). Система оценивания субъективного благополучия российских школьников: теоретико-методологическое обоснование // Сибирский психологический журнал. № 83. С. 100–121. DOI: 10.17223/17267080/83/6
- Арчакова Т.О., Веракса А.Н., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б. (2017). Субъективное благополучие у детей: инструменты измерения и возрастная динамика // Психологическая наука и образование. № 22 (6). С. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2017220606>

- Арчакова Т.О., Гарифулина Э.Ш. (2020). Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 276–295. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2025). Как вовлеченное отцовство и близкие отношения с отцом влияют на благополучие подростков // Социологические исследования. № 6. С. 92–104.
- Брук Ж.Ю., Телицына А.Ю. (2022). Актуальные вопросы, результаты и перспективы развития исследований международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры» (обзор по итогам Международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России») // Социальные науки и детство. № 3 (2). С. 148–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030211>
- Брук Ж.Ю., Федина Л.В., Волосникова Л.М., Патрушева И.В., Кукуев Е.А. (2022). Связь уровня и структуры субъективного благополучия у старших школьников // Психологическая наука и образование. № 27 (6). С. 130–143. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270610>
- Гурко Т.А. (2022). Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // Социологические исследования. № 10. С. 107–116. DOI: [10.31857/S013216250021397-9](https://doi.org/10.31857/S013216250021397-9)
- Зайцева Н.Г., Зайцев Г.О., Ослон В.Н., Семья Г.В. (2023). Визуализация оценки субъективного благополучия подростков // Социальные науки и детство. № 4 (3). С. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.17759/ssc.2023040301>
- Калабихина И.Е., Казбекова З.Г. (2021). Методология построения индексов детского благополучия для мониторинга положения детей в рамках реализации десятилетия детства в России // Государственное управление. Электронный вестник. № 88. С. 52–78.
- Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А. (2006). Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. № 3. С. 49–55.
- Кислицына О.А. (2018). Международный опыт измерения качества жизни (благополучия) детей // Проблемы современной экономики. Т. 3. № 67. С. 103–106.
- Короленко А.В., Гордиевская А.Н. (2018). Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. № 5 (17). С. 3. DOI: [10.15838/sa.2018.5.17.3](https://doi.org/10.15838/sa.2018.5.17.3)
- Кукуев Е.А. (2022). Субъективное благополучие обучающихся в школе в условиях инклюзивного образования // Вестник Югорского государственного университета. Т. 18. № 3. С. 189–200. DOI: [10.18822/byusu202203189-200](https://doi.org/10.18822/byusu202203189-200)
- Кухтерина Г.В., Соловьева Е.А., Федина Л.В., Муравьева М.В. (2020). Субъективное благополучие старшеклассников, принадлежащих к коренным малочисленным народам Севера, как основа готовности к выбору профессии // Образование и наука. Т. 22. № 5. С. 111–131. DOI: [10.17853/1994-5639-2020-5-111-131](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-5-111-131)
- Кучмаева О.В. (2020). Участие детей в принятии решений: результаты и перспективы социальной политики в России // Наука. Культура. Общество. № 2. С. 18–25. DOI: [10.38085/2308829X-2020-2-18-25](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-2-18-25)
- Леонидова Г.В. (2019). Формирование человеческого потенциала детского населения в системе общего образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 172–188.
- Меркуль И.А. (2022). Индекс детского благополучия в России: актуальные вопросы, разработки и перспективы развития (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России») // Социальные науки и детство. № 3 (2). С. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030210>
- Нацун Л.Н. (2020). Взаимосвязь характеристик семейного досуга и уровня сформированности человеческого потенциала детей (на примере семей с детьми школьного возраста) // Социологическая наука и социальная практика. № 1 (29). С. 79–92.
- Ослоп В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. (2020). Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. № 25 (6). С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2020250604>
- Разварина И.Н., Гордиевская А.Н., Нацун Л.Н. (2020). Профессиональное самоопределение подростков как условие реализации их человеческого потенциала // Human Progress. Т. 6. Вып. 4. С. 9. DOI: [10.34709/IM.164.9](https://doi.org/10.34709/IM.164.9). URL: http://progress-human.com/images/2020/Том6_4/Razvarina.pdf
- Селигман М. (2006). Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. 3-е изд. Москва: София. 368 с.

- Семья Г.В. (2023). Безопасность и благополучие детей социально уязвимых категорий // Психология и право. № 13 (4). С. 237–238. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130400>
- Шевченко И.О. (2019). Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. Москва: Тривант. 298 с.
- Adamson P., Bradshaw J., Hoelscher P., Richardson D. (2007). *Child Poverty in Perspective: An Overview of Child Well-Being in Rich Countries. The University of York.*
- Adler M.D., Fleurbaey M. (Eds). (2016). *The Oxford Handbook of Well-Being and Public Policy.* Oxford University Press.
- Amerijckx G., Humblet P.C. (2014). Child well-being: What does it mean? *Children & Society*, 28(5), 404–415.
- Anderson N.W., Markowitz, A.J., Eisenberg, D. et al. (2022). The Child and Adolescent Thriving Index 1.0: Developing a measure of the outcome indicators of well-being for population health assessment. *Child Ind Res*, 15, 2015–2042. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-022-09962-0>
- Avcu A. (2021). Item response theory-based psychometric investigation of SWLS for university students. *International Journal of Psychology and Educational Studies*, 8(2), 27–37. DOI: <https://doi.org/10.52380/ijpes.2021.8.2.265>
- Badea A.C., Tarantola S., Bolado R. (2011). Composite indicators for security of energy supply using ordered weighted averaging. *Reliability Engineering & System Safety*, 96(6), 651–662.
- Badura P., Eriksson C., García-Moya I. et al. (2024). *A Focus on Adolescent Social Contexts in Europe, Central Asia and Canada. Health Behaviour in School-Aged Children International Report from the 2021/2022 Survey. Volume 7.* Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
- Bastos A., Machado C. (2009). Child poverty: A multidimensional measurement. *International Journal of Social Economics*, 36(3), 237–251. DOI: <https://doi.org/10.1108/03068290910932738>
- Ben-Arieh A. (2000). Beyond welfare: Measuring and monitoring the state of children – new trends and domains. *Social Indicators Research*, 52(3)(3), 235–257. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1007009414348>
- Ben-Arieh A. (2008). the child indicators movement: Past, present, and future. *Child Ind Res*, 1, 3–16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-007-9003-1>
- Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (2014). *Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods, and Policies in Global Perspectives.* Springer Dordrecht. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8>
- Ben-Arieh A., Shimon E. (2014). Subjective well-being and perceptions of safety among Jewish and Arab children. *Israel Children and Youth Services Review*, 44, 100–107. DOI: 10.1016/j.childyouth.2014.05.017
- Blasco-Belled A., González-Carrasco M., Casas F. (2023). Filling the 8-year-old gap in the study of well-being: Cross-cultural assessment and validation of a subjective well-being measure across 19 countries. *Child Ind Res*, 16, 1363–1380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-023-10012-6>
- Bradshaw J. (2014). Subjective well-being and social policy: Can nations make their children happier? *Child Indicators Research*, 8(1), 1–15. DOI: 10.1007/s12187-014-9283-1
- Bradshaw J., Hoelscher P., Richardson D. (2007). An index of child well-being in the European union. *Social Indicators Research*, 80(1), 133–177. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-006-9024-z>
- Bronfenbrenner U. (1979). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design.* Harvard University Press.
- Bronfenbrenner U., Morris P. (1998). The ecology of developmental processes. In: Damon W., Lerner R. (Eds). *Handbook of Child Psychology: Theoretical Models of Human Development. Vol. 1. 5th ed.* Wiley.
- Bronfenbrenner U., Morris P.A. (2006). The bio ecological model of human development. In: Damon W., Lerner R. (Eds). *Handbook of Child Psychology: Theoretical Models of Human Development. Vol. 1. Theoretical Models of Human Development.* Wiley.
- Bruck S., Ben-Arieh A. (2020). La historia del estudio Children's Worlds. *Sociedad e Infancias*, 4, 35–42.
- Buczynski A.K., Castro G.F., de Souza I.P.R. (2008). The impact of oral health on the quality of life of HIV infected children: A literature review. *Ciencia Saude Coletiva*, 13, 1797. DOI: 10.1590/S1413-81232008000600014
- Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. (1976). *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfaction.* New-York: Russell Sage Foundation.
- Casas F. (2011). Subjective social indicators and child and adolescent well-being. *Child Indicat. Res.*, 4, 555–575.
- Casas F. (2019). Introduction to the special section on children's subjective well-being. *Child Development*, 90(2), 333–343.

- Casas F., González M. (2017). School: One world or two worlds? Children's perspectives. *Child. Youth Serv. Rev.*, 80, 157–170. DOI: 10.1016/j.chilyouth.2017.06.054
- Casas F., González-Carrasco M., Luna X. (2018). Children's rights and their subjective well-being from a multinational perspective. *European Journal of Education*, 53(3), 336–350.
- Casas F., Rees G. (2015). Measures of children's subjective well-being: Analysis of the potential for cross-national comparisons. *Child Indicators Research*, 8, 49–69.
- Chakrabartty S. (2023). Pontuação aprimorada de satisfação com a escala de vida: Scoring of SWLS. *Revista Multidisciplinar*, 5(2), 105–126. DOI: <https://doi.org/10.23882/rmd.23142>
- Cho E.Y.N. (2014). A clustering approach to comparing children's wellbeing across countries. *Child Indicators Research*, 7, 553–567.
- Cho E.Y.N., Yu F.Y. (2020). A review of measurement tools for child wellbeing. *Children and Youth Services Review*, 119, 105576.
- Clark H. et al. (2020). A future for the world's children? A WHO–UNICEF–Lancet Commission. *The Lancet*, 395(10224), 605–658.
- Coll-Seck A. et al. (2019). Framing an agenda for children thriving in the SDG era: a WHO–UNICEF–Lancet Commission on Child Health and Wellbeing. *The Lancet*, 393(10167), 109–112.
- Daelmans B., Darmstadt G.L., Lombardi J. et al. (2017). Early childhood development: The foundation of sustainable development. *Lancet*, 389, 9–11. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)31659-2
- Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985). Development of the Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018). Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1). DOI: <https://doi.org/10.1525/collabra.115>
- Domínguez-Serrano M., del Moral-Espín L. (2022). The capability approach and child well-being: A systematic literature review. *Child Ind Res*, 15, 2043–2063. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-022-09953-1>. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12187-022-09953-1>
- El Sayed T., Zahran A.R. (2020). Child wellbeing in Egypt: A weighted multidimensional almost dominance approach. *Child Indicators Research*, 13, 993–1022.
- Fattore T., Fegter S., Hunner-Kreisel C. (2018). Children's understandings of well-being in global and local contexts: Theoretical and methodological considerations for a multinational qualitative study. *Child Indic. Res.*, 12, 385–407. DOI: 10.1007/s12187-018-9594-8
- Fernandes L., Mendes A., Teixeira A.A. (2012). A review essay on the measurement of child well-being. *Social Indicators Research*, 106, 239–257.
- Fernandez E.J., Martos M.J.R. (2020). Review of some statistical methods for constructing composite indicators. *Studies of Applied Economics*, 38(1), 1–15. DOI: <https://doi.org/10.25115/eea.v38i1.3002>
- Ferrara P., Cammisa I., Zona M., et al. (2024). Child Opportunity Index: A multidimensional indicator to measure neighborhood conditions influencing children's health. *J Pediatr*, 264, 113649. DOI: 10.1016/j.jpeds.2023.113649
- Gaitán M.L. (2006). La nueva sociología de la infancia. Aportaciones de una mirada distinta. *Sociología de la Infancia*.
- Gross-Manos D., Bradshaw J. (2022). The association between the material well-being and the subjective well-being of children in 35 countries. *Child Indicators Research*, 15, 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-021-09860-x>
- Hu Z., Carrasco R.A., García-Miguel J.P., Sánchez-Montañés M. (2022). Multiple scenarios of quality of life index using fuzzy linguistic quantifiers: The case of 85 countries in Numbeo. *Mathematics*, 10(12), 2091.
- Huseynli A., Jonson-Reid M. (2023). Child well-being in post-Soviet countries: Discipline practices in families in Azerbaijan. *Child Indicators Research*, 16(1), 317–336.
- James A., Prout A. (2003). *Constructing and reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. Routledge.
- Jiang S., Ngai S. (2020). Assessing multiple domains of child well-being: preliminary development and validation of the multidimensional child well-being scale (MCWBS). *Current Psychology*.
- Jiang X., Kosher H., Ben-Arieh A., Huebner E.S. (2013). Children's rights, school psychology, and well-being assessments. *Social Indicators Research*, 117(1), 179–193. DOI: <https://doi.org/10.1007/S11205-013-0343-6>
- Kaye-Tzadok A., Kim S.S., Main G. (2017). Children's subjective well-being in relation to gender – what can we learn from dissatisfied children? *Children and Youth Services Review*, 80, 96–104.

- Kobau R., Sniezek J., Zack M.M., Lucas R.E., Burns A. (2010). Well-being assessment: An evaluation of well-being scales for public health and population estimates of well-being among US adults. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 2(3), 272–297. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1758-0854.2010.01035.x>
- Land K.C., Lamb V.L., Meadows S.O., Taylor A. (2007). Measuring trends in child well-being: An evidence-based approach. *Social Indicators Research*, 80(1), 105–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-006-9023-0>
- Lanza S.T., Rhoades B.L. (2013). Latent class analysis: An alternative perspective on subgroup analysis in prevention and treatment. *Prevention Science*, 14(2), 157–168.
- Lee B.J., Yoo M.S. (2017). What accounts for the variations in children's subjective well-being across nations? A decomposition method study. *Children and Youth Services Review*, 80, 15–21, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2017.06.065>
- Leriu E. (2023). Understanding and measuring child well-being in the region of Attica, Greece: Round five. *Child Indicators Research*, 16(4), 1395–1451.
- Libório M.P., Diniz A.M.A., dos Santos A.C.G. et al. (2024). Benefit-of-the-doubt in the spatial analysis of child well-being in European countries. *Child Ind Res*, 17, 1851–1870. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-024-10145-2>
- Libório M.P., Martinuci O.D.S., Ekel P.I. et al. (2022). Measuring inequality through a non-compensatory approach. *GeoJournal*, 87(6), 4689–4706.
- Ling L., Abu Bakar Ah S., Omar N. (2025). The influence of the microsystem context on the well-being of left-behind children in Sichuan Province, China. *Child Ind Res*, 18, 1305–1328. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-025-10234-w>
- Luo R., Lyu Q., Rozelle S., Wang S. (2021). Early child development and caregiver subjective well-being in rural China. *China Agricultural Economic Review*, 13(2), 302–318.
- Main G., Montserrat C., Andresen S., Bradshaw J., Lee B.J. (2019). Inequality, material well-being, and subjective well-being: Exploring associations for children across 15 diverse countries. *Children and Youth Services Review*, 97, 3–13.
- Matza L.S., Swensen A.R., Flood E.M., Secnik K., Leidy N.K. (2004). Assessment of health-related quality of life in children: A review of conceptual, methodological, and regulatory issues. *Value Health*, 7, 79–92. DOI: [10.1111/j.1524-4733.2004.71273.x](https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2004.71273.x)
- Mínguez A.M. (2017). The role of family policy in explaining the international variation in child subjective well-being. *Social Indicators Research*, 134, 1173–1194.
- Moore K.A. (2020). Developing an indicator system to measure child well-being: Lessons learned over time. *Child Indicators Research*, 13(2), 729–739.
- Moore K.A., Theokas C., Lippman, L. et al. (2008). A microdata child well-being index: Conceptualization, creation, and findings. *Child Indicators Research*, 1(1), 17–50. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-007-9000-4>
- Nahkur O., Kutsar D. (2019). Social ecological measures of interpersonal destructiveness impacting child subjective mental well-being: Perceptions of 12-year-old children in 14 countries. *Child Indicators Research*, 12, 353–378. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-018-9542>
- Noralina O., Siti Hajar A.B.A. (2017). Poor children in Malaysia: Their index of objective well-being. *Southeast Asia: A Multidisciplinary Journal*, 17, 8–21.
- Nussbaum M.C. (2009). Creating capabilities: The human development approach and its implementation. *Hypatia*, 24(3), 211–215.
- O'Hare W.P., Gutierrez F. (2012). The use of domains in constructing a comprehensive composite index of child well-being. *Child Ind Res*, 5, 609–629. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-012-9138-6>
- Ortuño-Sierra J., Aritio-Solana R., Fonseca-Pedrero E. (2020). New evidences about subjective well-being in adolescence and its links with neurocognitive performance. *Int J Environ Res Public Health*, 17, 1866. DOI: [10.3390/ijerph17061866](https://doi.org/10.3390/ijerph17061866)
- Pavot W., Diener E. (2008). The satisfaction with life scale and the emerging construct of life satisfaction. *Journal of Positive Psychology*, 3, 137–152.
- Petito A., Pop T.L., Namazova-Baranova L. et al. (2020). The burden of depression in adolescents and the importance of early recognition. *J Pediatr*, 218, 265–267.e1. DOI: [10.1016/j.jpeds.2019.12.003](https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2019.12.003)
- Pettoello-Mantovani M., Pop T.L., Mestrovic J. et al. (2019). Fostering resilience in children: The essential role of healthcare professionals and families. *J Pediatr*, 205, 298–299.e1. DOI: [10.1016/j.jpeds.2018.10.069](https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2018.10.069)

- Pollard E.L., Lee P.D. (2003). Child well-being: A systematic review of the literature. *Social Indicators Research*, 61, 59–78.
- Prada A., Sanchez-Fernandez P. (2021). World child well-being index: A multidimensional perspective. *Child Indicators Research*, 14(6), 2119–2144.
- Qvortrup J. (1999). *Childhood and Societal Macrostructures: Childhood Exclusion by Default. Child and Youth Culture. Working Paper No. 9.*
- Ravens-Sieberer U., Devine J., Bevans K. et al. (2014) Subjective well-being measures for children were developed within the PROMIS Project: Presentation of first results. *Journal of Clinical Epidemiology*, 67(2), 207–218. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2013.08.018>
- Rees G., Goswami H., Bradshaw J. (2010). *Developing an Index of Children's Subjective Well-Being in England.* London: The Children's Society. Available at: https://www.childrenssociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Developing%20an%20Index%20of%20Children%27s%20Subjective%20Well-being%20in%20England_0.pdf
- Rees G., Goswami H., Pople L. et al. (2012). *The Good Childhood Report 2012: A Review of Our Children's Well-Being.* New York: Springer.
- Rees G., Main G. (Eds). (2015). *Children's Views on Their Lives and Well-Being in 15 Countries: A Report on the Children's Worlds Survey, 2013–14.* Children's Worlds Project.
- Rees G., Savahl S., Lee B.J., Casas F. (2020). *Children's Views on Their Lives and Well-Being in 35 Countries: A Report on the Children's Worlds Project, 2016–19.* Children's Worlds Project (ISCWeB). Available at: <https://iscweb.org/wp-content/uploads/2020/07/Childrens-Worlds-Comparative-Report-2020.pdf%0A>
- Reppold C.T., Serafini A.J., Ramires D.A., Gurgel L.G. (2017). Análise dos manuais psicológicos aprovados pelo SATEPSI para avaliação de crianças e adolescentes no Brasil. *Aval Psicol*, 16, 19–28. DOI: 10.15689/ap.2017.1601.03
- Ryan R.M., Deci E.L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52(1), 141–166. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.141>
- Silva B.N.S., Martins B.G., Campos L.A., Marôco J., Campos J.A.D.B. (2023). Subjective wellbeing of preschool children. *Front Public Health*, 20(11), 1156755. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1156755
- Topp C.W., Østergaard S.D., Søndergaard S., Bech P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: A systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 84, 167–176.
- Wang Z., Sohail M.T. (2022). Short-and long-run influence of education on subjective well-being: The role of information and communication technology in China. *Frontiers in Psychology*, 13, 927562.
- Xu W., Li Z., Wang Y. et al. (2024). Public health and children's subjective well-being. *Child Ind Res* 17, 1471–1493 DOI: <https://doi.org/10.1007/s12187-024-10125-6>
- Žukauskienė R., Kaniūšonytė G., Truskauskaitė-Kunevičienė I., Malinauskienė O. (2015). Systematic review of the measurement properties of questionnaires for the measurement of the well-being of children and adolescents. *Social Inquiry into Well-Being*, 1(1), 40–75. DOI: <https://doi.org/10.13165/SIIW-15-1-1-03>

Сведения об авторах

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Лейла Натиговна Нацун – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Ирина Николаевна Разварина – научный сотрудник, центр социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Александра Николаевна Гордиевская – научный сотрудник, центр социокультурных и политических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru)

Shmatova Yu.E., Natsun L.N., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N.

Social Situation of Children in the Region: From International Assessment Standards to the Testing of a System of Indicators

Abstract. The strategic documents of Russia's development enshrine the growth of population well-being as one of the key goals. This task is particularly relevant for the rapidly shrinking child population – the economic, labor, intellectual, moral, and reproductive reserve of society, and a significant factor in national security. Measures to improve child health and well-being yield immediate, long-term, and intergenerational benefits that are synergistically amplified. The article presents an analysis of foreign and Russian research experience in the field of child well-being. Examples of assessment tools developed within applied international and national social projects are provided. Studies on the subjective well-being of children, considering the value of their opinions, are examined separately. Based on the analysis, the authors propose an original methodology for assessing the child well-being index at the level of the microsystem in a region. The scientific novelty of the new methodology lies in its capacity to assess the well-being level of children in five age groups and to correlate it with the child's human development index during the corresponding life period. The practical results of the study can be applied in the development of state policy aimed at improving the well-being of the child population.

Key words: child well-being, subjective child well-being, child well-being index, life satisfaction.

Information about the Authors

Yulia E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Center for Socio-Demographic Research, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Leila N. Natsun – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Center for Socio-Demographic Research, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Irina N. Razvarina – Researcher, Center for Socio-Demographic Research, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya – Researcher, Center for Socio-Cultural and Political Research, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu85@mail.ru)

Статья поступила 03.12.2025.

Региональные особенности квотирования иностранной рабочей силы в России

Анастасия Алексеевна

СОКОЛОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5434-8094

Аннотация. Настоящее исследование сосредоточено на анализе механизма квотирования иностранной рабочей силы, который регламентирован законодательно и позволяет обеспечивать регулируемый приток мигрантов. В отличие от системы патентов иностранцы, прибывающие в соответствии с квотами по запросу региональных работодателей, как правило, имеют более высокий уровень квалификации. Цель исследования состояла в оценке пространственной и профессиональной неоднородности системы квотирования трудовых мигрантов в России в 2017–2024 гг. В результате исследования было выявлено, что существуют четыре группы регионов, в которых наблюдается различная степень потребности в иностранной рабочей силе на локальных рынках труда и вариативность спроса на неё. Кроме того, осуществлено сопоставление профессионально-квалификационного состава квот по группам регионов. Несмотря на то что при первом приближении анализ структуры квот показывает, что большинство выделенных мест относится к квалифицированным профессиям рабочих и специалистов, существует диверсификация позиций по регионам. Для группы регионов, характеризующихся высокой интенсивностью привлечения иностранной рабочей силы с нестабильным спросом, характерны потребность в рабочих, занятых на горно-строительных работах, более высокая доля квот руководителей различного уровня структурных подразделений, чем в других группах субъектов. Для группы регионов с высокой интенсивностью привлечения иностранной рабочей силы и стабильным спросом более характерна сервисная направленность в привлечении международных специалистов.

Для цитирования: Соколова А.А. (2026). Региональные особенности квотирования иностранной рабочей силы в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 199–220. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.14

For citation: Sokolova A.A. (2026). Regional features of foreign labor quotas in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 199–220. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.14

В то же время группам с низкой интенсивностью привлечения иностранной рабочей силы вне зависимости от характера спроса (стабильный/нестабильный) свойственна невыраженная профессиональная структура таких специалистов. Полученные результаты исследования демонстрируют потенциал системы квотирования как инструмента активного управления качественной структурой трудовой миграции, который может быть использован для совершенствования механизмов распределения квот в условиях дефицита кадров на локальных рынках труда.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, международная миграция, квоты, патент, региональная экономика.

Введение

Нарастающий дефицит трудовых ресурсов, последствия пандемии COVID-19, мобилизация и «релокация» части трудоспособного населения приводят к росту числа вакансий во всех отраслях и профессиональных группах, что в условиях сжимающегося предложения труда, низкой безработицы, высокой текучести кадров и стагнации заработных плат негативно сказывается на устойчивом развитии экономики, во многом замедляя темп экономического роста России (Татаркин, Васильева, 2015). При этом ситуацию усугубляет возрастная структура трудоспособного населения. Так, по предварительным прогнозам, к 2030 году численность занятых в возрасте до 40 лет может сократиться на четверть по сравнению с 2020 годом, а доля россиян без среднего образования стремится к нулю, тогда как вакантные рабочие места низкой квалификации сохраняются и будут востребованы в обозримом будущем (Монусова, 2021). Этот дисбаланс усиливается неравномерным развитием различных отраслей и территорий, что создает вызовы для эффективного функционирования экономики регионов.

В контексте привлечения иностранных работников на рынок труда важно подчеркнуть, что исследуемая группа составляет незначительную долю в структуре занятости местного, российского населения (Флоринская, 2024). Это, в свою очередь, противоречит результатам социологических опросов, в которых население высказывает мнение, что мигранты в стране присутствуют в большом количестве¹, и риторике должностных лиц, в которой просматривается своего рода неприятие трудовых

мигрантов (Мукомель и др., 2022). Кроме того, по данным ВЦИОМ, почти треть опрошенных россиян заявили о том, что мигранты являются источником дополнительных вливаний в экономику, более половины (57%) считают, что благодаря иностранной рабочей силе местное население может получить ряд услуг по более привлекательной цене (например, услуги в строительстве и ремонте). Но, несмотря на это, 50% опрошенных высказывают мнение о том, что мигранты должны жить на специально выделенных территориях, а 78% опрошенных — о необходимости ограничения въезда на территорию России². Интересной особенностью является и то, что наиболее чувствительно присутствие мигрантов воспринимается наименее обеспеченными слоями населения, прежде всего теми, кто занимает уязвимые позиции на рынке труда. Данная группа населения воспринимает иностранных трудовых мигрантов как прямых конкурентов за схожие рабочие места. В то же время наиболее обеспеченные слои населения расценивают иностранную рабочую силу как фактор снижения стоимости потребляемых ими товаров и услуг (Мукомель, 2021).

Структура профессиональных навыков и квалификаций иностранных работников зачастую не соответствует требованиям современного рынка труда, особенно в сегменте высококвалифицированных специалистов. Такая ситуация усугубляется тем, что рекордно низкий уровень безработицы, зафиксированный в октябре 2023 года (снижение до 2,9%)³, свидетельствует, что спрос на рабочую силу, существенно превышающий предложение, вынуж-

¹ Мигранты в России: эффекты присутствия // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/migranty-v-rossii-effekty-prisutstviya> (дата обращения: 11.09.2025).

² Там же.

³ Миграция населения РФ в 2023: кадровый голод. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2023 (дата обращения: 11.09.2025).

дает работодателей соглашаться на соискателей с более низким квалификационным уровнем, чем им требуется. В ряде макрорегионов наблюдается существенный кадровый голод, вызванный введением новых и расширением существующих ограничений на работу иностранцев по патентам⁴. В результате работодатели вынуждены искать дополнительные трудовые ресурсы в уже задействованных социальных группах, таких как студенты и пенсионеры, что указывает на системное несоответствие между качественной структурой человеческого капитала и потребностями экономики⁵. Этот дисбаланс поднимает вопрос не только о количественном восполнении дефицита кадров, но и о необходимости формирования кадрового потенциала с требуемым уровнем компетенций и профессиональных навыков.

В связи с этим особое значение в отношении привлечения иностранной рабочей силы имеет качественный состав мигрантов, соответствие их компетенций потребностям рынка труда. Право иностранного гражданина на осуществление трудовой деятельности в России реализуется через несколько институционально различающихся каналов, самыми крупными и основными из которых являются патентная система и разрешение на работу (Губарева, 2021). Эти каналы существенно различаются по параметрам качественного состава прибывающих работников и по их стратегиям трудоустройства на отечественном рынке труда. Иностранцы граждане из визовых стран, имеющие разрешение на работу, привлекаются в Россию через квотирование, в нормативной практике представляющее собой механизм целевого отбора и регулирования потоков иностранной рабочей силы, поскольку позволяет задавать ее квалификационные параметры

(Бедрина, Шаймарданов, 2010; Macaluso, 2022). Прибывающие по квотам иностранные мигранты чаще оказываются более квалифицированными и формально соответствующими заявленным потребностям работодателей по сравнению с категориями, попадающими на рынок труда через патент.

Привлечение квалифицированной иностранной рабочей силы является актуальным вопросом не только для отечественного, но и для мирового рынка труда. Усиление глобальной конкуренции за трудовые ресурсы привело к трансформации миграционной политики в сторону селективных моделей, ориентированных на иностранных трудовых мигрантов — соискателей с более высоким уровнем образования и квалификации (Macaluso, 2022). Например, в таких странах, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, применяется балльная иммиграционная система («points-based system»): потенциальным трудовым мигрантам присваиваются баллы за их характеристики и компетенции (опыт работы, квалификацию, знание языка принимающей страны, образование и т. д.) с последующим допуском на рынок труда только тех лиц, которые набрали пороговое количество баллов (Sumpton, Walsh, 2023). В странах Европейского союза (ЕС) селективный подход реализуется через механизм «синей карты ЕС» («blue card scheme»), предоставляющий право на проживание и работу специалистам, отвечающим определенным критериям в отношении образования, опыта и занятости (Титова, 2015). Вместе с тем подобные наднациональные селективные механизмы не всегда позволяют учитывать дифференцированные потребности отдельных государств ЕС в сфере занятости. В связи с этим некоторые страны, например Австрия, дополняют имеющиеся механизмы собственными, такими как «красно-бело-красная карта» («red-white-red card»), направленными на отбор трудовых мигрантов в дефицитных профессиях, где не обязательно требуется высокая квалификация (Vešić et al., 2025). Таким образом, международная практика демонстрирует широкий спектр инструментов регулирования качественной составляющей иностранной трудовой миграции, которая имеет свои особенности в зависимости от характеристик принимающей территории.

⁴ Региональная экономика: комментарии ГУ: доклад экономических подразделений территориальных учреждений Банка России при участии Департамента денежно-кредитной политики. Март 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/0325 (дата обращения: 11.09.2025).

⁵ Там же; Региональная экономика: комментарии ГУ: Доклад экономических подразделений территориальных учреждений Банка России при участии Департамента денежно-кредитной политики. Октябрь 2023. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_1023 (дата обращения: 11.09.2025).

В представленной работе акцент сделан на анализ визовых мигрантов, привлекаемых по квотам в Российскую Федерацию, поскольку именно через данный канал происходит регулируемое формирование структуры иностранной рабочей силы. Цель исследования – рассмотреть функционирование системы квотирования трудовых мигрантов в России как в целом, так и в части пространственных и профессионально-квалификационных особенностей распределения квот. Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что результаты могут быть приняты во внимание при совершенствовании механизмов распределения квот и согласования их с реальными потребностями региональных рынков труда.

Рассматривая вопросы привлечения иностранной рабочей силы на рынок труда Российской Федерации, необходимо принимать во внимание особенности правового регулирования (табл. 1). Для осуществления международными трудовыми мигрантами трудовой деятельности существует несколько режимов, различающихся по визовому статусу, порядку осуществления возможности трудоустройства,

продолжительности действия и механизму подачи заявлений, которые регулируются различными нормативно-правовыми актами. Указанные различия имеют не только правовое, но и социально-экономическое значение, поскольку иностранные граждане, прибывающие в Россию по различным основаниям, учитываются разными ведомствами. Это, в свою очередь, затрудняет комплексный статистический учет международных мигрантов.

Механизм квотирования в России распространяется на визовых иностранных граждан. Важно понимать, что разрешение на работу – это основа осуществления законной трудовой деятельности в России, а квота – механизм, который позволяет регулировать рынок труда посредством установления лимита на иностранную рабочую силу. Квотная система во многом инициируется работодателями на местах, но все же является управляемым административным инструментом. Ежегодная квотная кампания стартует в начале года (у каждого региона свой срок), на первом этапе работодатели подают заявки на необходимое количество специалистов (Евтушенко и др., 2024).

Таблица 1. Основания для осуществления трудовой деятельности в России иностранными мигрантами*

Основание	Определение	Страны	Срок действия	Порядок получения
Патент	Документ, подтверждающий право иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, <i>не требующем получения визы</i> на временное осуществление трудовой деятельности	Республики Абхазия, Азербайджан, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан	1–12 месяцев	Заявительный характер от лица иностранного гражданина; для оформления патента необходимо обратиться в территориальный орган МВД России в течение 30 календарных дней со дня въезда в РФ с пакетом необходимых документов
Разрешение на работу	Документ, подтверждающий право иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, <i>требующем получения визы</i> на временное осуществление трудовой деятельности	Все визовые страны	1 год	Заявительный характер от работодателя; по общему правилу работодатель (заказчик работ, услуг) вправе привлекать и использовать для осуществления трудовой деятельности иностранцев, в том числе при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников. Для получения такого разрешения необходимо обратиться в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориальный орган
Свободный доступ на рынок труда	Освобождение от необходимости получать разрешительные документы на работу в РФ в рамках договора о Евразийском экономическом союзе	Республики Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия	На период действия трудового договора	Заклучение трудового договора в соответствии с нормами трудового права

*Представлены основные формы, за исключением особых режимов.

Составлено по: О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 (дата обращения: 11.09.2025); Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, в редакции от 25.05.2023, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 24.06.2024 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 11.09.2025).

Важно помнить: чтобы принять на работу иностранного специалиста в следующем году, работодатель должен подать заявку в текущем году⁶. Потребность в иностранных работниках определяется органом исполнительной власти субъекта РФ и рассматривается межведомственной комиссией с участием представителей трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений субъекта, заинтересованных территориальных органов исполнительной власти, включая территориальные органы Федеральной миграционной службы, Федеральной налоговой службы, Федеральной службы по труду и занятости. Комиссия может принять решение о полном или частичном удовлетворении заявки либо полностью ее отклонить. При вынесении решения учитываются вопросы национальной безопасности, баланса трудовых ресурсов и приоритета трудоустройства граждан РФ. До 15 августа субъекты определяют итоговую потребность на основе решений комиссии, а до 1 сентября направляют обоснование в Министерство труда и социальной защиты РФ⁷, где формируется проект квот, который выносится на правительственное одобрение. Кроме этого, Минтруд утверждает резерв квот, который регионы могут получить при необходимости сверх тех, которые утверждаются для регионов. В годовой объем квот нормативно заложен 30%-й резерв для каждого региона на случай изменения потребности в иностранных работниках в течение года (Комаровский, 2021).

После этого мигрант оформляет визу и может въехать в Россию, работать на заявленного работодателя по заявленной должности до окончания действия квоты и срока визы. Квота закрепляет именно работодателя, и мигрант имеет право работать только в рамках конкретной компании и определённой специальности.

⁶ Зачем нужно разрешение на привлечение и использование иностранных работников // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/attract_foreigners/114001 (дата обращения: 11.09.2025).

⁷ Об утверждении правил определения органами государственной власти субъекта Российской Федерации потребности в привлечении иностранных работников: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.01.2014 № 27н // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160058 (дата обращения: 11.09.2025).

Но также важно отметить, что получение квоты не обязывает работодателя к привлечению иностранного работника (Евтушенко и др., 2024).

Срок полного цикла от подачи заявления до реального трудоустройства иностранного гражданина по разным оценкам составляет от 4–6 месяцев⁸ (Евтушенко и др., 2024) до полутора лет (заявка на квоту подается за 1 год до начала оформления в штат иностранного сотрудника)⁹, что создает препятствия для быстрой реакции на изменяющиеся условия на рынках труда.

Несмотря на то что работодатель имеет возможность гарантированно получить сотрудника требуемой ему специальности и квалификации, всё же трудоустройство иностранцев по патенту является более распространенным и предпочтительным. Так, свыше половины трудовых договоров, по данным МВД, оформляются на основе патента (от 54% в 2021 году до 61% в январе – июне 2023 года), в то время как разрешением на работу пользуются только 3–4% иностранных мигрантов, а от 36 до 42% трудятся без разрешительных документов¹⁰. Патентная система предпочтительна в силу относительной простоты процедуры оформления (Рязанцев, 2015) ввиду отсутствия дополнительной бюрократической нагрузки (Евтушенко и др., 2024), и такой вариант трудоустройства мигранта не требует уплаты госпошлины (в случае трудоустройства на основании разрешения на работу работодатель платит госпошлину в размере 12 000 руб. за каждого привлекаемого иностранца)¹¹. Патент в отличие от разрешения

⁸ Разрешение на работу для граждан из дальнего зарубежья // Visa-Delight. URL: <https://www.visa-workpermit.ru/ru/work-permit/for-foreign-nationals> (дата обращения: 11.09.2025).

⁹ Документы работодателя визовых иностранцев // Миграционный эксперт. URL: <https://all-migration.com/journal/trudoustroystvo-inostrantsa-oformlyaem-pravilno/dokumenty-rabotodatelaya-vizovykh-inostrantsev> (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁰ Щербак Е.М. (2023). Иностранная рабочая сила в России, 2022–2023 годы // Демоскоп Weekly. № 1005–1006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/01005/barom01.php> (дата обращения: 11.09.2025).

¹¹ Как оформить разрешение на привлечение и использование иностранных работников // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/attract_foreigners/114003 (дата обращения: 11.09.2025).

на работу предоставляет мигранту возможность не быть привязанным к конкретному работодателю, что повышает его трудовую мобильность. Однако работодатель, который делает ставку на иностранную рабочую силу, не застрахован от ухода мигрантов, получивших патент, к другому работодателю, поскольку тот может предложить более конкурентные условия труда¹². Для самих мигрантов патент также сопряжён с рисками, так как в отличие от работников, приезжающих по разрешению на работу, они не имеют заранее гарантированного места приложения труда и вынуждены самостоятельно искать работу.

Важно отметить, что состав иностранцев, трудящихся по патенту и на основании разрешения на работу, качественно отличается. Так, для иностранцев, приезжающих по патентам, нет законодательно закреплённого требования о наличии какой-либо определённой квалификации. Трудоустройство по патенту не требует от иностранного работника определённого профессионального уровня, что ведёт к преобладанию низкоквалифицированных мигрантов с недостаточным уровнем образования, в основном из стран Средней Азии, и представляет собой серьёзный вызов для государства и миграционной политики (Красинец, 2020), в то время как система квотирования в отношении иностранных граждан, имеющих разрешение на работу, предполагает отбор специалистов по конкретным профессиям и квалификациям, соответствующим запросам рынка труда и национальным интересам. Визовые иностранные мигранты, прибывающие по квоте, — это всегда квалифицированная рабочая сила, поскольку квалификация — одно из главных условий подтверждения квоты¹³. Квалификация таких международных мигрантов может быть самой разнообразной: большая часть квот направляется на востребованные в промышленности специальности, но также есть и такие позиции, которые включают в себя как управленческие

¹² Без мигрантов нельзя: эксперты назвали плюсы и минусы миграционной политики в России. URL: <https://ngs.ru/text/politics/2025/08/04/75790425> (дата обращения: 10.09.2025).

¹³ Правительство установило квоту на привлечение работников из-за рубежа по заявкам компаний // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/migration/648> (дата обращения: 11.09.2025).

кадры (например, в 2025 году присутствовала должность председателя правления Российско-Германской внешнеторговой палаты), руководителей групп в промышленности, главных геологов, так и швей, бойцов скота и т. д. Соответственно, и оплата труда иностранных работников варьируется в зависимости от предполагаемой позиции — от 20 до 380 тыс. руб. в месяц¹⁴.

Помимо этого, существует особый режим для иностранных граждан, не требующий такой длительной процедуры, как в случае с теми мигрантами, которые трудоустраиваются по квоте. Так, например, вне системы квот находятся высококвалифицированные специалисты, оформляемые по отдельному порядку¹⁵. Система привлечения высококвалифицированных специалистов имеет упрощённый формат, она не требует получения квоты, но, к сожалению, из-за этого используется как инструмент формального упрощённого временного доступа иностранных граждан на российский рынок труда (Chudinovskikh, Kharaeva, 2020). Ранее вид на жительство для подобной категории граждан имел ограничение в три года, но с 2023 года такого ограничения нет. Однако стоит упомянуть, что высококвалифицированные специалисты редко обращаются за видом на жительство¹⁶, не перевозят в страну семьи и предпочитают временное пребывание в РФ на период выполнения трудовой деятельности (Мукомель и др., 2022).

Конкурентоспособность России как принимающей страны в последние годы снижается, но, несмотря на это, Россия до сих пор остаётся одним из крупных центров миграционного притяжения. Так, в 2024 году она занимала

¹⁴ Минтруд раскрыл самые высокие зарплаты мигрантов. На какие позиции привлекают квалифицированные кадры из-за рубежа // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2024/675c11489a79475d38c7ef0e> (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/184755> (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁶ Чудиновских О.С. (2024). Основные изменения законодательства в области международной миграции и приобретения гражданства Российской Федерации, 2023–2024 гг.: новые правовые нормы, проекты законов и дискуссия // Демоскоп Weekly. № 1021–1022. С. 21–30. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01021/review01.php> (дата обращения: 11.09.2025).

10 место (7,6 млн чел.)¹⁷ среди стран с самым большим числом международных мигрантов, тогда как, например, в 2020 году (12 млн чел.)¹⁸ и 2017 году (11,7 млн чел.)¹⁹ стабильно была на четвертом месте (после США, Саудовской Аравии и Германии). В процентном соотношении в структуре постоянного населения доля международных мигрантов невелика — в 2017 и 2020 годах она составляла 8,1 и 8% соответственно, а в 2024 году — 5,3%²⁰. Можно заключить, что спад объемов миграции мог быть вызван внешними причинами, такими как пандемия, политико-экономические изменения после 2022 года.

Несмотря на международную статистику, которая продемонстрировала спад миграционного интереса, отечественная статистика зафиксировала в 2024 году рекордный миграционный прирост. Данное обстоятельство обусловлено изменением методики передачи данных из МВД в Росстат в связи с переходом на электронное взаимодействие между структурами, которое позволило более полно вести

учет мигрантов. Статистически заявленный прирост почти полностью (на 95%) компенсировал естественную убыль населения (596,2 тыс. человек), что значительно превышает показатели предыдущих лет, когда прирост возмещал 41% убыли годом ранее и 10% — в 2022 году, а последний раз чистая миграция полностью компенсировала убыль в 2017 году²¹.

Каждый четвертый иностранный гражданин, указавший причину прибытия на территорию РФ, приезжает в целях осуществления трудовой деятельности. Зачастую такой визит является временным, когда мигрант, достигнув улучшения своего материального положения²², уезжает (рис. 1). Приток международных мигрантов иностранных граждан с образовательной целью колеблется в диапазоне 11,1–18,7% от всех прибывших, хотя они представляют значительный интерес и в программных документах установлен показатель по увеличению данной категории граждан к 2030 году (Комлев, Костылева, 2025). Прибывшие в страну международные мигранты и получившие здесь образование потенциально могут реализовывать свой трудовой потенциал в России. Однако может быть и другой подход, когда в странах-донорах миграционных ресурсов открываются филиалы российских вузов, которые готовят квалифицированные кадры (Гребенюк, Аверьянов, 2025), что также в будущем будет менять качественный состав иностранной рабочей силы в стране.

Структура выбытий иностранных мигрантов из РФ разительно отличается от структуры прибытий. В подавляющем большинстве случаев причиной отъезда становится возвращение после временного отсутствия, что подчеркивает временный характер пребывания граждан других государств на территории страны и вносит элемент нестабильности на отечественных рынках труда (рис. 2).

¹⁷ United Nations (2024). International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. UNDESA/POP/2024/DC/No. 13. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (accessed: 11.09.2025).

¹⁸ United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights (ST/ESA/SER.A/452). Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www> (accessed: 11.09.2025).

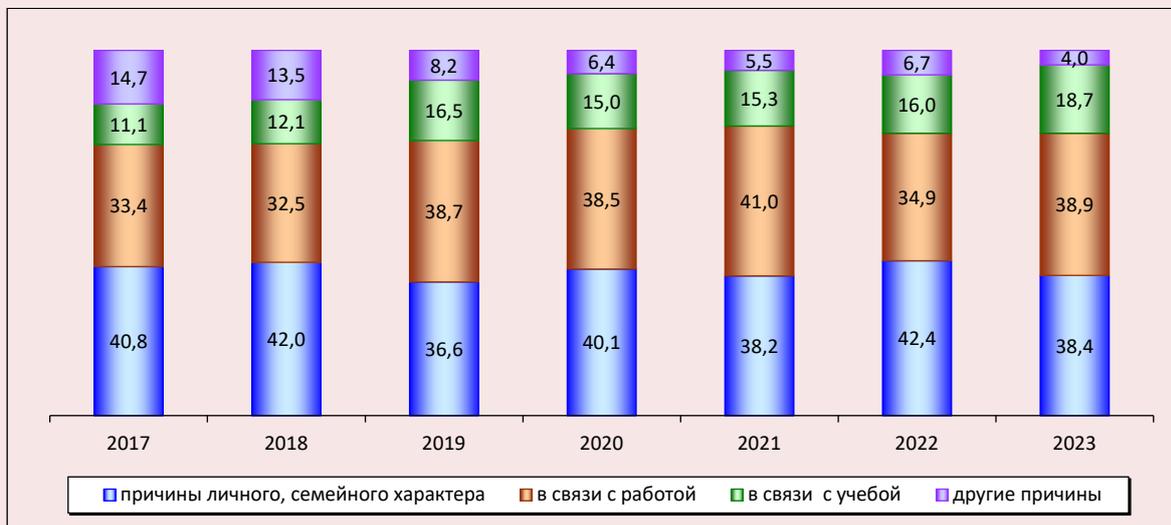
¹⁹ United Nations Department of Economic and Social Affairs (2017). International Migration 2017 Highlights (ST/ESA/SER.A/404) Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 11.09.2025).

²⁰ United Nations Department of Economic and Social Affairs (2017). International Migration 2017 Highlights (ST/ESA/SER.A/404). Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf; United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights (ST/ESA/SER.A/452). Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www>; United Nations (2024). International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. UNDESA/POP/2024/DC/NO. 13. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (accessed: 11.09.2025).

²¹ Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года. Он стал следствием нового формата сбора статистики // РГБ. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 11.09.2025).

²² Без мигрантов нельзя: эксперты назвали плюсы и минусы миграционной политики в России // НГС.НОВОСТИ. URL: <https://ngs.ru/text/politics/2025/08/04/75790425> (дата обращения: 10.09.2025).

Рис. 1. Структура доли прибывших международных мигрантов иностранных граждан в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, % от численности международных мигрантов, указавших причину миграции

Примечание. В диаграмме представлены три самых распространенных причины миграции среди прибывших международных мигрантов, все остальные причины миграции вошли в графу «другие причины».

Рис. 2. Структура доли выбывших международных мигрантов иностранных граждан в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, % от численности международных мигрантов, указавших причину миграции

Примечание. В диаграмме представлены три самые распространенные причины миграции среди выбывших международных мигрантов, все остальные причины миграции вошли в графу «другие причины».

Источник: статистический бюллетень «Миграция и численность населения Российской Федерации».

Колеблющийся курс рубля делает международную трудовую миграцию в Россию не столь привлекательной, как раньше. Так, начиная со второй половины 2010-х гг. на въезд мигрантов из Центральной Азии претендуют и другие страны с более конкурентоспособными финансовыми условиями²³. Новыми точками притяжения становятся страны Ближнего Востока, Персидского залива и Восточной Азии, и в ближайшее время прогнозируется лишь увеличение конкуренции за рабочую силу из Средней Азии (Гребенюк, Аверьянов, 2025). Рост подушевого ВВП в соседних странах, таких как Казахстан и Китай, превращают их в прямых конкурентов России за человеческий капитал. При этом традиционные источники трудовых мигрантов, прежде всего из стран Средней Азии, постепенно утрачивают свой потенциал, что вынуждает Россию искать новые направления для привлечения иностранных специалистов (Юмагузин, Винник, 2023). На качественный состав входящих миграционных потоков влияет и тот факт, что после 2020 года с российского рынка труда ушли наиболее образованные и квалифицированные мигранты из Украины, Белоруссии и Молдовы (Мукомель и др., 2022).

Усугубляет ситуацию и череда поправок в миграционное законодательство. В целом с февраля 2025 года ужесточился надзор за нарушениями в области миграции и изменился порядок «выдворения» мигрантов: ранее решение о депортации принималось в судебном порядке, тогда как сейчас такие полномочия получила служба полиции²⁴. Кроме того, с начала 2025 года срок пребывания безвизовых мигрантов сократился вдвое (90 суток в тече-

ние года, ранее — в течение полугода)²⁵, а весной 2025 года в ряде регионов был расширен перечень сфер деятельности, где мигранты не могут работать по патенту, что обострило ситуацию на рынке труда в отдельных регионах²⁶. Кроме того, к 2025 году в некоторых регионах увеличились лимиты на трудоустройство иностранных мигрантов по видам экономической деятельности²⁷. Перечисленные нововведения отражают лишь часть предпринимаемых шагов, но они свидетельствуют о тенденции к усилению контроля за потоком прибывших международных мигрантов, а также направлены на снижение количества совершаемых правонарушений в области миграции.

Традиционно трудовые мигранты из стран СНГ составляют большую часть миграционного прироста в России (рис. 3). Так, в частности, в 2024 году до 80% трудовых мигрантов составили представители Средней Азии, а именно наибольшее количество граждан въехало из республик Таджикистан, Узбекистан и Киргизия²⁸. Представители этих государств работают на территории России в основном по патенту (республики Таджикистан,

²³ Новые миграционные правила 2025 года: что нужно знать бизнесу // Росмигрант.пф. URL: <https://росмигрант.пф/press-center/news/novosti/novye-migratsionnye-pravila-2025-goda-chto-nuzhno-znat-biznesu> (дата обращения: 12.09.2025).

²⁶ В Калининградской области не могут полностью заместить труд мигрантов // RG.ru. URL: <https://rg.ru/2024/10/08/reg-szfo/v-kaliningradskoj-oblasti-nemogut-polnostiu-zamestit-trud-migrantov.html> (дата обращения: 16.09.2025).

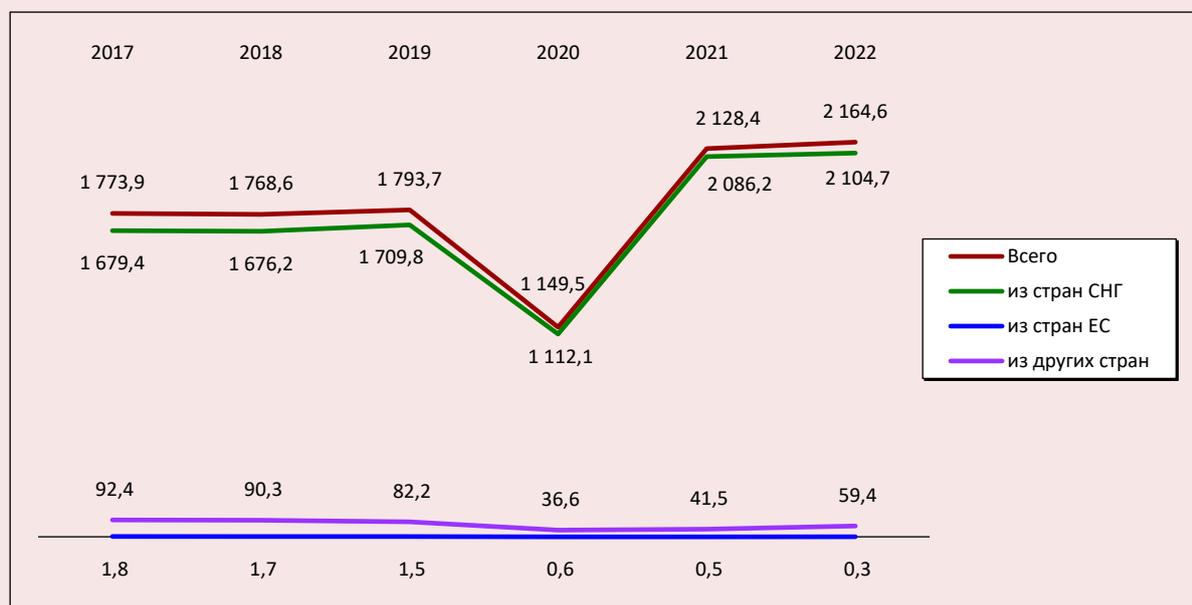
²⁷ Об установлении на 2025 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляемыми на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2024 № 1796 // КонтурНорматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=494331> (дата обращения: 16.09.2025).

²⁸ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития (2022) / под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурылева; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. № 6 (160). 28 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2022_7-160_June.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

²³ В 2023 году приток мигрантов в Россию упал до минимальных значений. Это может стать уже четвертой волной спада миграции с конца 2000-х, но пока она меньше, чем ожидалось // Если быть точным. URL: <https://tochno.st/materials/v-2023-godu-pritok-migrantov-v-rossii-upal-do-minimalnyx-znachenii-eto-mozet-stat-uzetvertvoi-volnoi-spada-migracii-s-konca-2000-x-no-pokana-mense-chem-ozidalos> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482497/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 12.09.2025).

Рис. 3. Динамика численности иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу в России в течение года, тыс. чел.

Источник: Труд и занятость в России 2023 г.; Труд и занятость в России 2021 г.

Узбекистан) либо в соответствии с заключенными соглашениями (Республика Киргизия) без оформления дополнительных документов, как граждане РФ.

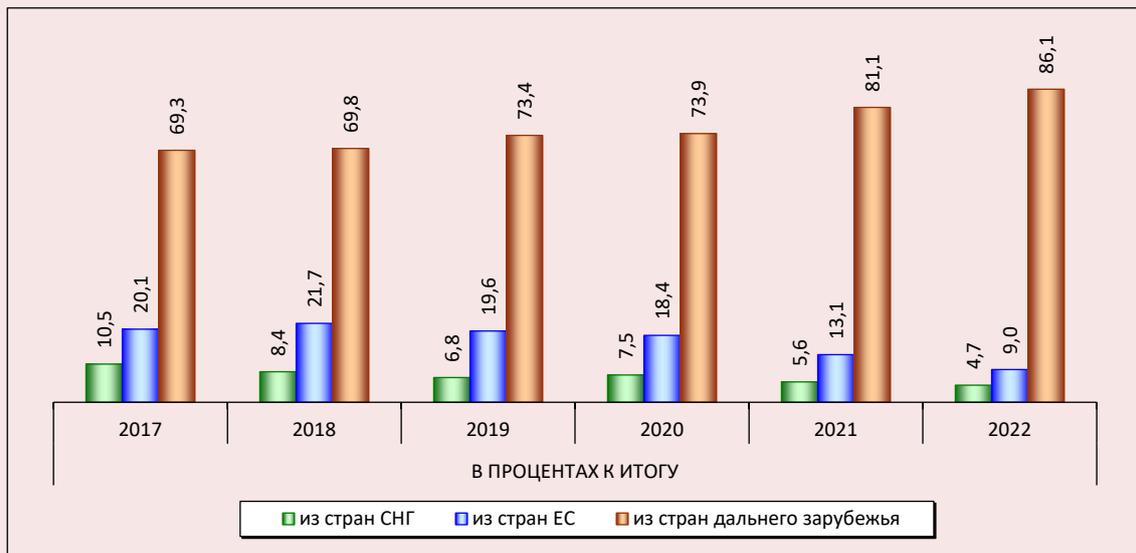
Наиболее крупными поставщиками рабочей силы по визе из стран дальнего зарубежья в I квартале 2023 года стали Китай, Вьетнам, Индия, Турция, Сербия (Щербакова, 2023). Помимо этого, предприятия легкой промышленности и торговли из Центральной России стали рассматривать как источник рабочей силы Южную Азию, а в связи с ограничениями миграционных потоков из ближнего зарубежья некоторые предприятия изучают возможности привлечения рабочей силы из стран Африки и Латинской Америки²⁹. Важной характеристикой привлечения иностранных граждан по визе является их квалификация, которая, как правило, соответствует запросам работодателей.

²⁹ Региональная экономика: комментарии ГУ: доклад экономических подразделений территориальных учреждений Банка России при участии Департамента денежно-кредитной политики. Февраль 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/0225 (дата обращения: 16.09.2025).

Граждане стран ЕС традиционно составляли незначительную долю среди иностранных работников в России. Трудовые ресурсы из стран Европы могут отдавать предпочтение трудоустройству в Западной Европе и Америке, поскольку эти страны предлагают более выгодные условия труда. Но здесь возможен и обратный ракурс, поскольку специалисты из европейских стран имеют более высокую цену труда, это снижает спрос на европейских работников по сравнению с трудовыми ресурсами из Средней Азии. Снижение численности иностранных трудовых мигрантов из этих стран фактически сводит миграцию высококвалифицированных кадров к минимуму, поскольку основная часть подобных специалистов прибывает в Россию именно из стран дальнего зарубежья.

Наибольшая доля высококвалифицированных иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, приходится на страны дальнего зарубежья (рис. 4). Выявленное увеличение процентного соотношения специалистов из Китая (с 25,8 до 27,7%) и Турции (с 20,0 до 34,1%) за период 2017–2022 гг. указывает на структурные изменения в составе мигрантов. Эти тенденции можно

Рис. 4. Численность иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов, имевших действующее разрешение на работу (на конец года), % к итогу

Источник: Труд и занятость в России 2023 г.; Труд и занятость в России 2021 г.

интерпретировать как свидетельство усиления притока высококвалифицированных специалистов из определённых регионов, что, в свою очередь, отражает адаптацию миграционной политики России к текущей ситуации и изменение спроса на квалифицированную рабочую силу. В то же время увеличение доли высококвалифицированных мигрантов может говорить о стремлении работодателей компенсировать дефицит специалистов, указывая на необходимость более гибкого управления миграционными потоками с учётом их качественных характеристик.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики, данные Министерства внутренних дел, публикации Организации Объединённых Наций (United

Nations), а также аналитические отчёты и научные исследования ведущих российских и зарубежных экспертов в области миграционных процессов. Помимо этого, в работе используется анализ нормативно-правовой базы, касающейся вопросов потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы по профессионально-квалификационным группам, за 2017–2024 гг.³⁰

При анализе миграционных процессов необходимо принимать во внимание, что доступность и актуальность данных о миграции часто ограничены (Рязанцев, Письменная, 2019; Чудиновских, Степанова, 2020). Так, например, статистические источники обновляются с разной частотой, что приводит к временным разрывам в доступности информации. В связи с этим нами был избран период с 2017 по

³⁰ Было использовано Приложение № 2 к следующим приказам: О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2017 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 13 декабря 2016 г. № 728н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных правительством Российской Федерации на 2018 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в российскую федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.12.2017 № 848н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2019 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы,

2024 год, поскольку он сочетал в себе доступные данные о международной миграции из различных открытых источников. Однако в ряде случаев, где использовались данные сборника «Труд и занятость в России», обновление которого происходит раз в два года, затрагиваемый период сужался до 2022 года. Сложность учета международной трудовой миграции обусловливается еще и тем, что рассматриваемая категория граждан в зависимости от страны происхождения имеет разные основания для осуществления трудовой деятельности в РФ. Всё это многообразие форм порождает различия в статистическом учете.

В работе сделан акцент на группе иностранных трудовых мигрантов, которые прибывают в Россию в соответствии с выделенными квотами, то есть тех граждан, которые имеют разрешение на осуществление трудовой деятельности на территории России по визе.

Для выявления различий между регионами России по параметрам, характеризующим использование механизмов привлечения иностранной рабочей силы, была проведена процедура группировки субъектов.

В качестве критериев выделения групп использовались показатели, приведённые к относительному виду в целях исключения искажения, связанного с разным масштабом регионов.

1. Показатель интенсивности привлечения иностранной рабочей силы (далее – ИПИРС). Рассчитан для всех регионов РФ и

представляет собой отношение суммарного количества выделенных квот на привлечение иностранной рабочей силы за период с 2017 по 2024 год к общей численности занятых за тот же временной отрезок. Для обеспечения сопоставимости результатов между регионами полученные значения были приведены к формату – количество квот на 1000 человек занятого населения. Выполненные расчеты позволили рассмотреть, насколько активно регион пользуется квотами и какой вес эти квоты имеют в численности занятого населения региона за исследуемый период. Было выбрано использование суммарного количества, поскольку такой способ сглаживает резкие колебания значений за период исследования, а также позволяет оценить среднесрочные тренды в использовании трудовых квот (квоты ежегодно переназначаются).

2. Для анализа изменчивости потребности в иностранной рабочей силе рассчитан коэффициент вариации по объёму квот также за 2017–2024 гг. для каждого региона отдельно. Рассчитанные значения позволили рассмотреть характер потребности, которая могла быть устойчивой (количество выделенных квот остается примерно на одном и том же уровне год от года) или нестабильной (количество квот сильно меняется). Таким образом, для каждой области были взяты ежегодные значения квот за 2017–2024 гг., по которым рассчитывался коэффициент вариации.

разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 декабря 2018 г. № 832н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2020 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 декабря 2019 года № 791н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2021 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 декабря 2020 г. № 878н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2022 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17.12.2021 № 893н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2023 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12.12.2022 № 777н; О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2024 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22.12.2023 № 884н // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.09.2025).

Помимо выше представленных характеристик, отражающих в большей степени количественную сторону спроса на иностранных трудовых мигрантов, нами была предпринята попытка рассмотреть качественную составляющую, а именно разнообразие профессионально-квалификационных групп, на которые запрашивались квоты в регионах. Всего в анализируемых нормативно-правовых документах (утверждаются ежегодно) выделено 15 профессионально-квалификационных групп, по которым Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации выделяет квоты. В данном случае был также применен подход, в котором мы используем нарастающий итог за исследуемый период по каждой из профессионально-квалификационных групп в каждом из регионов РФ.

На заключительном этапе регионы были сгруппированы по значениям ИПИРС и коэффициенту вариации. Для оценки связи между полученными группами и структурой профессионально-квалификационного спроса нами использована таблица сопряженности, рассчитаны критерии хи-квадрат и V Крамера.

В данной статье мы сосредоточились на анализе количества квот, что является ограничением нашего исследования. Однако важно понимать, что квоты — это не реально задействованные рабочие места, а только потенциально задействованные, они отражают административно закреплённые решения по квотам. На данный момент у нас нет официальных данных о том, какая часть из выделенных квот была реализована фактически, а какая осталась невостребованной. Кроме того, использование нарастающего итога, которое дало нам возможность охватить долгосрочный профиль спроса на иностранную рабочую силу, всё же скрывает изменения внутри рассматриваемого временного отрезка. Например, в таком формате мы не можем рассмотреть, какую стратегию в отношении привлечения иностранной рабочей силы предпринимали регионы в периоды нестабильности, поскольку выбранный временной период затронул сразу два крупных внешних шока, существенно повлиявших на параметры международной трудовой миграции, а именно пандемия COVID-19 и геополитический кризис, начавшийся с 2022 года.

Все представленные методы, несмотря на имеющиеся ограничения, могут продемонстрировать различия в пространственной неоднородности распределения квот и выявить регионы с различным типом спроса на иностранную рабочую силу, привлекаемую через механизм квотирования.

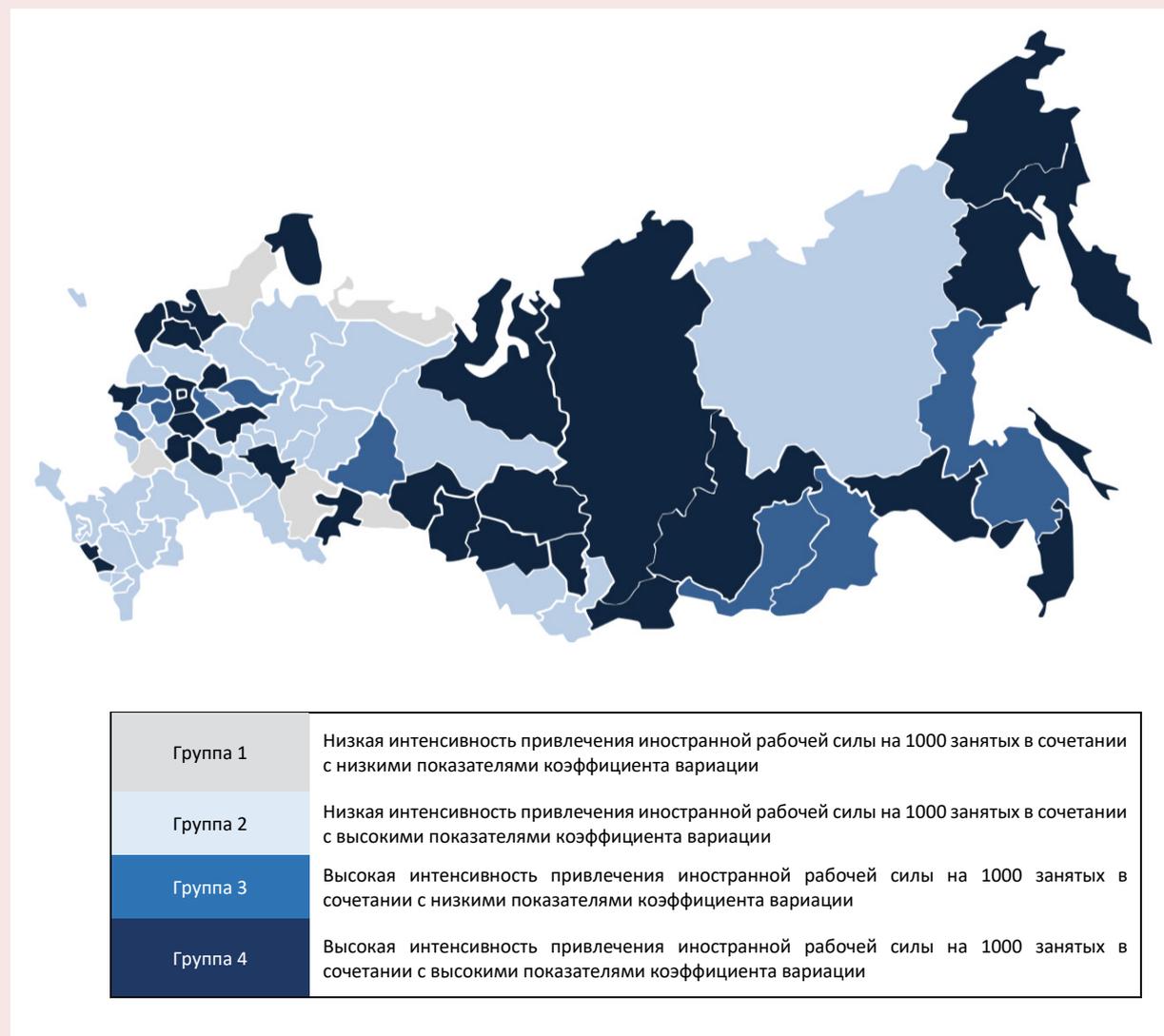
Результаты

Переходя к анализу регионов России по выделенным показателям ИПИРС и коэффициенту вариации, необходимо отметить сильную территориальную дифференцию. Об этом свидетельствует расхождение среднего значения по показателю ИПИРС (2,22 на 1000 занятых) от медианного значения (0,35 на 1000 занятых), что обуславливается наличием выбросов — регионов с высоким значением квот (например, в Амурской области более 40,5 квоты на 1000 занятых). В отношении значений коэффициента вариации также наблюдается сильный разброс значений от высоких, например, в Брянской области (более 269,3%) и Кабардино-Балкарской Республике (205,2%), до низких — в Ненецком автономном округе (0%) и во Владимирской области (8,1%). Данные наблюдения подводят нас к выводам о том, что доля иностранных граждан, работающих по квотам, в регионах в структуре занятого населения сильно варьируется, а также о том, что потребность в иностранной рабочей силе в некоторых регионах является эпизодической. Исходя из этого, за критерий разделения по показателю ИПИРС было принято медианное, а не среднее значение. В случае разделения групп по параметру коэффициента вариации было принято пороговое значение в 33%³¹, которое свидетельствовало об устойчивой, не сильно колеблющейся год от года потребности в иностранной рабочей силе.

В результате сопоставления субъектов по параметрам показателя ИПИРС и коэффициента вариации за исследуемый период нами было выделено четыре группы регионов (рис. 5).

³¹ При значении коэффициента вариации меньше 33% исследуемая совокупность считается однородной, устойчивой, регулярной по данному признаку. Если вариация превышает 33%, то совокупность считается неоднородной, неустойчивой, в ней протекают какие-либо процессы, обнаруживаются тенденции к изменениям (Кириллов А.В. Статистика: учеб. для студентов вузов. Самара: Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. 384 с.).

Рис. 5. Группировка регионов по показателям интенсивности привлечения иностранной рабочей силы на 1000 занятых и коэффициенту вариации

Источник: расчеты автора.

К группе 1 относятся пять регионов России, а именно Ненецкий автономный округ, Воронежская и Курганская области, а также республики Карелия и Башкортостан. Для этой группы характерны низкая интенсивность привлечения иностранной рабочей силы на 1000 занятых в сочетании с низкими показателями коэффициента вариации, что свидетельствует о стабильном и незначительном спросе на иностранную рабочую силу. В этих регионах международные мигранты как трудовой

ресурс составляют незначительный контингент на местном рынке труда и не вносят существенного вклада в экономику.

Низкая интенсивность привлечения иностранной рабочей силы в сочетании с высокими показателями коэффициента вариации характерны для 38 субъектов страны, они были отнесены нами ко 2-й группе. Им свойственен эпизодический, нерегулярный, но по-прежнему слабый спрос на иностранную рабочую силу. Вероятно, в 1-й и 2-й группе регионов

работодатели либо не испытывают острого дефицита кадров, либо они компенсируют его посредством других каналов, например за счет мигрантов, которые приезжают работать по патенту, иностранных граждан, которым не нужно получать специальные разрешительные документы на осуществление трудовой деятельности в России, внутренних мигрантов, в том числе маятниковых и вахтовых трудовых мигрантов. Важно отметить, что, несмотря на наличие выраженных внешних шоков (пандемия, обострение геополитической ситуации), в анализируемом временном периоде регионы из 1-й и 2-й групп продемонстрировали стабильное использование механизма квот, и коэффициент вариации в этих субъектах оставался в пределах устойчивых значений, что может свидетельствовать о сформированной практике в отношении привлечения иностранной рабочей силы.

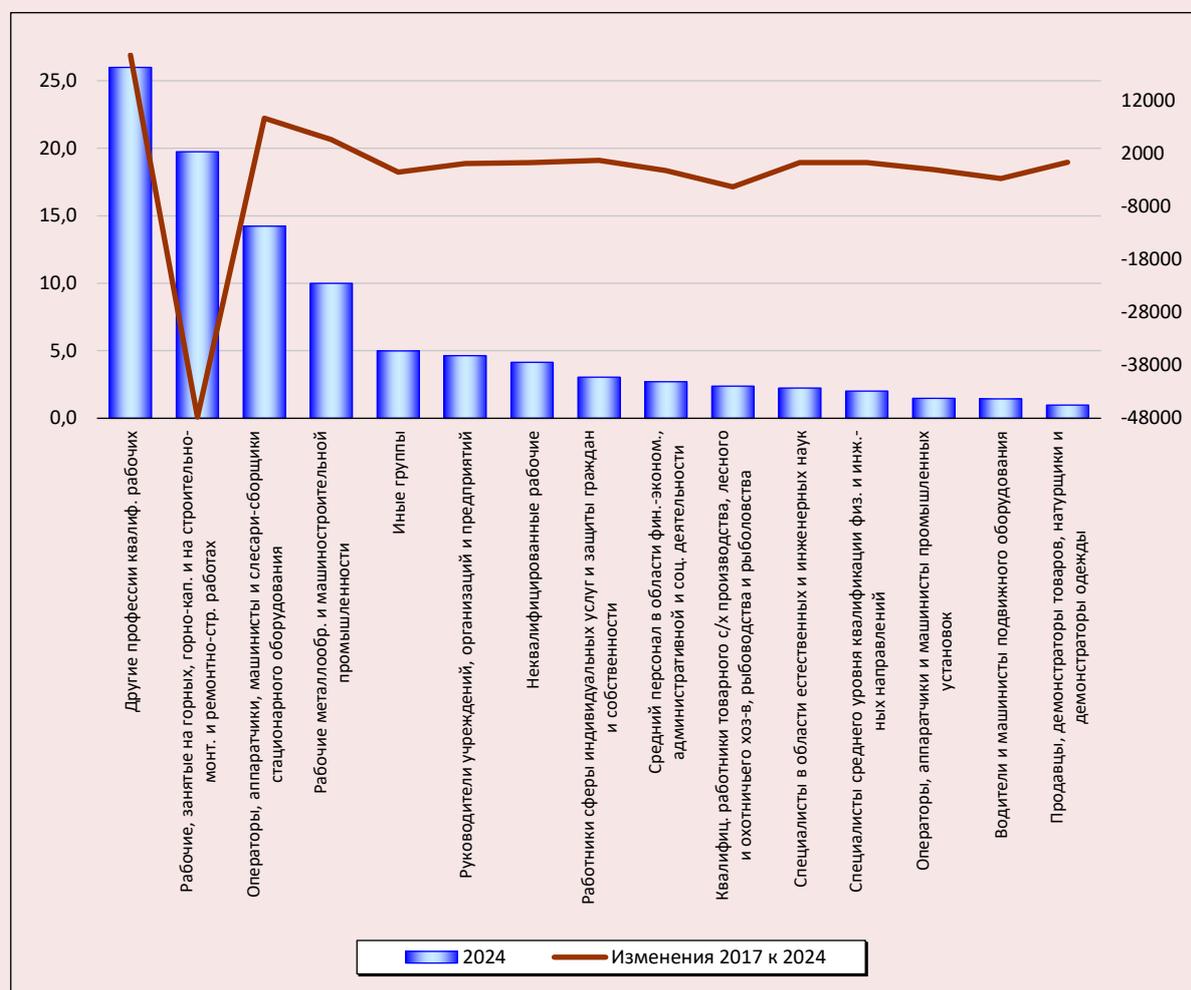
Группа 3 и группа 4 характеризуются высокими показателями интенсивности привлечения иностранной рабочей силы относительно местного населения. Для группы 3 (9 субъектов) характерна стабильно высокая потребность в привлечении международных мигрантов, что может свидетельствовать о зависимости рынка труда данных субъектов от их труда. Сюда входят преимущественно промышленные и инфраструктурные центры в регионах центральной России (Калужская, Курская, Владимирская, Тульская, Костромская области) и регионов Сибири и Дальнего Востока (Свердловская область, Республика Бурятия, Забайкальский и Хабаровский края).

Для 4 группы (33 региона) характерен эпизодический характер привлечения иностранной рабочей силы. В данную группу регионов попали те субъекты, которые являются крупными индустриальными центрами (Кемеровская, Челябинская, Нижегородская области и др.) и отдаленные северные территории (Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Мурманская область и др.), специализирующиеся на добывающей и обрабатывающей промышленности, регионы с крупными инфраструктурными проектами, а также большие урбанизированные и столичные субъекты (г. Москва, Московская, Ленинградская, Ярославская области и др.). В данном слу-

чае сочетание высокой потребности в рабочей силе, а также цикличность реализуемых крупных проектов объясняет одновременно интенсивное и эпизодическое использование квот.

Регулярно Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации помимо общего количества квот для регионов устанавливает перечень и количество профессионально-квалификационных групп для выдачи разрешений на работу (рис. 6). Больше всего квот в 2024 году было выделено в таких профессионально-квалификационных группах, как другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий (26% от общей доли профессионально-квалификационных групп), рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительном-монтажных и ремонтно-строительных работах (19,7%), операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования (14,2%), рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (10,0%). Наименее представлены такие категории работников, как продавцы (1,0%), водители и машинисты подвижного оборудования (1,4%), операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок (1,5%). В целом распределение продемонстрировало, что даже несмотря на преобладание в структуре профессий «рабочих» специальностей, всё же это рабочие места, которые требуют квалификации и определенной специализации. В 2024 году наиболее выраженные тренды на увеличение квот наблюдались в таких профессионально-квалификационных группах, как другие профессии квалифицированных рабочих (на 105%, или на 20765 чел. по сравнению с 2017 годом), операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования (на 65%, или на 8790 чел.), рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (на 44%, или на 4734 чел.). Причинами увеличения числа квот выступили отсутствие необходимых кадров в регионах, ввод импортного оборудования, а также необходимость привлечения дополнительной рабочей силы на крупные проекты, такие как строительство газопровода «Сила Сибири» и газоперерабаты-

Рис. 6. Распределение потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, по приоритетным профессионально-квалификационным группам 2017–2024 гг., % и чел.

Составлено по: Постановления Правительства РФ об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и об утверждении квот за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 и 2024 гг. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru>

вающего кластера в Усть-Луге³². Важно упомянуть, что в 2025 году были выделены две новых профессионально-квалификационные группы, а именно специалисты в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения, а также специалисты среднего уровня квалификации и вспомогательный персонал естественных наук и здравоохранения.

³² Квоту на мигрантов из визовых стран увеличили в 1,5 раза // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/12/2024/67534adf9a7947502f17cc80> (дата обращения: 16.09.2025).

Наибольшее сокращение выделенных квот к 2024 году наблюдается по таким квалификационно-профессиональным группам, как рабочие, занятые на горных и строительно-монтажных работах (сократилось на 47779 чел., или на 61% по сравнению с 2017 годом), квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного и охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства (на 53%, или на 4202 чел.), водители и машинисты подвижного оборудования (на 54%, или на 2622 чел.).

Ранее мы выявили, что регионы значительно отличаются друг от друга по показателям ИПИРС и коэффициенту вариации и предположили, что внутри групп регионов отличается и состав профессионально-квалификационных групп. В результате сопряжения данных по выделенным группам и количеству квот в профессионально-квалификационных группах получено, что существует статистически значимая связь между рассматриваемыми переменными (критерий хи-квадрата – 75877,017^a, ст. св. – 42,

асимптотическая значимость (двусторонняя) – 0,000). Оценка силы связи подтверждает наличие связи, однако сила связи между переменными незначительна (Фи – 0,290, примерная значимость – 0,000; V Крамера – 0,168, примерная значимость – 0,000).

При анализе структуры распределения квот по профессионально-квалификационным группам внутри групп регионов становятся заметны некоторые различия (табл. 2). Так, в первой группе регионов наибольшие доли квот

Таблица 2. Распределение профессионально-квалификационных групп внутри групп регионов *, 2017–2024 гг., %

Наименование профессионально квалификационной группы / группа субъекта	1 группа (низкий ИПИРС в сочетании с низкими показателями коэф. вариации)	2 группа (низкий ИПИРС в сочетании с высокими показателями коэф. вариации)	3 группа (высокий ИПИРС в сочетании с низкими показателями коэф. вариации)	4 группа (высокий ИПИРС в сочетании с высокими показателями коэф. вариации)
Водители и машинисты подвижного оборудования	1,9	1,4	1,5	2,3
Другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий	7,2	21,6	30,5	19,9
Иные профессионально-квалификационные группы	17,6	16,7	5,8	5,7
Квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного и охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	1,9	3,2	2,3	2,8
Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	2,6	2,2	3,7	2,6
Операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	0,9	0,5	3,6	1,6
Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования	5,8	4,4	7,9	9,1
Продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	0,0	1,1	2,4	0,2
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	7,2	3,4	5,1	2,5
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	6,4	5,2	5,2	9,8
Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	30,6	28,7	16,1	32,2
Руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	9,9	6,2	4,6	4,7
Специалисты в области естественных и инженерных наук	3,0	2,3	1,1	2,6
Специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	2,9	1,0	1,2	2,0
Средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	1,9%	2,0%	8,8%	1,8%
* 100% по столбцу. Источник: составлено автором.				

приходятся на рабочих, занятых на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (30,6%) и иных профессионально-квалификационных групп (17,6%). Особенностью этих регионов является более высокая доля руководителей учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (9,9%, тогда как в других группах доля колеблется от 4,6 до 6,2%).

Это может свидетельствовать о том, что на указанных территориях присутствует большая доля иностранных компаний, которые предпочитают нанимать соотечественников на данные позиции (Комаровский, 2021). Еще одним отличием этой группы регионов является существенно более низкая доля других профессий квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий – 7,2%, тогда как в остальных группах она находится в диапазоне от 19,9 до 30,5%.

Во второй группе регионов наибольшие доли квот приходятся на горно-строительных рабочих (28,7%), другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий (21,6%), а также на иные профессионально-квалификационные группы (16,7%).

Другие квалифицированные рабочие промышленных предприятий (30,5%), рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (16,1%), и операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования (7,9%) входят в тройку лидеров по значениям долей в 3-й группе регионов. Особенностью данной группы регионов является очень незначительная, но все же большая, чем в остальных группах субъектов, доля квот продавцов (2,4%, в остальных от 0 до 1,1%) и среднего персонала в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности (8,8% против 1,8–2,0% соответственно).

Для субъектов 4-й группы характерны квоты в горно-строительной области (32,2%), для категории квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий (19,9%), рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (9,8%), а также операторов, аппаратчиков, машинистов и слесарей-сборщиков стационарного оборудования (9,1%). Это обуславливается тем, что часть

представленных регионов активно задействует иностранных работников для реализации крупных инвестиционных проектов, таких как газопровод «Сила Сибири», Амурский газохимический и Амурский газоперерабатывающий комплексы, газоперерабатывающий и газохимический кластер в поселке Усть-Луга и т. д.³³

Таблица 3 позволяет выявить, какие регионы забирают основную долю мигрантов каждой квалификации. Соответствующий и анализ показывает, что 4-я и 3-я группы регионов «перетягивают» на себя основную долю всех квот. В 4-й группе высокие доли занимают практически все профессиональные группы. Меньше всего квот здесь приходится на представителей сферы услуг, а именно продавцов (20,7%) и средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности (43,6%), тогда как в 3-й группе, наоборот, становится заметна ориентированность на сферу услуг (72,3% всех продавцов, демонстраторов товаров, натурщиков и демонстраторов одежды и почти половина (43,6%) всего среднего персонала в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности).

1-я и 2-я группы регионов показывают низкие доли по всем профессионально-квалификационным группам, что может обуславливаться низкими значениями по показателю интенсивности привлечения иностранной рабочей силы в целом.

Обсуждения и выводы

Проведенный анализ подтвердил наличие пространственной неоднородности потребности в иностранной рабочей силе в регионах в рамках квотной системы. Сравнительный анализ структуры квот по профессионально-квалификационным группам внутри каждой типологической группы подтвердил статистически значимую связь между типом региона и составом требуемых профессий. В данном ключе важно добавить, что иностранная рабочая сила выступает в роли инструмента восполнения кадрового дефицита, а также является механизмом адаптации к современным вызовам спроса на труд.

³³ Минтруд раскрыл самые высокие зарплаты мигрантов. На какие позиции привлекают квалифицированные кадры из-за рубежа // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2024/675c11489a79475d38c7ef0e> (дата обращения: 16.09.2025).

Таблица 3. Распределение профессионально-квалификационных групп по группам регионов*, 2017–2024 гг., %

Наименование профессионально квалификационной группы / группа субъекта	1 группа (низкий ИПИРС в сочетании с низкими показателями коэф. вариации)	2 группа (низкий ИПИРС в сочетании с высокими показателями коэф. вариации)	3 группа (высокий ИПИРС в сочетании с низкими показателями коэф. вариации)	4 группа (высокий ИПИРС в сочетании с высокими показателями коэф. вариации)
Водители и машинисты подвижного оборудования	0,4	2,8	14,1	82,7
Другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий	0,1	4,2	26,9	68,8
Иные профессионально-квалификационные группы	1,2	11,5	18,0	69,3
Квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного и охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	0,3	5,0	16,0	78,7
Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	0,4	3,4	25,7	70,5
Операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	0,2	1,2	35,7	62,8
Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования	0,3	2,2	17,7	79,8
Продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	0,0	7,1	72,3	20,7
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	1,0	4,8	32,3	61,9
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	0,3	2,5	11,6	85,5
Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	0,5	4,3	10,8	84,5
Руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	0,9	5,6	18,5	75,0
Специалисты в области естественных и инженерных наук	0,6	4,2	8,8	86,4
Специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	0,7	2,4	13,0	83,9
Средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	0,3	2,6	53,5	43,6
* 100% по строке. Источник: составлено автором.				

В 1-ю группу входят регионы с низкой и стабильной потребностью в иностранной рабочей силе. Основной объём квот здесь приходится на горно-строительные профессии и иные профессионально-квалификационные группы. Отличительной чертой является относительно высокая доля руководителей в струк-

туре квот и минимальное участие промышленных рабочих. Ко 2-й группе регионов относятся субъекты, в которых присутствует низкая потребность в иностранной рабочей силе в совокупности с изменяющимся год от года количеством квот. Здесь иностранные работники задействуются чаще всего в строительных и

промышленных отраслях. Регулярность квотирования в условиях внешних шоков указывает на наличие отработанных механизмов использования труда мигрантов, хотя их вклад в экономику остаётся незначительным. Возможно, в 1-й и 2-й группах регионов используются патентные мигранты или внутренние трудовые мигранты, включая вахтовиков и маятниковых трудовых мигрантов как инструмент восполнения дефицита на региональных рынках труда.

К 3-й группе относятся те регионы, в которых наблюдается высокая интенсивность привлечения иностранной рабочей силы и отмечается устойчивый спрос на таких работников. Здесь примечательно большее участие представителей сферы услуг и административного среднего персонала, чем в других группах регионов, что указывает на расширение миграционного спроса за пределы исключительно производственных отраслей. Высокая интенсивность, но эпизодический спрос на иностранную рабочую силу характерен для 4-й группы регионов. Сюда входят крупные индустриальные, столичные и северные территории, участвующие в масштабных инфраструктурных проектах. Эти регионы аккумулируют значительную долю всех квот практически по всем профессиональным группам, за исключением сферы услуг.

Таким образом, система квотирования является своеобразным отражением структурной потребности экономики регионов в кадрах,

обладающих конкретными компетенциями. В свою очередь недостаточное внимание к процессам миграции визовых иностранцев не позволяет эффективно ее использовать в решении вопросов на рынке труда, несмотря на то что именно она позволяет управлять качественным составом трудовых ресурсов. Важно отметить, что именно квотная система формируется по заявленной потребности работодателей и предусматривает предварительную оценку квалификации, позволяя лучше управлять квалификационным профилем иностранных работников и делая рынок труда более контролируемым по сравнению с патентной системой. Иностранные специалисты, привлекаемые по квоте, запрашиваются под конкретные потребности региона заранее, и оперативно заменить их не представляется возможным в отличие от тех, кто работает по патенту. Кроме того, квотируемая иностранная рабочая сила становится частью государственного долгосрочного планирования, поскольку ее привлечение учитывается при составлении соответствующих нормативно-правовых документов задолго до прибытия в Россию. В эпоху активного реформирования миграционного законодательства полученные в статье результаты позволят обратить внимание на вопрос квотирования в отношении иностранной рабочей силы, что в дальнейшем может быть использовано в законотворческих инициативах в сфере развития рынка труда и регулирования миграции.

Литература

- Бедрина Е.Б., Шаймарданов Н.З. (2010). Квотирование иностранной рабочей силы как фактор становления цивилизованной миграционной политики в России // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление. № 6. С. 14–20.
- Гребенюк А.А., Аверьянов А.А. (2025). Потенциал трудовой миграции в качестве ресурса «мягкой силы» для интенсификации интеграционных процессов между Россией и странами Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 25. Вып. 2. С. 126–133. URL: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-126-133>
- Губарева А.В. (2021). Российское законодательство, регулирующее использование иностранной рабочей силы // Российское право: образование, практика, наука. № 4. С. 80–86. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_80.
- Денисенко М.Б. (2003). Может ли помочь развитым странам замещающая миграция? // Мир России. Социология. Этнология. № 3. С. 147–156.
- Евтушенко А.Э., Чевтаева Н.Г., Кононова Д.С., Агумбаева А.Е. (2024). Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. № 5 (90). С. 69–87. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-69-87

- Красинец Е.С. (2020). Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. Т. 23. № 1. С. 104–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.9
- Комаровский В.В. (2021). Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования. № 2 (43). С. 19–32. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-19-32
- Комлев Е.Ю., Костылева У.В. (2025). Миграционная политика в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. № 3. С. 61–65. URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-3-61-65>
- Монусова Г.А. (2021). Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 436–458. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>
- Мукомель В.И. (2021). Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. № 1–2. С. 53–68.
- Мукомель В.И., Григорьева К.С., Монусова Г.А. и др. (2022). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: монография / под ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. DOI: 10/19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022
- Рязанцев С.В. (2015). Недокументированная трудовая миграция в Российской экономике // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 1. № 1 (1). С. 24–33.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2019). Международная трудовая миграция в России. Тренды и регулирования. Международные процессы. Том 17. № 4 (59). С. 65–83. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
- Татаркин А.И., Васильева А.В. (2015). Оценка потребности российского рынка труда в иностранной рабочей силе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 11. № 2 (287). С. 10–21.
- Титова Т.П. (2015). Селективная иммиграционная политика: стратегии и практики привлечения высококвалифицированных специалистов // Россия: тенденции и перспективы развития. № 10 (3). С. 103–106.
- Флоринская Ю.Ф. (2024). Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 223–232. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232
- Чудиновских О.С., Степанова А.В. (2020). О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. № 7 (1). С. 54–82. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
- Юмагузин В.В., Винник М.В. (2023). Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. №1 (58). С. 48–64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48
- Bešić A., Diedrich A., Karabegović D. (2025). Translating policy harmonization into practice — The case of the EU Blue Card Directive. *European Policy Analysis*, 11(1), 94–113. DOI: <https://doi.org/10.1002/epa2.1234>
- Chudinovskikh O., Kharaeva O. (2020). Migration policy towards skilled labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*, 2(1), 80–102. DOI: <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-11>
- Macaluso M. (2022). The influence of skill-based policies on the immigrant selection process. *Economia Politica*, 39, 595–621. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40888-022-00264-w>
- Sumpton M., Walsh P.W. (2023). “The points system is dead. Long live the points system!”. Why immigration policymakers in the UK are never quite happy with their points systems. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 21, 89–103. DOI: <https://doi.org/10.1080/15562948.2022.2142719>

Сведения об авторе

Анастасия Алексеевна Соколова — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Sokolova A.A.

Regional Features of Foreign Labor Quotas in Russia

Abstract. This study focuses on the analysis of the foreign labor quota mechanism, which is legally regulated and enables a controlled influx of migrants. Unlike the patent system, foreign nationals arriving under quotas in response to requests from regional employers generally possess a higher skill level. The aim of the study is to assess the spatial and professional heterogeneity of the labor migrant quota system in Russia from 2017 to 2024. The findings revealed four groups of regions exhibiting varying degrees of need for foreign labor in local job markets and differing patterns of demand for it. Furthermore, we conducted a comparison of the professional and skill composition of quotas across these regional groups. Although a preliminary analysis of the quota structure indicates that most allocated slots are for skilled worker and specialist professions, a diversification of positions exists across regions. The group of regions characterized by a high intensity of foreign labor recruitment with unstable demand shows a need for workers in mining and construction, and a higher share of quotas for managers at various levels of structural divisions compared to other regional groups. For the group of regions with a high intensity of foreign labor recruitment and stable demand, a service-oriented focus in attracting international specialists is more typical. Conversely, groups with a low intensity of foreign labor recruitment, regardless of the nature of demand (stable/unstable), are characterized by an indistinct professional structure for such specialists. The obtained results demonstrate the potential of the quota system as a tool for actively managing the qualitative structure of labor migration, which can be used to improve quota allocation mechanisms in the context of labor shortages in local job markets.

Key words: migration, labor migration, international migration, quotas, patent, regional economy.

Information about the Author

Anastasia A. Sokolova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Статья поступила 03.10.2025.

Образование как драйвер демографического перехода для городского и сельского населения постсоветской России

Егор Леонидович

ДОМНИЧ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: chaosraven@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1379-8053; ResearcherID: GZA-5343-2022

Аннотация. Образование является одним из важнейших факторов, определяющих демографический переход к равновесному состоянию низкой рождаемости. Демографический переход выражается в стремлении к глобальной конвергенции демографических показателей. Часто это реализуется как последовательность локальных равновесий, когда страны и регионы формируют клубы конвергенции. В исследовании с использованием порядковой логистической модели и материалов переписей населения 1989 и 2020 гг. получены оценки влияния исходного уровня образования и темпа его роста на формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения постсоветской России. Исследование подтвердило значимую роль образования в демографическом переходе для городского и сельского населения в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет. Влияние индикаторов образования на формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости более выраженное и устойчивое, чем у факторов матримониального поведения, этнического состава и половозрастной структуры населения. Выполнена оценка предельных эффектов индикаторов образования на вероятность достижения регионами локального равновесия по возрастной рождаемости. Показано, что уровень образования в 1989 году и темп его роста к 2020 году оказывали значимое воздействие на формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения постсоветской России. Это воздействие выражалось в выталкивании регионов из клубов с высокой и закреплении в клубах с низкой рождаемостью.

Для цитирования: Домнич Е.Л. (2026). Образование как драйвер демографического перехода для городского и сельского населения постсоветской России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 221–236. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.15

For citation: Domnich Ye.L. (2026). Education as a driver of demographic transition for urban and rural populations in post-Soviet Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 221–236. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.15

Ключевые слова: рождаемость, образование, предельные эффекты, возрастной коэффициент рождаемости, городское население, сельское население, конвергенция, порядковая логистическая модель, клубы конвергенции, демографический переход, регионы России, постсоветский период.

Введение

Соотношение между числом детей и человеческим капиталом, инвестируемым в каждого ребенка, является важнейшим параметром единой теории роста (unified growth theory), которая моделирует переход от мальтузианской стагнации к устойчивому росту (Galor, 2011). Как правило, речь идет о компромиссе между рождаемостью и образованием. Существование такого компромисса доказано для самых разных обществ и исторических периодов (Ashraf, Galor, 2011; Becker et al., 2010; Qian, 2009; Rosenzweig, Wolpin, 1980). Не вызывает сомнения, что это неотъемлемая черта демографического перехода, который в развитых капиталистических странах начался во второй половине XIX века, а в России активизировался на фоне постсоветских социально-экономических трансформаций (Вишневский, 2014; Домнич, 2024с).

Другой важной закономерностью современного демографического перехода считается конвергенция демографических показателей по мере достижения различными странами и регионами совместного долгосрочного равновесия (O’Connell, 1981; Gabrielli et al., 2021; Стадник, 2023; Домнич, 2024b). Это длительный нелинейный процесс, сопряженный с преодолением многочисленных барьеров, часто неявных и трудно измеримых: социальных, экономических, институциональных, культурных (Paragni, 2023). Зачастую демографическая конвергенция, например сближение уровня рождаемости, сначала происходит в рамках небольших «клубов» — групп стран (регионов), похожих в том или ином смысле и потому способных сравнительно быстро прийти к локальному равновесию (O’Connell, 1981; Dorius, 2008; Strulik, Vollmer, 2013; Nakagaki, 2019). На материале по возрастной рождаемости в регионах страны доказано, что такие клубы сложились и в постсоветской России, причем отдельно для городского и сельского населения (Домнич, 2025).

Связь между формированием (распадом) таких клубов и образованием до настоящего времени не изучалась, что определяет актуальность исследования. Целью работы является оценка предельных эффектов образования как фактора формирования и распада региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости в регионах постсоветской России. Задачи исследования заключаются в обобщении мирового опыта, связанного с оценкой демографических эффектов образования, обосновании релевантной методики оценки связи между изменением уровня образования и формированием (распадом) региональных клубов конвергенции рождаемости и ее реализации на примере региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России.

Предметом исследования выступают предельные эффекты уровня образования на формирование и распад региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения. Объект исследования — 79 регионов Российской Федерации в 1990–2023 гг.¹

Теоретические основы исследования

На протяжении полувека образование сохраняет значимую отрицательную связь с рождаемостью во всех регионах мира за исключением наиболее развитых стран, где демографический переход в целом завершился уже к середине XX века² (табл. 1). Зачастую эффект образования даже более важен, чем влияние экономических факторов, например роста

¹ Из выборки исключены города Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, а также республики Ингушетия, Крым и Чечня.

² Однако существование значимой отрицательной связи между образованием матери и (или) детей и числом рождаемых детей в странах Западной Европы во второй половине XIX — первой половине XX века подтверждается в ряде авторитетных исследований (Coale, Watkins, 1986; Galor, Weil, 2000; Brown, Guinnane, 2002; Galor, Moav, 2002; Brown, Guinnane, 2007; Becker et al., 2010).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции Пирсона между суммарным коэффициентом рождаемости и релевантными показателями, 1960–2020 гг.

Регион мира	Логарифм душевого ВВП	Ожидаемое число лет обучения для женщин	Индекс человеческого развития
Мир	-0,66***	-0,82***	-0,88***
Западная Европа и связанные с ней страны	-0,22***	0,11**	0,10***
Восточная Европа	-0,42***	-0,35***	-0,38***
Латинская Америка и Карибский бассейн	-0,85***	-0,67***	-0,81***
Арабские страны	-0,64***	-0,81***	-0,78***
Страны Африки к югу от Сахары	-0,73***	-0,81***	-0,84***
Азия	-0,77***	-0,79***	-0,77***
** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Составлено по: (Cheng et al., 2022, p. 6).			

душевых доходов. В условиях демографического перехода домохозяйства вынуждены делать компромиссный выбор, во-первых, между расходами на потребление и на детей, во-вторых, в рамках второй статьи расходов между расходами на воспитание и на образование каждого ребенка (Rosenzweig, Wolpin, 1980; Martin, 1995; Galor, Moav, 2002; Monstad et al., 2008; Becker et al., 2010). Усиление взаимосвязи между темпами технического прогресса и численностью, а также составом населения ускорило темпы технического прогресса, что заложило основы для устойчивого роста. Таким образом, рост человеческого капитала (уровня образования) может подавлять рождаемость непосредственно на уровне домохозяйств и опосредованно как фактор увеличения душевого валового внутреннего продукта (ВВП).

В современной России (2010–2015 гг.) у женщин с высоким образовательным статусом число детей в среднем меньше, чем у женщин с более низким уровнем образования. У более образованных женщин также в среднем выше возраст матери при рождении первого ребенка и продолжительнее интергенетические интервалы. В реальных поколениях женщин, заканчивающих репродуктивную карьеру, среднее число рожденных детей составляет 1,5 для женщин с высшим и неполным высшим образованием и 1,8 для женщин со средним профессиональным и более низким уровнем образования (Архангельский и др., 2019). Таким образом, Россия по роли образования в демографическом переходе российского общества, интенсификация которого связана с системными постсоветскими трансформациями, на современном

этапе сближается с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки и повторяет опыт развитых стран.

Однако количественное сближение интенсивности деторождения в разных группах и популяциях женщин происходит далеко не всегда. Возможна как разнонаправленная, так и разная по скорости динамика рождаемости, что препятствует достижению глобального (национального) равновесия (Домнич, 2024а). И образование, по-видимому, также играет здесь важную роль. Например, региональное когортное исследование по 15 европейским странам показало, что отрицательное влияние образования на рождаемость ниже по модулю в наиболее экономически развитых регионах и у наиболее образованных женщин (Nisén et al., 2021). Региональные и страновые отличия условий рождаемости обуславливают существование многочисленных локальных равновесий (клубов конвергенции), которые, до определенного предела, препятствуют достижению общего равновесия (глобальной или общестрановой конвергенции). Доказано существование таких клубов на материале по суммарной рождаемости в 190 странах за 1950–2018 гг. (Paragni, 2023), а также в регионах постсоветской России 1990–2023 гг. – на материале по возрастной рождаемости городского и сельского населения (Домнич, 2025). Отсюда сам демографический переход может пониматься как процесс последовательного формирования и распада локальных клубов конвергенции демографических показателей, что означает переход от одного равновесного состояния к другому (O’Connell, 1981; Gabrielli et al., 2021; Стадник, 2023).

В связи с этим научный интерес имеет, во-первых, идентификация наиболее влиятельных факторов, заключающих страны и регионы в демографические клубы конвергенции, во-вторых, оценка предельных эффектов таких факторов, способствующих либо препятствующих выходу территорий из конкретного клуба. Факторами демографического перехода в масштабах всего человечества могут быть абсолютная широта расположения столицы страны, удельный вес пахотных земель, среднее расстояние до ближайшего водного пути, среднегодовая температура, средний уровень осадков, средняя высота над уровнем моря, межличностное генетическое разнообразие населения, геодезическое расстояние до Восточной Африки (как предполагаемой прародины человечества), геодезическое расстояние до США, разность между 2000 годом н. э. и предполагаемым годом перехода от охоты и собирательства к оседлому сельскохозяйственному культурному хозяйству на уровне страны, этническая и религиозная раздробленность, экологический индекс малярии, индекс качества институтов и верховенства права³ (Paragni, 2023, p. 463–465).

Что же касается реалий постсоветского демографического перехода, то роль образования, как женского, так и мужского, здесь трудно переоценить. Как отмечают специалисты, процесс системной трансформации в России сопровождался одномоментным обесценением человеческого капитала, накопленного в предыдущую эпоху (Капелюшников, 2005). Закономерно, что это отразилось в заметном увеличении роли и доли образования и как направления инвестирования сил и средств, и как образа жизни в целом⁴. Логично предположить, что в силу неодинакового и неравноценного доступа населения огромной страны к образовательным услугам скорость накопления человеческого капитала по регионам на протяжении постсоветского периода сильно различалась, что, в том числе, нашло отражение в региональной и сельско-городской дифферен-

³ Фактор образования (обучения, человеческого капитала) при формировании и распаде страновых клубов конвергенции рождаемости в релевантных исследованиях не рассматривался.

⁴ «Можно без преувеличения сказать, что в первой половине 1990-х годов вся страна превратилась в один огромный учебный класс» (Капелюшников, 2005, с. 46).

циации уровня рождаемости. Поэтому региональные клубы конвергенции рождаемости, сложившиеся в постсоветской России, целесообразно рассмотреть во взаимосвязи с изменениями образовательного уровня населения.

Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости и уровень образования в российских регионах

Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России (1990–2023 гг.) идентифицированы с использованием методологии Филлипса-Сула (Phillips, Sul, 2007), что соответствует современному мейнстримному подходу к выделению групп регионов такого рода (Alexiadis et al., 2021; Zhang et al., 2019; Bartkowska, Riedl, 2009; Barrios et al., 2019; Jimenez-Moro et al., 2023; Matysiak, Olszewski, 2019). Речь идет о кластеризации временных рядов возрастной рождаемости таким образом, чтобы регионы, включенные в тот или иной клуб, демонстрировали статистически значимое стремление к общей асимптоте, которая обнаруживается эндогенно. Установлено, что число таких клубов увеличивается при снижении и снижается при увеличении возраста рожениц (табл. 2). Также имеет значение тип поселения: число клубов конвергенции выше в сельской местности и ниже в городской. Для младших возрастных групп (15–19 и 20–24 года), а также сельского населения 25–29 лет выявлены регионы-дивергенты, не входящие ни в один из клубов конвергенции (что математически строго обосновывается в рамках метода). В отдельном клубе может быть как мало (от 2), так и много (до 79) регионов, что соответствует опыту идентификации таких клубов среди стран мира (Paragni, 2023); состав клубов неодинаков для возрастных групп и для городского и сельского населения⁵.

Региональные клубы конвергенции пронумерованы ($C1, \dots, CN$) по убыванию среднего по клубу значения возрастного коэффициента рождаемости в 2023 году. Если число клубов зависит от возрастной группы, то их состав в основном определяется типом поселения: в городской местности конвергенция возрастной рождаемости происходит активнее.

⁵ Состав региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости см. (Домнич, 2025).

Таблица 2. Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России (1990–2023 гг., 79 регионов)

Возраст рожениц, лет	Городское население		Сельское население	
	Число региональных клубов	Число регионов-дивергентов	Число региональных клубов	Число регионов-дивергентов
15–19	7	2	6	2
20–24	5	2	6	2
25–29	2	0	5	2
30–34	1	0	2	0
35–39	1	0	1	0
40–44	1	0	1	0

Составлено по: (Домнич, 2025).

Так, в молодых возрастных группах (15–19 и 20–24 года) региональные клубы с наибольшей средней рождаемостью формируются принципиально по-разному в городе и сельских территориях. В сельской местности они представлены регионами с изначально (1990 год) высокой рождаемостью, которые конвергируют лишь друг с другом. В городских поселениях такие клубы объединяют регионы, начальный уровень рождаемости которых варьирует от очень высокого до крайне низкого. То есть рождаемость среди городской молодежи в традиционно наиболее фертильных регионах в постсоветский период снижалась быстрее, чем в регионах со средней и низкой рождаемостью, что и обусловило их конвергенцию.

В возрастной группе 25–29 лет для городского населения идентифицировано два больших региональных клуба конвергенции, объединяющих 28 и 51 регион соответственно. Для сельского населения в этой возрастной группе идентифицировано 5 клубов конвергенции. При этом состав клуба *C1*, к которому в младших возрастных группах сельского населения относились только регионы с высокой рождаемостью, здесь наполовину разбавлен регионами со средней рождаемостью. Таким образом, конфигурация клубов в группе сельского населения 25–29 лет находится в промежуточном состоянии между конфигурациями в сельских и городских группах младших возрастов.

В возрастной группе 30–34 лет для городского населения идентифицирован один общий клуб конвергенции, что свидетельствует о достижении общего (на уровне всей страны) равновесия. Для сельского населения в этой возрастной группе идентифицировано два

больших региональных клуба конвергенции, объединяющих, соответственно, 34 и 45 регионов. В старших возрастных группах (35–39 и 40–44 года) возрастная рождаемость достигла равновесия на уровне всей страны независимо от типа поселения, что делает эти группы малоинтересными в контексте данного исследования⁶.

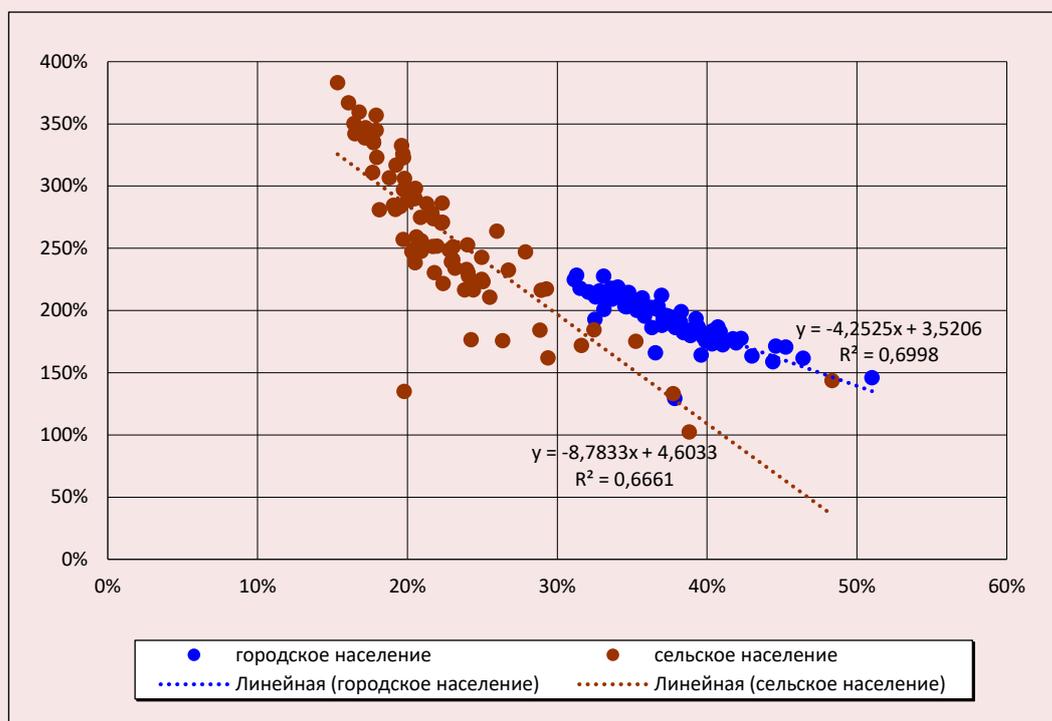
Оценка уровня образования городского и сельского населения в регионах советской и постсоветской России может быть выполнена на основании удельного веса населения с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием, рассчитанного по данным переписей населения 1989⁷ и 2020⁸ гг. Здесь следует отметить следующие закономерности (рисунки). Исходный (1989 год) уровень образования за редким исключением был выше у городского населения, что свидетельствует о неравных возможностях советских граждан развивать человеческий капитал в зависимости от места проживания. В то же время темп роста индикатора в 2020/1989 гг. в среднем был выше

⁶ Идентификация региональных клубов конвергенции рождаемости для возрастной группы 45–49 лет не производилась.

⁷ Рассчитано по: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Часть 1. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. Москва: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1991, 210 с. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/?section=1989&PAGEN_1=1 (дата обращения: 07.07.2025).

⁸ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 3. Образование. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3Obrazovanie> (дата обращения: 07.07.2025).

Доля населения в возрасте 15 лет и старше с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием в 1989 году (ось X) и ее темп роста к 2020 году (ось Y) в 79 регионах России, %

Источник: расчеты автора.

в сельской местности, наклон соответствующего линейного тренда в два раза выше у сельского населения по сравнению с городским. В течение постсоветского периода население российских регионов наверстывало отставание по уровню образования между регионами и между сельским и городским населением. Данные по сельской местности характеризуются значительно большим разбросом, дифференциацией, чем в городах. Российские села демонстрируют существенно большее разнообразие по уровню образования в сравнении с российскими городами.

Методика и гипотезы исследования

Формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости может толковаться как результат дифференцированного воздействия разнообразных препятствий на пути экономического развития и демографического перехода. Регионы, входящие в клубы с самой высокой средней рождаемостью ($C1$), сталкиваются с наибольшими трудностями,

вступая на путь ее значительного снижения, т. е. выхода из этого клуба и присоединения к клубам $C2, \dots, CN$ (Paragni, 2023, p. 443). По мере снижения средней рождаемости в клубах $C2, \dots, CN$ уменьшаются и барьеры для входа и выхода регионов из этих клубов.

В соответствии с мейнстримным подходом к моделированию барьеров входа и выхода регионов из клубов конвергенции (Zhang et al., 2019; Bartkowska, Riedl, 2009; Barrios et al., 2019; Jimenez-Moro et al., 2023; Matysiak, Olszewski, 2019; Paragni, 2023) порядковые номера региональных клубов конвергенции $C1, \dots, CN$ в рамках каждой возрастной группы рассматриваются как порядковые номинальные переменные, подлежащие моделированию с помощью порядковой логистической модели. Модель предполагает существование для каждого региона i непрерывной скрытой (латентной) переменной y_i^* , находящейся в линейной зависимости от вектора независимых переменных X_i :

$$y_i^* = X_i\beta + \varepsilon_i.$$

Переменная y_i^* может трактоваться как некоторый равновесный уровень рождаемости, обуславливающий тяготение региона к одному из клубов конвергенции. В ситуации, когда y_i^* находится в диапазоне конкретных пороговых значений τ , равновесный уровень рождаемости в регионе i обуславливает его нахождение в клубе конвергенции j :

$$y_i = j \text{ если } \tau_{j-1} \leq y_i^* < \tau_j, j = 1, \dots, N.$$

Пороговые значения $\tau_1, \dots, \tau_{N-1}$ подлежат оценке, в то время как $\tau_0 = -\infty$, а $\tau_N = \infty$. Когда переменная y_i^* переступает пороговое значение τ_j , регион i оказывается в клубе $j+1$.

Порядковая логистическая модель определяется как вероятностная модель:

$$\ln\left(\frac{\Pr(y \leq j|X)}{\Pr(y > j|X)}\right) = \tau_j - X\beta, j=1, \dots, N-1.$$

Вероятности принадлежности к конкретному клубу оцениваются по средним значениям переменных X и определяются следующим образом:

$$\Pr(y = 1|X) = \frac{e^{\tau_1 - X\beta}}{1 + e^{\tau_1 - X\beta}} \text{ для } j = 1;$$

$$\Pr(y = j|X) = \frac{e^{\tau_1 - X\beta}}{1 + e^{\tau_1 - X\beta}} - \frac{e^{\tau_{j-1} - X\beta}}{1 + e^{\tau_{j-1} - X\beta}} \text{ для } j = 2, \dots, N-1;$$

$$\Pr(y = N|X) = 1 - \frac{e^{\tau_{N-1} - X\beta}}{1 + e^{\tau_{N-1} - X\beta}} \text{ для } j = N.$$

Значимые положительные значения коэффициентов β в этой модели означают, что регион с большим значением X_i в среднем располагается в клубе с более высоким порядковым номером j (т. е. с меньшей средней рождаемостью). Если же значимый коэффициент имеет отрицательный знак, увеличение X_i статистически значимо снижает j и регион попадает в клуб с большей средней рождаемостью.

Чтобы оценить, насколько сильно те или иные переменные определяют членство регионов в конкретном клубе, также оцениваются предельные значения прогнозируемых вероятностей (предельные эффекты). Предельные эффекты оценивают, как изменяется вероятность принадлежности к клубу при изменении независимой переменной на единицу, при этом все остальные переменные фиксируются на уровне их средних значений по выборке. Таким обра-

зом, положительные предельные эффекты помогают региону «закрепиться» в том или ином клубе, а отрицательные — покинуть его. В соответствии с целями исследования нас интересуют прежде всего предельные эффекты переменных, оценивающих уровень образования.

Вектор независимых переменных X_i для моделирования клубов конвергенции принято формировать таким образом, чтобы он отражал как исходные условия, так и направление (темпы) развития вектора y_i (Bartkowska, Riedl, 2009; Matysiak, Olszewski, 2019; Zhang et al., 2019). Поэтому фактор образования в нашей модели представлен двумя переменными: долей населения в возрасте 15 лет и старше с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием в 1989 году (*obraz_89*) и темпом ее роста к 2020 году (*gr_obraz*)⁹.

Профессиональными демографами выделено множество социальных, экономических и демографических факторов, оказывающих влияние на уровень рождаемости. В переписи 1989 года нашла отражение лишь незначительная часть из них. Из их числа наиболее важными для демографического развития на протяжении трех десятилетий представляются изменения матримониального поведения (Клупт, 2014; Журавлева, Гаврилова, 2017; Алехин, 2023) и этнического состава населения (Трынов и др., 2020; Вакуленко и др., 2023). Соответственно, изменения в матримониальном поведении контролируются через долю лиц в возрасте 16 лет и старше, никогда не состоявших в браке, в 1989 году (*single_89*)¹⁰ и темп ее роста к 2020 году (*gr_single*)¹¹, а изменения в этническом составе населения — через долю восточных славян (русских, украинцев, белорусов) в общей

⁹ Все переменные рассчитаны отдельно для городского и сельского населения.

¹⁰ Рассчитано по: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Часть 1. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. М.: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1991, 210 с. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/?section=1989&PAGEN_1=1 (дата обращения: 07.07.2025).

¹¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 07.07.2025).

численности населения в 1989 году (*slav_89*)¹² и темп ее роста к 2020 году (*gr_slav*)¹³. Изменения половозрастной структуры населения контролируются через долю женщин соответствующей возрастной группы в общей численности населения в 1990 году (*women_90*) и темп ее роста к 2020 году (*gr_women*)¹⁴.

Описательная статистика используемых переменных приведена в *таблице 3*. Можно заключить, что средний уровень всех исходных (1989 год) показателей систематически выше у городского населения, но темп его увеличения всегда выше у населения, проживающего в сельской местности. Средние значения

Таблица 3. Описательная статистика независимых переменных, %

Переменная	Население	Пол	Возраст, лет	Среднее	Медиана	Ст. отклонение	Минимум	Максимум
<i>obraz_1989</i>	городское	оба	от 15 и старше	37,4	37,1	3,8	31,1	51,0
<i>gr_obraz</i>	городское	оба	от 15 и старше	193,0	193,2	19,1	129,4	228,4
<i>obraz_1989</i>	сельское	оба	от 15 и старше	22,7	21,6	5,5	15,3	48,3
<i>gr_obraz</i>	сельское	оба	от 15 и старше	260,6	256,3	59,3	102,5	383,1
<i>single_1989</i>	городское	оба	от 16 и старше	16,9	16,3	2,1	12,4	23,5
<i>gr_single</i>	городское	оба	от 16 и старше	111,3	108,8	13,4	85,2	173,7
<i>single_1989</i>	сельское	оба	от 16 и старше	15,3	14,5	3,2	9,8	27,3
<i>gr_single</i>	сельское	оба	от 16 и старше	131,3	128,4	19,3	103,5	207,5
<i>slav_1989</i>	городское	оба	от 0 и старше	86,3	93,2	16,8	19,0	98,9
<i>gr_slav</i>	городское	оба	от 0 и старше	94,2	99,0	14,9	26,7	113,1
<i>slav_1989</i>	сельское	оба	от 0 и старше	74,9	87,1	27,3	2,5	99,3
<i>gr_slav</i>	сельское	оба	от 0 и старше	96,2	99,2	18,6	28,4	136,2
<i>women_90</i>	городское	жен./оба	15–19	3,7	3,7	0,5	2,5	6,5
<i>gr_women</i>	городское	жен./оба	15–19	71,9	70,0	10,9	57,6	115,3
<i>women_90</i>	городское	жен./оба	20–24	3,3	3,3	0,4	2,6	4,5
<i>gr_women</i>	городское	жен./оба	20–24	72,9	71,4	8,4	55,7	96,0
<i>women_90</i>	городское	жен./оба	25–29	4,3	4,1	0,5	3,4	6,2
<i>gr_women</i>	городское	жен./оба	25–29	61,2	60,4	7,8	43,1	90,0
<i>women_90</i>	сельское	жен./оба	15–19	2,6	2,6	0,5	1,9	4,8
<i>gr_women</i>	сельское	жен./оба	15–19	99,3	99,4	14,4	67,7	161,3
<i>women_90</i>	сельское	жен./оба	20–24	2,8	2,7	0,4	2,0	4,4
<i>gr_women</i>	сельское	жен./оба	20–24	79,5	80,0	10,9	44,9	99,8
<i>women_90</i>	сельское	жен./оба	25–29	3,7	3,7	0,7	2,5	6,2
<i>gr_women</i>	сельское	жен./оба	25–29	60,7	61,6	12,6	30,5	91,4
<i>women_90</i>	сельское	жен./оба	30–34	3,9	3,8	0,7	2,6	6,2
<i>gr_women</i>	сельское	жен./оба	30–34	80,6	78,5	18,6	29,4	127,3

Источник: расчеты автора.

¹² Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1990, 747 с. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/?section=1989&PAGEN_1=1 (дата обращения: 07.07.2025).

¹³ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Национальный_состав_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁴ Рассчитано по: Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 01.07.2025).

и медианы различаются несущественно при умеренном стандартном отклонении, что говорит о близости распределения независимых переменных к нормальному.

Оценка коэффициента дисперсионной инфляции (variance inflation factor, VIF), показывающего, во сколько раз увеличивается дисперсия оцениваемых коэффициентов вследствие мультиколлинеарности независимых переменных, свидетельствует, что значения параметра во всех уравнениях не превышают 3–3,5, что втрое меньше порогового уровня. Ввиду возможной гетероскедастичности остатков уравнения использовались робастные оценки дисперсии, полученные по методу Хубера – Уайта (Huber, 1967; White, 1980). Таким образом, оценки коэффициентов модели можно считать достаточно надежными. Исследовательская стратегия включала оценку коэффициентов β для порядковой логистической регрессии с одними лишь переменными образования (1) и с полным набором переменных (2), а также вычисление предельных эффектов переменных образования для модели с полным набором переменных.

Приведенные данные о региональных клубах конвергенции возрастной рождаемости и специфика используемой методологии позволяют выдвинуть четыре рабочие гипотезы.

H1. Индикаторы уровня образования являются значимыми и положительными факторами демографического перехода в плане перемещения регионов из клубов с относительно высокой средней рождаемостью в клубы с относительно низкой средней рождаемостью.

H2. Индикаторы уровня образования играют более значимую роль в демографическом переходе для женщин младших возрастных групп (15–19 и 20–24 лет), нежели для рожениц средних возрастов (25–29 и 30–34 лет).

H3. Для демографического перехода в городской местности исходный (1989 год) уровень образования играет сравнительно большую роль, чем темп его роста к 2020 году, тогда как в сельской местности темп роста уровня образования к 2020 году более важен, чем его исходный уровень в 1989 году.

H4. Предельные эффекты индикаторов уровня образования направлены, с одной стороны, на преодоление барьеров региональных клубов конвергенции с наибольшими значе-

ниями возрастной рождаемости, а с другой – на закрепление в клубах с наименьшими значениями возрастной рождаемости.

Результаты вычислений для городского населения представлены в *таблицах 4, 5*, а для сельского – в *таблицах 6, 7*.

Результаты исследования

Расчеты подтвердили статистически значимую положительную связь индикаторов уровня образования как городского, так и сельского населения с латентной переменной u_i^* . Незначительно отличающиеся оценки коэффициентов β в рамках спецификаций (1) и (2) свидетельствуют об устойчивости (робастности) эффектов образования (см. табл. 4, 6). Образование действительно способствует преодолению «барьеров» или порогов перехода из региональных клубов с относительно высокой рождаемостью в региональные клубы с относительно низкой рождаемостью, что подтверждает гипотезу *H1*. Характерно, что в исследовании не выявлено ни одного статистически значимого отрицательного коэффициента влияния индикаторов образования на моделируемую переменную.

Эффекты образования наиболее выражены в младших возрастных группах (15–19 и 20–24 года), что подтверждает также гипотезу *H2*. В младших возрастных группах городского населения индикаторы образования выступают важнейшими предикторами демографического перехода, в то время как большинство контрольных переменных не оказывает значимого влияния на репродуктивное поведение молодых горожанок. Исключение составляют темп роста доли лиц, никогда не состоявших в браке, и темп роста доли славянского населения, которые оказывают значимое отрицательное (сдерживающее) влияние на демографический переход городского населения в возрасте 15–19 лет. В группе сельского населения 15–19 лет индикаторам образования, стимулирующим демографический переход, противостоят уже почти все контрольные переменные, воздействующие на переменную демографического перехода статистически значимо и отрицательно¹⁵. Увеличение исходного (1989 год) уровня доли

¹⁵ За исключением темпа роста доли лиц, никогда не состоявших в браке.

лиц, никогда не состоявших в браке, доли славянского населения и доли женщин 15–19 лет в совокупном населении, равно как и темпов

роста последних двух индикаторов, создает на селе барьеры для перехода регионов в клубы с более низкой рождаемостью.

Таблица 4. Влияние образования на интенсивность демографического перехода для городского населения постсоветской России

Возраст, лет	15–19		20–24		25–29	
	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)
<i>obraz_89</i>	51.914***	56.929***	28.011**	37.524**	-14.919	-11.581
<i>gr_obraz</i>	15.559***	16.072***	10.179***	12.054***	-1.279	0.128
<i>single_89</i>	-	-5.776	-	7.030	-	-7.462
<i>gr_single</i>	-	-8.301***	-	0.035	-	-0.280
<i>slav_89</i>	-	0.700	-	4.366	-	0.017
<i>gr_slav</i>	-	-8.703**	-	1.566	-	5.623**
<i>women_90</i>	-	-54.687	-	162.347	-	104.346
<i>gr_women</i>	-	-2.939	-	0.866	-	17.951***
τ_1	48.283***	28.937***	29.179***	48.848***	-8.667	14.319
τ_2	49.754***	30.634***	31.847***	51.631***	-	-
τ_3	50.278***	31.224***	33.080***	52.866***	-	-
τ_4	51.508***	32.565***	34.243***	54.041***	-	-
τ_5	53.040***	34.190***	-	-	-	-
τ_6	53.827***	35.008***	-	-	-	-
Число наблюдений	77	77	77	77	79	79
χ^2 Вальда	20.59***	49.86***	19.67***	24.48***	2.03	15.38**
Псевдо R^2	0.116	0.172	0.105	0.136	0.025	0.152

*** – значимость на уровне 1%;
 ** – значимость на уровне 5%;
 * – значимость на уровне 10%.
 Источник: расчеты автора.

Таблица 5. Предельные эффекты образования на интенсивность демографического перехода для городского населения постсоветской России

Возраст, лет	15–19		20–24		25–29	
	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>
Номер клуба						
1	-7.044***	-1.989***	-5.943**	-1.909***	2.169	-0.024
2	-2.708**	-0.764**	0.751	0.241	-2.169	0.024
3	0.324	0.091	2.706**	0.869***	-	-
4	2.986**	0.843***	1.533	0.493*	-	-
5	3.825***	1.080***	0.953	0.306	-	-
6	1.192	0.336	-	-	-	-
7	1.425	0.402	-	-	-	-

*** – значимость на уровне 1%;
 ** – значимость на уровне 5%;
 * – значимость на уровне 10%.
 Источник: расчеты автора.

Обнаруженные сельско-городские различия набора значимых регрессоров в группе 15–19 лет можно объяснить разными принципами формирования региональных клубов конвергенции рождаемости в данной возрастной группе в городе и на селе. Если рождаемость городского населения наиболее фертильных регионов зачастую снижается по траектории, сходящейся с рождаемостью гораздо менее плодородных регионов, то в сельской местности несколько территорий с наиболее высокой рождаемостью конвергируют лишь друг с другом, образуя небольшие по числу регионов клубы. Сходимость траектории возрастной рождаемости в городской местности между регионами с изначально высокой и низкой рождаемостью достигается уже в клубе *C1*, тогда как в сельской местности массовая региональная конвергенция возрастной рождаемости наблюдается лишь в клубах *C3*, *C4* и *C5*, которые представлены в основном регионами с изначально средней и низкой рождаемостью. Учитывая, что регионы с изначально высокой рождаемостью представлены в основном национальными республиками, закономерно, что факторы, связанные с матримониальным поведением, этническим составом и половозрастной структурой населения, играют важную роль при переходе региона из одного клуба в другой.

Как у городского, так и у сельского населения младших возрастных групп эффект исходного уровня образования (1989 год) в несколько раз превосходит эффект от его роста к 2020 году. Таким образом, гипотеза *H3* подтвердилась лишь частично.

В средних возрастных группах населения 25–29 и 30–34 лет образование как фактор демографического перехода обладает существенно меньшей значимостью в сравнении с контрольными переменными, о чем свидетельствуют низкое значение псевдо R^2 в спецификации (1) для этих возрастных групп, а также общая незначимость уравнения (1) по критерию Вальда для городского населения в группе 25–29 лет и для сельского населения 30–34 лет. Можно сделать вывод, что образование в среднем перестает оказывать влияние на рождаемость по истечении возраста, когда молодежь заканчивает получать высшее образование. Установленный факт согласуется с

результатом, полученным на материале по реальным поколениям женщин, о том, что среди более образованных российских женщин выше возраст матери при рождении первого ребенка (Архангельский и др., 2019). Важным исключением здесь является влияние исходного (1989 год) уровня образования на демографический переход сельского населения в группе 30–34 лет; не такое большое, как в младших возрастных группах, но статически значимое. Можно осторожно предположить, что в данном случае мы имеем дело с отголоском неравного доступа к образованию в советское время, а также сельско-городской миграции, когда бывшие селянки становились роженицами, уже став горожанками.

Наиболее показательны сельско-городские различия роли образования в демографическом переходе проявляют себя в предельных эффектах индикаторов образования. Здесь можно проследить роль фактора в рамках каждого клуба. Оценка предельных эффектов образования показала, что индикаторы образования статистически значимо помогают регионам покинуть клуб конвергенции с наибольшими значениями средней возрастной рождаемости и закрепиться в клубах с наименьшими значениями возрастной рождаемости (см. табл. 5, 7). Это подтверждает гипотезу *H4*.

В возрастной группе городского населения 15–19 лет как индикатор исходного (1989 год) уровня образования, так и темп его роста к 2020 году оказывают статистически значимый отрицательный эффект на вероятность нахождения регионов в клубах *C1* и *C2* и статистически значимый положительный эффект на вероятность их нахождения в клубах *C4* и *C5*. У сельского населения этой же группы индикаторы образования статистически значимо «выталкивают» регионы из клубов *C1* и *C3* и «закрепляют» их в клубах *C5* и *C6*.

В группе 20–24 лет на демографический переход городского населения продолжают оказывать влияние как исходный уровень образования, так и темп его роста; они позволяют регионам покинуть клуб *C1* и закрепиться в клубе *C3*. В сельской местности на перемещение регионов между клубами устойчивое влияние оказывает только темп роста уровня образования. Он помогает покинуть клубы *C2* и *C3* и присоединиться к клубу *C5*.

Таблица 6. Влияние образования на интенсивность демографического перехода для сельского населения постсоветской России

Возраст, лет	15–19		20–24		25–29		30–34	
	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)
<i>obraz_89</i>	22.339***	25.070***	11.800*	15.328*	0.741	2.421	3.385*	2.431**
<i>gr_obraz</i>	3.656***	3.018***	2.891***	3.205***	1.230***	0.977	0.740	0.995
<i>single_89</i>	-	-46.233**	-	-25.196*	-	-16.903	-	-48.148
<i>gr_single</i>	-	-3.759	-	-1.648	-	0.084	-	3.135*
<i>slav_89</i>	-	-5.807***	-	1.056	-	2.003	-	-2.325
<i>gr_slav</i>	-	-7.146***	-	-1.773	-	1.000	-	-6.920
<i>women_90</i>	-	-372.450***	-	30.710	-	60.297	-	-250.783**
<i>gr_women</i>	-	-8.500***	-	2.081	-	12.085***	-	4.972
τ_1	12.688***	-30.333***	5.717***	2.483	0.841	9.273	2.412	-8.605
τ_2	12.915***	-30.008***	7.322***	4.208	3.098	12.369	-	-
τ_3	14.299***	-28.196***	9.686***	6.833	4.250	13.985	-	-
τ_4	16.159***	-25.976***	10.769***	8.047	4.385	14.154	-	-
τ_5	18.899***	-22.795***	14.436***	12.024	-	-	-	-
Число наблюдений	77	77	77	77	77	77	79	79
χ^2 Вальда	20.53***	34.21***	30.89***	27.67***	16.92***	39.11***	1.55	15.58**
Псевдо R^2	0.128	0.241	0.131	0.183	0.054	0.221	0.016	0.461

*** – значимость на уровне 1%;
 ** – значимость на уровне 5%;
 * – значимость на уровне 10%.
 Источник: расчеты автора.

Таблица 7. Предельные эффекты образования на интенсивность демографического перехода для сельского населения постсоветской России

Возраст, лет	15–19		20–24		25–29		30–34	
	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>	<i>obraz_89</i>	<i>gr_obraz</i>
1	-2.300***	-0.277***	-0.316	-0.066	-0.152	-0.061	-3.438**	-0.116
2	-0.257	-0.031	-0.690*	-0.144**	-0.238	-0.096	3.438**	0.116
3	-1.023**	-0.123**	-1.500	-0.314***	0.061	0.025	-	-
4	0.554	0.067	-0.001	0.000	0.013	0.005	-	-
5	2.403***	0.289***	2.120	0.443***	0.315	0.127	-	-
6	0.624*	0.075*	0.387	0.081	-	-	-	-

*** – значимость на уровне 1%;
 ** – значимость на уровне 5%;
 * – значимость на уровне 10%.
 Источник: расчеты автора.

В возрастной группе 25–29 лет используемые индикаторы образования не являются значимыми факторами перемещения регионов между клубами ни для городского, ни для сельского населения.

Специфика сельского населения в возрастной группе 30–34 лет проявляется, во-первых, в наличии двух крупных региональ-

ных клубов конвергенции возрастной рождаемости (см. табл. 2), во-вторых, в значимом влиянии исходного (1989 год) уровня образования на принадлежность регионов как к первому, так и ко второму клубу. Увеличение показателя статистически значимо вынуждает регион покинуть первый клуб (*C1*) и остаться во втором (*C2*).

Выводы и ограничения исследования

Компромисс между количеством и качеством детей является одним из наиболее фундаментальных, какие только существуют в природе (Becker et al., 2010, p. 180), поэтому уровень образования родителей и имеющихся детей справедливо считается одной из важнейших детерминант уровня рождаемости. Эта отрицательная для большинства стран зависимость определяет содержание современного демографического перехода. Сам же демографический переход проявляется в пространственной конвергенции ключевых демографических показателей. Глобальная конвергенция рождаемости реализуется поэтапно, через последовательность локальных равновесий, известных также как клубы конвергенции (региональные и страновые). В исследовании предложена методика и получены количественные оценки влияния исходного уровня образования и темпов его изменения на формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения постсоветской России.

Предложенная методика не лишена недостатков. Прежде всего, временной диапазон исследования (с начала 1990-х по 2020-е гг.) охватывает несколько периодов подъема и спада рождаемости. Это обусловлено осуществленной ранее идентификацией региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости на протяжении всего постсоветского периода (1990–2023 гг., см. Домнич, 2025), от которой отталкивалось данное исследование. Для лучшего понимания взаимосвязи между образованием и демографическим развитием в будущих исследованиях временной диапазон должен быть детализирован на более короткие интервалы.

Используемые статистические материалы несовершенны вследствие необходимости обеспечения сопоставимости индикаторов, полученных на основании переписей 1989 и 2020 гг. В результате временной диапазон y_i (1990–2023 гг.) и X_i (1989 и 2020 гг.) не вполне совпадает, а перечень используемых контрольных переменных сильно ограничен. Более того, в переписи 1989 года данные по уровню образования населения не детализировались по полу и возрасту, что лишило нас возможности оценить демографические эффекты именно от женского образования. Названные недостатки определяют потенциал будущих исследований.

Исследование подтвердило значимую роль образования в демографическом переходе для городского и сельского населения в возрастных группах 15–19 и 20–24 лет. Влияние индикаторов образования на формирование региональных клубов конвергенции возрастной рождаемости более выраженное и устойчивое, чем у факторов матримониального поведения, этнического состава и половозрастной структуры населения. При этом эффект исходного (1989 год) уровня образования в несколько раз превышает по величине влияние темпа его роста к 2020 году, что в целом говорит о решающей роли исходных условий для демографического развития регионов постсоветской России.

В самой молодой возрастной группе (15–19 лет) исходный уровень образования и темп его роста к 2020 году среди городского и сельского населения способствуют переходу регионов из клубов с высоким уровнем рождаемости в клубы с низким уровнем рождаемости. В группе 20–24 лет на демографический переход городского населения продолжают оказывать влияние как исходный уровень образования, так и темп его роста. В сельской местности на перемещение регионов между клубами устойчивое влияние оказывает только темп роста уровня образования. В возрастной группе 25–29 лет используемые индикаторы образования не являются значимыми факторами перемещения регионов между клубами ни для городского, ни для сельского населения. В группе 30–34 лет исходный уровень образования у сельского населения определяет принадлежность региона к одному из двух клубов конвергенции.

Авторский вклад в разработку проблематики заключается в адаптации эконометрического инструментария, получении состоятельных оценок влияния индикаторов образования на демографический переход для городского и сельского населения в постсоветской России и их содержательной интерпретации.

Результаты исследования открывают широкие возможности для дальнейших демографических и экономических изысканий в этой области. Можно указать на два генеральных направления: уточнение возрастных и пространственно-временных характеристик категорий рожениц, служащих точками изменения характера связи между уровнем образования и рождаемостью, а также идентификация и оценка

влияния дополнительных пороговых факторов входа и (или) выхода регионов из клубов конвергенции. Исследование вносит вклад в развитие единой теории роста и изучение долгосрочных тенденций изменения возрастной рождаемости в постсоветской России.

Литература

- Алехин Б.И. (2023). Рождаемость и женская безработица в российских регионах // *Пространственная экономика*. Т. 19. № 1. С. 20–51. DOI: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.020-051>
- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. (2019). Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // *Народонаселение*. Т. 22. № 1. С. 21–39.
- Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О. (2023). Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // *Экономика региона*. Т. 19. № 4. С. 1077–1092. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10>
- Вишневецкий А.Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // *Демографическое обозрение*. Т. 1. № 1. С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>
- Домнич Е.Л. (2024а). Возрастная структура рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды, основанные на панельных данных // *Регионалистика*. Т. 11. № 3. С. 5–29. DOI: [10.14530/reg.2024.3.5](https://doi.org/10.14530/reg.2024.3.5)
- Домнич Е.Л. (2024б). Дифференциация возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России // *Проблемы развития территории*. Т. 28. № 5. С. 99–115. DOI: [10.15838/ptd.2024.5.133.7](https://doi.org/10.15838/ptd.2024.5.133.7)
- Домнич Е.Л. (2025). Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России. *Регионалистика*. Т. 12. № 4. С. 5–35. DOI: [http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.4](https://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.4).
- Домнич Е.Л. (2024с). Рождаемость городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды // *Регионалистика*. Т. 11. № 2. С. 5–26. DOI: [http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.5](https://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.5)
- Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. (2017). Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 21. № 1. С. 145–187.
- Капелюшников Р.И. (2005). Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4. С. 46–54.
- Клупт М.А. (2014). Парадигмы и оппозиции современной демографии // *Демографическое обозрение*. Т. 1. № 1. С. 34–56. DOI: [http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826](https://dx.doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826)
- Стадник Н.М. (2023). Тенденции региональной дифференциации рождаемости при втором демографическом переходе в некоторых странах // *Демографическое обозрение*. Т. 10. № 2. С. 18–40. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17764>
- Трынов А.В., Костина С.Н., Банных Г.А. (2020). Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // *Экономика региона*. Т. 16. № 3. С. 807–819. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>
- Alexiadis S., Eleftheriou K., Nijkamp P. (2021). Club convergence of per capita disposable income in the US. *Regional Science Policy & Practice*, 13(1). DOI: [10.1111/rsp3.12443](https://doi.org/10.1111/rsp3.12443)
- Ashraf Q., Galor O. (2011). Dynamics and Stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review*, 101(5), 2003–2041. DOI: [10.1257/aer.101.5.2003](https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003)
- Barrios C., Flores E., Martínez M.Á. (2019). Club convergence in innovation activity across European regions. *Papers in Regional Science*, 98(4), 1545–1565. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12429>
- Bartkowska M., Riedl A. (2009). Regional convergence clubs in Europe: Identification and conditioning factors. *Economic Modelling*, 29(1). DOI: [10.2139/ssrn.1438007](https://doi.org/10.2139/ssrn.1438007)
- Becker S., Cinnirella F., Woessmann L. (2010). The trade-off between fertility and education: evidence from before the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 15(3), 177–204. DOI: [10.1007/s10887-010-9054-x](https://doi.org/10.1007/s10887-010-9054-x)
- Brown J.C., Guinnane T.W. (2002). Fertility transition in a rural, Catholic population: Bavaria, 1880–1910. *Population Studies*, 56(1), 35–49.

- Brown J.C., Guinnane T.W. (2007). Regions and time in the European fertility transition: Problems in the Princeton project's statistical methodology. *Economic History Review*, 60(3), 574–595.
- Cheng H., Luo W., Si S. et al. (2022). Global trends in total fertility rate and its relation to national wealth, life expectancy and female education. *BMC Public Health*, 22, 1346. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13656-1>
- Coale A.J., Watkins S.C. (1986). *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton.
- Dorius S.F. (2008). Global demographic convergence? A reconsideration of changing intercountry inequality in fertility. *Population and Development Review*, 34(3), 519–537. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00235.x>
- Gabrielli G., Paterno A., Salvini S., Corazziari I. (2021). Demographic trends in less and least developed countries: Convergence or divergence? *Journal of Population Research*, 38(4), 221–258. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12546-021-09264-2>
- Galor O. (2011). *Unified Growth Theory*. Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400838868
- Galor O., Moav O. (2002). Natural Selection and the Origin of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 117(4), 1133–1191. DOI: 10.1162/003355302320935007
- Galor O., Weil D.N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American Economic Review*, 90(4), 806–828.
- Huber P.J. (1967). The behavior of maximum likelihood estimates under nonstandard conditions. In: *Proceedings of the Fifth Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability. Vol. 1*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Jimenez-Moro E., Piperopoulos P., Kafourous M. et al. (2023). Innovation dynamics and club convergence in innovation activity in China: A temporal perspective. *Papers in Regional Science*, 102(5), 791–816. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12750>
- Martin T.C. (1995). Women's education and fertility: results from 26 demographic and health surveys. *Studies in Family Planning*, 26(4), 187–202. DOI: 10.2307/2137845
- Matysiak G., Olszewski K. (2019). A panel analysis of polish regional cities residential price convergence in the primary market. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3408797
- Monstad K., Propper C., Salvanes K.G. (2008). Education and fertility: Evidence from a natural experiment. *Scandinavian Journal of Economics*, 110(4), 827–852. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2008.00563.x
- Nakagaki Y. (2019). *Continuing Global Fertility Convergence. Working Papers 195 JICA Research Institute*. DOI: <http://doi.org/10.18884/00001001>
- Nisen J., Klüsener S., Dahlberg J. et al. (2021). Educational differences in cohort fertility across sub-national regions in Europe. *European Journal of Population*, 37, 263–295. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09562-0>
- O'Connell M. (1981). Regional fertility patterns in the United States: Convergence or divergence? *International Regional Science Review*, 6(1), 1–14. DOI: <http://doi.org/10.1177/01600176810060010>
- Papagni E. (2023). Long-term barriers to global fertility convergence. *Journal of Population Economics*, 36, 431–470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-022-00895-0>
- Phillips P.C., Sul D. (2007). Transition modeling and econometric convergence test. *Econometrica*, 75(6), 1771–1855. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2007.00811.x
- Qian N. (2009). Quantity-quality and the one child policy: The only-child disadvantage in school enrollment in rural China. *NBER Working Paper 14973*. DOI: 10.3386/w14973
- Rosenzweig M.R., Wolpin K.I. (1980). Testing the quantity-quality fertility model: The use of twins as a natural experiment. *Econometrica*, 48(1), 227–240. DOI: 10.2307/1912026
- Strulik H., Vollmer S. (2013). The fertility transition around the world. *Journal of Population Economics*, 28(1), 31–44. DOI: <http://doi.org/10.1007/s00148-013-0496-2>
- White H.A. (1980). Heteroskedasticity-consistent covariance matrix and a direct test for heteroskedasticity. *Econometrica*, 48, 817–830. DOI: 10.2307/1912934
- Zhang W., Xu W., Wang X. (2019). Regional convergence clubs in China: identification and conditioning factors. *The Annals of Regional Science*, 62(1). DOI:10.1007/s00168-019-00898-y

Сведения об авторе

Егор Леонидович Домнич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Domnich Ye.L.

Education as a Driver of Demographic Transition for Urban and Rural Populations in Post-Soviet Russia

Abstract. Education is one of the most important factors determining the demographic transition to an equilibrium state of low fertility. Demographic transition is expressed in the tendency for demographic indicators to converge globally. This is often realized as a sequence of local equilibria, when countries and regions form convergence clubs. The study used an ordered logistic model and materials from the 1989 and 2020 censuses to estimate the influence of the initial level of education and its growth rate on the formation of regional age-specific fertility convergence clubs of urban and rural populations of post-Soviet Russia. The study confirmed the significant role of education in the demographic transition for urban and rural populations in the age groups of 15–19 and 20–24 years. The influence of education indicators on the formation of regional age-specific fertility convergence clubs is more pronounced and stable than that of factors of matrimonial behavior, ethnic composition, and gender and age structure of the population. Marginal effects of education indicators on the likelihood of regions achieving a local equilibrium in terms of age-specific fertility were assessed. It is shown that the level of education in 1989 and the rate of its growth by 2020 had a significant impact on the formation of regional age-specific fertility convergence clubs of urban and rural populations in post-Soviet Russia. Due to this impact, regions exited high-fertility clubs and anchored in low-fertility clubs.

Key words: fertility, education, marginal effects, age-specific fertility rate, urban population, rural population, convergence, ordered logistic model, convergence clubs, demographic transition, regions of Russia, post-Soviet period.

Information about the Author

Yegor L. Domnich — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Статья поступила 18.07.2025.

Ресурсы роста: МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ВНЕ СИСТЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Анна Александровна ФЕДЧЕНКО

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: aafedchenko@fa.ru
ORCID: 0000-0002-9450-3498

Екатерина Сергеевна ДАШКОВА

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
e-mail: dashkova-82@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7323-0788

Наталья Васильевна ДОРОХОВА

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
e-mail: nv_dorohova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-2623

Татьяна Васильевна АЗАРНОВА

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
e-mail: office@main.vsu.ru
ORCID: 0000-0001-6342-9355; ResearcherID: V-3166-2019

Для цитирования: Федченко А.А., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Азарнова Т.В. (2026). Ресурсы роста: молодые люди вне системы занятости и образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 237–258. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.16

For citation: Fedchenko A.A., Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Azarnova T.V. (2026). Resources for growth: Young people outside employment and education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 237–258. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.16

Аннотация. Российская экономика испытывает острый дефицит трудовых ресурсов, что актуализирует проблему поиска альтернативных источников их пополнения. При этом как в России, так и за рубежом сформировалась группа молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков (NEET-молодежь). Необходимость исследования этой группы обусловлена не только обострившимися демографическими проблемами, но и опасностью дальнейшего ее разрастания, что в будущем может оказать негативное влияние на многие социально-экономические процессы. Цель работы – оценка масштабов распространения NEET-молодежи в российском обществе, выявление ее особенностей и обоснование рекомендаций тактического и стратегического характера, направленных на решение исследуемой проблемы. В рамках анализа работ ряда зарубежных и отечественных ученых, аналитических материалов Международной организации труда, а также международной и российской статистики обосновано, что проблема NEET-молодежи высокоактуальна, выявлены масштабы и особенности распространения NEET-молодежи в России, в том числе в региональном и гендерном разрезе. Эмпирическое исследование особенностей и проблем NEET-молодежи в Российской Федерации проведено с привлечением экспертов и определением математических зависимостей. Это позволило уточнить структуру группы NEET-молодежи в России, основные причины ее формирования и доказать степень влияния выделенных причин на исследуемую проблему, а также оценить последствия распространения NEET-молодежи для отечественной экономики и спрогнозировать масштабы этой группы на среднесрочную перспективу. По результатам исследования обоснован перечень мер тактического и стратегического характера, ориентированных на решение данной проблемы и включение NEET-молодежи в процесс общественного воспроизводства. Научный вклад исследования состоит в методическом подходе к оценке масштабов распространения NEET-молодежи в российской экономике, основанном на комплексном анализе с помощью методов статистического анализа и экспертного опроса.

Ключевые слова: рынок труда, трудовой потенциал, NEET-молодежь, российская экономика.

Введение

Глобальная мировая социально-экономическая система в настоящее время находится в состоянии глубокой трансформации, обусловленной четвертой промышленной революцией, являющейся следствием высоких темпов научно-технического прогресса, внедрения во все сферы жизнедеятельности общества его результатов, прежде всего интернет-технологий и искусственного интеллекта. К. Шваб отметил: «Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение... Характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» (Шваб, 2016). Опасения, высказанные К. Швабом, небезосновательны. Так, наряду с очевидными преимуществами наиболее выраженными деструктивными последствиями происходящих трансформаций являются деградация демократии и ослабление государственности, фундаментальное изменение

модели мироустройства, регресс духовных ценностей общества, нарастающий социально-экономический кризис, проецирующийся на производственном и институциональном аспектах экономической системы, в том числе существенно преобразующий социально-трудовые отношения.

Социально-трудовая сфера, охватывающая всю совокупность социально-трудовых отношений, по мнению экспертов Международной организации труда (МОТ), также испытывает на себе влияние обозначенных негативных процессов. В отчете о перспективах мировой занятости и социальной сферы на 2024 год, представленном специалистами МОТ, отмечается сохранение нестабильности в социально-трудовой сфере в масштабах всего мира, возрастание неравенства, при этом особый акцент делается на проблемах молодежи в данной сфере. В настоящее время для рынка труда и сферы занятости населения остаются до конца непреодоленными последствия пандемии COVID-19.

Среди наиболее острых проблем социально-трудовой сферы в глобальном масштабе экспертами отмечаются следующие¹:

- низкая производительность труда, сохраняющаяся несмотря на высокие темпы технологического обновления производства, что выступает значимым барьером для дальнейшего экономического роста;
- усугубление неравенства доходов населения, в том числе трудовых, а также обострение проблемы работающих бедных;
- низкие темпы создания рабочих мест с достойными условиями труда;
- сохранение проблемы неформальной занятости в большинстве стран мира, а также возрастание доли молодежи, вовлеченной в неформальные трудовые отношения;
- гендерное неравенство, отмечающееся в перспективах трудоустройства, карьерном росте и трудовых доходах;
- актуализация проблемы NEET-молодежи;
- усиливающийся дефицит рабочей силы в странах с развитой и переходной экономикой, являющийся следствием, с одной стороны, демографического кризиса, с другой стороны – отсутствия необходимых компетенций у трудовых иммигрантов, прибывающих из развивающихся стран.

В настоящее время проблема дефицита рабочей силы является одной из наиболее обсуждаемых на международной арене: ее обострение и перспективы решения выступают предметом активного научного дискурса; разрабатываются программы решения данной проблемы на уровне отдельных государств и их объединений. Очевидно, что молодежь, обладающая высоким трудовым потенциалом, является ключевым источником пополнения рабочей силы. Однако разрастание такой группы, как NEET-молодежь (люди в возрасте 15–24 лет, которые не работают и не учатся), о чем свидетельствуют статистические данные и исследования экспертов МОТ, а также работы зарубежных и отечественных ученых, определяет необходимость ее всестороннего исследования.

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/995343385502676> (accessed: 30.08.2024).

Актуальность этой проблемы и ее межстрановая специфика нашли отражение в следующих материалах МОТ: «Мировая занятость и социальные перспективы: тенденции 2024 года»², «Профиль молодых NEET-школьников Португалии» (O’Higgins, Brockie, 2024), «Тенденции, характеристики и влияние COVID-19 на молодежь, которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков (NEET) в Таиланде»³, «Содействие трудоустройству и обучению молодежи NEET в Южном Средиземноморье»⁴, «Количество молодежи, не имеющей работы, образования или профессиональной подготовки (NEET), вызывает беспокойство, несмотря на снижение уровня безработицы»⁵.

Исследованию проблемы NEET-молодежи посвящен масштабный научный проект «Уязвимость молодежи в европейских городах» (Paabort et al., 2023), реализованный международной группой ученых М. Beilmann, E. Gerőházi, M. Medgyesi, T. Tammaru и других при грантовой поддержке Программы исследований и инноваций Европейского союза Horizon 2020. Также масштабные исследования провели М. Gunnes, К. Thaulow, S.L. Kaspersen, К. Jensen, S.O. Åse, что позволило им выявить широкий спектр факторов, которые приводят к формированию проблемы NEET-молодежи. Данные факторы исследователи структурировали по следующим группам: индивидуальные, семейные и социально-экономические. Ученые доказали, что в долгосрочной перспективе на формирование NEET-молодежи оказывают

² World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/995343385502676> (accessed: 30.08.2024)

³ Trends, characteristics and COVID-19 impact on youth not in employment, education or training (NEET) in Thailand. Available at: <https://www.ilo.org/publications/trends-characteristics-and-covid-19-impact-youth-not-employment-education> (accessed: 01.09.2024).

⁴ Promoting employment and training for youth NEETs in the Southern Mediterranean. Available at: <https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/promoting-employment-and-training-youth-neets-southern-mediterranean> (accessed: 01.09.2024).

⁵ Number of youth not in employment, education, or training (NEET) a cause for concern, despite falling jobless rate. Available at: <https://www.ilo.org/resource/news/number-youth-not-employment-education-or-training-neet-cause-concern> (accessed: 01.09.2024).

воздействие низкий уровень образования, высокий риск психических расстройств и высокий уровень безработицы (Gunnes et al., 2025). В свою очередь I. Swart, H. Hillamo, B.H. Holte в работах, посвященных исследованию практической применимости концепции NEET-молодежи в разных странах (государствах Северной Европы и Южной Африки), доказали ее научную обоснованность и практическую значимость (Swart et al., 2021). Большой интерес представляет работа С. Mayombe, в которой автор предложил инновационную модель взаимодействия социальных партнеров в целях трудоустройства выпускников из категории потенциальной NEET-молодежи (Mayombe, 2022).

В России NEET-молодежь стала предметом научных исследований сравнительно недавно. Одним из первых масштабных исследований по данной проблематике является работа Е.Я. Варшавской «Российская NEET-молодежь: характеристики и типология», в которой впервые дана оценка масштабов распространения и структуры NEET-молодежи в России, а также выявлены факторы, определяющие ее формирование (Варшавская, 2016). В настоящее время количество исследований по этой проблеме увеличилось. Например, М.Б. Буланова обосновала необходимость расширения спектра подгрупп в составе NEET-молодежи путем выделения «добровольно сделавших выбор в пользу данного варианта жизни», а также детально изучила социальные характеристики и воздействие трансформационных процессов на NEET (Буланова, 2019; Буланова, 2020; Буланова, Артамонова, 2020). В свою очередь С.В. Митрухина исследовала особенности этой подгруппы NEET-молодежи в современных условиях и выявила соответствующие нынешним реалиям причины ее формирования (Петренко, Митрухина, 2024). Большой вклад в развитие данной проблематики внесли исследования А.А. Зудиной, которая не только глубоко изучила социальные и психологические аспекты NEET-молодежи, но и выявила воздействие на нее ограничений, связанных с пандемией коронавируса (Зудина, 2019; Зудина, 2024). Н.Н. Шестакова с соавторами определили об-

условленные национальной спецификой причины, способствующие формированию данной группы молодежи. В результате исследования учеными было доказано, что основной причиной вхождения в NEET-молодежь выступает нарушение семейно-социальной связей (Шестакова и др., 2019). Е.А. Яковлева в рамках эмпирического исследования оценила долю молодежи в Южном федеральном округе, у которой риск попадания в группу NEET максимально высок. На основе социологического исследования эта доля составила 20% от опрошенных (Яковлева, Галахова, 2017). В аналитических материалах, опубликованных А.Р. Туренко, охарактеризованы национальные особенности распространения NEET-молодежи в странах СНГ (Туренко, 2023).

Таким образом, в представленных работах отечественных ученых NEET-молодежь не рассматривается как потенциальный трудовой ресурс развития современной российской экономики, как возможность сокращения дефицита молодых кадров на рынке труда, не прорабатываются стратегические и тактические меры, ориентированные на включение NEET-молодежи в процесс общественного воспроизводства. Данными обстоятельствами обусловлены актуальность и новизна настоящего исследования. Цель работы – оценка масштабов распространения NEET-молодежи в российском обществе, выявление ее особенностей и обоснование рекомендаций тактического и стратегического характера, направленных на решение исследуемой проблемы. Цель конкретизирована рядом исследовательских задач: проанализировать масштабы распространения проблемы NEET-молодежи в мировой и российской экономиках; определить особенности NEET-молодежи в России, выявить факторы и оценить их влияние на проблему NEET-молодежи; обосновать комплекс мер стратегического и тактического характера, направленных на вовлечение NEET-молодежи в трудовую деятельность. Гипотеза исследования состоит в том, что проблема NEET-молодежи в среднесрочной перспективе останется актуальной для российской экономики и будет способствовать росту дефицита рабочей силы.

Методология и методы исследования

Методологической основой настоящего исследования выступают научные работы в области экономики труда и социологии молодежи. Проблемы формирования ценностной структуры молодых людей, трансформация модели трудового поведения данной демографической группы, вопросы молодежной безработицы и занятости входили в круг научных интересов многих отечественных ученых⁶ (Бобков, Бобков, 2016; Варшавская, 2016; Гневашева, 2010; Гневашева, 2025; Занятость..., 1998; Зубок и др., 2021; Леонидова, Головчин, 2018; Попов, 2023; Тощенко, 2021; Рошин, 2003; Шабунова и др., 2013).

Данное исследование выполнено с использованием комплекса методов, включающего общенаучные (дедукция, индукция, анализ, синтез и др.), а также частные (статистический анализ, в том числе корреляционный анализ, факторный анализ, регрессионный анализ; методы древовидной классификации; экспертный опрос).

Эмпирические данные получены на основе экспертного опроса, который проводился с использованием Google Forms (ссылка: <https://forms.gle/YBabyU84BM5ArW6L7>). В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, занимающиеся исследованиями в области экономики и социологии труда, а также представители профильных государственных структур, курирующих вопросы реализации молодежной политики. Всего было опрошено 30 экспертов из одиннадцати субъектов РФ: Республики Башкортостан, Республики Крым, Воронежской, Липецкой, Новосибирской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Оренбургской областей и города Москва.

Использование корреляционного анализа позволило определить степень парной линейной зависимости между показателями, характеризующими анализируемые причины, и результирующей переменной – НЕЕТ-молодежь в общей численности населения соответствующей

возрастной группы (%). Факторный анализ был направлен на сокращение размерности пространства показателей, за счет построения на их основе обобщенных факторов, представляющих собой линейные комбинации исходных показателей и сохраняющих основную статистическую информацию об исходных показателях. Методы древовидной классификации использованы для формирования классифицирующих регрессионных деревьев для результирующей переменной. Метод регрессионного анализа позволил построить уравнение регрессии, в котором роль зависимой переменной играет результирующая переменная, а роль объясняющих переменных – обобщенные факторы.

Результаты исследования и их обсуждение

Информационной базой анализа послужила статистическая информация, опубликованная в докладе МОТ «Мировая занятость и социальные перспективы: тенденции 2024 года»⁷. Материалы в докладе, представленные по 189 государствам, отображают ситуацию как в целом по миру, так и по следующим группам стран: Африка (Северная Африка и Африка к югу от Сахары), арабские страны (арабские страны без GCC⁸, арабские страны GCC), Америка (Латинская Америка и Карибский бассейн, Северная Америка), Азия и Тихоокеанский регион (Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион, Южная Азия), Европа и Центральная Азия (Северная, Южная и Западная Европа, Восточная Европа, Центральная и Западная Азия). Российская Федерация включена в группу стран Восточной Европы. В докладе МОТ рассмотрен период с 2000 по 2022 год.

Положение молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет) на мировом рынке труда представлено в *таблице 1*.

Анализ представленных в таблице 1 показателей и статистических данных позволяет сделать следующие выводы.

⁷ World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/995343385502676> (accessed: 30.08.2024).

⁸ Арабские страны без GCC: арабские страны за исключением стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ).

⁶ Разумова Т.О. (2009). Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Москва. 433 с.

Таблица 1. Динамика основных показателей мирового рынка труда, %

Показатель	Год					
	2000	2010	2019	2020	2021	2022
Уровень участия в рабочей силе, % <i>всего</i>	64,2	62,0	60,5	59,2	59,8	60,3
Уровень участия в рабочей силе, % <i>молодежь</i>	51,3	45,6	40,9	39,3	39,8	40,0
Уровень занятости, % <i>всего</i>	60,2	58,1	57,1	55,3	56,2	57,1
Уровень занятости, % <i>молодежь</i>	45,1	39,6	35,2	33,2	34,1	34,7
Уровень безработицы, % <i>всего</i>	6,1	6,4	5,6	6,6	6,1	5,3
Уровень безработицы, % <i>молодежь</i>	12,1	13,3	13,8	15,7	14,5	13,3
Доля NEET-молодежи, %	-	22,3	22,4	23,8	22,4	21,7
Источник: World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Available at: https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/995343385502676 (accessed: 30.08.2024).						

Уровень участия населения мира в рабочей силе с 2000 по 2021 год сократился на 4,4 п. п. Однако численность рабочей силы за этот период возросла на 774,2 млн чел. Такое несоответствие динамики показателей обусловлено комплексом причин, в числе которых разный темп изменения численности населения и рабочей силы, старение населения мира и другое. В возрастной группе 15–24 лет уровень участия в рабочей силе существенно сократился — на 11,5 п. п. В абсолютном значении также отмечается сокращение на 71,5 млн чел. В 2022 году уровень участия населения в рабочей силе возрос в обеих анализируемых группах, однако доковидных значений данный показатель не достиг.

Показатель «уровень занятости» за период 2000–2020 гг. сократился в целом по населению мира на 4,9 п. п., а по группе «молодежь в возрасте 15–24 лет» — на 11,9 п. п. В 2021 году данный показатель вышел на траекторию роста и в 2022 году достиг значений 57,1 и 34,7% соответственно. В молодежной группе показатель не вышел на уровень доковидного периода.

Показатель «уровень безработицы» в 2000–2022 гг. постоянно колебался в диапазоне от 5,3% в 2022 году до 6,6% в 2020 году в целом на рынке труда, а в молодежном сегменте — от 12,1% в 2000 году до 15,7% в 2020 году. В целом представленные данные подтверждают тезис о

сложном положении молодежи на рынке труда и ее уязвимости. В 2022 году показатель «уровень безработицы» снизился по сравнению с доковидными значениями по обоим исследуемым группам.

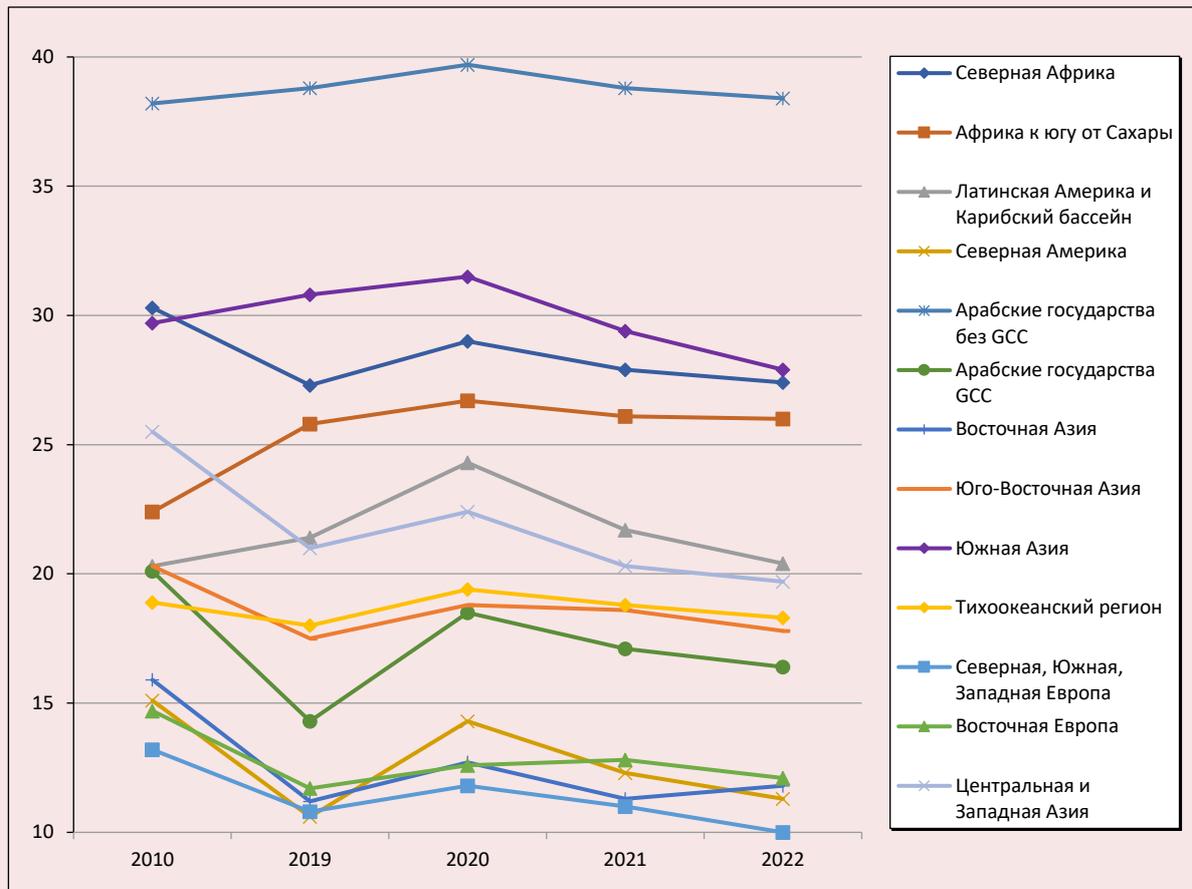
Показатель «доля NEET-молодежи» в докладе МОТ представлен только с 2010 года. Его значения за весь наблюдаемый период были высокими и превышали 20%. Максимального значения показатель достиг в 2020 году (23,8%), что обусловлено ограничениями, связанными с COVID-19.

Экспертами также приводятся прогнозные оценки основных показателей мирового рынка труда на 2023–2025 годы, которые не предполагают резких и значимых изменений в обозначенном периоде.

Рассмотрим динамику показателя «доля NEET-молодежи» по представленным выше группам стран (*рис. 1*).

Исходя из представленных на рисунке 1 данных, можно констатировать, что самый высокий уровень анализируемого показателя за весь исследуемый период отмечается в государствах группы «Арабские страны без GCC», в которую входят Египет, Иран, Ирак, Иордания, Палестина, Йемен. Максимального значения этот показатель достиг в 2020 году, когда он равнялся 39,7%; минимального — в 2010 году — 38,2%.

Рис. 1. Динамика показателя «доля NEET-молодежи» по группам стран за 2010–2022 гг., %

Источник: World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/995343385502676> (accessed: 30.08.2024).

Сравнивая значения показателя по группам стран со среднемировыми значениями за исследуемый период, мы можем объединить данные группы в три категории:

1) группы стран со значением показателя ниже среднемирового (15% и менее): Северная, Южная, Западная Европа, Восточная Европа, Северная Америка, Восточная Азия;

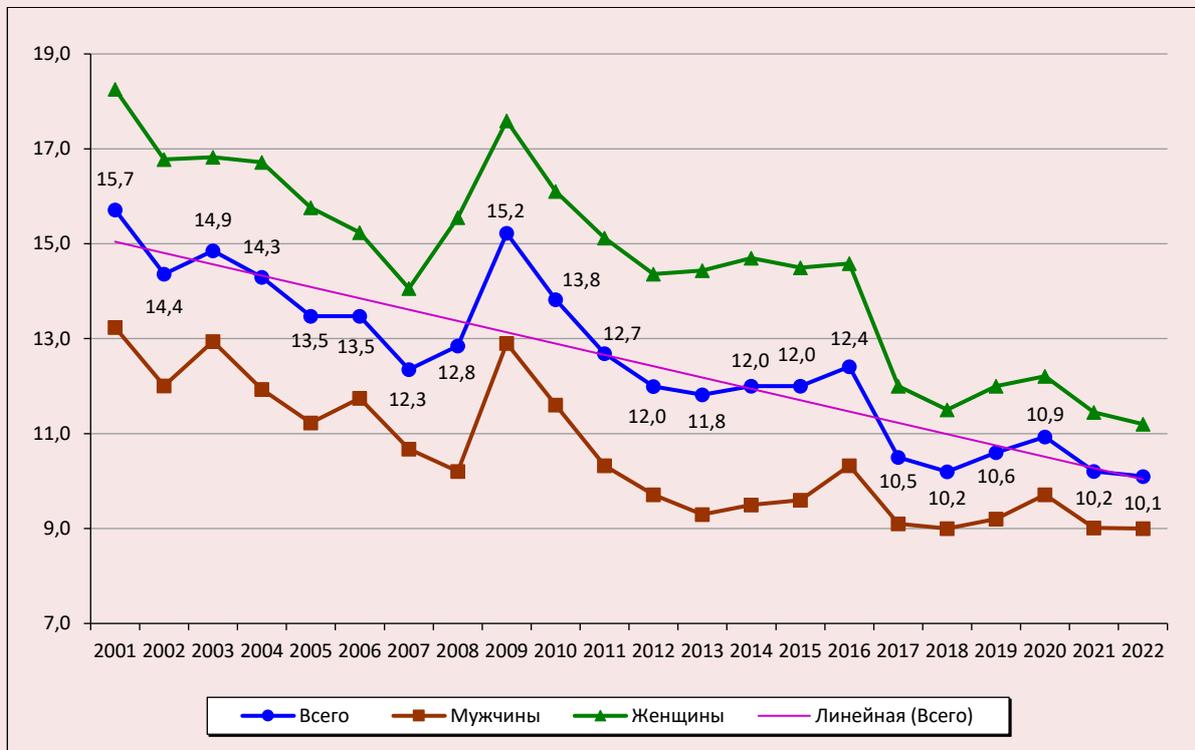
2) группы стран с приближенным к среднемировым значениям показателя (в диапазоне 15–25%): Латинская Америка и Карибский бассейн, арабские государства GCC, Юго-Восточная Азия, Тихоокеанский регион, Центральная и Западная Азия;

3) группы стран со значением показателя выше среднемирового (25% и выше): Северная Африка, Африка к югу от Сахары, Южная Азия, арабские страны без GCC.

Наличие такой дифференциации между странами мира, по нашему мнению, является следствием воздействия широкого спектра факторов, в числе которых особенности исторического и культурного развития, а также социально-экономического положения, демографической ситуации и политического устройства. Следовательно, в разрезе каждой отдельно взятой страны проблема NEET-молодежи имеет свою специфику формирования и развития, что определяет необходимость ее более глубокого изучения на уровне конкретного государства.

В Российской Федерации статистическое измерение показателя «доля молодежи, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков в возрасте 15–24 лет, в общей численности населения соответ-

Рис. 2. Динамика доли молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, в общей численности населения соответствующей возрастной группы за 2001–2022 гг., %

Источник: Индикаторы достойного труда. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 10.09.2024).

ствующей возрастной группы» (то есть доля NEET-молодежи) ведется с начала 2000-х гг. (рис. 2).

Доля NEET-молодежи в исследуемом периоде демонстрирует понижательный тренд. Пиковых значений за всю историю наблюдения она достигала в 2001 и 2009 гг. (15,7 и 15,2%, соответственно). В абсолютном значении сокращение численности молодежи NEET в 2022 году по сравнению с 2001 годом составило 365955 чел., в относительном – 20%. Сравнение со средними значениями данного показателя по миру позволило сделать вывод о том, что уровень NEET-молодежи в России существенно ниже среднемирового и сопоставим с его значениями в экономически развитых странах.

Анализируя структуру NEET-молодежи в России в гендерном разрезе, можно констатировать дифференциацию по данному показате-

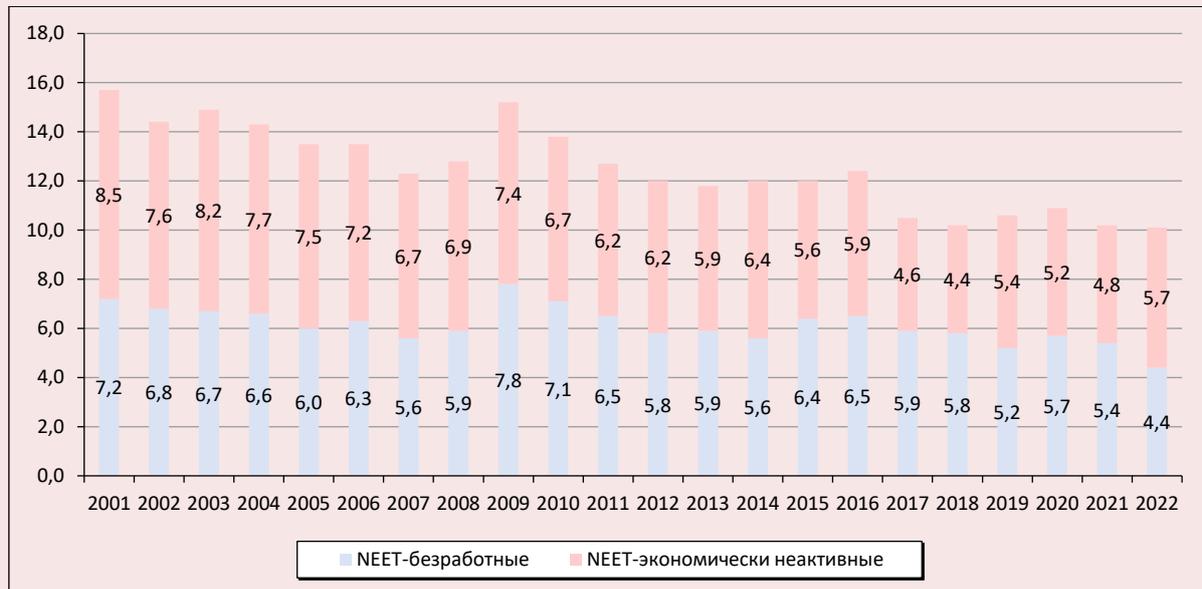
лю, которая отмечается на протяжении всего периода исследования. Вовлеченность мужчин в группу NEET существенно ниже по сравнению с вовлеченностью женщин. Среди мужчин в анализируемом периоде данный показатель изменялся в диапазоне от 9,0 до 13,2%, среди женщин – от 11,2 до 18,3%.

На основании статистических данных рассчитаны значения показателей для подгрупп NEET-безработные⁹ и NEET-экономически неактивные¹⁰ (рис. 3), а также определено их процентное соотношение (табл. 2).

⁹ NEET-безработные – молодые люди, которые не учатся, не работают, но находятся в поиске работы и готовы к ней приступить.

¹⁰ NEET-экономически неактивные – молодые люди, которые не учатся, не работают и не осуществляют поиск работы.

Рис. 3. Изменение структуры группы NEET-молодежи по основным подгруппам за 2001–2022 гг., %

Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 2. Соотношение основных подгрупп в структуре группы NEET-молодежи за 2001–2022 гг., %

Подгруппа	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
NEET-молодежь, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
NEET-безработные	45,9	47,2	45,0	46,2	44,4	46,7	45,5	46,1	51,3	51,4	51,2
NEET-экономически неактивные	54,1	52,8	55,0	53,8	55,6	53,3	54,5	53,9	48,7	48,6	48,8
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
NEET-молодежь, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
NEET-безработные	48,3	50,0	46,7	53,3	52,4	56,2	56,9	49,1	52,3	52,9	43,6
NEET-экономически неактивные	51,7	50,0	53,3	46,7	47,6	43,8	43,1	50,9	47,7	47,1	56,4

Рассчитано по: данные Росстата.

На основании рассчитанных показателей можно сделать следующие выводы.

1. В анализируемом периоде не выявлено выраженных тенденций в соотношении подгрупп в структуре NEET-молодежи. При этом с 2001 по 2008 год подгруппа «NEET-экономически неактивные» преобладала в общей структуре, а с 2009 года эта тенденция отсутствует. На наш взгляд, такое соотношение подгрупп в структуре NEET-молодежи несет в себе риски, так как подгруппа «NEET-экономически неактивные» крайне неоднородна по своему составу,

а также не всегда очевидны мотивы «неактивности», что требует дополнительного исследования этой подгруппы и выработки соответствующих механизмов ее сокращения.

2. В периоды экономических кризисов преобладала подгруппа «NEET-безработные» (2009 год – 51,3%; 2015 год – 53,3%; 2020 год – 52,3%). Максимального значения NEET-безработица достигала в 2018 году (56,9%), минимального – в 2022 году (43,6%). Следовательно, NEET-безработица закономерно увеличивается в России в кризисные периоды.

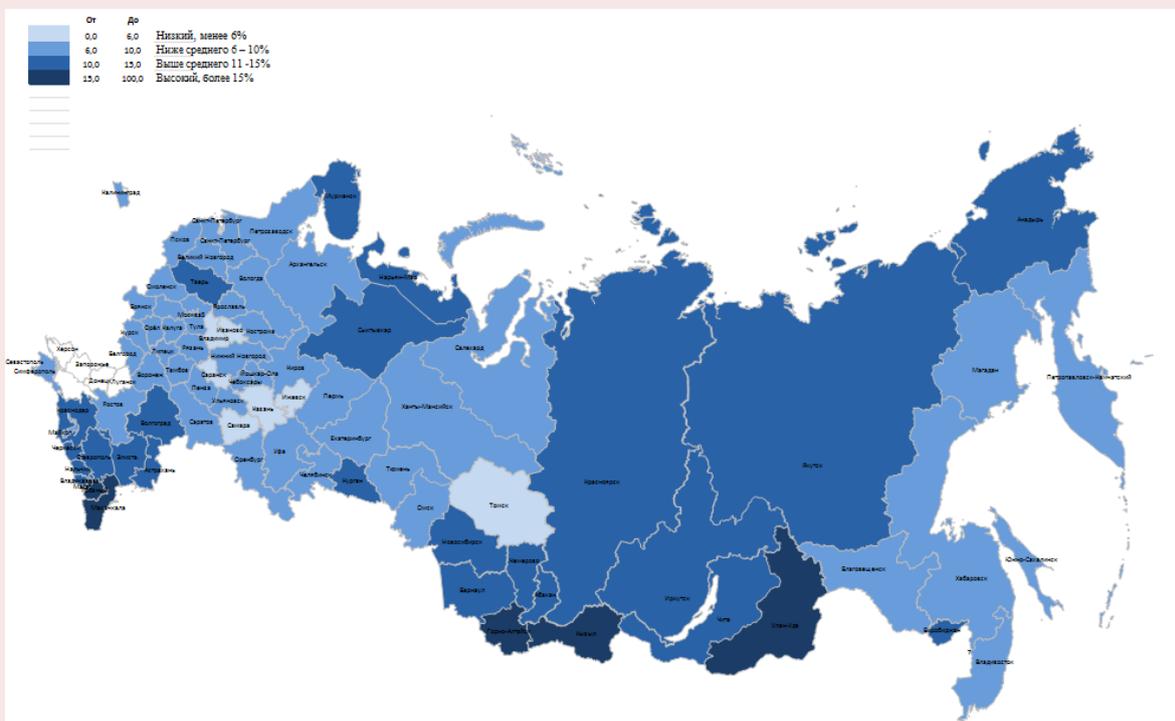
В разрезе субъектов РФ ситуация с распространением NEET-молодежи существенно дифференцирована. Так, в ряде регионов по состоянию на 2022 год доля NEET-молодежи крайне высокая и достигает следующих значений: Чеченская Республика – 34,7%; Республика Дагестан – 28%; Республика Ингушетия – 23,9%. В то же время в Санкт-Петербурге этот показатель демонстрирует самое низкое значение среди всех регионов РФ – 3,2%. В связи с этим проведена группировка всех субъектов РФ по значению данного показателя (рис. 4).

Анализируя представленные на рисунке 4 результаты группировки, можно констатировать, что только в восьми субъектах РФ отмечается низкая доля NEET-молодежи, не превышающая 6% по состоянию на 2022 год. Большинство регионов (49) относится к категории «ниже среднего», где диапазон значений данного показателя колеблется в пределах от 6 до 10% включительно. В группу регионов со значением показателя «выше среднего» (11–

15%) входят 24 субъекта РФ. То есть практически третья часть российских регионов характеризуется как «неблагополучная» в отношении масштабов распространения NEET-молодежи. Крайне негативная ситуация сложилась в шести российских регионах, в них доля NEET-молодежи составляет более 15%. При анализе линии тренда по каждому из субъектов РФ за период с 2017 по 2022 год только по пяти регионам была выявлена устойчивая положительная динамика снижения доли NEET-молодежи: Брянская область, Владимирская область, Костромская область, Республика Крым, Омская область. В Тамбовской области отмечается рост показателя.

Проведенный анализ масштабов распространения NEET-молодежи в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что по сравнению с мировыми тенденциями ситуация в стране относительно благополучная. Однако существенно обострившаяся на настоящий момент проблема дефицита трудовых ресурсов в России и негатив-

Рис. 4. Группировка субъектов Российской Федерации по значению показателя «доля молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, в общей численности населения соответствующей возрастной группы» в 2022 г.

Рассчитано по: данные Росстата.

ные прогнозы ее усугубления в перспективе по причине сложной демографической ситуации актуализируют поиск трудовых резервов, в качестве одного из которых, как отмечалось выше, может рассматриваться NEET-молодежь.

С целью изучения особенностей и проблем NEET-молодежи в Российской Федерации нами был проведен экспертный опрос, по итогам которого получены следующие результаты.

Большинство экспертов (60%) считают проблему существования NEET-молодежи актуальной для российской экономики, только 10% отрицают ее значимость. При этом все эксперты сходятся во мнении, что данное явление в настоящее время не получило широкого распространения. Так, 20% респондентов оценивают уровень распространения NEET-молодежи как крайне низкий (менее 6%), 40% – как низкий (6–10%) и 40% – как средний (11–15%).

Относительно прогноза распространения этого явления в экономике РФ на среднесрочную перспективу 1/3 экспертов указали, что оно будет расти (рис. 5).

Важным аспектом для поиска механизмов «вывода» молодежи из категории NEET является понимание внутренней структуры этой группы. При опросе экспертов была использована классификация (рис. 6), предложенная М.Б. Булановой (Буланова, 2019).

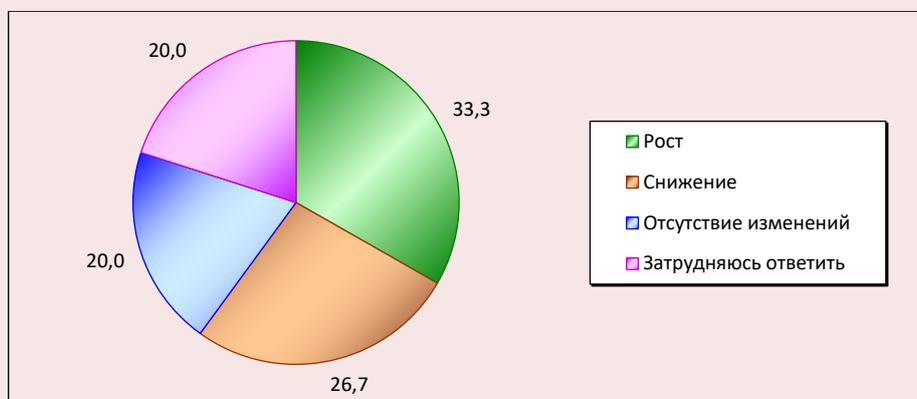
С позиции экспертов наиболее распространены в структуре NEET-молодежи такие категории, как временно неактивные, имеющие

договоренность о работе и учебе, собирающиеся приступить к ней в ближайшее время (76,7%), добровольно сделавшие выбор в пользу данного варианта жизни (60%), прочие неактивные, которые не могут указать причину своей неактивности, но сознательно отказываются от работы и учебы (46,7%). В структуре NEET-категория «отчаявшиеся» экспертами не выделена. Таким образом, полученные результаты опроса подтверждают неоднородность структуры группы NEET-молодежи и согласуются с представленными на рисунке 3 статистическими данными. При этом подгруппа «NEET-экономически неактивные» вероятнее всего в большей степени представлена такими категориями, как добровольно сделавшие выбор в пользу данного варианта жизни и прочие неактивные, а в меньшей – экономически неактивные по причинам болезни, инвалидности и выполнения семейных обязанностей.

Распространение NEET-молодежи, по мнению экспертов, сопровождается широким спектром негативных социально-экономических последствий (рис. 7).

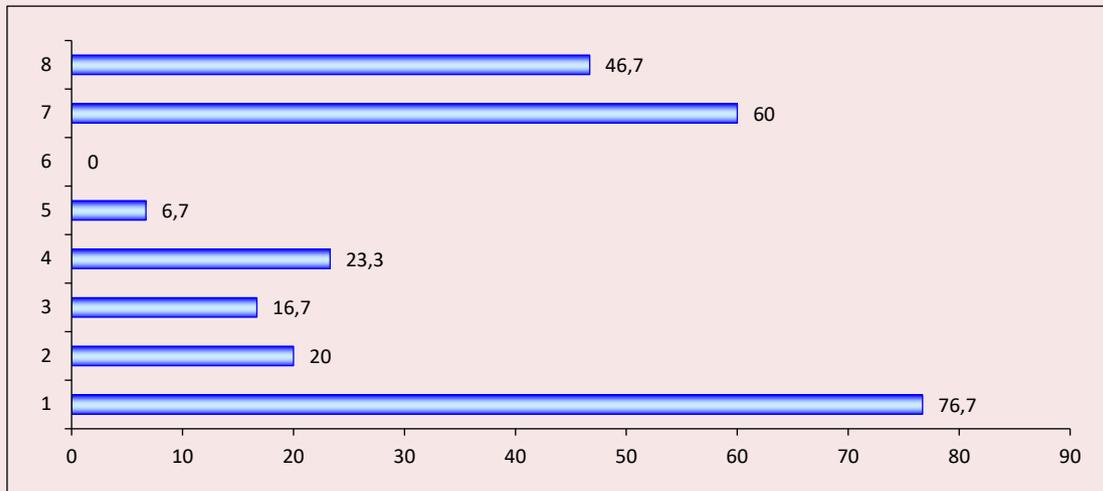
Самыми часто отмечаемыми последствиями увеличения численности NEET-молодежи для российской экономики оказались возрастание дефицита рабочей силы (60%), маргинализация (53,3%), сокращение налоговых поступлений в бюджет (50%), рост социальной напряженности (46,7%).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Каков Ваш прогноз относительно изменения уровня распространения NEET-молодежи в РФ на среднесрочную перспективу?», %

Составлено по: результаты экспертного опроса.

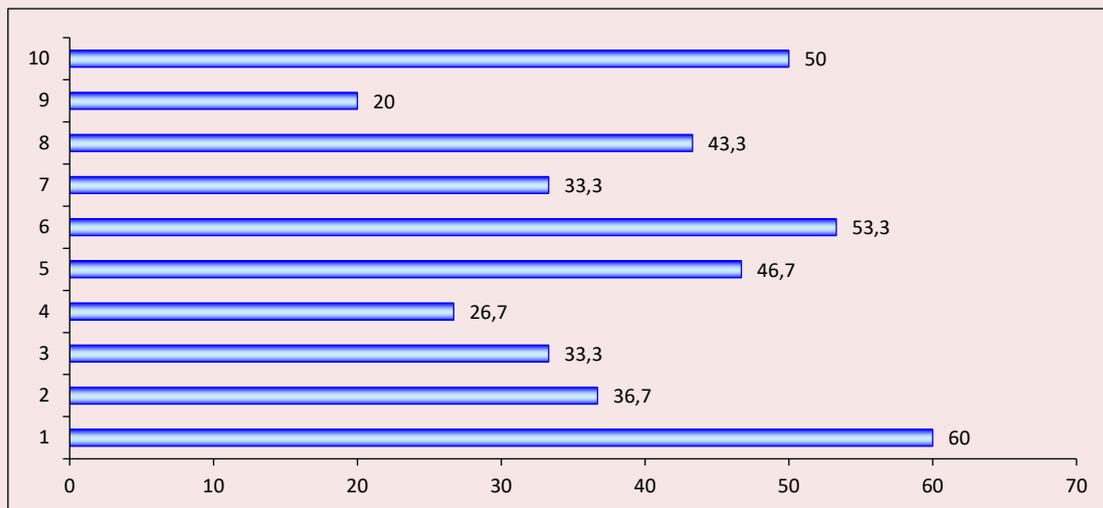
Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Какие три группы, по Вашему мнению, преобладают в структуре NEET-молодежи в РФ?», %

1 – временно неактивные, имеющие договоренность о работе и учебе, собирающиеся приступить к ней в ближайшее время; 2 – краткосрочно безработные, т. е. зарегистрированные официально как безработные и пребывающие в этом статусе менее года; 3 – длительно безработные, т. е. не имеющие работы более года; 4 – экономически неактивные по причине болезни и инвалидности; 5 – экономически неактивные по причине выполнения семейных обязанностей; 6 – отчаявшиеся, т. е. прекратившие активные поиски нового рабочего места; 7 – добровольно сделавшие выбор в пользу данного варианта жизни; 8 – прочие неактивные, которые не могут указать причину своей неактивности, но сознательно отказываются от работы и учебы.

Составлено по: результаты экспертного опроса.

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Какие последствия для российской экономики несет увеличение численности NEET-молодежи?», %

1 – возрастание дефицита рабочей силы; 2 – рост неформальной занятости; 3 – снижение уровня и качества жизни населения; 4 – увеличение дифференциации доходов населения; 5 – рост социальной напряженности; 6 – маргинализация; 7 – рост преступности; 8 – рост наркомании и алкоголизма; 9 – увеличение расходов госбюджета на содержание NEET-молодежи; 10 – сокращение налоговых поступлений в бюджет.

Составлено по: результаты экспертного опроса.

Полученные результаты подтверждают ранее выдвинутую нами гипотезу о рассмотрении NEET-молодежи в качестве трудового резерва. Следовательно, возрастает важность решения задачи, связанной с поиском причин формирования этой группы, с целью разработки мер по снижению ее масштабов.

Экспертный опрос позволил выявить основные причины формирования группы NEET-молодежи в РФ (рис. 8).

Согласно полученным данным, основными причинами формирования группы NEET-молодежи в России являются обесценение престижа труда (63,3%) и попадание в категорию наркозависимых или алкоголезависимых (53,3%).

К числу менее выраженных причин эксперты отнесли социальные проблемы (30%), проживание в сельской местности (26,7%), проблемы со здоровьем (26,7%), занятость в раннем возрасте в неформальном секторе (26,7%), недоступность образования (20%). Эксперты дополнили предложенный перечень причин такими, как высокий уровень дохода семьи (3,3%);

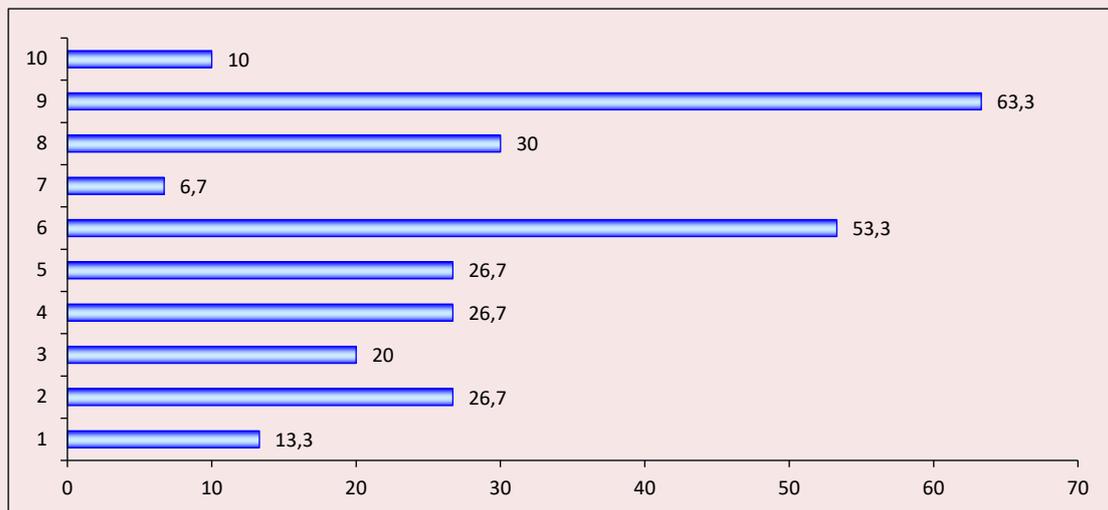
нежелание работать по полученной специальности (3,3%); гражданская неактивность (3,3%).

С целью определения степени влияния выделенных причин на проблему NEET-молодежи нами были использованы методы корреляционного, факторного, регрессионного анализа и древовидной классификации.

Для реализации данных методов отобраны только те причины формирования NEET-молодежи в РФ, которые можно измерить статистическими показателями и которые по оценкам экспертов получили 10% и более. Таким образом, в качестве оцениваемых причин выбраны следующие:

- занятость в раннем возрасте в неформальном секторе;
- недоступность образования;
- проживание в сельской местности;
- проблемы со здоровьем;
- попадание в категорию наркозависимых или алкоголезависимых;
- социальные проблемы (раннее материнство, уход за больными членами семьи и др.);
- низкий уровень дохода семьи.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Укажите основные причины формирования NEET-молодежи в РФ», %

1 – низкий уровень дохода семьи; 2 – занятость в раннем возрасте в неформальном секторе; 3 – недоступность образования; 4 – проживание в сельской местности; 5 – проблемы со здоровьем; 6 – попадание в категорию наркозависимых или алкоголезависимых; 7 – распространение преступности среди молодежи; 8 – социальные проблемы (раннее материнство, уход за больными членами семьи и др.); 9 – обесценение престижа труда среди молодежи; 10 – другое.

Составлено по: результаты экспертного опроса.

На следующем этапе была сформирована система показателей (объясняющих переменных), характеризующих обозначенные выше причины:

X1 – численность занятых в неформальном секторе в возрастной группе 15–19 лет, тыс. чел.;

X2 – численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, бакалавриата, специалитета, магистратуры на начало учебного года, тыс. чел.;

X3 – численность сельского населения в возрасте 15–24 лет, чел.;

X4 – численность инвалидов в возрасте до 18 лет, тыс. чел.;

X5 – численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года, тыс. чел.;

X6 – численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года, тыс. чел.;

X7 – коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе;

X8 – доля населения, живущего за национальной чертой бедности, %.

В *таблице 3* приведены значения данных показателей за период с 2013 по 2022 год.

Значения результирующего показателя Y (доля NEET-молодежи в общей численности населения соответствующей возрастной группы, %) за 2013–2022 гг. приведены в *таблице 4*.

На *рисунке 9* приведена корреляционная матрица для выбранной системы результирующих и объясняющих переменных.

Таблица 3. Данные для анализа

Переменная	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
X1	248	202	204	219	185	180	168	155	149	142
X2	7628,8	7312,1	6939,1	6704,3	6633,6	6626,0	6644,5	6809,1	6900,4	7113,1
X3	4300619	4153494	3971969	3872864	3849171	3858149	3876083	3460295	3469200	3344226
X4	568	580	605	617	636	651	671	689	704	729
X5	308,3	300,7	288,0	259,5	231,6	217,4	207,0	207,5	212,0	213,8
X6	1749,5	1690,0	1577,0	1444,5	1304,6	1208,6	1126,7	1102,8	1077,7	1051,4
X7	26,6	26,0	24,0	21,5	18,4	16,1	14,6	14,1	13,5	13,4
X8	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3	12,1	11,0	9,8

Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 4. Результирующий показатель

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Y	11,8	12,0	12,0	12,4	10,5	10,2	10,6	10,9	10,2	10,1

Рассчитано по: данные Росстата

Рис. 9. Корреляционная матрица для выбранной системы показателей

Correlations (Федченко.sta)									
Marked correlations are significant at p < ,05000									
N=10 (Casewise deletion of missing data)									
Variable	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8
Y	1,000000	0,804353	0,380855	0,662176	-0,805198	0,835638	0,838340	0,854769	0,340006
X1	0,804353	1,000000	0,459932	0,897215	-0,939732	0,865992	0,915084	0,910432	0,280703
X2	0,380855	0,459932	1,000000	0,416009	-0,442560	0,700193	0,623320	0,601181	-0,649649
X3	0,662176	0,897215	0,416009	1,000000	-0,952931	0,818607	0,889618	0,878043	0,274012
X4	-0,805198	-0,939732	-0,442560	-0,952931	1,000000	-0,907752	-0,964197	-0,960715	-0,331949
X5	0,835638	0,865992	0,700193	0,818607	-0,907752	1,000000	0,986002	0,986275	0,046955
X6	0,838340	0,915084	0,623320	0,889618	-0,964197	0,986002	1,000000	0,998440	0,148757
X7	0,854769	0,910432	0,601181	0,878043	-0,960715	0,986275	0,998440	1,000000	0,171936
X8	0,340006	0,280703	-0,649649	0,274012	-0,331949	0,046955	0,148757	0,171936	1,000000

Источник: рассчитано авторами.

Анализ корреляционной матрицы показывает достаточно высокую корреляцию между долей NEET-молодежи (Y) с такими показателями как: численность занятых в неформальном секторе в возрастной группе 15–19 лет (X1), численность сельского населения в возрасте 15–24 лет (X3), численность инвалидов в возрасте до 18 лет (X4), численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (X5), численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (X6), коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе (X7).

Для углубления поля исследования, проведенного на основе анализа коэффициента корреляции, используем метод древовидной классификации, позволяющий построить прогностическую модель на основе классификации для результирующей переменной, т. е. выделить классы наблюдений с ее различными средними значениями.

На первом этапе построения прогностической модели на основе классифицирующих регрессионных деревьев методом CHAID в качестве объясняющих переменных рассматривались все переменные X1, X2, X3, X4, X5, X6, X7, X8. Результаты, приведенные на *рисунке 10*, показывают, что хорошее качество классификации достигается при использовании всего

Рис. 10. Результаты применения классифицирующих регрессионных деревьев при построении прогностической модели

Источник: рассчитано авторами.

одной разделяющей переменной X1, данная переменная обладает высокой разделительной способностью. Наблюдения делятся на два класса по значению переменной X1 – численности занятых в неформальном секторе в возрастной группе 15–19 лет, тыс. чел., левый класс содержит наблюдения, для которых данный показатель меньше или равен 185, правый класс – больше 185. Для наблюдений левого класса среднее значение результирующей переменной равно 10,42%, среднее квадратическое отклонение 0,093. Для наблюдений правого класса среднее значение результирующей переменной 12,5, среднее квадратическое отклонение 0,063.

При исключении из анализа переменной X1 дерево классификации строится также всего по одной переменной X5 – численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года, тыс. чел. Данная переменная обладает следующей по мощности разделительной способностью. Наблюдения делятся на два класса по значению переменной X5, левый класс содержит наблюдения, для которых данный показатель меньше или равен 231, правый класс – больше 231. Для наблюдений левого класса среднее значение результирующей переменной равно 10,42%, среднее квадратическое отклонение 0,093. Для наблюдений правого класса среднее значение результирующей переменной 12,5, среднее квадратическое отклонение 0,063.

При исключении из анализа переменных X1, X5 следующей по мощности разделительной способностью обладает переменная X6 – численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года, тыс. чел. Наблюдения делятся на два класса по значению переменной X6, левый класс содержит наблюдения, для которых дан-

ный показатель меньше или равен 1304,6, правый класс – больше 1304,6. Для наблюдений левого класса среднее значение результирующей переменной равно 10,42%, среднее квадратическое отклонение 0,093. Для наблюдений правого класса среднее значение результирующей переменной 12,5, среднее квадратическое отклонение 0,063.

Таким образом, использование метода древовидной классификации позволило выделить три переменных, максимально влияющих на результирующую (доля NEET-молодежи): первой по степени воздействия является переменная «численность занятых в неформальном секторе в возрастной группе 15–19 лет»; второй – переменная «численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях»; третьей – переменная «численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях».

Корреляционная матрица, приведенная на рисунке 9, отражает не только сильную корреляцию переменных X1, X3, X4, X5, X6, X7 с результирующей переменной, но и сильную корреляцию их друг с другом, поэтому применение регрессионного анализа затруднено присутствием мультиколлинеарности объясняющих переменных. В связи с этим в рамках исследования был проведен факторный анализ объясняющих переменных, направленный на снижение размерности пространства объясняющих переменных и формирование небольшого количества общих факторов, а затем построено регрессионное уравнение, где в качестве объясняющих переменных выступают общие факторы.

В результате факторного анализа было выявлено два общих фактора, которые в совокупности объясняют 95% вариации исходных показателей (рис. 11).

Рис. 11. Результаты теста накопленной значимости для определения количества факторов

Eigenvalues (Федченко.sta)				
Extraction: Principal components				
Value	Eigenvalue	% Total variance	Cumulative Eigenvalue	Cumulative %
1	6,001582	75,01978	6,001582	75,01978
2	1,667571	20,84464	7,669154	95,86442

Источник: рассчитано авторами.

Факторные нагрузки приведены на *рисунке 12*. Первый фактор оказывает сильное влияние на формирование таких показателей, как X1, X3, X4, X5, X6, X7. Данный фактор характеризует занятых в ненаблюдаемой, теневой экономике и категории людей, имеющих проблемы с занятостью по состоянию здоровья, психики и временной нетрудоспособности. Второй фактор оказывает сильное влияние на показатели X2, X8. Данный фактор характеризует категории молодежи, не имеющей достойных доходов по причи-

не обучения или занятости с низкой оплатой труда.

Результаты регрессионного анализа с использованием факторов в качестве объясняющих переменных приведены на *рисунке 13*. Второй фактор оказался незначимой переменной. Модель имеет достаточно высокий $R^2 = 0,697$, следовательно, около 70% вариации результирующей переменной объясняется уравнением регрессии. Уравнение в целом значимо ($F = 18,422$, $p = 0,00264$), стандартная ошибка равна 0,51695.

Рис. 12. Показатели, формирующие первый и второй факторы

Factor Loadings (Varimax normalized) (Федченко.sta)		
Extraction: Principal components		
(Marked loadings are >,700000)		
Variable	Factor 1	Factor 2
X1	0,954314	-0,045284
X2	0,520642	0,844777
X3	0,936948	-0,071354
X4	-0,990200	0,082693
X5	0,949363	0,240891
X6	0,986267	0,129749
X7	0,983977	0,107427
X8	0,264781	-0,950072
Expl.Var	5,952483	1,716671
Prp.Totl	0,744060	0,214584

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 13. Результаты регрессионного анализа

Regression Summary for Dependent Variable: Y (Федченко.sta)						
R= ,83499927 R ² = ,69722377 Adjusted R ² = ,65937675						
F(1,8)=18,422 p<,00264 Std.Error of estimate: ,51695						
N=10	b*	Std.Err. of b*	b	Std.Err. of b	t(8)	p-value
Intercept			11,07000	0,163474	67,71714	0,000000
фактор 1	0,834999	0,194543	0,73960	0,172317	4,29210	0,002644

Источник: рассчитано авторами.

Выполнены гипотезы о нормальном распределении ошибок модели (рис. 14) и об отсутствии корреляции в ошибках (рис. 15), что свидетельствует о хорошем качестве регрессионной модели.

Проведенный анализ подтверждает, что выбранные для анализа показатели оказывают существенное влияние на формирование результирующей переменной и позволяют строить прогностические модели для ее предсказания.

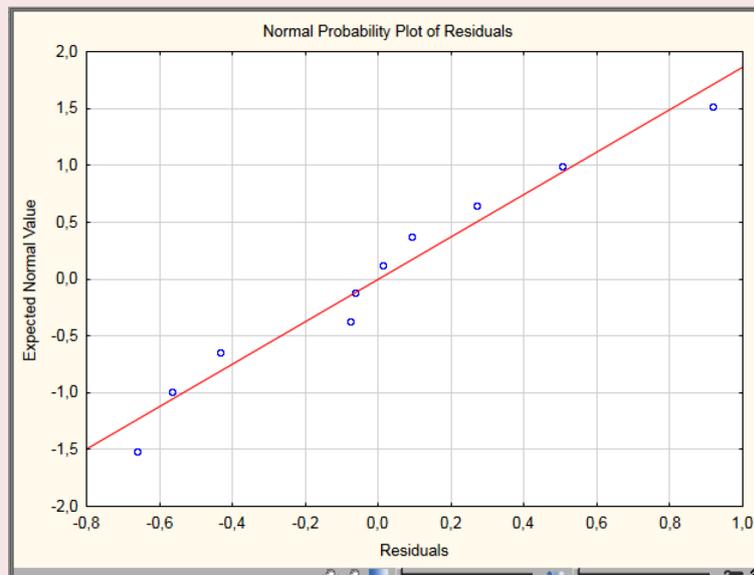
Подытожив результаты экспертного опроса и использованных математических методов, нами были сделаны следующие выводы:

- проблема существования НЕЕТ-молодежи является актуальной для нашего государства, несмотря на относительно небольшие масштабы ее распространения;
- структура группы НЕЕТ-молодежи весьма неоднородна (временно неактивные, имею-

щие договоренность о работе и учебе, собирающиеся приступить к ней в ближайшее время; добровольно сделавшие выбор в пользу данного варианта жизни; прочие неактивные, которые не могут указать причину своей неактивности, но сознательно отказываются от работы и учебы), что подтверждается результатами как экспертного опроса, так и статистического анализа;

- основными причинами, в наибольшей степени влияющими на формирование НЕЕТ-молодежи, выступают обесценение престижа труда среди молодежи, занятость в раннем возрасте в неформальном секторе и попадание в категорию наркозависимых или алкоголезависимых; также высокая корреляция отмечается с такими причинами, как проживание в сельской местности, проблемы со здоровьем, социальные проблемы (раннее материнство, уход за больными членами семьи и др.);

Рис. 14. Глазомерный метод проверки на нормальность ошибок модели

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 15. Статистика Дарбина – Уотсона

Durbin-Watson d (Федченко.sta) and serial correlation of residuals		
	Durbin-Watson d	Serial Corr.
Estimate	1,855616	0,028229

Источник: рассчитано авторами.

— наиболее опасными социально-экономическими последствиями существования данной группы молодежи являются возрастание дефицита рабочей силы, маргинализация, сокращение налоговых поступлений в бюджет, рост социальной напряженности, что требует разработки комплекса регулирующих мер в условиях прогнозируемого роста данного явления.

Таким образом, использование ретроспективного и статистического анализа, эмпирического исследования позволило изучить особенности данного явления в мировой и российской экономике, определить основные причины его распространения и подтвердить выдвинутую выше гипотезу.

Заключение

Проблема NEET-молодежи в последние годы приобрела широкий научный интерес среди исследователей всего мира. Это обусловлено негативными последствиями, которые несет в себе данное явление. Для стран с развитой экономикой и сложной демографической ситуацией NEET-молодежь выступает одним из источников пополнения рабочей силы при трудедефицитной конъюнктуре рынка труда. Для развивающихся стран, отличающихся низкими темпами развития экономики и избытком рабочей силы, проблема NEET-молодежи еще более значима, так как масштабирование данного явления приводит к серьезным социальным и экономическим последствиям в долгосрочной перспективе. Следовательно, для отдельно взятой страны эта проблема имеет свою специфику формирования и развития, что предопределяет содержание соответствующей государственной политики. Для Российской Федерации на основании полученных результатов исследования предлагается реализовать комплекс тактических (преимущественно ориентированных на тех, кто уже пребывает в составе NEET-молодежи) и стратегических (носящих превентивный характер) мероприятий.

В числе тактических мер считаем целесообразными:

1) включение в государственную молодежную политику совокупности мер, ориентированных на данную группу молодежи и дифференцированных для NEET-безработных и NEET-экономически неактивных; по причине

того в последние годы доля экономически неактивных превалирует в составе NEET-молодежи, необходимо совершенствовать законодательно-нормативную базу, касающуюся этой группы, и психолого-просветительскую работу в ее среде; исходя из неоднородности подгруппы «NEET-экономически неактивные» и отсутствия четко выраженных мотивов ее формирования рекомендуется проводить регулярные исследования причин «неактивности», т. к. турбулентность социально-экономических процессов не позволяет сформировать такого рода мероприятия на перспективу;

2) расширение мер государственной поддержки для молодых людей в период экономических кризисов с целью снижения доли NEET-безработных, в том числе на основе квотирования рабочих мест в государственных и бюджетных организациях;

3) вовлечение NEET-молодежи из «неблагополучных» субъектов РФ, где данный показатель составляет 11% и выше, в трудовую деятельность с использованием широкого спектра форм нестандартной занятости, а именно дистанционной или виртуальной занятости, самозанятости, платформенной занятости, вахтовой работы, временной занятости;

4) расширение на законодательном уровне мер поддержки для молодых женщин, занимающихся уходом за маленькими детьми (гарантировать возможность выполнять работу дистанционно, использовать гибкие режимы рабочего дня, режимы неполной занятости); целесообразна разработка «дорожных карт» вовлечения таких женщин в трудовую деятельность с учетом региональной и отраслевой специфики;

5) увеличение масштабов государственной помощи, в том числе расходов на выявление и лечение, для больных наркоманией и алкоголизмом с акцентом на молодежь; особую значимость должны иметь мероприятия, способствующие социальной и трудовой адаптации, в том числе ориентированные на формирование или «реабилитацию» трудовых и профессиональных навыков такого населения;

6) активизацию мер по формированию безбарьерной среды, расширению возможностей получения профессионального образования для инвалидов, вовлечению лиц с ограниченными

ми возможностями в трудовую деятельность, включая поддержку работодателей, обеспечивающих рабочие места для лиц с ОВЗ.

Среди мер стратегического характера считаем необходимыми:

1) масштабные преобразования в воспитательной и культурно-просветительской работе среди детей и молодежи, ориентированные на формирование и осознание ценности труда, его роли в жизни отдельного человека и современного общества; важно с раннего возраста заложить правильные представления о профессиях и их вкладе в развитие экономики страны, а также уважение к трудовому подвигу;

2) систематическую профориентационную работу, реализуемую с ранних этапов развития личности и базирующуюся на широком спектре инструментов, в том числе цифровых;

3) профилактические меры, направленные на формирование здорового образа жизни среди детей и молодежи, в том числе расширение возможностей для занятий физкультурой и спортом, прежде всего на безвозмездной

основе, на воспитание негативного отношения к курению, алкоголизму и наркомании.

Дальнейшие перспективы исследования NEET-молодежи как трудового потенциала развития видятся в непосредственной связи данной проблемы с цифровой трансформацией мира и социально-экономических отношений на всех уровнях — глобальном, страновом, региональном, а также корпоративном и личном. Направления дальнейших исследований NEET-молодежи на российском рынке труда касаются таких изменений, как появление на рынке труда платформ (изменение взаимоотношений «заказчик» — человек) и расширение использования искусственного интеллекта во всех сферах, что отражается на всех компонентах рабочей архитектуры, касающихся физической и социальной среды. Поведение NEET-молодежи непосредственно связано с изменением формата работы, ростом ценности человеческого капитала, развитием технологий, турбулентностью в некоторых отраслях и сферах.

Литература

- Бобков В.Н., Бобков Н.В. (2016). Экономическая активность российской молодёжи и проблемные зоны её реализации // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 12. № 2. С. 8–29. DOI: 10.12737/20761
- Буланова М.Б. (2019). Neet-молодёжь: методы и подходы к изучению // *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана*, г. Екатеринбург, 21–23 марта 2019 г. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. С. 13–22.
- Буланова М.Б. (2020) NEET-молодёжь в цифровом обществе // *Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции «XIV Ковалевские чтения»*, г. Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 г. Санкт-Петербург: Изд-во ООО «Скифия-принт». С. 494–495.
- Буланова М.Б., Артамонова Е.А. (2020). NEET-молодёжь: Европейский контекст и российские реалии // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Т. 20. № 1. С. 64–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72
- Варшавская Е.Я. (2016). Российская NEET-молодёжь: характеристики и типология // *Социологические исследования*. № 9 (389). С. 31–39.
- Гневашева В.А. (2025). Цифровизация молодежной занятости // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 3 (173). С. 205–212. DOI: 10.26726/grpe2025v3doye
- Гневашева В.А. (2010). Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи. Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та. 303 с.
- Занятость отдельных социально-демографических групп населения в переходной экономике России (1998) / под ред. Р.П. Колосовой, Т.О. Разумовой. Москва: ТЕИС. 183 с.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин О.В. (2021). Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // *Женщина в российском обществе – 2020. Специальный выпуск*. С. 38–59. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3
- Зудина А.А. (2019) «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // *Мир России*. Т. 28. № 1. С. 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160

- Зудина А.А. (2024). «Поколение локдауна»: динамика молодежного рынка труда в условиях пандемии COVID-19 // Мир России. Т. 33. № 2. С. 6–31. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-6-31
- Леонидова Г.В., Головчин М.А. (2018). Молодёжь в дискурсе современных социологических исследований: региональный аспект // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. Т. 24. № 1. С. 154–174. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174
- Петренко Е.А., Митрухина С.В. (2024). Теоретический анализ феномена добровольно неактивной NEET-молодёжи // Вестник ХГУ имени Н.Ф. Катанова. № 2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-fenomena-dobrovolno-neaktivnoy-neet-molodyozhi> (дата обращения: 09.11.2025).
- Попов А.В. (2023). Молодежь на российском рынке труда: особенности занятости и факторы ее устойчивости (на примере Вологодской области) // Экономика труда. Т. 10. № 12. С. 1897–1914. DOI: 10.18334/et.10.12.120100
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (2021) / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь Мир. 400 с.
- Рошин С.Ю. (2003). Экономическая активность и предложение труда молодежи в России // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-aktivnost-i-predlozhenie-truda-molodezhi-v-gossii> (дата обращения: 09.11.2025).
- Туренко А.Р. (2023). NEET-молодежь на пространстве СНГ: обзор. Москва: Институт молодежной политики и международных отношений РТУ МИРЭА. 18 с.
- Шабунцова А.А., Леонидова Г.В., Антонова М.А. [и др.] (2013). Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации. Вологда: ИСЭРТ РАН. 146 с.
- Шваб К. (2016). Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо. 138 с.
- Шестакова Н.Н., Скворцова М.Б., Кузьмина Л.К. (2019). О человеческом капитале молодежи, которой NEET // Экономика труда. Т. 6. № 1. С. 565–586. DOI: 10.18334/et.6.1.40077
- Яковлева Е.А., Галахова А.А. (2017). Феномен NEET современного поколения и его влияние на макроэкономические показатели // Молодой ученый. № 51 (185). С. 196–201.
- Gunnes M., Thaulow K., Kaspersen S.L., Jensen K., Åse S.O. (2025). Young people not in education, employment or training (NEET): a global review. *BMC Public Health*, Oct 8. 25(1), 3394. DOI: 10.1186/s12889-025-24781-y
- Mayombe C. (2022) Partnership with stakeholders as innovative model of work-integrated learning for unemployed youths. *Higher Education, Skills and Work-based Learning*, 12(2), 309–327. DOI: 10.1108/HESWBL-03-2021-0065
- O’Higgins N., Brockie K. (2024). *Profile of Portugal’s Young NEETs*. Geneva: International Labour Office.
- Paabort H., Flynn P., Beilmann M., Petrescu C. (2023). Policy responses to real world challenges associated with NEET youth: A scoping review. *Front. Sustain. Cities*, 5, 1154464. DOI: 10.3389/frsc.2023.1154464
- Swart I., Holte B., Hilamo H. (2021) Chapter 2. NET as a comparative concept of youth marginalization. An exchange of views between South Africa and Northern Europe. In: Swart I., Vyakhakangas A., Rabe M., Leis-Peters A. (Eds). *Stuck on the Sidelines?* 1st ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. DOI: 10.13109/9783666568558.31

Сведения об авторах

Анна Александровна Федченко – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; e-mail: aafedchenko@fa.ru)

Екатерина Сергеевна Дашкова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: dashkova-82@mail.ru)

Наталья Васильевна Дорохова – доктор экономических наук, доцент, профессор, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: nv_dorohova@mail.ru)

Татьяна Васильевна Азарнова – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: office@main.vsu.ru)

Fedchenko A.A., Dashkova E.S., Dorokhova N.V., Azarnova T.V.

Resources for Growth: Young People Outside Employment and Education

Abstract. The Russian economy is experiencing an acute shortage of labor resources, which brings to the forefront the issue of seeking alternative sources for their replenishment. At the same time, both in Russia and abroad, a group of young people aged 15–24 who are not in education, employment, or training (NEET youth) has emerged. The need to study this group stems not only from exacerbated demographic problems but also from the risk of its further expansion, which may in the future negatively impact many socio-economic processes. The aim of the work is to assess the scale of NEET youth prevalence in Russian society, identify its characteristics, and substantiate recommendations of a tactical and strategic nature aimed at addressing the problem under study. Through an analysis of works by a number of foreign and Russian scholars, analytical materials from the International Labour Organization, as well as international and Russian statistics, it is substantiated that the NEET youth problem is highly relevant; the scale and features of NEET youth prevalence in Russia, including regional and gender dimensions, are identified. An empirical study of the characteristics and problems of NEET youth in the Russian Federation was conducted involving experts and determining mathematical relationships. This made it possible to clarify the structure of the NEET youth group in Russia, the main reasons for its formation, and to prove the degree of influence of the identified causes on the problem under study, as well as to assess the consequences of NEET youth prevalence for the domestic economy and forecast the size of this group in the medium term. Based on the study results, a list of tactical and strategic measures is substantiated, aimed at solving this problem and integrating NEET youth into the process of social reproduction. The scientific contribution of the study lies in the development of a methodological approach to assessing the extent of the spread of NEET youth in the Russian economy, based on a comprehensive analysis using statistical analysis and expert survey methods.

Key words: labor market, labor potential, NEET youth, Russian economy.

Information about the Authors

Anna A. Fedchenko – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: aafedchenko@fa.ru)

Ekaterina S. Dashkova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Voronezh State University (1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: dashkova-82@mail.ru)

Natalya V. Dorokhova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor, Voronezh State University (1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: nv_dorohova@mail.ru)

Tatiana V. Azarnova – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, head of department, Voronezh State University (1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: office@main.vsu.ru)

Статья поступила 17.11.2025.

МИРОВОЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.17

УДК 338.4, 338.2, ББК 65.32-5

© Хэ Сюньвэй, Патракова С.С., Мазилев Е.А.

Государственное управление неиспользуемыми землями сельскохозяйственного назначения: опыт Китая и России

Хэ Сюньвэй

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: qyjbjb@163.com

**Светлана Сергеевна
ПАТРАКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sspatrakova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

**Евгений Александрович
МАЗИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: eamazilov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5792-3883; ResearcherID: J-1686-2016

Для цитирования: Хэ Сюньвэй, Патракова С.С., Мазилев Е.А. (2026). Государственное управление неиспользуемыми землями сельскохозяйственного назначения: опыт Китая и России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 19. № 1. С. 259–280. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.17

For citation: He Xiongwei, Patrakova S.S., Mazilov E.A. (2026). State management of idle agricultural lands: The experience of China and Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 259–280. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.17

Аннотация. Устойчивое развитие сельского хозяйства является стратегически важной задачей для таких государств, как Китай и Россия. Ее решение напрямую зависит от эффективности и рациональности использования имеющихся ресурсов, в частности земельных. Однако в настоящее время и в Китае, и в России наблюдаются проблемы неиспользования земель сельскохозяйственного назначения. Цель исследования – изучение и критическое осмысление опыта Китая и России по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельхозназначения для последующей имплементации в практику государственного управления в сфере землепользования. В результате работы выявлено, что для решения проблемы неиспользуемых земель в Китае предлагается провести реформу разделения прав собственности, договорных прав и прав на землепользование в сельской местности («Разделение трех прав»). Определены факторы реформирования механизма отказа от договорных прав на сельхозземлю: массовое перемещение избыточной сельскохозяйственной рабочей силы в городские районы, распространение практики частичной занятости фермеров и др., охарактеризованы отличия механизмов отказа от земли, а также особенности поведения фермеров при их реализации в трех китайских уездах, определены масштабы и тенденции, факторы распространения в России и ее северных регионах неиспользования сельхозземель; дана характеристика государственных программ России и субъектов Северо-Запада по вовлечению в оборот неиспользуемых сельхозземель. Путем синтеза китайского и российского опыта обоснована необходимость учета территориальной специфики при разработке и реализации механизмов отказа от земли / изъятия земли сельхозназначения, а также выборе перспективных направлений ее дальнейшего использования (сельское хозяйство, туризм, иные виды предпринимательства и т. д.). Результаты исследования могут быть использованы в качестве теоретико-методической основы и справочного материала для совершенствования государственной политики в области землепользования.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, неиспользуемые земли, вовлечение в оборот, отказ от земли, изъятие земли, сельское хозяйство, сельские территории, Китай, Россия.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Когда в 1978 году Китай взял курс на реформы и открытость, в сельской местности была принята система обязанностей домохозяйств. Права собственности на сельскохозяйственную землю были разделены на два уровня: право собственности, которым совместно владел сельскохозяйственный коллектив, и право на договорное землепользование, которым владело отдельное домохозяйство, заключающее договор с деревней на участок сельхозугодий. Эта мера коснулась сотен миллионов фермеров и привела к значительным успехам в отрасли сельского хозяйства. По данным Национального бюро статистики Китая, объем производства зерна в Китае в 2023 году составил 695,41 млн т, оставаясь на уровне более 650 млн т в течение девяти лет подряд. Объем производ-

ства зерна на душу населения составил 493 кг, что значительно превышает среднемировой показатель на протяжении многих лет подряд и признанное на международном уровне пороговое значение уровня продовольственной безопасности в 400 кг.

В России курс на частное землепользование был взят в 90-е гг. XX века, когда законом «О земельной реформе»¹ была отменена монополия государства на землю и введена возможность ее передачи частным лицам в пожизненное наследственное владение или в аренду. Более полное и комплексное законодатель-

¹ О земельной реформе: Закон РСФСР от 23.11.1990 № 374-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. ст. 327.

ное оформление прав частной собственности на землю произошло с принятием в 2001 году Земельного кодекса РФ². При этом неизменно во всех редакциях Кодекса содержится формулировка о том, что «сельскохозяйственные угодья — пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими), — в составе земель сельскохозяйственного назначения имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране».

Реформа землепользования в России, как и в КНР, способствовала активному развитию сельского хозяйства в рыночных условиях хозяйствования. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), валовой сбор, например, зерновых и зернобобовых культур в весе после доработки в 2023 году составил 145,0 млн т, в 2,2 раза выше, чем в 2000 году. При этом подушевой объем их сбора увеличился с 446,3 до 990,9 кг на душу населения, превысив уровень порогового значения продовольственной безопасности более чем в 2 раза.

При этом в условиях экономического, социального, научно-технологического развития сельскохозяйственный сектор экономики Китая и России претерпел значительные изменения, а вместе с ним и уклад жизни сельского населения. Так, четко обозначились тенденции снижения занятости аграриев и в целом жителей сельских территорий в сельскохозяйственной деятельности. Появились фермеры, занятые неполный рабочий день, и даже фермеры, для которых сельское хозяйство перестало быть основным видом деятельности (его «вытеснили» отрасли туризма, лесной промышленности и т. д.), что привело к некоторому сниже-

нию ценности и востребованности земли как экономического ресурса. Усилился тренд миграции жителей сельских территорий в города при сохранении у них прав на землю³. Эти и множество иных экономических, социальных, инфраструктурных факторов способствовали тому, что в настоящее время не используются по целевому назначению значительные площади земель сельхозназначения и в России (в 2023 году — 41289 тыс. га, или 11,0% от общей площади таких земель), и в Китае. Площадь заброшенных сельскохозяйственных угодий в мире варьируется по разным оценкам от 150 до 472 млн га⁴.

Проблематика возвращения в хозяйственный оборот таких земель находится в фокусе внимания не только мирового, в т. ч. китайского и российского, научного сообщества, но и представителей органов государственной власти. Например, в КНР в этих целях предложен и используется довольно интересный механизм, основанный на проведении реформы разделения прав собственности, договорных прав и прав на землепользование в сельской местности. В Заключениях о совершенствовании мер по разделению прав на сельскохозяйственную землю на права собственности, договорных прав и прав землепользования, опубликованных Главным управлением Центрального комитета Коммунистической партии Китая (КПК) и Главным управлением Государственного совета в 2016 году, в которых указано, что оплачиваемый отказ от договорных прав на землю и другие пилотные проекты следует активно проводить с целью обобщения опыта и практик, которые могут быть использованы в дальнейшем⁵.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

³ Так, в обзоре 14-го пятилетнего плана экономического и социального развития (2021–2025 гг.) и долгосрочных задачах Китайской Народной Республики на период до 2035 года, опубликованных в 2021 году, указывается, что необходимо стимулировать усилия, направленные на то, чтобы помочь жителям с сельской регистрацией, проживающим в городской местности, получить регистрацию в городе; а также продолжать продвигать новую социально ориентированную стратегию урбанизации. Это означает, что все больше фермеров будут проживать в городах и отказываться от договорных прав на землю по мере развития новой урбанизации.

⁴ Птичников А.В., Куричев Н.К., Титков А.С., Кудрявцева А.В. (2025). Новые возможности повышения экономической отдачи от заросших древесно-кустарниковой растительностью земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: аналитический доклад. Москва: НИУ ВШЭ. 37 с. URL: <https://geography.hse.ru/mirror/pubs/share/1062628291>

⁵ Отказ от договорных прав на сельскохозяйственную землю, или сокращенно отказ от земли, означает, что фермеры добровольно и за вознаграждение отказываются от своих договорных прав на сельскохозяйственную землю и возвращают землю, обусловленную договором, сельским коллективным предприятиям. При этом их дети и потомки больше не имеют права заключать договор на землю сельских коллективных предприятий.

Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты и документы стратегического планирования Китайской Народной Республики и Российской Федерации; официальные данные Национального бюро статистики Китая и данные Росстата, ведомственная статистика стран.

Новизна исследования заключается в осмыслении и систематизации китайского и российского опыта государственного управления неиспользуемыми землями сельхозназначения.

Теоретические основы исследования

Проблематика нерационального использования сельскохозяйственных земель ввиду своей масштабности и народнохозяйственной значимости находится в фокусе внимания мирового научного сообщества. Учеными оцениваются площади неиспользуемых земель, выявляются причины их нарастания и, наоборот, сокращения. Особую научную и практическую значимость несут работы, в которых рассматриваются механизмы вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых или используемых недостаточно эффективно сельхозземель, в т. ч. путем передачи прав на землю. Такая передача прав в странах, где существует частная собственность на землю, позволяет аграриям с низкой эффективностью производства отказаться от своей земли в пользу аграриев с высокой эффективностью либо других заинтересованных в приобретении лиц, тем самым способствуя повышению производительности земли и труда (Yuziyo, 2000). При этом следует отметить, что ряд стран добились серьезных результатов в области внедрения механизмов передачи прав на землю. Так, относительно совершенным является американский земельный рынок. В нем существует модель контроля трансакционных издержек и рисков, в соответствии с которой на цены на землю влияют трансакционные издержки, и их снижает развитие посредничества при передаче земли.

Значительный пласт работ зарубежных ученых посвящен исследованию механизма передачи земли, в т. ч. во взаимосвязи с ее стоимостью. Например, Гортон предложил создать систему оценки стоимости земли и механизм разрешения конфликтов из-за цены на основании исследований влияния на нее трансакционных издержек (Gorton, 2001). Согласно исследованию (Duke et al., 2004), высокая фраг-

ментированность и неэффективное распределение земель по большой площади, являющиеся результатом внедрения системы частной собственности на землю, увеличивают трансакционные издержки для сельскохозяйственных земель. Ван Дейк полагает, что на механизм передачи сельхозземель влияют такие факторы, как занятость фермеров в несельскохозяйственном секторе, чувство безопасности из-за владения землей, экономическое развитие и др. (van Dijk, 2003). Таким образом, зарубежные ученые считают, что основными факторами, влияющими на передачу сельскохозяйственных земель, являются система прав собственности на сельскохозяйственные земли, издержки по передаче сельскохозяйственных земель, макроэкономические и институциональные проблемы и т. д.

Китайские исследователи занимаются углубленным изучением системы отказа от договорных прав на землю. Например, Дан Гоин утверждает, что отказ от договорных прав на землю способствует защите прав и интересов фермеров, а также повышению производительности земли (Guoing, 2013).

Гао Цзя отмечает, что быстрая урбанизация останется доминантой развития Китая в будущем, и в этом контексте актуальными вопросами являются содействие отказу от договорных прав на землю и совершенствование механизма денежной компенсации (Gao Jia, 2016). Лю Туншань считает, что с развитием урбанизации важно как можно быстрее разработать каналы изъятия сельскохозяйственных земель и оптимизировать их распределение среди фермеров (Liu Tongsan, 2020). Фань Ган считает, что трудящимся-мигрантам из сельской местности необходимо предоставлять регистрацию в городах, чтобы сформировать новый механизм, позволяющий им отказываться от своих земель и покидать сельские районы, поскольку основной причиной замедления урбанизации является то, что эти работники не могут по-настоящему интегрироваться в городское пространство (Fan Gang, 2013). Хотя некоторые эксперты не отрицают важности процесса передачи / изъятия земель, они считают, что следует проявлять осторожность, чтобы предотвратить риск оставления деревень ради городской жизни, и что фермерам не следует переезжать в город слишком поспешно и массово (He Xuefeng, 2013).

Рассматривая практику отказа от договорных прав на землю, Лу Чуньян и Вэнь Фэн полагают, что такой отказ был комплексным проектом, но его механизм был недостаточно проработан, что особенно выразилось в отсутствии стимулов и факторов влияния и затрудняло процесс отказа (Lu Chunyang, Wen Feng, 2019). Лю Цзюнь и У Лунцзянь придерживаются мнения, что важным формой отказа от прав на землепользование является поощрение фермеров к вступлению в земельные кооперативы, хотя право пайщиков сельских коллективных предприятий на отказ от данных прав четко не регламентировано в Гражданском кодексе (Liu Jun, Wu Longjian, 2021). Чжу Тяньчжи полагает, что нынешняя политика отказа от земель в основном направлена на обеспечение производительной функции земли, а не на защиту и компенсацию прав собственности фермеров на землю (Zhu Tianzhi, 2022). Ху Давэй и Чжао Хунвэй также считают, что нынешним системам компенсации за отказ от земли по-прежнему не хватает правовых гарантий, а предмет, метод и размер компенсации нуждаются в стандартизации и уточнении (Hu Dawei, Zhao Hongwei, 2024).

Основываясь на материалах социологического исследования провинции Хэнань, Хань Чжаньбин проанализировал готовность пожилых фермеров старше 60 лет отказаться от прав на землю (Han Zhanbing, 2019). Из более чем 800 фермеров 72,19% были готовы отказаться от прав на землепользование и только 9,40% из них были готовы отказаться от договорных прав на землю. Чжан Чаоян и коллеги обнаружили, что готовность фермеров отказаться от договорных прав на землю варьируется от поколения к поколению, при этом у пожилых она ниже (Zhang Chaoyang et al., 2024).

В России проблематика вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых или используемых недостаточно эффективно сельхозземель также находится в исследовательском фокусе. Однако здесь одним из ключевых направлений является оценка текущего уровня и динамики изменения площадей таких земель, а также выявление причин (факторов) и последствий их нарастания. Так, сотрудники Центра цифровых технологий для природно-климатических проектов НИУ ВШЭ установили, что после 1991 года порядка 33 млн га сельхозугод-

дий в России заросли лесом и кустарниками⁶. Из них лишь 5,6 млн га (17%) с проективным покрытием древесно-кустарниковой растительностью менее 10% являются приоритетными для возврата в сельскохозяйственный оборот. В свою очередь 6,9 млн га (21%) заросших земель с проективным покрытием более 80% являются перспективными для сельского лесоводства, отмечают эксперты. Важно, что проблематика неиспользования сельхозземель, в частности пашни, зарастания их кустарниками и лесом, их заболачивания особо остро стоит в отношении регионов Нечерноземной зоны России (Костяев, Никонова, 2022; Никонова, 2023).

В статье Б.С. Джабраиловой проанализированы количественные изменения и проблемы ввода в оборот неиспользуемых земель сельхозназначения в регионах СЗФО, приведен список мероприятий, которые должны включаться в механизм вовлечения таких земель. При этом отмечено, что «чем дольше эти земли не используются, тем дороже мероприятия по их возвращению в сельскохозяйственный оборот» (Джабраилова, 2021).

В работе (Орешкина и др., 2022) представлена классификация факторов, способствующих росту неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения: социально-экономические факторы (нецелевое использование земельных участков, их передача в краткосрочную аренду и т. д.); природно-антропогенные факторы деградации земель (водная и ветровая эрозия и др.). При этом факторы действуют в связке, часто усиливая друг друга. Описанию причин появления «бесхозных» земельных участков также посвящены работы (Жильский и др., 2023; Ишамятова, Антропов, 2024; Петриков, 2025).

⁶ Птичников А.В., Куричев Н.К., Титков А.С., Кудрявцева А.В. (2025). Новые возможности повышения экономической отдачи от заросших древесно-кустарниковой растительностью земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: аналитический доклад. Москва: Факультет географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ. 37 с. URL: <https://geography.hse.ru/mirror/pubs/share/1062628291>; Центр ПКП НИУ ВШЭ предложил варианты использования заброшенных сельхозземель для задач низкоуглеродного развития России // Центр цифровых технологий для природно-климатических проектов НИУ ВШЭ. URL: <https://geography.hse.ru/nbs-center/news/1050276651.html>

Отдельный пласт работ посвящен критическому анализу и совершенствованию правовых аспектов охраны, изъятия и вовлечения в оборот неиспользуемых сельхозземель; выявления и пресечения нарушений земельного законодательства, повлекших за собой ухудшение состояния сельхозземель или сделавших невозможным их использование по целевому назначению (Турицын, 2012; Малышкина, 2016; Огневцев, 2018; Максимов, 2023).

Проблематика институционального регулирования процесса вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения раскрыта в работе (Трофимова, 2024). В ней обоснован авторский алгоритм, представляющий четырехэтапный механизм анализа, подготовки и принятия решений по выбору способа восстановления земельных участков (прямой возврат в оборот при непродолжительном сроке неиспользования; проведение культуртехнических мероприятий с последующим введением в оборот; перевод в другую категорию использования при высокой степени деградации и низком уровне плодородия) и варианты их дальнейшего использования.

В работе сотрудников РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева прямо указано, что «решить проблему вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель только за счет бесплатной раздачи земли и подъемных нельзя» (Арзамасцева, и др., 2022). Высказывается мнение, что более рационально сделать акцент на мерах по стимулированию «новых» потребностей на сельхозпродукцию для роста производства и расширения посевных площадей при благоприятных условиях для данного процесса. В свою очередь С.А. Липски указывает на существование двух точек зрения на пригодные в сельскохозяйственном отношении земли (Липски, 2020). Согласно первой, необходимо максимально полное вовлечение таких земель в сельскохозяйственный оборот (т. е. по их целевому назначению) и их сохранение даже при отсутствии экономической оправданности. Согласно второй позиции, допускается «свободное использование и рыночный оборот этих и других земель исходя из текущей экономической конъюнктуры», т. е. возможность застройки сельхозземель жилой и нежилой недвижимостью, объектами транспортной и иной инфраструктуры.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что проблематика вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель в мировой научной литературе рассматривается через призму экономической, социальной, правовой, институциональной и иных сфер общественной жизни. Однако направлены они преимущественно на подробное исследование одной конкретной территории – страны, макрорегиона или региона. Между тем сравнение и обобщение практического опыта разных территорий по решению указанной задачи может стать теоретико-методической основой и справочным материалом для совершенствования государственной политики в области землепользования.

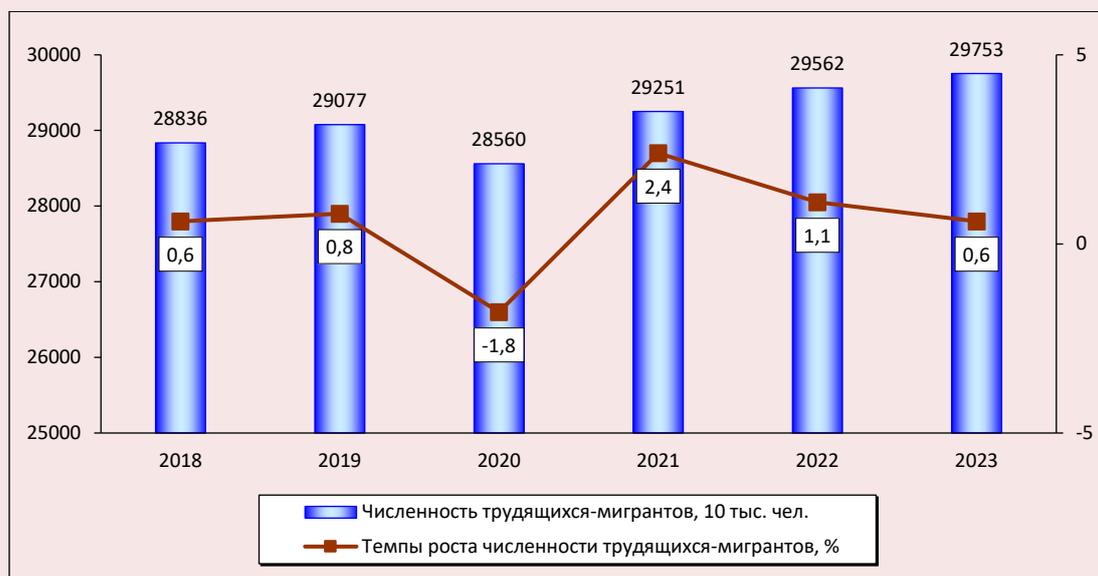
Китайская Народная Республика: отказ от договорных прав на сельскохозяйственную землю

В Китае к реформированию механизма отказа от договорных прав на сельскохозяйственную землю привел ряд факторов.

1. Массовое перемещение избыточной сельскохозяйственной рабочей силы в городские районы Китая. В 1980-х годах, во времена реформ и перехода к открытости, прибрежные города стремительно развивались, особенно в сравнении с сельскими территориями центрального и западного Китая. Это привело к тому, что многие работники отрасли сельского хозяйства массово уезжали в города в поисках высокооплачиваемой работы, что в свою очередь спровоцировало глубокие экономические и социальные изменения в стране. Согласно отчету о мониторинге трудящихся-мигрантов за 2023 год, опубликованному Национальным бюро статистики Китая, в стране насчитывалось 298 млн трудящихся-мигрантов. Из них порядка 121 млн чел. (41%) были местными, а 177 млн чел. (59%) – приезжими, среди которых почти 60% были трудящимися-мигрантами из других регионов (*рис. 1*). В целом поток трудовых мигрантов в Китае является крупнейшим в мире потоком избыточной сельскохозяйственной рабочей силы.

2. Потенциал урбанизации. С точки зрения правил международного экономического развития обычно считается, что страна вступила в период быстрой урбанизации, когда доля городского населения составляет от 30 до 70%. К концу 2023 года в городах Китая насчитывалось 932,7 млн постоянных жителей. И хотя

Рис. 1. Численность трудящихся-мигрантов в Китае, 2018–2023 гг.

Источник: Отчет о мониторинге трудовых мигрантов за 2023 год, опубликованный Национальным бюро статистики Китая.

доля городского населения составила 66,2%, доля зарегистрированного городского населения – менее 50%. Вместе с тем насчитывалось порядка 180 млн трудовых мигрантов, которые не получили регистрацию в городе. Вышеуказанное свидетельствует о наличии потенциала для дальнейшей урбанизации (табл. 1).

3. Необходимость расширения масштабов управления сельскохозяйственными землями. Передача земли и отказ от договорных прав на нее тесно связаны с развитием крупномасштабного управления, поскольку являются его предпосылкой и важной особенностью модернизации сельского хозяйства. Согласно данным

Таблица 1. Доля городского населения и доля зарегистрированного городского населения Китая, 2011–2023 гг.

Год	Доля городского населения, %	Доля зарегистрированного городского населения, %	Разрыв, п. п.
2011	51,27	34,71	16,56
2012	52,57	35,29	17,28
2013	53,73	35,93	17,80
2014	54,77	37,10	17,67
2015	56,10	39,90	16,20
2016	57,35	41,20	16,15
2017	58,52	42,35	16,17
2018	59,58	43,37	16,21
2019	60,60	44,38	16,22
2020	63,89	45,40	18,49
2021	64,72	46,70	18,02
2022	65,22	47,70	17,52
2023	66,16	48,30	17,86

Источник: Статистический ежегодник Китая за 2023 год (общий показатель доли городского населения), общедоступные данные (показатель доли зарегистрированного городского населения за последние годы).

Таблица 2. Масштаб эксплуатации сельскохозяйственных угодий в Китае, 10 тыс. домохозяйств

Показатель	Фермеры, управляющие сельхозугодьями площадью:					
	менее 10 му	от 10 до 30 му	от 30 до 50 му	от 50 до 100 му	от 100 до 200 му	более 200 му
Число фермеров	23210,3	2922,9	700,8	291,7	109,4	50,6

Источник: данные Министерства сельского хозяйства и сельских дел Китайской Народной Республики.

Министерства сельского хозяйства и сельских дел Китайской Народной Республики, масштабы управления сельскохозяйственными землями нужно увеличивать, поскольку 232,1 млн фермеров управляют менее чем 10 му⁷ сельхозугодий, что составляет 85,06% от общего объема сельскохозяйственных земель в стране (табл. 2). При этом в Центральном Китае, по данным третьей национальной сельскохозяйственной переписи, насчитывалось порядка 64,3 млн управляющих сельскохозяйственными угодьями, но только 856,1 тыс. из них являются крупными управляющими, что составляет 21,5% от общего числа.

4. Массовое распространение практики частичной занятости фермеров. В настоящее время доля частично занятых фермеров в КНР относительно высока. Появлению и увеличению их численности способствуют три условия.

Во-первых, в семье должно быть много работающих. Во-вторых, земля, предоставленная им согласно договору, должна быть небольшого размера и хорошего качества для удобства ее интенсивного использования. Наконец, земля должна находиться недалеко от развитых районов с высокой ожидаемой ценой. Некоторые из этих земель перестали быть сельскохозяйственными угодьями и включены в состав городских территорий с последующей передачей в пользование органам власти. При таких обстоятельствах большинство частично занятых фермеров не желают отказываться от земли. Темпы передачи земель в Центральном Китае показывают, что почти 2/3 сельскохозяйственных угодий, которые не были переданы, по-прежнему находятся в ведении самих фермеров, и большинство из них являются частично занятыми, т. е. доходы от сельскохозяйственной деятельности

Рис. 2. Площадь и доля переданных сельскохозяйственных угодий в Китае

Источник: данные Национального бюро статистики Китая.

⁷ Му — единица измерения площади, используемая в Китае, соответствующая 1/15 гектара, или примерно 666,67 м².

составляют около 10% дохода их семьи (рис. 2). Частично занятые фермеры составляют большую долю по сравнению с другими фермерами в Китае; большинство из них удовлетворяют условиям изъятия земли, но реальных механизмов по осуществлению изъятия нет.

Эти и многие другие факторы способствовали распространению практики отказа населения от договорных прав на сельскохозяйственную землю, которая в разных провинциях КНР протекала по-разному (особенно в отношении алгоритмов отказа от земли, поведения фермеров и т. д.). Представляется, что изучение и сопоставление этих практик позволит повысить эффективность государственного регулирования в сфере землепользования.

В рамках обозначенного на примере провинций Аньхой и Цзянси в центральном регионе Китая было проведено эмпирическое исследование готовности фермеров отказаться от договорных прав на сельскохозяйственную землю. Его основу составили результаты анкетирования и интервьюирования, проведенных с февраля по май 2019 года. Территории проведения опроса отвечают следующим условиям: а) традиционные сельскохозяйственные районы Китая; б) многие фермеры работают за пределами своих родных городов, в связи с чем существует потребность в отказе от земли; в анкете использовалась случайная выборка для сбора данных, который осуществлялся в двух городах района Юйцзян провинции Цзянси, и в каждом были отобраны две деревни для анкетирования домашних хозяйств; в каждом выборочном районе провинции Аньхой — один город, в котором случайным образом выбраны две деревни для анкетирования домохозяйств. Благодаря сельским комитетам в ходе исследования была получена 671 достоверная анкета (после вычета анкет с отсутствием данных и неправильным заполнением), из них 343 — из провинции Аньхой, 328 — провинции Цзянси.

Анализ модели материального вознаграждения за отказ от прав на сельскохозяйственную землю

Согласно руководящим принципам политики центрального правительства, ключом к защите договорных прав на землю и прав на распределение коллективного дохода фермеров, осевших в городах, является поощрение законной, добровольной и оплачиваемой передачи. Однако разрыв между издержками при отказе от договорных прав на землю и компенсацией, которую могут получить фермеры, зависит от условий, предоставляемых правительством. В настоящем исследовании изучаются такие три компенсации, как обмен земли, обусловленной договором, на денежную компенсацию; обмен земли, обусловленной договором, на коллективные хозяйственные активы; обмен земли, обусловленной договором, на социальное обеспечение.

Анализ анкет в провинции Аньхой показал, что число фермеров, выбравших первый, второй и третий вид компенсации составило 196, 84 и 46 соответственно, то есть первый вариант предпочло большинство фермеров из выборки (60,12% от общего числа). В провинции Цзянси три вышеуказанных варианта выбрали 144, 8 и 15 фермеров из выборки соответственно. Первый вариант был выбран чаще всего (86,23% от общего числа). Таким образом, подавляющее большинство опрошенных фермеров предпочитают денежную компенсацию (табл. 3).

Анализ результатов пилотной реформы системы договорных прав на сельскохозяйственную землю

Из-за различий в экономическом развитии восточных, центральных и западных регионов Китая механизмы, принятые в 20–30 пилотных районах для реформы отказа от договорных прав на землю, варьировались. В рамках настоящего исследования для сравнительного анализа выбран только один типичный

Таблица 3. Доля фермеров, готовых отказаться от договорных прав на землю при различных типах материальной компенсации, % от числа опрошенных

Тип материальной компенсации	Аньхой	Цзянси
Обмен земли, обусловленной договором, на денежную компенсацию	60,12	86,23
Обмен земли, обусловленной договором, на коллективные хозяйственные активы	25,77	4,79
Обмен земли, обусловленной договором, на социальное обеспечение	14,11	8,98
Источник: опрос фермеров провинций Аньхой и Цзянси.		

район из каждого из трех вышеупомянутых регионов Китая: уезд Цзиньху, провинция Цзянсу, восточный Китай; уезд Динъюань, провинция Аньхой, центральный Китай; уезд Лянпин, город Чунцин, западный Китай.

Уезд Цзиньху провинции Цзянсу является одним из первых пилотных уездов по реформированию системы землепользования в сельской местности, определенных Государственным советом. Он является традиционным сельскохозяйственным уездом (в национальном масштабе выступает базой по производству товарного зерна), а также важным пилотным уездом по развитию современного сельского хозяйства. Его экономика достаточно развита благодаря географическому расположению в экономически развитом восточном регионе Китая. В 2023 году ВВП на душу населения в уезде достиг 150 940 юаней; площадь сельскохозяйственных угодий на душу населения – 2,6 му; коэффициент передачи земли – 78%, а уровень механизации в сельскохозяйственном секторе – 90%. В 2016–2017 гг. в уезде дважды проводился эксперимент по отказу от договорных прав на землю в деревне Танган города Иньту. В общей сложности 93 человека из 31 фермерского домохозяйства завершили процедуру отказа от договорных прав на сельскохозяйственные земли, включающие 500,06 му земель, обусловленных договором, 24,71 му личных участков и 12 му ферм.

В уезде был реализован механизм полного добровольного отказа от договорных прав на землю. Компенсация рассчитывалась на основе зарегистрированной площади земли, находящейся в собственности, и единого местного стандарта компенсации за передачу земли – 900 юаней с му в год в течение 30 лет, выплачиваемых единовременно. Изъятая земля⁸ была освоена путем создания в уезде государственной компании по управлению активами и инвестиционной компании Huai'an New City Investment Company. Инвестиции были распределены между двумя сторонами и сельскими коллективными предприятиями на уровне деревень в соотношении 4:4:2, что предоставило им право распоряжаться изъятой землей в соответствии с законом.

⁸ Земля, от договорных прав на которую отказались.

Уезд Динъюань провинции Аньхой – это также типичный традиционный сельскохозяйственный уезд. По данным на 2023 год на общей площади 2998 кв. км проживает 975 000 человек; ВВП на душу населения составляет 40 300 юаней, площадь сельскохозяйственных угодий с подтвержденными правами – 2,69 миллиона му. Уезд Динъюань входит в число 100 крупнейших уездов в Китае по производству зерна, являясь базой по производству товарного зерна, также в нем хорошо развито животноводство.

По данным Министерства сельского хозяйства и сельских дел, это один из пилотных уездов «второй волны» по отказу от договорных прав на сельхозземлю. В уезде было принято решение о введении механизмов окончательного и долгосрочного изъятия. В общей сложности 54 человека из 9 домохозяйств согласились на отказ и подписали соглашение об изъятии, при этом было изъято 436,5 му земли. Девять человек из двух домохозяйств, владеющих 37,3 му земли, предпочли окончательное изъятие, в то время как остальные выбрали второй вариант отказа от земли со сроком изъятия в 30 лет. Компенсация за постоянное изъятие составила 600 юаней/му/год, выплачивалась единовременно или частями. При долгосрочном изъятии компенсация за первые восемь лет выплачивалась единовременно, а затем каждые пять лет. Изъятая земля была использована корпорацией Wens для строительства крупного современного свиноводческого предприятия; эта же корпорация выплачивала компенсацию.

В уезде Лянпин, который является одним из пилотных районов «второй волны» сельскохозяйственных реформ в Китае, расположено порядка миллиона му земли, обусловленной договорами, и 720 000 фермеров, более 40% из которых круглый год находятся вдали от места своего проживания. Поскольку большое число сельских жителей переехали в городские районы и отказались от сельскохозяйственного производства, многие фермеры действительно были намерены отказаться от договорных прав на землю. С этой целью с 2014 года в уезде осуществлялись пилотные проекты по изъятию земли в рамках двух механизмов: частичное изъятие с одновременным вводом и изъятием; полное изъятие с централизованным использованием.

Первый механизм заключался в том, что желающие получить землю выбирали для пользования определенный участок. После того как владелец договора и сельскохозяйственный коллектив договорились, три стороны обсуждали размер компенсации при отказе от договорных прав, распределение доходов между сельскохозяйственным коллективом и владельцем договора, права и обязанности каждой стороны и другие вопросы. Сторона, предъявляющая спрос, получала право на землепользование в течение срока действия договора после внесения арендной платы.

Второй механизм предполагал, что сторона, отказывающаяся от договорных прав на землю, должна отказаться от них в целом в отношении домохозяйства, после того как сельскохозяйственный коллектив выплатит им компенсацию. Затем сельскохозяйственный коллектив управлял изъятой землей, которая сдавалась в аренду или входила в новый договор. Компенсация за каждый му составляла 14 000 юаней, что было эквивалентно местной цене передачи земли примерно на 20 лет. Компенсация выплачивалась оборотными фондами по выплатам компенсаций за изъятие земель в пилотных волостях (средства за счет самофинансирования сельскохозяйственных коллективов, банковских кредитов и бюджетных займов уезда и волости). Годовой доход от реализации изъятой земли сначала шел на оплату оборотного фонда, а затем на доходы сельских коллективных предприятий.

Обобщенная характеристика механизмов изъятия земель в уездах Цзиньху, Динъюань и Лянпин представлена в *таблице 4*.

В целом в пилотных районах была успешно апробирована практика отказа от договорных прав на землю и накоплен большой опыт, который заслуживает активного изучения и распространения. Например, был выявлен принцип, позволяющий фермерам, соответствующим условиям изъятия, добровольно отказываться от договорных прав на землю и получать разумную компенсацию. Только при условии обеспечения социальной защищенности фермеров отказ от договорных прав на землю может снизить общественные риски. При этом также под руководством правительства необходимо обеспечить всестороннюю координацию, правовое и критерияльное регулирование и т. д.

Однако при этом необходимо отметить следующие аспекты.

1. При действующей политике готовность фермеров отказаться от прав на землю невелика.

Одной из целей новой урбанизации является предоставление жилья фермерам в городах, где они работают. Однако последняя редакция закона о земельных договорах не предусматривает, что фермеры должны отказаться от договорных прав на землю до получения регистрации в городе, что позволяет фермерам, имеющим право на отказ, сохранять свои права на сельскохозяйственную землю. Согласно действующей политике, отказ от прав на землю может помочь фермерам устранить риски, с которыми они сталкиваются при работе или открытии бизнеса в городской местности, и, как следствие, будет сохранена социальная стабильность в период реформ и преобразований. Также важно то, что у фермеров могут быть более высокие ожидания относительно будущей стоимости их земли. Анкетный опрос, проведенный в пригороде Шанхая, показал, что не доход семьи, а ожидаемая стоимость земли и действующая политика являются решающими факторами, влияющими на готовность отказа. Отказ от договорных прав на землю может быть длительным процессом, имеющим историческое значение.

2. Коллективный сектор экономики в центральном и западном Китае слишком слаб, чтобы покрыть компенсацию за изъятие земель. Как правило, после отказа фермеров от своих договорных прав на землю она переходит в собственность сельскохозяйственного коллектива. Однако мнения фермеров о том, кто должен выплачивать компенсацию и должны ли ее выплачивать сельские коллективные предприятия, разнятся. Так, некоторые из них считают, что получили договорные права бесплатно на основании регистрации своего домохозяйства и что право собственности на землю принадлежит сельскохозяйственному коллективу. Таким образом, вполне разумно, что земля должна быть возвращена сельскохозяйственному коллективу, когда они больше не будут обладать договорными правами. Более того, сельскохозяйственный коллектив обычно не в состоянии выплатить компенсацию, особенно единовременный авансовый платеж за 30-летний период, что не удовлетворяет требованиям финансовых систем.

Таблица 4. Характеристика механизмов изъятия земель у фермеров в пилотных районах Китая

Характеристика	Уезд Цзиньху	Уезд Динъюань	Уезд Лянпин
Общая информация об уезде	Являясь одним из первых пилотных уездов по реформированию системы землепользования в сельской местности, Цзиньху – относительно развитый уезд благодаря своему географическому расположению в экономически развитом восточном Китае. В 2023 году ВВП на душу населения в уезде составил 150 940 юаней, площадь сельскохозяйственных угодий на душу населения – 2,6 му, коэффициент передачи земли – 78%, а уровень механизации в сельскохозяйственном секторе – 90%	Динъюань – один из пилотных уездов «второй волны» по отказу от договорных прав на землю, определенных Министерством сельского хозяйства и сельских дел. В 2023 году его население составляло 975 000 человек, ВВП на душу населения – 40 300 юаней, а площадь сельскохозяйственных угодий с подтвержденными правами – 2,69 миллиона му. Он входит в число 100 крупнейших уездов в Китае – производителей зерна и является базой по производству товарного зерна, также здесь хорошо развито животноводство	Лянпин, входящий во «вторую волну» пилотных районов сельскохозяйственной реформы в Китае, располагает почти миллионом му земель, обусловленных договорами. В 2023 году его население составляло 906 000 человек, причем более 40% из них круглый год находились вдали от дома, а ВВП на душу населения составляет 63 700 юаней
Описание изъятия земель	Всего 93 человека из 31 домохозяйства завершили процедуру отказа, при этом было задействовано 500,06 му земли, обусловленной договорами. Изъятая земля была использована для выращивания фруктов верхнего ценового сегмента, а также для организации рекреации на землях сельскохозяйственного назначения	Всего 54 человека из 9 домохозяйств согласились отказаться от договорных прав на землю, при этом было изъято 436,5 му земли. Девять человек из двух домохозяйств, владеющих 37,3 му земли, выбрали окончательное изъятие, в то время как остальные выбрали долгосрочное изъятие с периодом изъятия в 30 лет	Всего 131 фермер добровольно отказался от 297,97 му земли и получил компенсацию в размере более 2 млн юаней. Было создано 10 новых сельскохозяйственных предприятий для развития продуктивных отраслей сельского хозяйства, таких как производство морепродуктов, фруктов, овощей
Механизм изъятия	Полное изъятие	Окончательное и долгосрочное изъятие	«Изъятие всего домохозяйства, централизованное использование земли» и «изъятие целого участка земли, индивидуальное использование земли»
Компенсация	Компенсация составила 900 юаней на му в год в течение 30 лет и выплачивалась одновременно	Компенсация за окончательное изъятие составила 600 юаней на му в год, выплачивалась одновременно или частями. При долгосрочном изъятии компенсация за первые 8 лет выплачивалась одновременно, а затем выплачивалась каждые 5 лет	Компенсация за каждый му составила 14 000 юаней, что эквивалентно местной цене передачи земли примерно на 20 лет
Финансирование	Инвестиции были распределены между государственными инвестиционными компаниями, компанией Hui'an New City Investment Company и сельскими коллективными предприятиями на уровне деревень в соответствии 4.4.2, и им было предоставлено право управлять изъятый землей в соответствии с законом	Корпорация Wens покрыла финансирование, а изъятая земля была использована ей для строительства крупного современного свиноводческого предприятия	Компенсация была выплачена оборотными фондами по выплатам компенсаций за изъятие земель в пилотных волостях, которые финансировались за счет самфинансирования сельскохозяйственных коллективов, банковских кредитов и бюджетных займов уезда и волости
Составлено по: данные официальных веб-сайтов органов власти уездного уровня и соответствующей исследовательской литературы.			

3. В некоторых пилотных районах недостаточно эффективно используется изъятая земля.

В ряде пилотных районов были созданы конкурентоспособные городские предприятия для проведения углубленного освоения изъятых земель. С одной стороны, это обеспечило финансирование компенсаций, а с другой – способствовало производству сельскохозяйственной продукции с высокой добавленной стоимостью, оптимизации структуры сельского хозяйства и увеличению доходов фермеров. Однако, если такой подход будет широко пропагандироваться, то, когда городские предприятия получают право использовать изъятые земли, в случае недостаточного надзора они могут отказаться от производства зерновых. Это не позволит соблюдать принцип центрального правительства, согласно которому необходимо решительно пресекать любые попытки использования сельскохозяйственных угодий не для сельского хозяйства, в частности производства зерна.

4. В планах пилотных проектов отсутствует структура, которая обеспечивала бы баланс интересов различных групп фермеров.

Реформа должна учитывать интересы всех заинтересованных сторон. Фермеры, которые переезжают в города, должны пользоваться всеми социальными льготами, которые предоставляются горожанам, даже если они не могут воспользоваться ими «прямо сейчас». Цель изъятия земель состоит в том, чтобы предоставить фермерам, которые остаются в сельской местности, больше земельных ресурсов для развития крупномасштабных сельскохозяйственных операций. Однако эти цели пока не нашли отражения в планах. В результате фермеры, которые остаются в сельской местности пилотных районов, испытывают чувство утраты и не понимают, почему те, кто уехал в города, по-прежнему получают арендную плату за землю, обусловленную договором, в некоторых местах они даже получают субсидии от органов власти. Эту проблему еще предстоит решить.

Резюмируя, следует отметить, что ключевыми аспектами, которые необходимо учитывать при реализации реформ, являются соблюдение принципа добровольности, постоянная поддержка местных органов власти по проведению исследований изменения текущей ситуации,

разработка и совершенствование мер поддержки, а также увеличение размера финансовой поддержки при отказе от договорных прав на землю.

Российская Федерация: вовлечение в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения

Проблема неэффективного использования земель сельскохозяйственного назначения⁹ актуальна для России, особенно ее северных регионов, отличающихся сложными природно-климатическими и социально-экономическими условиями для ведения сельского хозяйства. На 01.01.2024 общая площадь неиспользуемых¹⁰ земель сельхозназначения РФ составила 41,3 млн га, из которых 4,5 млн га – в Северо-Западном федеральном округе (табл. 5). Эти 4,5 млн га составляют 15,2% от общей площади земель сельхозназначения округа (значение выше – 25,3% – наблюдается только в Центральном федеральном округе).

За 10-летний период 2014–2023 гг. площадь неиспользуемых земель РФ увеличилась на 12,9 млн га, а их доля – на 6,7 п. п. Площадь таких земель в СЗФО сократилась на 24,1 тыс. га,

⁹ В соответствии с Земельным кодексом РФ (от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. В составе земель сельскохозяйственного назначения имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране сельскохозяйственные угодья – пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими).

¹⁰ Признаки неиспользования земель сельхозназначения по целевому назначению определены Постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации». В их числе, например, наличие на 50 и более процентах площади земельного участка зарастания сорными растениями по перечню согласно приложению к Постановлению и (или) древесно-кустарниковой растительностью (за исключением поле- и лесозащитных насаждений, плодовых и ягодных насаждений), и (или) наличие дерна, характеризующегося переплетением корней, побегов, корневищ многолетних сорных растений, глубина которого достигает 15 и более сантиметров (за исключением наличия дерна на земельных участках, предназначенных и используемых для выпаса сельскохозяйственных животных), и (или) распространение деградации земель.

Таблица 5. Площадь земель сельхозназначения в 2014 и 2023 гг.

Территория	2014 г.			2023 г.		
	Общая площадь земель, тыс. га	из них неиспользуемых земель		Общая площадь земель, тыс. га	из них неиспользуемых земель	
		Тыс. га	%		Тыс. га	%
РФ	385532,6	28354,105	7,35	374 001,660	41 289,437	11,04
СЗФО	34 137,9	4 490,436	13,15	29 676,073	4 514,498	15,21
Северная часть СЗФО						
Республика Карелия	210,3	18,125	8,62	209,572	87,894	41,94
Республика Коми	1 859,0	84,777	4,56	1 858,214	652,171	35,10
Архангельская область	2 329,7	201,274	8,64	2 312,363	482,501	20,87
Ненецкий автономный округ	16 710,3	638,290	3,82	15 966,381	102,450	0,64
Вологодская область	4 504,5	2 705,620	60,06	1 618,447	853,196	52,72
Мурманская область	2 857,1	23,853	0,83	2 806,364	22,989	0,82
Южная часть СЗФО						
Калининградская область	802,3	345,896	43,11	800,199	245,245	30,65
Ленинградская область	1 703,0	112,017	6,58	823,211	184,670	22,43
Новгородская область	916,3	331,240	36,15	914,271	385,234	42,14
Псковская область	2 245,4	29,344	1,31	2 367,051	1498,148	63,29

Источник: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. Москва: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.; Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2014 году. Москва: ФГБНУ «Росинформагротех», 2015. 188 с.

а доля, наоборот, увеличилась на 2,1 п. п. Площади неиспользуемых сельхозугодий сократились в четырех регионах округа (на 3,6–84,0%), в шести – увеличились (на 0,54–5105,5%); их доли в общей площади сельхозугодий сократились в четырех (на 0,01–12,5 п. п.) и увеличились в шести регионах (на 6,0–62,0 п. п.).

Крайне остро проблема неэффективного, нерационального использования стоит в отношении такой ценной категории земель, используемой для посева культурных растений, как пашня¹¹. Если в целом по РФ удельный вес неиспользуемой пашни в ее общей площади в 2023 году составлял 14,6%, то по СЗФО – 48,6% (на уровне субъектов СЗФО максимальная доля наблюдалась в Архангельской области – 76,2%; табл. 6). Такая пашня зарастает древесно-кустарниковой растительностью, характеризуется подтоплением, заболачиванием и другими негативными процессами, которые кратно

¹¹ Отечественные исследователи отмечают, что важнейшими составляющими развития Нечерноземной зоны России, в границах которой находится и Вологодская область, в перспективе могли бы стать введение в оборот необрабатываемых земель и восстановление структуры посевов, включающей в обязательном порядке три базовых направления – кормовые культуры, овощи и лен-долгунец (Маклахов и др., 2020).

увеличивают стоимость¹² и в то же время снижают потенциал ее возвращения в сельскохозяйственный оборот.

Факторы, обуславливающие существование и увеличение площади неиспользуемых сельхозземель в России, можно условно разделить по уровню и сфере проявления:

1) общемировые: социальные (например, сокращение численности и старение сельского населения, представляющего основную часть работников отрасли сельского хозяйства), технико-экономические (рост производительности труда, продуктивности земель за счет проведения культуртехнических работ, применения инновационных технологий, удобрений и т. д.) и др.;

¹² Стоимость затрат на вовлечение неиспользуемых сельхозугодий варьируется в зависимости от природно-климатических условий, степени зарастания территорий древесно-кустарниковой растительностью и развития иных негативных процессов. По данным ФГБУ «Россельхозземмониторинг», для вовлечения 1 га неиспользуемых угодий в сельскохозяйственный оборот в Северо-Западном федеральном округе требуются финансовые средства в размере 0,81–78,94 тыс. руб. Источник: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. Москва: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.

Таблица 6. Качественное состояние неиспользуемой пашни в 2023 г.

Территория	Общая площадь пашни, тыс. га	из нее неиспользуемая пашня			
		Всего, тыс. га / %	в том числе		
			зарастание древесно-кустарниковой растительностью, тыс. га / %	другие негативные процессы, тыс. га / %	пригодная для введения в сельскохозяйственный оборот, тыс. га / %
РФ	116 193,437	16 937,037 / 14,6	8 233,966 / 7,1	1 536,529 / 1,3	7 578,881 / 6,5
СЗФО	2 994,484	1 454,809 / 48,6	824,745 / 27,5	3,939 / 0,1	622,729 / 20,8
Северная часть СЗФО					
Республика Карелия	70,359	17,864 / 25,4	17,864 / 25,4	0,0 / 0,0	8,700 / 12,4
Республика Коми	74,330	40,421 / 54,4	36,565 / 49,2	0,000 / 0,0	28,019 / 37,7
Архангельская область	275,473	209,814 / 76,2	63,91 / 23,2	0	209,814 / 76,2
Ненецкий автономный округ	0,0	0,0	0	0	0
Вологодская область	715,733	337,483 / 47,2	0,0	0,0	162,610 / 22,7
Мурманская область	17,902	5,625 / 31,4	3,331 / 18,6	2,294 / 12,8	0
Южная часть СЗФО					
Калининградская область	358,300	91,445 / 25,5	4,300 / 1,2	0	87,145 / 24,3
Ленинградская область	378,877	113,756 / 30,0	113,756 / 30,0	0	47,551 / 12,6
Новгородская область	448,041	227,511 / 50,8	188,996 / 42,2	1,645 / 0,4	43,151 / 9,6
Псковская область	655,469	410,890 / 62,7	396,020 / 60,4	0,000	35,739 / 5,5
Источник: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. Москва: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.					

2) общенациональные: институционально-правовые (не востребованность земельных долей после раздела единого земельно-имущественного комплекса на земельные и имущественные доли¹³, в случае перехода прав к наследникам, не заинтересованным в осуществлении сельскохозяйственной деятельности и т. д.), пространственные (локационное сжатие, хозяйственное опустынивание ранее освоенного пространства при переходе от плановой к рыночной модели экономики) и иные;

3) местные (в частности, характерные для северных регионов страны): природно-климатические (относительно низкий уровень плодородия почв, фрагментарность земельных участков в части их разделения лесными насаждениями), инфраструктурные (слабая инфраструктурная связность территорий, затрудняющая производство и сбыт продукции) и иные.

¹³ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.

Представленные факторы, безусловно, не отражают весь спектр, но показывают их многообразие. При этом важно понимать, что действуют они одновременно.

Вовлечение в оборот неиспользуемых сельхозземель было и остается важной задачей в рамках достижения стратегических целей развития России, изложенных в Доктрине продовольственной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20, в ред. от 10.03.2025), Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р, в ред. от 13.01.2017), Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р). В частности, оно будет способствовать наращиванию объемов отечественного сельхозпроизводства, ориентированного, с одной стороны, на развитие в стране экономики предложения, а с другой – на экспорт продукции АПК за рубеж; обеспече-

нию продовольственной безопасности, а также управляемости, связности и хозяйственной освоенности обширных территорий страны; сохранению традиционного уклада жизни сельского населения, связанного с сельским хозяйством.

В то же время важно понимать, что вовлечению в оборот может и должна быть подвергнута не вся площадь неиспользуемых сельхозземель. К этому вопросу следует подходить с позиции сочетания экономической эффективности (рентабельности затрат на вовлечение, инвестиционной привлекательности территорий и т. п.) и общественной полезности (например, при высокой доле покрытия лесом рациональным будет не вовлекать землю в сельскохозяйственный оборот, а использовать ее для целей развития лесного хозяйства или оставить «нетронутой» в свете реализации экологической повестки).

При этом стоит отметить, что переход прав собственности на неиспользуемые земли сельхозназначения регламентируется законодательством РФ. Так, согласно Федеральному закону от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ред. от 26.12.2024), не используемый по целевому назначению или используемый с нарушением законодательства участок земли может быть изъят у собственника по решению суда для реализации с публичных торгов с целью последующего вовлечения в сельхозоборот либо приобретения такого земельного участка в государственную или муниципальную собственность. Средства от продажи участка за вычетом расходов на подготовку и проведение публичных торгов выплачиваются его бывшему собственнику.

При этом, согласно данным Счетной палаты РФ, наиболее распространенными способами вовлечения в оборот земельных участков, находящихся в публичной (государственной и муниципальной) собственности, являются предоставление их в аренду, в постоянное (бессрочное) пользование и передача на иной уровень публичной собственности¹⁴.

¹⁴ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики вовлечения в хозяйственный оборот земельных ресурсов Российской Федерации в 2021–2022 годах и истекшем периоде 2023 года» (результаты мероприятия учитываются в рамках КОКМ «Анализ эффективности системы межбюджетных отношений») // Счетная палата Российской Федерации. 2024. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/4cf/lq1a5c8g8b9htso8bdmfiseu8n3aixw.pdf>

¹⁵ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. М.: ФГБНУ «Росинформгротех», 2024. 414 с.

В 2021 году Правительством РФ была утверждена государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации (Постановление от 14.05.2021 № 731, в ред. от 16.05.2025). Целями программы, планируемыми к достижению не позднее 2030 года, обозначены:

1) вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения площадью не менее 13234,8 тыс. га;

2) получение достоверных и актуальных сведений о количественных характеристиках и границах земель сельскохозяйственного назначения в отношении 100% земель сельскохозяйственного назначения, включая количественные и качественные характеристики неиспользуемой пашни, планируемой к вовлечению в оборот;

3) сохранение в сельскохозяйственном обороте и повышение качественных характеристик сельскохозяйственных угодий за счет проведения мелиоративных мероприятий на площади не менее 7165,4 тыс. га.

С 2021 (год начала реализации программы) по 2023 год в целом по РФ было вовлечено в оборот 5134,6 тыс. га сельхозугодий (38,8% от плана на все земли сельхозназначения в совокупности; табл. 7), из них на СЗФО пришлось лишь 111,12 тыс. га.

По итогам 2023 года на СЗФО приходилась наименьшая среди федеральных округов доля вовлеченных сельхозугодий по отношению к общей площади неиспользуемых угодий: 1,36%. При этом обостряется эта проблема при «продвижении на Север»: если в регионах южной части СЗФО доля вовлеченных в оборот угодий варьировалась в пределах от 15,0% (Ленинградская область) до 37,7% (Калининградская область), то в регионах северной части – от 0,0% (Республика Карелия, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ) до 11,0% (Вологодская область)¹⁵. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении пашни.

Таблица 7. Вовлечение неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в сельскохозяйственный оборот в 2021–2023 гг., тыс. га

Территория	2021	2022	2023	Всего в 2021–2023 гг.
РФ	1 812,060	1 902,816	1 419,729	5 134,61
СЗФО	28,500	36,985	45,639	111,12
Северная часть СЗФО				
Республика Карелия	0,000	0,090	0,000	0,09
Республика Коми	0,736	0,844	1,483	3,06
Архангельская область	0,708	0,953	0,000	1,66
Ненецкий автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,00
Вологодская область	3,820	4,496	4,998	13,31
Мурманская область	0,000	0,000	0,000	0,00
Южная часть СЗФО				
Калининградская область	9,037	6,091	17,214	32,34
Ленинградская область	1,614	1,402	6,827	9,84
Новгородская область	5,724	11,290	7,736	24,75
Псковская область	6,861	11,819	7,381	26,06

Источник: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.; Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2023. 372 с.; Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2021 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. 356 с.

В отдельных субъектах РФ действуют региональные государственные программы, стимулирующие вовлечение в оборот неиспользуемых земель сельхозназначения. Так, в Вологодской области в 2019 году была запущена программа «Вологодский гектар», предусматривающая возможность бесплатного получения в собственность от государства земельных участков юридическими лицами (до 100 га для производства и переработки сельскохозяйственной продукции) и физическими лицами (от 1 до 2,5 га для ведения личного подсобного хозяйства; от 1 до 10 га для иных целей: овощеводство, животноводство и др.). Согласно открытым данным, в период с 01.04.2019 по 06.10.2023 было принято решение о предоставлении 263 земельных участков общей площадью 2329,3 га в Бабаевском, Белозерском, Вашкинском, Вожегодском, Вытегорском, Никольском, Тарногском и Харовском муниципальных округах региона¹⁶.

С 2024 года программа претерпела некоторые изменения¹⁷. В частности, расширилась ее география: участники приобрели возможность получения земель сельскохозяйственного назначения на территории всех муниципалитетов региона, за исключением крупных городов Вологды и Череповца. Площади предоставляемых земельных участков определены в размере от 5 до 100 га. Кроме того, программой предусмотрено предоставление земельных участков крестьянским (фермерским) хозяйствам, прошедшим обучение в «Школе фермера» (в порядке, установленном постановлением Правительства Вологодской области от 06.06.2024 № 676 «Об организации обучения граждан ведению сельскохозяйственного производства в малых формах хозяйствования в 2024 году») и имеющим регистрацию в Вологодской области. Представляется, что это повысит эффективность реализации программы «Вологодский

¹⁶ Программа «Вологодский гектар» // Сайт О.В. Кувшинникова. URL: https://okuvshinnikov.ru/prog/programma_vologodskij_gektar/

¹⁷ На Вологодчине расширили географию действия программы «Вологодский гектар» // Портал Правительства Российской Федерации. URL: https://vologda-oblast.ru/gubernator/novosti_gubernatora/na_vologodchine_rasshirili_geografiyu_deystviya_programmy_vologodskij_gektar/; Сайт Законодательного Собрания Вологодской области. URL: <https://vologdazso.ru/actions/documents/protsessions/190186/>; https://vologdazso.ru/actions/legislative_activity/draft-laws/getfile.php?fileid=TkRVNU5EZzNPVUwvFc=&fname=%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0.pdf

гектар» за счет формирования у ее участников в ходе образовательного процесса профильных компетенций, знаний и навыков.

В других регионах севера СЗФО – Архангельской и Мурманской областях, республиках Карелия и Коми, Ненецком автономном округе – реализуется крупная федеральная программа «Гектар на Дальнем Востоке и в Арктике»¹⁸. При этом ее участники не только безвозмездно получают земельные участки в Арктике и на Дальнем Востоке¹⁹, но и обеспечены готовыми решениями «Мой дом» (строительство жилья), «Моя ферма» (развитие сельского хозяйства) и «Бизнес на гектаре» (развитие предпринимательства) для хозяйственного освоения своего участка²⁰.

В более южных регионах СЗФО действуют программы «Ленинградский гектар» (с 2018 г.²¹), «Новгородский гектар» (с 2019 г.²²), «Псковский гектар» (с 2025 г.; мерой поддержки могут воспользоваться в т. ч. участники программ «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель», «Земский муниципальный служащий»²³).

При этом следует отметить, что программы северных регионов отличаются большей гибкостью в отношении перспективных направлений использования земель: это и сельское хозяйство, и сельский туризм, и лесное хозяйство, и иные виды хозяйственной деятельности, а также индивидуальное жилищное строительство. Связано это, на наш взгляд, с учетом территориальной специфики, а именно природно-

¹⁸ Надальнийвосток.рф. URL: <https://xn--80aaggygieo2bo7l.xn--p1ai/>

¹⁹ Разрешенное использование: строительство дома, обустройство дачного участка, открытие туристического проекта, организация деятельности в области сельского хозяйства, предпринимательства и других разрешенных видов деятельности.

²⁰ Освойгектар.рф. URL: <https://xn--80addisixbxcg.xn--p1ai/>

²¹ Программа «Ленинградский гектар» // Комитет по агропромышленному и рыбохозяйственному комплексу Ленинградской области. URL: <https://apk.lenobl.ru/ru/gospodderzhka/programma-leningradskij-gektar/>

²² Программа «Новгородский гектар» даст импульс к развитию АПК региона // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/regions/programma-novgorodskiy-gektar-dast-impuls-k-razvitiyu-apk-regiona/>

²³ Правительство Псковской области. URL: <https://pskov.ru/novosti/10.12.24/162279>

климатических особенностей Севера, которые ограничивают потенциал сельскохозяйственного производства и тем самым обуславливают необходимость развития иных видов деятельности в пределах сельских территорий.

Несмотря на ряд достижений в области вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, в рамках реализации указанных выше программ наблюдаются проблемы и недостатки, требующие прежде всего совершенствования механизмов государственного регулирования. Например, в рамках экспертно-аналитических мероприятий Счетной палаты²⁴, парламентских слушаний²⁵, реализации исследовательских работ научным и экспертным сообществом (Липски, 2018; Вершинин, Петров, 2015; Джабраилова, 2021)²⁶ были выделены такие проблемы, как:

- отсутствие или недостаток, в т. ч. в Едином государственном реестре недвижимости, полных и актуальных данных о земле и недвижимости (сведения о местоположении, размещении в границах особых экономических зон и территорий опережающего развития, правах собственности и т. д.), возможных ограничениях оборотоспособности земельных участков;

- неразвитость либо полное отсутствие инженерной инфраструктуры на землях, передаваемых гражданам в безвозмездное пользование, а также удаленность объектов транспортной и социальной инфраструктуры, что снижает качество жизни населения; наличие бесхозных недействующих мелиоративных систем, что затрудняет вовлечение земель в сельскохозяйственный оборот;

- наличие избыточных ограничений на оборотоспособность земельных участков, что снижает их инвестиционную привлекательность;

²⁴ Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9dc/zysubtj7zyj3tb769h16csg0lzvo1t5x.pdf>

²⁵ Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/A8iMMTMpcjeMlfWmbbevFpAst267OTH.pdf>

²⁶ Оборотная сторона земли: почему в России остаются невостребованными сельхозугодья // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/oborotnaya-storona-zemli-pochemu-v-rossii-ostayutsya-nevostrebovannymi-selkhozugodya/>

– отсутствие законодательного регулирования возможностей принуждения собственников земельных участков к государственной регистрации права, к осуществлению процедуры изменения вида разрешенного использования участка при ее необходимости.

Вышеуказанное свидетельствует о важности совершенствования механизма вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельхозназначения в России.

Заключение

Таким образом, разделение прав собственности, договорных прав и прав на землепользование является важнейшим нововведением в реформе системы землепользования в сельской местности в Китае. Изучение механизмов, позволяющих фермерам отказаться от договорных прав на землю, имеет особую важность для китайского общества в целях содействия его качественному развитию, продвижению новой урбанизации и модернизации сельского хозяйства после завершения построения общества умеренного благосостояния. При этом важным представляется учет территориальной специфики. Так, результаты проведенного исследования показали, что фермеры в провинциях Аньхой и Цзянси имеют схожие требования к материальному вознаграждению за отказ от договорных прав на землю. Большинство из них выбирают денежную компенсацию, в то время как лишь немногие фермеры предпочитают обменять землю, обусловленную договором, на социальное обеспечение или коллективные хозяйственные активы. Следовательно, денежная компенсация является основным фактором, побуждающим фермеров отказываться от до-

говорных прав на землю. Кроме того, характеристики фермеров в разных регионах также могут влиять на их готовность к отказу. Причины различий между провинциями Аньхой и Цзянси кроются в принципах экономического развития, структуре промышленности и иных аспектах.

Аналогично в России территориальная специфика имеет огромное значение в отношении проблемы неиспользования сельхозземель (темпов и масштабов ее распространения, а также механизмов ее регулирования). При этом если в КНР более дифференцированы практики отказа от прав на землю, то в России – практики вовлечения неиспользуемых земель в хозяйственный оборот.

Исследование опыта Китая и России по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельхозназначения позволяет выделить два ключевых аспекта, которые могут быть признаны базовыми в ходе реализации политики в этой сфере:

- учет территориальной специфики при разработке механизмов отказа от земли / изъятия земли сельскохозяйственного назначения и выборе последующих сфер ее использования;
- гибкость механизмов отказа от земли / изъятия земли сельскохозяйственного назначения для соблюдения прав и интересов собственников земельных участков.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в качестве теоретико-методической основы и справочного материала для совершенствования государственной политики в области землепользования.

Литература

- Арзамасцева Н.В., Ковалева Е.В., Мухаметзянов Р.Р. (2022). Критический анализ подходов вовлечения неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот // Известия ТСХА. № 3. С. 77–89. DOI: 10.26897/0021-342X-2022-3-77-89
- Вершинин В., Петров В. (2015). Совершенствование механизмов вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения // Международный сельскохозяйственный журнал. № 5. С. 9–11. DOI: 10.24411/0235-7801-2015-0001
- Джабраилова Б.С. (2021). Возможности вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель в регионах СЗФО // Аграрный вестник Урала. № 11. С. 56–66. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-214-11-56-66
- Жильский Н.Н., Шаряпова Э.А., Желнина Е.С. (2023). Публично-правовые вопросы увеличения площади земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации в условиях цифровизации // Социология и право. № 1. С. 102–114. DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-102-114

- Ишамятова И.Х., Антропов Д.В. (2024). Анализ факторов выбытия земель из оборота при организации землепользования на неиспользуемых землях сельскохозяйственного назначения // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 1. С. 14–19. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_1_14
- Костяев А.И., Никонова Г.Н. (2022). Особенности современного размещения производства продукции сельского хозяйства в российском Нечерноземье // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. № 3. С. 5–20. DOI: 10.5922/gikbfu-2022-3-1
- Липски С.А. (2018). К вопросу о решении проблемы невостребованных земельных долей путем их признания муниципальной собственностью // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 4. С. 56–59. DOI: 10.24411/2587-6740-2018-14064
- Липски С.А. (2020). Состояние и использование земельных ресурсов России: тенденции текущего десятилетия // *Проблемы прогнозирования*. № 4. С. 107–115.
- Маклахов А.В., Живетин В.В., Симонов Г.А. (2020). Некоторые аспекты модернизации экономики Нечерноземья (на примере Вологодской области) // *Проблемы развития территории*. № 2. С. 81–94. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.6
- Максимов Е.Л. (2023). Рациональное использование и охрана земель сельскохозяйственного назначения: эколого-правовые проблемы // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. № 3. С. 72–80.
- Малышкина И.А. (2016). Вовлечение в хозяйственный оборот невостребованных земельных долей и неиспользуемых земельных участков // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. № 1. С. 272–281.
- Никонова Г.Н. (2023). Особенности современной институциональной среды земельных отношений в аграрном секторе // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. № 6. С. 1067–1076. DOI: <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2023.24.6.1067-1076>
- Огневцев С.Б. (2018). Рекомендации по совершенствованию отношений собственников земельных долей на земли сельскохозяйственного назначения // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 6. С. 20–23. DOI: 10.24411/2587-6740-2018-16088
- Орешкина Е.В., Подболотова Л.П., Шепелев А.Л. (2022). Современное состояние вовлекаемых в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель в Российской Федерации // *Образование. Наука. Научные кадры*. № 1. С. 147–153. DOI: 10.24412/2073-3305-2022-1-147-153
- Петриков А.В. (2025). Приоритеты и механизмы земельной политики в сельском хозяйстве России // *Федерализм*. № 3. С. 117–135. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-3-117-135
- Трофимова В.И. (2024). Вовлечение неиспользуемых земель в хозяйственный оборот аграрной сферы региона: институциональное регулирование и экономическая целесообразность // *Вестник университета*. № 8. С. 95–108.
- Турицын А.В. (2012). Право собственности на невостребованные земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения // *Современная научная мысль*. № 1. С. 108–113.
- Dang Guoying (2013). Incomplete land property rights of Chinese farmers. *Rural Work Communication*, 10, 24.
- Duke J.M., Marišová E., Bandlerová A., Slovinska J. (2004). Price repression in the Slovak agricultural land market. *Land Use Policy*, 1, 59–69.
- Fan Gang (2013). *Early Departure of Migrant Workers is a Trap of Urbanization Lag*. Available at: http://theory.rmlt.com.cn/2013/1203/192509_2.shtml
- Gao Jia (2016). *Urbanization of Agricultural Migrant Population: Research on Land Contract Right Exit and Economic Compensation*. Beijing: China Agricultural Publishing House.
- Gorton M. (2001). Agricultural land reform in Moldova. *Land Use Policy*, 18(3), 269–279.
- Han Zhanbing (2019). Are elderly farmers willing to relinquish their land contract rights and management rights: A survey based on 31 rural households in Henan Province. *Economic Latitude and Longitude*, 4, 40–47.
- Hayashi Y. (2000). *International Analysis of Agricultural Development*. China Social Sciences Press.
- He Xuefeng (2013). *Farmers Should Not Be Radicalized When Moving to Cities*. Available at: https://www.guancha.cn/he-xue-feng/2013_12_17_191604.shtml
- Hu Dawei, Zhao Hongwei (2024). Implementation challenges and legal approaches to compensation for the exit of land contract management rights. *Agricultural Outlook*, 20(06), 18–23.
- Liu Jun, Wu Longjian (2021). legal improvement of shareholders' withdrawal rights in rural shareholding cooperatives under the perspective of the civil code. *Rural Economy*, 4, 127–137.

- Liu Tongsan (2020). *The Exit of Rural Land in the Process of Urbanization and Its Implementation Mechanism*. Beijing: Social Sciences Academic Press.
- Lu Chunyang, Wen Feng (2019). Research on the exit of rural land contracting rights. *Hubei: Rural Economy and Technology*, 1, 48–49.
- Van Dijk T. (2003). Scenarios of Central European land fragmentation. *Land Use Policy*, 20, 149–158.
- Zhang Chaoyang, Zhao Qindong, Song Chunxiao (2024). Farmers' exit willingness and compensation mode selection of land contract rights from the perspective of intergenerational differences: Based on 1,012 household questionnaires from 11 provinces (regions) in China. *Journal of Northwest A&F University (Social Sciences Edition)*, 2, 103–114.
- Zhu Tianzhi (2022). The dilemma of land contract management rights withdrawal and its solutions. *Tianjin Social Sciences*, 6, 55–60.

Сведения об авторах

Хэ Сюньвэй – магистр, научный сотрудник, заместитель главного редактора журнала «Enterprise Economics», Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, район Дунху, ул. North Hongdu Avenue, д. 649; e-mail: qyjbjb@163.com)

Светлана Сергеевна Патракова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Евгений Александрович Мазилев – кандидат экономических наук, заместитель директора по развитию и реализации перспективных проектов, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); директор, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение Вологодского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, 160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, д. 14; e-mail: eamazilov@mail.ru)

He Xiongwei, Patrakova S.S., Mazilov E.A.

State Management of Idle Agricultural Lands: The Experience of China and Russia

Abstract. Sustainable agricultural development is a strategic priority for nations like China and Russia. Its achievement is directly dependent on the efficiency and rationality of resource use, particularly land resources. However, both China and Russia currently face the challenge of underutilization of agricultural lands. This article aims to examine and critically assess the Chinese and Russian experiences in bringing idle agricultural lands back into economic circulation for further implementation in the practice of public administration in the field of land use. The study reveals that China's proposed solution involves reforming the separation of ownership rights, contract rights, and land management rights in rural areas (the "Three Rights Separation" reform). Key factors driving the reform of the mechanism for relinquishing agricultural land contract rights (rural land contract rights withdrawal) are identified, including the large-scale migration of surplus agricultural labor to urban areas in China and the prevalence of part-time farming. The article characterizes the differences in land relinquishment mechanisms and the specific behaviors of farmers in implementing them across three Chinese counties. It also determines the scale, trends, and factors contributing to the problem of idle agricultural lands in Russia and its northern regions. An overview of Russian state programs and those of Northwestern regions aimed at returning unused agricultural lands to circulation is provided. Based on a synthesis of Chinese and Russian experiences, the study substantiates the necessity of considering territorial specifics when developing and implementing mechanisms for land relinquishment/withdrawal, as well as when choosing prospective directions for

their subsequent use (agriculture, tourism, other types of entrepreneurship, etc.). The research findings can serve as a theoretical and methodological foundation and reference material for improving state land-use policy.

Key words: agricultural lands, idle/unused lands, land return to circulation, land relinquishment, land withdrawal, agriculture, rural areas, China, Russia.

Information about the Authors

He Xiongwei – Master, Researcher, deputy editor-in-chief of the journal “Enterprise Economics”, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Donghu District, Nanchang, 330077, China; e-mail: qyjjbjb@163.com)

Svetlana S. Patrakova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Evgeny A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), deputy director for development and implementation of promising projects, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); director, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – a separate division of Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (14, Lenin Street, Molochnoe Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Статья поступила 03.02.2026.

Оценка возможностей расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства

**Петр Владимирович
ИЛЪЯСОВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tr1k-y@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5758-4527; ResearcherID: ADT-9482-2022

**Елена Леонидовна
АНДРЕЕВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: elenandr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4975-0905; ResearcherID: H-8591-2016

Аннотация. Инициатива Большого Евразийского партнерства, озвученная Президентом РФ В.В. Путиным в 2015 году, направлена на создание единого интеграционного пространства в Евразии. В связи с этим актуальна оценка возможностей и ограничений расширения торгово-экономических взаимодействий на данном пространстве. В статье представлен комплексный анализ торгово-экономических взаимодействий стран с использованием инструментов кластерного анализа. Исследование охватывает 18 стран-партнеров за период 2000–2024 гг. В качестве методического инструментария была использована многоуровневая модель, учитывающая экономические показатели и индексы стран, а также результаты глобальных рейтингов. Информа-

Для цитирования: Ильясов П.В., Андреева Е.Л. (2026). Оценка возможностей расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 281–293. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.18

For citation: Pyasov P.V., Andreeva E.L. (2026). Assessing the opportunities for expanding trade and economic interactions among countries of the Greater Eurasian Partnership. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 281–293. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.18

ционную базу составили открытые данные международных организаций: UNCTAD, Всемирного банка и др. Выявлена специфика взаимодействий стран в рамках Большого Евразийского партнерства по сравнению с другими интеграционными объединениями. Научная новизна работы заключается в развитии методического подхода к оценке интеграционного потенциала на базе кластерного анализа, что позволило выделить три профиля стран: ядро, окружение и внешние партнеры – и провести количественную оценку внешнеторговой, инвестиционно-инновационной, институционально-технологической активности стран-участниц с помощью расчета индекса внешнеэкономического взаимодействия. На основе проведенного анализа предложены дифференцированные стратегии усиления взаимодействия в соответствии с тремя выявленными профилями стран и рекомендации по повышению уровня взаимодействия и вовлеченности ряда государств с использованием инструментов стандартизации и гармонизации их деятельности на базе цифровизации и создания единых платформ, совместных инвестиционно-инфраструктурных проектов, транспортно-логистических коридоров и др. Исследование подтверждает необходимость преодоления логистических и институциональных ограничений в рамках Большого Евразийского партнёрства для реализации его интеграционного потенциала.

Ключевые слова: экономическая фрагментация, регионализация мировой экономики, интеграционное взаимодействие, Большое Евразийское партнерство, ЕАЭС, интеграция, внешняя торговля, инвестиции, глобальный индекс инноваций, платежный баланс, индекс технологической готовности.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01505, <https://rscf.ru/project/25-28-01505>.

Введение

Фрагментация мировой экономики и усиление ее регионализации активизировали поиск новых интеграционных моделей. По данным ВТО, в 2022 году более 52% мировой торговли приходилось на страны, связанные региональными торговыми соглашениями (РТС), что указывает на значимость процессов регионализации (Acharya, Parajuli, 2025). Число действующих РТС в мире за последние 20 лет увеличилось более чем в 8 раз¹. В Азии закрепилось Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), вступившее в силу 1 января 2022 года, объединившее 15 стран², на которые приходится около 32,6% мирового ВВП (Yunshek, 2025). В Африке развивается Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), которая действует с 1 января

2021 года. Соглашение подписали 54 страны Африки, но к 2025 году его ратифицировали 47 государств³. Полная реализация AfCFTA способна увеличить внутриконтинентальную торговлю на 52% к 2035 году⁴.

На фоне укрепляющейся регионализации Россия в 2015 году предложила концепцию Большого Евразийского партнёрства (БЕП), названную флагманским проектом в «Концепции внешней политики РФ» (2023 г.)⁵. Первоначально БЕП предполагалось как сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС),

¹ WTO. Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS), 2025. URL: <https://rtais.wto.org/ui/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 06.08.2025).

² World Economics. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), 2025. URL: <https://www.worldeconomics.com/Regions/RCEP/> (дата обращения: 06.08.2025).

³ Economic Development in Africa Report 2024. UNCTAD, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/aldcafrica2024-overview_en.pdf (дата обращения: 06.08.2025).

⁴ Unlocking the Potential of AfCFTA for Africa's Young Population. UNICEF, 2025. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/media/11251/file/UNICEF-Innocenti-AfCFTA%20Main%20Report-Report-2025.pdf> (дата обращения: 06.08.2025).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 31.03.2023 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 06.09.2025).

Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и китайской инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI) в единое интеграционное пространство, однако на 2025 год уровень фактической связанности остался низким: институциональная разнородность и санкционные барьеры ограничивают реальное объединение.

Вместе с тем на фоне санкционного давления происходит переориентация торговых потоков крупнейших евразийских стран: взаимный оборот РФ и КНР достиг 240 млрд долл. в 2023 году и 245 млрд долл. в 2024 году⁶, а торговля России с Индией выросла с 12 млрд долл. в 2021 году до 49,3 млрд долл. в 2023 году⁷. Трансформируется логистическая карта Евразии: в 2020–2025 гг. активно развивались три ключевых маршрута: за 2024 год по коридору МТК «Север – Юг» (Иран – Россия – Индия) прошло свыше 14 млн тонн грузов; пропускная способность Транскаспийского маршрута (Средний коридор, через Каспий и Кавказ) увеличилась за 2020–2024 гг. на 63%; в 2023 году стартовал проект ж/д коридора Китай – Кыргызстан – Узбекистан, получивший финансирование в 4,5 млрд долл. В течение 2024 года ЕАБР финансировал 0,5 млрд долл. в проекты в рамках ключевого инфраструктурного мегапроекта «Евразийская транспортная сеть», при этом в целом по состоянию на июль 2025 года в евразийском регионе инициировано 325 проектов на сумму более 234 млрд долл., 60% из них уже реализуются. На евразийские транспортные коридоры приходится около 70% объема транзитных перевозок в ЕАЭС (Винокуров и др., 2022; Петрушина и др., 2025; Vinokurov et al., 2025). Эти процессы отражают растущий спрос на новые интеграционные форматы.

⁶ Ткачѳв И. (2025). Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году // РБК. 23.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 06.09.2025); Tan H. (2025). Even Russia has had enough of some Chinese products // Markets insider. URL: <https://www.businessinsider.com/russia-economy-china-trade-oil-exports-sanctions-cars-market-overcapacity-2025-8> (дата обращения: 06.09.2025).

⁷ Смирнова Д. (2023). Экспорт из России в Индию увеличился в 4,7 раза // Профиль. 10.08.2023. URL: <https://profile.ru/news/economy/eksport-iz-rossii-v-indiju-uvelichilsya-v-4-7-gaza-1373535/> (дата обращения: 06.09.2025).

В связи с этим особую актуальность приобретает выявление специфики развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), направленного на создание единого интеграционного пространства в Евразии, расширение торгово-экономических взаимодействий между странами-участниками и преодоление существующих для этого ограничений. В качестве объекта исследования были взяты 18 стран пространства БЕП, включающие страны-участницы ЕАЭС (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Кыргызская Республика), имеющие соглашения с ЕАЭС о свободной торговле (Вьетнам, Республика Сербия, Сингапур, Иран), члены ШОС (Китай, Индия, Республика Узбекистан, партнер по диалогу Турция), евразийские члены БРИКС (Саудовская Аравия, ОАЭ, с которыми ЕАЭС 27 июня 2025 года заключил Соглашение об экономическом партнѳрстве⁸), страны, членство которых, несмотря на непростую внутреннюю ситуацию в них, говорит об их приверженности стратегическому сотрудничеству (Израиль, Республика Молдова, Катар, который заинтересован в сотрудничестве с Россией по международному транспортному коридору «Север – Юг»⁹). Отношения с этими странами выходят на новый уровень. В рамках 12-го заседания Межправительственной Российско-Эмиратской комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству 10 декабря 2025 года в Дубае прошел Первый российско-эмиратский бизнес-форум, на котором глава Минпромторга России Антон Алиханов и министр экономики и туризма ОАЭ Абдулла Бин Тук Аль-Марри озвучили направления сотрудничества в ближайшие годы¹⁰. В 2026 году планируется проведение форума деловых кругов России и Катар, который по итогам 1-го полугодия 2025 г. входит в топ-5 иностранных инвесторов в Россию. В апреле 2025 года подписано новое Соглашение о создании российско-катарской инвести-

⁸ URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/israel.php>

⁹ URL: <https://ria.ru/20240517/katar-1946655504.html>

¹⁰ Власти России и ОАЭ назвали восемь направлений. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2025/693968429a79470a4ed4e19f> (дата обращения: 17.02.2026).

ционной платформы размером 2 млрд долл.¹¹ С 11 по 13 февраля 2026 года в Дохе при поддержке Министерств культуры РФ и Государства Катар прошли «Дни культуры России в Катаре» – первый крупный правительственный проект за последние 10 лет¹². «Российско-израильские отношения также, как отмечает Посол России в Израиле А. Викторов, выдержали проверку временем и сохраняют потенциал для дальнейшего развития, имеются серьезные заделы для углубления взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах»¹³. Эти и другие примеры свидетельствуют о высокой потребности стран евразийского пространства в расширении их торгово-экономических взаимодействий.

Цель исследования – разработка методического обеспечения оценки возможностей и ограничений расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства, а также рекомендаций для усиления интеграции в рамках БЕП. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: развитие методического подхода, оценивающего уровень интеграционного потенциала БЕП и выявляющего ограничения для его развития; проведение количественной оценки внешнеэкономической, инвестиционно-инновационной и институционально-технологической активности стран-участниц БЕП с помощью расчета индекса внешнеэкономического взаимодействия (ИВЭВ); разработка дифференцированных стратегий усиления интеграции БЕП и рекомендаций по повышению уровня взаимодействия и вовлеченности ряда стран в пространство партнерства.

Теоретические аспекты исследования

Анализ всплеска публикаций отечественных и зарубежных авторов по вопросам экономической фрагментации говорит о неоднозначности оценки ее последствий для мировой экономики (Вишневский и др., 2025). Под геоэкономиче-

ской фрагментацией понимается разделение глобальной экономики на конкурирующие друг с другом блоки (Бахтизин, 2023; Blanga-Gubbay, Rubinova, 2024). Ряд зарубежных исследователей говорит об однозначном изменении глобальной цепочки поставок (Maihold, 2022) и появлении, в связи с этим, новых финансовых потоков, приходящих на смену глобальным (Nedumpara, 2024; Colombatto, Masey, 1996). При этом с конца прошлого века неоднократно подчеркивалось, что глобальные игроки преследуют прежде всего собственные интересы, а не цели «всеобщего благосостояния» (Colombatto, Masey, 1996; Дементьев, 2018), лишь усиливая разрыв между ядром и периферией мирового хозяйства. Беспрецедентные санкции коллективного Запада по отношению к России повысили внимание к вопросам сопротивляемости российской экономики (Мальцев, Чичилимов, 2024) и активизации ее взаимодействия с дружественными странами (Андреева и др., 2025).

В этих условиях чрезвычайно актуально обращение исследователей к проблематике евразийской интеграции. Ведущие российские ученые отмечают стратегическую и геополитическую значимость интеграционной инициативы БЕП. Как отмечает К.В. Бабаев, «в рамках мегатренда российской политики „поворот на Восток” особое место занимает идея Большого Евразийского партнерства» (Бабаев, 2024). С.А. Караганов среди движущих целей развития концепции Большого Евразийского партнерства называет «общее перемещение с Запада на Восток центра мировой экономики» (Караганов, 2019). С.Ю. Глазьев и Г.И. Осадчая также отмечают стратегические аспекты формирования БЕП, акцентируя необходимость институциональной и экономической координации для создания интеграционного пространства (Глазьев, 2021; Осадчая и др., 2025). И.Ф. Кефели подчеркивает геополитические аспекты формирования БЕП, но отмечает недостаточное внимание к логистике и технологиям (Кефели, 2019). У.А. Аббасов отмечает: «Несмотря на отсутствие четко оформленной структуры и конкретных механизмов, проект БЕП представляет собой перспективную модель региональной интеграции, которая может внести существенный вклад в развитие евразийского пространства» (Аббасов, 2024).

¹¹ В 2026 г. Россия и Катар проведут форум деловых кругов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2026_godu_rossiya_i_katar_provedut_forum_delovyh_krugov_.html (дата обращения: 17.02.2026).

¹² Дни культуры России открываются в Катаре. URL: https://culture.gov.ru/press/news/dni_kultury_rossii_otkryvayutsya_v_katare/ (дата обращения: 17.02.2026).

¹³ Посол Викторов: отношения России и Израиля выдержали проверку временем. URL: <https://ria.ru/20260213/izrail-2074112269.html> (дата обращения: 17.02.2026).

Важнейшая роль в евразийской интеграции отводится транспортно-логистической составляющей и инфраструктурным проектам. Так, Е. Винокуров подчеркивает роль транспортных коридоров ЕАЭС в интеграции с инициативой «Пояс и путь», отмечая рост контейнерных перевозок, но указывает на зависимость от китайских субсидий¹⁴. В.Е. Селиверстов отмечает особую роль в трансграничном взаимодействии «цифровой связности евразийского пространства» (Селиверстов, 2025). Исследования других авторов, например А.С. Королева, выявляют ограничения внешнеэкономической политики ЕАЭС, включая нетарифные барьеры (Королев, 2023).

Таким образом, в научной литературе обоснована значимость интеграционной инициативы Большого Евразийского партнерства как перспективной модели региональной интеграции, намечены возможные инструменты и механизмы ее развития, однако отсутствие на данный момент ее институционального оформления делает еще более важным понимание сущности и специфики евразийской интеграции в условиях фрагментации и регионализации мировой системы, что предполагает проведение оценки интеграционного потенциала в рамках БЕП и разработку направлений его дальнейшего развития.

Методологические аспекты исследования

Исследование базируется на анализе внешнеэкономических показателей и рейтингов по 18 странам пространства БЕП за 2000–2024 гг., представленных в базах данных международных организаций: Всемирного банка (в т. ч. Всемирное интегрированное торговое решение (WITS); ежегодный сборник международных статистических данных о глобальном развитии World Development Indicators (WDI), Международного валютного фонда (МВФ, IMF), Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД, UNCTAD), базе данных официальной международной торговой статистики, созданной Статистическим отделом ООН (UN

Comtrade), Программы развития ООН (United Nations Development Programme (UNDP), Евразийского банка развития (ЕАБР), Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО, ESCAP) и статистической службы ЕС Евростат (Eurostat), а именно:

- IMF World Economic Outlook (WEO): ВВП, ВВП на душу населения, ВВП по ППС, инфляция, платежный баланс¹⁵;
- UN Comtrade: двусторонние торговые потоки (экспорт, импорт товаров)¹⁶;
- UNCTAD: торговые потоки, прямые иностранные инвестиции (ПИИ)¹⁷, индекс готовности к передовым технологиям (FTRI)¹⁸;
- Всемирный банк (WDI, WITS): доля внешнеторгового оборота в ВВП, индекс логистической эффективности (LPI)¹⁹, основанный на восприятии профессионалами международной логистики оценки своих стран-партнеров и измеряющий скорость мировой торговли с использованием информации об отслеживании цепочки поставок по 139 странам;
- WIPO: Глобальный индекс инноваций (ГИИ)²⁰;
- ВТО: число региональных торговых соглашений (RTA)²¹;
- ESCAP, Eurostat: данные по внутригрупповой торговле АСЕАН и ЕС²²;
- ЕАБР: ПИИ и торговля в ЕАЭС²³.

¹⁵ IMF World Economic Outlook Database. URL: imf.org (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁷ UNCTAD World Investment Report 2024. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ UNCTAD's Frontier Technologies Readiness Index 2024. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre_ (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁹ World Bank World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 01.05.2025).

²⁰ Global Innovation Index 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en> (дата обращения: 01.05.2025).

²¹ WTO Regional trade agreements. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 01.05.2025).

²² ESCAP. URL: <https://www.unescap.org> (дата обращения: 01.05.2025); Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 01.05.2025).

²³ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2024. Евразийский регион. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2024-evraziyskiy-region> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ Винокуров Е., Адахаев А., Ахунбаев А. [и др.] (2024). Экономическое сотрудничество в Евразии: практические решения: доклады и рабочие документы 24/2. Алматы: Евразийский банк развития.

Для 2024 года использованы прогнозы МВФ и ЕАБР из-за отсутствия окончательных данных. Данные стандартизованы для сопоставимости.

Для кластеризации стран БЕП по данным 2024 года был применен кластерный анализ (метод *k*-средних, *k*-means) на основе четырех стандартизованных показателей: ВВП, объем внешней торговли, ПИИ, ГИ. Количественную оценку обоснованности выбранного числа кластеров и их структуры обеспечивает силуэт-критерий – метрика качества кластеризации, показывающая, насколько объекты внутри кластера схожи друг с другом и насколько они отличаются от объектов других кластеров. Значение, близкое к 1, указывает на четкое и устойчивое разделение объектов на кластеры. Полученный силуэт-критерий (0,78) подтвердил четкое разделение на три кластера: ядро, окружение и внешние партнеры. Корреляция интеграционных коэффициентов (ядро: $\rho = 0,85$, окружение: $\rho = 0,65$, внешние партнеры: $\rho = 0,45$) дополнительно подтвердила результаты.

Также применялся сравнительный анализ для экстраполяции доли потенциально возможной внутригрупповой торговли БЕП на основе учета долей ЕАЭС и АСЕАН в сравнении с ЕС и МЕРКОСУР на основе данных Всемирного банка, UN Comtrade, Eurostat и ESCAP за 2000–2023 гг.

Данный методический подход позволяет обеспечить всесторонний охват актуальных процессов интеграции БЕП, выявить группы стран по степени их участия в БЕП, оценить влияние экономических и институциональных факторов в развитии интеграции БЕП. Анализ дополнен институциональными характеристиками (число РТА), индексами инноваций, технологически-логистической сопряженности (ГИ, LPI). Разработанный методический подход позволил собрать и проанализировать обширный массив данных, опубликованных ведущими мировыми исследовательскими центрами и институтами развития, и провести количественную оценку интеграционного взаимодействия в рамках формирующегося БЕП. Следующий раздел представляет результаты, включая макроэкономические показатели анализируемых стран пространства БЕП, расчет индекса внешнеэкономического взаимодей-

ствия (ИВЭВ), выявление профилей стран БЕП и сравнение с показателями других интеграционных блоков.

Основные результаты исследования

Анализ макроэкономических показателей стран

Макроэкономические показатели, индексы и рейтинги 18 стран БЕП за 2023 год представлены в *таблице 1*. Китай с большим отрывом лидирует по показателю ВВП по ППС (34 660 млрд долл.) и ВВП (17 794 млрд долл.). У Индии отставание от КНР по ВВП по ППС существенно меньше, чем по ВВП (14 619 млрд долл. и 3 567 млрд долл.), что еще раз доказывает важность того, какой именно показатель мы сопоставляем. По торговой открытости лидируют Сингапур (311% от ВВП), ОАЭ (202% от ВВП) и Вьетнам (166% от ВВП), что подтверждает их высокую степень включенности во внешнеторговые связи. Привлеченные ПИИ в % от ВВП высоки у Сингапура (19,28%), Сербии (5,61%), Вьетнама (4,63%), тогда как на российский показатель (-1,03%) повлияли санкции. Высокий инновационный индекс (ГИ) у Сингапура (61,5), Китая (55,3), Израиля (54,3), у них же высок показатель логистической эффективности (LPI): 4,3 – у Сингапура, 3,7 – у КНР, 3,6 – у Израиля, тогда как страны ЕАЭС, Сербия, Республика Узбекистан, Республика Молдова почти вдвое отстают от уровня лидеров. Наиболее интегрированными в институциональном отношении можно считать Сингапур (с числом соглашений 28 РТА) и Турцию (27 РТА).

Расчет предложенного авторами индекса внешнеэкономического взаимодействия (ИВЭВ) для стран пространства БЕП за 2023 год, включающий учет внешней торговли, ПИИ, инноваций (Global Innovation Index, ГИ), эффективности логистики (Logistics Performance Index, LPI) и региональные торговые соглашения (РТА), представлен в *таблице 2*.

Для каждого показателя оценок z рассчитаны среднее (μ) и стандартное отклонение (σ), на основе которых произведена их нормализация:

- доля торговли: $\mu = 104,00$, $\sigma = 69,52$;
- ПИИ: $\mu = 0,03$, $\sigma = 0,05$;
- ГИ: $\mu = 36,09$, $\sigma = 11,10$;
- LPI: $\mu = 3,09$, $\sigma = 0,61$;
- РТА: $\mu = 12,01$, $\sigma = 7,44$.

Таблица 1. Макроэкономические показатели, индексы и рейтинги 18 стран пространства БЕП, 2023 г.

Страна	ВВП по ППС (млн долл.)	ВВП (млн долл.)	Экспорт товаров (млн долл.)	Импорт товаров (млн долл.)	Доля внешне- торгового оборота (% ВВП)	Чистый приток ПИИ (% ВВП)	Инфляция годовая (%)	GII (баллы)	LPI (баллы)	RTA (кол-во, 2025 г.)	ННИ (экспорт)
Китай	34 660 138,18	17 794 783,04	3 379 748	2 556 763	37,32	0,09	0,23	55,3	3,7	20	899,46
Индия	14 619 765,55	3 567 551,67	431 412	672 140	45,92	0,42	5,65	38,1	3,4	19	742,12
Российская Федерация	6 454 737,77	2 021 421,48	424 749	303 086	41,83	-1,03	5,85	33,3	2,6	10	1344,95
Турция	3 611 520,83	1 118 252,96	255 627	361 967	66,28	0,42	53,86	38,6	3,4	27	659,67
Саудовская Аравия	2 032 545,22	1 067 582,93	320 018	206 940	62,13	-0,35	2,33	34,5	3,4	4	629,28
Иран	1 600 138,34	404 625,66	97 357	65 826	52,18	0,33	44,58	30,1	2,3	3	1192,55
Вьетнам	1 502 662,08	429 716,97	353 078	325 444	166,32	4,53	3,25	36,0	3,3	16	807,10
Сингапур	837 663,63	501 427,50	475 349	422 420	311,24	19,28	4,82	61,5	4,3	28	708,98
ОАЭ	797 922,32	514 130,43	570 245	470 536	202,33	1,63	1,6	43,2	4,0	7	627,79
Республика Казахстан	783 017,69	262 641,89	78 736	61 161	61,77	0,88	14,72	26,7	2,7	12	797,37
Израиль	527 413,00	513 611,10	58 905	91 877	57,53	1,26	4,23	54,3	3,6	12	619,39
Республика Узбекистан	395 989,16	101 591,77	21 017	36 660	64,38	2,14	9,96	26,2	2,6	5	663,35
Катар	342 411,79	213 002,81	97 751	31 431	100,21	-0,13	3,03	33,4	3,5	4	677,75
Республика Беларусь	282 352,16	71 857,38	39 840	43 091	133,00	2,83	5,00	26,8	2,7	6	2881,99
Сербия	190 406,42	81 342,66	30 935	39 838	114,49	5,61	12,37	33,1	2,8	10	703,26
Республика Армения	63 833,33	24 085,75	8508	12 474	119,71	1,62	1,98	28,0	2,5	12	1064,53
Кыргызская Республика	50 454,31	13 987,63	3385	12 516	140,16	3,50	10,75	20,2	2,3	11	827,33
Республика Молдова	43 249,32	16 539,44	4049	8674	95,13	2,52	13,42	30,3	2,5	10	999,47

* ННИ (Индекс концентрации торговли) рассчитывается как сумма квадратов долей экспорта каждой страны-партнера в общем объеме экспорта страны-репортера за 2023 г. ННИ < 1500: низкая концентрация (диверсифицированный экспорт); 1500 ≤ ННИ < 2500: умеренная концентрация; ННИ ≥ 2500: высокая концентрация (зависимость от немногих партнеров).

Источники: данные World bank, WTO, Unctad, WIPO, UNDP.

Таблица 2. Индекс внешнеэкономического взаимодействия для стран пространства БЕП, 2023 г.

Страна	Z_{Trade}	Z_{FDI}	Z_{GII}	Z_{LPI}	Z_{RTA}	ИВЭВ	ИВЭВ (нормализованный)
Российская Федерация	-0,89	-0,78	-0,25	-0,81	-0,27	-0,60	0,07
Республика Казахстан	-0,61	-0,36	-0,85	-0,64	0,01	-0,50	0,10
Республика Беларусь	0,42	0,07	-0,84	-0,64	-0,81	-0,37	0,14
Республика Армения	0,23	-0,20	-0,73	-0,97	-0,00	-0,36	0,14
Кыргызская Республика	0,52	0,21	-1,43	-1,30	-0,14	-0,46	0,11
Китай	-0,96	-0,54	1,73	1,01	1,07	0,48	0,38
Индия	-0,84	-0,47	0,18	0,51	0,94	0,07	0,27
Иран	-0,75	-0,49	-0,54	-1,30	-1,21	-0,85	0,00
Турция	-0,54	-0,47	0,23	0,51	2,01	0,33	0,34
ОАЭ	1,41	-0,20	0,64	1,50	-0,67	0,55	0,40
Саудовская Аравия	-0,60	-0,64	-0,14	0,51	-1,08	-0,37	0,14
Катар	-0,05	-0,59	-0,24	0,68	-1,08	-0,24	0,18
Израиль	-0,67	-0,28	1,64	0,84	0,01	0,34	0,34
Вьетнам	0,90	0,44	-0,01	0,35	0,54	0,43	0,37
Сингапур	2,98	3,70	2,29	2,00	2,15	2,62	1,00
Республика Узбекистан	-0,57	-0,09	-0,89	-0,81	-0,94	-0,66	0,06
Сербия	0,15	0,68	-0,27	-0,48	-0,27	-0,04	0,23
Республика Молдова	-0,13	-0,00	-0,52	-0,97	-0,27	-0,39	0,13

Рассчитано по: данные World bank, WTO, Unctad, WIPO.

Методом РСА получены веса основных факторов в составе ИВЭВ, объясняющих вариацию индикаторов: Z_{Trade} – 18,76%; Z_{FDI} – 20,64%; Z_{GII} – 20,83%; Z_{LPI} – 21,01%; Z_{RTA} – 18,76%.

Нормализация ИВЭВ в диапазоне [0; 1] обеспечивает сопоставимость стран с различными масштабами экономик, позволяет агрегировать показатели разной размерности, упрощает интерпретацию уровня интеграционной вовлеченности и обеспечивает корректность последующей кластеризации.

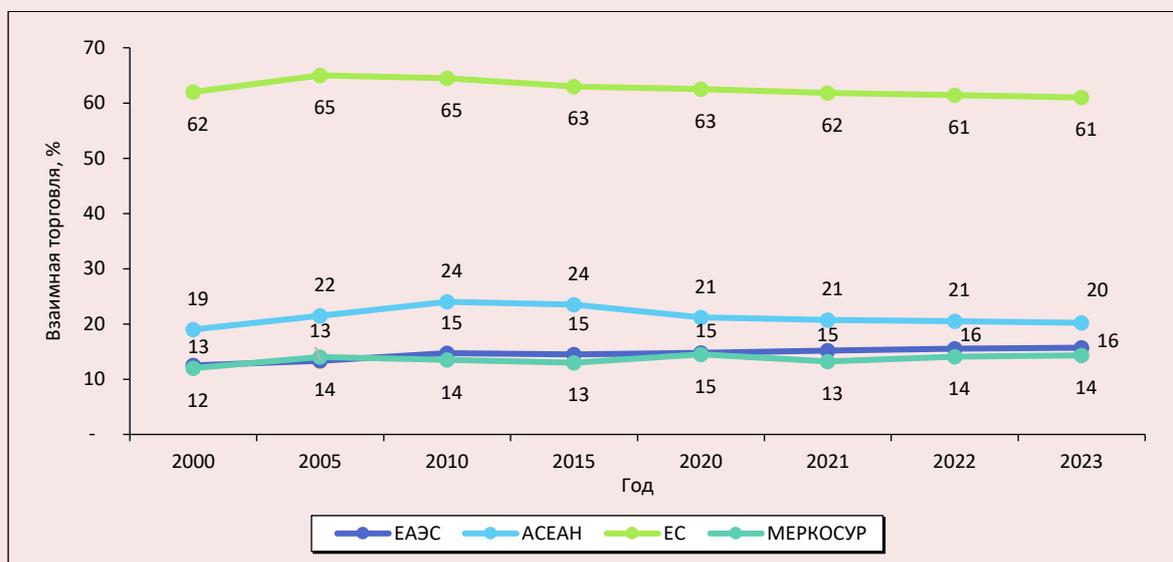
Как видно из таблицы 2, Сингапур занимает лидирующее положение благодаря высокой торговой открытости (311% от ВВП), доле ПИИ в ВВП – 19,28%, высокому инновационному ($GII = 61,5$) и логистическому уровню ($LPI = 4,3$), а также самому большому количеству торговых соглашений ($RTA = 28$). Китай с показателем ИВЭВ = 0,38 занимает второе место благодаря инновациям ($GII = 55,3$), торговой открытости (37,32% от ВВП) и логистике ($LPI = 3,7$), а также большому количеству RTA. Российская Федерация (ИВЭВ = 0,07), Республика Узбекистан (0,06) и Иран (0,00) имеют относительно низкий индекс из-за санкций, недостаточно развитой инновационности и логистики.

Если сравнить долю внутригрупповой торговли за 2000–2023 гг. в существующих интегра-

ционных объединениях, среди которых, хотя и с трендом на понижение, лидирует ЕС (~60%), АСЕАН (~21,1%), ЕАЭС (~14,4%) и МЕРКОСУР (~13,5%; рисунок), то можно предположить, что объединение существующего потенциала ЕАЭС, имеющего умеренный уровень с устойчивым растущим трендом, и АСЕАН, демонстрировавшего 20–24% с 2000-х гг. на фоне снижения доли ЕС с 65% в 2010 году до 61% в 2023 году, позволяет сформировать ориентировочную оценку потенциального верхнего предела внутригрупповой торговли стран БЕП порядка 40%, возможного при условии институционального сближения и снижения логистических барьеров.

Проведение кластерного анализа к-средних позволило выделить три группы из состава анализируемых стран: ядро, окружение, внешние партнеры. Силуэт-критерий (0,78) и корреляции показателей между странами внутри группы (ядро $\rho = 0,85$, окружение $\rho = 0,65$, внешние $\rho = 0,45$) подтверждают четкое разделение на три группы и предполагают разработку дифференцированных стратегий по расширению взаимодействия в БЕП (табл. 3). К странам ядра отнесены Россия, Китай, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан, что выражается в существующей интеграции этих стран в

Удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли
ЕАЭС, АСЕАН, ЕС, МЕРКОСУР, 2000–2023 гг., %

Источники: данные UN Comtrade, Eurostat, ESCAP, ЕЭК.

Таблица 3. Дифференцированные стратегии по расширению взаимодействия в рамках БЕП

Группа стран	Профиль (ключевые параметры)	Основные ограничения	Стратегические направления расширения взаимодействия в БЕП
1. Ядро (<i>Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Китай, Кыргызская Республика, Российская Федерация</i>)	Высокая институциональная связанность (ЕАЭС/ШОС); неоднородный ИВЭВ: высокий у Китая, низкий у большинства стран ЕАЭС; высокие значения GI/LPI и технологические позиции у Китая; значительные объемы торговли и транзита	Санкции; недостаточная логистика (LPI в ряде стран <2,7); низкая инновационность части стран; санкции, узкие экспортные ниши	1) Модернизация логистики («Север – Юг», «Запад – Восток»); 2) совместные технопарки (ИИ, 5G); 3) диверсификация экспортных потоков и снижение зависимости от крупных партнеров; 4) кооперационные инфраструктурные фонды (Российская Федерация – Китай – ОАЭ)
2. Окружение (<i>Израиль, Индия, Иран, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция</i>)	Средний уровень ИВЭВ; высокий экономический потенциал; высокие GI/LPI у Израиля и ОАЭ; значимая роль сырьевых и технологических поставщиков	Инфляционные и санкционные риски; слабая институциональная совместимость; отсутствие ССТ с ЕАЭС и инфляционные риски; санкционные ограничения	1) Гармонизация стандартов и заключение ССТ с ЕАЭС; 2) расширение сырьевых и энергетических альянсов; 3) совместные НИОКР и цифровые хабы (Израиль, ОАЭ); 4) инвестиционные фонды и расчёты в нацвалютах
3. Внешние партнеры (<i>Вьетнам, Республика Молдова, Сербия, Сингапур, Республика Узбекистан</i>)	Средний или низкий ИВЭВ; высокая логистика и инновации у Сингапура; умеренный экономический вес; интеграция через ССТ или статус наблюдателя	Низкие GI/LPI у ряда стран; узкая экспортная специализация; ограниченная инфраструктура	1) Включение в коридоры «Восток – Запад» и «Север – Юг»; 2) цифровая интеграция (таможня, e-commerce); 3) поддержка экспортных ниш (агро, промышленная кооперация); 4) институциональное сближение с ЕАЭС

Источник: составлено авторами.

ЕАЭС и ШОС и усилении их экономико-технологических возможностей в рамках БЕП. Роль Российской Федерации и Китая с экспортом в 476 млрд долл. и 3,54 трлн долл. соответственно в 2024 году заключалась в формировании основы БЕП, обеспечивающей развитие торговли (98,3 млрд долл. внутри ЕАЭС в 2024 году и около 230,7 млрд долл. взаимной торговли ЕАЭС с Китаем), инвестиций и технологического сотрудничества, в том числе проекты России и Китая в области 5G, «зеленой» и цифровой экономики и др. в рамках БЕП.

На основе кластеризации стран БЕП можно сделать вывод о том, что пространство БЕП представляет собой разноуровневую структуру с высокой внутренней дифференциацией по уровню интеграции. Страны ядра характеризуются более высокой институциональной связанностью по линии ЕАЭС и ШОС, однако фактическая интенсивность внешнеэкономического взаимодействия, отраженная в значениях ИВЭВ, остается неоднородной, а в ряде стран ядра – низкой. Страны ядра также ограничены санкционными и логистическими барьерами, что требует приоритетной модернизации инфраструктуры и диверсификации внешнеторговых и инвестиционных потоков. Окружение характеризуется высокой внутренней неоднородностью: от технологически развитых и институционально открытых экономик (Израиль, ОАЭ) до стран с низким ИВЭВ, ограниченных санкциями, инфляцией и логистическими барьерами (Иран), что требует институциональной гармонизации и устранения инфляционных и политико-экономических рисков. Внешние партнеры выполняют различающиеся функции в пространстве БЕП – от глобальных логистических и институциональных хабов (Сингапур) до периферийных участников с ограниченной инфраструктурной и технологической базой (Республика Молдова, Республика Узбекистан). Тем не менее внешние партнеры играют роль точек расширения охвата и каналов распределения, при этом их участие в БЕП нуждается в поддержке экспортной специализации, развитии инфраструктурных узлов и включении в цифровую систему взаимодействия. Дифференцированный подход к развитию каждой из трех групп стран позволяет повысить устойчивость и синергетический эффект при формировании БЕП.

Обсуждение и рекомендации

Полученные результаты раскрывают специфику внешнеэкономических взаимодействий стран БЕП, предлагая интерпретации, способствующие пониманию интеграционных процессов. Значимость экономического роста через показатели ВВП и ВВП на душу населения подчеркивает важную роль этого показателя в интеграционных процессах, однако необходимо учитывать структурные особенности экономик стран БЕП. Страны с высоким ВВП, такие как Китай, Индия, Российская Федерация, имеют возможность для укрепления торговых позиций, тогда как страны с низким ВВП, например Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Молдова, сталкиваются с дефицитом интеграционного взаимодействия. Интеграция БЕП требует дифференцированных стратегий расширения. Научная новизна исследования заключается в разработке направлений сотрудничества стран БЕП с точки зрения их основных конкурентных преимуществ. Особо подчеркивается роль инноваций как важнейшего драйвера интеграции, требующего преодоления технологического разрыва между странами. Технологическая готовность является связующим звеном между краткосрочными издержками и долгосрочной выгодой, что предлагает новый подход к оценке инновационно-технологической политики в рамках БЕП.

Проведенные расчеты подтвердили, что логистические трудности, измеряемые показателем LPI, и ограниченные торговые соглашения, учтенные через показатель RTA, обуславливают замедление интеграции в БЕП. Развитию БЕП будет способствовать усиление логистики и RTA при снижении институциональных барьеров, гармонизация стандартов и требований.

Расчет ИВЭВ количественно подтвердил лидерство Сингапура (1,00), ОАЭ (0,40) и Китая (0,38), тогда как внешнеэкономическое взаимодействие Кыргызской Республики (0,11), Республики Казахстан (0,10), Ирана (0,09), Российской Федерации (0,07) и Республики Узбекистан (0,06) помимо санкционных ограничений характеризуется низким уровнем транспортно-логистической эффективности и инновационности, преодолению которых может способствовать развитие пространства БЕП.

Кластерный анализ выявил наличие трех групп стран: ядро, окружение и внешние парт-

неры, что требует дифференцированных стратегий для их взаимодействия в рамках БЕП. Для развития интеграции стран БЕП ядру необходимо поэтапное расширение цифровой инфраструктуры начиная с унификации таможенных процедур, цифрового документооборота и базовой логистической цифровизации с последующим переходом к более сложным технологическим решениям для упрощения торговли и диверсификации экспорта, что снизит зависимость от ключевых партнеров. Китай, как технологический лидер (ГИ = 55,3), может поддерживать технологический обмен в ЕАЭС, гармонизируя стандарты для 5G и искусственного интеллекта (ИИ), в то время как Российская Федерация и Республика Казахстан привлекают прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в зеленую энергетику и ИТ через взаимодействие ЕАЭС – Китай. Странам кластера «окружение» рекомендуется снижать нетарифные барьеры и расширять торговые соглашения с ЕАЭС, укреплять коридор «Север – Юг», создавать технопарки для ИИ и кибербезопасности, развивать расчеты в национальных валютах. Внешние партнеры могут диверсифицировать товарные потоки, интегрироваться в транспортно-логистические коридоры «Восток – Запад» и «Север – Юг», внедрять цифровые таможенные решения.

Заключение

Исследование подтвердило, что пространство БЕП обладает возможностями интегра-

ционного расширения, но и имеет ряд ограничений, сдерживающих развитие, в связи с чем требуется многоуровневый подход к расширению БЕП. Страны ядра должны уделять особое внимание модернизации логистики, трансферу технологий и институциональной интеграции. Странам окружения следует осуществлять диверсификацию торговли, технологическое обновление, встраиваться в транспортно-логистические коридоры. Внешние партнеры могут усиливать интеграцию в БЕП посредством трансфера технологий и привлечения капитала, содействуя процессам цифровизации и модернизации.

Разработанная модель расширения пространства БЕП развивает подход к оценке интеграционных процессов в условиях геоэкономической нестабильности. Применение метода кластеризации обеспечило всесторонний охват актуальных процессов интеграции БЕП, выявление группы стран по степени их участия в БЕП, оценку влияния различных факторов в развитии интеграции внутри партнерства. Полученные результаты представляют как теоретический интерес для дальнейшего изучения специфики и перспектив развития интеграционных процессов в условиях экономической фрагментации и регионализации мировой экономики, так и практическую значимость при разработке стратегий и моделей развития взаимодействия стран в рамках Большого Евразийского партнёрства.

Литература

- Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Ильясов П.В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства // Экономика региона. Т. 21. № 3. С. 630–642. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>
- Аббасов У.А. (2024). Турция и Большое Евразийское партнёрство: дилеммы и перспективы // Мировое и национальное хозяйство. № 3 (67). 25 с.
- Бабаев К.В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток // Экономика Центральной Азии. Т. 8. № 2. С. 91–110. DOI: [10.18334/asia.8.2.121012](https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012)
- Бахтизин А. Р. (2023). Геоэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак // Исследования в цифровой экономике. Т. 1. № 4. С. 6–47. DOI: <https://doi.org/10.24833/1451179120234647>
- Винокуров Е., Забоев А., Усманов Н. [и др.] (2022). Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура: доклады и рабочие документы. № 22/2. Алматы, Москва: Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf?ysclid=mhp2b8yu55277255859 (дата обращения: 06.09.2025).

- Вишневецкий В.П., Маковецкий С.А., Вишневецкая Е.Н. (2025). Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7 // *Journal of Applied Economic Research*. Т. 24. № 1. С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.1.001>
- Глазьев С.Ю. (2021). Как построить Большое евразийское партнерство? // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3. С. 9–14. DOI: [10.22394/2073-2929-2021-03-9-14](https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14)
- Дементьев В. В. (2018). Инновации, хозяйственный порядок и экономическая власть // *Journal of Economic Regulation*. Т. 9. № 4. С. 22–36. URL: <https://doi.org/10.17835/20785429.2018.9.4.022-036>.
- Жилкин О.Н., Балашова С.А., Абрамова А.А. (2023). Гравитационная модель: анализ взаимной торговли стран Евразийского экономического союза // *Вестник университета*. № 1. С. 45–62. DOI: [10.26425/1816-4277-2023-11-179-187](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-179-187)
- Караганов С.А. (2019). Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // *Россия в формирующейся Большой Евразии*. Москва: ВШЭ. 148 с.
- Кефели И.Ф. (2019). Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого Евразийского партнерства» // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3 (29). С. 65–76.
- Королев А.С. (2023). Проактивная vs реактивная: промежуточные итоги внешнеэкономической политики ЕАЭС / под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, Л.В. Нечаевой, Г.В. Грызлова, С.М. Гавриловой; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД. № 83. 40 с.
- Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2024). Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 98–117. DOI: [10.15838/esc.2024.6.96.5](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.5)
- Осадчая Г.И., Волкова О.А., Вартанова М.Л. [и др.] (2025). Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / под общ. ред. Г.И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 383 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024)
- Петрушина О.М., Горина А.С., Горин Н.С. (2025). Развитие международного транспортного коридора «Север – Юг»: текущее состояние, динамика и перспективы модернизации // *Естественно-гуманитарные исследования*. № 2. С. 371–376.
- Селиверстов В.Е. (2025). Инфраструктурные проекты как основа связности и нового пространственного каркаса Китая // *Экономика региона*. Т. 21. № 3. С. 786–801. DOI: [10.17059/ekon.reg.2025-3-15](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-15)
- Смирнова Д. (2023). Экспорт из России в Индию увеличился в 4,7 раза // *Профиль*. 10.08.2023. URL: <https://profile.ru/news/economy/eksport-iz-rossii-v-indiju-uvelichilsya-v-4-7-raza-1373535/> (дата обращения: 06.09.2025).
- Acharya R., Parajuli T. (2025). The evolution of preferential trade under regional trade agreements: Has anything changed? // *WTO*. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/311210/1/1917336381.pdf> (дата обращения: 06.08.2025).
- Blanga-Gubbay M., Rubinova S. (2024). Is the global economy fragmenting? *World Trade Organization Staff Working Paper*, ERSD 2023–10. Geneva: World Trade Organization (WTO). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/280428/1/1873031211.pdf> (accessed: 06.08.2025).
- Colombatto E., Macey J.R. (1996). A public choice model of international economic cooperation and the decline of the nation state. *Cardozo Law Review*, 18, 925–956. Available at: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/673> (accessed: 06.08.2025).
- Maihold G. (2022). A new geopolitics of supply chains: the rise of friend-shoring. *SWP Comment*, 45/2022. DOI: <https://doi.org/10.18449/2022C45>
- Nedumpara J.J. (2024). Friendshoring, nearshoring, greenshoring and resshoring: Changing faces of global supply chains and its impact on international economic law – introduction to the special issue. *Global Trade and Customs Journal*, 19(3), 125–128. DOI: <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>
- Vinokurov E. (2023). *Transport Corridors, Belt and Road Initiative, Eurasian Economic Union, and Economic Prosperity Across the Eurasian Continent*. DOI: [10.1007/978-981-19-4332-4_13](https://doi.org/10.1007/978-981-19-4332-4_13)
- Vinokurov E., Zabojev A., Kuznetsov A., Omarov A., Romanov I. (2025). *Eurasian Transport Network: Projects Observatory and Interactive Map. Working Paper 25/5*. Eurasian Development Bank. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/ad3/EDB_Transport_Observatory_2025_Report_EN.pdf (accessed: 06.09.2025).
- Yunshak N.L. (2025). *RCEP: How Will This Trade Agreement Shape the Future of Multilateralism?* World Economic Forum. Available at: <https://www.weforum.org/stories/2025/03/rcep-how-will-this-trade-agreement-shape-multilateralism/> (accessed: 06.08.2025).

Сведения об авторах

Петр Владимирович Ильясов – кандидат экономических наук, ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: tr1k-y@mail.ru)

Елена Леонидовна Андреева – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru)

Ilyasov P.V., Andreeva E.L.

Assessing the Opportunities for Expanding Trade and Economic Interactions among Countries of the Greater Eurasian Partnership

Abstract. The Greater Eurasian Partnership initiative, announced by Russian President Vladimir Putin in 2015, aims to create a unified integration space in Eurasia. In this regard, assessing the opportunities and constraints for expanding trade and economic interactions within this space is highly relevant. The article presents a comprehensive analysis of trade and economic interactions among countries using cluster analysis tools. The study covers 18 partner countries over the period 2000–2024. A multilevel model was employed as a methodological toolkit, taking into account economic indicators and indices of the countries, as well as results from global rankings. The information base comprised open data from international organizations: UNCTAD, the World Bank, and others. The specificity of interactions among countries within the Greater Eurasian Partnership compared to other integration associations is identified. The scholarly novelty of the work lies in the development of a methodological approach to assessing integration potential based on cluster analysis, which made it possible to identify three country profiles – the core, the periphery, and external partners – and to conduct a quantitative assessment of foreign trade, investment-innovation, and institutional-technological activity of participating countries by calculating an index of foreign economic interaction. Based on the analysis conducted, differentiated strategies for enhancing interaction are proposed in accordance with the three identified country profiles, along with recommendations for increasing the level of interaction and engagement of a number of states using tools for standardizing and harmonizing their activities based on digitalization and the creation of unified platforms, joint investment and infrastructure projects, transport and logistics corridors, and others. The study confirms the need to overcome logistical and institutional constraints within the Greater Eurasian Partnership to realize its integration potential.

Key words: economic fragmentation, regionalization of the global economy, integration interaction, Greater Eurasian Partnership, EAEU, integration, foreign trade, investments, Global Innovation Index, balance of payments, technology readiness index.

Information about the Authors

Peter V. Ilyasov – Candidate of Sciences (Economics), leading economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tr1k-y@mail.ru)

Elena L. Andreeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of center, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elenandr@mail.ru)

Статья поступила 21.05.2025.

Взаимодействие некоммерческих организаций как фактор влияния на социально-экономические связи между странами БРИКС

Михаил Юрьевич
ГРЯДУНОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Научный центр «Доктрина»
Москва, Российская Федерация
e-mail: m.gryadunov@gmail.com
ORCID: 0009-0004-9265-6636; ResearcherID: JXY-7784-2024

Аннотация. Исследование посвящено анализу роли некоммерческих организаций как недооцененного инструмента укрепления социально-экономической интеграции стран БРИКС в условиях трансформации глобальной архитектуры и санкционного давления. Актуальность работы связана с необходимостью поиска альтернативных механизмов экономического взаимодействия, способных компенсировать ограничения формальных институтов. Научная новизна заключается в разработке типологии механизмов влияния некоммерческих организаций на экономические связи стран объединения, включающей четыре основные формы: содействие торговым отношениям через бизнес-ассоциации, формирование общего научно-образовательного пространства, трансфер технологий и поддержку инновационного предпринимательства, развитие социального предпринимательства и инклюзивной экономики. Некоммерческие организации рассматриваются как инструменты «мягкой силы» (soft power) и общественной дипломатии, способствующие формированию социального капитала в понимании Р. Патнэма и Дж. Коулмана – горизонтальных сетей доверия, снижающих транзакционные издержки международного взаимодействия. В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на межправительственном сотрудничестве, работа систематизирует практики негосударственных акторов и количественно оценивает их экономический эффект. Методологическую основу составляют институциональный подход, концепция социального капитала и сравнительно-правовой анализ;

Для цитирования: Грядунов М.Ю. (2026). Взаимодействие некоммерческих организаций как фактор влияния на социально-экономические связи между странами БРИКС // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 294–305. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.19

For citation: Gryadunov M.Yu. (2026). Interaction of non-profit organizations as a factor influencing socio-economic ties among BRICS Countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 294–305. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.19

применены методы сравнительного, контент- и статистического анализа. Эмпирическая база охватывает данные о 1247 совместных проектах некоммерческих организаций стран БРИКС за 2015–2023 гг., официальную статистику национальных органов и международных организаций. Результаты демонстрируют, что некоммерческие организации обеспечивают 1–4% ВВП стран объединения, создают миллионы рабочих мест и снижают транзакционные издержки международного взаимодействия. Выявлена значительная институциональная гетерогенность национальных моделей регулирования некоммерческого сектора, создающая барьеры для трансграничного сотрудничества. Ограничения исследования связаны с несопоставимостью статистических данных и закрытостью информации о финансовых потоках внутри альянса. Перспективы дальнейших исследований включают лонгитюдный анализ эффектов деятельности некоммерческих организаций и сравнительные исследования с опытом других региональных объединений.

Ключевые слова: БРИКС, некоммерческие организации, экономическое сотрудничество, международная интеграция, гражданское общество, трансфер технологий, деловые сети, социальное предпринимательство, социальный капитал, мягкая сила, общественная дипломатия.

Введение

Объединение БРИКС, включающее Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, а с 2024 года расширенное за счёт присоединения новых участников (Египта, Эфиопии, Ирана и Объединённых Арабских Эмиратов), образующих формат БРИКС+, представляет собой уникальную платформу многостороннего взаимодействия, охватывающую более 40% населения планеты и значительную долю мирового валового продукта. Традиционно основное внимание исследователей сосредоточено на межправительственном сотрудничестве, торговых потоках и инвестиционных проектах между странами объединения. Вместе с тем роль некоммерческих организаций (НКО) как субъектов экономической дипломатии и катализаторов деловой активности остаётся недостаточно изученной, несмотря на растущее признание значимости многоканальной дипломатии и участия негосударственных акторов в международных отношениях.

Актуальность данного исследования связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в условиях санкционного давления и реформирования глобальных цепочек добавленной стоимости страны БРИКС заинтересованы в поиске альтернативных механизмов экономической интеграции, способных компенсировать ограничения формальных институтов. Во-вторых, накопленный опыт развитых стран демонстрирует, что некоммерческий сектор способен выполнять функции посредника между бизнесом, властью и обществом, содействуя формированию благоприятной среды для

предпринимательства и инноваций. В-третьих, специфика стран БРИКС, характеризующаяся значительными культурными, институциональными и экономическими различиями, требует выработки гибких форм взаимодействия, в которых НКО обладают сравнительными преимуществами. В зарубежных исследованиях деятельность НКО в международном контексте традиционно рассматривается через призму концепций «мягкой силы» (soft power), народной и общественной дипломатии, что подчёркивает их роль в формировании благоприятного имиджа стран и выстраивании горизонтальных связей между обществами (Nye, 2004).

Анализ современной научной литературы свидетельствует о постепенном росте интереса к проблематике участия некоммерческих организаций в международном экономическом сотрудничестве. Фундаментальные исследования роли гражданского общества в глобальном управлении представлены в работах зарубежных авторов. Koch, Dreher, Nunnenkamp и Thiele проанализировали факторы распределения помощи неправительственными организациями (Koch et al., 2008). Keck и Sikkink обосновали концепцию транснациональных сетей адвокации и их влияние на международную повестку дня (Keck, Sikkink, 1998). Risse, Ropp и Sikkink исследовали механизмы воздействия международных норм на внутреннюю политику государств (Risse et al., 1999). Anheier, Glasius и Kaldor систематизировали подходы к изучению глобального гражданского общества (Anheier et al., 2001). Применительно к странам с разви-

вающейся экономикой значимый вклад внесли исследования Banks и Hulme, посвящённые анализу институциональной среды функционирования НКО и их взаимодействию с государством (Banks, Hulme, 2012).

Относительно объединения БРИКС имеется ограниченное число работ, рассматривающих роль негосударственных акторов. Исследователи отмечают формирование параллельных структур гражданского общества, включая Гражданский форум БРИКС, однако их влияние на экономические процессы остаётся дискуссионным вопросом (Перская, 2018). Важным каналом общественной дипломатии выступают регулярные международные мероприятия, такие как ежегодная Международная молодёжная волонтерская конференция «BRICS To You», способствующая формированию долгосрочных связей между НКО и молодёжными организациями стран-участниц. Критический анализ существующих публикаций позволяет констатировать, что в них недостаточно внимания уделяется конкретным механизмам, посредством которых НКО воздействуют на торгово-инвестиционное сотрудничество, отсутствует систематизация форм их деятельности и количественная оценка результатов.

Настоящее исследование призвано восполнить указанные пробелы путём комплексного анализа практик взаимодействия НКО стран БРИКС в экономической сфере. Научная новизна результатов заключается в разработке типологии механизмов влияния некоммерческого сектора на экономические связи между странами объединения, выявлении специфических барьеров и возможностей, а также формулировании рекомендаций по институционализации такого взаимодействия. Автор исходит из гипотезы, что НКО выполняют функции инфраструктурного обеспечения экономического сотрудничества, снижая транзакционные издержки и формируя социальный капитал, необходимый для развития устойчивых деловых связей.

Методологическая основа и теоретическая рамка исследования

Методологической основой исследования выступает институциональный подход, позволяющий рассматривать некоммерческие организации как специфические институты, структурирующие взаимодействие экономи-

ческих агентов в условиях институциональной неопределённости и культурного разнообразия. В качестве ключевой теоретической рамки автор использует концепцию социального капитала, разработанную в трудах Патнэма (Putnam, 1993; Putnam, 2000), Коулмана (Coleman, 1988) и Фукуямы (Fukuyama, 1995).

Согласно Р. Патнэму, социальный капитал представляет собой совокупность характеристик социальной организации – сетей, норм и доверия, которые облегчают координацию и сотрудничество ради взаимной выгоды (Putnam, 1993, p. 167). Дж. Коулман определяет социальный капитал через его функцию: это ресурс, заключённый в структуре отношений между индивидами и группами, который способствует достижению определённых целей, недостижимых в его отсутствие (Coleman, 1988). Применительно к международному экономическому взаимодействию социальный капитал проявляется в формировании горизонтальных сетей доверия и взаимности, снижающих оппортунизм и повышающих эффективность экономического обмена.

В контексте настоящего исследования НКО рассматриваются как генераторы социального капитала, действующие посредством трёх основных механизмов: 1) создание и укрепление сетей межличностных и межорганизационных связей между представителями разных стран; 2) формирование общих норм и правил взаимодействия, снижающих неопределённость; 3) укрепление межстранового доверия через повторяющиеся взаимодействия и совместные проекты. Данные механизмы способствуют снижению транзакционных издержек, которые в теории Уильямсона (Williamson, 1985) включают издержки поиска информации, ведения переговоров, контроля исполнения контрактов и защиты прав собственности.

В работе применяется комплекс методов исследования. Сравнительный анализ использован для сопоставления институциональных условий функционирования НКО в странах БРИКС, выявления общего и особенного в национальных моделях регулирования некоммерческого сектора. Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать законодательство стран-участниц в части регулирования деятельности НКО, их организационно-правовых форм и требований к международной деятель-

ности, что обеспечивает корректность сопоставления статистических данных (Дорожкин и др., 2023). В ходе контент-анализа программных документов, отчётов о деятельности и публикаций ведущих НКО систематизированы направления их работы в области экономического сотрудничества. Статистический анализ применён для оценки динамики развития некоммерческого сектора и его вклада в экономику стран объединения.

Эмпирическая база исследования включает официальную статистику национальных органов государственной власти стран БРИКС, данные международных организаций (Всемирный банк, ЮНКТАД, МОТ, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация), аналитические материалы Нового банка развития БРИКС, документы саммитов БРИКС 2014–2024 гг., аналитические материалы исследовательских центров, специализирующихся на проблематике БРИКС (включая Национальный комитет по исследованию БРИКС, Центр изучения БРИКС НИУ ВШЭ, BRICSPO), а также результаты мониторинга деятельности некоммерческих организаций в период 2021–2024 гг. Количественные оценки экономических эффектов деятельности НКО основаны на анализе данных о 1247 совместных проектах, реализованных организациями из разных стран БРИКС в 2015–2023 гг., информация о которых была получена из открытых источников.

Ограничения исследования связаны с недостаточной систематизацией и сопоставимостью статистических данных о некоммерческом сек-

торе в разных странах, различиями в национальных подходах к классификации НКО, а также закрытостью информации о финансовых потоках и результатах деятельности отдельных организаций.

Институциональная среда функционирования НКО в странах БРИКС

Прежде чем перейти к анализу институциональной среды функционирования НКО, необходимо охарактеризовать общий экономический контекст взаимодействия стран БРИКС и БРИКС+. В *таблице 1* представлены основные экономические показатели стран объединения, определяющие масштаб и направленность деятельности некоммерческих организаций. Объём внешнеторгового оборота и прямых иностранных инвестиций отражает интенсивность экономических связей, в рамках которых НКО выполняют посредническую функцию. Значительная дифференциация экономических показателей – от крупнейшей экономики Китая с товарооборотом почти 6 трлн долларов до небольших экономик Эфиопии (23 млрд долларов) – определяет различные модели участия НКО: в крупных экономиках они фокусируются на содействии масштабным торгово-инвестиционным проектам, тогда как в меньших – на развитии потенциала и привлечении ресурсов для экономического развития.

Некоммерческий сектор в странах БРИКС развивается в различных институциональных контекстах, отражающих специфику политических систем, правовых традиций и исторических траекторий развития гражданского общества. Для обеспечения корректности

Таблица 1. Основные экономические показатели стран БРИКС и БРИКС+

Страна	Экспорт товаров (млрд долл. США, 2023)	Импорт товаров (млрд долл. США, 2023)	Внешнеторговый оборот (млрд долл.)	ПИИ, приток (млрд долл., 2022)
Бразилия	339,7	287,1	626,8	91,0
Россия	425,3	285,0	710,3	-4,1
Индия	451,0	677,2	1 128,2	49,3
Китай	3 380,0	2 560,0	5 940,0	189,1
ЮАР	123,3	106,1	229,4	9,0
Египет*	44,5	89,7	134,2	11,4
Эфиопия*	4,8	18,2	23,0	3,7
Иран*	65,2	58,9	124,1	н/д
ОАЭ*	493,1	358,2	851,3	22,7

* Страны БРИКС+, присоединившиеся в 2024 году.
Составлено по: данные BRICS JSP 2024, Всемирного банка, ЮНКТАД.

Таблица 2. Организационно-правовые формы НКО в странах БРИКС

Страна	Основные организационно-правовые формы НКО
Бразилия	Ассоциации (associações), фонды (fundações), организации гражданского общества (OSCs), социальные организации (OS), организации общественных интересов (OSCIP)
Россия	Общественные организации, фонды, автономные некоммерческие организации (АНО), некоммерческие партнёрства, ассоциации и союзы, казачьи общества, религиозные организации
Индия	Общества (societies), трасты (trusts), компании по разделу 8 (Section 8 companies), кооперативы
Китай	Социальные организации (shehui tuanti), фонды (jijinhui), гражданские некоммерческие единицы (minban feiqiye danwei), GONGO
ЮАР	Некоммерческие организации (NPO), некоммерческие компании (NPC), трасты, добровольные ассоциации
Составлено по: национальное законодательство стран БРИКС.	

сравнительного анализа необходимо учитывать, что законодательство разных стран по-разному определяет организационно-правовые формы НКО. В *таблице 2* систематизированы типы организаций, относимых к некоммерческому сектору в каждой из стран.

Компаративный анализ национальных моделей регулирования НКО позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные различия, влияющие на возможности участия этих организаций в международном экономическом сотрудничестве. Следует отметить, что для целей настоящего исследования к НКО относятся организации, непосредственно участвующие в содействии экономическому сотрудничеству: бизнес-ассоциации, торгово-промышленные палаты, фонды развития, образовательные и исследовательские организации, организации технической помощи и социального предпринимательства. Религиозные организации, политические партии и государственные учреждения исключены из анализа, что обеспечивает сопоставимость данных между странами.

Согласно последним данным Бразильского института географии и статистики (IBGE), подготовленным совместно с Институтом прикладных экономических исследований (Ipea), в стране зарегистрировано более 897 000 действующих некоммерческих организаций. В 2024 году общее число действующих организаций составило 897 054, что превышает число зарегистрированных в 2023 году (879 326). Особенно бразильской модели выступает активное участие НКО в реализации государственных программ социально-экономического развития, что создаёт предпосылки для их включения в процессы экономической дипломатии. НКО обеспечивают около 2,2% совокупной занято-

сти (приблизительно 2,4 млн рабочих мест), вклад в ВВП оценивается в 1,7–2,0%¹.

Российская Федерация характеризуется более строгим регулированием некоммерческого сектора, особенно в части организаций, получающих иностранное финансирование. Законодательство предусматривает специальные требования к НКО, получившим статус иностранного агента, включая обязательную маркировку материалов и дополнительную отчётность. Вместе с тем важно подчеркнуть, что данный статус не запрещает деятельность организаций, а лишь устанавливает дополнительные требования к ее прозрачности. Аналогичные по сути требования к повышенной отчётности при получении иностранного финансирования существуют в Бразилии, Индии и Китае (Дорожкин и др., 2023). В последние годы в России наблюдается государственная поддержка институтов развития гражданского общества, включая создание специализированных фондов и программ грантовой поддержки проектов, направленных на укрепление международного сотрудничества в рамках БРИКС. По данным Министерства юстиции РФ, в реестре НКО насчитывается 221 665 организаций². Вопросы оценки общественной эффективности некоммерческого сектора экономики Российской Федерации детально рассмотрены в работе А.В. Огорокова (Огороков, 2024).

¹ IPEA – Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. Mapa das Organizações da Sociedade Civil. 2024. URL: <https://mapaosc.ipea.gov.br> (дата обращения: 10.02.2026).

² Министерство юстиции Российской Федерации. Информационный портал о деятельности некоммерческих организаций. URL: <https://unro.minjust.ru> (дата обращения: 10.02.2026).

Индия обладает давними традициями функционирования неправительственных организаций, уходящими корнями в период национально-освободительного движения. Сегодня в Индии работает более 3,3 млн зарегистрированных НКО, занятость в секторе превышает 12 млн человек (около 2,5% рабочей силы). Согласно исследованию Общества совместных исследований участия в Азии (PRIA), 73,4% НКО имеют одного оплачиваемого сотрудника или вообще не имеют их, при этом более 19 миллионов человек работают волонтерами. Отраслевая структура некоммерческого сектора Индии включает религиозную деятельность (26,5%), общественные и социальные услуги (21,3%), образование и культуру (17,9%)³.

Китайская Народная Республика демонстрирует специфическую модель организации некоммерческого сектора, характеризующуюся значительным государственным участием. Большинство крупных некоммерческих организаций, участвующих в международной деятельности, являются квазигосударственными структурами (GONGO – government-organized non-governmental organizations), тесно взаимодействующими с органами власти (Zhang, 2025). Тем не менее в последние годы наблюдается постепенная диверсификация сектора и рост числа независимых НКО, особенно в сфере экологии, образования и социального предпринимательства. По данным Министерства гражданской администрации КНР, в стране действует около 900 000 НКО, обеспечивающих занятость для 12–15 млн человек⁴.

Южно-Африканская Республика характеризуется наиболее развитым некоммерческим сектором среди африканских государств, что обусловлено историческим наследием борьбы против апартеида и активной ролью гражданского общества в процессе демократизации. Правовая база деятельности НКО в ЮАР является одной из наиболее либеральных, обеспечивая значительную степень свободы организаций и их доступ к международным ресурсам. По данным национального регистра, по состоянию на конец 2024 года в стране действует 289 184 зарегистрированных НКО. НКО обеспечивают примерно 1,5% ВВП и около 1,1 млн рабочих мест⁵.

Сопоставление данных таблиц 1 и 3 позволяет выявить определённые закономерности. Страны с более крупным внешнеторговым оборотом (Китай, Индия) обладают и более масштабным некоммерческим сектором по абсолютным показателям, однако доля занятых в НКО от численности населения в них ниже, чем в ЮАР или Бразилии. Это может объясняться как особенностями экономической структуры, так и различиями в регуляторной среде. Страны с более либеральным регулированием НКО (ЮАР, Бразилия) демонстрируют более высокую относительную занятость в секторе, что подтверждает значимость институциональной среды для развития некоммерческого сектора.

Таким образом, несмотря на существенные различия в подходах к регулированию, во всех странах БРИКС признается важность некоммерческого сектора для социально-экономиче-

Таблица 3. Сравнительные характеристики институциональной среды НКО в странах БРИКС

Страна	Количество НКО (тыс.)	Доля НКО в ВВП (%)	Занятость в секторе НКО (млн чел.)	% занятых в НКО от численности населения	Степень регуляторной свободы*
Бразилия	897,1	1,8	2,4	1,1	4
Россия	221,7	1,1	1,2	0,8	2
Индия	3 300,0	2,4	12,0	0,8	3
Китай	900,0	0,8	13,5	0,9	2
ЮАР	289,2	1,5	1,1	1,8	4

* По шкале от 1 до 5, где 5 – максимальная свобода.
Составлено по: данные национальных статистических служб, Всемирного банка, отчёты CIVICUS.

³ Society for Participatory Research in Asia (PRIA). Invisible, Yet Widespread: The Non-Profit Sector in India. New Delhi, 2002. URL: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-0-387-93996-4_445 (дата обращения: 16.02.2026).

⁴ Ministry of Civil Affairs of the People's Republic of China. Statistical Bulletin on Civil Affairs Development. 2024 URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202502/t20250228_1958822.html (дата обращения: 16.02.2026).

⁵ Council on Foundations. Nonprofit Law in South Africa. 2024. URL: <https://www.cof.org/country-notes/south-africa> (дата обращения: 16.02.2026).

ского развития. Вместе с тем различия в степени регуляторной свободы, доступе к ресурсам и возможностях международного взаимодействия создают асимметрию потенциалов национальных НКО и требуют выработки механизмов гармонизации правовых режимов для содействия трансграничному сотрудничеству (Brown, 2000).

Формы и механизмы участия НКО в укреплении экономических связей

Анализ практик деятельности некоммерческих организаций в пространстве БРИКС позволяет выделить четыре основные формы участия НКО в укреплении социально-экономических связей между странами объединения. Каждая из этих форм реализуется через специфические механизмы воздействия на субъекты экономической деятельности и институциональную среду взаимодействия, при этом все они способствуют накоплению социального капитала в понимании Патнэма – формированию сетей, норм и доверия, облегчающих координацию и сотрудничество.

Первая форма связана с содействием развитию торговых отношений путём организации бизнес-миссий, торговых выставок, форумов и конференций. Бизнес-ассоциации и торгово-промышленные палаты выполняют функции посредников между предпринимателями разных стран, обеспечивая информационную поддержку, организацию деловых контактов и лоббирование интересов бизнеса. В терминах теории социального капитала данные организации создают «связывающий» (bridging) капитал, соединяющий представителей разных стран и культур. Как отмечает А.О. Наумов с коллегами, роль таких организаций особенно значима в условиях культурных и языковых барьеров, характерных для взаимодействия стран БРИКС (Наумов и др., 2023). Российский союз промышленников и предпринимателей, Конфедерация промышленности Индии (СII), Китайский совет содействия международной торговле (ССРИТ) и аналогичные структуры активно развивают двусторонние и многосторонние форматы взаимодействия (Марков, 2024).

Вторая форма охватывает деятельность научно-образовательных НКО и университетских альянсов, ориентированных на реализацию совместных исследовательских проектов и обмен знаниями. В отличие от образователь-

ных обменов, этот формат нацелен на создание конкретных интеллектуальных продуктов и инновационных решений, что напрямую способствует формированию общего научно-технологического пространства. Согласно исследованию М.А. Лукашенко с коллегами, в 2024 году только 10 ведущих российских вузов опубликовали 998 статей совместно с зарубежными организациями, значительная часть которых приходится на партнёров из БРИКС (Лукашенко и др., 2025).

Институциональная основа для научно-образовательного взаимодействия включает разнообразные организационные формы: совместные научные центры и лаборатории (например, Центр фундаментальных наук НГУ и Чунцинского университета), экспертные советы и ассоциации (Экспертный совет по вопросам участия России в БРИКС в НИУ ВШЭ), крупные международные форумы (Форум ректоров университетов стран БРИКС). Особого внимания заслуживает система российско-китайских образовательных ассоциаций (табл. 4).

Анализ данных таблицы 4 демонстрирует формирование глубоко диверсифицированной системы научно-образовательной интеграции. Ассоциация технических университетов (39 российских и 35 китайских вузов) и Ассоциация медицинских университетов (49 и 55 вузов соответственно) создают критическую массу участников для совместных исследований в стратегических отраслях. Значительный перевес китайских вузов в Ассоциации транспортных вузов (100 против 20) и региональной ассоциации «Дальний Восток и Сибирь – Северо-Восток КНР» (73 против 20) указывает на целенаправленное выстраивание взаимодействия в сферах, имеющих особое геоэкономическое значение.

Третья форма охватывает деятельность НКО в сфере трансфера технологий и содействия инновационному развитию. Технологические платформы, инкубаторы, акселераторы и венчурные фонды способствуют коммерциализации результатов научных исследований и распространению передовых практик. Примером служит деятельность Международного альянса стратегических проектов (МАСП) БРИКС, который в 2024 – первой половине 2025 года провёл более 150 мероприятий, организовал более 19 зарубежных делегаций в страны БРИКС и

Таблица 4. Российско-китайские образовательные ассоциации

№	Российско-китайская ассоциация	Российские вузы-участники	Китайские вузы-участники
1	Ассоциация классических университетов России и Китая	20	31
2	Российско-китайская ассоциация вузов культуры и искусств	30	14
3	Китайско-российский альянс сельскохозяйственного образования и инновационных исследований	9	8
4	Ассоциация технических университетов России и Китая	39	35
5	Ассоциация университетов «Волга – Янцзы»	49	38
6	Китайско-российский союз высших педагогических учебных заведений	12	10
7	Российско-китайская ассоциация медицинских университетов	49	55
8	Союз журналистского образования вузов Китая и России	15	21
9	Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и северо-восточных регионов КНР	20	73
10	Китайско-российская ассоциация университетов искусств	3	7
11	Ассоциация ректоров транспортных вузов России и Китая	20	100
12	Российско-китайская ассоциация экономических университетов	18	20
13	Российско-китайская ассоциация университетов туризма и гостеприимства	7	14

Составлено по: данные ruschinalliance.unesco.ru.

принял 17 иностранных делегаций в России. Данная деятельность генерирует социальный капитал посредством создания повторяющихся взаимодействий, формирующих доверие между участниками (Kiselev, Nechaeva, 2018).

Четвёртая форма представлена социально ориентированными НКО, работающими в области устойчивого развития, инклюзивной экономики и социального предпринимательства. Эти организации содействуют вовлечению маргинализированных групп населения в экономическую деятельность, развитию микрофинансирования и поддержке малого предпринимательства. Экономический эффект деятельности социально ориентированных НКО проявляется опосредованно через расширение потребительского рынка, формирование новых сегментов спроса и создание рабочих мест (Weerawardena et al., 2010).

На основе консолидации данных из отчётов Всемирного банка, Международной организации труда, национальных статистических служб и специализированных исследований микрофинансового сектора автором получены следующие оценки экономических эффектов деятельности социально ориентированных НКО в странах БРИКС:

— охват микрофинансированием: социально ориентированные НКО и микрофинансовые организации обеспечивают доступ к финансо-

вым услугам для 45–60 млн домохозяйств, не охваченных традиционной банковской системой, с совокупным портфелем микрокредитов около 35–42 млрд долларов (оценка автора на основе данных CGAP, MIX Market, национальных регуляторов);

— создание рабочих мест: программы поддержки социального предпринимательства при содействии НКО способствуют созданию 2,5–3,2 млн рабочих мест ежегодно, преимущественно в сельских районах и депрессивных городских территориях (оценка на основе данных MOT, Росстата, IBGE, NBS China);

— вовлечение маргинализированных групп: программы НКО по экономической инклюзии охватывают 18–25 млн человек из уязвимых категорий населения.

Дискуссия: спорные вопросы и альтернативные подходы

Роль некоммерческих организаций в международном экономическом сотрудничестве остаётся предметом научной дискуссии. Критический анализ существующих позиций позволяет более объективно оценить перспективы участия НКО в укреплении экономических связей в рамках БРИКС (Nurhayati et al., 2025).

Первый дискуссионный вопрос касается самой природы объединения БРИКС и его способности к углублению интеграции. Ряд исследователей рассматривает БРИКС преимуще-

ственно как политический проект и скептически оценивает перспективы развития реального экономического сотрудничества (Jacobs, Van Rossem, 2014). Представленные в настоящем исследовании эмпирические данные – 1247 совместных проектов НКО за 2015–2023 гг., более 330 университетов, участвующих в образовательных ассоциациях только между Россией и Китаем, 150+ мероприятий МАСП БРИКС за год – свидетельствуют о наличии реального содержательного сотрудничества на уровне гражданского общества. Автор полагает, что экономические интересы стран БРИКС в диверсификации партнёрств создают реальную основу для углубления сотрудничества, в котором НКО играют вспомогательную, но важную роль (Марков, 2024).

Второй спорный момент связан с оценкой степени автономности некоммерческого сектора в странах БРИКС (Попова, 2019). Критики указывают на высокую степень зависимости многих НКО от государственного финансирования и контроля, особенно в Китае, где большинство международных НКО являются квазигосударственными структурами. Данные таблицы 3 показывают, что степень регуляторной свободы существенно различается – от 2 баллов (Россия, Китай) до 4 баллов (Бразилия, ЮАР). Вместе с тем даже в условиях ограниченной автономии НКО способны выполнять полезные функции по содействию экономическому взаимодействию, о чём свидетельствует масштаб их деятельности (Петроне, 2021).

Третья дискуссионная проблема касается соотношения экономических и политических функций НКО. Некоторые исследователи (Эсенбаева, Кузнецов, 2024) фокусируются на макроэкономических аспектах сотрудничества БРИКС, включая дедолларизацию, отводя НКО второстепенную роль. Автор разделяет точку зрения, согласно которой экономическая интеграция имеет социокультурное измерение, где НКО обладают сравнительными преимуществами. Формирование доверия и развитие деловых сетей – области, где некоммерческий сектор незаменим.

Четвёртый вопрос относится к оптимальной модели институционализации взаимодействия НКО. Существуют различные подходы: от создания формализованной структуры до сохра-

нения гибких сетевых взаимодействий⁶. Автор придерживается позиции поэтапной институционализации.

Пятый аспект связан с влиянием расширения БРИКС на перспективы взаимодействия НКО. Nach и Ncwadi отмечают, что включение новых членов создаёт дополнительные возможности, но усложняет координацию. Автор полагает, что расширение создаёт благоприятные условия для НКО, увеличивая потенциальное поле для деятельности (Nach, Ncwadi, 2024).

Шестой вопрос касается соотношения экономических и социально-гуманитарных функций НКО. В.В. Перская справедливо отмечает, что партнёрство БРИКС направлено на обеспечение не только экономического роста, но и повышения благосостояния народов (Перская, 2018). Автор полагает, что экономические и социальные функции взаимодополняемы, и наиболее эффективными оказываются проекты, их интегрирующие.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что некоммерческие организации представляют собой значимый, хотя и недостаточно задействованный ресурс укрепления социально-экономических связей между странами БРИКС. Анализ институциональной среды функционирования НКО выявил существенную гетерогенность национальных моделей регулирования некоммерческого сектора, варьирующихся от относительно либеральных режимов в Бразилии и Южной Африке до значительно более ограничительных в Китае и России, что создаёт структурные препятствия для трансграничного взаимодействия, но одновременно открывает возможности для выработки гибких механизмов сотрудничества.

Систематизация форм участия НКО в социально-экономическом взаимодействии стран БРИКС продемонстрировала многообразие каналов их влияния, охватывающих содействие торговым отношениям, формирование общего научно-образовательного

⁶ Чуков Р.С. (2017). Проблемы и перспективы глобальной институционализации в современной мировой политике: на примере «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург.

пространства, трансфер технологий и содействие инклюзивному развитию. Применение теоретической рамки социального капитала позволило концептуализировать механизмы воздействия НКО: они генерируют «связывающий» социальный капитал через создание межстрановых сетей, формирование общих норм и укрепление доверия, что приводит к снижению транзакционных издержек между-народного взаимодействия.

Количественная оценка эффектов деятельности некоммерческого сектора подтверждает его заметный вклад в экономики стран БРИКС: НКО обеспечивают от 0,8 до 2,4% ВВП, создают миллионы рабочих мест и ежегодно реализуют сотни совместных проектов. Особую значимость приобретает деятельность научно-образовательных НКО, создающих интеллектуальную инфраструктуру для долгосрочного сотрудничества.

Расширение БРИКС до формата БРИКС+ в 2024 году создаёт как дополнительные возможности, так и новые вызовы для некоммер-

ческого сектора. Включение Египта, Эфиопии, Ирана и ОАЭ увеличивает институциональное и культурное разнообразие объединения, требуя более гибких механизмов взаимодействия. Вместе с тем расширение географии сотрудничества открывает новые направления для деятельности НКО как инструментов «мягкой силы» и общественной дипломатии.

Результаты исследования подтверждают исходную гипотезу о том, что некоммерческие организации выполняют функции инфраструктурного обеспечения экономического сотрудничества стран БРИКС, снижая информационные и культурные барьеры, формируя сети доверия и взаимности, развивая человеческий капитал и способствуя инновационному развитию. Реализация данного потенциала в полной мере возможна при условии целенаправленных усилий по институционализации взаимодействия НКО, гармонизации национальных регулятивных режимов и создания устойчивых механизмов поддержки совместных проектов.

Литература

- Дорожкин А.В., Ямалова Э.Н., Шеожев Х.В. (2023). Политика и национальная идеология: оценка регулирующего воздействия Федерального закона о некоммерческих организациях. *Общество: политика, экономика, право*. № 2 (118). С. 98–114. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-118-98-114
- Лукашенко М.А., Алексеева Е.В., Добровольская Т.Ю., Шавырина А.А. (2025). Коллаборации российских университетов с вузами БРИКС: формы, результаты, возможности // *Высшее образование в России*. Т. 34. № 3. С. 52–76. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-3-52-76
- Марков А.П. (2024). БРИКС как цивилизационная альтернатива западной гегемонии: проблемы и ресурсы солидарности народов и культур // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 4 (120). С. 28–38. DOI: 10.24412/1997-0803-2024-4120-28-38
- Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В. (2023). Культурная дипломатия группы БРИКС // *Государственное управление. Электронный вестник*. № 100. С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18
- Окороков А.В. (2024). Оценка общественной эффективности некоммерческого сектора экономики Российской Федерации // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. Т. 17. № 2. С. 232–244. DOI: 10.24891/fa.17.2.232
- Перская В.В. (2018). Взаимодействие стран БРИКС – инициатива перехода к новому мировому порядку // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. № 1–2.
- Петроне Ф. (2021). БРИКС и гражданское общество: вызовы и будущие перспективы в многополярном мире // *Вестник международных организаций*. Т. 16. Т. 4. С. 171–195. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-08
- Попова И.М. (2019). Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 4. С. 72–88. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-04
- Эсенбаева С.Р., Кузнецов А.В. (2024). Дедолларизация и валютно-финансовое сотрудничество БРИКС // *Мировая экономика и мировые финансы*. Т. 3. № 1. С. 62–68. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0080
- Anheier H.K., Glasius M., Kaldor M. (2001). *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press.

- Banks N., Hulme D. (2012). *The role of NGOs and civil society in development and poverty reduction. GDI Working Paper 17112*. The University of Manchester.
- Brown B. (2000). The power of human rights: International norms and domestic change. *American Foreign Policy Interests*, 22, 36–39. DOI: 10.1080/10803920.2000.10392062
- Coleman J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, S95–S120.
- Fukuyama F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Free Press.
- Jacobs L., Van Rossem R. (2014). The BRIC phantom: A comparative analysis of the BRICs as a category of rising powers. *Journal of Policy Modeling*. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2013.10.008
- Keck M.E., Sikkink K. (1998). *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Cornell University Press.
- Kiselev V., Nechaeva E. (2018). Priorities and possible risks of the BRICS countries' cooperation in science, technology and innovation. *BRICS Law Journal*, 4.
- Koch D.-J., Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. (2008). *Keeping a Low Profile: What Determines the Allocation of Aid by Non-Governmental Organizations? Kiel Working Paper 1406*.
- Nach M., Ncwadi R. (2024). BRICS economic integration: Prospects and challenges. *South African Journal of International Affairs*, 31(2), 151–166. DOI: 10.1080/10220461.2024.2380676
- Nurhayati D., Ahzab M., Sudarwat, N. (2025). The role of BRICS countries in global cooperation and contribution to world economic stability. *Digital Innovation: International Journal of Management*, 2, 162–173. DOI: 10.61132/digitalinnovation.v2i4.542
- Nye J. S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs.
- Putnam R.D. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon & Schuster.
- Risse T., Ropp S.C., Sikkink K. (1999). *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change*. Cambridge University Press.
- Sikkink K. (2011). *The Justice Cascade: How Human Rights Prosecutions Are Changing World Politics*. W.W. Norton & Company.
- Weerawardena J., McDonald R., Sullivan Mort G. (2010). Sustainability of nonprofit organizations: An empirical investigation. *Journal of World Business*, 45, 346–356. DOI: 10.1016/j.jwb.2009.08.004
- Williamson O.E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism*. Free Press.
- Zhang Y. (2025). Staging legality: How legitimacy budgeting codifies symbolic governance in China's charity law. *Law & Social Inquiry*, 1–34. DOI: 10.1017/lisi.2025.10102

Сведения об авторе

Михаил Юрьевич Грядунов – кандидат экономических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82; e-mail: m.gryadunov@gmail.com); директор, АНО «Научный центр „Доктрина”» (Российская Федерация, 127349, г. Москва, Алтуфьевское ш., д. 102)

Gryadunov M.Yu.

Interaction of Non-Profit Organizations as a Factor Influencing Socio-Economic Ties among BRICS Countries

Abstract. This study examines the role of non-profit organizations (NPOs) as an underappreciated instrument for strengthening socio-economic integration among BRICS countries amidst the transformation of the global architecture and sanctions pressure. The relevance of this work stems from the need to identify alternative mechanisms of economic interaction capable of offsetting the constraints imposed by formal institutions. Its scholarly novelty lies in developing a typology of

mechanisms through which NPOs influence economic ties within the association, encompassing four primary forms: facilitating trade relations through business associations, shaping a common scientific and educational space, enabling technology transfer and supporting innovative entrepreneurship, and fostering social entrepreneurship and an inclusive economy. Non-profit organizations are considered instruments of soft power and public diplomacy, contributing to the formation of social capital as conceptualized by R. Putnam and J. Coleman – namely, horizontal networks of trust that lower the transaction costs of international engagement. Unlike existing research focusing on intergovernmental cooperation, this study systematizes the practices of non-state actors and quantitatively assesses their economic impact. The methodological framework integrates the institutional approach, the concept of social capital, and comparative legal analysis, employing methods of comparative, content, and statistical analysis. The empirical base encompasses data on 1,247 joint projects undertaken by non-profit organizations from BRICS countries between 2015 and 2023, as well as official statistics from national bodies and international organizations. The findings indicate that NPOs contribute approximately 1–4% of the association’s GDP, create millions of jobs, and reduce transaction costs in international engagement. A significant institutional heterogeneity in national regulatory models governing the non-profit sector is identified, creating barriers to cross-border cooperation. Study limitations include the incomparability of statistical data and the lack of transparency regarding financial flows within the alliance. Future research avenues include longitudinal analysis of NPO activities’ effects and comparative studies with the experience of other regional associations.

Key words: BRICS, non-profit organizations, economic cooperation, international integration, civil society, technology transfer, business networks, social entrepreneurship, social capital, soft power, public diplomacy.

Information about the Author

Mikhail Yu. Gryadunov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: m.gryadunov@gmail.com); director, Autonomous Non-Profit Organization Scientific Center “Doctrine” (102, Altufyevskoe Highway, Moscow, 127349, Russian Federation)

Статья поступила 24.11.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (февраль 2026 г.), а также за период с февраля 2025 по февраль 2026 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока), 2023 (последний полный год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.²

В декабре 2025 – феврале 2026 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ остался без изменений и составил 64–65%. Доля отрицательных суждений – 20%.

За последние 12 месяцев (с февраля 2025 по февраль 2026 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства снизилась с 66 до 64%. Доля отрицательных суждений осталась неизменной.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

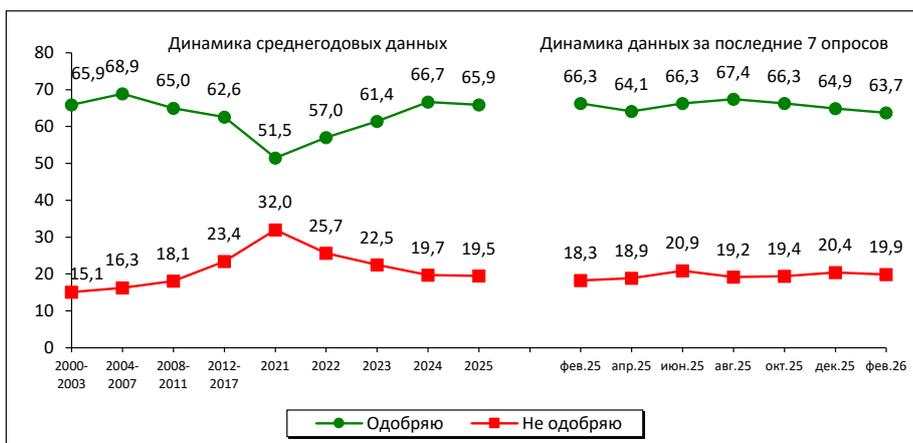
Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов						Изменение (+/-), фев. 2026 к		
	2000	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	фев. 2025	дек. 2025
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	66,3	64,1	66,3	67,4	66,3	64,9	63,7	-3	-1
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5	18,3	18,9	20,9	19,2	19,4	20,4	19,9	+2	-1
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	–	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4	54,7	53,9	53,0	55,1	55,7	54,0	51,1	-4	-3
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5	23,8	22,3	22,9	20,6	23,1	22,2	21,3	-3	-1
Губернатор*																		
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5	46,8	42,9	39,9	41,0	41,8	42,8	40,2	-7	-3
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2	31,4	34,6	37,2	39,1	41,3	39,3	39,0	+8	0

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»

*31 октября 2023 г. Указом Президента РФ временно исполняющим обязанности Губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Одобрю	-3	-1
Не одобряю	+2	-1

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

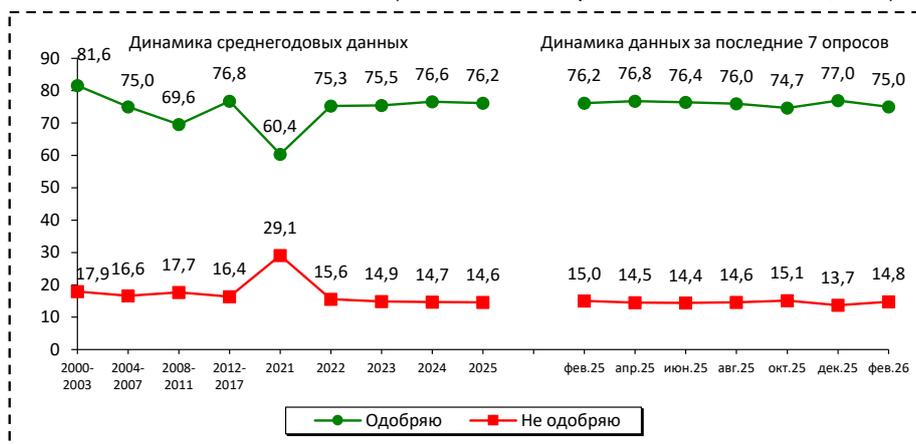
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с декабря 2025 по февраль 2026 г. составил 75–77%. Удельный вес негативных отзывов – 14–15%.

В среднем за последние 12 месяцев оценки населения в целом соответствуют уровню поддержки деятельности главы государства в феврале 2025 г.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Одобр. (зеленая)	-1	-2
Не одобряю (красная)	0	+1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за февраль – среднее за два опроса: от 01.02.2026 и 08.02.2026.

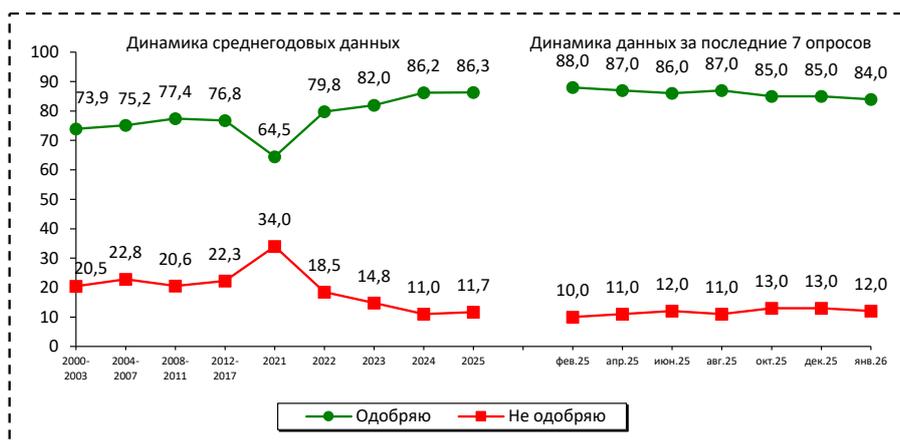
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в декабре 2025 – январе 2026 г. составил 84–85%.

По сравнению с февралем 2025 г. в феврале 2026 г. доля положительных оценок снизилась на 4 п. п. (с 88 до 84%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), янв. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Одобр. (зеленая)	-4	-1
Не одобряю (красная)	+2	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

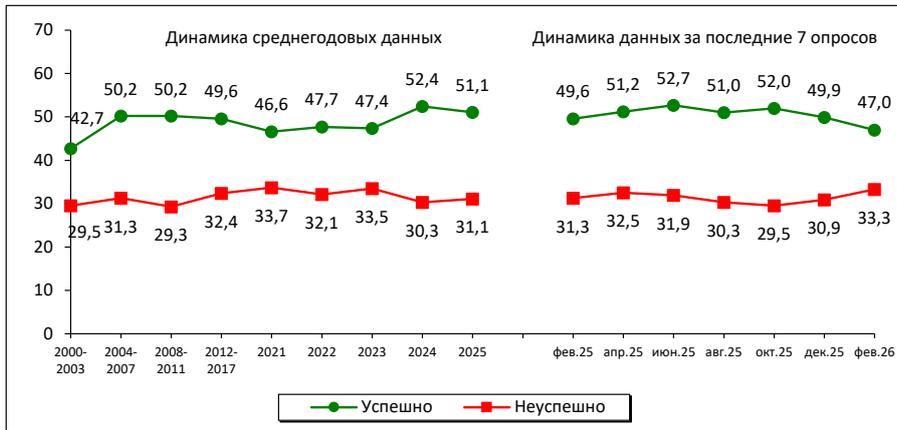
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, с декабря 2025 по февраль 2026 г. снизилась с 50 до 47%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, повысился с 31 до 33%.

За последние 12 месяцев доля положительных суждений о работе главы государства по решению международных вопросов незначительно снизилась (на 3 п. п., с 50 до 47%).

Укрепление международных позиций России

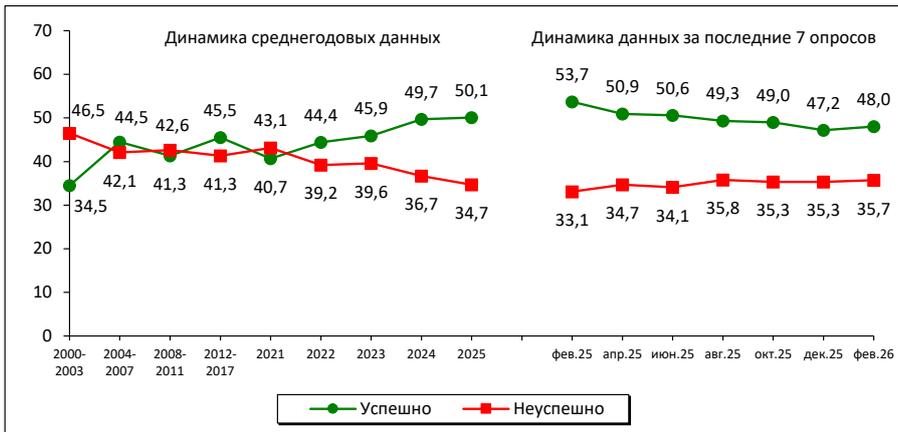
Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Успешно	-3	-3
Неуспешно	+2	+2

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности Президента РФ по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 48%, отрицательных – 35–36%.

С февраля 2025 по февраль 2026 г. на 6 п. п. (с 54 до 48%) снизился удельный вес считающих, что Президент РФ успешно справляется с наведением порядка в стране.

Наведение порядка в стране

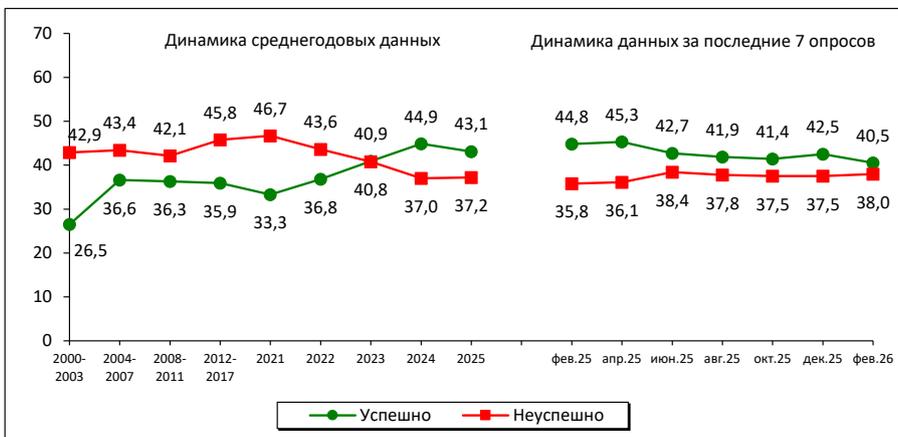
Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Успешно	-6	+1
Неуспешно	+3	0

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

В феврале 2026 г. по сравнению с декабрем 2025 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, незначительно снизилась (с 43 до 41%).

За последние 12 месяцев наблюдаются негативные изменения. Удельный вес одобряющих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан снизился на 4 п. п. (с 45 до 41%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

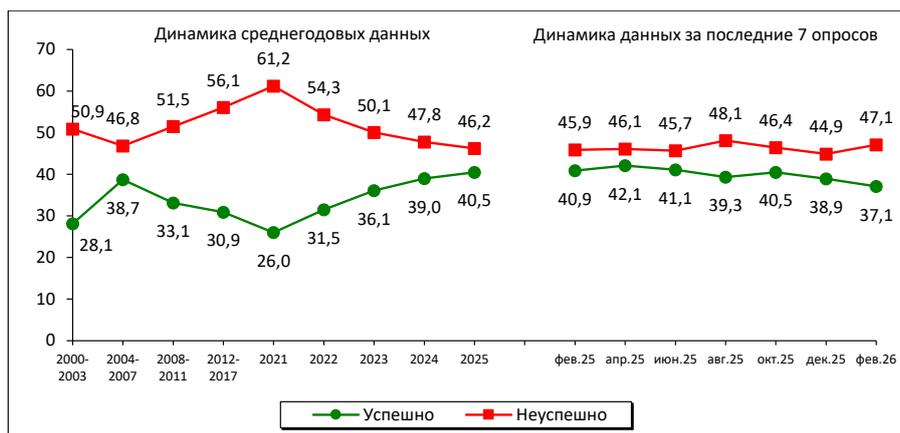
Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Успешно	-4	-2
Неуспешно	+2	+1

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за декабрь 2025 – февраль 2026 г. существенно не изменилась и составила 37–39%.

С декабря 2025 по февраль 2026 г. снизился удельный вес позитивных суждений относительно деятельности главы государства по решению экономических вопросов (на 4 п. п., с 41 до 37%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Успешно	-4	-2
Неуспешно	+1	+2

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Структура партийно-политических предпочтений жителей области сохраняет стабильность. Большинство опрошенных (36–38%) по-прежнему поддерживают партию «Единая Россия». Далее следуют КПРФ (9–10%), ЛДПР (9%), «Справедливая Россия» (3–4%) и «Новые люди» (2–3%).

За последние 12 месяцев снизился удельный вес людей, отмечающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия» (на 4 п. п., с 40 до 36%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	2025	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	фев. 2025	дек. 2025
Единая Россия	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	39,9	40,5	41,6	41,2	40,5	38,1	36,1	-4	-2
КПРФ	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	8,8	8,0	9,1	11,5	10,5	9,7	9,2	0	-1
ЛДПР	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	7,5	7,1	9,4	8,7	7,8	8,6	8,9	+1	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	2,3	2,9	3,9	4,2	3,4	4,1	3,1	0	-1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	3,1	3,0	2,5	1,8	2,2	2,5	2,4	0	0
Другая	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0	0
Никакая	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	28,4	27,7	24,9	23,3	24,3	26,1	29,1	+1	+3
Затрудняюсь ответить	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	9,7	10,8	8,5	9,2	11,3	10,7	11,0	+1	0

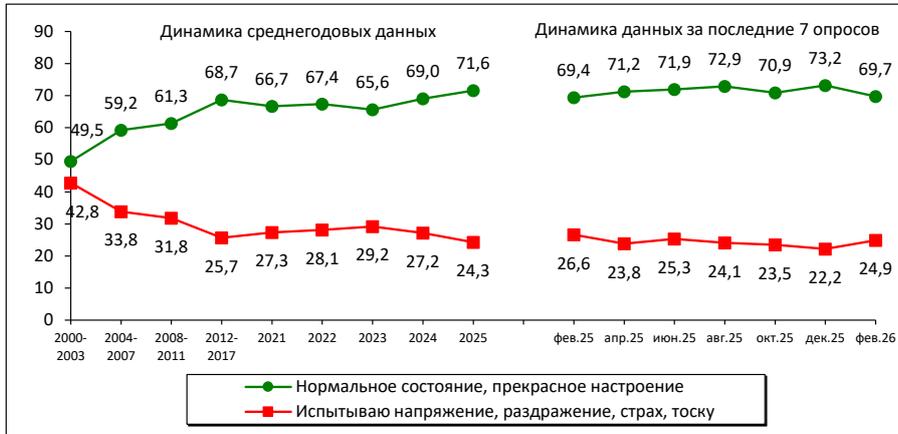
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г. Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения снизился на 4 п. п. (с 73 до 69%).

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», не изменилась и составила 69%. Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», составил 25–27%.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Нормальное состояние, прекрасное настроение	0	-4
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-2	+3

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 81–83% жителей области в декабре 2025 – феврале 2026 г. отметили, что «всё не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 10–12%.

В феврале 2026 г. показатель запаса терпения сохранился на уровне февраля 2025-го и составил 80–81%.

Запас терпения

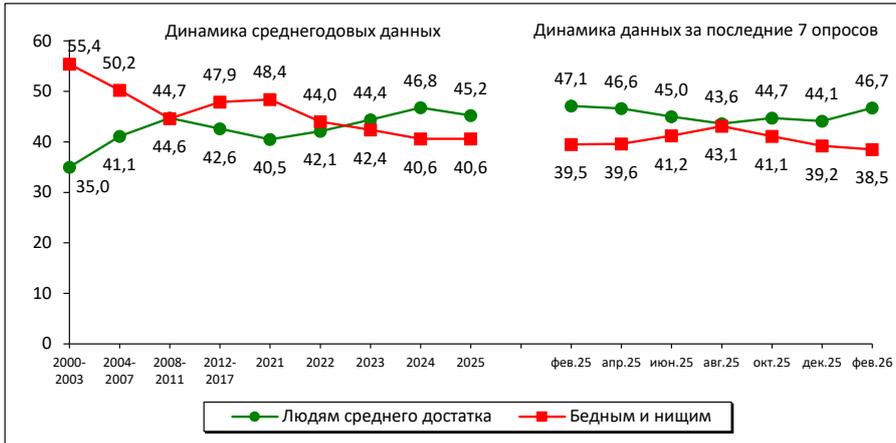
Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	-2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-3	+2

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

В феврале 2026 г. зафиксирован незначительный рост доли респондентов, идентифицирующих себя как людей «среднего достатка». По сравнению с декабрем 2025 г. данный показатель увеличился на 3 п. п., достигнув 47%.

За 12 месяцев в социальной самоидентификации жителей области существенных изменений не произошло.

Социальная самоидентификация

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0	+3
Доля считающих себя бедными и нищими	-1	-1

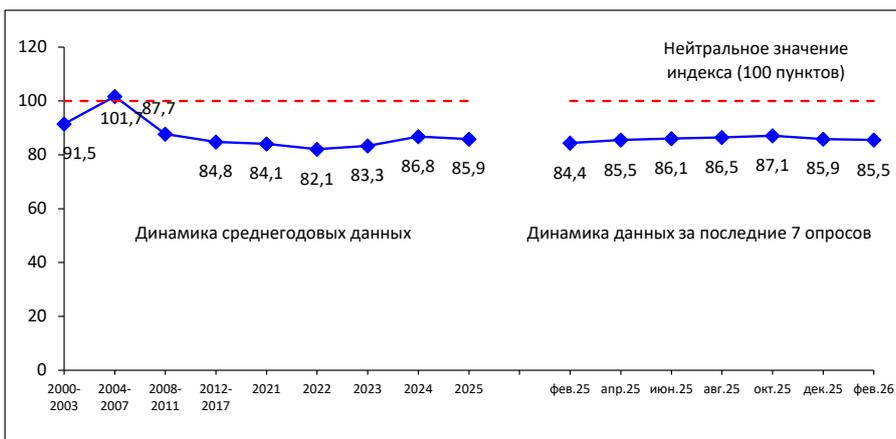
Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Индекс потребительских настроений (ИПН) в декабре 2025 – феврале 2026 г. составил 86 пунктов.

За год измерений также отсутствуют значимые изменения: ИПН составлял 84–86 пунктов.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Значение индекса, в пунктах	+1	0

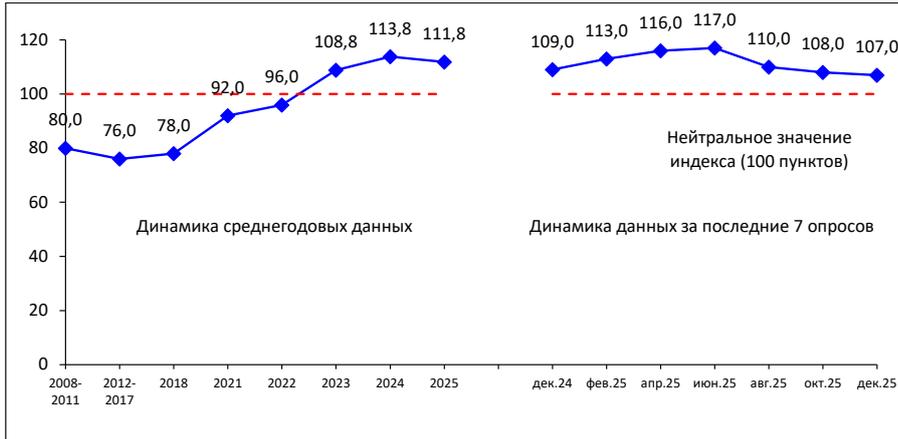
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с октября по декабрь 2025 г.), индекс потребительских настроений составил 107–108 пунктов.

С декабря 2024 по декабрь 2025 г. ИПН существенных изменений не претерпел. При этом во втором полугодии 2025 года наметился отрицательный тренд: с июня по декабрь 2025 г. ИПН снизился на 10 пунктов (со 117 до 107 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России³)

Вариант ответа	Изменение (+/-), декабрь 2025 к	
	дек. 2024	окт. 2025
Значение индекса, в пунктах	-2	-1

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за декабрь 2025 г.

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В период с декабря 2025 по февраль 2026 г. негативная динамика социального настроения затронула половину социально-демографических групп (7 из 14). Наиболее заметное снижение доли положительных оценок зафиксировано среди респондентов в возрасте до 30 лет (на 5 п. п.) и 30–55 лет (на 5 п. п.), а также среди людей со средним образованием и ниже (на 5 п. п.). В остальных 7 группах показатель остался без изменений. При этом позитивные сдвиги отсутствуют.

³ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyy-indeks-potrebitelskihnastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За год рост доли позитивных оценок социального настроения зафиксирован лишь в одной группе – среди 20% наиболее обеспеченных: показатель увеличился на 10 п. п. (с 78 до 88%).

Ухудшение настроений произошло в трех группах:

- ✓ среди молодежи до 30 лет – снижение на 10 п. п. (с 80 до 70%);
- ✓ среди 20% наименее обеспеченных – на 8 п. п. (с 56 до 48%);
- ✓ среди лиц со средним образованием и ниже – на 4 п. п. (с 65 до 61%).

В большинстве социально-демографических групп (в 10 из 14) показатель социального настроения остался без изменений.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	фев. 2025	дек. 2025
Пол																	
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	70,1	68,8	71,6	72,1	68,2	73,3	69,1	-1	-4
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	68,8	73,1	72,2	73,5	73,1	73,1	70,1	+1	-3
Возраст																	
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	79,9	76,7	76,7	78,1	75,2	74,3	69,5	-10	-5
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	70,2	74,1	74,1	74,9	73,9	78,4	73,6	+3	-5
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	64,6	65,8	67,6	68,6	65,9	66,6	64,9	0	-2
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	64,6	65,6	68,4	70,3	68,4	66,1	60,6	-4	-5
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	71,8	74,8	74,1	73,6	71,4	75,6	71,6	0	-4
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	71,4	73,4	73,0	74,7	73,1	77,6	74,7	+3	-3
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	55,9	56,9	56,1	58,3	53,3	50,7	48,2	-8	-3
60% средне-обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	70,5	72,6	74,4	73,1	73,1	75,2	72,2	+2	-3
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	77,9	81,3	84,1	83,8	84,8	89,4	87,7	+10	-2
Территории																	
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	66,7	68,6	69,5	72,9	71,4	71,9	68,1	+1	-4
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	69,9	71,5	72,5	75,0	73,2	76,3	73,0	+3	-3
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	70,7	72,7	73,1	71,6	69,3	72,2	68,7	-2	-4
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	69,4	71,2	71,9	72,9	70,9	73,2	69,7	0	-4
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения															14:	14:	
															1/10	0/7	
															/3	/7	
Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																	

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в январе – феврале 2026 года в условиях сохраняющейся внешнеполитической напряженности на фоне переговорных процессов об урегулировании украинского конфликта, продолжающейся смены архитектуры мирового порядка и концентрации фокуса внимания общества на внутренней социально-экономической повестке. Спустя четыре года проведения СВО наблюдается переход от мобилизационной консолидации первых лет СВО к фазе «рефлексии». Население не просто адаптируется к современным реалиям, но и становится всё более требовательным к органам власти относительно повышения уровня и качества жизни, решения вопросов социальной справедливости.

Переход от приспособления населения к кризисным условиям к запросу на улучшение качества жизни и ответственности властей за этот процесс зафиксировали данные мониторинга. С одной стороны, сохраняется стабильно высокий уровень поддержки Президента РФ (64–65%) и запас терпения (81–83%). С другой стороны, впервые за длительный период (с февраля 2025 г.) наблюдается устойчивое снижение ряда важнейших показателей.

Так, в феврале 2026 года по сравнению с февралем 2025 года уровень поддержки Президента РФ фактически не изменился (снижение на 2 п. п., с 66 до 64%). При этом более выраженная негативная динамика фиксируется в оценках его работы по конкретным направлениям:

- ✓ доля положительных оценок деятельности Президента РФ по наведению порядка в стране снизилась на 6 п. п. (с 54 до 48%);
- ✓ по защите демократии – на 4 п. п. (с 37 до 41%);
- ✓ по подъему экономики – на 4 п. п. (с 41 до 37%);
- ✓ по укреплению международных позиций России – на 3 п. п. (с 50 до 47%).

Изменения незначительны, но отмечаются по всем ключевым направлениям деятельности главы государства. При этом также снизился уровень одобрения деятельности Председателя Правительства РФ (на 4 п. п., с 55 до 51%), главы региона – на 7 п. п. (с 47 до 40%), поддержка партии «Единая Россия» – на 4 п. п. (с 40 до 36%).

Тревожным сигналом является ухудшение социального настроения в некоторых группах населения. В частности, за год доля позитивных оценок своего эмоционального состояния среди молодежи до 30 лет снизилась на 10 п. п. (с 80 до 70%), а среди 20% наименее обеспеченных – на 8 п. п. (с 56 до 48%). При этом среди 20% наиболее обеспеченных жителей области, напротив, зафиксирован рост доли положительных оценок социального настроения (на 10 п. п., с 78 до 88%), что свидетельствует о разнонаправленной динамике и усилении социального расслоения, неравенства.

Индекс потребительских настроений (ИПН) сохраняется на уровне 84–85 пунктов, не показывая выраженного роста. Отсутствие изменений отражает стагнацию потребительской активности и сохранение сдержанных ожиданий населения относительно будущего.

Таким образом, результаты мониторинга за февраль 2026 года фиксируют небольшое снижение доли позитивных оценок деятельности власти на региональном и федеральном уровнях. Основной зоной риска становится внутренняя политика, в том числе экономическая повестка и материальное положение граждан: негативные изменения в оценках работы Президента РФ по решению экономических вопросов, наведению порядка в стране сопровождаются ухудшением самочувствия низкодоходных групп и молодежи. Появляются признаки накопления социального напряжения, которое, впрочем, пока что сдерживается высоким запасом терпения и не приняло форму устойчивой тенденции.

Как отметил руководитель ВЦИОМ В. Федоров в декабре 2025 года, «армия воюет, народ смотрит по телевизору, через telegram-каналы..., как наши войска преодолевают сопротивление врага, и беспокоится о другом: об экономике, зарплатах, работе, ценах, образовании детей,

здравоохранении...»⁴ По результатам социологических опросов Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) в российском обществе сегодня существует три главных запроса:

1. «Просто МИР» (66%) – завершение СВО как главное невысказанное желание.
2. «Дайте выдохнуть» (62%) – требование остановить рост цен и тарифов.
3. «Верните мой интернет» (62%) – запрос на цифровую нормальность без «электронного концлагеря»⁵.

Таким образом, в целом полученные на территории Вологодской области данные соотносятся с оценками российских экспертов и указывают на необходимость повышения эффективности государственного управления для поддержания позитивной динамики общественных настроений, предотвращения их дальнейшего ухудшения. Это требует усиления адресной социальной политики и особого внимания к экономическим ожиданиям людей, что соответствует задачам, поставленным в государственной социальной политике и национальных проектах.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁴ Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>

⁵ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КППФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgaprk916136109>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева

Подписано в печать 26.02.2026.
Дата выхода в свет 02.03.2026.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 37,45. Тираж 500 экз. Заказ № 9.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru